

В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

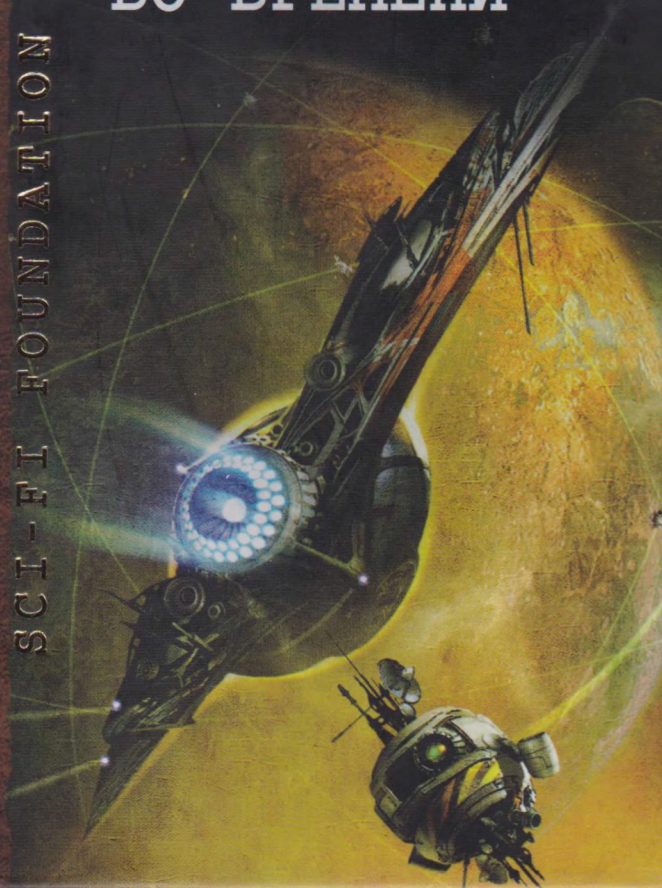
ТОРГОВЦЫ
ВО
ВРЕМЕНИ

Вся

НОРТОН

ТОРГОВЦЫ
ВО ВРЕМЕНИ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ
SCI-FI FOUNDATION

ЭКСМО

Вся
НОРТОН

Вся
НОРТОН

**МАГИЯ
ЗОВ ЛИРЫ
АРОМАТ МАГИИ
КОРОЛЕВА СОЛНЦА
ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ**

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

Андрэ

НОРТОН

ТОРГОВЦЫ
ВО ВРЕМЕНИ

ПЕРВЫЙ ФАНТАСТИКИ

ЭКМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Н 82

Andre Norton
TIME TRADERS
Copyright © 1958 by Andre Norton
GALACTIC DERELICT
Copyright © 1959 by Andre Norton
THE DEFIANT AGENTS
Copyright © 1962 by Andre Norton
KEY OUT OF TIME
Copyright © 1963 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США)
при участии агентства Александра Корженевского (Россия)

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Нортон А.

Н 82 Торговцы во времени / Андрэ Нортон ; [пер. с англ.
О. Колесникова, Д. Арсеньева]. — М. : Эксмо, 2014. —
768 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-699-70517-7

В эту книгу вошли четыре романа Андрэ Нортон, объединенные автором в цикл «Война во времени». Ее герои — путешественник во времени Росс Мэрдок и его товарищи — отважно сражаются со злоумышленниками, проникающими в прошлое, чтобы повернуть ход истории и изменить настоящее в свою пользу.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Арсеньев Д., Колесников О.,
перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70517-7

**ТОРГОВЦЫ
ВО ВРЕМЕНИ**

Глава 1

Случайно посмотрев на Росса Мердока, сидевшего в камере заключения, нельзя было бы заподозрить в нем что-либо угрожающее. Ростом немного выше среднего, но не настолько, чтобы это бросалось в глаза. Каштановые волосы коротко стрижены, и в гладком мальчишеском лице нет ничего примечательного — ну разве что кроме светло-серых глаз и холодящего, оценочного выражения, которое время от времени мелькает на мгновение в их глубинах.

Он аккуратно и неприметно одет. В первой четверти двадцать первого века такого, как он, можно встретить на любой улице города — внешность, как у всех. Но под защитным камуфляжем, над которым Росс так неутомимо работал, был другой человек, достигавший вершин сдерживаемой, управляемой ярости, которую Росс и сам не вполне понимал. Он только учился применять ее для борьбы с миром, который всегда казался ему враждебным.

Росс знал, хоть и не подавал виду, что охранник следит за ним. Дежурный коп был со стажем — и, возможно, ожидал от заключенного иной реакции, чем пассивного восприятия, но Росс не собирался оправдывать его ожиданий.

На этот раз у Росса были серьезные неприятности с законом. Почему они медлят с решением? И для че-

го днем ему пришлось видеться с психологом? Росс был тогда на предварительном слушании, и ему это не понравилось. Все внимание, на которое его пронизательный ум был способен, он направил тогда на другие вопросы, но воспоминание о той беседе все же отсвечивало слабым, очень слабым опасением.

Дверь камеры открылась. Росс не повернул голову, но охранник прочистил горло, будто час общего молчания иссушил ему голосовые связки. «Встать, Мердок! Тебя хочет видеть судья!»

Росс плавно встал, контролируя движение каждого мускула. Никогда не стоило возражать или проявлять хоть малейший признак неповиновения. Находясь под следствием, он вел себя, как плохой маленький мальчик, осознавший свои ошибки. В прошлом в аналогичных ситуациях кротко-смирненное поведение Росса прекрасно срабатывало. Так что на человека, сидевшего за столом в другой комнате, он смотрел с неуверенной, застенчивой улыбкой, стоя по-мальчишески неуклюже в ожидании, пока тот заговорит первым. Судья Орд Роул. Не повезло ему, что старина Орлиный Клюв вел его дело. Ну что ж, ему ничего не оставалось, кроме как не отказываться, когда старина будет раздавать сладости. Не то чтобы он собирался задержаться надолго...

— Плохи ваши дела, молодой человек.

Росс позволил улыбке увянуть; его плечи ссутулились. Но притаившиеся под веками глаза на мгновение блеснули холодным вызовом.

— Да, сэр, — согласился он голосом, тщательно натренированным убедительно дрожать в критической ситуации. Но внезапно все удовольствие Росса от мастерства игры как рукой сняло. Судья Роул был не один; здесь сидел этот проклятый охотник за скальпами, наблюдая за заключенным так же пронизательно, как и днем раньше.

— Очень плохи ваши дела, особенно если учесть, как быстро вы их испортили. — Орлиный Клюв тоже глядел на него, но, к счастью для Росса, без той острой пронизательности. — По справедливости, вас следует передать в новую Реабилитационную Службу...

Росс похолодел. «Лечение», леденящие слухи о котором распространялись в его особенном мире. Во второй раз с того момента, как он вошел в эту комнату, его самоуверенность пошатнулась. Но с долей надежды он зацепился за сослагательность наклонения этого предложения.

— Но вместо этого мне предписано предложить вам выбор, Мердок. Хотя должен сказать — и для протокола — я вовсе не одобряю этот выбор.

Муки страха Росса отступили. Если судье это не нравилось, то наверняка это было что-то выгодное для Росса Мердока. Конечно же, он это не упустит!

— Для одного правительственного эксперимента требуются добровольцы. По проведенным исследованиям вас можно считать подходящим для этого задания. Если вы согласитесь на него, закон зачтет вам время, проведенное при выполнении этого задания, как часть срока. Таким образом, вы можете оказать помощь стране, которую до сего времени порочили...

— А если я откажусь, меня отправят на реабилитацию, я правильно понял, сэр?

— Я рассматриваю вас как несомненного кандидата для реабилитации. Выбор за вами. — Он зашелестел бумагами на столе.

— Я согласен принять участие в эксперименте, сэр.

Судья недовольно фыркнул и запихнул все бумаги в папку. Он обратился к третьему человеку, ждущему в тени:

— Ну, вот ваш доброволец, майор.

Росс почувствовал невероятное облегчение. Первое препятствие он преодолел. А если пока удача была на его стороне, то, может быть, он и далее будет в выигрыше...

Человек, которого судья Роул назвал майором, подошел ближе к свету. С первого же взгляда Росс, с неосознанным раздражением, почувствовал себя не в своей тарелке. Встреча с Орлиным Клювом была частью игры. Но он шестым чувством понимал, что с этим человеком в такие игры не играют.

— Спасибо, ваша честь. Мы отправимся сразу же, пока вьюга не поглотила нас окончательно.

Росс еще не успел понять, что происходит, как уже вяло плелся к двери. Он подумывал, не попытаться ли ему ускользнуть от майора, когда они выйдут из здания, и затеряться в городе, потемневшем от бури, но вниз на лифте они не поехали. Вместо этого они взобрались вверх на два-три пролета по пожарной лестнице. И к унижению для себя Росс обнаружил, что задыхается и медлит, а другой человек, должно быть, намного старше его, не проявляет признаков усталости.

На крыше их обдувал ветер со снегом, и майор осветил фонариком в направлении ждущей их темной тени с вращающимися лопастями. Вертолет! Здесь в первый раз Росс начал сомневаться в мудрости своего выбора.

— Держись подальше от рулевого винта, Мердок! — Голос звучал довольно беспристрастно, но сама эта беспристрастность пробирала до костей.

Зажатый в машине между майором, хранящим молчание, и столь же тихим пилотом в униформе, Росс поднялся над городом, улицы которого знал как свои пять пальцев, и отправился в неизвестное, в котором уже начал серьезно сомневаться. Очертания освещенных домов и зданий в мягком мокром снегу расплы-

вались, исчезая из вида. Теперь показались загородные шоссе. Росс не хотел задавать вопросы. Он мог спокойно принять это молчаливое обращение; он и раньше сносил много вещей пожестче.

Полосы света исчезли, во всю ширь распростерлась страна. Вертолет заложил вираж. Росс потерял все ориентиры знакомого ему мира, он не мог сказать, летят они на юг или на север. Но через какое-то время даже непроглядная снеговая завеса не могла скрыть узора красных огней на земле; вертолет приземлился.

— Пошли!

Снова Росс повиновался. Он дрожал, продуваемый метелью, его одежда, служившая достаточной защитой в городе, едва ли спасала от натиска ветра. Рука схватила за плечо, и его потащили к невысокому зданию. Хлопнула дверь; Росс и его спутник попали в объятия света и доброжелательного тепла.

— Сесть здесь!

Росс сел — он был слишком сбит с толку, чтобы послушаться. В комнате были еще люди. Один из них, одетый в странный, словно надутый костюм, с выпуклым шлемом через руку, читал газету. Майор пересек комнату и заговорил с ним, и после минутного совещания указал на Росса кривым пальцем. Росс последовал за офицером во внутреннее помещение, по периметру которого было много шкафчиков.

Из одного ящика майор вытащил форму как у пилота и начал примерять ее к Россу.

— Сойдет, — бросил он. — Напяливай! Мы не можем ждать тут всю ночь!

Росс залез в форму. Как только он застегнул последнюю «молнию», его спутник нахлобучил ему на голову куполообразный шлем. Пилот заглянул в дверь.

— Нам бы взлететь побыстрее, Келгариес, а то повесят на нас задержку.

Они поспешили на летное поле. Если вертолет был необычным видом транспорта, то эта машина — узкий, как игла, корабль стоял на плавниках, а его нос смотрел вертикально вверх — была прямо из будущего. Вдоль одной стороны тянулась лестница, по которой пилот взобрался, чтобы попасть в корабль.

Росс неохотно преодолел те же ступеньки и обнаружил, что ему придется сидеть съезжившись, упираясь коленями в подбородок. Что еще хуже, как бы мало здесь ни было места, он был вынужден уместиться там с майором. С треском опустившаяся большая прозрачная крышка плотно закрылась, запечатав их внутри.

За свою короткую жизнь Росс часто боялся, боялся мучительно. Он боролся и закалял свой ум и тело от таких страхов. Но то, что он чувствовал сейчас, не было страхом, это была паника, столь сильная, что ему стало плохо. Он знал, что заперт в этом узком пространстве и не властен над своим ближайшим будущим; и это знание столкнуло его лицом к лицу со всеми кошмарами, которые он только знал, объединив их в одно невообразимо ужасное целое.

Сколько длится кошмар? Минуту? Час? Росс не мог сказать. Но наконец вес гигантской руки сдавил ему грудь, и он отчаянно рванулся к воздуху, а затем мир вокруг него взорвался.

Он медленно приходил в себя. На миг ему показалось, что он ослеп. Затем он стал постепенно различать один оттенок серого света от другого. Наконец Росс осознал, что лежит на спине, провалившись в кресло. Окружающий мир был скручен вибрацией, которая пронзала и его тело.

Росс Мердок оставался на свободе так долго, потому что обладал способностью быстро анализировать ситуацию. За последние пять лет редко случалось, чтобы он не знал, как вести себя с наглым человеком или

поступком. Теперь он осознал, что оказался под колпаком. Он уставился в темноту и думал, напряженно и яростно. Он был убежден, что у всего произошедшего сегодня лишь одна конечная цель — поколебать его уверенность в себе и сделать его покладистым. Зачем?

Россу была присуща стойкая вера в свои способности, и он обладал даром проницательного предвидения — даром, редко свойственным столь молодым. Он знал, что если Мердок важен Мердоку, это вовсе не значит, что он важен как таковой для кого-нибудь еще. На него было заведено дело — столь серьезное, что судья Роул запросто мог угрожать ему чем угодно. И это дело существенно отличалось от дел многих других; до сих пор ему по большей части удавалось избежать наказания. Как полагал Росс, благодаря тому, что он работал в основном один и тратил много сил, чтобы составить план действий заранее.

Почему сейчас Росс Мердок стал для кого-то столь важен, что они прилагали столько усилий, чтобы выбить его из колеи? Он был добровольцем — для чего? Чтобы быть подопытным кроликом для экспериментов с каким-то жучком, которого нужно было научиться убивать легко и дешево? Они слишком спешили вывести его из равновесия. Сначала это молчание, затем этот скоростной полет на самолете — они действительно старались расшатать ему нервы. Ну ладно, он сыграет им нервного парня, готового для их работы, какова бы она ни была. Только вот играл ли он настолько хорошо, чтобы одурачить майора? Интуиция подсказывала Россу, что, может быть, и нет, и вот это его действительно задевало.

Была глубокая ночь. Они или вылетели из района шторма, или были над ним. Через стекло кабины сияли звезды; луны не было видно.

Формальное образование Росса было весьма средним, но в своем роде он приобрел знания, которые удивили бы многих представителей власти, имевших с ним дело. У него была возможность исследовать все богатство большой городской библиотеки, и он проводил там много времени, впитывая факты из многих странных областей знания. Факты вообще были очень полезной вещью. По меньшей мере трижды разнородные отрывки знаний сохранили ему свободу, а один раз даже, возможно, жизнь.

Сейчас он пытался сложить в общую картину разрозненные факты, которые знал о своей теперешней ситуации. Он был внутри летательного аппарата какого-то нового типа, машины такого продвинутого дизайна, что ее не стали бы использовать, не будь миссия действительно важна. А это означало, что Мердок стал нужен кому-то, где-то. Знание этого факта давало ему некую зацепку в будущем, которая могла очень понадобиться. Ему оставалось только подождать, притвориться непонимающим и смотреть и слушать.

При скорости, на которой они неслись, они должны были вылететь из страны часа через два. Ну а разве у правительства нет баз по всему миру, чтобы поддерживать «холодную войну»? Ну и что из этого? Конечно, если его бросят где-то в другой стране, как зерно в чужую землю, это может расстроить планы побега, но этой сложностью он займется, когда столкнется с ней вплотную.

И вдруг Росс снова оказался на спине — гигантская рука сдавила его грудь и внутренности. Огней на земле, освещающих им путь, в этот раз не было. Ничто не подсказывало Россу, что их полет окончен, пока они не приземлились с таким скрежетом, что он стиснул зубы.

Майор разогнулся, и Росс тоже мог распрямить онемевшее тело. Но рука пилота уже легла ему на плечо,

подгоняя вперед. Шатаясь, он с трудом направился к выходу, ухватившись за поручень этого подобия лестницы, чтобы не упасть.

Внизу не было огней, только бескрайний снежный простор. По этому пустому пространству шли люди, собиравшиеся у лестницы. Росс хотел есть и очень устал. Если майор собирался играть в какие-то игры, то, надеясь Росс, он подождет до утра.

А пока что ему нужно выяснить, где это «здесь». Если выпадет случай сбежать, нужно знать окружающую территорию. Но чужая рука все еще держала его руку, таща его за собой к снежному сугробу. Шторм или люди хорошо поработали над укрытием? Когда дверь в одной из сторон сугроба открылась, Росс понял, что камуфляж был создан намеренно.

Так вот Росс познакомился с базой; и после прибытия ему был предоставлен крайне ограниченный обзор военных сооружений. На следующий день он проходил медицинский осмотр, тщательнее которого не выпадал когда-либо на его долю. После этого его заставили пройти ряд других тестов, смысл которых никто не потрудился объяснить. После чего провели в одиночную камеру, то есть предоставили самому себе в комнате, похожей на клетку, с койкой, более удобной, чем она казалась на первый взгляд, и громкоговорителем в углу под потолком. Пока что ему вообще ничего не говорили. И он тоже не задавал никаких вопросов, упрямо придерживаясь своего конца каната в этом противоборстве своей и чужой воли. И вот, находясь в безопасности и лежа пластом на койке, он безотрывно глядел на говорящий громкоговоритель, имея вид очень опасного молодого человека, такого, кто не уступит ни дюйма.

— А теперь послушай... — Голос, вещающий из решетчатого отверстия, имел металлический отзвук, но сквозь его скрежет проступал голос Келгариса. Росс

сжал губы. Он осмотрел каждый миллиметр стен и знал, что следа двери, через которую он вошел, не было. Без инструментов вырваться он не мог, а вся одежда, что у него была, — рубашка, плотные широкие брюки и пара мокасин на мягкой подошве, которые ему выдали.

— ...определить... — гудел голос. Росс понял, что наверняка что-то пропустил, неизвестно, важное или нет. Он почти решился прекратить игру.

Раздался шелчок, оповестивший, что Келгариес закончил дребезжать. Но привычная тишина не воцарилась заново. Вместо этого он услышал звонкое сладкое щебетание, которое у него слабо ассоциировалось с птицей. Его знакомство с жизнью пернатых ограничивалось городскими воробьями и раскормленными голубями в парке, и ни те, ни другие никогда не пели; но эти звуки были точно птичьим щебетанием. Росс перевел взгляд с громкоговорителя в потолке на противоположную стену. То, что он там увидел, заставило его сесть, — мгновенная реакция готового к бою бойца.

Стены больше не было! Вместо нее появился крутой склон земли где-то на горных вершинах, где темно-зеленая хвоя вплотную подступала к линии снега. Снег пятнами и полосами прикрывал землю, и ноздри Росса вдыхали запах этих деревьев, настоящих, как ветер, обдававший его своей прохладой.

Он вздрогнул от громкого, отозвавшегося эхом воя — древнего предостережения волчьей стаи, голодной, вышедшей на охоту. Росс никогда раньше не слышал этот зов, но инстинкт, доставшийся в наследство от предков, подсказал, что это смерть на четырех ногах. Точно так же он мог распознать серые тени, крадущиеся за ближайшими деревьями, и его руки сжались в кулаки, пока он судорожно оглядывался вокруг в поисках какого-нибудь оружия.

Койка была под ним, и три из четырех стен комнаты ограждали его подобно пещере. Но одна из призрачных серых фигур приподняла голову и посмотрела прямо на Росса, и глаза ее горели красноватым огнем. Росс содрал одеяло с койки — с не до конца оформившейся мыслью швырнуть его в зверя, если тот бросится на него.

На несгибающихся ногах зверь надвигался на него — глубоко из его глотки исходило рычание. Для Росса зверь, больше чем самая большая собака и вдвойне опасней, был просто чудовищем. Он уже приготовился бросить одеяло, как вдруг понял, что волк следит совсем не за ним: его внимание обращено к точке, расположенной за пределами видимости Росса.

Волк сморщил нос, нюхая воздух, и обнажил большие желтоватые зубы. Зверь подпрыгнул в воздухе, упал на спину и покатился по земле в отчаянной попытке достать зубами копье, прошедшее через его ребра. Он снова взвыл, и из его пасти потекла кровь.

Теперь удивлению Росса не было предела. Он собрался и встал, чтобы осторожно подойти к умирающему волку. И не был изумлен, когда его вытянутые руки уперлись в плоскую невидимую преграду. Затем провел рукой вправо и влево — он касался стен комнаты. А глаза говорили ему, что он на склоне горы, и вид, звук и запах были реальны.

Изумленный Росс задумался на минуту; затем, найдя удовлетворяющее его объяснение, разок кивнул и, успокоенный, снова сел на койку. Должно быть, это усовершенствованный вид телевидения — с запахами, с имитацией ветра и другими эффектами — штрихами, делающими его более правдоподобным. Эффект в целом был настолько убедительным, что Росс должен был напоминать себе, что все это всего лишь изображение.

Волк был мертв. Другие волки разбежались кто куда, но, поскольку картинка не исчезла, Росс решил, что шоу еще не закончилось. Он все еще слышал шелкающие звуки и ждал следующего действия. Но почему ему это показывали, еще ускользало от него.

В поле зрения появился человек — встал прямо перед прозрачной стеной. Он наклонился осмотреть мертвого волка, схватил его за хвост и приподнял с земли его заднюю часть. Сопоставляя рост охотника с размером волка, Росс отметил, что не ошибся насчет исключительно больших размеров животного. Человек крикнул что-то через плечо; слова его звучали отчетливо, но не были понятны Россу.

Незнакомец был странно одет — слишком легко, если судить о климате по пятнам снега и жгучему морозному ветру. Полоска грубой ткани, тянувшаяся от подмышки и не достававшая до колен сантиметров десять, обвивала его тело и была затянута ремнем на талии. Ремень, намного богаче украшенный, чем сама нескладная одежда, был сделан из маленьких цепочек, связывающих металлические пластины. На ремне прямо спереди висел длинный кинжал. Голубой плащ человека, откинутый на плечи, чтобы освободить руки, держался на большой булавке под подбородком. Его обувь выше икр была из звериной шкуры, на которой все еще оставалась лохматая шерсть. Он не носил бороду, хотя по темной линии вдоль подбородка можно было догадаться, что в тот день он не брился. меховая шапка закрывала большую часть его темно-каштановых волос.

Был ли это индеец? Нет, потому что, хотя кожа его и отливала медью, изначально она была столь же белой, как и кожа Росса. А его одежда не походила ни на одно индейское одеяние, которое было известно Россу.

Несмотря на странную одежду, человека окружала аура авторитетности и самоуверенности; было ясно, что в своем мире он господствовал над остальными.

Другой человек, одетый почти так же, как и первый, но в плаще ржаво-коричневого цвета, подошел, таща за собой двух ослов, которые плелись с большой неохотой. Их глаза испуганно забегали при виде мертвого волка. Оба животных несли тюки, привязанные к их спинам плетеными веревками. Подошел еще один человек, тоже с упряжкой ослов. Наконец появился четвертый человек, с бородой, растущей клочьями на щеках и подбородке; он был одет в одеяние из кожи. Его непокрытая голова с зарослями нерасчесанных соломенно-желтых волос отливала беловатым светом. Он сел на корточки рядом с мертвым зверем, держа в руках нож с темно-серым лезвием, и принялся умело разделять волка. Еще три пары ослов, все тяжело нагруженные, прошли мимо, пока он не закончил. Наконец он свернул в узел окровавленную кожу и, пнув ногой освежеванного волка, легко побежал за удаляющимся караваном вьючных животных.

Глава 2

Росс, поглощенный происходившим перед ним, не был готов к внезапной полной темноте, которая стерла не только само действие, но и свет в его собственной комнате.

— Что? — Его вздрогнувший голос прозвучал громко, слишком громко, ибо весь звук пропал вместе со светом. Не хватало и слабого шуршания вентиляционной системы, которого он не замечал, пока оно не исчезло. Волна той же паники, которую он испытал в летательном аппарате, пробежала по его нервам. Но в

этот раз он был готов действием противостоять неизвестному.

Росс медленно двигался сквозь темноту, вытянув вперед руки, чтобы не наткнуться на стену. Он решил, во что бы то ни стало обнаружить тайную дверь, спасение из этой темной камеры.

Вот! Его ладонь уперлась в гладкую плоскую поверхность. Он вытянул руку — и она неожиданно рассекла пустоту. Росс попытался сориентироваться на ощупь. Дверь все-таки была, и сейчас она была открыта. Минуту он не решался — охваченный страхом, что если переступит на другую сторону, то попадет на склон горы с волками.

— Это же глупо! — снова он подумал вслух. И именно потому, что на душе у него было беспокойно, двинулся вперед. Все потрясения прошлых часов укрепили в нем неистовое желание сделать что-нибудь — что угодно, — лишь бы это было то, что хочет он, а не то, что приказывали ему другие.

Тем не менее Росс шел медленно, ибо пространство за этой открытой дверью было столь же глубоким и темным, как и комната, из которой он вышел. Пробираться прижавшись к одной стене, вытягивая вперед руку для разведки, было, пожалуй, самым лучшим, решил он.

Через несколько метров его плечо потеряло опору, и он наполовину провалился в проем другой открытой двери. Но там снова была стена, и он с облегчением прижался к ней. Другая дверь... Росс замер, пытаясь уловить хоть какой-то тихий звук — слабую надежду на то, что он был не один в этом непроглядном лабиринте. Но в этом мраке даже воздух не двигался, и темнота, казавшаяся густой, липла к нему, как застывающее желе.

Стена закончилась; придерживаясь ее левой рукой, Росс помахал правой и почувствовал, что его ногти с

силой задели другую поверхность. Пространство, разделяющее две поверхности, было шире, чем любой дверной проем. Пересекались ли здесь два коридора? Он вот-вот собирался махнуть рукой шире, как вдруг услышал звук. Он был не один.

Росс вернулся к стене. Вплотную прижимаясь к стене, он старался приглушить собственное дыхание, чтобы уловить хотя бы немного другой шум. Он обнаружил, что отсутствие видимости сбивает с толку и слух. Он не мог определить, что это были за щелчки, отзвуки затихающего вдали звука; может быть, это воздух, потревоженный открыванием другой двери.

Наконец он смог определить, что что-то движется на уровне пола. Что-то или кто-то не шло, а ползло к нему. Росс бросился назад за угол. Ему никогда не приходила в голову мысль о встрече с чем-то ползущим. Противник в темноте мог представлять опасность. Кто же исследовал темноту вместе с ним?

Звук, издаваемый ползущим, прерывался. Длинные перерывы убедили Росса в том, что отдых перемежался тяжелым дыханием, как если бы движение вперед сильно истощало ползущего. Он боролся с картиной, проплывающей в его воображении — волк, идущий по следу в непроглядно темном помещении. Осторожность подсказывала Россу, что лучше было бы быстро отступить, но бунтарский порыв удержал его на месте; сжавшись, он изо всех сил старался увидеть, что же ползло ему навстречу.

Неожиданно темнота взорвалась ослепляющим светом. Росс закрыл глаза. И услышал вопль отчаяния, раздавшийся с уровня пола. Свет, обычно наполнявший половину комнаты, снова был ровным. Росс обнаружил, что стоит на пересечении двух коридоров — он был чрезвычайно доволен, что вычислил это правильно... А что же ползущий?..

Человек — по крайней мере то была человекообразная фигура с двумя ногами и двумя руками — лежал на полу в нескольких ярдах от него. Однако все его тело было так перебинтовано, а голова так укутана, что распознать человека было трудно.

Одна из рук в рукавице пошевелилась, слегка приподнимая тело, и оно смогло, извиваясь, проползти еще несколько сантиметров. Росс и шевельнуться не успел, как с дальнего конца коридора вбежал человек. Это был майор Келгариес. Росс облизнул губы; майор опустился на колени рядом с существом на полу.

— Гарди! Гарди! — Этот голос, всегда отрывисто командный по отношению к Россу, сейчас был человеческим и теплым. — Гарди, приятель! — Руки майора обхватили перевязанное тело, подняв его, подставив свою руку под его голову и плечи. — Все хорошо, Гарди. Ты вернулся, ты в безопасности. Ты на базе, Гарди. — Он говорил медленно, успокаивающе, как утешают напуганного ребенка.

Руки в рукавицах, слабо бьющиеся в воздухе, упали на перетянутую бинтами грудь.

— Вернулся — в безопасности... — хрипел голос за лицом-маской.

— Вернулся, в безопасности, — уверял его майор.

— Темно — снова темно вокруг, — протестовал хриплый голос.

— Просто отключали свет. Сейчас все в порядке. Мы положим тебя в постель.

Рукавица снова задергалась, пока не дотронулась до руки Келгариеса. Она слегка изгибалась, как если бы рука под ней старалась что-то схватить.

— В безопасности?

— Конечно, держу пари! — заверил майор. Келгариес посмотрел на Росса так, словно он все это время знал о его присутствии.

— Мердок, иди в комнату в том конце. Позови доктора Фаррелла!

— Да, сэр!

«Сэр» вырвалось настолько автоматически, что Росс уже достиг конца комнаты, когда понял, что произнес это слово.

Никто не объяснял Россу Мердоку, в чем дело. Перевязанного Гарди унесли доктор и два ассистента. Майор шел рядом с ним, все еще держа в своей руке его руку в рукавице. Росс колебался: он явно не должен был следовать за ними, но продвигаться дальше или вернуться в свою комнату он не был готов. Вид Гарди, кто бы он ни был, радикально изменил мнение Росса о проекте, в который он так необдуманно быстро вступил.

То, что они здесь делали, было важным — в этом Росс несколько не сомневался. То, что это было опасно, он уже подозревал. Но пока он не встретил ползущего в темноте Гарди, его представления были абстрактными. С самого начала он вынашивал смутные планы побега; теперь он знал, что ему нужно выбраться из этого места, пока его не постигла судьба Гарди.

— Мердок?

Росс, вздрогнув от беззвучного приближения, резко повернулся, готовый, если что, пустить в ход кулаки. Но не увидел майора или еще кого-нибудь из тех молчаливых офицеров, которых он знал.

Загоревшая кожа и темные волосы подошедшего человека резко выделялись на фоне светлой стены и контрастировали с яркой голубизной его глаз.

Не произнося ни слова, темный незнакомец тихо стоял, свободно свесив руки. Он изучал Росса, как если бы молодой человек был проблемой, которую ему поручили решить. Когда он заговорил, голос его был ровным и монотонным, лишенным чувств.

— Я — Эш, — представился он невыразительно; точно так же он мог бы сказать: «Это стол, а это стул».

Взрывная натура Росса вспыхнула от беспристрастности другого человека.

— Ну так что, что ты Эш? — Он старался превратить это в вызов. — Ну и что из того?

Но тот не клюнул на приманку. Он пожал плечами.

— Ну, пока что на какое-то время нас сделали партнерами.

— Партнерами для чего? — требовательно спросил Росс, сдерживаясь.

— Мы здесь работаем парами. Машина сортирует нас... — ответил он и сверился с наручными часами. — Скоро обед.

Эш уже развернулся, а Росс не мог вынести недостаток интереса к нему со стороны собеседника. Хотя Мердок упорно не хотел задавать вопросы майору или другим людям «по ту сторону забора», он, безусловно, мог получить какую-нибудь информацию от такого же «добровольца», как он.

— Вообще, что это за место? — спросил он.

Тот оглянулся через плечо:

— Операционный Ретроград.

Росс проглотил гнев.

— Ну, а что здесь делают? Слушай, я только что видел парня, ползущего вдоль этой стены; он выглядел так, как будто побывал в бетономешалке. Что за работу они тут делают? И что надо делать нам?

К его изумлению, Эш улыбнулся; по крайней мере, его губы слегка дрогнули.

— Что, Гарди задел, да? Ну, и у нас бывают свои неудачи. Они настолько редки, насколько это вообще в человеческих силах, и мы извлекаем из них всю возможную пользу...

— Неудачи в чем?

— В Операционном Ретрограде.

Где-то внизу помещения мягко прозвучал гудок.

— Это обеденный сигнал. Может, ты и не голоден, а я хочу есть. — Эш продолжая идти так, как если бы Росс Мердок прекратил свое существование.

Но Росс Мердок все же существовал. И пока он шел следом за Эшем, он твердо решил, что будет продолжать существовать, целым и невредимым, в Операционном Ретрограде или вне его. И был намерен выпытать из кого-нибудь несколько разъясняющих ответов, и очень скоро.

К своему удивлению, он обнаружил, что Эш ждет его у двери в комнату, из которой доносился звук голосов и приглушенный звон подносов и столовых приборов.

— Сегодня не все. — Эш комментировал тоном «поступайте, как знаете». — Трудная была неделя.

Комната была не слишком переполнена. Пять столов пустовали, люди собрались за оставшимися двумя. Росс насчитал десять человек, уже обедающих или возвращающихся со стола раздачи с полными подносами. На всех были широкие брюки, рубашки и мокасины, как на нем, — казалось, эта одежда была чем-то вроде нерабочей униформы, — и шестеро из десяти выглядели вполне обыкновенно. Другие четверо отличались так сильно, что Росс едва мог скрыть изумление.

Так как остальные приняли их без комментариев, Росс украдкой осматривал их, пока стоял позади Эша с подносом. Двое были явно восточного типа, небольшого роста стройные люди с тонкими усами над подвижными ртами. Говорили они на своем языке свободно, как носители языка. В дополнение к усам их объединяло еще то, что на лбу и на тыльной стороне рук у обоих была голубая татуировка.

Вторая пара выглядела еще более фантастично. У огромных сильных мужчин были желто-соломенные

волосы, заплетенные в настолько длинные косы, что они спускались по спине между их могучих плеч; такого Росс еще никогда не видел.

— Гордон! — Один из гигантов с косою резко повернулся вполоборота от стола, чтобы остановить Эша, идущего по проходу с подносом. — Когда ты вернулся? А где Сэнфорд?

Один из азиатов положил ложку, которой энергично размешивал кофе, и спросил с искренней озабоченностью.

— Еще потеря?

Эш покачал головой.

— Просто переназначение. Сэнди на Аванпосту Гог, и у него все в порядке. — Он усмехнулся, и его лицо ожило выражением шаловливого юмора; Росс никогда бы не подумал, что это возможно. — Он закончит парой миллионов, если проявит достаточно осторожности. Торгует так, будто родился с бокалом в кулаке.

Азиат засмеялся и взглянул на Росса.

— Твой новый партнер, Эш?

Оживление на лице Гордона несколько увяло; он снова стал уклончивым.

— Временное назначение. Это Мердок. — Он представил его довольно равнодушно, что обескуражило Росса. — Ходаки, Фенг, — он кивком представил двух азиатов, ставя поднос на стол. — Янсен, Ван Вийк, — это относилось к блондинам.

— Эш! — Человек, сидевший за другим столом, поднялся и подошел к ним. Тонкий, с темным узким лицом и беспокойными глазами, он был намного моложе других; моложе — и не так хорошо контролировал свои чувства. Вот он и может ответить на мои вопросы, решил Росс и отогнал от себя эту мысль.

— Ну, Курт? — Обращение Эша было настолько пренебрежительным, насколько вообще могло быть, и

мнение Росса о молодом человеке на порядок выросло, когда оказалось, что пренебрежительное обхождение никак на него не повлияло.

— Ты слышал о Гарди?

Фенг посмотрел так, будто собирался что-то сказать, а Ван Вийк нахмурился. Эш намеренно медленно прожевал и проглотил пищу, потом ответил:

— Разумеется.

Его тон превратил происшествие с Гарди, каким бы оно ни было, в рядовое событие, лишенное той мелодраматичности, которую приписывал ему Курт.

— Он весь разбит... капут... — Акцент Курта, незаметный вначале, стал более отчетливым. — Разбит...

Эш спокойно смотрел на него.

— Ты ведь не занимаешься тем же, чем и Гарди?

Курт отказался подавить бурлившие в нем чувства.

— Конечно, нет! Ты знаешь, чем меня тренировали заниматься. Но это не говорит о том, что такое не может случиться и со мной, или с тобой, или с тобой! — Его палец, словно разящий кинжал, указал на Фенга, а затем на блондина.

— Можно и с кровати упасть и шею себе свернуть, если тебе это на роду написано, — заметил Янсен. — Иди поплачь на плече у Миллайрда, если тебе от этого так больно. Тебе на брифинге твой рейтинг сказали. Ты знаешь, почему тебя выбрали и что может случиться...

Росс уловил гнетущий взгляд, брошенный на него Эшем. Он все еще находился в полном неведении, но у этих людей он не будет выпытывать информацию. Может быть, секретность была частью их обучения. Поживем — увидим, пока он не зажмет Курта где-нибудь в сторонке и не выкачает из него информацию. А пока что он невозмутимо ел и старался не проявлять видимого интереса к беседе.

— Так что же, ты так и будешь послушно говорить «Да, сэр», «Нет, сэр» на каждый приказ?

Ходаки резко хлопнул рукой с татуировкой по столу.

— К чему эти глупости, Курт? Ты хорошо знаешь, как и почему нас выбирают для того, чем мы занимаемся. Против Гарди подтасовали карты, и проект здесь ни при чем. Такое случалось раньше и будет происходить еще не раз...

— Вот об этом я и говорю! Ты хочешь, чтобы и с тобой такое случилось? В хорошенькие игры эти соплеменники играют со своими пленниками, а?

— Да заткнись! — Янсен поднялся. Он возвышался над Куртом на целую голову и, наверное, мог сломать его пополам, так что его приказ заслуживал внимания. — Если у тебя есть жалобы, иди с ними к Миллайрду. И, человек, — он ткнул Курта в грудь массивным указательным пальцем, — дождись, пока сам выйдешь на серьезное задание, прежде чем подавать голос так громко. Никого не посылают без подготовки, а Гарди просто не повезло. Вот и все. Он вернулся, и в этом ему повезло. И он первый это тебе скажет. — Он потянулся. — Я за игру. Эш? Ходаки?

— Всегда такой энергичный, — пробормотал Эш, но кивнул, как и азиат.

Фенг улыбнулся Россу.

— Всегда эти трое пытаются побить друг друга, и пока что все вничью. Но мы надеемся... да, у нас есть надежды...

Так что случай поговорить с Куртом Россу не представился. Вместо этого его затянуло в компанию мужчин, которые, поев, пошли к маленькой арене с полукругом кресел для зрителей с одной стороны и пространством для участников с другой. То, что потом произошло, поглотило внимание Росса так же, как и сцена убийства волка. Это тоже была битва, но не

физическая схватка. Все три противника различались не только физически, но, как Росс быстро сообразил, и стилем мышления при решении проблемы.

Они сели по-турецки по углам треугольника. Затем Эш перевел взгляд с блондина на маленького азиата.

— Территория? — спросил он решительно.

— Внутренние равнины. — Это прозвучало почти хором, и каждый, глядя на своего противника, начал смеяться.

Сам Эш тихо засмеялся.

— Острие сегодня, ребята? — спросил он. — Хорошо, равнины...

Он положил руку на пол перед собой, и, к изумлению Росса, площадка вокруг игроков потемнела, а пол превратился в полоску миниатюрной сельской местности. Травянистые равнины колыхались от ветерка ясного дня.

— Красный!

— Голубой!

— Желтый!

Выбор, один за другим, доносился из полумрака, скрывающего игроков. И после каждого приказа появлялись точки нужного цвета, как маленькие лампочки.

— Красный — караван! — Росс узнал гул голоса Янсена.

— Голубой — самолеты-бомбардировщики! — Выбор Ходаки отставал всего на мгновение.

— Желтый — неизвестный фактор!

Росс был уверен, что это вздохнул Янсен.

— Неизвестный фактор — это природное явление?

— Нет — племя в движении.

— А-а-а... — Ходаки обдумывал это. Росс представил себе, как тот пожимает плечами.

Игра началась. Росс знал о компьютерных играх и слышал о шахматах, о военных играх, в которые играют

с миниатюрными армиями и кораблями, и о настольных играх, которые требовали сообразительности и натренированной памяти. Однако эта игра сочетала в себе все эти игры, и даже более. И его воображение ожило,двигающиеся точки света превратились в идеальные модели самолетов-бомбардировщиков, в караван купца, в наступающее племя. Искусно раскрывался парашют, и была битва, и отступление, и небольшая победа в одном месте, за которой последовало большее поражение в другом. Может быть, игра продолжалась часами. Люди вокруг него тихо говорили, принимая ту или иную сторону и споря разгоряченно, но не настолько громко, чтобы заглушать ходы, выкрикиваемые игроками. Росс был взволнован, когда красные торговцы избежали очень умно подстроенной ловушки, и возмущен, когда племени приходилось отступать или караван терял очки. Это была самая захватывающая игра из всех, что он когда-либо видел, и он понимал, что три человека, делавшие эти ходы, были просто виртуозами стратегии. Умение одного шло вровень с умениями двух других, так что до чистой победы было очень далеко.

Потом Янсен засмеялся, и красная линия каравана собралась в тугой узел.

— Привал у родника, — объявил он, — но со множеством часовых. — Красные искры отчетливо выделялись вокруг этого центра. — И им придется остаться здесь только ради моих. Все это может длиться до второго пришествия, и никто не отступит.

— Нет, — возразил ему Ходаки, — когда-нибудь один из вас допустит маленькую ошибку, и тогда...

— И тогда громилы, которые за вами, собьют нас? — спросил Янсен. — Вот это будет денек. Что бы там ни было, на сегодня — перемирие.

— Идет!

Включились огни арены, и самолеты исчезли в темном кафельном полу.

— Меня устраивает любое время для ответной встречи, — сказал Эш, поднимаясь с пола.

Янсен усмехнулся.

— Отложи на месяц или около того, Гордон. Мы идем во «время» завтра. Так что берегите себя, вы двое. Я не хочу вклиниваться в другой состав игроков, когда вернусь.

Росс, которому трудно было стряхнуть с себя иллюзию, так околдовавшую его, почувствовал, что кто-то касается его плеча, и поднял голову. За ним стоял Курт, внимательно слушавший Янсена и Ходаки, споривших по поводу какого-то пункта в игре.

— До вечера. — Губы парня едва шевелились, трюк, который Росс знал по своему собственному прошлому. Да, он все же увидит Курта сегодня вечером или когда сможет. Он собирался узнать, что же именно эта странная компания, казалось, решила держать в секрете.

Глава 3

Росс осторожно притаился у стены своей затемненной комнаты, повернув голову к чуть приоткрытой двери. Тихий шаркающий звук пробудил его, и он сгруппировался, как кошка перед прыжком. Но он не бросился на фигуру, открывающую дверь шире. Он подождал, пока гость приблизится к скамейке; затем проскользнул вдоль стены, закрыл дверь и стал, опершись об нее.

— В чем дело? — спросил он шепотом.

В темноте раздался неровный вздох, может быть, два, и короткий смешок.

— Готов? — Акцент посетителя не оставлял сомнений в том, кто это был: Курт нанес обещанный визит.

— Думал, не готов?

— Нет. — Смутно очерченная фигура без приглашения села на край скамейки. — Иначе бы меня здесь не было, Мердок. У тебя много... Ты довольно толковый. Видишь ли, я о тебе кое-что слышал. Как и меня, тебя в эту игру втянули. Скажи, разве неправда, что ты сегодня видел Гарди?

— Ты многое слышишь, да? — Росс не сдавался.

— Слышу, вижу, запоминаю намного больше, чем эти болтуны, например, майор со всеми этими его предписаниями и запретами. Вот что я тебе скажу. Ты видел Гарди. Хочешь быть как Гарди?

— А что, есть такая опасность?

— Опасность! — Курт фыркнул. — Опасность... Ты, приятель, еще не знаешь, что это слово значит. Еще не знаешь. Я тебя еще раз спрашиваю — хочешь кончить как Гарди? Тебя еще не поймали в петлю всех этих громких разговоров. Вот почему я пришел сюда сегодня. Если ты знаешь, что для тебя хорошо, Мердок, ты вырвешься, пока тебя не записали на пленку...

— На пленку?

Курт засмеялся — гневно, а не изумленно.

— О да. У них тут много трюков. Они умники, интеллектуалы, и у каждого свое любимое приспособление. Тебя заставляют пройти через аппарат и регистрируют тебя на пленке. Затем, мальчик мой, если ты уходишь с базы, срабатывает сигнал тревоги. Мило, да? Так что если хочешь сбежать, тебе надо успеть, пока тебя не записали на пленку.

Росс не доверял Курту, но слушал его внимательно. Для того, кто из-за полного неведения в науке полагал, что любые странные изобретения абсолютно возможны и вероятны, как правило, в смутном будущем, но иногда и сегодня, подобные аргументы звучали убедительно.

— Тебя, должно быть, уже записали на пленку, — подметил Росс.

Курт засмеялся снова, на этот раз с приятным удивлением.

— Они думают, что записали. Только они не такие умные, как им кажется, майор и все остальные, включая Миллайрда. Нет, у меня остался шанс сбежать отсюда, только я не могу сделать это в одиночку. Вот почему я ждал, пока у них появится новый парень, с которым я смогу сговориться до того, как они навсегда припрут его к стенке. Ты толковый парень, Мердок. Я видел твое дело и бьюсь об заклад, ты пришел сюда не с намерением остаться. Так что — вот твой шанс пойти с тем, кто знает дорогу. Такой хороший шанс еще раз не представится.

Чем дальше говорил Курт, тем убедительнее было все то, что он говорил. Некоторые из подозрений Росса рассеялись. Действительно, он попал сюда с твердым намерением бежать при первой же возможности, и если Курт уже что-то спланировал, тем лучше. Конечно, вполне возможно, что Курт был подсадной уткой и, обманывая, проверял его. Но в то же время это шанс, который Росс не мог упустить.

— Слушай, Мердок, ты, может быть, думаешь, что отсюда легко вырваться? А ты знаешь, где мы, парень? Мы почти на Северном полюсе! Ты собираешься тащиться несколько сотен миль по льду и снегу? Чудная прогулочка. Не думаю, что у тебя получится — по крайней мере, без планов и партнера, который знает, что ему нужно.

— А как мы сбежим? Украдем один из этих самолетов? Я не пилот — а ты?

— У них тут и кроме самолетов кое-что есть. Это место строго засекречено. Даже летательные аппараты садятся не слишком часто из страха, что их отследят. Ты географию знаешь, парень? Не знаешь, что здесь повсюду крутятся русские? Эти ребята следят за дея-

тельностью русских, а русские следят за ними. Естественно, у обеих сторон все в секрете. Припасы мы получаем по суше кошками.

— Кошками?

— Снежные сани, как тракторы, — с нетерпением пояснил тот. — Наши запасы нагружают много миль южнее, и раз в месяц кошки возвращаются, чтобы привезти их. Управлять кошкой дело несложное, и они быстро проносятся многие мили...

— Сколько миль к югу? — скептически спросил Росс. Даже если Курт говорил правду, ехать по арктической пустыне на украденной машине было по меньшей мере рискованно. У Росса было очень смутное представление о северных районах, но он был уверен, что они могут запросто навсегда поглотить неосмотрительного путешественника.

— Может, всего сотня или около того, парень. Но у меня не один план, и я готов рискнуть головой. Ты думаешь, я рвану вслепую?

Так-то оно так, конечно. Росс быстро распознал в своем госте человека, который прежде всего интересовался своим собственным благополучием. Он бы не рисковал головой, не будь у него четкого плана.

— Ну, что скажешь, Мердок? Ты со мной или нет?

— Ну, я все это некоторое время обдумую...

— Время — это как раз то, чего у тебя нет, парень. Завтра тебя запишут на пленку. Потом через стену не перелезешь.

— А может, ты дурака со мной валяешь насчет пленки? — возразил Росс.

— Вовсе нет, но не представляю, как могу убедить тебя в этом. Думаешь, я могу раскроить себе череп, и ты увидишь, что я на самом деле знаю? Нет, или сегодня ночью ты срываешься вместе со мной, или мне нужно ждать следующего, кто сюда приземлится.

Курт встал. Он произнес последние слова довольно невыразительным тоном, и Росс полагал, он имел в виду как раз то, что говорил. Но Росс колебался. Он хотел попытаться обрести свободу — желание, укрепленное его подозрениями о том, что здесь происходило. Но и Курт ему не нравился и не внушал доверия. Но ему казалось, что он понимает его лучше, чем Эша или других. Кроме того, он был уверен, что с Куртом он может бороться за свое, а это была бы борьба, через которую он уже проходил раньше.

— Сегодня ночью... — повторил он медленно.

— Да, сегодня ночью. — В голосе Курта снова слышался пыл — он почувствовал, что Росс был в нерешительности. — Я готовил все очень долго, но нас должно быть двое. Нужно по очереди управлять кошкой. Мы не можем отдыхать, пока не доберемся далеко на юг. Говорю тебе, это будет несложно. На случай необходимости там по маршруту запрятан провиант. У меня есть карта, на которой отмечены эти места. Ну, ты согласен?

Росс не ответил сразу же, и Курт подошел к нему ближе.

— Помнишь Гарди? Он не первый и не последний. Они нас тут быстро используют. Вот почему тебя доставили так быстро. Говорю тебе, лучше рискнуть сейчас, чем на задании.

— А что за задание?

— А, так тебя не ввели в курс дела? Ну, задание — это небольшое утомительное путешествие назад, в историю — но не в ту уютненькую историю, о которой ты читал в книжках, когда был маленьким. Нет, тебя бросают назад в дикарские доисторические времена...

— Это невозможно!

— Да? Ты ведь видел сегодня этих двух больших парней-блондинов? Как по-твоему, с чего бы они ще-

голяли с такими косами? А все потому, что они принимают поездочку в те времена, когда мужчины носили косы, и у них были топоры, достаточно большие, чтобы раскроить человеку череп! А Ходаки и его партнер... Слышал когда-нибудь о монголах? Ты, может, и не слышал, но когда-то они прошли почти через всю Европу.

Росс глотнул воздух. Он вспомнил, на ком он видел косы, как у воинов, — на викингах! А монголы, да... то кино, о ком-то по имени Хан... Чин Гис Хан! Но вернуться в прошлое — это же невозможно!

Еще он вспомнил изображение, которое видел сегодня, с охотником, убившим волка, и человеком с лохматыми волосами, который был одет в кожу. Ни один из них не принадлежал к его миру. Неужели Курт говорил правду? Яркие воспоминания Росса о сцене, свидетелем которой он стал, делали рассказ Курта более убедительным.

— Предположим, тебя посылают во времена, где незнакомцев не любят, — продолжал Курт. — Вот тут тебе и попадет. Это и случилось с Гарди. И это никому не нужно — совершенно не нужно!

— Но зачем?

Курт фыркнул.

— Этого они тебе не говорят до самого твоего первого задания. Я и знать не хочу, зачем. Но что я знаю, так это то, что не собираюсь отправляться в какое-нибудь жуткое место, где дикарь может проткнуть меня копьем, просто чтобы доказать то или другое майору Джону Келгариесу, или Миллайрду, или обоим. Я сначала попробую свой план.

Настойчивость в протесте Курта перенесла Росса через границу сомнений. Он тоже попробует бежать на кошке. Он знал только этот мир и это время, и у него не было желания быть засланным в другое.

Как только Росс принял решение, Курт стал торопить его приступить к делу. Оказалось, Курт прекрасно знал, как все устроено на базе. Дважды им преграждали путь закрытые двери, но лишь на минуту, потому что у Курта было крошечное приспособление, спрятанное в ладони, которое нужно было всего лишь подержать над замком, чтобы дверь открылась.

В коридорах было достаточно светло, чтобы не затруднять их продвижение, но комнаты не были освещены, и Курту дважды пришлось вести Росса за руку, уклоняясь от мебели или установок с уверенностью человека, который часто проделывал этот маршрут. За время этого перехода мнение Росса о способностях его спутника поднималось все выше и выше. Он начал думать, что ему действительно повезло с обретением такого партнера.

В последней комнате Росс с готовностью последовал указаниям Курта надеть меховую одежду, которую Курт ему протянул. Размер не слишком-то подходил, но, надо полагать, Курт выбрал наиболее подходящее. Наконец последняя дверь открылась, и они вышли в полярную зимнюю ночь. Рука Курта в рукавице сжала руку Росса, потянув его за собой. Они вместе толкнули дверь ангара, чтобы добраться до средства их спасения.

Кошка была ему не знакома, но у Росса не было времени ее изучать. Курт подтолкнул его в кабину и сунул в руки очки для ночного видения.

Над ними закрылась пластиковая крышка люка; заведенный Куртом, ожил мотор. Должно быть, кошка едет на максимальной скорости, подумал Росс. И все же казалось, что по залитой лунным светом дорожке, которая уносила их от снежной насыпи, маскирующей базу, они с трудом продвигались не намного быстрее пешего.

Какое-то время Курт держал курс прямо от исходного пункта, но вскоре Росс услышал, что он медленно считал, как будто бы отмеряя что-то. На двадцати семи кошка резко повернулась вправо и описала широкий полукруг, а затем, когда Курт досчитал до двадцати, повторила его таким же поворотом в противоположном направлении. Этот узор повторялся шесть раз; Россу стало трудно определить, не вернулись ли они к исходному направлению. Когда Курт перестал считать, он спросил:

— К чему эти танцевальные па?

— По-твоему, было бы лучше, если бы нас разнесло на мелкие кусочки по всей местности? — огрызнулся тот. — Базе не нужен забор высотой в две мили, чтобы держать нас внутри, а других снаружи, у них другие меры предосторожности. Благодарю судьбу, что мы прошли через первое минное поле и не взорвались.

Росс судорожно вдохнул, но решил не показывать Курту, что он напуган.

— Значит, это нелегко, убежать так, как ты говорил?

— Заткнись! — Курт снова начал считать, и Россу выпало несколько моментов холодной тревоги, за которые он мог поразмыслить над неосмотрительностью поспешно принятого решения. Он уныло спрашивал себя, почему не продумал все тщательно до того, как ввязаться в это?

И снова они нарисовали на снегу плетеный узор, но на этот раз линии образовывали острые углы. Росс время от времени бросал взгляд на полного решимости человека за рулем. Как Курту удалось запомнить весь этот маршрут? Должно быть, ему действительно сильно хотелось сбежать с базы. Они медленно пробирались туда-сюда, на каждом повороте вправо или влево продвигаясь всего лишь на несколько ярдов.

— Хорошо хоть, что на кошках есть дополнительный запас топлива, — комментировал Курт во время одного из перерывов между минными полями. — А то бы мы встали.

Росс подавил дрожь. К счастью, Курт снова стал ехать прямо, повороты остались позади.

— Прощи! — ликующе сказал Курт. Но больше подбадривания не последовало.

Кошка продолжала с трудом продвигаться вперед. Росс не улавливал ни след, за которым можно было следовать, ни указательных столбов в темноте — но Курт с уверенностью вел кошку вперед. Немного позже он притормозил и сказал Россу:

— Мы должны вести по очереди — сейчас твоя.

Росс был в нерешительности:

— Ну, я могу вести машину, но это...

— Просто, как дважды два, — прервал его Курт. — Самым сложным было пробраться через минные поля, это нам удалось. Вот смотри... — Его рука заслонила освещенную приборную панель. — Вот так едешь прямо. Если можешь вести машину, то можешь вести и это. Смотри! — Он снова запустил кошку и еще раз повернул налево.

Лампочка на приборной панели начала мигать, и она мигала тем быстрее, чем сильнее они сворачивали от исходного курса.

— Видишь? Надо ехать так, чтобы лампочка не мигала — тогда ты держишь правильный курс. Если она начинает мигать, меняешь курс, пока она снова не начинает гореть не мигая. Просто даже для ребенка. Так что садись и разбирайся.

Они с трудом поменялись местами в тесной закрытой кабине, и Росс осторожно взялся за руль. Следуя указаниям Курта, он завел мотор, следя больше за лампочкой на панели, чем за темными просторами перед

ним. Но через несколько минут напряжения он полностью уловил суть дела. Как Курт и обещал, все было очень просто. Последив за ним некоторое время, его инструктор издал удовлетворенное ворчание и устроился поудобнее, чтобы вздремнуть.

Когда первое волнение от управления кошкой прошло, процесс становился все более и более монотонным. Росс поймал себя на том, что зевает, но держался с непомерной настойчивостью. Весь пройденный путь был игрой Курта — пока что, — и, уж конечно, он не собирался отступить от первого же случая показать, что и он на что-то может сгодиться. Если бы только этот бескрайний снег иногда прерывался, если бы впереди была видна цель или случайный свет, это было бы не так тяжело. Под конец Росс то и дело сворачивал с курса ровно настолько, чтобы предупреждающее мигание лампочки не дало ему заснуть. Он и не знал, что в один из таких его маневров Курт проснулся, пока тот не заговорил:

— Твой персональный будильник, Мердок? Ладно, я не ссорюсь с тем, кто пользуется своей головой. Но ты бы лучше малость поспал, а то мы не сможем ехать дальше.

Росс слишком устал, чтобы возражать. Они поменялись местами, и он, как мог уютно, свернулся на своей небольшой части сиденья. Только сейчас, когда он мог спокойно поспать, он вдруг осознал, что не хочет этого. Должно быть, Курт думал, что Росс уснул, потому что примерно через две мили монотонной езды он осторожно шевельнулся за рулем. При свете лампочки приборной панели Росс видел, как его спутник залез в верхнюю часть парки, чтобы вынуть маленький предмет, который он одной рукой держал напротив руля кошки; другой рукой он выстукивал неровный ритм.

Для Росса это действие не имело смысла. Но от него не укрылось, что тот вздохнул с облегчением, когда снова запрягал свое сокровище, как будто бы выполнил какое-то сложное задание. Вскоре после этого кошка послушно остановилась, и Росс сел, протирая глаза.

— Что случилось? Проблема с двигателем?

Курт сложил руки на руле.

— Нет. Просто нам нужно здесь подождать...

— Подождать? Подождать чего? Чтобы пришел Келгарис и забрал нас?

Курт засмеялся.

— Майора? А я бы хотел, чтобы он *сейчас* приехал. Что за сюрприз бы его ждал! Не две маленькие мышки, которых можно поймать и посадить в клетку, а кошка — тигр, с когтями и клыками.

Росс выпрямился. Он почувствовал скверный запах подставки — подставки, в самом центре которой он как раз и находился. Он просчитал возможности и получил ответ, который приводил Росса Мердока на другую сторону карты мира. Если Курт ждал здесь встречи с друзьями, то это могли быть только одни друзья.

Большую часть своей короткой жизни Росс вел частную войну против ограничений, налагаемых на него законами, которым что-то внутри него не хотело подчиняться. И за эти годы, наполненные атаками, наступлениями и стратегическими маневрами, он выработал кодекс, по которому он играл в свою опасную игру. Он не убивал и никогда бы не пошел по дороге, на которую свернул Курт. Для того, кто был в высшей степени нетерпим к ограничениям, методы и цели тех, кому служил Курт, были не просто фантастичны и нелогичны до невозможного — они бросали вызов последней капле человеческих сил.

— Твои друзья запаздывают? — Он старался говорить небрежно.

— Нет еще, и если ты сейчас планируешь сыграть героя, Мердок, то думай лучше! — В тоне Курта слышался щелчок приказа — именно эта нота так не нравилась Россу в голосе майора. — Это операция, которую тщательно планировали и от которой зависит очень многое. И никто нам сейчас не испортит...

— Русские внедрили тебя в проект, да? — Росс хотел заставить его говорить, чтобы улучшить для себя время подумать. У него было очень мало времени, и он старался думать быстро и ясно.

— Мне нет нужды рассказывать тебе печальную историю моей жизни, Мердок. И не сомневаюсь, что большая ее часть покажется тебе скучной. Если ты хочешь продолжать жить — по крайней мере, пока, — будешь вести себя тихо и делать то, что тебе говорят.

Должно быть, Курт вооружен — он не вел бы себя так уверенно, не будь у него оружия, которое он мог бы сейчас направить против Росса. С другой стороны, если то, о чем Росс догадывался, было правдой, то сейчас было самое время играть героя — пока справиться нужно было только с Куртом. Лучше быть мертвым героем, чем живым пленником в руках дорогих друзей Курта по ту сторону полюса.

Внезапно Росс метнулся влево, стараясь прижать Курта к водительской стороне кабины. Его руки ухватились за меховую оторочку капюшона противника, пытаясь сжать его горло. Возможно, Курта подвела чрезмерная самоуверенность — неожиданная атака застала его врасплох. Он изо всех сил старался высвободить руки, но ему сильно мешали и собственная одежда, и вес Росса. Заметив блеск металла, Росс ухватился за его запястье.

Они боролись, сдерживаемые тяжестью громоздкой одежды. На секунду Россу пришло в голову, почему Курт не расправился с ним раньше. Но сейчас он бо-

ролся изо всех сил, чтобы обездвигить Курта, нокаутировать его удачным ударом.

Под конец Курт сам способствовал своему поражению. Когда Росс несколько расслабился, его противник с силой бросился на него, но Росс уклонился в сторону. Курт не смог остановиться, и его голова сильно стукнулась о руль кошки. Он отключился.

Росс с пользой использовал следующие несколько минут. Он вытащил свой ремень из-под парки, без малейшей жалости стянув его вокруг запястий Курта. Затем, извиваясь, поменялся местами с потерявшим сознание противником.

Он не имел ни малейшего понятия, куда ехать, но был уверен, что отсюда-то он уберется — на максимальной скорости кошки. Думая только об этом и лишь немного зная, как работает машина, он завел ее и сделал резкий поворот, хотя не был при этом уверен, что кошка поехала именно в противоположном направлении.

Лампочка, которая указывала им путь, все еще горела. Развернувшись, попадет ли он на базу? Затерянный в бесконечности ледяной пустыни, он сделал единственно возможный выбор и дал полный газ.

Глава 4

И вот Росс снова сидит, ожидая, как другие будут решать его судьбу. Внешне он был так же спокоен, как и в кабинете судьи Роула, но на самом деле был полон страха. Там, в пустыне полярной ночи, у него не было шанса спастись. В попытке уйти от встречи с друзьями Курта Росс налетел прямо на поисковую группу с базы. Ему довелось увидеть в действии ту механическую ищейку, которую, как говорил Курт, пускают по следу беглецов, устройство, которое будет охотиться за ними, пока его металл не проржавеет. И хотя хва-

ленный иммунитет Курта от этого охотника был не так уж хорош, как он полагал, все же он помог им на начальном этапе.

Росс не знал, насколько ему поможет то, что он возвращался назад и вез Курта как пленника. За медленно тянувшиеся часы ожидания он уже начал было думать, что это практически неважно. На стене его камеры не было часов; но времени, чтобы подумать, было предостаточно, даже слишком много — и ничего приятного для размышления.

Но из этой арктической экспедиции он извлек один важный урок. Келгарис и другие на базе были самыми серьезными противниками из всех, кого он когда-либо встречал, при этом и в том, что касалось удачи, и в том, что касалось оборудования, перевес был явно на их стороне. Теперь Росс был убежден, что сбежать с этой базы невозможно. Подготовка, которую проделал Курт, произвела на него сильное впечатление; он знал, что кое-что из этого он сам никогда бы не сделал. И он не сомневался, что Курт прибыл сюда с самыми хитроумными приспособлениями, какие только были у русских.

По крайней мере, русских не очень-то вежливо встретили, когда они прибыли в условленное место. Келгарис выслушал Росса и затем выслал вперед команду. Не успела еще группа с Россом прибыть на базу, как арктическую ночь прорезали выстрелы. И когда Курт, который к тому времени уже пришел в себя, понял, что это значит, это был единственный раз, когда он проявил хоть какие-то признаки чувств.

Дверь в камеру Росса щелкнула, и он мгновенно поставил ноги на пол и сел прямо, чтобы лицом к лицу встретить свое будущее. В этот раз он даже не пытался сыграть какую-нибудь роль. Он ни на йоту не сожалел, что пытался убежать. Будь Курт откровенным,

они сыграли бы отличную партию. А то, что вышло, это просто несчастливая случайность.

Вошли Келгарисес и Эш, и при виде Эша напряжение Росса немного ослабло. Для оглашения приговора мог прийти и сам майор, он не взял бы с собой Эша, если бы приговор был слишком суровым.

— Неважно ты здесь начал, Мердок. — Майор присел на край стенной полки, которая служила в то же время и столом. — Но у тебя будет второй шанс, так что считай, что тебе повезло. Мы знаем, что ты не шпион наших врагов, это и спасло твою шкуру. Тебе есть что сказать?

— Нет, сэр. — Говоря «сэр», он не старался быть любезным, это слово проскакивало естественным образом, когда он отвечал Келгарисесу.

— А вопросы есть?

Росс не стал скрывать.

— Множество.

— Так почему не спрашиваешь?

Росс неловко улыбнулся; в этот момент лицо его выглядело уставшим и сильно постаревшим по сравнению с застенчивой мальчишеской улыбкой, которую он использовал, когда притворялся робким.

— Мудрый человек не выставляет напоказ своего незнания. Он слушает и смотрит в оба и не раскрывает рот лишней раз...

— И в результате сваливает, не подумавши... — добавил майор. — Не думаю, чтобы тебе сильно понравилось в компании того, кто платил Курту.

— Я тогда не знал о нем — пока не ушел отсюда.

— Да, а когда узнал правду, то принял меры. Почему? — В первый раз в голосе майора почувствовался намек на какое-то чувство.

— Потому что не люблю чужих подстав.

— В этот раз только это спасло твою шкуру, Мердок. Только переступи черту еще раз, и тебе уже ничто не поможет. Но пока что мы не будем брать это в голову, тем более что ты задашь сейчас кое-какие из своих вопросов.

— Насколько правда то, чем Курт меня пичкал? — выпалил Росс. — В смысле, все эти перемещения во времени?

— Все правда. — Майор сказал это так тихо, что не оставалось никаких сомнений — так оно и есть.

— Но почему?.. Как?..

— Ты нас прижал, Мердок. Из-за твоей небольшой вылазки нам придется рассказать тебе больше, чем рассказываем любому из людей до последнего инструктажа. Так что слушай и забудь все, кроме того, что касается текущей работы.

Как только на обломках Советского Союза возникла Великая Россия и начала побеждать своих соседей, возможность совместных космических экспедиций отпала сама собой. Но и новая космическая гонка тоже не началась. Однако вовсе не потому, что мы сами посылали людей на Луну, — голос майора напрягся. — За многие годы они так и не попытались сделать это. Так почему же они не хотели занять «высокое положение»?

Росс тупо смотрел на него. Означало ли «высокое положение» космос?

— Любое научное открытие происходит не сразу. И по этапам, которые оно проходит, другой ученый может его отследить. Но представь, что ты столкнулся с результатом, который был получен явно без предварительной подготовки. Как по-твоему, что бы это значило?

Росс уставился на майора. Хотя он не видел особой связи между всем этим и прыжками во времени, он чув-

ствовал, что Келгариес ожидал серьезного ответа, что по этому ответу о нем сложится определенное мнение.

— Либо эти этапы хорошо скрывались, — медленно сказал он, — либо результат принадлежит на самом деле не тому, кто говорит, что получил его.

В первый раз майор отнесся к нему с одобрением.

— Предположим, это открытие для тебя жизненно важно — что бы ты сделал?

— Постарался бы отыскать источник!

— Вот! За последние пять лет наши «друзья» по ту сторону додумались до трех таких открытий. Одно нам удалось отследить, продублировать и использовать с небольшими усовершенствованиями с нашей стороны. Два других мы так и не смогли понять, хотя они связаны с первым. Сейчас мы пытаемся решить эту проблему, и времени у нас впритык. Так или иначе, хотя у русских уже есть сверхмощное устройство, по какой-то причине они еще не могут его использовать. Иногда все работает, а иногда бывают и промахи. Все указывает на то, что сейчас русские проводят эксперименты с открытиями, которые, собственно говоря, не совсем их.

— Где же они их взяли? Из другого мира? — У Росса разыгралось воображение. Держали ли успешные космические полеты в секрете? Были ли контакты с другими разумными существами?

— Да, в какой-то мере это другой мир — мир времени, а не пространства. Семь лет назад к нам попал человек из Москвы. Он практически умирал, но прожил достаточно долго, чтобы наговорить на пленку некоторые изумительные данные, настолько безумные, что мы почти отбросили их как бредовые. Но не решались пройти мимо любого намека, полученного с другой стороны. Так что запись передали нашим ученым, которые доказали, что в ней была доля правды.

О путешествиях во времени писали в литературе; обсуждали, возможно ли это. А затем мы выясняем, что у русских это уже работает...

— Вы хотите сказать, они отправляются в будущее и привозят оттуда машины, чтобы применять сейчас? Майор покачал головой.

— Не в будущее, а в прошлое.

Это что, такой у него тонкий юмор? Росс возразил на это с неожиданной злостью:

— Знаете, у меня, конечно, нет вашего образования, но я знаю, что чем дальше в прошлое вы отправляетесь, тем проще устроены вещи. Мы ездим на машинах, еще сто лет назад ездили на лошадях. У нас ружья, но вернитесь немного в прошлое, и вы увидите, что там люди размахивали шпагами и стреляли из лука стрелами в других парней, — тех, которые даже не носили жестяных доспехов, чтобы их не проткнуло.

— Только такие и были, в общем-то, — заметил Эш. — Вспомни про Азенкур, что стрелы сделали с французскими рыцарями в доспехах.

Росс не обратил внимания на то, что его перебили.

— В любом случае, — не сдавался он, — чем дальше в прошлом, тем все проще. Каким образом русские собираются найти в прошлом то, что мы не можем превзойти сегодня?

— Вот это и ставит нас в тупик несколько лет, — заметил майор в ответ. — Только вопрос не в том, как они собираются это найти, а где. Потому что где-то в истории нашего мира они вступили в контакт с цивилизацией, которая способна производить такие передовые идеи и оружие, что наши эксперты просто сбиты с толку. Нам нужно обнаружить этот источник и либо разработать этот рудник самим, либо закрыть его. И пока что мы все еще пытаемся его найти.

Росс покачал головой.

— Должно быть, это было очень давно. А эти ребята, которые обнаруживают гробницы и раскапывают старые города, — они не могут хоть как-то помочь? Неужели такая цивилизация не оставила после себя ничего, что можно обнаружить сегодня?

— Это зависит, — заметил Эш, — от типа цивилизации. Египтяне строили из камня, монументально. Они пользовались инструментами и орудиями из меди, бронзы и камня и были достаточно предусмотрительны, чтобы работать в сухом климате, в котором реликты сохраняются хорошо. Исламские города строились из глиняных кирпичей каменными, медными и бронзовыми инструментами. Они тоже выбрали ту часть мира, в которой климат освежает воспоминания о них.

Греки строили из камня, писали книги, сохраняли свою историю, чтобы передать ее своим преемникам, и так же поступали римляне. А по эту сторону океана инки и майя, а перед ними — неизвестные расы, и ацтеки в Мексике, все строили из камня и металла. И металл с камнем выживают. А что, если еще раньше жили люди, которые использовали пластмассу и хрупкие сплавы, если у них не было желания строить долговременные здания, инструменты и предметы которых не были предназначены для того, чтобы служить долго, возможно, по экономическим причинам? Что бы они нам оставили, учитывая, что, возможно, их и наше время разделил ледниковый период, и ледники стерли в пыль то небольшое, чем они обладали?

Есть доказательства, что полюса планеты поменялись и что когда-то северный район был почти тропическим. Любая катастрофа, достаточно сильная, чтобы «переключить» полюса планеты, вполне могла смести с лица земли все следы цивилизации, какой бы могущественной она ни была. У нас есть все основания

полагать, что такой народ существовал, и мы должны найти его.

— А Эш — это переубежденный скептик, — обронил майор со своего насеста на карнизе на стене комнаты. — Он археолог, один из твоих открывателей гробниц, и он знает, о чем говорит. Мы должны вести поиски во времена более ранние, чем времена первых пирамид или первых крестьян, поселившихся у реки Тигр. Но мы должны дать нашему врагу вести нас. И вот здесь-то вступаешь в дело ты.

— Почему я?

— Это вопрос, на который наши психологи все еще пытаются ответить, мой юный друг. Кажется, большинство людей разных национальностей, задействованных в этом проекте, стали слишком цивилизованными. Реакция большинства людей на определенный набор обстоятельств стала настолько устоявшейся, что они не могут отойти от этого стереотипа, а если личная опасность вынуждает их менять стереотипы поведения, они после этого так выбиты из колеи, что не могут действовать в полную силу. Научи человека убивать, как на войне, и тебе придется переучивать его потом.

Но во время тех же самых войн развился и другой тип. Это прирожденный боец, секретный агент, своего рода пушечное мясо, человек, который живет в боях. Таких немного, и они — мощное оружие. В мирное время такое особенное сочетание эмоций, нервов и умений становится угрозой тому самому обществу, которое оно старалось сохранить во время войны. В мирной обстановке такой человек становится преступником или просто не приспособленным к жизни.

Люди, которых мы здесь отправляем исследовать прошлое, не только обучены самым лучшим образом, они все люди того типа, который когда-то был обозначен как «пограничники». История, убедившись, что

такой человек ныне мертв, рассказывает о нем в сентиментальном ключе, но в настоящем уживаться с ним довольно трудно. Нужные нам агенты для путешествий во времени не приспособлены к современному миру, потому что унаследовали свои способности не вовремя. Они должны быть довольно молодыми и обладать определенным интеллектуальным уровнем, чтобы выдержать суровое обучение и адаптироваться, а потом они должны сдать экзамен. Понятно?

Росс кивнул.

— Вам нужны плуты, потому что они плуты?

— Нет, не потому что они плуты, а потому что не вписываются в их время и место. Я тебя умоляю, Мердок, только не думай, что у нас тут карательное учреждение. Мы бы не завербовали тебя, если бы ты не подошел нам по результатам проверок. Но человек, которого в своем времени могут заклеймить как убийцу, в другую эпоху может вознестись до героя; это крайний пример, но так оно и есть. Когда мы обучаем человека, он не только может выжить в эпохе, в которую мы его посылаем, но он может даже сойти за рожденного в этом времени...

— А как же Гарди?

Майор уставился в пустоту.

— Невозможно всегда делать все идеально. Мы никогда не говорили, что у нас не бывает неудач или опасностей. Мы сталкиваемся и с людьми из других времен, и, если нам везет и мы идем по горячему следу, с русскими. Они подозревают, что мы что-то вынюхиваем, идем по их следу. Им удалось внедрить к нам Курта Вогеля. У него было почти безупречное прикрытие и подготовка. Но ты раскрыл его, Мердок. Ты подходишь нам по тестам, и тебе дадут возможность сказать «да» или «нет» перед первым заданием. Если ты говоришь «нет» и отказываешься от работы, то тебе

придется стать изгнанником и остаться здесь. Ни один человек, прошедший нашу подготовку, не возвращается к нормальной жизни; слишком велики шансы, что его захватят и допросят противники.

— Всю жизнь?

Майор пожал плечами:

— Ну, эта операция может оказаться долгосрочной. Мы надеемся, что это будет не так, но пока что нельзя сказать. Ты будешь в изгнании, пока мы либо не найдем, что нам нужно, либо не провалим операцию полностью. Обдумай это. И дай нам знать, что ты решил, когда придет время. А пока что ты в одной команде с Эшем, который будет следить за тем, как ты проходишь обучение.

Такой большой кусок проглотить было трудновато, но, проглотив его, Росс обнаружил, что переварить его можно. Обучение открывало ему целый новый мир. Постигнуть дзюдо и борьбу было довольно просто, и он по-настоящему наслаждался тренировками. Но долгие часы обучения стрельбе из лука, строгие инструкции по владению бронзовым кинжалом с длинным клинком были более сложными. Учить один новый язык и вслед за ним другой, напряженно заучивать обычаи незнакомых обществ, запоминая строгие табу и этические нормы было очень трудно. Росс учился делать записи узлами на кожаных ремнях; его посвятили в искусство примитивной торговли и заключения сделок. Он начал понимать ценность крестообразного латунного слитка в сравнении с полоской янтарных бус и несколькими хорошо обработанными белыми мехами. Он теперь понимал, почему ему показали торговый караван во время того первого знакомства с целями Операционного Ретрограда.

За время обучения его отношение к Эшу изменилось. Нельзя было тесно сотрудничать с человеком и

продолжать обижаться на его отношение; ты или однозначно с ним не сходилась, или начинал приспособляться к нему. Его благоговение перед необъятными практическими знаниями Эша, которые тот свободно предлагал к услугам его необразованного невежества, создало уважение, которое могло бы стать дружбой, если бы Эш хоть иногда отводил в сторону свой щит безличной деловитости. Росс не старался сломать барьер между ними, главным образом потому, что он был уверен: причиной этому был тот факт, что он был «добровольцем». От этого он испытывал странное новое чувство, анализировать которое избегал. В его досье всегда отмечалась своего рода гордость; теперь ему иногда хотелось, чтобы оно было несколько иным.

Люди приходили и уходили. Ходаки и его партнер исчезли, так же как и Янсен со своим напарником. Один затерянный временной след в этом подпольном заповеднике, который был базой. Росс со временем выяснил, что все учреждение занимало большой остров под внешней коркой льда и снега. Здесь были лаборатории, хорошо оборудованный госпиталь, оружейные, где хранилось оружие, которое обычно можно встретить только в музеях, но здесь оно выглядело совсем не старым и готовым к использованию. Библиотеки с километрами аудиозаписей и фильмов. Росс понимал не все из того, что он видел и слышал, но впитывал все, что мог, так что раз или два, уже засыпая ночью, он думал о себе как о губке, которая уже практически достигла предела поглощения.

Он научился естественно носить такую тунику-килт, какую видел на человеке, убившем волка; с привычной уверенностью бриться листообразной бронзовой бритвой; есть странную пищу, когда распробовал ее вкус. Время выполнения заданий он проводил с двойной пользой: слушая аудиозаписи, он лежал под солнечны-

ми лампами, и постепенно его кожа приняла оттенок потемневшей от непогоды, почти как у Эша. И почти всегда это сопровождал разговор, который нужно было послушать, важный разговор, который он боялся пропустить.

— Бронза, — как-то раз сказал Эш, взвешивая в руке кинжал. Его рукоятка, сделанная из темного рогового материала, украшенного изысканным узором из маленьких золотых кругов, отсвечивала почти так же ярко, как само лезвие. — А ты знаешь, Мердок, что бронза может быть крепче стали? И что если бы не железо, которого было намного больше и которое намного податливее в обработке, мы, возможно, так и не вышли бы из Бронзового века? Железо дешевле, и его легче добывать, а когда первый кузнец научился обрабатывать его, наступил конец одного образа жизни и пришло начало другого.

Да, бронза важна для нас здесь, так же как и люди, которые ее обрабатывали. В старые времена кузнецы были священными. Мы знаем, что у них был секрет своего ремесла, который не признавал границы местностей, племен и наций. Кузнецу были рады в любой деревне, его личность была неприкосновенна на любой дороге. Фактически сами дороги находились под защитой богов; для всех путников на них был мир. Земля тогда была просторна — и пуста. Племен было мало, и они были невелики; для охотника, крестьянина, торговца места хватало. Жизнь была не столько борьбой человека с человеком, сколько борьбой человека с природой.

— И никаких войн? — спросил Росс. — К чему же тогда обучение стрельбе из лука и владению кинжалом?

— Ну, мелкие войны были, разногласия между родовыми кланами или племенами. А что касается лу-

ка — в лесах водились чудовищные звери: гигантские животные, волки, кабаны...

— Пещерные медведи?

Эш терпеливо-устало вздохнул.

— Пойми, Мердок, вся история намного длиннее, чем ты, как мне кажется, думаешь. Пещерные медведи и использование бронзового оружия не совпадают по времени. Нет, тебе нужно вернуться еще, наверное, на несколько тысяч лет назад, и тогда будешь охотиться на своего медведя копьем с каменным наконечником, если, конечно, ты такой дурак, что пойдешь на это.

— Или возьму с собой винтовку. — Росс сделал предложение, которое уже какое-то время вертелось у него на языке.

Эш посмотрел на него неприязненно; Росс знал его достаточно хорошо, чтобы понять — он был действительно недоволен.

— Вот это как раз то, что ты не сделаешь, Мердок. Только не с этой базы, как тебе это уже хорошо известно. Отсюда не берут оружие, не предназначенное для той эпохи, в которую ты отправляешься лгать. И точно так же ты не впутываешься на задании ни в одну операцию, которая может повлиять на ход истории.

Росс продолжал поглаживать лезвие, которое держал в руках.

— А что бы случилось, если бы кто-нибудь нарушил это правило?

Эш отложил в сторону кинжал, с которым он играл.

— Мы не знаем — просто не знаем. Пока что мы действовали на периферийных территориях, держась вдали от любого района с историей, которую мы можем точно отследить. Может, когда-нибудь... — Он невидящим взглядом смотрел на стену с полками для оружия. — Может, когда-нибудь мы сможем стоять и смотреть на воздвижение пирамид, станем свидетеля-

ми шествия армий Александра Македонского... Но не сейчас. Мы сторонимся истории, и мы уверены, что и русские поступают так же. Это старая проблема, появившаяся вместе с атомными бомбами. Никто не хочет нарушить равновесие и отвечать за последствия. Найди мы их аванпост — и мы сразу же убрали бы всех наших людей с заданий.

— А почему все так уверены, что у них где-то есть аванпост? Может, они работают где-то на базе, сэр?

— В принципе могут, но почему-то они так не делают. Насколько мы знаем, это достоверная информация. — Эш вяло улыбнулся. — Нет, источник намного дальше в прошлом, чем их пост, лежащий на середине пути. Но если мы это узнаем, мы их выследим. Так что мы внедряем людей в самые подходящие эры и надемся на лучшее. У тебя тут хорошее оружие, Мердок. Ты хотел бы поносить его всерьез?

Интонация этого вопроса обратила на себя внимание Росса. Его серые глаза встретились с голубыми. Вот оно — наконец.

— Так сразу?

Эш схватил ремень из бронзовых пластин, стянутый цепями, такой же, какой Росс видел на человеке, убившем волка. Он протянул его молодому человеку.

— У тебя пробное задание в любом времени — завтра. Росс втянул побольше воздуха.

— Куда — в какое время?

— На остров, который позднее станет Великобританией. В какое время? Примерно 2000 лет до нашей эры. Люди культуры колоколовидных кубков как раз начинали основывать там поселения. Это твой выпускной экзамен, Мердок.

Росс вложил клинок, который поглаживал, в деревянные ножны на поясе.

— Если ты говоришь, что я смогу сделать это, то я готов попытаться.

Он поймал взгляд, который бросил на него Эш, но не смог понять, что он означал. Раздражение? Нетерпение? Он все еще раздумывал над этим, когда Гордон резко развернулся и оставил его одного.

Глава 5

Росс согласился, но это не означало, что его сразу же отправили в раннюю Британию. «Завтра» Эша оказалось на деле несколькими днями позже. Росс отправлялся под прикрытием торговца кубками, и его перевоплощение снова и снова проверяли эксперты, уточняя правильность каждой детали и убеждаясь, что ни подозрение члена племени, ни ошибка со стороны Росса не выдаст его.

Племя людей кубков прекрасно подходило для проникновения в глубину времен. Они не были тесно связанным племенем; были подозрительны к незнакомцам и бдительны к любому отклонению от нормы, что было естественно для нации с более развитым самосознанием. Жили они торговлей, оставив современности следы их широко раскинувшегося влияния в виде кубков, найденных в могилах, разбросанных небольшими группами от берегов Рейна до Британии.

Своей безопасностью они были обязаны не только табу торговых путей, но и тому, что люди племени кубков были непревзойденными стрелками из лука. Кочевой народ, они заплоняли новые территории, чтобы основать там поселения, миролюбиво уживаясь среди народов с совершенно другими обычаями — крестьянами с полей, коневодами, рыбаками из прибрежной зоны.

С Эшем Росс прошел последнюю проверку. Волосы у них еще не отросли настолько, чтобы их заплетать, но были уже достаточно длинными, так что их приходилось откидывать назад с лица и перехватывать кожаной повязкой. Туники-юбки из грубого материала, сшитые по образцам, привезенным из прошлого, плохо сидели и были не очень удобны. Но мастерство, с которым были сделаны их бронзовые ремни со звеньями и украшениями, блестящие налучники, пристегнутые к их запястьям, и сами луки, было почти искусством. У Эша был закругленный синий плащ главного торговца, и он носил дорогое ожерелье из блестящих зубов волка и янтарных бусинок. Росс занимал более скромное положение в племени, о чем свидетельствовал не только его красно-коричневый плащ, но и тот факт, что все его личные украшения состояли из медного браслета и плащевой булавки с агатом.

Он понятия не имел ни как происходило перемещение во времени, ни как возможно шагнуть с полярной зоны Западного полушария на Британские острова, лежащие намного восточней. И как выяснилось, это было не так-то просто.

Само перемещение было несложным, хотя и раздражающим процессом. Нужно было пройти по короткому коридору и стоять на плоской плите, пока сгущающийся там свет клубился плотной пеленой, отгораживая стоящего там от стен и пола. Россу страшно не хватало воздуха; его будто бы откачивали из легких. На мгновение он испытал мучительную тошноту, чувствуя, будто бы затерялся в небытии. Затем снова вдохнул и взглянул через подцветенную стену света, где его ждал Эш.

Насколько быстрым и легким было перемещение во времени, настолько тяжелым было путешествие в Британию. Чтобы сохранять все в секрете, следовало использовать только один перевалочный пункт. Но из

этого пункта люди должны быстро и тайно перемещаться к своим пунктам назначения. Россу, усвоившему строгий запрет на перевозку предметов одного времени в другое, было весьма интересно, как можно осуществить такое передвижение. В конце концов, не должны же они проводить месяцы или даже годы, переплывая через моря на другие континенты.

Ответ был изобретателен и оригинален. Через три дня после того, как Росс и Эш ступили на аванпост через временной барьер, они раскачивались на округлой спине кита.

Это был кит, который ввел бы в заблуждение любого, не опробовавшего его кожу гарпуном, но китоловы с гарпунами столь острыми, чтобы навредить подобному чуду, были еще далеко в будущем.

Эш спустил лодку на воду, Росс забрался в это шаткое судно, придерживаясь за замаскированную подводную лодку, и его спутник присоединился к нему. День был туманный, моросило; и берег, к которому они направлялись, казался тонкой едва видимой линией за водой. По спине у Росса пробежали мурашки, и не только от холода; Росс опустил весло и помог Эшу направить их странное судно к тающей полоске земли.

Зари почти что не было, небо слегка посветлело, но моросить не перестало. На берегу среди раздетых зимой деревьев виднелись зеленые участки, но встречавшая их местность производила впечатление дикой пустыни. Из проведенного инструктажа Росс знал, что вся Британия была еще редко населена. За первой волной охотников и рыбаков, которые основывали поселения, последовали другие, строившие массивные мавзолеи и исповедовавшие развитую религию. Маленькие поселения-крепости, связанные друг с другом тропинками, ведущими от холма к холму, — это были «заводы», которые производили в основном кремневые орудия и

инструменты, бурно развивающаяся промышленность на полном ходу, пока еще не вытесненная металлом, который завозили купцы людей кубков. Бронза была еще столь редкой и дорогой, что только вождь деревни мог надеяться стать владельцем какого-нибудь длинного кинжала. Даже наконечники стрел в колчане Росса были сделаны из кремния.

Они завели лодку на сушу и загнали ее в небольшую гавань у берега, скрыв за камнями и ветками кустарника. Затем Эш пристально осмотрел местность в поисках ориентира.

— В глубь страны отсюда... — Эш перешел на язык людей кубков, и Росс понял, что с этой минуты он должен не только жить, но и думать как торговец. Все другие воспоминания должны быть похоронены под фальшивыми, которые он заучил; он должен интересоваться текущим курсом обмена и возможностью получить прибыль. Два человека направлялись к аванпосту Гог, где хорошо играл свою роль первый партнер Эша, отважный Сэнфорд.

Дождь превратил их плащи в промокшую ношу, хлопнул в кожаных сапогах, превратил в шапки хитроумно заплетенные волосы. И все же Эш непреклонно продвигался вперед с уверенностью человека, идущего по меченому следу. Его уверенность была вознаграждена через первые полмили, когда они набрали на одну из тропинок: она была так протоптана, что можно было понять, что ходили по ней часто.

Здесь Эш повернулся на восток, перейдя почти на бег, меряя землю большими шагами. Мир на дороге сохранился — по крайней мере днем. Ночью же только самые отчаянные изгои осмелились бы бросить вызов злым духам, скитающимся в темноте.

Следуя за своим проводником, ощущая странный запах влажного кустарника, деревьев и сырой земли,

сопоставляя в уме то, чему его учили и что он сейчас видел воочию, Росс начал осмысливать все практические знания, которые внушали ему на базе, пока они не превратились в стройную систему.

Путь, по которому они шли, проходил по небольшому холму, и перемена в направлении ветра донесла до них кисловатый запах, заслонивший все остальные запахи. Эш остановился так резко, что Росс едва не натолкнулся на него. Но он был встревожен поведением старшего товарища.

Что-то сгорело! Росс набрал полные легкие воздуха и сразу же пожалел об этом. Это было дерево — сгоревшее дерево — и еще что-то. Так как подобная ситуация не была нормальной, Росс не удивился, когда Эш растаял в укрытии в кустарнике.

Они осторожно продвигались, иногда проползая на животе через сырые кучи мертвой травы, старательно используя любое укрытие. На вершине холма они припали к земле, пока Эш раздвигал колючие вечнозеленые кусты, чтобы сделать смотровое окошко.

Участок земли, выжженный огнем, простирался снизу холма до противоположной стороны долины. Обуглившиеся столбы стояли как редкие зубы в оскале черепа, как бы указывая на то, что здесь когда-то была укрепленная стена поселения. Но единственное, что они охраняли сейчас, это опустошение, от которого исходило невыносимое зловоние.

— Наш пост? — шепотом спросил Росс.

Эш кивнул. Он изучал картину перед ним с пристальным вниманием, которое, знал Росс, запечатляет в памяти каждую важную подробность. То, что место именно целенаправленно сожжено, было ясно с первого взгляда. Но почему и кем? Это был вопрос, жизненно важный для двух людей, притаившихся в кустарнике.

У них ушел почти час, чтобы пересечь долину — час поисков, укрытий, розысков. Они обошли кругом уничтоженный пост, и Эш стоял в тени деревьев, отирая грязь с ладоней и хмуро глядя на обуглившиеся столбы.

— Их не штурмовали. А если и штурмовали, то нападающие впоследствии замаскировали свои следы, — отважился заметить Росс.

Его старший напарник покачал головой.

— Люди этих мест не стали бы спутывать свои следы, если бы они победили. Нет, это была необычная атака. Нет следов атаки и ухода военного отряда.

— Тогда что? — жестко спросил Росс.

— Возможно, это была молния, и лучше было бы, если б так. Или... — Голубые глаза Эша были такими же холодными и гнетущими, как и окружающий пейзаж.

— Или... — осмелился подсказать Росс.

— Или у нас был неудачный контакт с русскими.

Рука Росса инстинктивно протянулась к кинжалу на поясе. Но мало пользы было от кинжала в такой неравной схватке, как эта! Их было всего двое в тонкой паутине людей, растянутой во времени сквозь столетия, с приказом разыскать то, что не совсем вписывалось в прошлое как таковое: обнаружить врага, где бы он ни находился на Земле — в истории или древней предыстории. Были ли русские тоже в поиске, и означало ли это первое поражение их победу?

У торговцев во времени появились и доказательства, когда они наконец отважились войти в то, что когда-то было сердцем аванпоста Гог. Росс, как бы ни был он неопытен в подобных делах, безошибочно определил признаки взрыва. На верхушке холма была воронка, и Эш стоял рядом с ней, взирая на разбросанные вокруг обломки — выжженное дерево, почерневшие камни.

— Русские?

— Должно быть. Разрушения от взрыва.

Было очевидно, что аванпост Гог не мог сообщить о бедствии. Нападение уничтожило их связь с постом на этом временном уровне; скрытая портативная радиостанция оказалась уничтожена при взрыве.

— Одиннадцать. — Эш барабанил пальцами по пряжке своего широкого ремня. — У нас около десяти дней, которые надо продержаться, — добавил он. — И, кажется, мы можем использовать их с большей пользой, чем просто узнать, что чувствуешь, когда прогуливаешься примерно за четыре тысячи лет до того, как родился. Мы должны выяснить, если сможем, что здесь случилось и почему.

Росс взглянул на развалины.

— Копнем? — спросил он.

— Вообще копнуть стоит.

И они начали копать. Наконец, черные от угольной пыли, удрученные от свидетельств смерти, на которые они наткнулись, они рухнули на самое чистое место, которое смогли найти.

— Должно быть, они напали ночью, — задумчиво сказал Эш. — Только ночью здесь были все. Мы не доверяем ночам, наполненным призраками, и наши агенты не изменяют местным обычаям. Ночью всех людей поста можно было уничтожить одной бомбой.

Все остальные здесь, кроме двух людей, были действительно торговцами кубками, включая женщин и детей. Больших постов у людей кубков не было, а этот был даже меньше обычного. Нападающие стерли с лица земли двадцать человек — восемнадцать из них были невинными жертвами.

— Как давно? — Росса это действительно интересовало.

— Может, дня два. И нападение было совершенно неожиданным, иначе Сэнди прислал бы сообщение. У него не было ни малейших подозрений; его послед-

ние отчеты были вполне стандартными, а это означает, что если они были у него на хвосте — а судя по результатам, так и было, — то он не имел об этом даже смутного представления.

— И что же нам теперь делать?

Эш взглянул на него.

— Мы смываемся... Нет... — поправился он, — мы остаемся. Мы идем в деревню Нодрена. Мы напуганы, охвачены печалью. Мы обнаружили, что наши кровные родственники погибли при странных обстоятельствах. Мы задаем вопросы тому, кто знает меня как обитателя этого поселения.

Итак, все в грязи, они шли по тропинке к соседней деревне с усталостью, которую им не нужно было изображать.

Первой их увидела или, возможно, учуяла собака. Это был зверь с грубой шерстью, скалившийся с волчьей свирепостью. Но он был меньше волка, и между его предостерегающими рыками прорывался лай. Эш извлек лук, спрятанный под плащом, и держал его наготове.

— Эй, я иду говорить с Нодреном — Нодреном с Холма!

Только собака щелкала клыками и рычала. Эш вытер локтем лицо — то был жест утомленного и павшего духом человека, размазавший пепел и сажу в ужающую маску.

— Кто говорит с Нодреном? — Слова звучали несколько иначе, но Росс мог их разобрать.

— Тот, кто охотился и пировал с ним. Тот, кто протянул в его руку дружбу никогда не притупляющегося ножа. Это Ашша из торговцев.

— Уйди от нас, несчастный. Уйди, тот, за кем охотятся злые духи. — Последние слова прозвучали пронзительным криком.

Эш остался на месте, в упор глядя в кустарник, скрывающий людей племени.

— Кто говорит за Нодрена, но не голосом Нодрена? — спросил он. — Это спрашивает Ашша. Мы вместе пили кровь и вместе стояли лицом к лицу с яростным белым волком и яростным кабаном. Нодрен не позволяет другим говорить за него, ибо Нодрен человек и правитель.

— А ты проклят! — В воздухе пролетел камень, попав в дождевую лужу и забрызгав грязью сапоги Эша. — Уходи и забирай свое зло с собой.

— Не от руки ли Нодрена и его племени сошел рок на людей моей крови? Не пролетали ли стрелы войны между поселением торговцев и городом Нодрена? И не поэтому ли прячешься ты в тени, чтобы я, Ашша, не мог взглянуть в лицо тому, кто говорит так смело и кидает камни?

— Нет стрел войны между нами, торговцы. Мы не вызываем духов холмов. И ночью с небес не извергается пламя, чтобы сожрать поселение с шумом невообразимого грома. Лургха говорит таким громом; рука Лургхи разит таким пламенем. На тебе Гнев Лургхи, торговец. Держись от нас подальше, не то Гнев Лургхи падет и на нас тоже.

Лургха был местным богом грозы, вспомнил Росс. Звук грома и пламя, исходящее с небес ночью — бомба! Возможно, уже из-за самого способа нападения на пост Эшу не удастся ничего узнать у этих людей. Суеверия будут отталкивать их как от места, где было поселение, так и от самого Эша, как от проклятого и табу.

— Если Ашша подвергся Гневу Лургхи, то неужели Ашша выжил бы и сейчас шел по этой дороге? — Эш проткнул землю наконечником дуги лука. — И все же Ашша идет, и ты видишь его; говорит, и ты слышишь его. Смешно отвечать ему детским лепетом...

— Духи тоже ходят и говорят, несчастный, — возразил человек в укрытии. — Возможно, это сейчас дух Ашша.

Эш неожиданно подпрыгнул. После суматохи, скрытой кустами, он появился снова, таща за собой в сером свете дождливого дня извивающегося пленника, которого без церемоний швырнул на утоптанную землю дороги.

Это был бородатый человек с густой копной черных волос, стянутых на макушке кожаным шнуром. Его кожаная туника, сейчас сильно смятая, была перехвачена плетеным ремнем с кисточками.

— А, так это Лал Быстрый Язык так громко говорит со мной о духах и о Гневе Лургхи! — Эш изучал своего пленника. — Ну, Лал, раз уж ты говоришь за Нодрена — что, я полагаю, его крайне удивит, — ты и дальше расскажешь мне об этом Гневе Лургхи с ночных небес и о том, что случилось с Санфра, который был мне братом, и с остальными моими родственниками. Я Ашша, а ты знаешь о гневе Ашша и о том, как он уничтожил бандита Кривой Зуб, когда тот пришел со своими плохими людьми. Гнев Лургхи горяч, но горяч и гнев Ашша. — Эш так скривился, что Лал дернулся и отвернулся. Когда человек из племени заговорил, от его былых угроз не осталось и следа.

— Ашша знает, что я его собака. Так пусть же он не направляет на меня ни свой быстрый острый большой нож, ни стрелы из своего молниеносного лука. Ибо это Гнев Лургхи покарал место на холме, сначала гром его кулака ударил по земле, а затем пламя, которое он выдохнул на тех, кого казнил.

— И ты видел это своими собственными глазами, Лал? Лохматая голова изо всех сил отрицательно закивала.

— Ашша знает, что Лал не правитель, который может встать и глядеть на чудеса могущества Лургха и

не лишиться за это глаз и головы. Сам Нодрен видел это чудо.

— Но если Лургха пришел ночью, когда все спят дома, предоставляя внешний мир беспокойным духам, то как же Нодрен видел его пришествие?

Лал припал к земле еще сильнее; его глаза бегали от кустов, которые обещали свободу, к твердо стоящим на земле сапогам Эша.

— Я не правитель, Ашша. Как я могу знать, как и почему Нодрен видел сошествие Лургхи?

— Фу! — Второй голос, голос женщины, прошипел из-за кустов, которые обрамляли дорогу. — Говори с Ашша, не кривя душой. Если он дух, он узнает, что ты ему солгал. А если его пощадил Лургха... — Она выразила удивление громким шипящим вдохом.

Побуждаемый ею, Лал приглушенно замямлил.

— Говорят, что для того, кто увидел Гнев Лургхи, снисходящий на инородцев, было послание, чтобы Нодрен и люди Нодрена истинно знали, что торговцы прокляты и их следует пронзить копьем, приди они сюда снова.

— Это послание — как его получили? Звучал ли голос Лургхи только в ушах Нодрена, или он исходил с чьего-нибудь языка?

— А-а-а! — Лал растянулся на земле, зажав голову руками.

— Лал дурак и боится собственной тени, когда она прыгает перед ним в солнечный день! — Из кустов выступила молодая женщина, очевидно, занимающая важное положение в своем племени. Она шла гордой поступью; ее взгляд встретился со взглядом Эша. Блестящий диск висел на ремешке, обвивающем ее шею, а другой украшал витый ремень на тунике из ткани. Ее волосы были затянуты узлом и закреплены агатовыми булавками.

— Приветствую Касску, Первую Сеятельницу. — В голосе Эша зазвучали формальные нотки. — Но зачем Касске прятаться от Ашша?

— На твой холм пришла смерть, Ашша, — презрительно сказала она, — и сейчас от тебя пахнет этой смертью — смертью Лургхи. Те, кто приходит с этого холма, возможно, уже более не ходят в своих телах. — Касска быстро коснулась пальцами вытянутой ладони Эша и кивнула. — Нет, ты не дух, Ашша, ибо все знают, что дух тверд для глаза, но нетверд на ощупь. Так что кажется, что тебя Лургха все же не сжег.

— Это послание от Лургхи... — подсказал Эш.

— Оно пришло из воздуха, и слышали его не только Нодрен, но и Хангор, Эффар и я сама, Касска. Ибо в тот момент мы стояли у Старого Места... — Она сделала своеобразный жест пальцами правой руки. — Вскоре наступит время сеять, и хотя Лургха посылает солнце и дождь, чтобы вскормить зерно, все же именно Великая Мать простирает семена. В это время только женщины могут входить во Внутренний Круг. — Она повторила свой жест. — Но когда мы собрались, чтобы принести первую жертву, в воздухе зазвучала музыка, коей мы никогда не слышали, голоса пели, как птицы, на незнакомом языке. — Ее лицо приобрело выражение благоговения. — После голоса сказали, что Лургха был разгневан на людей с холма, пришедших издали, и что ночью он ниспошлет на них Гнев, и что Нодрен должен быть свидетелем этого, чтобы он мог видеть, что Лургха делает с теми, кого он наказывает. И так Нодрен и сделал. И в воздухе был звук...

— Какой звук? — тихо спросил Эш.

— Нодрен сказал, это было жужжание, и была темная тень птицы Лургха между ним и звездами. А затем началась кара с громом и молниями, и Нодрен бежал, ибо Гнев Лургхи ужасен. Теперь люди шествуют к Ме-

сту Поклонения Великой Матери со множеством подношений, прося ее стать между ними и Гневом.

— Ашша благодарит Касску, служанку Великой Матери. Пусть же возрастают посевы и дадут хороший урожай в этом году! — сказал Эш под конец, не обращая внимания на Лала, который все еще лежал ниц на земле.

— Ты уходишь из этого места, Ашша? — спросила она. — Ибо хотя я и стою под защищающей дланью Великой Матери, а потому не боюсь, все же есть и другие, кто поднимет против тебя копьё в честь Лургхи.

— Мы уходим, и еще раз спасибо тебе, Касска.

Он развернулся в том направлении, откуда они пришли, и Росс пошел в ногу с ним; женщина провожала их взглядом, пока они не исчезли из виду.

Глава 6

— Эта птица Лургха, — сказал Росс, когда Касска и Лал уже не могли их видеть, — может, это был самолет?

— Похоже на то, — резко оборвал его спутник. — Если русские сработали результативно, а причин подзревать иное нет, нет смысла идти в город Дорхта или Мунга. Возможно, там уже огласили все о Гневе Лургхи — для их блага, а не для нашего.

— Мне показалось, Касску не очень-то сильно впечатлило проклятие Лургхи, не так сильно, как мужчину.

— В этом племени она занимает позицию жрицы и служит богине более могущественной и старшей, чем Лургха, — Матери Земле, Великой Матери, богине плодородия и роста. Люди Нодрена верят, что если Касска не выполнит свои мистические ритуалы и не засеет весной часть первого поля, то год будет неурожайный. Следовательно, она неприкосновенна при занимаемом ею положении и не слишком боится Гнева Лургхи. Эти

люди сейчас в процессе перехода от одного культа к другому, но кое-что из верований Касски дотянет ни много ни мало до наших дней, принимая по ходу дела облик «магии» и других подобных форм.

— А люди племени пойдут за нами?

— Вполне может быть. Только дай этим «правоверным» вдоволь поговорить о священной казни тех, на кого обрушился Гнев Лургхи, и мы не оберемся неприятностей. Некоторые из этих людей опытные охотники и следопыты, а русские, возможно, внедрили агента, который доложит о возвращении людей в наше поселение. Сейчас из всех путешественников во времени на задании мы самые важные, потому что мы знаем, что русские были на этом уровне. У них, должно быть, здесь тоже есть большой пост, иначе бы они не смогли выслать самолет в этот рейд. Нельзя построить средство для путешествий во времени настолько большое, чтобы перенести значительное количество материи. Все, что мы используем, должно быть собрано здесь, а применение машин ограничено той территорией, где их не могут видеть местные жители. К счастью, там, где мы размещаем посты базы, огромные пространства этого мира еще не освоены и малонаселены. Так что если у русских есть самолет, то он был собран здесь, а это значит, что где-то здесь у них большой пост. — Снова Эш думал вслух так, как и тогда, когда толкнул Росса на окраину леса. — Мы с Сэнди прошлой весной неплохо порыскали по этой территории. В полумиле к западу есть пещера; в ней мы и укроемся на ночь.

План Эша легко было бы осуществить, не будь пещера занята. Они без приключений добрались до углубления, через которое струился слабый ручеек, окаймленный тонкой корочкой льда у берегов. По указанию Эша Росс набрал охапку дров. Он не был лесорубом, но после длительного пребывания под холодным до-

ждем страстно мечтал даже о грубом приюте в пещере, так что бросился вперед не задумываясь. Он наступил на полоску скользкой грязи, которая, брызнув, расплзлась по его лицу. Послышалось рычание, и на него бросилось нечто белое. Жизнь ему спас плащ, собравшийся складками вокруг его горла и плеч — клыки поймали только плотную ткань.

Испуганно вскрикнув, Росс откатился насколько мог, избегая второго нападения, стараясь скорее вынуть кинжал из ножен. Белая горячая вспышка боли пронзила его руку. Ему казалось, из него выдавили дыхание, когда вдруг битва переваливалась через его распростертое тело. Он слышал рыки, ворчание; его сильно били. Затем, когда тела сдвинулись от него, он освободился. С трудом поднялся на колени. Недалеко от него борьба все еще продолжалась. Он видел, как Эш широким движением оттолкнул от себя огромного белого волка: его ноги зажали заднюю часть животного, согнутыми руками он старался ухватить зверя за шею, толкая его вверх и назад; и тут он как раз поднял кинжал и дважды вонзил его в нависшее тело.

Росс держал свое оружие наготове. Он полусогнулся, выпрямился, и его кинжал вошел точно между тонкими ребрами. Должно быть, один из их ударов попал в сердце животного. Почти по-человечески вскрикнув, волк конвульсивно застыл. Наступила тишина. Эш присел на корточки рядом с волком, методично вбивая кинжал во влажную землю, чтобы очистить лезвие.

Красная струйка стекала по его бедру там, где нижний край его туники-юбки был разодран. Он тяжело дышал, но его обычная собранность не изменила ему.

— В это время года они иногда охотятся парами, — заметил он. — Так что держи лук наготове.

Росс натянул тетиву, которую хранил, сберегая от влаги, в передней складке туники, и вставил стрелу,

испытывая чувство благодарности за преподанные уроки стрельбы, потому что теперь стал вполне сносным метким стрелком. Рана на руке отдавала жгучей болью, протестуя против движения, и он заметил, что Эш даже не пытался встать.

— Сильно? — Росс указал на продолжающую увеличиваться лужицу крови около бедра Эша.

Эш отвел разорванную тунику и изучал отвратительно выглядящую глубокую рану с наружной стороны бедра. Он зажал ладонью зияющую рану и приказал Россу двигаться вперед.

— Посмотри, свободна ли пещера. Мы не можем ничего делать, пока этого не узнаем.

Росс неохотно пошел вдоль ручейка, пока не обнаружил пещеру, укромное местечко с навесом, защищающим от дождя. При входе в нее повеяло затхлостью. Он подобрал камень, бросил его в темноту пещеры и ждал. Прогрохотал булыжник, ударившийся о стену, но других звуков не было. За первым камнем под другим углом полетел второй, с тем же результатом. Теперь Росс был уверен, что пещера не занята. Попав внутрь и разведя огонь у входа, можно было надеяться, что незваные гости не придут. Слегка приободрившись, он прошелся немного вверх по течению, а затем вернулся туда, где оставил Эша.

— Самца нет? — поприветствовал тот его. — Это самка, шенная. — Он пнул белую волчицу ногой. Рукой он придерживал сложенные у бедра тряпки, на его лице тенью лежала боль.

— По крайней мере в пещере никого. А ну-ка посмотрим. — Росс отложил лук в сторону и присел на колени осмотреть рану Эша. Его собственное ранение было скорее касательным, а эта рваная рана была глубокой и опасной.

— Вторая пластина... ремень... — Эш выговаривал слова через стиснутые зубы, и Росс с щелчком открыл скрытую нишу в бронзовом ремне товарища и извлек маленький сверток. Лицо Эша перекосилось, когда он проглотил сразу три таблетки. Росс раздавил еще одну таблетку о повязку, и когда последняя обременительная процедура была закончена, Эш расслабился.

— Будем надеяться, что сработает, — прокомментировал он мрачно. — А теперь подойди ко мне, так чтобы я мог до тебя дотянуться и посмотреть твою царапину. Укусы животных могут давать весьма неприятные последствия.

Перевязанный, ощущая во рту горький вкус антибиотика, Росс помог Эшу дохромать до пещеры. Пока он расчищал пол пещеры, его старший товарищ ждал снаружи; потом он помог ему как можно удобней устроиться на постели из листьев папоротника. Огонь, по которому так тосковал Росс, был разведен. Они стащили с себя промокшую одежду и развесили ее сушить. Росс облепил застреленную им птицу глиной и запекал, спрятав ее под горячие угли.

Они уже получили на сегодня свою долю неприятностей, думал он, а сейчас в безопасности, и у них есть огонь и пища. Рука болела, стреляя острой болью от пальцев к локтю, когда он ею двигал. Хотя Эш не жаловался, Росс догадался, что он чувствовал себя намного хуже, но мужественно скрывал все признаки приступов боли.

Птицу они ели руками. Росс смаковал каждый жирный кусочек, дочиста облизывая руки после еды; Эш откинулся на импровизированную постель, в отсвете огня его лицо казалось вытянутым и мрачным.

— Мы в пяти милях от моря. Связаться с нашей базой после уничтожения установки Сэнди мы не можем.

Мне нужно отлежаться, потому что я больше не могу рисковать потерей крови. А от тебя мало пользы в лесу.

Росс воспринял эту оценку с непривычной покорностью. Он прекрасно осознавал, что, если бы не Эш, это он, а не белый волк лежал бы мертвым там в долине. И все же странная застенчивость мешала ему выразить свою благодарность словами. Единственный вид благодарности, на который он мог пойти для облегчения боли другого, это предоставить руки, ноги и силу человеку, который знал, что делать и как.

— Нам нужно охотиться, — осмелился сказать он.

— Олень, — прервал его Эш. — Но на болоте у устья этого ручья охотиться лучше, чем в местах, удаленных от моря. Если волчица была здесь очень долго, она уже успела отпугнуть любую дичь. Меня беспокоит не вопрос еды...

— Да, мы тут увязли, — вставил Росс за него с некоторым вызовом. — Слушай, я подчиняюсь приказам. Это твоя территория, а я новичок в этой игре. Ты говоришь мне, что делать, и я стараюсь делать это как можно лучше. — Он взглянул на Эша, пристально рассматривая его, но, как обычно, его загорелое лицо ничего не выражало.

— Первое, что нужно сделать, это освежевать волчицу, — отрывисто сказал Эш. — И похорони тушу. Ты бы лучше затащил ее сюда, чтобы разделаться с ней. Если ее самец где-то поблизости, он может попытаться напасть на тебя.

Росса изумило, что, по мнению Эша, необходимо было получить кожу волчицы, но он не задавал вопросов. Снятие кожи заняло в четыре раза больше времени и было сделано далеко не так аккуратно, как та работа, которую выполнил человек с всклокоченными волосами. Россу пришлось вымыться в ручье, перед тем как закидать камнями труп во временном захоронении.

Когда он вернулся в пещеру со своей кровавой ношей, Эш лежал с закрытыми глазами. Росс с облегчением присел на кипу листьев папоротника и старался не замечать пульсирующую в руке боль.

Должно быть, он уснул, потому что когда он поднялся, то увидел, что Эш ползет подкинуть дров в гаснущий огонь. Росс, злясь сам на себя, первым достиг цели.

— Вернись, — сказал он грубо. — Это моя работа. Я не собирался сдаваться.

К его удивлению, Эш вернулся на свое место, не говоря ни слова, оставив Росса сидеть у огня — огня, которому он очень обрадовался. Особенно через несколько мгновений, когда ветер донес до него завывающий вопль. Если это был и не самец волчицы, то в любом случае другой ее родич, который рыскал по верхним пределам маленькой долины.

На следующий день, обеспечив Эша запасом дров, Росс отправился попытать удачи на болоте. Сильный морозящий дождь, который намочил землю днем раньше, перестал, и его взору предстало чистое яркое утро, хотя порывы ветра были ледяными. Но все же это было хорошее утро: они были живы, он направлялся на охоту, и Росс пришел в приподнятое расположение духа.

Он старался использовать все практические знания о лесе, которые выучил на базе. Но поле было совсем не то, что классная комната. Ему казалось, что Эш остался бы недоволен им.

Болото представляло собой ряд луж между растущими рядами ивами с опавшими листьями и грубыми пучками травы; бугорки более твердой почвы торчали из болота, как островки. Идущий с осторожностью Росс был рад тому, что от одного из таких бугорков вился след белого дымка, и он увидел черное пятно, которое, возможно, было простой лачугой. Росс никак не мог понять, почему кто-то решил жить посреди та-

кого места, хотя, возможно, это было лишь временное жилище какого-нибудь охотника.

Росс видел и тысячи птиц, жадно клюющих сухое зерно болотной травы, ковыряющихся в лужах и устроивших такой шум, что человек мог сойти с ума.

В то утро Россу было за что гордиться своей меткостью. В колчане у него было, наверное, с полдесятка более легких стрел, специально для охоты на птиц. Вместо тонко расщепленных кремневых наконечников и наконечников с зубцами, которые годились для более крупной дичи, эти стрелы заканчивались острыми, как игла, легкими костяными насадками. Буквально за несколько минут у него уже была «цепочка» из связанных за лапки четырех птиц: по первой же тревоге стая поднялась в небо, чтобы опуститься опять только когда тревога миновала.

Потом он набрел на зайца, довольно крупного, который нахально уставился на него из-за пучка травы. Правда, в предсмертных судорогах заяц успел сделать пару прыжков, и Россу пришлось выйти из своего укрытия, чтобы подобрать тело. Но он был начеку и встал во весь рост, держа кинжал наготове, чтобы достойно встретить человека, который раздвинул кусты, следя за ним.

Минута, в течение которой серые глаза смотрели в коричневые, длилась очень долго; потом Росс заметил, что одежда другого грязная и оборванная. Туника-юбка, заляпанная грязью, выжженная и обугленная с одного края, была сделана в таком же стиле, как и его собственная. Волосы у него были собраны сзади лентой, а люди местного племени носили хвост на макушке.

Росс, все еще с кинжалом наготове, первым прервал тишину.

— Я верю в огонь и обработанный металл, и встающее солнце, и движущуюся воду. — Он повторил приветственную речь людей кубка.

— Огонь греет по милости Тулдена, металл обрабатывается таинством кузнеца, солнце всходит без нашей помощи, а кто может остановить воду? — Голос у незнакомца был хриплым. Теперь, когда Росс рассмотрел его внимательнее, он увидел темную царапину на открытом плече, кровавый след ожога, перечеркнувший его широкую грудь. Он осмелился проверить свои предположения о другом.

— Я родственник Ашша. Мы вернулись на холм...

— Эш!

Не «Ашша», а «Эш»! Росс, хоть и точно уловивший разницу в произношении, был все еще осторожен.

— Ты с холма, который Лургха сжег огнем и молнией?

Человек перешагнул длинными ногами через бревно, служившее ему укрытием. Ожог на груди был единственным его клеймом: Росс заметил другую красную полосу, раздувшуюся и яркую, от которой опухла икра. Человек пристально изучал Росса, а затем его пальцы сложились в жест, который для непосвященных коренных жителей означал, наверное, отпугивание зла.

— Сэнфорд?

При звуке этого имени человек отрицательно покачал головой.

— Макнил, — назвался он. — Где Эш?

Конечно, он мог действительно быть тем, кем назвался, но мог оказаться и русским шпионом. Росс не забыл Курта.

— Что случилось? — парировал он один вопрос другим.

— Бомба. Должно быть, русские выследили нас, и у нас не было шансов. Мы не ожидали никаких неприятностей. Я спустился поискать пропавшего навьюченного осла и был на полпути назад, когда она ударила. Меня тоже немного задело. А остальные... Ну, вы ведь сами видели место?

Росс кивнул.

— Что ты здесь делаешь?

Макнил устало махнул рукой.

— Я пытался разговаривать с Нодреном, но они закидали меня камнями. Я знал, что Эш должен прибыть, и надеялся встретиться с ним, когда он доберется до берега, но опоздал. Потом я вычислил, что он будет проходить здесь, чтобы связаться с подлодкой, так что я ждал здесь, пока не увидел тебя. Где Эш?

Все звучало довольно логично. И все же с раненым Эшем у Росса не было шансов. Он вложил кинжал обратно в ножны и поднял зайца.

— Оставайся здесь, — сказал он Макнилу. — Я вернусь.

— Но... Подожди, ты, молодой дурень! Где Эш? Нам надо держаться вместе.

Росс шел дальше. Он был уверен, что у незнакомца не хватит сил броситься за ним вдогонку, а он запутает следы, прежде чем вернуться к пещере в долине. Если этот человек внедрен русскими, ему придется иметь дело с тем, кто уже имел дело с Куртом Вогелем.

Но запутать следы было делом не пяти минут. Уже миновал полдень, когда Росс вернулся к Эшу, который сидел у огня у входа в пещеру, вытаскивая кинжалом костыль из молодого деревца. Он одобрительно посмотрел на ношу Росса, но потерял всякий интерес к еде, как только тот рассказал ему о встрече на болоте.

— Макнил — парень с каштановыми волосами, светло-коричневыми глазами; и правая бровь изгибается вверх, когда он улыбается?

— Коричневые глаза и каштановые волосы — это да, но вот улыбаться он не улыбался.

— У переднего зуба отломан кусочек, сверху справа?

Росс закрыл глаза, чтобы представить себе незнакомца. Да, от переднего зуба был отломан маленький кусочек. Он кивнул.

— Это Макнил. Хотя ты правильно сделал, что не привел его сюда, пока не удостоверился полностью. Что это ты стал таким осторожным? Из-за Курта?

Росс снова кивнул.

— И из-за того, что ты говорил о внедренных среди туземцев русских, которые ждут нас здесь.

Эш почесал заросший подбородок.

— Никогда не недооценивай их — нам нельзя этого делать. Но человек, которого ты встретил, это Макнил, и нам бы лучше поскорее привести его сюда. Можешь привести его?

— Думаю, он может ходить, несмотря на ногу. По его рассказу, его хорошо встряхнуло.

Эш рассеянно откусил жареной зайчатины и тихо выругался, когда обжег себе язык.

— Странно, что Касска не сказала нам о нем. Если только она не решила, что не стоит все усугублять и признаться, что они его прогнали. Так ты идешь?

Росс прошелся вокруг костра.

— Да, пожалуй. Похоже, ему там не слишком-то удобно. И уж готов поспорить, он хочет есть.

Росс напрямую вернулся к болоту, но на этот раз ниточка дыма не вилась в воздухе. Росс колебался. Это укрытие на островке точно было местом, где отсиживался Макнил. Следует ли ему напрямик торопиться туда? Или за то время, что он отсутствовал, с этим человеком что-то случилось?

И опять шестое чувство надвигающейся опасности, которое, наверное, развивается у некоторых людей, встревожило Росса. Он не смог бы объяснить, почему неожиданно повернулся к ветвистой иве. Однако именно потому, что он это сделал, петля кожаной веревки, нацеленная на его горло, только слегка задела плечо. Петля упала на землю, и он прижал ее ногой. А схватить ее и быстро дернуть было делом доли секунды.

Удивленный человек, держащий другой конец веревки, был извлечен из своей засады и растянулся на земле.

Росс уже видел это круглое лицо.

— Лал из города Нодрена, — он нашел слова для приветствия «охотника», даже когда его колено уперлось о челюсть врага, ударив Лала так, что тот выронил свой кремневый нож. Росс отбросил его оружие за иву. — И на кого ж ты тут охотишься, Лал?

— На торговцев, — голос был слабый, но злой.

Он не пытался вырваться из хватки Росса, и тот, схватив его сзади за шею, протащил через раздвинутые кусты к яме. К счастью, в ней не было воды — на дне лежал Макнил; его руки были связаны за спиной, а икры схвачены ремнем без всякой жалости к боли в обожженных ногах.

Глава 7

Росс обвязал Лала веревкой, которая предназначалась для того, чтобы опутать самого Росса. Он крепко привязал руки пленного к телу, прежде чем перерезать слабые веревки своего сотоварища по путешествиям во времени. Лал съежился у дальней стены ямы, трясаясь от страха всем своим маленьким телом. Страх его был так очевиден, что Росс, не испытывая никакого удовлетворения, почувствовал еще большую тревогу.

— В чем вообще дело? — спросил он Макнила, отряхивая с него веревки и помогая ему встать.

Макнил размял запястья, сделал шаг или два и скривился от боли.

— Наш друг стремится быть послушным слугой Лургха.

Росс поднял лук.

— Племя охотится за нами?

— Лургха приказал — опять через воздух, — чтобы всех выживших торговцев поймали и привели к нему лично на жертвоприношение во имя обогащения полей.

Существующее с древности приношение в жертву крови и жизни при весеннем посеве. Росс вспомнил из своих бессистемных уроков отвратительные подробности. Любого бродячего странника или человека враждебного им племени, захваченного днем раньше при нападении, ждала такая участь. В неудачные годы, когда добыть человека не удавалось, мог сойти и олень или волк. Но самой лучшей жертвой была человеческая. Так что Лургха объявил — по воздуху, — что ему нужны были торговцы? А как там Эш? Любой охотник из деревни мог его выследить.

— Нам нужно торопиться, — сказал Росс Макнилу, поднимая веревку, которая служила поводком для Лала. — Эш захочет расспросить человека из племени о втором приказе Лургхи.

Как бы ни был Росс нетерпелив, он замедлял шаг, чтобы приноровиться к Макнилу. Человек с поста на холме передвигался с трудом. Он начал довольно бойко, но постепенно слабел. Росс резким толчком отправлял Лала вперед, приказывая ему оставаться там, пока он помогал Макнилу. Был уже почти вечер, когда они добрались до ручья и увидели огонь перед пещерой.

— Макна! — Эш поприветствовал спутника Росса местным вариантом его имени. — И Лал. А что здесь делаешь ты, Лал из города Нодрена?

— Вредит. — Росс помог Макнилу забраться в пещеру и собрал ветки, которые служили ему постелью. — Охотится за торговцами — для подарка Лургхе.

— Так... — Эш повернулся к человеку из племени, — и по чьему же приказу охотишься ты за моими родичами, Лал? По приказу Нодрена? Он забыл о

кровных узах между нами? Ибо во имя самого Лургхи были связаны эти узы...

— А-а-а... — Тот припал к стене, к которой Росс подтолкнул его. Закрыть голову руками он не мог; поэтому опустил лицо на колени, так что виден был только лохматый хвост на макушке. Росс вдруг с изумлением понял, что этот человечек плачет, как ребенок, а его сутулые плечи вздымаются и опускаются одновременно с приступами рыданий.

— А-а-а... — выл он.

— Тихо! — Эш встряхнул его, но не очень резко. — Тебе уже случалось почувствовать удар моего острого ножа? Пробивала ли стрела твою кожу? Ты жив, а ведь мог бы быть мертвым. Покажи же, что ты рад тому, что ты жив и все еще дышишь, — и расскажи нам, что ты знаешь, Лал.

Жрица Касска проявила определенную прозорливость и спокойствие при встрече с ними на дороге. Но не было ничего удивительного в том, что Лал был из другого теста — простой человек, в голове у которого с трудом могли поместиться несколько мыслей одновременно. Для него настоящее было сплошным кошмаром. Слово за слово они вытянули из него всю историю.

Лал был беден, так беден, что никогда даже и не мечтал завладеть чем-нибудь из драгоценных вещичек, которые торговцы с холма предлагали в процветающем городе Нодрена. Но он также был скорее последователем культа Великой Матери, а не тем, кто приносил жертвы Лургхе. Лургха был богом воинов и великих людей; он был слишком недосыгаем, чтобы замечать таких, как Лал.

Так что когда Нодрен объявил о конце поселения на холме от грозного кулака Лургхи, это произвело на Лала не такое уж сильное впечатление. Он был все еще убежден, что это вовсе не его дело, и скорее на-

чал думать о богатствах, которые, возможно, лежали под разрушенными постройками. Ему пришло в голову, что Гнев Лургхи обрушился на тех, кто владел ими, но, может быть, он не распространяется на сами изящные вещицы. И он тайком пошел на холм на поиски.

То, что он там увидел, полностью обратило его в веру о ярости Лургхи; его простенькая душонка ушла в пятки от страха, и он вылетел оттуда, даже не приняв поиски, которые планировал. Но Лургха видел его там и прочел его нечестивые мысли.

В этом месте Эш прервал поток слов Лала. Как Лургха его видел?

Потому что — Лал содрогнулся и начал рыдать снова, сбивчиво проговаривая следующие предложения — в то самое утро, когда он пошел на охоту на дикую птицу на болото, Лургха говорил *с ним*, с Лалом, который был меньше, чем блоха, ползущая по протершемуся коврику.

— А как говорил Лургха? — Голос Эша стал мягким и даже нежным.

Из воздуха, так же, как он говорил с Нодреном, который был правителем. Он сказал, что видел Лала на поселении на холме и потому Лал стал его пищей. И все же он, может быть, сохранит ему жизнь — но только если Лал станет служить ему. И он, Лал, распростерся ниц на земле перед бестелесным голосом Лургхи и поклялся служить ему до конца дней своих.

Затем Лургха приказал ему охотиться за одним из дурных торговцев, прячущихся на болоте, и связать его веревками. После этого он должен был позвать людей из деревни, и вместе они должны были отнести пленника на холм, где Лургха излил свой Гнев, и оставить его там. И лишь потом они могут вернуться туда и взять себе все, что там найдут, и использовать найденное, чтобы освящать поля во время посева, и все будет хорошо с деревней Нодрена. И Лал поклялся, что сдела-

ет так, как приказал Лургха, а сейчас не может этого сделать. И теперь Лургха уничтожит его — потому он потерял всякую надежду.

— Разве, — спросил Эш еще более нежно, — не служил ты все эти годы Великой Матери, угощая ее первыми фруктами, даже когда урожай твоего собственного поля был невелик?

Лал уставился на него; его мрачное лицо было все еще в слезах. Понадобилась секунда или две, чтобы вопрос проник в затуманенный страхом ум. Потом он робко кивнул.

— И не была ли она благосклонна к тебе в ответ, Лал? Ты беден, это правда, но ты никогда не голодал, даже когда не хватало еды перед приходом нового урожая. Великая Мать не забывает о тех, кто ей служит. И именно она сейчас привела тебя к нам. Вот что я говорю тебе, Лал, а я, Ашша из торговцев, говорю с тобой напрямик. От Лургхи, который уничтожил наше поселение, который говорил с тобой из воздуха, не жди добра.

— А-а-а... — завопил Лал. — Так я и знал, Ашша. Он от ночи и из странствующих духов тьмы.

— Именно так. И он не ровня Великой Матери, ибо она от добра и от света, от взрослого зерна, и от родящихся ягнят для ваших стад, от дев, что вступают в брак с мужчинами и приносят в мир сыновей, которые поднимут оружие своих отцов, от дочерей, хранящих домашний очаг и сеющих в полях желтое зерно. Гнев Лургхи пал на нас, Лал, а не на Нодрена или на тебя. И мы берем его на себя. — Хромая, он вышел из пещеры на воздух, где вечерние тени уже начали ползать по земле.

— Слушай меня, Лургха, — воззвал он в надвигающуюся ночь. — Я Ашша из торговцев, и на себя беру я твою ненависть. Ни на Лала, ни на Нодрена, ни на

людей, которые живут в городе Нодрена, не должен пасть твой гнев. Ибо так сказал я!

Росс, заметивший, что Эш скрыл от Лала взмах руки, приготовился к какому-нибудь спектаклю, призванному впечатлить человека из племени. И действительно, над ручьем эффектно сверкнул взрыв зеленого пламени. Лал снова завыл, но так как за пламенем других проявлений не последовало, он рискнул еще раз поднять голову.

— Ты видел, как Лургха ответил мне, Лал. Лишь на меня направит он свой гнев. Теперь... — Хромая, Эш вернулся, вытащил белую волчью шкуру и бросил ее перед Лалом. — Это ты отдашь Касске, чтобы она могла сделать занавес для дома Великой Матери. Смотри, она белая и очень редкая, так что Великая Мать будет довольна подарком. И ты скажешь ей обо всем, что произошло, и о том, как ты веришь, что она могущественнее Лургхи, и Великая Мать будет довольна тобой. Но ты не должен ничего говорить людям из поселка, ибо теперь это ссора между Лургхой и Ашша, и другим не следует в нее вмешиваться.

Он ослабил веревки, связывавшие руки Лала. Лал протянул руку к волчьей шкуре — взгляд его был полон изумления.

— Прекрасную вещь даешь ты мне, Ашша, и Великая Мать будет довольна, ибо уже много лет не было у нее такого красивого занавеса для ее алтаря. А я человек маленький — ссоры великих не для меня. Раз Лургха принял твои слова, это не мое дело. И все же я вернусь в деревню не сразу — с твоего позволения, Ашша. Ибо язык мой несдержан и болтлив, и часто я говорю то, о чем на самом деле хотел бы промолчать. Если мне задают вопросы, я отвечаю. Если меня там нет, то мне не задают вопросов, и, следовательно, я не отвечаю.

Макнил засмеялся, Эш улыбнулся.

— Хорошо, Лал. Возможно, ты мудрее, чем ты сам считаешь. Но я также не думаю, что тебе следует оставаться здесь.

Тот уже согласно кивал.

— И я говорю то же, Ашша. Ты принял на себя Гнев Лургхи, а с этим я не хочу иметь ничего общего. И поэтому я на время пойду в болота. Там есть птицы и зайцы, на которых можно охотиться, и я обработаю эту прекрасную шкуру, так что, когда я отнесу ее Великой Матери, это действительно будет подарок, достойный ее похвалы. А теперь, Ашша, если ты не против, я отправлюсь, пока не настала ночь.

— Иди, и удачи тебе, Лал. — Эш немного посторонился, пока тот как-то неуклюже и застенчиво прошался со всеми, всюю кивая, и потом засеменял прочь.

— Что, если они его схватят? — устало спросил Макнил.

— Не думаю, — возразил Эш. — А что бы ты сделал — держал его здесь? Если б мы поступили так, он разработал бы план побега и побил бы нас нашим же оружием. А теперь он будет держаться подальше от деревни Нодрена и на какое-то время исчезнет из поля зрения. Лал не слишком умен, но он хороший охотник. И если у него есть все основания прятаться, то, чтобы его выследить, понадобится еще более хороший следопыт. По крайней мере мы теперь знаем, что русские боятся того, что сработали здесь не слишком чисто. Так что же случилось, Макнил?

Пока он рассказывал им о случившемся более подробно, Эш и Росс обрабатывали его ожоги, облегчая ему боль. Потом Эш отдохнул, пока Росс готовил еду.

— Как они отследили пост? — Макнил потирал подбородок и хмурился на огонь. — Единственный вариант, который я могу себе представить, это что они за-

секли наш сигнал с поста и отследили источник. Это значит, что они какое-то время охотились за нами.

— Чужие в последнее время не появлялись?

Макнил отрицательно покачал головой.

— Наше укрытие таким способом не раскрыли бы. Сэнфорд был просто чудо. Если б я не знал, кто он, то поклялся бы, что он прирожденный человек кубков. У него была сеть информаторов, раскинувшаяся отсюда до Бретани. Удивительно, как ему удавалось работать, не возбуждая никаких подозрений. Я думаю, то, что он был членом кузнечной гильдии, сильно помогало. Можно было собрать много новостей из любой деревни, где работал какой-нибудь кузнец. И, скажу я тебе, — Макнил облокотился на локоть, чтобы восклицание его получилось более выразительным, — отсюда через канал и далеко к северу даже намек на беду не было. Мы были уверены, что на юге все чисто. Еще до того как мы стали укрываться под видом людей кубков, раз уж их кланы сильны в Испании.

Эш медленно пожевывал вареное крылышко.

— Постоянная база русских с транспортом должна быть где-то в границах их территории в нашем времени.

— Возможно, они обосновались в Сибири и теперь посмеиваются над нами, — разразился Макнил. — И никакой надежды туда попасть.

— Нет. — Эш швырнул обглоданную кость в костер и облизал жирные пальцы. — Если бы это было так, они неизбежно столкнулись бы с проблемой расстояния. Если бы их база находилась на их современной территории, мы вообще никогда ничего не заметили бы. То, что нужно русским, должно быть, находится за пределами их владений двадцать первого века, и это дает нам небольшую надежду. Их база должна быть недалеко отсюда. Наша проблема транспорта намного сложнее, чем они вообще могут себе представить.

Ты же знаешь, почему мы выбрали Арктику для нашей базы — она лежит в той части мира, которая никогда не была населена, разве что кочевыми охотниками. Но я готов поспорить на что угодно, что их база расположена где-то в Европе, где есть люди, с которыми им приходится контактировать. Если они пользуются самолетом, они не могут рисковать, чтобы их увидели...

— Не понимаю, почему рисковать? — вставил Росс. — Все равно ведь эти люди в принципе не могут знать, что это: птица Лургха, волшебство...

Эш покачал головой.

— Они так же серьезно относятся к проблеме вмешательства в историю, как и мы. Любой объект из нашего времени должен быть спрятан или замаскирован настолько, чтобы коренные жители, которые могут на него наткнуться, никогда не догадались, что предмет этот изготовлен человеком. По всем внешним признакам наша подлодка — это кит. Может, их самолет — это птица, но и он не выдержит тщательного изучения. Мы не знаем, каковы могут быть результаты утечки настоящих знаний в этом или каком-нибудь другом примитивном времени... как это может изменить историю...

Росс выдвинул аргумент, который, с его точки зрения, был лучшим возражением на это умозаключение.

— Вот предположим, я бы дал Лалу ружье и научил бы его им пользоваться. Он не сможет сделать дубликат оружия — технология, которая для этого требуется, находится в далеком будущем. Эти люди не смогли бы воспроизвести такую вещь.

— Твоя правда. С другой стороны, не стоит преуменьшать искусность кузнецов или природный ум людей любой эпохи. Возможно, изготовить твое ружье эти люди не смогут, но оно направит их мысль по новому руслу. И возможно, что они как бы предугадают наше время заранее. Нет, мы не смеем шутить с прошлым.

Это та же ситуация, с которой мы столкнулись сразу же после изобретения атомной бомбы. Сначала все ринулись производить это новое оружие, а потом все стали трястись от страха, что у кого-то хватит безумия его применить.

Русские совершили какие-то новые открытия, с которыми мы должны сравняться, иначе мы проиграли. Но при путешествии в прошлое мы должны быть осторожны, все мы, а то можем уничтожить мир, в котором сейчас живем.

— Так что нам теперь делать? — спросил Макнил.

— Мердок и я прибыли сюда только на пробное задание. Это его экзамен. Подлодка заедет за нами примерно через девять дней, если считать с сегодняшнего.

— Так что если мы сидим тихо — если мы можем сидеть тихо, — Макнил снова лег, — они нас заберут. А пока что у нас в распоряжении девять дней.

Они провели в пещере еще три дня. Макнил полностью оправился и с нетерпением ждал, когда они уйдут из пещеры, еще до того, как Эш смог хромать хотя бы настолько, чтобы передвигаться. Хотя Росс и Макнил по очереди охотились и стояли на посту, они не замечали никаких признаков того, что люди из племени следили за ними. Очевидно, Лал поступил так, как и обещал, ретировавшись на болота и прячась там от своих соплеменников.

На четвертый день Эш разбудил Росса в предрассветном сумраке. Их костер был засыпан землей, и пещера сразу же стала казаться мрачной. Они поели оленины, пожаренной накануне, и вышли в туманную прохладу. Чуть ниже, в долине, к ним присоединился Макнил, появившийся из укрытия дежурного поста. Идя шагом, который мог осилить Эш со своей заживающей раной, они направились в глубь страны, к дорожкам, связывающим поселения.

Они пересекли одну дорогу и шли дальше на север; уклон все время шел вверх. Издалека доносилось блеяние овец, лай собаки. В тумане Росс споткнулся о небольшой ров, за которым находилось жнивье. Эш остановился и осмотрелся; ноздри его раздувались, будто он был гончей, вынюхивающей след.

Они все шли и шли, пересекая множество маленьких, неправильной формы полей. Росс был уверен, что урожай с каждой из этих полосок земли весьма скудный. Туман все сгущался. Эш ускорил шаг, осторожно опираясь на свой самодельный костыль. Он громко, с облегчением вздохнул, когда перед ними наконец встали два каменных монолита, возвышающиеся как колонны. На них сверху лежал третий камень, образуя неровную арку, через которую видна была узкая долина между холмами.

За этими массивными воротами Росс сквозь туман чувствовал зловеще чуждую долину. Его состояние можно было бы определить как суеверное. Примитивные поверья этого времени он едва изучил на занятиях и не принимал их. И все же если бы он был один, то сторонился бы этой долины. То, что ждало внутри, было не для него. К тайному облегчению, Эш остановился перед аркой и приготовился ждать.

Старший сделал двум другим жест, повелевающий им спрятаться в укрытие. Росс охотно повиновался, хотя влажные капли с листьев, осевшие из сгущающегося тумана, падали на плащ и намочили лицо, когда он слегка задел колючий кустарник. После арки вдоль тропы с двух сторон были стены вечнозеленых растений и карликовые сосны, как будто этот «туннель» был посажен намеренно. Едва его спутники скрылись, Эш пропел, пронзительно, но сладко, восходящими птичьими нонами. Трижды он издал этот звук, пока из ту-

мана не возникла фигура; грубая белизна ее длинного плаща расплывалась в обрывках тумана.

Эта фигура шла по зеленому тоннелю из центра долины, почти полностью скрытая плащом. Она остановилась как раз за аркой, и Эш, сделав остальным жест оставаться на месте, обратился к скрытому незнакомцу:

— Руки и ноги Великой Матери, та, что сеет то, что можно пожинать...

— Чужестранец из дальних краев, ты, на кого пал Гнев Лургхи, — с иронией ответила фигура голосом Касски, — что нужно тебе, чужестранец, что ты осмелился прийти сюда, куда ни один мужчина не смеет войти?

— То, что ты видела. Ибо ночью, когда пришел Лургха, ты тоже видела...

Росс услышал звук резкого выдоха.

— Как узнал ты об этом, чужестранец?

— Потому что ты служишь Великой Матери и несешь эту службу тщательно. И если Лургха действительно могущественный бог, то ты непременно должна увидеть его деяния собственными глазами.

Когда она наконец ответила, в ее голосе были гнев и разочарование:

— Тогда ты знаешь о моем позоре, Ашша. Ибо снизошел Лургха — снизошел он на птице и сделал все так, как и говорил. И теперь деревня приносит жертвы Лургхе и молит его о милости, и нет больше у Великой Матери тех, кто внемлет ее словам и приносит ей в жертву первые фрукты...

— Но откуда снизошла эта птица, на коей был Лургха, можешь сказать ты мне это, та, что является Великой Матерью?

— Какая разница, с какой стороны пришел Лургха? Это не умаляет и не увеличивает его могущества. —

Касска шевельнулась под аркой. — Или каким-то странным образом меняет, Ашша?

— Возможно. Только скажи мне.

Она медленно повернулась и указала через правое плечо.

— Вот откуда явился он, Ашша. Внимательно смотрела я. Зная, что я принадлежу Великой Матери и что даже молнии Лургхи не в силах уничтожить меня. Теперь, когда ты это знаешь, стал ли Лургха менее могущественным в твоих глазах, Ашша? Когда уничтожил он все, что принадлежало тебе, и всех родичей твоих?

— Возможно, — повторил Ашша. — Не думаю, что Лургха явится снова.

Она пожала плечами, и тяжелый плащ колыхнулся.

— Пусть будет то, чему суждено быть, Ашша. А теперь иди, ибо не следует мужчинам приходить сюда.

Касска направилась назад, в глубину зеленого тоннеля, а Росс и Макнил вышли из укрытия. Макнил посмотрел в направлении, которое она указала.

— Северо-восток... — комментировал он задумчиво, — в этой части находится Балтика.

Глава 8

— Ну вот и все... — Десятью днями позже Эш, с повязкой на ноге и лицом, с которого стерлись следы боли, сидел на койке в арктическом временном посту, медленно попивая кофе и улыбаясь с хитринкой Нельсону Миллайрду.

Миллайрд, Келгариес, доктор Вебб — высшее руководство проекта — проехали за перевалочный пункт, чтобы встретить троих путешественников из Бретани; более того, сейчас они все втиснулись в маленькую комнатку, почти вдавив Росса и Макнила в стену. Потому что — вот оно! То, за чем они охотились месяцами — годами, — теперь было почти что досягаемо.

Только Миллайрд, шеф, казался не таким уверенным. Крупный человек с густой шевелюрой растрепанных седеющих волос, он не был похож на главу большой организации. И все же Росс был здесь уже достаточно долго, чтобы понять, что именно Миллайрд держал в своих толстых волосатых руках разрозненные нити Операционного Ретрограда, умело связывая их в действенную систему. Сейчас директор сидел откинувшись на стуле, который был слишком мал для его массивного тела, и задумчиво покусывал зубочистку.

— Итак, мы напали на слабый след, — произнес он без тени воодушевления.

— Да это же практически ключ к разгадке! — вставил Келгарис. Слишком взволнованный, чтобы сидеть спокойно, майор стоял, опершись о дверь, встревоженный, как если бы он должен был вот-вот встретиться лицом к лицу с врагом. — Русские не напали бы на пост Гог, если бы не считали, что он представляет для них угрозу. Их большая база должна находиться в этом временном секторе.

— Большая база, — поправил Миллайрд. — Но не та, которая нам нужна. И как раз сейчас они, возможно, меняют ее расположение во времени. Думаете, они будут сидеть сложа руки и ждать, пока мы явимся во всеоружии? — Но тон Миллайрда, целью которого было остудить пыл майора, не произвел желаемого эффекта.

— А сколько времени им понадобилось бы, чтобы разобрать большую базу? — возразил этот офицер. — По меньшей мере месяц. Если бы мы поторопились и отправили туда команду...

Миллайрд скрестил огромные руки на животе, напоминая бочку, и невесело засмеялся.

— Только вот куда нам выслать эту команду, Келгарис? Северо-восток от прибрежной точки в Бретани — это направление довольно размытое, мягко гово-

ря. Не то чтобы, — теперь он обращался к Эшу, — не то чтобы вы не сделали все, что было в ваших силах, Эш. А тебе, Макнил, нечего добавить?

— Нет, сэр. Они нанесли удар, когда Сэнди думал, что у него все под контролем, все меры безопасности в полном порядке. Я не знаю, как они на нас вышли, если только не засекали наш сигнал на посту. Если так, то, должно быть, они специально выслеживали нас какое-то время, потому что мы отправляли сигналы только по расписанию.

— Русским в помощь есть терпение и мозги, а возможно, и еще какие-нибудь из их удивительных приспособлений. У нас есть терпение и мозги, но нет приборов. И время не на нашей стороне. Какие сделал из этого выводы, Вебб? — Миллайрд спросил молчавшего до сих пор третьего члена их управляющего комитета.

Тихий человек поправил очки на переносице — его плосковатый нос был не самой лучшей подпоркой для них.

— Могу добавить всего одно замечание к вашим предположениям. Я бы сказал, что они находятся где-то рядом с Балтийским морем. Там есть старые торговые пути, а в наше время это закрытая для нас территория. Их установки могут находиться недалеко от финской границы. Они могут замаскировать свою современную станцию десятками способов; это очень своеобразная страна.

Миллайрд убрал руки с груди и извлек из нагрудного кармана записную книжку и ручку.

— Не помешает поднять кое-кого из нынешних агентов-интеллектуалов. Возможно, они намекнут на что-нибудь полезное. Так что, ты говоришь, Балтика. Но это не такая уж маленькая часть Европы.

Вебб кивнул.

— У нас есть одно преимущество — старые торговые пути. В период колоколовидных кубков они отмечены уже довольно хорошо. Основной из этих путей был образован для торговли янтарем. Страна представляет собой лесистую местность, но леса не такие густые, как в раннем периоде. Коренные племена — это в основном кочующие охотники и рыбаки, селящиеся вдоль побережья. Но они уже вступали в контакт с торговцами. — Он нервным жестом подтолкнул очки на место. — Возможно, там русские сами попадут в неприятности в это время.

— Как? — быстро спросил Келгарис.

— Нашествие людей топора. Если оно еще не началось, то скоро будет. Они сформировали одну из больших миграционных волн населения, которое, наводнив страну, селилось здесь. А в конечном счете превратились в древних скандинавов кельтского происхождения. Мы не знаем, произошли ли они от коренных племен, которые были там до того, или ассимилировались с ними.

— Вот этот момент неплохо было бы прояснить лучше, — прокомментировал Макнил. — По сути, разница между культурами заключается в том, разбивают ли тебе череп пополам или ты продолжаешь дышать дальше.

— Не думаю, что они будут бороться с торговцами. Свидетельства, найденные на сегодня, говорят о том, что люди кубков спокойно продолжали свое дело независимо от смены клиентов, — ввернул Вебб.

— Если только их не толкали к насилию. — Эш протянул Россу пустую кружку. — Не забывайте о Гневе Лургхи. Возможно, с этого момента наши враги могут с подозрением относиться к любому поселению торговцев кубками рядом с их собственностью.

Вебб медленно покачал головой.

— Массовая атака на поселения торговцев кубками означала бы изменение в истории. Русские не посмеют пойти на это, тем более по недоказанному подозрению. Не забывай, у них желания влезть в историю и испортить ее не больше, чем у нас. Нет, они будут следить за нами. Нам придется прекратить коммуникацию по радио...

— Нет, это нельзя! — резко перебил Миллайрд. — Мы можем ее урезать, но я не буду высылать ребят вообще без средств быстрой коммуникации. Вы люди научные, так что лучше посмотрите, как бы сделать передатчики, которые нельзя засечь. Время! — он забарабанил толстыми пальцами по колену. — Все возвращается к вопросу времени.

— Которого у нас нет, — заметил Эш своим как обычно тихим голосом. — Если русские опасаются, что их местоположение можно определить, то, должно быть, как раз сейчас они круглосуточно разбирают пост. Такой хороший шанс пригвоздить их нам больше не представится. Шевелиться надо сейчас.

Веки Миллайрда почти закрылись; казалось, он дремал. Келгарис шевельнулся у двери, а круглое лицо Вебба приняло выражение, которое можно было характеризовать как постоянное недовольство.

— Док, — через плечо спросил Миллайрд четвертого человека из своих приближенных, — что у вас в отчете?

— Эшу для лечения нужно по меньшей мере еще пять дней. Ожоги Макнила не так опасны, а царапина Мердока почти зажила.

— Пять дней, — монотонно повторил Миллайрд; потом бросил взгляд на майора. — Кадры. Без полезных кадров мы просто связаны по рукам и ногам. Кого можно перебросить на время, не испортив ничего окончательно?

— Никого. Я могу отозвать Янсена и Вайка. Люди топора могут послужить им хорошим укрытием. — Свет, на мгновение мелькнувший в глазах Келгариеса, угас. — Нет, мы еще не провели соответствующих исследований и не можем отправить их, пока племя не появится на карте. Я не отправлю туда хладнокровно своих людей. Их промахи поставят под удар не только их — весь проект может сорваться.

— Так что остаетесь вы трое, — сказал Миллайрд. — Мы отзовем всех, кого можем, и проинструктируем их как можно скорее. Но вы знаете, сколько на это уйдет времени. А пока что...

Эш обратился прямо к Веббу:

— Определить район точнее, чем Балтика, вы не можете?

— Мы можем сделать вот что, — ответил тот медленно и с явной неохотой. — На следующие пять дней мы можем выслать подлодку, курсирующую в прибрежных водах. Если там будет какая-либо активность по радио — любая коммуникация, — мы сможем отследить сигналы. Все зависит от того, есть ли у русских команды, действующие с их поста. Ненадежно...

— Но хоть что-то! — Келгариес ухватился за это с облегчением человека, которому не терпелось приступить к действию.

— И они будут ждать такого же хода с нашей стороны, — взвешенно продолжал Вебб.

— Ладно, значит, они будут тоже следить, — сказал майор, еле сдерживаясь, — но это практически единственный ход, который мы можем предпринять, чтобы прикрыть наших ребят, когда они будут на задании.

Он хлопнул дверью и исчез. Вебб медленно поднялся.

— Я еще раз проработаю карты, — сказал он Эшу. — В последнее время мы не проводили разведку на этой

территории, а выслать сейчас туда самолет на разведку мы не отваживаемся. Любая поездка будет ударом вслепую.

— Когда у тебя только одна дорога, ты идешь по ней, — ответил Эш. — Я буду рад просмотреть все, что ты мне покажешь, Майлс.

Раньше Росс полагал, что его предэкзаменационное обучение — это суровое занятие; но вскоре ему предстояло смеяться над своей собственной оценкой. Так как бремя следующей поездки распределится только на них троих — Эша, Макнилу и его самого, — их окунули в водоворот указаний, так что Росс, к третьей ночи оцепеневший и слишком уставший, чтобы спать, считал, что теперь в большей степени сбит с толку, чем проинструктирован. Он кисло сказал об этом Макнилу.

— База отозвала три другие команды, — ответил Макнил. — Но ребятам придется учиться сначала, и они не будут готовы еще три, может быть, четыре недели. При смене маршрутов нужно не только учиться, но и переучиваться.

— Как насчет новых людей?

— Не думай, что Келгариес не кружит вне базы в поисках новобранцев. Только мы должны физически подходить к тому типу, который нам нужно представлять. Например, попробуй внедри маленького темноволосого человека с приплюснутым носом среди древнескандинавских кочевников, и его обязательно заметят и возможно, запомнят слишком хорошо. Мы не можем позволить себе так рисковать. К тому же Келгариесу приходится находить людей, не только по внешности, но и по темпераменту подходящих для этой работы. Нельзя внедрить человека, который мыслит как моряк — в смысле, как ты понимаешь, конечно, не моряк, но один из тех, у кого мозг работает по подобному образцу, — в кочующее племя пастухов. И сам

человек, и проект защищены настолько, насколько он вписывается в нужном месте в нужное время.

Росс раньше никогда не думал об этом факте. Теперь он осознал, что и он, и Эш, и Макнил были одного типа. Все примерно одного роста, с каштановыми волосами и светлыми глазами — голубыми у Эша, серыми у него самого и светло-кариими у Макнила; и телосложения они были одинакового — небольшие, стройные, с быстрыми движениями. Кроме как в фильмах, он нигде не видел настоящих людей кубков. Но сейчас, вспоминая их, он понял, что все три путешественника во времени были в общих чертах того физического типа, как и далекие кочевники, которых они использовали как прикрытие.

А наутро пятого дня, когда все трое изучали карту, подготовленную Веббом, Келгариес, за которым своей тяжеловесной походкой следовал Миллайрд, срочно их прервал.

— Есть! На этот раз нам улыбнулась удача! Русские просчитались, да как просчитались!

Вебб смотрел на майора — легкая улыбка растянула его тонкие губы.

— Чудеса иногда все-таки случаются, — заметил он. — Полагаю, у подлодки есть для нас определение местоположения.

Келгариес передал ему тонкую полоску бумаги, которой он размахивал как вымпелом триумфа. Вебб прочел записи и склонился над картой, сделав отметку одним из тех заточенных, как игла, карандашей, которые, казалось, росли в его нагрудном кармане, всегда готовые к тому, чтобы ими что-то чертили. Потом сделал вторую пометку.

— Ну, это немного сужает территорию, — уступил он. Эш в свою очередь взглянул на карту и засмеялся.

— Иногда хотелось бы мне услышать твое определение «узкого», Майлс. Не забывай, что мы преодолеваем расстояние пешком, и разница в двадцать миль может многое значить.

— И эта отметка находится довольно далеко от моря, — выразил свой протест Макнил, взглянув на нее. — Мы не знаем этой страны.

Вебб в сотый раз за утро поправил свои очки.

— Полагаю, мы можем относиться к этому как к чему-то очень серьезному, — сказал он таким нерешительным тоном, как будто умолял кого-то опровергнуть его утверждение. Но опровержения не последовало. Миллайрд был занят картой.

— Думаю, что так, Майлс! — Он взглянул на Эша. — Вы спуститесь на парашютах. снаряжение, которое мы вам дадим, особенное. Как только спрыгнете, посыпьте его порошком, который даст Майлс, и через десять минут от него мало что останется, чтобы разобрать, что это. У нас таких не больше дюжины, и мы не разбираемся ими — выдаем только в критическом случае. Найдите базу и установите детектор. Ваше внедрение в это время не будет сложным — но нам нужен другой конец линии. Пока вы не определите его, продолжайте работать. Не связывайтесь с нами, пока не найдете его!

— Есть вероятность, — заметил Эш, — что у русских не одна промежуточная база. Они, скорее всего, не свалили дурака и установили ряд баз, чтобы сбивать с прямого следа, поскольку одна будет приводить к другой, расположенной еще глубже в истории...

— Ладно, если окажется, что так и есть, просто достаньте координаты следующей базы, — заметил Миллайрд. — Отсюда мы сможем отследить их дальше и решить, посылать ли нам ребят в динозавровых шкурах. Мы должны отыскать их главную базу, и если эта

охота проходит по трудному пути, что ж, придется идти трудным путем.

— Как ты получил определение местоположения? — спросил Макнил.

— Одна из их полевых команд попала в неприятность и попросила о помощи.

— Они ее получили?

Майор усмехнулся.

— А ты как думаешь? Тебе знакомы правила; и те, по которым играют русские, раза в два жестче, чем у наших собственных ребят.

— А что за неприятность? — заинтересовался Эш.

— Какие-то местные религиозные распри. Мы стараемся как можем с их кодом, но мы не на сто процентов идеально читаем его. Думаю, они заигрывали с местным богом и обожгли себе пальчики.

— Снова Лургха, а? — улыбнулся Эш.

— Глупости, — нетерпеливо сказал Вебб. — Глупо так поступать. Ты и сам был на грани здравого смысла, Гордон, с этим делом с Лургхой. Рискованно было пытаться использовать Великую Мать, и тебе повезло, что ты так легко из этого выкрутился.

— Да, одного раза вполне достаточно, — согласился Эш. — Хотя то, что мы ее использовали, возможно, спасло нам жизнь. Но уверяю тебя, я не зачинатель священной войны и не начинающий пророк.

Росс умел немного читать карту, но в его воображении то, что он видел на карте, не напоминало сельскую местность. Несколько ориентиров, и то, если они были достаточно заметными, — это все, что он мог надеяться запечатлеть в памяти до тех пор, пока не оказывался на месте.

Посадка, в соответствии с указаниями Миллайрда, была такой, которую он никогда бы не выбрал по доброй воле. Сам прыжок был делом расчета времени,

но в темноте, в довольно сильном дожде, это действие можно было назвать каким угодно, только не приятным. Спуск в темноту в манере «слепо следуя за первым» был для Росса одним из худших испытаний, с которым он пока что столкнулся. Но приземлился он не так плохо, на небольшом пространстве, напоминающем парк, которое они выбрали своей целью.

Росс освободился от ремней безопасности и парашюта, оттащив их туда, где, по его мнению, находился центр расчищенного места. Когда из воздуха до него донесся жалостливый резкий звук, он быстро увернулся — один из двух вьючных ослов, отправленный вслед за ними, приземлился и начал недовольно коситься на свою сбрую. Животные, которых они выбрали, были из наиболее прирученных за короткий период времени подготовки; кроме того, перед прыжком им дали успокоительное, так что сейчас, чувствуя руки Росса, осел спокойно стоял, пока тот снимал с него висащие на нем ремни.

— Росса. — Его имя, произнесенное в темноте на манер людей кубков, зазвучало с другой стороны; Росс развернулся.

— Здесь, и у меня один из ослов.

— А у меня другой! — Это был голос Макнила.

Их глаза привыкли к мраку, не такому плотному, как был бы в лесу, и они работали быстро. Потом они свалили парашюты в кучу. Дождь, как их заверил Вебб, ускорит разложение, обеспечиваемое химикатами, которые он дал. Эш насыпал порошок на грудку ткани; появилось слабое зеленоватое свечение. Затем они направились к лесам и разбили лагерь на остаток ночи.

В их походе очень много зависело от удачи — и пока что эта маленькая часть не подводила. Если только какой-нибудь агент не следил за их прибытием, полагал Росс, засечь их не могли.

Остальная часть их плана была довольно гибкой. Представляясь торговцами, которые приехали, чтобы основать новое поселение, они должны были оставаться около реки, которая впадала в озеро и далее поворачивала на юг, к далекому морю. Они знали, что этот район был малонаселен небольшими племенами, многим больше семейных кланов. Эти люди на поколения отставали от уровня развития поселений Бретани — кочующие охотники, следовавшие за сезонными передвижениями дичи на север или юг.

Вдоль берегов рыбаки основали более постоянные поселения, которые постепенно превращались в города. На южной границе района, возможно, жили несколько отважных крестьян — первопроходцев этого ремесла, но главная причина, по которой торговцы приходили в этот район, — это получить янтарь и меха. Люди кубков занимались и тем, и другим.

Теперь, когда трое нашли приют под широко раскинувшимися ветвями высокой сосны, Эш, покопавшись в тюках, вытащил «кубок», отличительный знак его второй нации. Он налил в него порцию кислого стимулирующего напитка, который сопровождал торговцев, где бы они ни были. Чаша переходила из рук в руки; напиток был неприятен на вкус, но хорошо согревал.

Они по очереди несли вахту, пока сумрак фальшивого рассвета не превратился в ясный свет утра. Позавтракав плоскими лепешками, они навьючили ослов, используя такие узлы и поперечно завязанные веревки, которые были типичны для настоящих торговцев кубками. Нагнувшись и спасаясь так от влаги под плащами, они отправились на поиски реки и дороги на юг.

Эш вел, Росс тащил ослов, а Макнил прикрывал тыл. Из-за бездорожья им приходилось идти весьма извилистым маршрутом, вдоль края опушки, пока они не увидели, что озеро закончилось.

— Запах костра, — заметил Эш, когда они прошли две трети намеченного маршрута. Росс понюхал воздух и тоже различил этот запах. Кивнув Эшу, Макнил проскользнул в пустоту между деревьями с легкостью, которой Мердок завидовал. Пока они ждали его возвращения, Росс осознал, что рядом с ними происходит другая жизнь, со своими заботами, которые нельзя было назвать человеческими, за исключением причисленных к ним забот о пище и крыше над головой.

В Бретани, знал Росс, рядом были люди, такие же, как он; но здесь все было по-другому. Здесь легко можно было представить, что он первый человек, идущий по этой дороге.

С ветки дерева спрыгнула белка и оценивающе посмотрела на двух людей глазами-бусинками, а потом прислонилась головой к дереву, чтобы рассмотреть их получше. Один из ослов резко кивнул, и белка исчезла, махнув хвостом. Хотя было тихо, за этой тишиной скрывался приглушенный шум, который Росс пытался проанализировать, определяя множество мелких звуков, из которых он складывался.

Возможно, потому, что он чересчур старался, он распознал слабый шум. Он слегка коснулся руки Эша и кивком указал на направление, откуда шел звук. И тут Макнил, так же плавно, как исчез, вернулся.

— Компания, — сказал он приглушенно.

— Какая?

— Племена, но более дикие, чем я вообще когда-либо видел, даже на пленках. Мы сейчас точно за пределами цивилизации. Похоже, эти люди только на пещерном уровне. Не думаю, что они когда-либо слышали о торговцах.

— Сколько их?

— Три, может, четыре семьи. Большинство мужчин, должно быть, на охоте; там около десяти детей и шесть

или семь женщин. Судя по тому, как они выглядят, не думаю, что в последнее время у них была полоса удачи.

— Может, их и наша удача идут рука об руку, — сказал Эш, знаками показывая Россу двигаться вперед с ослиами. — Мы будем двигаться кругами, пока не доберемся до реки, и потом постараемся начать торговлю. Но контакт я все же хочу установить.

Глава 9

— Не хочу надеяться попусту, — Макнил вытер рукой лицо, — но пока что все неплохо. — Отбросив ногой с тропинки несколько веток, которые Росс оборвал с мешавших им деревьев, он пришел помочь своему спутнику катить другое небольшое бревно для укрытия, на этот раз уже не временного. И если за ними и следили глаза не только лесных охотников, то в любом случае они видели только обычный для людей кубков процесс — строительство одного из их поселений.

Все трое были абсолютно уверены, что охотники за ними следят. И для своей же собственной безопасности им приходилось допускать, что в лесу могут быть и другие наблюдатели. Возможно, они рыскали по ночам, но днем все агенты — путешественники во времени — не выходили за рамки исполняемых ими ролей.

Торговый обмен с предводителями охотничьего клана привел этих застенчивых людей в лагерь чужестранцев, у которых в обмен на темные оленьи шкуры и отличные меха были разные диковинки. Новость о прибытии торговцев быстро распространилась за недолгое время их пребывания здесь, так что два других клана также выслали своих людей для наблюдения за сделками.

Вместе с торговлей появлялись и новости, которые агенты тщательно анализировали и изучали. У каждо-

го из них был список вопросов, которые он ненароком вставлял в беседе с людьми из племен всякий раз, как это было возможно. Хотя люди леса разговаривали на другом языке, знаки, которыми они пользовались, были достаточно информативны, а некоторые существительные легко запоминались. А пока что Эш налаживал дружеские отношения с ближайшим первым кланом, на который они наткнулись, используя охоту с ними как предлог, чтобы проникнуть на неизвестную для них часть территории, которую должны были обыскать в поисках русской базы.

Росс напился воды из реки и вытер свое горячее лицо.

— Если русские не торговцы, — размышлял он вслух, — то что у них за прикрытые?

Макнил пожал плечами.

— Охотничье племя, рыбаки...

— Где бы они взяли женщин и детей?

— Там же, где они берут мужчин, — завербовали бы их в свое время. Или так, как образовывались племена в периоды потрясений.

Росс поставил кувшин с водой.

— Ты хочешь сказать, они убивали мужчин и забирали их семьи? — От такой жестокости и хладнокровия его просто тошнило. Хотя он всегда гордился своим самообладанием, в ходе подготовки к проекту он несколько раз сталкивался с фактами, которые поколебали его веру в свои собственные стальные нервы.

— Такое проделывалось завоевателями сотни раз, — флегматично заметил Макнил. — А в такой обстановке, как эта — маленькие семейные кланы, малая плотность населения, — такой ход почти напрашивается.

— Им пришлось бы выдавать себя за крестьян, а не за охотников, — отметил Росс. — Потому что они не могут перемещаться вместе с базой.

— Ну ладно. Предположим, они основывают крестьянскую деревню. А, вижу, к чему ты клонишь — здесь в округе нет ни одной деревни. И все же они здесь есть. Может быть, под землей.

Насколько верны их догадки, они узнали в ту же ночь, когда вернулся Эш, неся на плече оленью вырезку. К этому времени Росс знал его уже довольно хорошо, чтобы почувствовать его озабоченность.

— Что-нибудь нашел?

— Новые привидения, — ответил Эш со странной улыбочкой.

— Привидения! — Макнил зацепился за это слово. — Русские решили подойти к делу в сверхъестественном ракурсе, да? Сначала голос Лургхи, а теперь привидения. И что эти привидения делают?

— Населяют небольшую холмистую территорию к юго-востоку отсюда, место — табу для всех охотников. Мы шли по следу бизона, пока зверь не направился в страну привидений. Тогда Уффа в спешке отозвал нас назад. Судя по всему, охотник, который идет туда за преследуемым зверем, никогда не возвращается, а если и приходит, то весь израненный, замученный привидениями и весь в ожогах! Это первый момент.

Он сел у огня и устало вытянул руки.

— Второй момент для нас немного тревожнее. Лагерь людей кубков где-то в двадцати милях южнее, насколько я могу судить, был уничтожен примерно неделю назад. Эту новость мне сообщили, потому что думали, что я родственник умерших...

Макнил выпрямился.

— Потому что охотятся за нами?

— Вполне возможно. С другой стороны, это может быть вполне обычное происшествие.

— Это сделали привидения? — спросил Росс.

— Я спрашивал. Нет, похоже, на них ночью напали люди из неизвестного племени.

— Ночью? — присвистнул Макнил.

— Вроде да, — сухо ответил Эш. — Племена так не воюют. Либо кто-то отошел от инструкций, либо русские чересчур уверены в себе и не обращают внимания на правила. Но это сделали люди из племени или те, кто ими притворятся. Кроме того, расползается отвратительный слух о том, что привидения не слишком-то любят торговцев и что, возможно, они выразят свое недовольство против них различными наказаниями по всей округе.

— Как Гнев Лургхи, — добавил Росс.

— Да, в этом есть определенное повторение, что порождает определенные подозрения, — согласился Эш.

— Я бы сказал, пока что с охотничьими экспедициями надо завязать, — сказал Макнил. — Слишком легко перепутать друга с оленем и потом рыдать на его могиле.

— Именно эта мысль сегодня днем несколько раз приходила мне в голову, — согласился Эш. — Эти люди обманчиво просты на первый взгляд, но их мозг работает не по тому же принципу, что и наш. Мы стараемся перехитрить их, но один промах может все непоправимо испортить. А пока что, думаю, нам стоит обустроить это место поуютнее, и неплохо бы выставлять часовых как можно незаметнее.

— А может, нам создать видимость разрушенного лагеря и самим схорониться? — спросил Макнил. — Мы могли бы направиться в горы с привидениями, пробираясь туда ночами, а люди Уффа думали бы, что с нами все кончено.

— Возьмем на примету эту идею. Единственный момент против нее — это отсутствие тел. Кажется, племя, которое напало на поселение людей кубков, оставило

некоторые очень неприятные доказательства того, что случилось с людьми из лагеря. А мы не можем их создать, чтобы скрыть наши следы.

Макнил был все еще не до конца убежден.

— Может, мы и по этой части сможем что-нибудь выдумать...

— Возможно, нам ничего не придется выдумывать, — мягко вмешался Росс. Он стоял недалеко от края расчищенного места, на котором они строили свою хижину, держа одну руку на частокоче, который они в тот день так тщательно строили. Эш был рядом с ним через мгновение.

— Что?

Сейчас те часы, которые Росс провел, слушая звуки дикого леса, служили добрую службу.

— Эта птица раньше никогда не звучала со стороны, удаленной от моря. Это та самая голубая — мы еще видели, как она охотилась за лягушками вдоль реки.

Эш, даже не взглянув на лес, пошел за кувшином с водой, сказав:

— Собирайтесь.

Кожаные мешки, в которых было достаточно пайка, чтобы они могли не прерывать поход, всегда были под рукой. Макнил взял их из-за меховой занавески, висевшей у входа их недостроенной лачуги. Снова крикнула птица, крик ее был пронзительным и доносился с большого расстояния. Росс понимал, почему неосторожный человек выбрал его в качестве сигнала. Он пересек расчищенное место и подошел к месту, где были ослы, и подрезал на их мордах недоуздки. Не исключено, что терпеливые животные быстро станут жертвами лесных хищников, но, по крайней мере, у них будет хоть какой-то шанс выжить.

Макнил, повесив через плечо плащ, чтобы скрыть походные мешки, взял кожаное ведро, как будто он

просто шел к реке за водой, и нагнал Росса. Они полагали, что неплохо со всем справились, что для любого притаившегося в лесу наблюдателя лагерь должен выглядеть совершенно нормально. Но или они в чем-то дали маху, или враг был слишком нетерпелив. В ночном небе просвистела стрела, рассекая огонь, и Эш спасся от смерти только потому, что нагнулся вперед. Его рука взмахом отправила воду в кувшине на пламя, а сам Эш откатился в противоположную сторону.

Росс и Макнил бросились в кустарник. Плотнo прижавшись к полузамерзшей земле, они ползком направились к берегу реки, где на открытой местности такой «подарочек» был бы менее вероятен.

— Эш? — шепотом спросил Росс и почувствовал горячее дыхание Макнила у своей щеки; тот ответил:

— Он пойдет другим путем. У нас нет никого лучше для этой работы.

Они двигались с черепашьей скоростью, дважды замирая на месте с кинжалом в руке, вслушиваясь в слабый шорох, который выдавал приближение нападающих. И оба раза Росс испытывал искушение подняться и попытаться убить незнакомца, но сдержался. Он уже научился самоконтролю, который еще несколько месяцев назад был для него невозможен.

Сквозь заросли кустов бледно отсвечивала река, временами переходившая в разлив. В этой стране зима все еще крепко цеплялась за тенистые места с лунками сохранившегося снега; и от воды, и от воздуха веяло холодом. Когда ночь разорвал крик, Росс, невольно вскрикнув, встал на колени. Он резко дернулся по направлению к лагерю; его удержал Макнил, сжавший его руку.

— Это был осел, — быстро прошептал он. — Пошли — нам нужно к реке, к тому броду, который мы обнаружили.

Они повернули на юг и осмелились бежать рысью, низко пригибаясь к земле. Реку раздуло от весеннего разлива, который только сейчас начал утихать, но за два дня до этого они заметили на одном месте песчаную отмель. Перейдя эту отмель, они могли надеяться, что на ту ночь вода отделит их от неизвестного врага. Это дало бы им жизненное пространство, хотя у Росса и сжималось все внутри при мысли о погружении в разлившуюся реку. Только вчера он видел огромные деревья, вертевшиеся в водовороте течения. А пойти на такое безрассудство в темноте...

Макнил внезапно издал пугающий звук, который Росс в последний раз слышал в Бретани, — поисковый вой охотящегося волка. Через несколько секунд ниже по течению раздался ответный крик.

— Эш!

Они двигались вдоль воды, ни на минуту не теряя бдительности, пока наконец не наткнулись на Эша, который настолько слился с окружающим фоном, что Росс вздрогнул, когда темное пятно, которое он принял за куст, выступило вперед, чтобы присоединиться к ним. Вместе они перешли реку и снова повернули на юг, направляясь к горам.

Вот тогда-то и случилась беда.

Росс услышал предупредительный птичий крик. Хотя он был настороже, он так и не почувствовал приближение человека, который ударил его сзади. Еще секунду он следил за Макнилом и Эшем; в следующий момент накатило черное небытие.

Он осознавал пульсацию боли, которая волнами проходила через все его тело и затем угнездилась в голове. Затем с трудом открыл глаза; слепящий свет был как острие копья, попавшее ему прямо в голову, усилив его боль до агонии. Он прикоснулся рукой к голове и почувствовал что-то липкое.

— Ашша. — Он полагал, что зовет громко, но на самом деле даже сам не услышал звука своего голоса. Они были в долине, из-за кустов на него напал волк. Волк? Нет, волк же умер, а потом снова ожил и завыл на берегу реки.

Росс еще раз заставил себя открыть глаза, вынося боль от лучей, в которых распознал солнечный свет. Он повернул голову, чтобы спастись от яркого света. Сконцентрироваться было тяжело, но он боролся сам с собой, чтобы успокоиться. По какой-то причине надо было двигаться, надо было уйти. Но уйти от чего и куда? Когда Росс пытался думать, он видел только бессвязные мутные картины.

Потом его узкое поле зрения пересек движущийся объект, пройдя между ним и тем, что, он знал, было стволом дерева. Существо на четырех ногах с красным языком, свисающим из пасти. Оно приблизилось на полусогнутых ногах; из его глотки доносилось низкое рычание. Существо обнюхало его тело и затем коротко напряженно залаяло.

Шум причинил Россу такую боль, что он снова закрыл глаза. Затем шок от ледяной жидкости, которую прыснули ему в лицо, заставил его выразить слабый протест, и он увидел, что над ним странным перевернутым образом склонилось бородатое лицо, которое, он знал, пришло из прошлого.

Его коснулись руки. Из-за грубости, с которой его двигали, Росс, перед глазами которого все завертелось, еще раз отправился в темноту. Когда он пришел в себя во второй раз, была уже ночь, и боль в голове притупилась. Он вытянул руки и обнаружил, что лежит на куче меховых халатов и укрыт одним из них.

— Ашша, — попробовал он снова. Но не Ашша пришел ответить на его слабый зов. У женщины, опустившейся на колени рядом с ним с чашей из рога, были

аккуратно заплетенные косы, в которых седые пряди при свете костра отливали серебром. Росс знал, что видел ее раньше, но где и когда — это снова ускользало от него. Она подсунула свою крепкую руку ему под голову и приподняла его — мир вокруг заходил ходунном. Край чаши прижали к его губам, и онпил что-то горькое, что обжигало ему горло и зажигало огонь у него внутри. Затем его снова оставили наедине с самим собой; несмотря на боль и недоумение, он уснул.

Сколько дней он лежал в лагере Уффа, окруженный заботой его жены, Россу трудно было сосчитать. Именно Фригга уговорила племя позаботиться о человеке, которого они посчитали практически мертвым, когда нашли, и вернула его к жизни знаниями, приобретаемыми из поколения в поколение теми мудрыми женщинами, которые были докторами и жрицами этих кочующих народов.

Почему вообще Фриггу волновал раненый чужестранец, Росс узнал, когда был уже в состоянии садиться и выстраивать свои спутанные мысли в определенном порядке. Матриархат племени жаждал знаний. Тот же порыв, под влиянием которого она проводила эксперименты с травами, навел ее на мысль о том, что Росс был своего рода вызовом ее лечебным умениям. Когда она поняла, что он выживет, она решительно настроилась узнать от него все, что он мог ей передать.

Возможно, Уффа и другие мужчины племени взирали на металлическое оружие торговцев с восхищением и страстной завистью, но Фригге нужно было нечто большее, чем товары. Ей нужен был секрет изготовления такой одежды, которую носили чужестранцы, все, что она могла узнать об их жизни и землях, в которых они бывали. Она забрасывала Росса бесконечными вопросами, на которые он старался отвечать как можно лучше, ибо находился в состоянии странного наваж-

дения, где только настоящее было реально. Прошлое казалось тусклым и далеким, и хотя время от времени он смутно осознавал, что ему нужно что-то делать, он быстро забывал об этом.

После того как нападавшие удалились, предводитель племени и его люди обыскали недостроенное поселение, принеся с собой небольшие трофеи: бронзовую бритву, два ножа для снятия кожи, несколько крючков для ловли рыбы, отрез ткани, который высоко оценила Фригга. Росс с безразличием отнесся к этим вещам, никак на них не претендуя. Его интерес к окружающему часто заслонялся головными болями, приковывавшими его к постели, безразличного и терявшего способность соображать не на часы, а на целые дни.

Ему удалось понять, что племя жило в постоянном страхе перед нападением тех же захватчиков, которые смели с лица земли поселение торговцев. Но наконец-то их разведчики вернулись с вестью, что враг ушел на юг.

Была еще одна перемена, о которой Росс не знал, но которая наверняка напугала бы и Эша, и Макнила. Росс Мердок действительно умер от того удара, который лишил его чувств недалеко от реки. Молодой человек, которого Фригга постепенно приводила в чувство и которому возвращала здоровье, был Росса из людей кубков. Этот Росса вынашивал страстное желание отомстить тем, кто его ранил и захватил его родичей, — чувство, хорошо понятное спасшему его семейному племени.

Все тот же порыв толкал его попробовать сейчас свои силы, встать на ноги, даже если он еще не мог стоять как следует. Его лук потерялся, но Росс часами мастерил себе другой, и он обменял свой медный браслет на дюжину лучших стрел в лагере Уффа. Бу-

лавку с агатом со своего плаща он с искренней благодарностью преподнес Фригге.

Теперь, когда его силы возвращались, он уже не мог спокойно оставаться в лагере. Он был готов уйти, хотя раны на его голове еще болели, если к ним прикасались. Уффа благосклонно планировал охоту на юге, и Росс шел по следу с людьми из племени.

Он оторвался от клана охотников, когда они повернули в ту сторону, где начиналась запретная земля. Росс — его мозг был затуманен и захвачен его прикрытием, человеком кубков, — тоже колебался. И все же он не поддался, и охотники оставили его здесь, несчастного и изводимого не только головными болями, которые все еще приходили и уходили с мучительной регулярностью, — взирать на запрещенные высоты. В горах было то, что он искал — нечто скрытое в его мозге говорило ему об этом снова и снова, — но идти в горы было запрещено, и он не смел вступить на эту территорию.

Неизвестно, сколько времени он, возможно, провел бы в нерешительности, если бы не напал на след. Но через день после того, как охотники из клана Уффа ушли, вспышка яркого солнечного света, меркнувшая между двумя деревьями, указала ему на засечку топором на стволе третьего от него дерева. На секунду, когда Росс рассматривал надрез, две половинки его памяти сошлись. Он знал, что это была метка следа, и поспешил дальше, выискивая второй надрез, потом третий. Росс был убежден, что они приведут его на незнакомую территорию, и желание к исследованию победило в нем привитые ранее специальной инструкцией предрассудки.

Были и другие признаки, свидетельствовавшие, что это проторенная тропа: в роднике не плавали листья, и он был обнесен небольшой каменной оградкой, в дерне покатога откоса отпечатались несколько следов. Он,

возможно, и не был опытным дровосеком, но учился он быстро, по-видимому, даже очень быстро, потому что его ложные воспоминания сейчас вытеснили настоящие.

В эту ночь он не разводил костер; вместо этого он прокрался в глубь полуразрушенного логова, чтобы заночевать, и мгновенно просыпался, если выл волк или когда вдали под порывом ветра с шумом рухнуло мертвое дерево.

Утром он уже собирался вернуться на тот след, с которого так мудро сошел на ночь, как вдруг заметил пятерых бородатых, одетых в меховую одежду мужчин, напоминающих людей Уффа. Росс припал к земле и подождал, пока они не исчезнут из вида, — лишь потом он пошел дальше.

Весь день он петлял по следу за маленьким отрядом, замечая их время от времени, когда они поднимались на вершину холма или останавливались, чтобы поесть. Было уже далеко за полдень, когда он осторожно взобрался на гребень горы и внимательно оглядел раскинувшуюся под ним долину.

В долине, за частоколом, лежал город, пестревший крепкими бревенчатыми домами. Росс и раньше видал приблизительно такие же города, но этот был каким-то мифическим, как будто бы не таким реальным, каким казался.

Он оперся подбородком о руки и наблюдал за городом и движущимися в нем людьми. Некоторые из них были одеты в меха охотниками, а другие выглядели совсем иначе. При виде одного из мужчин, который быстро шел от одного дома к другому, он даже слегка вскрикнул — без сомнений, это был торговец из людей кубков!

С каждой секундой наблюдения его беспокойство возрастало, но беспокоило его что-то странное в этом

городе, а не то, что он сам был в опасности. Он опустился на колени, чтобы лучше видеть; и в этот самый момент в воздухе просвистела веревка, метким рывком скрутившая ему грудь, от чего из его легких выкачали воздух, а руки оказались крепко привязаны к телу.

Глава 10

Мердок, захваченный и покоренный быстрее, чем это было бы возможно тремя неделями раньше, стоял, мрачно разглядывая человека, который, хотя и был одет как торговец кубками, упорно продолжал говорить на языке, которого Росс не знал.

— Мы здесь в игры не играем. — Наконец он заговорил словами, которые Росс мог понять. — Ты будешь отвечать мне, или спрашивать тебя будут другие и не так мягко. Итак, я спрашиваю тебя — кто ты и откуда ты пришел?

Какой-то момент Росс сердито смотрел на него через стол; при этом презрительном требовании в нем поднялось его врожденное чувство противоречия власти, но здравый смысл вовремя подал предупредительный сигнал. От предварительного знакомства с этой деревней у него появились царапины и приступ головной боли. Не было причины давать им повод бить его, пока он был еще не настолько в форме, чтобы бороться за свободу, если такая возможность и представится.

— Я Росса из торговцев, — ответил он, оглядывая человека осторожным оценивающим взглядом. — Я пришел на эту землю в поисках своих родичей, которых ночью утащили захватчики.

Человек, сидевший на табуретке рядом со столом, медленно улыбнулся. И снова заговорил на незнакомом языке, на что Росс просто флегматично на него уставился. Его слова были короткими и взрывными, а

улыбка исчезла и раздражение все возрастало, по мере того как он говорил.

Один из двоих охранявших Росса рискнул вмешаться на языке людей кубков.

— Откуда ты пришел? — Это был стройный человек со спокойным лицом, совсем не такой, как его жестокий напарник, который связал Росса со спины веревкой и готов был в любой момент ударить его.

— Я пришел на эту землю с юга, — ответил Росс, — как это принято у моего народа. На этой новой земле есть меха и золотые капли солнца, которые можно собрать и продать. Торговцы идут с миром и не поднимают руки на других. И все же в темноте ночи пришли те, кто убивает без всякой выгоды, и по причине, которой я не знаю.

Спокойный человек продолжал задавать вопросы, и Росс полностью, во всех подробностях отвечал о прошлом Росса, торговце кубками. Да, он был с юга. Его отцом был Гурди, у которого было торговое поселение в теплых землях вдоль большой реки. Это была первая поездка Росса на новые территории. Он пришел с кровным братом отца, Ашша, который был опытным путешественником, и быть погонщиком ослов для такого, как Ашша, было большой честью. С Ашша был Макна, тоже торговец, бывавший в дальних землях, хотя и не такой прославленный, как Ашша.

Безусловно, Ашша был из его народа! Росс даже удивился такому вопросу. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что он торговых кровей, а не этих нецивилизованных дикарей. Как давно он знает Ашша? Росс пожал плечами. Ашша пришел в поселение к его отцу прошлой зимой и оставался с ними в течение холодов. Гурди и Ашша породнились, после того как он вытащил Гурди из разлившейся реки. Спасая его, Ашша потерял свою лодку и товары, так что

Гурди компенсировал его потери в этом году. Подробно за подробностью рассказывал он свою историю. Несмотря на то что он излагал эти подробности многословно, с полной уверенностью, что говорил правду, Росса не оставляло странное чувство, что на самом деле он рассказывал наизусть сказку о каком-то приключении, которое произошло очень давно и с кем-то другим. Возможно, из-за этого он думал об этих событиях как о выцветших и далеких.

— Похоже, — спокойный человек повернулся к сидевшему за столом, — что он действительно Росса, торговец из людей кубков.

Но человек за столом выглядел нетерпеливым, разозленным. Он сделал знак другому охраннику, который грубо развернул Росса и толкнул его к двери. Еще раз предводитель отдал приказ на своем собственном языке; несколько его слов звучали очень резко и, возможно, означали угрозу или предупреждение.

Росса бросили в помещение с жестким полом — там не было даже рогожи, которая могла бы служить постелью. Спокойный человек приказал развязать Россу руки, так что теперь он прислонился к стене, стирая с кистей рук боль возвращающегося кровообращения и пытаясь понять, что с ним случилось и где он. Так как он какое-то время шпионил за городом сверху, он знал, что это было не обычное торговое поселение, и хотел знать, что здесь происходит. И еще где-нибудь в этом поселении он надеялся разыскать Ашша и Макна.

В конце дня захватившие его в плен открыли дверь ровно настолько, чтобы просунуть в комнату чашу и небольшой кувшин. Он почувствовал их в полумраке, жадно хватая пальцами тепловатую массу и опустошая содержимое кувшина. Его головная боль притупилась, и по опыту Росс знал, что приступ почти закончился. Если бы он уснул, то проснулся бы с просветлевшей

головой и без боли. Понимая, что очень устал, он с осторожностью свернулся калачиком прямо у двери так, чтобы никто не мог войти, не разбудив его.

Было еще темно, когда он проснулся от какой-то пытливой побуждающей силы, оставшейся ото сна, который он не мог вспомнить. Росс сел, разминая руки и плечи и борясь с одеревенелостью, которая пришла вместе с этим давящим сном. Он не мог избавиться от чувства, что что-то надо было предпринять, и время было не на его стороне.

Ашша! Он осторожно уцепился за это. Он должен найти Ашша и Макна. Конечно, втроем они бы разобрались, как выбраться из этой деревни. Вот что было так важно!

С ним обращались отнюдь не нежно и держали здесь в плену. Но Росс полагал, это еще не самое худшее, что может здесь с ним случиться, и он должен освободиться до того, как это худшее настанет. Вопрос заключался в том, как ему сбежать? Его лук и кинжал исчезли, а в качестве оружия у него не осталось даже длинной булавки от плаща — ведь он подарил ее Фригге.

Пробегая руками по телу, Росс выяснял, что на нем осталось из одежды и его собственных вещей. Он растегнул бронзовый ремень-цепь, который все еще опоясывал его тунику-килт, и, оценивая его длину, помахал им. Шедевр ремесленного мастерства, состоящий из узорчатых пластин, связанных вместе рядом из пяти цепочек с красивой отделкой, и пряжки в форме головы льва, вытянутый язык которого служил крючком, поддерживающим ножны кинжала. Из-за веса он был в какой-то мере и оружием, которое, в сочетании с эффектом неожиданности, могло принести ему желанную свободу.

И действительно, доверившие ему участвовать в этом походе не ошиблись, ожидая, что он окажет какое-

нибудь противодействие. Всем было хорошо известно, что дорогами торговцев ходили только лучшие воины, проницательнейшие умы. Можно гордиться тем, что ты торговец в такой дикой стране — сейчас, когда Росс поджидал в темноте ту удачу, которую пошлет ему Ба-Бал Яркого Рога, эта мысль предостерегала его. Если он когда-нибудь вернется в поселение Гурди, чья лодка бороздила под небесами от рассвета до заката, то у него будет прекрасный бык, кувшины пива, сладко пахнувший янтарь, лежащий на его жертвеннике.

У Росса было терпение, которое он черпал из смешанного наследия двух своих половин — настоящей и привитой. Он мог ждать, как ждал много раз до этого — внешне спокойно, — пока не настанет тот самый момент. И сейчас этот момент настал при звуке громких шагов, которые замерли перед дверью его камеры.

Тихо, как кот на охоте, Росс мгновенно отлетел от двери и прижался к стене, где на миг или два, так необходимые ему, он мог оставаться незаметным для вошедшего. Если он хочет, чтобы его нападение увенчалось успехом, то оно должно произойти внутри помещения. Он слышал, как открывали засов, и приготовился, теребя ремень в правой руке.

Дверь открывалась вовнутрь, на свету был виден профиль человека. Он что-то бормотал, глядя в тот угол, где Росс бросил одежду, которую можно было принять за свернувшегося калачиком дремлющего человека. Человек в дверях попался на удочку и шагнул вперед настолько, чтобы Росс мог в прыжке стремглав закрыть дверь, целясь при этом ремнем в его голову.

Раздался испуганный крик, прерванный на середине, когда пластинки ремня рассекли плоть и кость. Удача была на его стороне! Росс схватил свою юбку и, быстро осмотрев тело, обвязал ею человека, теперь лежащего у его ног. Он не думал, что этот человек мертв,

но в любом случае он был без сознания. Росс сорвал с него плащ, обнаружил кинжал, который вынул из его ножен и вложил в свои.

Потом, дюйм за дюймом, Росс открывал дверь, выглядывая сквозь щелку. Насколько он мог видеть, никого не было, и он резким движением полностью раскрыл дверь. Кинжал уже был в его руке, готовый к использованию в нападении. Он закрыл дверь, вернув засов на место. Если человек внутри придет в себя и начнет стучать в дверь, привлекая к себе внимание, то его друзья, скорее всего, подумают, что это Росс, и вряд ли придут незамедлительно.

Но, как Росс хорошо знал, побег из камеры был самым легким из того, что он планировал предпринять. Найти Ашша и Макна в этом лабиринте вражеских комнат будет куда посложнее. Хотя он понятия не имел, в какой из построек поселения их могут держать, эта была самой большой и казалась штаб-квартирой председателя, так что вполне могла служить и тюрьмой.

На полпути в зал располагался канделябр с факелом, от которого исходил свет. Дерево дымно горело, излучая смолистый запах, а отблеск давал Россу достаточно света. Он скользил, прижавшись к стене насколько мог, готовый замереть на месте даже при намеке на звук. Но эта часть здания, казалось, была заброшена, потому что он никого не видел и не слышал. Он попробовал две двери, выходящие в зал, но обе они были надежно заперты с другой стороны. Потом коридор поворачивал, и он резко остановился, услышав гул тихих голосов.

Если до этого он прибегал к охотничьим трюкам и наблюдательности, то сейчас, когда он пробрался до места, откуда мог видеть, что было за этим поворотом, он был вдвойне настороже. Но только по чисто случайной случайности он не выдал себя уже через мгновение.

Ашша! Ашша, живой, и, видимо, не в плену, как раз отворачивался от того спокойного человека, который принимал участие в допросе Росса. Это точно был Ашша — хотя Росс не видел лица человека, его убедили в этом каштановые волосы Ашша и его знакомый наклон головы. Спокойный человек спустился в зал, оставив Ашша перед дверью. Когда он прошел, Росс поспешил вперед и последовал за ним вовнутрь.

Ашша пересек пустую комнату и встал на полу на мерцающей плите. Росс, которого на отчаянные действия толкал какой-то страх, которого он не мог понять, прыгнул за ним. Его левая рука легла на плечо Ашша, когда Росс, развернув его к себе, тоже стал на светящийся участок.

У Мердока была всего секунда, чтобы понять, что он уставился в лицо изумленного незнакомца. Его руки взмыли неожиданным боковым ударом, который пришелся в шею его противнику, и потом мир вокруг них распался на части. Пенящаяся, бурлящая тошнота охватила Росса и согнула его пополам поперек рухнувшего тела его жертвы. Голову он держал так, словно она была крепко пришпилена к плечам и вращалась только на этой оси.

Тошнота длилась всего мгновение, и какая-то скрытая часть Росса приняла ее как явление, которое он уже переживал раньше. Дыша с трудом, он избавился от нее и еще раз внимательно взглянул на человека, лежащего у его ног.

Незнакомец все еще дышал. Росс перестал тащить его с плиты, заткнул ему кляп в рот и начал связывать его кусками своей юбки. И только когда его пленник был надежно связан, он начал с любопытством оглядываться.

Комната была совершенно пустая и необставленная, и сейчас, когда Росс взглянул на пол, он увидел, что

плита больше не светится. Торговец из людей кубков Росса отер потные руки о юбку и на мгновение подумал о лесных привидениях и других тайнах. Не то чтобы торговцы поклонялись этим привидениям, наводящим ужас на малые племена и людей, но обо всем, что внезапно появлялось и исчезало без логического объяснения, нужно было задуматься. Мердок оттащил пленника, который к этому времени стал приходить в себя, в дальний конец комнаты и вернулся к плите с упорством человека, который отказывался иметь дело с привидениями и искал что-то, чтобы объяснить необъяснимое. Он потер руками гладкую поверхность плиты, но она не засветилась снова.

Пленник кое-как наполовину выполз из угла комнаты, так что Росс обдумывал целесообразность устранения лишнего шума еще раз — скажем, легкий удар по голове тяжелой рукояткой его кинжала. Отвергнув этот вариант по причине того, что ему, возможно, понадобится проводник, он ослабил веревки на лодыжках пленника и поставил его на ноги, держа кинжал наготове так, чтобы человек мог его видеть. Попадись в этом месте еще какие-нибудь сюрпризы, двойник Ашша испробует их на себе первым.

Дверь вела не в тот же коридор, и даже не в такой же коридор, через который Росс прошел несколько минут назад. Вместо этого они вошли в небольшой проход со стенами из какого-то гладкого материала. Они блестели почти как отполированный металл и были холодными и гладкими на ощупь. Вообще-то все это место было прохладным, как речная вода весной.

Все еще подталкивая пленника впереди себя, Росс подошел к ближайшей двери и заглянул вовнутрь — оттуда на него смотрели малопонятные рамы из металлических стержней и коробок. Росса из торговцев только диву давался, но снова он осознал, что то, что он ви-

дел, было не таким уж странным. Часть стены представляла собой панель, на которой то загорались, то гасли лампочки, чтобы, снова мигая, загореться ярким светом. Таинственный предмет, сделанный из проводов и дисков, свисал со спинки стоявшего рядом стула.

Связанный человек наклонился к стулу и упал, покотившись к стене. Росс толкал и толкал его, пока он не оказался спрятанным за одним из металлических ящиков. Потом он обошел комнату, ни к чему не прикасаясь, но изучая то, чего не мог понять. Облачка теплого воздуха выходили из решетки рядом с полом, но в самой комнате оставалось так же прохладно, как и в зале снаружи.

А в это время лампочки на панели стали мигать быстрее, включаясь и выключаясь более сложными узорами. Теперь Росс слышал жужжание, как будто рой разозленных насекомых собрался для нападения. Присев рядом со своим пленником, он наблюдал за лампочками, пытаясь разгадать источник звука.

Жужжание становилось все пронзительнее и пронзительнее. Росс слышал, как из коридора доносился топот тяжелой обуви; в комнату вошел человек, целенаправленно подошедший к стулу. Он сел и надел конструкцию из проводов и дисков себе на голову. Его руки двигались под лампочками, но что он делал, Росс не мог догадаться.

Пленник рядом с Мердоком предпринял слабую попытку зашевелиться, но рука Росса снова придавила его, так что он не издал ни звука. Пронзительный шум, который изначально вызвал человек с лампочками, был прерван резкими то короткими, то длинными звуками, а его руки задвигались еще быстрее; между тем Росс запоминал каждую деталь его одежды и оборудования. Он не был ни лохматым человеком из племени, ни торговцем. Он носил темно-зеленое одеяние цельного

кроя, которое покрывало его руки и ноги и все тело, а волосы у него были такими короткими, что, возможно, его круглый череп брили. Росс провел рукой по глазам, снова переживая какие-то смутные воспоминания. Как ни странно выглядел этот человек, Росс уже видел где-то таких, и не в поселении Гурди на южной реке. Где же и когда он, Росса, был с такими странными существами? И почему он не помнил этого более четко?

В коридоре снова раздались шаги, вошла еще одна фигура. Этот человек был в мехах, но и он тоже не был лесным охотником, понял Росс, когда оглядел вошедшего более пристально. Свободная верхняя сорочка-блузон, высокие сапоги и все остальное были отнюдь не примитивного фасона. И у человека было четыре глаза! Одна пара была, как и полагается, расположена по обе стороны от носа, а вторая пара глаз, черных по краям и мрачных, находилась над его лбом.

Человек, одетый в меха, похлопал по плечу сидящего у панели. Тот частично высвободился из клетки из проводов у себя на голове, так, чтобы они могли разговаривать на каком-то незнакомом языке, пока лампочки продолжали гореть, а жужжание постепенно стихало. Пленник Росса начал извиваться с обновленной силой и наконец стукнул ногой по одной из металлических установок. Раздавшийся металлический звук встревожил обоих мужчин. Человек у панели сорвал с головы клетку и вскочил на ноги, а второй вынул ружье.

Ружье? Какая-то часть мозга Росса удивилась, когда он узнал этот черный предмет и опасность, которую тот представлял, хотя он и приготовился к битве. Он толкнул пленника под ноги человеку в мехах, а сам бросился в противоположном направлении. Раздался грохот, причинивший ему невероятную головную боль и откинувший его к двери.

Желание Росса сбежать было столь сильно, что он даже не оглянулся; из комнаты он выскочил на коленях и именно поэтому, к своему счастью, стал такой неудачной мишенью для третьего человека, проходящего по залу. Плечи Росса ударили незнакомца на уровне бедер, и они превратились в спутанный клубок борющихся тел, что и спасло Россу жизнь, когда другие люди высыпали вслед за ними.

Росс сражался безжалостно, не задумываясь, почти инстинктивно раздавая руками и ногами удары. Его противник был не из слабого десятка и наконец сбил Росса с ног, несмотря на все его отчаянные усилия. Его бросили, скрутили за спиной руки, и холодные металлические кольца сомкнулись вокруг них. Потом его перевернули, и он лежал, глядя вверх на своих врагов.

Все трое столпились вокруг него, лающим языком задавая вопросы, которые он не мог понять. Один из них исчез и вернулся, ведя с собой бывшего пленника Росса; его тонкие губы и свет в глазах Росс понял намного лучше, чем любые слова.

— Ты торговец-заключенный? — Человек, который выглядел, как Ашша, наклонился над Мердоком; его загорелая кожа была красной там, где у него были связаны руки и вставлен кляп.

— Я Росса, сын Гурди, из торговцев, — ответил Росс на его вопрос с открытым вызовом. — Я был в заключении, да. Но вы не смогли держать меня там долго в прошлый раз, не сможете и сейчас.

Тонкая верхняя губа человека приподнялась.

— Ты сам себе навредил, мой юный друг. У нас тут есть тюрьма получше, из нее ты не сбежишь.

Он обратился к другому человеку, в голосе были приказные нотки. Они поставили Росса на ноги, толкая его перед собой. За время этого короткого шествия Росс обращал внимание на неизвестные ему вещи в комна-

тах, через которые они проходили. Люди задавали вопросы и наконец на какое-то время замолчали; Росса крепко держал человек в мехах, а двое других одевали подобные наряды.

Росс потерял в битве свой плащ, но никакой теплой одежды ему не дали. Он дрожал все сильнее и сильнее, по мере того как холод, который цеплялся к этим комнаткам и залам, покусывал его полуодетое тело. Только в одном он был уверен насчет этого места: не может быть, чтобы оно было в этих примитивных зданиях деревни в долине. Однако он не мог догадаться, где он был или как сюда попал.

Наконец они вошли в узкую комнату, заставленную массивными металлическими предметами ярко-красного или фиолетового цвета, которые излучали странный свет и были оснащены стержнями с кольцами всех цветов радуги. Здесь была круглая дверь, и когда один из охранников двумя руками рывком открыл ее, оттуда потянулся такой холод, что его ледяное дыхание обжигало кожу.

Глава 11

Почти что черные в слабом свете, грязно-белые стены тоннеля были сделаны из сплошного льда. То здесь, то там снизу неясными очертаниями проглядывали темные предметы. Черный провод, висящий над головой, с лампочками на равном расстоянии друг от друга, никак не помогал рассеять ледяной холод вокруг.

Росс дрожал. Каждый его вдох жалил легкие. Его голые плечи, и руки, и неприкрытая часть бедер между юбкой и сапогами коченели все больше и больше. Он мог только одеревенело двигаться, подталкиваемый вперед охранниками всякий раз, когда спотыкался. Он думал, что, случись ему здесь потерять равновесие и

уступить холоду, он проиграет эту битву и поплатится за это жизнью.

Он не мог измерить, долго ли они монотонно шли через сплошной лед, но наконец перед ними возникло другое отверстие, неровно выбитое, как если бы его проделывали топором. Через него они попали в самый дикий пейзаж из всех, что Росс когда-либо видел. Конечно, снег и лед ему были не в диковинку, но это был мир, полностью подавленный жестокой властью зимы. Это был тихий, мертвый бело-серый мир, где все было обездвижено, кроме ветра, который крутил заносы.

Солнечный свет ослепительно отсвечивал от ледяных вершин. Охранники надели на глаза темные стекла, которые в помещении они носили на лбу. Несмотря на жгучую боль в глазах, Росс не отрывал взгляда от своих ног. Ему не дали времени осмотреться вокруг. Откуда-то взялась веревка, петля щелкнула в воздухе и охватила его горло, и его потащили, как собаку на поводке. Перед ними в снегу была тропинка, продавленная, похоже, не только следами ног, но и более тяжелыми предметами, которые перевозили на санях. Росс поскользнулся и оступился в колее, опасаясь, что упадет, если только его не будут тащить. Его тело уже почти полностью окоченело, у него кружилась голова, мир вокруг время от времени затуманивался дымкой, поднимавшейся от нескончаемого пространства нетронутых снежных полей.

Споткнувшись в колее, он упал на одно колено; его тело было слишком окоченелым, чтобы чувствовать еще и холод снега, столь тяжелого, что его корка резала, как нож. Абсолютно равнодушно он смотрел, как тонкая линия красной струйки медленными каплями стекала по синей коже его ноги. Веревка дернула его вперед, и Росс неуклюже пополз за ней, а затем один из за-

хвативших его ухватился рукой в меховой рукавице за его пояс и снова поднял на ноги.

Цель этого перехода по снегу была неясна Россу. По сути, его это уже не волновало, лишь бы глубоко укоренившийся в нем бунтарь не дал ему сдаться, пока его ноги еще могут идти и пока в нем остается хоть капля осознанной воли. Теперь идти было еще трудней. Его заносило, он падал еще дважды. В последний раз, когда он упал, он проскользнул мимо человека, который вел его, и съехал вниз по гладкому, как стекло, склону. Он лежал у подножия и не в силах был подняться. Сквозь туман и мертвящую простыню холода он знал, что его тащат, трясут, вообще грубо с ним обращаются, но теперь уже не мог ответить. Кто-то щелчком снял кольца с его запястий.

Раздался зов, жутким эхом разнесшийся надо льдом. Его тело перестали теревить и потащили и снова столкнули со склона. Но веревку с горла не сняли, а руки были свободны. В этот раз, когда он поднялся готовый к борьбе, никого рядом не оказалось.

Сознательная часть мозга Росса — та часть его, которая была Россом, торговцем, — довольствовалась тем, чтобы лежать там, чтобы уступить летаргии, порожденной ледяным миром вокруг него. Но подсознание Росса Мердока из Проекта не давало ему покоя. В нем всегда была некая холодная ненависть, которая могла кристаллизироваться в стимул к действию. Когда-то это была ненависть к обстоятельствам и власти, сейчас она превратилась в ненависть к тем, кто завел его в эту пустыню намеренно, как он теперь понимал, чтобы оставить его здесь умирать от холода. Росс пошевелил руками. Хотя он их не чувствовал, они все же неповоротливо его слушались. Он с трудом приподнялся и осмотрелся. Он лежал в узкой расщелине; часть ее стен представляла собой землю, которая замерзла настолько,

что напоминала сталь. Сверху она обросла длинными полосками языков льда. Оставаться здесь означало бы выполнить желание его захватчиков.

Росс медленно поднялся на ноги. Эта расщелина, предназначенная ему для могилы, была не такой глубокой, какой показалась людям, так спешащим от него отделаться. Он полагал, что сможет выбраться, если ему удастся заставить свое тело выполнять то, что он ему прикажет.

Каким-то образом Россу удалось сделать это неимоверное усилие и снова подняться на протоптанную колею, с которой его столкнули. Но даже после этого идти по этому пути-колее было бессмысленно, потому что он вел назад, к тому зданию в ледяной оболочке, из которого его привели. Они выбросили его умирать; обратно они его не примут.

Но у такой хорошо заметной дороги должна же быть какая-то конечная цель, и в надежде, что, может быть, он найдет убежище на другом ее конце, Росс повернул налево. Исхоженная тропа шла вниз вдоль склона. Теперь вздымающиеся стены из снега и льда были пробиты зубами скал, словно прогрызшихся снизу через ледник. Огибая один из этих скалистых клыков, Росс посмотрел на полоску ровной земли. Здесь лежал снег, но проторенный след вел прямо через него к закругленной стороне огромного шара, наполовину укрытого в земле, шара из темного материала, который мог быть создан только человеком.

Росс уже не обращал внимания на предосторожности. Он должен добраться до тепла и уюта, или ему конец, это он знал наверняка. Еле держась на ногах, он продолжал идти, не сводя глаз с двери впереди — закрытой овальной двери. Силы его были на исходе; почти рыдая, Росс бросился на дверь. Барьер поддал-

ся и дал ему упасть в странное мерцающее сияние голубоватого света.

Свет воодушевлял его, обещая большее, и Росс прополз мимо другой двери, которая гладко поблескивала у внутренней стены. Это выглядело как спуск по трубе. Росс остановился, прижав безжизненные руки к голой груди под краем туники, внезапно осознав, что здесь тепло. Его дыхание не клубилось перед ним морозным паром, а воздух не иссушал легкие всякий раз, когда он отваживался вдохнуть поглубже.

Как только он это осознал, к нему вернулась доля врожденной осторожности. Оставаться там, где он был, внутри сразу у входа, означало навлечь на себя беду. Он должен найти место, где бы ему спрятаться, пока он не ослабел окончательно, — а он чувствовал, что его силы сражаться вот-вот закончатся. Надежда ненадолго дала ему всплеск ложных сил, способность к движению, и из этого подарка он должен выжать все, что может.

Его путь закончился у широкой лестницы, завораживающей плавными кривыми во мраке ниже и в тени выше. Он чувствовал, что находится в довольно большом здании. Он боялся спуститься, потому что только один взгляд в этом направлении почти уничтожил его чувство равновесия, и потому пошел вверх.

Ступенька за ступенькой Росс преодолевал этот болезненный подъем, проходя пролеты, из которых выбегали три или четыре коридора, как радиусы паучьей паутины. Он уже почти исчерпал всю свою выносливость, когда услышал звук, повторяемый эхом, усиленный — снизу. Там кто-то двигался. Он втащился на четвертый уровень, где свет был очень слабый, надеясь, что заползет в один из проходов достаточно далеко, чтобы его не увидели с лестницы. Но он прошел только часть выбранного пути, когда силы покинули его, и, задыха-

ясь, он упал назад к стене. Его руки тщетно хватали за эту гладкую поверхность. Он падал сквозь нее!

У Росса была секунда, может, две одурманенного изумления. Он лежал на мягкой поверхности, и его окутало тепло, которое успокаивало его исцарапанное и замерзшее тело. Острый укол в бедро, потом другой в руку — и мир превратился в дымчатую мечту, пока он, полностью измученный, наконец не уснул.

Были сны, очень подробные, и Росс беспокойно вертелся, по мере того как сон заканчивался и приближалось пробуждение. Он лежал с закрытыми глазами, складывая вместе странные отрывки — снов ли? Нет, он был уверен, что это были воспоминания. Росса, торговец кубками, и Росс Мердок, участник Проекта, снова слились в одного и того же человека. Как это случилось, он не знал, но это так и было.

Открыв глаза, он заметил нежно-голубую кривизну потолка, которая по краям плавно переходила в серую. Успокаивающий цвет действовал на его взволнованное пробудившееся сознание как слово утешения. Впервые с того времени, когда он ночью получил удар по голове, головной боли не было. Он поднял руку, чтобы ощупать ту рану рядом с линией волос, которая еще вчера была так чувствительна, что болела от любого прикосновения. От нее осталась только тонкая, неровная полоска, какой бывает старый шрам, и все.

Росс поднял голову и осмотрелся. Его тело лежало в металлической конструкции, напоминающей колыбель, почти полностью погруженное в красное желатинообразное вещество с приятным душистым запахом. Ему больше не было холодно, и также он не был голоден. Никогда в жизни не чувствовал он себя таким здоровым. Сев в своей колыбели, он отряхнул желе с плеч и груди. Оно сразу же упало с него, не оставляя следов жира или влажности на коже.

Кроме странной кровати, в которой он лежал, в этой маленькой цилиндрической камере были и другие предметы. В узкой передней части комнаты рядом стояли два ковшеобразных сиденья, а перед ними находилась система управления, суть которой он не понимал. Как только Росс поставил ноги на пол, откуда-то со стороны раздался щелчок. От этого звука он развернулся, готовый к неприятностям. Но причиной шума была открывшаяся дверь в маленький шкаф. Внутри шкафа лежал толстый сверток. Не иначе как его приглашали исследовать подарок.

В свертке находилось много раз свернутое изделие из ткани, сжатое и запаянное в прозрачный пакет, который он дважды ощупал, прежде чем ему удалось открыть застежку. Росс вытряхнул одеяние из материала, какого он никогда раньше не видел. Гладкая и блестящая, как атлас, поверхность была металлической, но мягкой, как тонкий шелк. При малейшем прикосновении цвет ткани заиграл всюду — темно-синий переходил в сиреневый, оживляемый волнистыми полосками изумительно яркого зеленого.

Росс поэкспериментировал с рядом маленьких, искрящихся, как бриллианты, зеленых запонки, которые образовывали диагональ от правого плеча костюма к левому бедру, и он растягивался. Он залез в одеяние; ткань сразу же приняла форму его тела; костюм плотно облегал его и сидел идеально. Поперек плеч были зеленые ленты под цвет запонкам, а трико, похожее на чулки, переходило в некое вещество, которое образовывало подушку для его ног.

Он сжал запонки, убедился, что они соединились, и начал приглаживать эту странную, прекрасную ткань — не зная, как объяснить ее появление и все, что его окружало. Его мозг не был замутнен; он помнил каждую деталь своего путешествия вплоть до момента, когда

провалился сквозь стену. И он был уверен, что прошел не один, а два русских временных поста. Неужели это третий? Если так, он еще в плену? Зачем им оставлять его замерзать на морозе, а потом так с ним обращаться?

Он не мог увязать в одну логическую цепочку то здание в ледяной оболочке, из которого русские его забрали, с этим. Услышав другой мягкий звук, Росс взглянул через плечо, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как колыбель из желе, из которой он вышел, сокращается в размерах, так, что она стала в три раза меньше своего прежнего объема. Компактная, как ящик, она свернулась возле стены.

Росс, передвигаясь бесшумно, подошел к ковшеобразным стульям. Однако, разместив свое тело в один из них, чтобы получше рассмотреть то, что отдаленно напоминало приборную панель вертолета — похожего на тот, в котором он вступил в первый этап своего фантастического путешествия во времени и пространстве, — он обнаружил, что это не слишком удобно. Он осознал, что сиденье разработано для тела не совсем такой формы, как его собственное.

Тело, как его собственное... Эта ванна из желе, или кровать, или что бы это ни было... Одежда, которая так ловко подстраивалась под его размеры...

Росс наклонился вперед, чтобы изучить приборы на панели управления, и те подтвердили его подозрения. Он всех их переплюнул! Как раз сейчас он находился в здании той неизвестной расы, ради существования которой Миллайрд и Келгариес затеяли весь Проект. Вот он, источник, или один из источников, из которого русские черпали знания, с которыми не могли сравниться никакие современные достижения.

Мир в оболочке изо льда и здание со странным оборудованием. Эта штука — цилиндр с сиденьем для пилота и панелью управления. Чужаки из космоса? Но

ванна с желе — и все остальное... И его присутствие привело в действие шкаф, который снабдил его одеждой... А что стало с туникой, которая была на нем, когда он попал сюда?

Росс встал, чтобы осмотреть камеру. Кровать-ванна сложилась и стояла у стены, но следов его одежды людей кубков, его ремня, кожаных сапог не было. Он не понимал своего собственного состояния — отсутствия голода и жажды.

Возможных объяснений этому всему было два. Либо люди этой другой расы все еще жили здесь и по какой-то причине пришли ему на помощь. Либо он находился в месте, где работали роботы, хотя тех, кто их запустил, уже больше здесь не было. Тяжело было выделить воспоминания о безжизненном ледяном мире, который он в тот момент воспринимал через призму своей болезни. И все же он знал, что взбирался и полз через пустоту, не слыша и не видя признаков другой жизни. Теперь Росс беспокойно ходил туда-сюда, пытаясь отыскать дверь, через которую как-то попал сюда, но ни на одной стене не было никакого отверстия.

— Я хочу выйти, — сказал он громко, стоя посреди не тесной комнаты, уперев руки в бока, все еще ища глазами исчезнувшую дверь. Он выстукивал, толкал, испробовал все, чтобы найти ее. Если бы он только помнил, как вошел! Но все, что он мог вспомнить, это то, что он прислонился к стене, которая повернулась вовнутрь, и он упал. Но куда он упал? В эту ванну с желе?

Росс, осененный, посмотрел на потолок. Тот был невысок, так что, стоя на цыпочках, он мог барабанировать по нему пальцами. Сейчас он стал прямо на то место, где раскачивалась колыбель до того, как она сама свернулась.

Он постукивал и так, и эдак, и наконец его усилия были вознаграждены. Под его натиском появилась голубая кривая. Он начал надавливать, приподнимаясь на цыпочках еще выше, хотя в таком положении не мог надавить сильно. Потом как будто вдруг резко открылась застрявшая было задвижка, потолок качнулся так, что Росс потерял равновесие и упал бы, не ухватись за спинку одного из ковшеобразных сидений.

Он подпрыгнул и, держась руками за края отверстия, смог взобраться наверх и вылезти; там он увидел маленькую полоску света. Его пальцы быстро заработали, и он открыл вторую дверь, ведущую в знакомый коридор.

Придерживая дверь, чтобы она не закрылась, Росс оглянулся, и от того, что он увидел, глаза его широко раскрылись. Ибо сейчас стало ясно, что он только что выбрался из машины, очертания которой не оставляли сомнений — это была ракета с укороченным носом. Маленький летательный аппарат — или реактивный самолет, или что бы это ни было — размещался в нише в стене большой структуры, как пуля в барабане, и, по-видимому, мог покидать эту конструкцию также подобно пуле. Но зачем?

Воображение Росса перескочило с фактов на теорию. Может быть, корабль-торпеда — это их самолет. Хорошо, он был в неважной форме, когда случайно попал в него, и машина-кроватка поймала его, как будто была создана именно для такой работы. Что же за самолет мог быть оснащен таким лечебным аппаратом? Только тот, который предназначен для работы в чрезвычайных ситуациях, для транспортировки тяжело раненных живых существ, которым в спешке пришлось покинуть помещение.

Другими словами, спасательная шлюпка!

Но зачем зданию спасательная шлюпка? Это ведь оборудование, типичное только для корабля. Росс вошел в коридор и уставился вокруг с неприкрытым и скептическим удивлением. Неужели это какой-то корабль, оставленный здесь, заброшенный и покинутый, а теперь присвоенный русскими? Факты сходились! Они так хорошо сходились со всем, что Росс вдруг обнаружил, что уверен в своей правоте. И он был решительно настроен стопроцентно это доказать.

Он закрыл дверь, ведущую к причалу спасательной шлюпки, но не слишком плотно, чтобы открыть ее снова. Это было отличное место, чтобы укрываться. Передвигаясь бесшумно, он побрел назад к лестнице и стоял там, прислушиваясь. Далеко внизу раздавались звуки, скрежет металла о металл, неразборчивый шепот приглушенных голосов. Но сверху ничего не было слышно, так что он решил исследовать сначала верх, прежде чем отважиться проникнуть в более опасную зону.

Росс взбирался, миновал еще два уровня и добрался до громадной комнаты с изогнутой крышей, которая, должно быть, занимала всю верхушку шара. Здесь было такое изобилие машин, средств управления, вещей, которые он не понимал, что он замер в замешательстве, довольный уже тем, что хотя бы недолго на это смотрит. Там было — он медленно посчитал — пять панелей управления, как те, которые он видел в маленьком спасательном корабле. Перед каждой из них стояло два или три ковшеобразных сиденья, только здесь они были вращающимися. Он положил руку на одно из них, и оно послушно повернулось.

Панели управления были такими сложными, что панель в спасательной шлюпке была, наверное, детской игрушкой в сравнении с ними. Воздух в корабле был свежим; в спасательной шлюпке он отдавал приятным

запахом желе; здесь же Росс унюхал слабый, но стойкий намек на гниение, на застаревшую вонь.

По лестнице он сошел от места, дающего хороший обзор, и пробирался между панелями управления и пустыми вращающимися стульями перед ними. Вот и главный зал управления, в этом он не сомневался. Именно отсюда вся эта махина приводилась в движение, отправлялась в том или другом направлении. Шла ли она по морю, или по воздуху? Шарообразная форма предполагала, что это воздушный корабль. Но настолько развитая цивилизация уж обязательно оставила бы после себя какие-нибудь свидетельства своего существования. Росс не сомневался, что находился намного дальше, чем в 2000 году до нашей эры, но был уверен, что следы тех, кто мог построить такое, существовали и в двадцать первом веке после Рождества Христова.

Может, именно так русские и нашли это. Ключом к разгадке было что-то, что они выискали в своей стране, скажем, в Сибири или где-то в забытых уголках Центральной Азии.

У Росса было немного знаний, кроме интенсивной зубрежки на базе и его собственного весьма свободного образования, и мысль о расе, которая создала такой корабль, привела его в большее благоговение, чем он сам признал бы. Если бы проекту удалось это найти, передать тем ребятам, которые в таких вещах разбирались... Ведь это было как раз то, что они так искали, а он был единственным человеком из проекта, кто обнаружил главный приз. Как-то, так или иначе, но ему нужно вернуться — из этого наполовину захороненного корабля и окружающего его мира, закованного в лед, — назад, туда, где он мог найти своих. Может, проделать такое было невозможно, но он должен попытаться. Люди, которые бросили его в расщелину, считали его выживание невозможным, но все же он

выжил. Благодаря тем, кто построил этот корабль, он снова жив и здоров.

Росс сел на одно из неудобных сидений, чтобы подумать, и тем самым избежал почти неотвратимой катастрофы: он был скрыт от лестницы, с которой донесся топот ботинок. Человек, возможно, двое как раз поднимались по лестнице, а другого выхода из зала управления не было.

Глава 12

Росс упал со схваченного перепонкой стула на пол и постарался укрыться под платформой впереди кабины как можно незаметнее. Здесь, где была панель управления поменьше и впритирку друг к другу стояли два сиденья, отдавало странным, неприятным запахом, который становился все сильнее для напряженного Росса, ждавшего, когда же появятся поднимавшиеся по лестнице. Несмотря на его поиски, поблизости не нашлось ничего, что хотя бы отдаленно напоминало оружие. В последнем отчаянном рывке к свободе он отполз обратно к шахте лестницы.

За время тренировок его научили одному удару, который надо было нанести очень точно, и тогда — его предупреждали — он может оказаться смертельным. Теперь-то он его и использует. Человек, поднимавшийся по лестнице, был очень близко. Через отверстие в полу показалась коротко стриженная голова. Росс нанес удар. И когда его рука рубанула по складкам мехового капюшона, Росс уже знал, что удар ему не удался.

Но все же стремительность этого неожиданного удара в конечном счете спасла ему жизнь. Издав сдавленный крик, человек исчез, с шумом упав на того, кто был внизу. Снизу доносились вопли и крики; раздался выстрел, наполнивший громом шахту лестницы, когда

Росс карабкался прочь от нее. Может, он и отложил финальный бой, но они загнали его в угол, и он безрадостно принял этот факт. Им достаточно просто сидеть внизу и не мешать естественному ходу событий. Пребывание в спасательной шлюпке восстановило его силы, но человек ведь не может вечно обходиться без пищи и воды.

Однако он выиграл немного времени, которое надо потратить с пользой. Развернувшись, чтобы исследовать стулья, Росс обнаружил, что их можно снять с качелей-перепонок. Открутив их все, он оттащил их к лестнице и превратил в баррикаду. Выдержать целенаправленный удар снизу она не могла, но Росс надеялся, преградить дорогу пулям, если какой-нибудь снайпер попытается ранить его рикошетом, она сможет. Время от времени гремел выстрел и раздавались крики, но Росс и не думал покидать из-за этого свое укрытие.

Он обошел зал управления, все еще надеясь разыскать оружие. Символы на рычагах и кнопках ровным счетом ничего для него не значили. И это выводило его из равновесия, потому что он понимал, что среди бесчисленных стрелок были и те, которые, возможно, помогли бы ему выбраться из ловушки, если бы он только догадался, как ими пользоваться.

И снова он, раздумывая, стоял у платформы. Именно отсюда управляли движением корабля — в воздухе или по какому-то теперь замерзшему морю. Должно быть, с этих панелей управления капитан корабля не только двигал всю эту махину вперед, но и разгружал и загружал груз, обеспечивал освещение, тепло, кондиционирование, а возможно, и оборону! Конечно, возможно, что теперь все управление уже не работает, но он помнил, что в спасательной шлюпке машины работали и точно выполняли функции, для которых их создали.

Единственное, что ему оставалось, это попытаться счастья. Приняв это решение, Росс зажмурился, как в очень коротком и почти забытом детстве, трижды покрутился вокруг своей оси и наугад ткнул пальцем. Потом открыл глаза, чтобы посмотреть, на что же ему указал случай.

Его палец указывал на панель, перед которой было три стула, и он медленно направился к ней, осознавая, что, как только он прикоснется к кнопкам, он, может быть, приведет в действие цепь событий, которые потом не сможет остановить. Сзади грохот выстрела подчеркнул, что ему все равно больше не к чему прибегнуть.

Символы на панели для него ровным счетом ничего не означали, так что Росс сконцентрировался на формах различных приспособлений и выбрал то, которое отдаленно напоминало тип выключателя, который он знал с самого детства. Так как выключатель был поднят, Росс опустил его, медленно считая до двадцати, как будто ожидал какой-то реакции. Под выключателем была овальная кнопка, отмеченная двумя волнистыми линиями и двойной красной точкой. Росс вдавил ее в панель, и когда она не выскочила обратно, он немного приободрился. Но два рычажка, расположенные по бокам этой кнопки, не вдавливались, не поднимались и не опускались, и Росс, потянув их, даже не попытался вести после этого отсчет.

Но на этот раз результаты были! Надтреснутый шум с однообразным ритмом, тихий сначала, увеличившийся до громкого гудения, наполнил зал. Росс, оглушенный гулом, повернул сначала один рычаг, а потом и второй, пока звук не уменьшился до менее пронзительного завывания. Но ему нужны были действия, а не просто шум; он пересел с первого стула на следующий. Здесь было пять овальных кнопок, отмеченных таким же ярким зеленым цветом, которым была отделана его

одежда, — две волнистые линии, точка, двойная полоска, два сплетенных круга и сетчатое поле.

К чему делать выбор? Его охватило безрассудство, и Росс одну за другой стал нажимать все кнопки. Результаты были в своем роде очень впечатляющими. Из панели управления вырос треугольный экран, которой твердо и устойчиво замер; по экрану шла цветная полоска. А тем временем однообразный ритм превратился в протестующие разозленные вопли.

Ну что ж, это уже что-то, даже если он и не знает, что это! А еще он выяснил, что корабль был жив. Однако Россу нужно было нечто большее, чем крайне эмоциональный вопль, а именно таким и стал издаваемый шум. Он звучал почти так, решил Росс, пока слушал, как если бы его старательно ругали на другом языке. Да, ему нужно было большее, чем вопль за воплем и причудливый дисплей со светлыми волнами на экране.

На панели перед третьим сиденьем выбор был не так широк: всего два выключателя. Когда Росс щелкнул первым, узор на экране исчез и сменился коричневым цветом с прожилками кремового, в котором угадывалось изображение. А может, оно включено еще не полностью? Росс изучил отверстие, в котором двигался стержень, и заметил вдоль него ряд крошечных отметок. Селектор? Проверить не повредит. Но сначала Росс поспешил к баррикаде стульев, которую он соорудил у лестницы. Завывание раздавалось все реже, и Росс не слышал ничего подозрительного — его баррикаду не взламывали.

Он вернулся к рычагу и повернул его на два уровня, сразу же ожидая результатов. Кремово-коричневые полоски превратились в изображение! Еще одно перемещение рычага, и картинка на экране начала дергаться, то приближаясь, то удаляясь. Руководствуясь воспоминаниями о том, как настраивать телевизоры, Росс

опустил другой рычаг в соответствующее положение, и вдруг мутные и расплывчатые образы стали абсолютно отчетливыми, как в фокусе. Но цвет так и остался коричневым, а не черно-белым, как он ожидал.

Сейчас он смотрел прямо на лицо! Росс судорожно набрал воздуха, схватившись рукой за один из ремешков стула, чтобы не потерять равновесие. Возможно, потому, что каким-то образом оно напоминало его собственное, это лицо было до абсурда не похоже на человеческое. Видение на экране было треугольным, с острыми углами, с маленьким, заостренным подбородком и линией челюсти, сбегавшей под углом вниз от широкой верхней части лица. Темная кожа была большей частью покрыта мягким и бархатистым пухом, из которого выглядывал изогнутый блестящий нос, посаженный между двумя большими круглыми глазами. Макушку этой потрясающей головы покрывал пух, похожий на хохолок какаду. И все же сомнений не было — ни в том, что в этих глазах светился ум, ни в изумлении при виде Росса. Как будто они уставились друг на друга через окно.

Сквак... сквик... сквак... Существо в зеркале — на «телеэкране» — или за окном — при этих звуках двигало своим удивительно маленьким ртом. Росс снова набрал побольше воздуха и автоматически ответил.

— Привет, — его голос был слабым свистом, и, возможно, звук его не достиг собеседника с пушистым лицом, ибо тот продолжал задавать свои вопросы — если, конечно, это были вопросы. Тем временем Росс, придя в себя от первого оцепенения, попытался разглядеть что-нибудь из окружения этого существа. Хотя изображение немного сбивалось, он был уверен, что распознал оборудование, похожее на то, которое окружало и его. Должно быть, он вступил в контакт с другим кораблем такого же типа, причем не заброшенным!

Пушистое лицо повернуло голову и проскрипело что-то через плечо, которое пересекал ремень или пояс с изящным узором. Затем он встал и посторонился, уступая место тому, кого позвал.

Если Пушистое Лицо и было потрясающей неожиданностью, то не последней. Человек, который теперь взирал на него с экрана, был совершенно другим. Его кожу можно было назвать бледной — кремового цвета, — а его лицо по форме намного больше напоминало человеческое, хотя волос на нем не было, как не было их и на гладкой макушке его черепа. Привыкнув к этой яйцеобразной гладкости, незнакомца даже можно было назвать привлекательным; на нем был такой же костюм, как и взятый Россом в спасательной шлюпке.

Он не пытался говорить, а долго оценивающе разглядывал Росса, и с каждой секундой его взгляд становился жестче и менее дружелюбным. Это раздражало Росса и в Келгариесе на базе проекта, но майор не мог сравниться с Лысым по той угрозе, которую тот вкладывал во взгляд.

Может, Росса и испугало Пушистое Лицо, но сейчас его упрямство ожило, чтобы ответить на этот скрытый вызов. Он заметил, что тяжело дышит и смотрит на него напряженно; этим взглядом он надеялся передать Лысому, что у того не получится взять все в свои руки, если он решится тягаться с Россом.

Росс был так поглощен незнакомцем на экране, что потерял бдительность и угодил в руки врагов, поднявшихся снизу. Он слишком поздно услышал их атаку на баррикаду. Когда он повернулся, преграда из стульев уже разлетелась, на него смотрел автомат. Эта угроза удержала его на месте; неохотно мелкими рывками он поднял руки. Двое одетых в меха русских пробрались в зал управления.

Росс узнал в старшем из них двойника Эша, человека, за которым он проследовал сквозь время. На секунду он в упор глянул на Росса, а затем выкрикнул приказ своему спутнику. Тот развернул Росса, опустил его руки и надел наручники. Росс снова взглянул на экран и увидел, что Лысый наблюдал эту сцену с выражением, не скрывающим, что его самодовольное ощущение превосходства потрясено до основания.

— Ах... — Захватившие Росса уставились на экран и неземного человека. Потом один из них подлетел к панели управления. Его руки быстро начали шелкать переключателями, пока и на экране, и в комнате не воцарилась полная тишина.

— Кто ты? — медленно заговорил на языке торговцев кубками человек, похожий на Эша, испепеляя Росса взглядом, будто одной только своей силой воли мог вытянуть из пленника правду.

— А ты думаешь кто? — ответил Росс вопросом на вопрос. На нем была униформа Лысого, и он уже установил контакт с владельцами этого корабля, относящимися к этой эпохе. Пусть это озадачит русских!

Но они и не пытались обсуждать это и жестом показали ему на лестницу. Спуститься по таким ступенькам без помощи рук было практически невозможно, так что на следующем уровне им пришлось сделать остановку и освободить его руки от наручников. Не сводя с него автомата, они поспешили дальше, стараясь ускорить шаг; Росс же медлил насколько мог. Он осознал, что там, в зале управления, когда он отступил перед угрозой направленного на него автомата, он выдал свое истинное происхождение. Так что теперь он должен всеми возможными способами запутывать все следы, ведущие к проекту. Он не сомневался, что на этот раз его не оставят в той удобной расщелине.

Он понял, что не ошибся, когда у входа на корабль на него накинули меховую парку, снова сковали ему руки и набросили на него аркан-поводок.

Итак, его везли назад на их пост. Ну что ж, на посту была транспортная станция для перемещений во времени, через которую он мог вернуться в свою эпоху. Это может быть, это должно быть возможно! Он больше не доставлял неудобства своим захватчикам, но с подавленным видом устало тащился по проторенному пути через снег вверх по холму, из долины.

Ему удалось хорошенько оглядеть корабль-шар. Судя по всему, большая его часть находилась ниже поверхности земли. Чтобы так погрузиться в землю, он, должно быть, или пролежал здесь долгое время, или, если это было воздушное судно, сильно врезался при посадке, до половины похоронив себя в этой могиле. И все же Росс установил контакт с другим кораблем, как этот, и ни одно из существ, которых он видел, не было человеком, по крайней мере не таким, каких он знал.

Росс размышлял обо всем этом, пока шел. Он полагал, что те, кто шел с ним, разграбили груз, находившийся на корабле, а судя по его размеру, груз был немаленький. Но откуда был этот груз? Чьими руками сделан, какими руками? В какой порт направлялся? И как вообще русские изначально обнаружили корабль? Вопросов было множество, ответов же почти нет. Росс ухватился за надежду, что он поставил в опасное положение русских, запустив коммуникационную систему заброшенного корабля и привлекая к его судьбе внимание его возможных владельцев.

Кроме того, он думал, что, может быть, эти владельцы предпримут какие-либо шаги по возвращению себе их собственности. За те несколько минут молчаливой оценки Лысый произвел на него глубокое впечатление,

и он знал, что тому вряд ли понравилось бы уступить без боя. Ну что ж, теперь у него был один-единственный шанс — держать русских в заблуждении, и чем дольше, тем лучше, и надеяться на поворот судьбы, который позволит ему попытаться вернуться в свое время. Как работала пластина, он не знал, но его перенесли сюда из эпохи колоколовидных кубков, и если ему удастся вернуться в то время, побег будет иметь смысл. Там нужно будет только добраться до реки, а потом вниз по реке до моря, куда время от времени должна заходить подлодка. Перевес был однозначно не на его стороне, и Росс это знал. Но, решил он, нет никаких оснований сдаваться и биться в истерику, чтобы ублажить русских.

Когда они приблизились к посту, Росс осознал, сколько умения было вложено в его строительство. Внешне казалось, будто они подходили к наружному краю языка ледника. Если бы не колея в снегу, не было бы вообще никаких причин подозревать, что лед что-то скрывает. Через тоннель с белыми стенами Росса провели обратно в здание.

Через цепочку комнат его торопливо провели к двери и швырнули в комнату, так и не освободив его руки. В комнатенке было темно и холоднее, чем снаружи. Росс стоял не двигаясь, ожидая, пока его глаза привыкнут к мраку. А через несколько минут после того, как захлопнулась дверь, он уловил слабый глухой звук, неясный и похожий на стук.

— Кто здесь? — он говорил на языке людей кубков, решившись упорно не сбрасывать с себя свой маскировочный наряд, который, возможно, уже не скрывал его. Ответа не последовало, но через какое-то время отдаленный стук послышался снова. Росс осторожно сделал шаг вперед и, столкнувшись со стеной, определил, что находится в пустой камере. Выяснив, что шум доносится из-за левой стены, он изо всех сил прижался

к ней, напряженно вслушиваясь. Это не был шум регулярного ритма работающей машины — между некоторыми ударами были неровные паузы, другие сыпались мелкой дробью. Казалось, кто-то копал!

Это что, русские расширяют свой закованный в лед штаб? Росс долго слушал и пришел к выводу, что нет — уж слишком нерегулярно раздавался звук. Впечатление складывалось такое, будто длинные перерывы употреблялись на то, чтобы проверить результаты работы — измерял ли кто-то, сколько выкопано, или старался сохранить секретность?

Росс прижался плотнее к стене и замер, повернув голову так, чтобы слышать постукивание. Тем временем он изогнул запястья в сковывающих их наручниках как можно уже и попытался освободиться из колец. Все, чего он добился, так это ободрал кожу. С него не сняли парку, и несмотря на то, что здесь было прохладно, ему было слишком тепло. Удобно было только той части тела, которую покрывал костюм, взятый им с корабля; похоже, тот обладал каким-то встроенным механизмом контроля температуры.

Не надеясь на облегчение, Росс все же терся руками вверх-вниз о стену, царапая обручи на запястьях. Тяжелые удары вдалеке прекратились, и на этот раз перерыв длился так долго, что Росс заснул. Его голова склонилась к груди, а ободранные запястья были все так же связаны за спиной.

Он проснулся голодным, и это чувство голода разожгло огонь его сопротивления. Он неуклюже встал на ноги и заковылял к двери, через которую его швырнули, и начал набрасываться на преграду. Мягкий, как подушка, материал, из которого были сделаны его подошвы, почти полностью заглушал силу ударов, но кое-какой шум снаружи был слышен, потому что дверь открылась, и на Росса уставился один из охранников.

— Еда! Я хочу есть! — Он вложил в язык людей кубков все кипевшее в нем возмущение.

Игнорируя его слова, парень протянул длинную руку и, едва не повалив пленника, вытащил его из камеры. Росса препроводили в другую комнату, где он предстал перед людьми, составлявшими трибунал. Двух человек он знал — это был двойник Эша и тихий человек, который допрашивал его там, на другом временном посту. Третий, явно превосходящий их по старшинству, мрачно рассматривал Росса.

— Кто ты? — спросил тихий человек.

— Росса, сын Гурди. И я бы поел, прежде чем разговаривать с вами. Я не сделал вам ничего дурного, чтобы вы обращались со мной так, словно я варвар, укравший соль из торгового поселения.

— Ты агент, — спокойно поправил его командир, — а чей, ты нам в свое время расскажешь. Но сначала ты расскажешь нам о корабле, о том, что ты там нашел и почему трогал панели управления... Подожди минуту, прежде чем начнешь отнекиваться, мой юный друг. — Он поднял руку и снова навел на Росса автомат. — А, вижу, ты знаешь, что у меня в руках, — странное знание для невинного торговца из Бронзового века. И не сомневайся в моих намерениях — я его применю. Сейчас я не стану тебя убивать, — продолжал человек, — но можно же нанести определенные раны, которые причиняют максимум боли, не нанося серьезного вреда. Сними с него парку, Киршов.

С Росса снова сняли наручники, стащили с него мех. Допрашивающий его внимательно изучил костюм, скрывавшийся под мехом.

— Теперь ты точно расскажешь нам все то, что мы хотим услышать.

В этом заявлении сквозила уверенность, которая испугала Росса; нечто похожее проявлял Келгарис.

У Эша тоже было это качество, и, уж конечно, этим обладал Лысый. Не было никаких сомнений, он говорил именно то, что имел в виду. В его распоряжении был полный набор средств, чтобы вытащить из пленника все, что он хотел знать. И уважения во время этого процесса пленнику не окажут.

От его угрозы веяло таким же холодом, как и от ледяного воздуха, и Росс попытался встретить ее мужественно. Он решил быть крайне разборчивым в выборе сообщаемой им информации и сообщить им минимум, предотвратив неизбежное. Надежда умирает последней, и у Росса, которого не раз загоняли в угол еще до его работы в проекте, был накоплен значительный опыт словесных поединков с враждебной властью. По доброй воле он ничего не скажет... Пусть вытягивают из него с трудом каждое слово! А он будет растягивать все это как можно дольше, надеясь, что время придет ему на помощь.

— Ты агент...

Росс принял это утверждение как такое, которое он не мог ни подтвердить, ни опровергнуть.

— Ты прибыл, чтобы шпионить под маской торговца-варвара, — плавно, без остановки человек в середине предложения сменил язык, перейдя с речи людей кубков на английскую.

Но теперь в арсенале Росса было оружие: большой опыт встречи опасности с видом непонимания. Он устался на следователя с тем смущенным, мальчишеским видом, который он так долго практиковал, чтобы выбивать из колеи своих врагов еще в прошлом.

Сможет ли он противостоять мастерству врага — а Росс не строил иллюзий насчет следователя, с которым он сейчас столкнулся, — ему не дано было знать. То, что произошло потом, сохранило Россу изрядную долю самоуважения.

Вдали прогремел взрыв. Под ними и вокруг них пол, стены и потолок комнаты задвигались, как будто какой-то любопытствующий гигант пытался пальчиком пошевелить эту базу.

Глава 13

Росс налетел на охранника, его отпихнули, он отлетел к стене; человек выкрикивал слова, которые Росс не понимал. Решительный окрик командира восстановил подобие порядка, но было совершенно очевидно, что такого они не ожидали. Росса вытолкали из комнаты обратно в камеру. Его охранники как раз открывали дверь в камеру, когда почувствовался второй толчок, так что его швырнули туда безо всяких церемоний.

Он полуоперся о стену, надежность которой уже не казалась незыблемой, пережидая в таком положении еще две волны, скрутившие землю; и в обоих случаях раздавался глухой звук, или одновременно с ударом, или немного раньше него. Бомбежка! Последний рывок был действительно сильным. Росс обнаружил, что лежит на полу, чувствуя, как по земле пробегает дрожь. Его нутро скрутило конвульсивным страхом, не похожим на испуг, который он знал раньше. Казалось, из-под него выдернули мир.

Но последний взрыв — если это был взрыв, — похоже, завершал канонаду. Росс осторожно сел после нескольких долгих минут, которые прошли без взрывов, вздымающих пол и стены. Дверь высвечивалась линиями света, показав трещины, которых раньше не было. Росс, еще не в состоянии попытаться встать прямо, пополз к ней на четвереньках, когда вдруг резкий шум за ним остановил его.

В темноте он потерял ориентацию, но он был уверен, что от дальней стены доносился скрежет металла

о металл. Он отполз назад и прислонился к стене. Теперь он слышал не только это царапанье, но и щелчки и толчки...

Однако как он ни ощупывал стену, она оставалась такой же гладкой, как и раньше. И вдруг где-то на фут выше над его головой раздался звук режущего металла. С той стороны в стене проделывали дыру! Росс уловил слабое мерцание света, а в нем — наконечник инструмента, пробивающий гладкую поверхность стены. Она поддалась со звуком ломающегося хрупкого материала, и в отверстие проникла рука, держащая фонарик.

Росс раздумывал, не схватить ли ему это запястье, но надежда, что, возможно, копавший окажется союзником, удержала его движение. После того, как рука с фонариком юркнула обратно за стену, кусок стены поддался, и в камеру вползла сторбленная фигура, за ней вторая. В неярком свете он увидел первого проползшего достаточно ясно.

— Ашша!

Росс не был готов к тому, что последовало за его восклицанием. Худощавый загорелый человек подлетел со скоростью, которой позавидовала бы и пантера, и Росса отбросило назад. Стальная рука кольцом сжалась вокруг его горла, заглушив дыхание его готовых взорваться легких. Несмотря на его сопротивление, мускулистое тело противника распластало Росса на полу. Свет маленькой вспышки светил над его глазами, когда он изо всех сил пытался наполнить легкие кислородом. Потом рука на его горле ослабила хватку, и он судорожно вдохнул; голова у него немного кружилась.

— Мердок! Ты что тут делаешь?.. — Четкую речь Эша заглушил другой неожиданный взрыв. На этот раз дрожь земли не только сбила их с ног, но и, казалось, прошла по стенам и потолку. Росс, обхвативший лицо

руками, не мог подавить страх, что здание распадается на части. Когда удар утих, он поднял голову.

— Что происходит? — услышал он вопрос Макнила.

— Нападение, — ответил Эш. — Почему, кем — меня не спрашивайте. Ты, я полагаю, в плену, Мердок?

— Да, сэр. — Росс был рад, что снова разговаривает нормальным голосом.

Он услышал чей-то вздох и догадался, что это Макнил:

— Другой участник раскопок.

В этом была усталость и раздражение.

— Не понимаю. — Росс обратился к тому участку темноты, где находился Эш. — Вы что, все время здесь были? И стараетесь подкопом прорыть себе дорогу? Не представляю, как можно вырезать этот ледник, которым мы придавлены.

— Ледник? — Восклицание Эша взорвалось, как бомба. — Так мы внутри ледника! Это все объясняет. Да, мы здесь были...

— На льду! — прокомментировал Макнил и засмеялся. — Ледник — лед — все правильно, да?

— Мы тут сотрудничаем с врагом, — продолжал Эш. — Предоставляем нашим дорогим друзьям массу информации, которая у них уже есть, и кое-что из серии «полет фантазии», о каком они даже и не мечтали. Однако они не знали, что у нас тут разбросано несколько собственных сюрпризов в подарочной упаковке. Вызывает изумление, *что* наши ребята из проекта могут запрятать в ремень или между слоями кожи в ботинке. Так что мы тут кое-что и для себя исследовали.

— А у меня нет никаких приспособления для побега. — Росса поразила несправедливость ситуации.

— Да, — согласился Эш ровным холодным тоном, — такое не дают новичкам. Ты можешь подвести нас и использовать их не в тот момент. Правда, ты вроде поработал очень неплохо...

Закипавший гнев Росса остудил шум, который скрежетал над их головами, проникал к ним через стены, давил на них и угрожал им. Он думал, что те первые взрывы были концом ледниковой норы; теперь он знал, что конец пришел с этим взрывом.

Воцарившаяся тишина производила по-своему не менее угрожающее впечатление, чем сам шум. Потом раздался крик, пронзительный и дикий. Освещенное пространство рядом с дверью камеры становилось все шире, когда эта преграда со взломанным замком отворилась, медленно покачиваясь. Страх оказаться в ловушке направил людей в этом направлении.

— Туда!

Росс не успел ответить — их остановил треск стрельбы из автоматов. Где-то недалеко битва была в самом разгаре.

Россу, не забывшему надменное лицо лысого офицера с корабля, интересно было узнать, что это было за нападение и насколько мощное — не пришельцы ли против русских грабителей. Если так, будут ли люди с корабля разбираться, кого держат здесь? Он боялся, что нет.

Комната снаружи была пуста, но ненадолго. Они наблюдали из засады, как появились двое, отступая, затем в смятении уставились друг на друга. Издали проревел голос, как будто приказывая им вернуться на какой-то пост. Один из них, неохотно повинувшись, сделал шаг вперед, но другой схватил его за руку и потянул назад. Они развернулись, чтобы броситься бежать; протрещала автоматная очередь.

Человек ближе к Россу странно тихо кашлянул, нагнулся вперед, к коленям, и неуклюже рухнул лицом вниз. Его спутник какое-то мгновение смотрел на него обезумевшим взглядом, потом бросился в боковой проход, буквально на сантиметр увернувшись от вы-

стрела, который зацепил дверь, как раз когда он проносился через проем.

За ними никто не последовал — ибо снаружи доносился все нарастающий шум — крики, стоны, и непонятное шипение. Эш метнулся в комнату, укрываясь за мертвым телом. Потом вернулся с автоматом и кивком позвал остальных. Он повел их за собой в направлении, противоположном звукам битвы.

— Не понимаю я всего этого, — заметил Макнил, когда они достигли следующего коридора. — Что происходит? Восстание? Или это наши ребята прорвались?

— Должно быть, это люди с корабля, — ответил Росс.

— С какого корабля? — быстро перехватил Эш.

— С того большого, который разграбили русские.

— Корабль? — отозвался Макнил. — А где ты взял эту вещь? — в ярком свете нетрудно было заметить странный наряд Росса. Макнил с удивлением указал пальцем на эластичный материал.

— С корабля, — нетерпеливо объяснил Росс. — Но если нападают люди с корабля, то не думаю, что они заметят разницу между нами и русскими...

Раздался оглушающий взрыв. Третий раз Росс потерял равновесие. В этот раз огни подземелья замигали, потускнели и погасли.

— Ну замечательно, — злобно заметил Макнил в темноте. — Вот уж никогда не любил жмурки.

— Пластина для перемещений... — Росс ухватился за свой план побега. — Если мы доберемся до нее...

Свет, который раньше вел Эша и Макнила по тоннелю, снова зажегся. Казалось, трясение земли на время прекратилось, и они пошли вперед, Эш в голове, Макнил — замыкая шествие. Росс надеялся, что Эш знает дорогу. Звук битвы постепенно стихал, так что

одна сторона, должно быть, одержала победу. Возможно, у них оставалось еще всего несколько минут, чтобы пройти незамеченными.

У Росса было неплохо с ориентацией в пространстве, но он не смог бы настолько точно прийти к тому, что он искал, как это сделал Эш. Только он привел их не в комнату с мерцающей пластиной, и Росс подавил протест, когда вместо этого они вошли в маленькую комнату для записей.

На столе лежали три бобины пленки, которые Эш жадно схватил, бросив две в передние карманы своей мешковатой туники, а третью передав Макнилу. Потом он пронесся по комнате, проверяя шкафы у стен, но все было заперто. Когда его рука отпустила последний замок, он вернулся к двери, у которой ждал Росс.

— К пластине, — торопил Росс.

Эш с сожалением еще раз обвел взглядом закрытые шкафы.

— Если бы у нас было хотя б десять минут...

Макнил фыркнул.

— Слушай, может, тебе и хочется стать начинкой в ледяном бутерброде, а вот мне нет! Еще один взрыв, и нас похоронит так глубоко, что даже буровой установкой не найдешь. Парень прав. Пора выбирать. Если еще можно.

И снова Эш стал во главе, и они осторожно пробились через призрачные комнаты к сердцу поста — к транспортному пункту. К немалому облегчению Росса, пластина мерцала. Он боялся, что, когда огни гасли, на пластину для перемещений это тоже могло повлиять. Он прыгнул к пластине.

Ни Эш, ни Макнил тоже времени даром не теряли. Они как раз прижались друг к другу, как сзади раздался крик, сопровождаемый выстрелом. Росс, чувствуя, что Эш начал оседать, схватил его за руку. В отраженном

свете пластины он видел русского командира поста. За ним стоял пришелец, безволосое лицо которого в неясном свете, казалось, висело в воздухе без тела. Были ли эти двое пришельцами? Росс еще не успел убедиться, что он действительно их видел, как водоворот пространства-времени захватил его, и остальная комната исчезла из поля зрения.

— ...свободен. Шевелись!

Росс посмотрел через согнутые плечи Эша на взволнованное лицо Макнила. Тот тянул Эша, который был почти без сознания. Кровь, текущая из раны в плече, намочила верхний край его туники людей кубков, но когда они поставили его между собой, он немного пришел в себя и передвигал ноги, по мере того как они уводили его от пластины.

Ну что ж, они были свободны — даже если только несколько секунд; встречающая их «делегация» еще не появилась. Росс про себя поблагодарил судьбу за эти два маленьких подарка. Но если сейчас они вернулись в деревню в Бронзовом веке, они все еще были на вражеской территории. Учитывая, что Эш ранен, перевес был настолько не на их стороне, что спасение было почти невероятным.

Торопливо работая с полосками, оторванными от юбки Макнила, они смогли остановить кровотечение из раны Эша. Хотя он все еще нетвердо стоял на ногах, он тоже боролся, руководимый страхом, который подгонял их всех — время было одним из их самых главных врагов. Вооруженный автоматом Эша, Росс не сводил его дула с пластины, готовый выстрелить во все, что на ней появится.

— Ну все, хватит! — Эш оттолкнул Макнила. — Надо двигаться. — Он колебался, потом вынул бобины пленки из залитой кровью туники и отдал их Макнилу. — Возьми лучше ты.

— Хорошо, — ответил тот с отсутствующим видом.

— Двигаемся! — Сила этого приказа Эша направила их в дальний коридор. — Пластина... — Но она осталась пустой. Росс отметил, что, должно быть, они вернулись в нужное время, потому что стены вокруг них были из бревна и камня, как в деревне, которую он помнил.

— Кто-нибудь еще идет?

— Должен — скоро.

Они скользили, почти летели, кожаные сапоги двоих производили еле слышный шум-шепот, Росс, с подошвой как из пены, шел вообще бесшумно. Но он не смог бы найти выход наружу, и снова Эш вел их, и только один раз им пришлось искать укрытия. Наконец-то перед ними появилась дверь с засовом. Эш прислонился к стене, опираясь на Макнила, а Росс отодвинул засов. Они вырвались в ночь.

— Куда? — спросил Макнил.

К удивлению Росса, Эш не повернул к воротам наружного частокола. Вместо этого он жестом указал на горную стену в противоположном направлении.

— Они ожидают, что мы попытаемся бежать через долину. Так что нам лучше взобраться на холм.

— Больно круто выглядит, — вставил Макнил.

Эш шевельнулся.

— Когда для меня станет очень круто, — сухо сказал он, — я тебе скажу, ты не бойся.

Он начал двигаться с привычной легкостью, но его спутники были поблизости с двух сторон, готовые в любой момент прийти на помощь. Росс впоследствии был уверен, что сама Удача помогала им спастись в ту ночь из деревни. Он не сомневался, что, как бы ни велика была их решительность, спасение их зависело от сказочно счастливого совпадения обстоятельств, какое редко встречается.

Они как раз добрались до маленькой хижины возле тенистого пруда через две постройки от здания, из которого они сбежали, как вдруг начался фейерверк. Как по сигналу, три беглеца прижались к земле. Из крыши центрального здания деревни прямо в небо указывал карандаш ярко зеленого света, а вокруг этого пронзительного сияния крыша давала побеги более естественного красно-желтого пламени. Огонь охватил всю крышу; из дверей выскакивали люди.

— Вперед! — несмотря на поднявшийся шум, спутники Эша слышали его голос.

Трое рванулись к частоколу, смешавшись со сбитыми с толку людьми, которые выбегали из своих домов. Растекались волны пламени, освещая все ярко, слишком ярко. Эш и Макнил могли сойти за людей из толпы, но необычную одежду Росса было легко заметить.

Кое-кто бежал к стене. Росс и Макнил подняли Эша наверх, убедились, что он в безопасности. Макнил последовал за ними. Росс как раз собирался подняться, как вдруг его осветил луч света.

Высокий, пронзительный визг, не похожий ни на один знакомый звук, прорезал воздух. Росс неистово старался ухватиться за что-то, зная, что представляет собой прекрасную мишень для тех, кто сзади. Наконец он взобрался на вершину частокола и взглянул вниз на черный квадрат теней, не зная, ждут ли его там Эш и Макнил или ушли вперед. Снова услышав этот странный визг, Росс слепо бросился в темноту.

Он приземлился неудачно, довольно жестко, и поцарапался, но благодаря мастерству, которое приобрел, когда учился прыгать с парашютом, ничего себе не сломал. Он встал на ноги и почти на ощупь побрел по направлению к горе, которую Эш выбрал их целью. Преследователи тоже перелезли через стену и двигались

во мраке, так что он не осмеливался кричать, боясь снова насторожить врага.

Деревня раскинулась в самой широкой части долины. За частоколом ровная местность резко сужалась, как наконечник воронки, и всем бежавшим из поселения приходилось проходить через этот канал, чтобы спастись. Больше всего Росс боялся, что потеряет Эша и Макнилу, и тогда ему никогда не напасть на их след в этой лежащей впереди пустыне.

Благодаря темному костюму, который был на нем, служа ночью защитным камуфляжем, он дважды нырнул в куст, пропуская группы беженцев. Услышав, что они говорят на гортанном щелкающем языке, который он выучил у людей Уффа, Росс сделал вывод, что они ничего не знают о настоящем назначении поселения. Эти люди были убеждены, что на них напали ночные демоны. Возможно, в этом ночном бегстве участвовало не так уж много русских.

Взбираясь по крутому склону, Росс остановился перевести дух и оглянуться. Он был не слишком удивлен, когда увидел, как по деревне неторопливо двигаются фигуры, осматривая хижины, возможно, в поисках жителей. Каждый из осматривающих был одет в такой же облегающий костюм, как и его собственный, а их выпуклые лысые головы поблескивали белым в свете пламени. Росс с изумлением увидел, что они проходили прямо через стены огня, очевидно, не подвергаясь его воздействию.

Человеческие существа, оказавшиеся в ловушке в своем собственном городе, вопили и бежали или лежали и бились головой и руками о землю, беспомощные перед захватчиками. Каждого пленного тащили к группе пришельцев рядом с главным зданием. Некоторых выгоняли обратно в темноту, не тронув их; других оставляли. Сортировка пленников плавно шла своим

чередом. Не было никаких сомнений, что люди с корабля переместились в это время и что у них были свои планы насчет русских.

У Росса не было желания узнать детали. Он карабкался дальше и наконец наткнулся на тропинку. Вдали земля снова исчезла из вида. Росс продвигался вперед в полной темноте ночи, испытывая огромную радость, что он свободен.

Наконец он остановился, просто потому, что был слишком голоден и устал, чтобы идти дальше не спотыкаясь. А падение в темноте на такой высоте могло дорого обойтись. Росс обнаружил маленькое углубление за низкорослым деревом, вполз туда и постарался устроиться как можно удобнее; его сердце билось с трудом, острый приступ боли пронзал бок при каждом вдохе.

Он моментально проснулся с настороженностью бойца, который всегда ожидает опасности. Теплая тяжелая рука зажала ему рот; его взгляд встретился с взглядом Макнила. Когда он увидел, что Росс проснулся, он убрал руку. Их окутывал теплый утренний свет. Неуклюже двигаясь из-за онемевшего от холода и царапин тела, Росс выполз из впадины. Он оглянулся, Макнил стоял один.

— Эш? — спросил его Росс.

Макнил, с осунувшимся лицом, наполовину скрытым ярко-рыжей бородой, отросшей за эти несколько дней, кивнул в сторону уклона. Порывшись в складках своей юбки, он вытащил что-то, зажав это в кулаке, и предложил Россу. Тот вытянул руку, и Макнил положил ему на ладонь пригоршню крупных зерен. От одного взгляда на них Россу захотелось пить, но он положил их в рот и прожевал, встав на ноги, чтобы последовать за Макнилом к поросшим деревьями склонам.

— Хорошего мало. — Макнил говорил отрывисто, на языке людей кубков. — У Эша время от времени

не работает голова. Рана в плече хуже, чем мы думали, и при этом есть опасность попадания инфекции. Весь этот лес кишит людьми из этой чертовой деревни! Большинство из них — все, кого я видел, — местные, но у них накрепко засело в голове, что за ними охотятся дьяволы. Если они увидят тебя в этом костюме...

— Да знаю, мог бы — разделся бы, — согласился Росс. — Но для этого надо раздобыть другую одежду, не могу же я бегать голым по такому холоду.

— А это было бы безопаснее, — проворчал Макнил. — Не знаю, что там случилось, но что-то крайне интересное.

Росс проглотил очень сухие зерна и затем остановился собрать немного снега, оставшегося в тени корня дерева. Конечно, это освежало не так, как настоящий напиток, но все же помогало.

— Ты сказал, Эш в беспамятстве. Что мы для него можем сделать и каковы твои планы?

— Мы должны как-то добраться к реке. Она впадает в море, и возле устья мы сможем вступить в контакт с подлодкой.

Этот план показался Россу практически невозможным, но в последнее время произошло столько невозможного, что он готов был согласиться с этой идеей — насколько мог. Собрав еще снега, он засунул его в рот и лишь потом последовал за уже исчезающим Макнилом.

Глава 14

— Ну, вот моя история. Остальное вы знаете. — Росс протянул руки поближе к небольшому костру, разведенному в яме, которую он помогал выкопать, и согнул в тепле сведенные холодом пальцы.

Из-за россыпи искр на него требовательно смотрели глаза Эша, чересчур яркие на охваченном лихорад-

кой лице. Беглецы укрылись в уголке, где массивные остатки старого обвала образовали удобную пещеру в форме кармашка. Макнил ушел на разведку под серый мелкий дождь, а с их побега из поселения прошло уже почти двое суток.

— Так что в конечном счете эти чокнутые оказались правы. Они только времена перепутали. — Эш слегка повернулся на постели из кустов и листьев, которую они сгребли, чтобы ему было удобнее.

— Не понимаю...

— Летающие тарелки, — ответил Эш, странно тихо засмеявшись. — Это была дикая возможность, но в книгах она была с самого начала. От этого Келгарис просто лопнет от злости...

— Летающие тарелки?

Должно быть, Эш бредит от лихорадки, подумал Росс. Интересно, что ему делать, если Эш вдруг захочет встать и уйти. Не может же он привязать человека с тяжелым плечевым ранением, и к тому же он не был уверен, что может победить Эша в настоящей борьбе.

— Этот корабль-шар был построен не на этой планете. Напряги мозги, Мердок. Подумай о своем друге с пушистым личиком и о лысом. Разве нормальные люди так когда-нибудь выглядели?

— Но... космический корабль... — Именно над этим так долго и унизительно смеялись. Когда людям не удалось осваивать космос дальше, после первого радостного возбуждения по поводу полетов на Луну, космические полеты стали предметом глумления. С другой стороны, у него были свидетельства, которые он сам лично видел и слышал. Технический уровень на спасательной шлюпке выходил за рамки его жизненного опыта.

— Все это внушалось исподволь, — сейчас Эш лежал распластавшись, задумчиво глядя на выступавшие

из земли бревна, которые образовывали незаконченную крышу, — вместе со многими другими незаурядными идеями, неким джентльменом по имени Чарльз Форт, которому доставляло немало удовольствия в подстрекательстве к тому, что он сам считал чрезвычайно раздутой научной напыщенностью. Он составил четыре книги, в которых были приведены сводки необъяснимых явлений, которые, он рассчитывал, объяснят его ученые-современники. И одним из его незаурядных предположений было то, что такие явления, как обширные искусственные земляные работы, обнаруженные в Огайо и Индиане, изначально созданы космическими жителями/пришельцами, потерпевшими крушения, как сигналы SOS — да, интригующая идея... Мы знаем, что в этом случае он ошибся, но ведь могут быть и другие.

— Но если такие космические корабли терпели крушение и падали на нашу планету, то не понимаю, почему мы не находим их остатков в нашем собственном времени?

— Потому что остатки, которые ты осматривал, были в ледниковом периоде. Ты хоть догадываешься, как давно это было, если вести отсчет от нашего времени? Было по меньшей мере три ледниковых периода — а ведь мы не знаем, в какой именно русские ездили в гости. Эта эпоха началась за миллион лет до нашего рождения, а последняя глыба льда растаяла в районе Нью-Йорка где-то тридцать восемь тысяч лет назад, парень. Если считать по шкале человеческого развития, это была самая заря Каменного века: крайне немногочисленные поселения первого настоящего человека старались приблизиться к немногим более теплым окраинам пустыни.

Климатические изменения, географические изменения — все меняет лицо наших континентов. В Канзасе было море; Англия была частью Европы. Так что даже

если там затерялось пятьдесят кораблей, их могло растереть в порошок потоком льда, схоронить на огромной глубине после землетрясений или они просто рассыпались от ржавчины за много поколений до того, как их, к своему удивлению, обнаружили бы первые настоящие представители вида *homo sapiens*. Конечно, слишком много таких остатков и нельзя было обнаружить. По-твоему что, эта планета была для них как липкая бумага для мух?

— Но если корабль разбивался один раз, почему они не разбивались потом, когда люди уже могли понять, что это такое? — возразил Росс.

— По многим причинам — причем все из них возможно и в принципе вписываются в узор истории этого мира, как мы ее знаем. Цивилизации расцветают, существуют и приходят в упадок, и каждая уносит с собой в Лету некоторые из открытий, которые возвеличили ее.

У шумеров когда-то был исхоженный торговый маршрут в Индию. Торговцы Бронзового века открыли дороги в Африку. Римляне знали о Китае. Но потом каждой из этих империй пришел конец, и эти торговые маршруты были забыты. Для наших средневековых европейских предков Китай был почти легендой, а факт, что китайский флот успешно плавал до Восточной Африки, был неизвестен. А если наши космические путешественники представляли собой некую звездную конфедерацию или империю, которая жила, достигла своего максимума и снова впала в ограниченное их планетой варварское состояние еще до того, как первые люди начали рисовать на стенах пещер?

Или предположим, что этот мир оказался неудачным рифом, о который разбилось слишком много кораблей и грузов, так что вся Солнечная система была внесена в черный список, и в дальнейшем капитаны космических кораблей стали избегать ее? А может быть, у них

даже есть какое-нибудь правило, что, когда на планете появляется ее собственная примитивная раса, ее следует обходить стороной, пока она сама не откроет возможность космических полетов.

— Да. — В каждом из предположений Эша была львиная доля здравого смысла, и Росс вполне в них верил. Легче было думать, что и Пушистое Лицо, и Лысый были жителями другого мира, чем решить, что их тип существовал на этой планете до того, как появился его собственный вид. — Но как русские смогли найти этот корабль?

— Если этой информации нет на пленках, которые мы смогли захватить с собой, наверно, мы никогда этого не узнаем, — вяло сказал Эш. — Я вообще сделал бы одно предположение. Русские триста лет из кожи вон лезли, чтобы освоить Сибирь. В далеком прошлом в некоторых частях этой огромной страны изменения климата происходили почти что за одну ночь. Во льду обнаруживали замерзших мамонтов с растениями в желудке, переваренными только наполовину. Как будто животных мгновенно подвергли глубокой заморозке. Если в их раскопках русские наткнулись на остатки космического корабля, остатки, сохранившиеся достаточно хорошо, чтобы они поняли, что обнаружили, то, возможно, они начали искать в более далеком прошлом, чтобы найти еще более нетронутый образец более раннего периода. Эта теория соответствует всему, что мы сейчас знаем.

— Но почему пришельцы сейчас напали на русских?

— Капитаны кораблей никогда не жаловали пиратов. — Эш прикрыл глаза.

Вопросы, просто поток вопросов, которые Росс хотел бы задать. Он разгладил ткань на рукаве, тот материал, который плотно прилегал к телу и согревал его настолько, что никакой другой одежды не требовалось.

Если Эш прав, то в каком же мире соткана эта ткань и какое же расстояние она преодолела, чтобы теперь он мог ее носить?

Неожиданно в их укрытие проскользнул Макнил, бросивший к костру двух зайцев.

— Как оно? — спросил он, когда Росс начал их потрошить.

— Умеренно плохо. — Эш, не открывая глаз, определил Росса.

— Мы далеко от реки? А спутники у нас есть?

— Около пяти миль — если лететь по воздуху... — сухо отвечал Макнил. — И со спутниками все в порядке — множество!

От этой фразы Эш поднялся, опершись на здоровый локоть.

— Что за спутники?

— Не из поселения. — Макнил хмурился, глядя на костер, в который он экономно подбрасывал небольшими порциями дрова. — На склонах горы что-то происходит. Выглядит так, будто это массовая миграция. Я насчитал пять семейных кланов, продвигающихся на запад, — и все за одно утро.

— Их могли отправить в путь рассказы беженцев из деревни о ночных дьяволах, — размышлял Эш.

— Может быть. — Но убежденности в голосе Макнила не было. — Чем быстрее мы отправимся вниз по течению, тем лучше. И надеюсь, подлодка будет ждать нас там, где ребята и обещали. У нас все же есть одно преимущество — весеннее половодье убывает.

— А высокая вода должна оставить множество материалов для плота. — Эш снова улегся. — Мы пройдем эти пять миль завтра.

Макнил беспокойно заерзал, а Росс, почистив зайцев и насадив на вертел, бросил их в костер жариться.

— Пять миль по такой местности, — заметил младший из них, — это вообще-то поход на целый день. — И подумал: «для здорового человека».

— Я пройду, — пообещал Эш, и его компаньоны знали, что до тех пор, пока тело будет его слушаться, препятствий к выполнению обещания не возникнет. И еще они знали, что спорить бессмысленно.

Как оказалось, Эш и вправду был дважды пророком. Они действительно совершили переход до реки на следующий день, и материал для сооружения плота там действительно был в изобилии, отмечая верхний уровень воды в половодье. Миграция, о которой сообщил Макнил, еще не закончилась, и троица не раз пряталась, наблюдая за прохождением маленьких семейных кланов. Один раз их маршрут пересекло и племя значительного размера, в котором были раненые; они искали брод у реки.

— Да, их сильно потрепали, — прошептал Макнил, когда они наблюдали, как люди, сбившись в кучу, сменяли вдоль воды, пока разведчики проверяли реку в поисках брода вверх и вниз по течению. Когда они вернулись и сообщили, что брода не нашли, люди из племени мрачно приступили к работе, сооружая плоты кремневыми топорами и ножами.

— Что-то гонит их — они от кого-то бегут. — Эш оперся подбородком о здоровую руку и изучал эту поучительную сцену. — Они не из поселения. Посмотрите на одежду и красную краску на лицах. Но они и не родичи Уффа. Я бы вообще не сказал, что они местные.

— Напоминает... я как-то раз видел, как животные бегут перед лесным пожаром. Не может же быть, чтобы они все искали новые охотничьи земли, — вставил Макнил.

— Их выметают русские, — предположил Росс, — или люди с корабля?..

Эш начал качать головой и потом сморщился...

— Интересно... — Его брови изогнулись... — Люди топора! — Он все еще шептал, но в шепоте его слышалась нотка триумфа, как будто он нашел наконец правильное место для упрямой части картинки-загадки.

— Люди топора?

— Нашествие другого народа с востока. Они появились примерно в этот доисторический период. Помнишь, Вебб говорил о них? Они использовали топоры в качестве оружия и приручали лошадей.

— Монголы? — изумился Макнил. — Так далеко на западе?

— Да нет, не монголы. Их бурный поток, вышедший из Средней Азии, следует ожидать еще через тысячи лет. Мы в целом очень мало знаем о людях топора. Кроме того, что они двигались на запад с внутренних равнин. Постепенно они дошли до Британии; возможно, они были предками кельтов, которые тоже любили лошадей. Но в свое время они нахлынули волной.

— Чем быстрее мы спустимся по реке, тем лучше, — беспокойно заерзал Макнил, но они знали, что следует оставаться в укрытии, пока люди из племени не уйдут. Так что они пролежали в убежище еще одну ночь, наблюдая наутро прибытие группы людей поменьше, тоже в красной краске и тоже с ранеными. При приближении их арьергарда суета на берегу реки стала почти неистовой.

Трем людям, находящимся не в своем времени, было вдвойне не по себе. Им нужно было не только перейти реку. Им нужно было соорудить плот — такой, чтобы они могли на нем спуститься по реке к морю — если им повезет. А чтобы соорудить такой надежный плот, требуется время, а вот времени у них как раз не было.

Макнил едва дождался, как только последний плот переселенцев отплывет чуть дальше, чем на выстрел из

лука, и сразу же бросился на берег; Росс не отставал ни на секунду. У них не было даже каменных инструментов, как у людей из племени, так что они были в проигрыше; Росс обнаружил, что служит фактически правой рукой для Эша, так как работал по его подробным указаниям. Перед наступлением ночи у них уже был хороший задел, а также две пары растертых рук и еще боль в спине.

Когда стало так темно, что работать дальше было уже нельзя, Эш указал назад, на дорогу, которой они пришли. Какой-то свет освещал горную тропинку. Похоже было на костер, и если так, то на большой, раз они могли видеть его на таком расстоянии.

— Лагерь? — поинтересовался Макнил.

— Должно быть, — согласился Эш. — Тех, кто разводит такой костер, так много, что им не нужно принимать меры предосторожности.

— А к завтрашнему дню они здесь будут?

— Может, их разведчики и будут, но весна ранняя, так что не может быть, чтобы в дороге они хорошо питались. Будь я предводителем этого племени, то повернул бы в сторону, в луга, вдоль которых мы вчера шли, и дал бы скоту попасться денек или чуть дольше. С другой стороны, если у них проблема с водой...

— То они пойдут скорее вперед! — мрачно договорил за него Макнил. — А мы не должны находиться здесь, когда они придут.

Росс потянулся, скривившись от приступа боли в плечах. Руки у него сильно болели и пульсировали, а ведь они далеко еще не сделали то, что надо. Если бы Эш был здоров, то можно было бы использовать бревна и проплыть вниз по течению в поисках более надежного места для их кораблестроительных планов. Но он знал, что Эш не выдержит такого напряжения.

В эту ночь Росс спал главным образом потому, что был слишком изможден, чтобы лежать с открытыми глазами и нервничать. Ни свет ни заря его разбудил Макнил; вдвоем они проползли к кромке воды и стали прилагать все силы к тому, чтобы связать вместе шнурами из коры упорно сопротивляющиеся молодые деревца. В наиболее важных местах они усилили их ремешками, оторванными от своих юбок, и полосками кроличьей кожи, бережливо сохраненными из числа трофеев недавней охоты. Во время работы их терзал голод — на охоту у них теперь не было времени. К тому времени, когда солнце было уже далеко на востоке, у них было готово способное медленно плыть утлое суденышко — плот.

Эш, с горящим лицом и кожей, горячей на ощупь, заполз на борт и улегся на подстилке из тонкого слоя листьев, которую они устроили специально для него. Он жадно пил воду, которую ему принесли, окунал в нее руки, и когда Росс вытер его лицо влажной травой, издал слабый вздох облегчения, бормоча о Келгарие-се что-то, чего ни один из его спутников не понимал.

Макнил оттолкнулся от берега, и раскачивающееся суденышко неистово закрутилось, когда течение стало уносить его от берега. Они смело начали, но им еще видно было место, с которого они отправились, а удача уже покинула их.

Стараясь изо всех сил удержаться в среднем течении, Макнил яростно отталкивался шестом, но скал было слишком много, а возле них много обломанных деревьев; прямо на них стремительно надвигалось большое дерево. Дважды его спутанные ветви цеплялись за суденышко и удерживали его на месте, и Росс вздыхал немного свободнее, когда их плот опять высвобождался и плыл дальше.

— Давай ближе к берегу! — выкрикнул Росс предупреждение. Казалось, эти огромные переплетенные корни целились прямо в плот, а он был уверен: ударь их даже несильно вся эта груда — шансов у них не будет. Он окунул в воду свой собственный шест, но его торопливый толчок не нашел дна; кол в его руке попал в какую-то яму. Он слышал, как крикнул Макнил, когда свалился в воду, с трудом дыша из-за грязной жидкости, которая попала ему в рот, удушая его.

Наполовину парализованный от шока, Росс судорожно рванул обратно к плоту. Подготовка на базе включала плавание, но обучение в воде в бассейне при контролируемых условиях разительно отличалось от битвы за выживание в ледяной воде реки, учитывая, что один из них уже достаточно нахлебался этой жидкостью.

Боковым зрением Росс уловил темную тень. Край плота? Он отчаянно ухватился за него, обдирая кожу рук о грубую кору, цепляясь за нее. Дерево! Он заморгал, чтобы прочистить глаза от воды и попытаться хоть что-то разглядеть. Но он не мог приподнять свое обесилевшее тело над водой настолько, чтобы увидеть что-то за завесой корней; все, что он мог, это уцепиться за тот маленький кусочек безопасности, который отволевал, и надеяться, что удастся присоединиться к плоту где-нибудь ниже по течению.

Казалось, времени прошло очень много; он засунул руку между двумя омываемыми водой корнями в полной уверенности, что эта опора удержит его голову над поверхностью воды. Прохладный поток бил его по голове и рукам, но одежда пришельцев все еще защищала его, и всему телу не было холодно. Он просто слишком сильно устал, чтобы вырваться и снова наудачу рвануть к берегу в сгущающейся темноте.

Неожиданно удар пронзил его тело и вывернул ему руку, засунутую между корнями; Росс закричал. Он дернулся и задел дно под водой; дерево зацепилось за корягу. Освободившись от корней, он барахтался, стоя на четвереньках, запутываясь в порослях камыша, корни которого покрывала застаревшая грязь. Как раненое животное, он тащился через липкую грязь к месту выше, вышел на открытый луг, залитый лунным светом.

Какое-то время он лежал без движения от усталости, весь в грязи, спрятав на животе холодные, больные руки. Его поднял звук резкого лая — не волчьего или лисьего — повелительный, требовательный лай. Он вяло слушал его; потом, сквозь землю, на которой он лежал, Россу показалось, будто он слышит стук копыт.

Копыта — лошади! Лошади с холмов — возможно, они несут опасность. Казалось, его мозг был таким же вялым и окоченевшим, как и руки, и понадобилось немало времени, чтобы полностью осознать, какая угроза может исходить от лошадей.

Встав, Росс заметил летящий силуэт, мчавшийся через диск луны как бесшумная стрела. Где-то в ста ярдах из травы раздался отчаянный визг, и летящий силуэт поднялся со своей добычей. И снова лай — напряженный, взвинченный лай.

Припадая к земле, Росс отполз назад по своим следам и увидел, что на краю луга, там, где начиналась рощица, двигаясь, дымится факел. Может, это пастух? Росс знал, что ему нужно развернуться к реке, но для этого надо заставить себя выйти на тропинку — и он не был уверен, осмелится ли снова войти в воду. Но что будет, если на него натравят собак? Смутные воспоминания о том, что вода уничтожает запахи, развернули его в другом направлении.

Дойдя до крутого склона берега, на который он ранее так старательно взбирался, Росс просчитался и сва-

лился назад, скатившись в грязь, где рос камыш. Механически отер тину с лица. Дерево все еще было здесь, как на якоре; каким-то образом течение выбросило его сплетенные корни на песчаную отмель.

Лай над лугом раздавался очень близко, и теперь ему отвечал второй собачий голос. Росс прополз через камыши обратно к клочку воды между деревом и берегом. Он предпринял эти несколько незамысловатых шагов к спасению почти бессознательно; он слишком устал, чтобы действительно испытывать волнение.

Вскоре он увидел, как по верхней кромке берега бежит очертание на четырех ногах, подавая голос. Потом к нему присоединился спутник побольше и более звучный. Собаки даже потянулись к Россу, как раз когда он вяло раздумывал, могут ли они увидеть его среди тени или только чувствуют его присутствие. Будь у него силы, он бы взобрался на бревно и попытал счастья в открытой воде, но сейчас мог только лежать на месте, укрываясь за клубком корней между ним и берегом, как за ширмой, которая, впрочем, не очень хорошо защитила бы его, если бы пришли люди с факелами.

И все же Росс ошибался, ибо его возвращение ползком через заросли камыша обильно испачкало его грязную одежду и замаскировало кожу лица и рук, снабдив его камуфляжем, которого он сам никогда намеренно не добился бы даже самыми изощренными приемами. Он чувствовал себя голым и беззащитным; тем не менее люди, которые пустили собак по следу по берегу реки, освещая факелом песчаную отмель, не увидели ничего, кроме ствола дерева, вклинившегося в грязевую насыпь.

Росс слышал приглушенный шум голосов, перебиваемый собачьим лаем. Потом факел подняли, так что его ослепленные глаза его уже не видели. Он видел, как одна из размытых фигур окрикнула собаку и по-

шла прочь, скомандовав собакам идти за ней. Неохотно, все еще лая, животные пошли. Росс, тихо рыдая, обессилевший, затих в этой неудобной сетке корней; его так и не обнаружили.

Глава 15

Всего лишь мелкая деталь, клочок изодранной ткани, обвязанный вокруг ствола молодого деревца. Росс еле взобрался на нагромождение деревянных обломков, выброшенных на песчаную отмель, и отвязал его, узнав веревку с первого взгляда, еще даже не прикоснувшись к ней. Такие квадратные узлы завязывал Макнил. Мердок безвольно сидел в песке и грязи, нервно вертя пальцами спутанный шнур, уставившись невидящим взором на реку. Его последняя призрачная надежда умирала. Должно быть, плот разбился, и не может быть, чтобы Эш или Макнил пережили эту последнюю катастрофу.

Росс Мердок остался один — беглец в чужом времени, почти без единого шанса на спасение. Одна только эта мрачная мысль замутила его ум. Какой смысл снова вставать и идти, или искать пищу для пустого желудка, или огонь и кров?

Он всегда гордился тем, что мог один преодолевать трудности, полагал, что он в безопасности именно в таком сознательном одиночестве. Теперь это убеждение растворилось в реке вместе с почти всей его силой воли, которая помогала ему продвигаться вперед эти последние дни. Раньше у него всегда была какая-то цель, может, и далекая, но цель. А теперь ничего не было. Даже если ему удастся добраться до устья реки, он понятия не имел о том, как вызвать подлодку с океанского поста. Всех троих путешественников во времени уже, наверное, сбросили со счетов, так как они не связывались с базой.

Сам не зная почему, Росс отвязал тряпочку от дерева и тугим браслетом обвязал ее вокруг запястья, которое было все в грязи. Еле живой от усталости, он старался думать на несколько шагов вперед. Шансов снова связаться с племенем Уффа не было. Они, наверное, ушли со всеми другими лесными охотниками, согнанные вторжением кочевников. Нет, возвращаться смысла не было, а к чему идти вперед?

Солнце припекало. Стоял один из тех весенних дней, которые предвещают летний зной. В зеленых проблесках поросших тростником берегов жужжали насекомые. В небе витали и кружились птицы. Где-то кричало в беспокойстве стадо, и эти крики доносились до Росса хриплым предупреждающим зовом.

Он был все еще облеплен кусками высохшей грязи и тины; их затхлый запах неприятно бил ему в нос. Теперь Росс счищал большое пятно на колене, открывая маленькие кусочки ткани своего инопланетного костюма, казалось бы, ничуть не запачканного. Его достаточно было просто почистить.

Росс вошел в реку, наклоняясь, обрызгивал свое тело коричневой водой и оттирал образовавшуюся грязь. На солнце ткань ярко заблестела, как будто не только притягивала свет, но и отражала его. Он вошел в реку чуть дальше и начал плыть, не потому, что у него появилась какая-то цель, а просто потому, что это было легче, чем снова вылезать обратно на берег.

Плывя вниз по течению, чтобы не расходовать впустую силы, он наблюдал за обоими берегами. Он не надеялся на самом деле увидеть плот или найти доказательства, что его пассажирам удалось добраться до берега, но где-то глубоко в душе он еще не смирился с поражением.

Усилия, которые он предпринимал, чтобы плыть, рассеяли туман инертности, окутывавший его с того

момента, как он проснулся этим утром. Его интерес к жизни понемногу возрастал; Росс снова вышел на берег на рукаве залива, там, где река загибалась обратно к суше. Здесь берега реки были крутыми и намного выше его роста; полагая, что его никто не увидит, он разделся, развесил костюм на солнце и позволил необычному теплу успокоить его тело.

Сырая рыба, загнанная в мелкий заливчик и выловленная на мелководье, была одним из лучших обедов в его жизни. Он только-только добрался до костюма, переброшенного через ветку ивы, и тут перед ним появилось предупреждение о том, что его судьба снова меняется — быстро, тихо и убийственно.

Какое-то мгновение листья ивы нежно едва колыхались от слабого ветерка, а потом вдруг затрепетали — от копья. Росс, неистово прижав к себе костюм, бросился в сторону по песку, припадая в спешке на одно колено.

Он обнаружил, что его жизнь находится во власти двух человек, стоящих на берегу над ним. В отличие от людей Уффа или торговцев кубками, они были очень высокими, с тяжелыми косами светлых, выгоревших на солнце волос, спадавших на широкую грудь. Их кожаные туники свисали до середины бедер над гетрами, обвязанными раскрашенными завязками. Наручные браслеты из меди обвивали их предплечья, а бусы из зубов животных и бусинок говорили об их личном богатстве. Росс не помнил, чтобы на пленках для брифинга на базе он видел кого-то похожего.

Первое копьё было предупреждением, но второе они держали наготове, и Росс подал известный с древних времен сигнал капитуляции, неохотно бросив костюм и подняв руки на уровне плеч ладонями вверх.

— Друг? — спросил Росс на языке людей кубков. Торговцы жили на самых разных территориях, и, может быть, они сталкивались и с этим племенем.

Чужестранец помоложе швырнул копьё и без труда прыгнул вниз на берег. Он прошлепал по воде к Россу и, обращаясь к своему спутнику, поднял костюм, который тот бросил. Казалось, он был просто заморожен тканью, растягивая и поглаживая ее. Росс раздумывал, не удастся ли ему получить свободу в обмен на костюм.

Оба человека были вооружены не только кинжалами с длинным лезвием, которые были так популярны среди людей кубков, но и топорами. Когда Росс попытался опустить руки, человек перед ним схватил топор на поясе, громко проворчав предупреждение. Росс смекнул, что они спокойно могут избить и оставить его здесь, забрав костюм с собой.

Наконец они приняли решение включить и человека в состав своих трофеев. Перебросив костюм через плечо, чужестранец схватил Росса за руку и грубо толкнул его вперед. Ему было больно идти по берегу, усеянному галькой, а ветер, который хлестал его, когда они взобрались наверх, слишком сильно напоминал об ужасном испытании, через которое он прошел в ледяной воде.

Мердока непреодолимо тянуло броситься к кромке берега и нырнуть в воду, но было слишком поздно. Человек, который держал копьё, шел сзади, крепко зажав запястья у пленника за спиной; Росса толкнули на луг. Там вплотную друг к другу стояли три лохматые лошади; их уздечки держал третий человек.

Но острый камень, наполовину закопанный в земле, изменил ход событий. Росс задел о него пяткой, и боль, которую он почувствовал, привела в действие спусковой механизм его стремления к бунту. Он дернулся назад; его оцарапанная нога, проскользнув между ногами его захватчиков, уронила их обоих на землю; он оказался сверху. Враг с удивленным ворчанием вытолкнул воздух из легких, и Росс мгновенно одной рукой схватил

рукоятку кинжала врага, а другой, свободной от захвата на запястье, ударил ему в горло.

С кинжалом наготове Росс смотрел на чужаков исподлобья, как его и учили. Они уставились на него, открыв рты от изумления, потом — слишком поздно — подняли копья. Росс приставил острие отвоеванного оружия к горлу теперь притихшего человека, рядом с которым он стал на колени, и заговорил на языке, выученном у людей Уффа.

— Только кинь — и он умрет.

Должно быть, они увидели непоколебимую решимость в его глазах, потому что медленно, неохотно копья опустились. Одержав такую значительную победу, Росс не остановился на достигнутом.

— Берите, — он указал на ждущих лошадей, — берите и убирайтесь!

В какой-то момент он подумал, что на сей раз они ответят ему отказом, но не убрал кинжал от коричневого горла человека, который сейчас слабо стонал. Его угроза продолжала работать, ибо второй человек сбросил костюм с руки, оставил его лежащим на земле и отошел. Держа лошадь под уздцы, он сел на нее, махнул пастуху, и оба они медленно ускакали.

Пленник постепенно приходил в себя, так что Росс успел только натянуть костюм; он еще не застегнул заправки на груди, а голубые глаза уже открылись. Загорелая рука рванулась к ремню, но кинжал и топор, которые когда-то висели там, сейчас находились в распоряжении Росса. Заканчивая одеваться, он внимательно наблюдал за человеком из племени.

— Что ты делаешь? — Слова были произнесены на языке людей леса, но с незнакомым акцентом.

— Ты идешь... — Росс указал на третью лошадь, которую те двое оставили здесь. — Я иду... — Он показал

на реку. — Я беру это... — Он похлопал по кинжалу и топору. Пленник нахмурился.

— Нехорошо...

Росс немного нервно засмеялся.

— Нехорошо тебе, — согласился он. — Хорошо мне!

К его удивлению, напряженное лицо человека расслабилось, и тот лающе засмеялся. Он сел, потирая горло, усмехаясь уголками рта.

— Охотник? — Человек указал на северо-восток к лесам, окаймляющим холмы.

Росс покачал головой.

— Я торговец.

— Торговец, — повторил тот. Потом постучал по широкому металлическому браслету на запястье. — Торговать — этим?

— Этим. Многим.

— Где?

Росс указал вниз по течению.

— По горькой воде — торговать там.

Человек, казалось, изумился.

— Почему ты здесь?

— Ехал по речной воде, как ты едешь, — сказал он, указывая на лошадь. — Ехал на деревьях — много деревьев, связанных вместе. Деревья распались — я оказался здесь.

Концепцию путешествия на плоту он, очевидно, изложил четко, потому что собеседник кивал. Встав, он пошел к ждущей лошади, чтобы взять ее под уздцы.

— Ты иди лагерь — Фоскар. Фоскар главный. Ему понравится ты показать трюк, как ты брать Тулка, победить его — взять его топор, нож.

Росс колебался. Этот Тулка, казалось, сейчас был настроен дружелюбно, но надолго ли? Он покачал головой.

— Я иди к горькой воде. Мой главный там.

Тулка снова нахмурился.

— Ты неверно говорить — твой главный там! — Он драматичным жестом указал на восток. — Твой главный говорить Фоскар. Говорить, что дать много этого, — он прикоснулся к медным браслетам, — хорошие ножи, топоры — ты вернуться...

Росс непонимающе уставился на него. Эш? Эш в лагере Фоскара предлагает за него вознаграждение? Но как же это?

— Откуда ты знаешь моего главного?

Тулка засмеялся, на это раз с иронией.

— На тебе блестящая кожа — на нем блестящая кожа. Он сказать — найти другую блестящую кожу — дать много хороших вещей тому, кто привести тебя назад.

Блестящая кожа! Костюм с корабля пришельцев! Люди с корабля? Росс помнил, что на него навели луч света, когда он перебирался через частокол деревни красных. Должно быть, его засек один из пришельцев. Но почему они его искали, тревожа коренных жителей, чтобы захватить его? Что было в Россе Мердоке такого важного, что он был им нужен? Все, что он знал, — это что он сделает все, что может, чтобы его не схватили, и что у него нет ни малейшего желания встречаться с этим «главным», который предлагал сокровища за его поимку.

— Ты придешь! — Тулка перешел в наступление, обрушившись на Росса почти что на бегу; Росс попятился и споткнулся, когда лошадь вместе с наездником нависла над ним. Он замахнулся топором, но у него не было опыта сражения этим оружием, слишком тяжелым для него.

Его удар рассек лишь воздух, как раз когда наездник замахнулся на него. Росс упал, на волосок избежав глухого удара по голове неподкованным лошадиным копытом. Потом наездник обрушился на него,

распластав его по земле. Кулак нашел его челюсть, и для Росса солнце погасло.

Он обнаружил, что висит поперек опоры, движущейся укачивающей походкой, от глухого стука которой у него болела голова, и он никак не мог окончательно прийти в себя. Росс попытался шевельнуться, но осознал, что руки связаны за спиной, и нечто теплое на середине позвоночника удерживает его вниз лицом к лошади. Единственное, что он мог сделать, это постараться приспособиться к неудобствам как только возможно и надеяться, что галоп скоро закончится.

Над его головой прозвучала кудахчущая речь. Он краем глаза заметил другую лошадь, поравнявшуюся с той, которая несла его. Потом они примчались в какое-то шумное место, где крики людей сливались в гул. Лошадь остановилась. Росса перевернули со спины и бросили лежать на утопанную пыль, где он лежал, изумленно мигая, в попытках разглядеть, что происходит вокруг.

Они прибыли в лагерь наездников, кожаные палатки которых служили фоном светлым длинноволосым гигантам и высоким женщинам, подходившим поближе, чтобы увидеть пленного. Круг вокруг него разомкнулся, и люди расступились перед пришедшим гигантом. Рост захвативших его произвел на Росса впечатление, а это был их хозяин. Лежа на спине у ног вождя, он чувствовал себя маленьким и беспомощным ребенком.

Фоскар, если это был Фоскар, казался могучим, как медведь. Когда он наклонился рассмотреть приз Тулка, по его рукам и плечам перетекали налитые мускулы. Росс остро взглянул на него, и та же ярость, которая толкнула его на атаку против Тулка, сейчас побуждала его к последнему средству неповиновения, которое у него осталось, — словам.

— Хорошо смотришь, Фоскар. Освободи меня, и я сделаю больше, чем просто посмотрю на тебя, — сказал он на языке лесных охотников.

Голубые глаза Фоскара широко открылись, и он опустил кулак, в котором легко помещались обе руки Росса. Сомкнув огромные пальцы вокруг ткани костюма, он поставил пленника на ноги без малейшего признака напряжения. Даже стоя Росс был на восемь дюймов ниже вождя. И все же он поднял подбородок и прямо смотрел ему в глаза, не отступая от своего.

— Итак — мои руки все еще связаны, — он вложил в эту фразу всю язвительность, на которую был способен. То, как его принял Тулка, давало ему маленький ключик к характеру этих людей; возможно, они могли признать достоинство того, кто имел смелость им противостоять.

— Дитя. — Кулак переместился с ткани, покрывающей грудь Росса, на его плечо, и теперь Росс раскачивался этой силой вперед-назад.

— Дитя? — Откуда-то Росс извлек короткий смешок. — Спроси Тулка. Я не дитя, Фоскар. Топор Тулка, нож Тулка — они были в моих руках. Тулка коварно использовал лошадь, чтобы свалить меня.

Фоскар внимательно его рассмотрел и потом усмехнулся.

— Острый язык, — прокомментировал он. — Тулка потерял топор? Так! Еннар, — крикнул он через плечо, и один из людей приблизился.

Он был ниже и намного моложе вождя, с мальчишеской поджарой стройностью и открытым, привлекательным лицом. Когда он смотрел на Фоскара, его глаза светились ярким энергичным огнем. Как и другие люди из племени, он был вооружен кинжалом и топором на поясе, и так как на нем были две нити бус, два наручных браслета и один браслет на предплечье,

как и на вожде, Росс подумал, что, возможно, он родственник старейшины.

— Дитя! — Фоскар похлопал Росса по плечу и убрал руку. — Дитя! — Он обратился к покрасневшему Еннару: — Ты заберешь у Еннара топор, нож, — приказал Фоскар, — как забрал у Тулка. — Он подал знак, и кто-то обрезал ремни с рук Росса.

Росс растирал друг о друга онемевшие руки, помассировал челюсть. Фоскар уязвил молодого человека, назвав его «дитя», так что юноша будет изо всех сил бороться с пленником. Это будет не так просто, как заставить врасплох Тулка. Но если он откажется, Фоскар вполне может приказать убить его. Он предпочел остаться дерзким; ему придется показать все, на что он способен.

— Забери — топор, нож... — Фоскар отступил назад, махнув людям, чтобы они расступились и разомкнули круг вокруг двух молодых людей.

Росс почувствовал себя неважно, когда увидел, как рука Еннара потянулась к рукоятке топора. Ничего не было сказано о том, что Еннар не будет обороняться своим оружием, но Росс заметил, что в людях из племени была, в конце концов, искорка спортивного интереса. Именно Тулка протолкнулся к вождю и что-то сказал; от этого Фоскар страшным голосом взревел на своего младшего помощника.

Рука Еннара отстранилась от рукоятки топора, как будто это отполированное дерево было раскалено добела; и, как понял Росс, он перенес свое крайнее раздражение на него. Теперь Еннару нужно было выиграть ради собственной гордости, а Росс чувствовал, что должен победить, чтобы выжить. Они настороженно кружили; Росс наблюдал скорее за глазами своего противника, чем за его руками, наполовину спрятанными на уровне талии.

Там на базе его противником в битвах без оружия был Эш, а до него — крепкие, натренированные и безжалостные инструкторы. В его истерзанном теле были отработаны захваты и удары, предназначенные как раз для того, чтобы спасти свою шкуру в подобной стычке. Но тогда он не голодал, был бдительным и подготовленным. Его, ослабшего, не избивали до потери сознания и не волокли многие мили, привязанного поперек лошади, после дней мучительной борьбы со стихией. Так что ему предстояло узнать — был ли Росс Мердок таким крутым, каким он себя всегда считал? Крутой или нет, он не отступит, пока не победит — или не умрет.

Выкрики из толпы побудили Еннара к первым решительным действиям. Он изготвился, низко согнувшись в позе борца, но Росс присел еще ниже. Одна рука щелкнула по пыльной земле и снова взметнулась, отправив в лицо кочевнику облако грязи. Потом их тела встретились в ударе, и Еннар навалился на Росса через плечо; они рухнули на землю.

Будь Росс не таким изможденным, битва моментально закончилась бы в его пользу. Но когда он попытался увернуться и броситься на своего противника, то двигался слишком медленно. Еннар не ждал, пока его прижмут, так что настала очередь Росса оказаться в проигрыше.

Он выбросил руку, поймав Росса за ногу чуть выше лодыжки, и снова Росс поступил, как его учили, легко упав на землю напротив своего противника. Еннар, расслабившийся после почти мгновенного успеха своего нападения, не был готов к этому. Росс покатился, стараясь увернуться от стальной хватки рук, раздавая боковые удары и изо всех сил стремясь повторить то, что он сделал с Тулкой.

Он попал под град ударов, но ему удалось избежать мощных медвежьих объятий, в которые, он знал,

его противник старательно пытался его заманить — а этот захват значительно приблизил бы его стремительное поражение. Следуя правилам, которым его учили, он продолжал бороться. Только теперь он понимал со всевозрастающей паникой, что лучшего, на что он был способен, было недостаточно. Он слишком измучился, чтобы положить этому конец. Если ему вдруг не засветит удача, он может только оттянуть свое поражение.

Пальцы ужасно надавили ему на глаза, и Росс сделал то, что, как ему казалось, он никогда не сделает ни в одной схватке, — он по-волчьи щелкнул зубами, вцепился ими в руку, размахнулся при этом ногой и направил колено в извивающееся над ним тело. Когда Росс обрушивал последние остатки своей силы, вырываясь из слабеющей хватки противника, он почувствовал на своем лице его горячее дыхание. Он с трудом поднялся на одно колено. Еннар тоже стоял на коленях, припав к земле, как зверь, готовый к прыжку. Росс поставил все на последний ход. Сжав руки вместе, он поднял их как можно выше и обрушил на шею врага. Еннар неуклюже растянулся в пыли лицом вниз; через секунду Росс к нему присоединился.

Глава 16

Мердок лежал на спине, уставившись на растянутую тисненую кожу, образующую крышу палатки. Росс был избит как раз настолько, чтобы чувствовать себя сплошным синяком; он потерял интерес к будущему. Только настоящее имело значение, а оно было мрачным. Может, он и сражался с Еннаром до упора, но в глазах кочевников потерпел поражение и не произвел на них такого сильного впечатления, как рассчитывал. То, что он еще жив, было маленьким чудом; он сделал вывод, что все еще дышит только потому, что они

хотели получить за него награду, предложенную пришельцами из другого времени. Да, перспектива была не из приятных.

Его руки, вытянутые вверх над головой, были прихвачены ремнем к глубоко вбитому в землю деревянному колышку, а лодыжки привязаны к другому. Единственное, что он мог, это поворачивать голову из стороны в сторону, не более. Все, что он ел, это кусочки пищи, которые бросал грязными пальцами ему в рот раб, запуганный охотник, пойманный из мигрирующего племени, разбитого кочевниками.

— Хо — отбиратель топоров! — Нога стукнула его по ребрам, и Росс проглотил насмешку, которая могла бы послужить ответом на это грубое обращение. В тусклом свете он видел лицо Еннара и был до абсурда рад, когда заметил пятна под правым глазом и вдоль линии подбородка: следы, оставленные его собственными костяшками пальцев.

— Хо — воин! — хрипло воскликнул Росс в ответ, стараясь вложить в это обращение все презрение, которое он мог вызвать.

Насколько он мог видеть, Еннар взмахнул рукой, в которой был нож.

— Отрезать острый язык — это доброе дело. — Молодой человек улыбнулся, опустившись на колени рядом с беспомощным пленником.

Росс знал, что воздействие страха хуже всякой боли. Может, Еннар действительно настроен сделать то, на что намекал. Вместо этого взметнувшийся нож срезал ремни с его рук. Росс испытал боль в свежих ранах, прорезанных ремнями в его теле, с чувством благодарности, что Еннара привело к нему не желание причинить ему вред. Он знал, что его руки свободны, но опустить их через голову было для него чересчур трудно, и он лежал без движения, пока Еннар развязывал его ноги.

— Встать!

Если бы Еннар не протянул ему руку, Росс не смог бы сам подняться на ноги. Не смог он и удержаться после того, как его подняли, и рухнул лицом вниз, когда тот отпустил его; его душила горячая ярость от осознания своей беспомощности.

В конце концов Еннар подозвал двух рабов, которые вытащили Росса на улицу, где вокруг костра собрался совет. Спор был в самом разгаре, и страсти иногда накалялись так сильно, что говорящие, выкрикивая свои аргументы, размахивали рукоятками ножей или топоров. Росс не знал их языка, но не сомневался, что именно он сейчас предмет их обсуждения. Решающий голос был у Фоскара, но он еще не отдал его ни одной из сторон.

Росс сидел там, куда его швырнули рабы, растирая сильно болевшие запястья; он был так болен телом и устал душой, что на самом деле не интересовался судьбой, которую ему готовили. Он был бы доволен, если бы его просто освободили от всех ужасов брэнного существования. Это была небольшая милость, но он наслаждался бы ею.

Он не знал, сколько времени длились споры, но наконец к нему подошел Еннар огласить решение.

— Твой вождь — он давать много хороших вещей за тебя. Фоскар отвести тебя к нему.

— Мой вождь не здесь, — вяло повторил Росс, выдвигая протест, на который, он знал, они не обратят внимания. — Мой вождь сидит у горькой воды и ждет. Он разгневется, если я не приду. Пусть же Фоскар боится его гнева...

Еннар засмеялся.

— Ты сбежать от своего вождя. Он будет доволен Фоскаром, когда ты снова будешь у него в руках. Тебе это не понравится — думаю так!

— Я тоже так думаю, — тихо согласился Росс.

Остаток ночи он провел, лежа между бдительным Еннаром и другим охранником, хотя у них хватило гуманности не привязывать его на этот раз. Утром ему разрешили поесть, и он вылавливал немывтыми пальцами крупные куски тушеной оленины. И несмотря на грязь, это была лучшая пища, которую он ел за все эти дни.

Поездку, однако, можно было назвать какой угодно, только не комфортной. Он взгромоздился на одну из лохматых лошадей, под животом которой протянули веревку, чтобы связать петлей его ноги. К счастью, его руки не были связаны, и он мог ухватиться за шероховатую жесткую гриву и кое-как усесться. Уздечка его лошади была у Тулка, а рядом с ним скакал Еннар, лишь краем глаза следивший за своей лошадью, сосредоточив все остальное внимание на пленнике.

Они направились на северо-запад, к зелено-белым холмам, выделявшимся на фоне утреннего неба. Хотя чувство ориентации у Росса было не очень тренированным, он был уверен, что они находились в окрестностях скрытой деревни, которую, он полагал, уничтожили люди с корабля. Он попытался выяснить, как пришельцы установили контакт с кочевниками.

— Как найти другого вождя? — спросил он Еннара.

Молодой человек откинул назад через плечо одну из кос и повернулся прямо к Россу:

— Твой вождь приходит наш лагерь. Говорить с Фоскар — два-четыре сна назад.

— Как говорить с Фоскар? На языке охотников?

В этот раз Еннар, казалось, был не совсем уверен. Он нахмурился и заявил:

— Он говорить — с Фоскар, с нами. Мы слышать правильные слова — не речь лесных трусов. Он говорить с нами хорошо.

Росс был поражен. Неужели пришелец из другого времени разговаривал на соответствующем языке примитивного племени, живущего через тысячи лет после его собственной эпохи? Были ли людям с корабля тоже знакомы путешествия во времени? У них были свои станции? И все же их ярость к русским была неистовой. Он был в замешательстве.

— Этот вождь — похож на меня?

И снова Еннар замешкался.

— Он носить одежду, как ты.

— Но он был как я? — настаивал Росс. Он и сам не знал, что именно пытается узнать. Но в тот момент казалось важным все-таки выжать хотя бы из одного кочевника, чем он отличался от человека, который назначил цену за его голову и которому его везли на продажу.

— Не похож! — произнес Тулка через плечо. — Ты как охотники — волосы, глаза. Станный вождь — нет волос на голове, глаза не такие.

— Ты его тоже видел? — быстро спросил Росс.

— Я видел. Я скакать в лагерь — они тоже приезжать. Стоять на скале, звать Фоскар. Делать чудеса с огнем — он взлетать. — Он быстрым жестом указал рукой на куст на тропинке перед ними. — Они втыкать маленькое-маленькое копье — из земли выходить огонь и гореть. Они говорить сжечь наш лагерь, если мы не отдадим им человека. Мы говорить — нет человека. Тогда они говорить дать нам много хороших вещей, если мы найдем и привести человека.

— Но это не мой народ, — вмешался Росс. — Посмотри, у меня есть волосы, я не такой, как они. Они плохие...

— Может, ты взят ими в войне — раб вождя. — Еннар дал ответ, который звучал вполне логично в соответствии с обычаями его собственного племени. — Они хотят вернуть раба — это так.

— Мои люди тоже сильные, много волшебства, — подбросил идею Росс. — Отведи меня к горькой воде, и они заплатят много — больше, чем чужой вождь!

Оба кочевника переключились на эту мысль.

— А где горькая вода? — спросил Тулка.

Росс мотнул головой в сторону запада.

— В нескольких снах отсюда.

— В нескольких снах! — язвительно повторил Еннар. — Мы проскакать несколько снов, а может, и много снов, не зная точно куда — может, там и людей нет, может, нет горькой воды — все это ты говоришь своим хитрым языком, чтобы мы не отвести тебя обратно к хозяину. Мы не пойдем тем путем даже одного сна — найти вождя, получить хороших вещей. Зачем делать что-то сложное, если можно сделать простое?

Какие аргументы мог привести Росс, чтобы опровергнуть логику своих захватчиков? На долю секунды он разъярился на свою собственную беспомощность. Но Росс уже давно усвоил, что если давать волю гневу, то только для того, чтобы намеренно произвести впечатление, и только когда все в твоих руках. Сейчас в его руках вообще ничего не было.

Большей частью они ехали по открытой местности, в то время как Росс и два других агента, проходя по той же территории, прокрадывались по лесистым местам. Поэтому они приближались к холмам под другим углом, и как Росс ни старался, ему не удалось найти знакомых ориентиров. Если каким-то чудом ему удастся освободиться от захватчиков, все, что он мог, это держаться на запад и надеяться, что добредет до реки.

К полудню их группа разбила лагерь в рощице недалеко от ручья. Погода стояла такая же не по сезону теплая, как и днем раньше. Мухи, проснувшиеся и вылетевшие из укрытия, нападали на бивших копытами лошадей и ползали по Россу. Он старался отгонять

их, размахивая связанными руками, — своими укусами они высасывали кровь.

Его сбросили с лошади, но оставили привязанным к дереву с петлей на шее, пока кочевники разводили костер и жарили на огне оленьё мясо.

Казалось, Фоскар не торопился продолжить путь, потому что после еды люди спокойно отдыхали, а некоторые даже задремали. Когда Росс сосчитал людей, выяснилось, что Тулка и второй охранник исчезли, возможно, чтобы связаться с пришельцами и предупредить, что они идут.

Разведчики вернулись лишь ближе ко второй половине дня, так же беспрепятственно, как и исчезли. Они предстали перед вождем с донесением, от которого Фоскар сразу обратился к Россу:

— Мы идти. Твой вождь ждет...

Росс поднял раздувшееся избитое лицо и выразил свой обычный протест.

— Не мой вождь!

Фоскар пожал плечами:

— Он говорить так. Он давать много хороших вещей, чтобы вернуть тебя назад в свои руки. Так что — он твой вождь.

И снова Росса водрузили на лошадь и привязали к ней. Но на этот раз, выехав, отряд разделился на две группы. Он снова был с Еннармом, как раз позади Фоскара, с двумя другими охранниками, которые замыкали шествие. Остальные на своих лошадях растаяли за деревьями. Росс задумчиво наблюдал за этим отходом. Это доказывало, что Фоскар не доверял тем, с кем собирался заключить сделку, что он принимал определенные меры предосторожности. Только Росс не мог уловить, как это недоверие, которое, может быть, было всего лишь обычной осмотрительностью Фоскара, могло сослужить ему добрую службу.

Медленным аллюром они въехали на маленький открытый луг, сужающийся к востоку. Только теперь Росс смог впервые определить, где он находился. Они были у входа в долину, ведущую к поселению, где-то в миле от узкого ущелья, над которым он, притаившись, шпионил и где его и поймали, ведь пришел он с севера через возвышающийся гребень горы.

Лошадь Росса придержали, а Фоскар, прищпорив каблуками своего коня, побыстрее направил его к узкому входу в долину. Там виднелось голубое пятно — несколько пришельцев ждали их. Росс сильно прикусил губу. Он не боялся встречи с русскими, с племенем Фоскара, но у него сердце екало от встречи с этими иноземцами. Он боялся, что самое худшее, что с ним могут сделать люди его собственного вида, покажется бледной тенью в сравнении с обращением, которое, может быть, ждет его в их руках.

Фоскар казался сейчас игрушечным человеком верхом на игрушечной лошади. Он придержал галоп своего коня, осадив его напротив группки незнакомцев. Росс насчитал четверых. Казалось, они разговаривали, хотя голубые костюмы и человека на лошади разделяло еще приличное расстояние.

Прошло несколько минут, затем Фоскар взмахнул рукой, жестом подзывая отряд, охраняющий Росса. Еннар поскакал рысью, потянув за собой лошадь Росса, а кони двух других осторожно цокали копытами позади. Росс заметил, что оба они вооружены копьями, которые держат впереди наготове.

Они отставали от Фоскара примерно на три четверти дороги, и Росс ясно увидел лысые головы пришельцев, когда они повернулись к ним. Потом иноземец нанес удар. Один из них поднял оружие, по форме точно напоминающее автоматический пистолет, хорошо знакомый Россу, — разве что ствол у этого был длиннее.

Росс не мог объяснить, почему он закричал, разве что потому что у Фоскара был только топор и кинжал, которые все еще висели в ножнах у него на поясе. Вождь сидел очень тихо, потом его лошадь резко дернулась в сторону, как будто в испуге. Мягко, словно из него вынули кости, Фоскар рухнул лицом вниз на утоптанную землю и затих без движения.

Еннар взвыл; в его крике слились воедино вызов и отчаяние. Он осадил лошадь с такой силой, что она присела. Потом, бросив уздечку на ремень уздечки Росса, он бросился налево и стремительно помчался к деревьям. Копье оцарапало Россу плечо, разрезав голубую ткань, но его конь метнулся вслед за другим и тем самым спас его от опасности второго удара. Упустив эту возможность, человек, у которого было копье, метнул его Еннару в спину.

Росс вцепился обеими руками в гриву лошади. Больше всего он боялся, что выскользнет из седла и — у него ведь были связаны ноги — будет висеть, беспомощный и незащищенный, под стремительными копытами лошадей. Каким-то образом ему удалось удержаться за лошадиную шею; на ходу его лицо хлестала жесткая грива. Если б Росс смог схватить свисающую веревку, у него, возможно, был бы призрачный шанс управлять этими скачками, но в такой ситуации он мог только крепко держаться и надеяться на лучшее.

Он весьма смутно улавливал, что творилось вокруг. Потом, в нескольких ярдах впереди, из-под земли вырвался сверкающий огонь, как тот, который уничтожил русскую деревню; лошадь обезумела. Огонь разрастался, и лошадь свернула в сторону в поднимающемся дыме. Росс осознал, что пришельцы пытаются отрезать его от леса, где он был бы в некоторой безопасности. Почему они просто не пристрелили его, как Фоскара, он понять не мог.

Дым горящей травы стоял перед ним толстой пеленой, отделяя его от леса. Но может быть, за этим занавесом можно спрятаться от обоих отрядов? Огонь отправлял лошадь обратно, к ждущим людям с корабля. В дыму Росс различал сбивчивые крики. Потом язык пламени дотянулся и до них. Животное заржало, вслепую метнувшись прямо между двумя вспышками огня, снова унося наездника от людей в синей ткани.

Росс закашлялся, почти задыхаясь. Его глаза слезились, так как вонь от горелых волос усиливала дым. Но его вынесло из кольца пламени; он несся назад к лугу. Лошадь и наездник поневоле были на приличном расстоянии от верхнего края этого расчищенного места, когда другая лошадь выскочила слева, поравнявшись с неуправляемым животным, к которому прижимался Росс. На ней легко скакал один из кочевников.

Трюк сработал, потому что дикий бег замедлился до галопа. Другой наездник, оказавшийся настолько ловким в искусстве верховой езды, что вызвал восхищение Росса, наклонился со своего седла, чтобы поймать свисающую уздечку; от этого понесшая лошадь сбавила аллюр до ровного бега второго коня. Галоп перешел в рысь, а потом лошадь и вовсе остановилась.

После захвата лошади кочевник, казалось, потерял к Россу всякий интерес, оглядывая широкий занавес дыма от сгоревшей травы, и нахмурился, видя, что огонь распространяется быстро. Бормоча что-то себе под нос, он потянул за веревку и повел за собой лошадь Росса в направлении, откуда Еннар привел пленника меньше получаса назад.

Росс попытался подумать. Внезапная смерть вождя вполне могла повлечь за собой казнь пленника, если в племени проснется чувство мести. С другой стороны, появилась призрачная надежда, что он сможет убедительно доказать им, что он действительно из другого

клана и что помочь ему будет равносильно участию в совместной борьбе против общего врага.

Но составить четкий план было сложно, хотя единственное, что сейчас могло его спасти, это ум. Переговоры, которые закончились смертью Фоскара, дали Россу немного времени. Он был все еще пленным, хотя у кочевников, а не у внеземных существ. Возможно, для людей с корабля эти примитивные существа были едва ли ценнее, чем лесные звери.

Росс не пытался заговорить со своим нынешним охранником, который тащил его за собой к заходящему солнцу зарождающегося вечера. Наконец они остановились в той же рощице, где отдыхали днем. Кочевник привязал лошадей, потом внимательно осмотрел животное, на котором скакал Росс. Ворча, он отвязал пленника и бесцеремонно швырнул его на землю, потом принялся рассматривать лошадь. Росс приподнялся и увидел метку, оставленную огнем на шкуре лошади, там, где ее кожа покрылась волдырями.

На полосу ожога кочевники приложили толстые куски грязи, принесенные с берега ручья. После того как человек оттер обоих животных скрученной травой, он подошел к Россу, толкнул его на землю и осмотрел его левую ногу.

Росс понял, в чем дело. И действительно, там, куда ударило пламя, на его бедре тоже должен быть ожог, и все же боли он не чувствовал. Сейчас, когда кочевник искал ожоги, он увидел, что ткань абсолютно не изменила цвет. И вспомнил, что пришельцы спокойно ходили по горевшей деревне. Как костюм изолировал его от холода льда, так же, похоже, защищал он его и от огня, чему Росс был искренне рад. То, что он избежал повреждений, поразило кочевника, который, не найдя на Росссе следов ожога, оставил его одного и уселся в отдалении, будто боялся его.

Долго ждать им не пришлось. Один за другим в роще собирались люди из отряда Фоскара. Самыми последними, неся тело их вождя, пришли Еннар и Тулка. Лица обоих были запятнаны пылью, и когда другие взглянули на тело, они тоже начали втирать пыль в щеки, повторяя одни и те же слова и подходя один за другим к мертвому телу, чтобы прикоснуться к правой руке вождя.

Еннар, препоручивший свое бремя другим, слез с усталой лошади и долго стоял, склонив голову. Потом он пристально глянул на Росса и пересек маленькую поляну, встав прямо над человеком из поздней эпохи. Мальчишество, которое было в нем, когда он сражался по приказу Фоскара, исчезло. И когда он наклонился и заговорил, выговаривая каждое слово тщательно и медленно, так чтобы Росс мог понять обещание, это пугающее обещание, его глаза горели безжалостным огнем:

— Лесная крыса, Фоскар отправляется в погребальный костер. И он берет с собой раба, который будет служить ему на небесах, раба, который будет бежать на звук его голоса и дрожать, когда он гремит. Раб-собака, ты побежишь за Фоскаром на небеса и вечно будешь ходить за ним, как человек ходит по земле. Я, Еннар, клянусь, что Фоскар попадет на небеса со всеми почестями. А ты, собака, будешь лежать у его ног при его восхождении!

Он не прикоснулся к Россу, но Росс ни минуты не сомневался, что он действительно имеет в виду то, что говорит.

Глава 17

Приготовления к похоронам Фоскара проходили ночью. Деревянная конструкция за большим лагерем племени, собранная из связанных между собой охапок, которые притащили из леса, становилась все выше и

выше. Постоянного тихого завывания женщин в палатках было достаточно, чтобы довести любого человека до грани безумия. Росса оставили под охраной там, откуда он мог все это наблюдать, — изошренность пытки, которая, решил бы он раньше, была слишком тонка и неуловима для Еннара. Хотя мужчины постарше и отдавали наездникам распоряжения по подготовке церемонии, Еннар был ближайшим кровным родственником Фоскара среди мужчин, и основная ответственность за предстоящее погребение была возложена на него.

Лошадь из стада, серого жеребца, привели и привязали к забору рядом с Россом как жертву номер два, и неподалеку две гончие, в свою очередь, тоже сидели на цепи. Фоскар, с лучшим своим оружием в руках, одетый в красный плащ, лежал на похоронных дрогах. Поблизости припал к земле жрец племени, тряся грохочущей трещоткой, то говоря нараспев, то пронзительно крича. Все происходившее в своей дикости могло быть сценой прямо с одной из кассет, хранившихся на базе проекта. Россу было очень трудно не забывать о том, что все это было реальностью и что ему предстояло сыграть одну из главных ролей в этой пьесе без возможности вмешательства Операционного Ретрограда, который в любую минуту мог бы вернуть его в безопасное место.

Иногда, когда телесная усталость подавляла все остальное, он засыпал в этом кошмаре. Он проснулся оцепеневший — рука сжимала его волосы, задрал ему голову.

— Ты спишь — ты не боишься, собака Фоскара?

Росс слабо заморгал. Страх? Конечно, он боялся. Страх, осознал он с ясностью, которую редко переживал ранее, всегда преследовал его, ночевал в его постели. Но никогда он не был окружен страхом и не был бы охвачен им сейчас, хотя и не мог никак защитить себя.

— Я не боюсь! — в запале жаркого хвастовства бросил он в лицо Еннару. Нет, он не боится!

— Посмотрим, будешь ли ты говорить так громко, когда огонь начнет кусать тебя! — отрезал тот. И все же в этом проклятии звучало неохотное признание мужества Росса.

Когда огонь начнет кусать... — звенело в голове у Росса. Было и еще что-то — если б только он мог вспомнить! До этого момента он еще цеплялся за слабую надежду. Это невозможно — он снова чувствовал это с необычайной ясностью ума — честно встретиться лицом к лицу с собственной смертью. Человек всегда продолжает верить, что в последний момент его жизни произойдет что-то, что его спасет.

Лошадь подвели к насыпи из охапок хвороста, которые теперь окружали похоронные дроги Фоскара. Жеребец шел тихо, пока высокий человек не ударил его изо всех сил топором, и животное упало. Гончих тоже убили и положили у ног хозяина.

Но Росс знал, ему так легко не отделаться. Вокруг него плясал жрец, ужасная фигура в маске зверя; с его пояса, раскачиваясь, свисала закрученная бахромой сушеная змеиная кожа. Тряся своей трещоткой, жрец вопил, как злой кот, пока Росса привязывали к скирдованным доскам.

Огонь... Было ведь что-то об огне — если б он только мог вспомнить! Росс споткнулся о ногу мертвого коня, которого положили в голове дрог. И тут он вспомнил о языках пламени, жегших траву на лугу, которые обожгли коня, но не наездника. Его голова и руки не защищены, но остальное тело закрыто термостойкой тканью костюма пришельцев. А может?.. Шанс был так невелик, и его уже заталкивали на насыпь, связывая ему руки. Еннар нагнулся и связал ему лодыжки, убедившись, что он привязан к кусту.

Привязав, от него отошли. Племя расположилось вокруг погребального костра на безопасном расстоянии, а Еннар и еще пятеро приблизились с разных сторон с зажженными факелами. Росс наблюдал, как эти горящие клубки бросили в кустарник, и слышал, как затрещал огонь. Тяжелым сдержанным взглядом смотрел он на мерцание пламени, от сухого кустарника до старого дерева.

Желто-красное пламя уже коснулось его своим языком. Когда оно окутало его ноги, а кожаные ремни начали тлеть, Росс едва осмеливался дышать. Изоляционный материал костюма не защищал от тепла полностью, но позволял замереть на месте на те несколько секунд, которые нужны были ему для зрелищности своего побега.

Пламя проедало оковы у него на ногах, а ощущение тепла, которое он чувствовал, было не сильнее, чем от прямых лучей яркого летнего солнца. Росс облизывал языком губы. На его лицо и руки тепло действовало по-другому. Он наклонился, держа руки в огне, стойчески, молча перенося ожоги, которые освободят его.

Потом, когда огонь за клубился так, что казалось, он стоял в обрамлении извилистых красных стягов, Росс прыгнул сквозь эту завесу, защищая, насколько мог, наклоненную голову руками. Но зрителям казалось, что он прошел целым и невредимым сквозь бушующее пламя.

Стараясь не упасть, он повернулся к части племени, стоящей прямо перед ним. Поднялся крик; пылающий факел пролетел по воздуху и ударился о его бедро. Удар он почувствовал, но горящие куски факела просто скатились по его ноге, не оставив и следа на гладкой голубой ткани.

— А-а-а-а!

Теперь перед ним бесновался жрец, трясая своей трещоткой, чтобы издавать оглушающий гул. Росс кинул-

ся на чародея, с силой отбросив его с дороги. Он пригнулся, чтобы поднять тлеющую головню, брошенную в него. Не оборачиваясь, протянув ее через голову назад, несмотря на то, что каждая секунда была пыткой для его израненных рук, он снова зажег ее. Держа огонь впереди как оружие, он пошел прямо на мужчин и женщин перед ним.

Факел был не слишком мощным оружием против топоров и копий, но Россу было все равно — в свой последний шанс он вложил всю решительность, на которую был способен. Не понимал он и того, кем представляли его люди из племени. Человек, который прошел через завесу огня без ожогов, который, оказалось, купался в языках пламени, не чувствуя боли, и который теперь сам вызвал огонь и пользовался им как оружием, был не человек; то был демон!

Стена людей качнулась и развалилась. Женщины бежали с воплями; мужчины кричали. Но ни один не метнул копьё и не ударил топором. Росс продолжал идти, как одержимый бесами, не глядя ни направо, ни налево. Вот он уже в лагере и направляется к костру, горящему перед палаткой Фоскара. Он и перед ним не свернул, пройдя прямо через костер с высоко поднятым факелом, рискуя получить еще ожоги ради большей убедительности своей полной неприкосновенности.

Когда он приблизился к последнему ряду палаток, за которым начиналась открытая местность, люди из племени уже не показывались. Табун лошадей, которых перевели на эту сторону, чтобы их никак не задел погребальный костер, беспокоился, лошади нервно переминались от запаха гари.

И еще раз Росс обвел гаснущим факелом вокруг головы. Вспомнив, что сделали пришельцы, чтобы его конь обезумел, он бросил головню в траву позади себя, между палатками и стадом. Сухие гнилые деревья

загорелись мгновенно. Теперь, если они за ним и погонятся, у них будут большие сложности.

Ни минуты не медля, он ровным шагом пересек луг, ни разу не оглянувшись. Его руки были как два отдельных мира, сжигаемые жгучей болью; волосы и брови опалены, и полоска ожога сбегала вдоль линии подбородка. Но он был свободен, и ему как-то не верилось, что люди Фоскара поторопятся преследовать его. Где-то перед ним была река — река, впадающая в море. Росс продолжал идти и солнечным утром, а позади него черный дым поднимался в небо, как сигнальная башня.

Потом он осознал, что, должно быть, эти несколько дней был в полубреду, помня только, что у него болят руки и что он должен идти вперед, не останавливаясь. Наконец он упал на колени, погрузив обе руки в прохладную влажную землю там, где из лужи тек тоненький ручеек. Мокрая грязь немного облегчила страшную боль, пока он судорожно утолял жажду.

Казалось, Росс двигался в какой-то дымке, которая временами рассеивалась; в эти моменты он вспоминал, что было вокруг него, мог вспомнить немного из того, что уже прошел, и не сбивался с правильного пути. Но промежутки между этими просветлениями были навсегда потеряны для него. Он ковылял вдоль берега реки и наткнулся на медведя, ловившего рыбу. Огромный зверь поднялся на задние лапы и зарычал, но Росс прошел мимо изумленного зверя, не обращая внимания на угрозу.

Иногда он засыпал в темное время суток или брел под лунным светом, прижав руки к груди, немного постанывая, когда его нога соскальзывала и боль отдавалась во всем теле. Как-то он слышал пение и потом вдруг осознал, что это он сам хрипло выкрикивает песню, которая будет популярна через тысячи лет в мире, по которому он брел. Но все это время Росс знал, что

должен идти вперед, используя этот широкий поток воды как указатель к конечной цели, к морю.

Через какое-то время промежутки ясности ума стали дольше, а перерывы между ними все короче. Он вылавливал из-под камней вдоль реки всякую живность и жадно ел ее. Однажды ему попался кролик, и он устроил себе пир. Он высасывал птичьи яйца из гнезд, запрятанных в камышах, — ровно настолько, чтобы его ослабевшее тело могло двигаться дальше, хотя серые глаза сейчас смотрели с лица, напоминающего лицо смерти.

Росс не знал, когда понял, что на него снова охотятся. Все началось с беспокойства, не такого, как предыдущие лихорадочно-бредовые галлюцинации. Это было ощущение изнутри, настоятельное желание свернуть и пойти назад к холмам, чтобы встретить там что-то или кого-то, ждущего на пути обратно.

Но Росс продолжал двигаться вперед, боясь сна и борясь с ним. Как-то раз он прилег отдохнуть и проснулся на ногах, направляясь назад, как будто это принуждение обладало властью управлять его телом, пока он не проснулся.

Так что он отдыхал, но не осмеливался спать. Желание уснуть постоянно терзало его волю, стремясь завладеть его слабеющим телом и увести его назад. Абсурдно, но он полагал, что это пришельцы стараются управлять им. Росс даже и не хотел понять, почему они были так решительно настроены. Гнались ли за ним и люди из племени, он не знал, но был уверен, что это был поединок его и чужой воли.

Берега реки перешли в болота, и ему приходилось брести по грязи и воде, обходя топкие места. Огромные стаи, тучи птиц вихрем носились и пронзительно кричали при его приближении. Лоснящиеся водные животные шлепали по воде и с любопытством высовывали из топи головы, когда это нечто двуногое механически

проходило через их зеленые земли. И все время на него давило осознание, что ему гораздо более по душе бороться, чем путешествовать.

Почему они хотят, чтобы он вернулся? Почему не идут сами за ним? Опасались ли они отходить слишком далеко от того места, где совершили перемещение во времени? И все же, хотя расстояние между ним и той долиной все увеличивалось, невидимая веревка, тянувшая его, не становилась тоньше. Росс не понимал ни их мотивов, ни методов, но мог продолжать бороться.

Болота тянулись бесконечно. Он набрел на островок и привязал себя ремнем костюма к единственной иве, которая там росла, зная, что ему просто необходимо поспать, иначе не протянуть даже следующий день. Потом он уснул и проснулся только когда замерз, трясясь от холода и страха. Оказавшись по шею в луже, он осознал, что, должно быть, во сне отстегнул ремень и освободился. Только из-за падения в воду к нему снова вернулся рассудок.

Каким-то образом он добрался обратно до дерева, снова прицепил к нему крючок ремня и обкрутил ремень вокруг веток так, чтобы уж знать наверняка — до рассвета он не сможет освободиться. Он погрузился в глубокую дрему и проснулся, все еще надежно закрепленный, от утреннего крика птиц. Росс раздумывал о костюме. А может, это странной одеждой пришельцы притягивают его к себе? Если он разденется и бросит форму, то будет ли в безопасности?

Он постарался расстегнуть застёжки на груди, но они не поддавались тому усилию, на которое были способны сейчас его ослабевшие пальцы; он рванул ткань, но не смог разорвать ее. Так что, так и не сняв униформу веземного человека, Росс продолжал свой путь, почти не заботясь о том, куда и как идет. Грязь, облепившая его из-за частых падений, служила некоторой защитой

от роя насекомых, которые нападали на него, когда он проходил мимо. Однако он равнодушно переносил раздутость лица и слипавшиеся глаза, чувствуя мучительное побуждение внутри себя намного явственнее, чем телесные недомогания.

Болота стали меняться. Река расщеплялась на десятки маленьких ручейков, развернувшихся, как веер. Глядя на это с одного из холмиков на болоте, Росс испытал слабый прилив облегчения. Такое место было на карте. Эш заставил Росса его запомнить. Наконец-то он недалеко от моря. Пока что этого было достаточно.

Порывы соленого ветра хлестали ему в лицо, как удары кулаком. Солнечного света не было, и свинцовые облака укрыли землю по-зимнему мрачным сумраком. Под непрерывный гул птичьих голосов Росс тяжело ступал по маленьким лужам, с трудом прокладывая дорогу сквозь спутанные клубки болотной травы. Он крал яйца из гнезд, с аппетитом высасывая их питательное содержимое, не обращая внимания на привкус рыбы, жадно поглощал жидкость из солоноватых прудов.

Неожиданно Росс остановился, подумав сперва, что непрерывный усиливающийся звук, который он слышал, это гром. И все-таки облака над головой были не гуще, чем в предыдущие дни, и он не видел никаких следов молнии. Пройдя еще немного, он осознал, что этот загадочный гул — тяжелые удары прибоя. Он был рядом с морем!

Заставив свое тело бежать, он помчался вперед неверной походкой, изо всех сил борясь с непреодолимой тягой назад. Его ноги соскользнули с болотной грязи на песок. Пред ним лежали темные камни, окруженные белым кружевом водяной пыли.

Росс направился прямо к брызгам, по колено вошел в бурлящую воду, покрытую пеной, и почувствовал, что она притягивает его тело почти так же силь-

но, как его ум тянется назад. Он опустился на колени, отдавшись соленой воде, которая пробуждала к жизни каждую царапину, каждый ожог, с шумом заливалась ему в рот и ноздри, смывая с него тину болотистой земли. Она была холодной и горькой, но ведь это было море! Он дошел!

Росс Мердок, шатаясь, вернулся назад и с размаху сел на песок. Озираясь, он увидел, что его убежище — это неровный треугольник между двумя маленькими рукавами реки, застланный обломками после весеннего половодья. Хотя хвороста для огня было предостаточно, ему нечем было развести костер — он потерял кремьень, который для этой цели носили с собой все торговцы кубками.

Это было море, и каким-то чудом он добрался до него. Он лег, откинувшись назад; его самооценка поднялась настолько, что он отважился снова задуматься о будущем. Лежа, наблюдал за стремительным полетом чаек, рисовавших крыльями узоры в небе под облаками. Сейчас все, чего он хотел, это только лежать здесь и отдыхать.

Но он лишь ненадолго уступил первому требованию своего переутомленного тела. Голодный и замерзший, уверенный, что надвигается шторм, он знал, что ему нужно развести костер — костер на берегу мог послужить сигналом для подлодки. Едва ли зная почему — одна часть побережья была такой же, как и другая, — Росс снова начал идти вперед, осторожно пробираясь сквозь нагромождения камней.

И он нашел ее — впадину между двумя каменными грудами-ветроломами; там был почерневший круг из маленьких камней, с обуглившимися дровами, с пустыми раковинами, сваленными в кучку неподалеку. Здесь точно были следы лагеря! Росс ринулся вперед, импуль-

сивно засунув руку в черную массу омертвелого костра. К его изумлению, он прикоснулся к чему-то теплomu!

Еле осмелившись потревожить эти драгоценные кусочки угля, он начал копать вокруг них, потом осторожно подул на мертвый пепел. В ответ появилось тусклое сияние! Не может быть, чтобы ему показалось!

Из кучи дров, запасенных и оставленных кем-то, Росс выхватил маленький прутик и стал тыкать им в уголь, после того как растрепал его на твердом камне наподобие кисточки. Он наблюдал, весь в судороге надежды. Хворостинка зажглась!

Росс сейчас был неуклюжим, со своими одеревеневшими пальцами, но он выучился терпению в тяжелой школе. Мало-помалу он подбрасывал хворост в это крошечное пламя, пока наконец не разгорелся настоящий костер.

Теперь стало очевидно, что место для этого костра выбрано очень тщательно — нагромождения камней защищали его. Они также образовывали и барьер, частично прячущий огонь со стороны суши, заодно, безусловно, делая его более заметным с моря. Казалось, место было удачно подобрано для сигнального костра — но для сигнала чему? Руки Росса мелко тряслись, когда он подбрасывал дров в костер. Слишком уж было ясно, кто подавал бы сигнал с этого берега. Макнил, а может, и Эш тоже пережили все-таки крушение плота. Они добрались до этого места — самое раннее, этим утром, если судить по тлевшим углям, — и подали сигнал. Тогда, как и было условлено, их забрала подлодка, направляющаяся сейчас к скрытому Североамериканскому посту. Теперь надежды, что его заберут, не осталось. Как он сам решил, что они погибли, после того как нашел ремешок на деревце от плота, так и они, наверное, считали, что с ним все кончено, по-

сле того как он упал в воду. Он опоздал всего на несколько часов!

Росс обхватил руками согнутые колени и уронил на них голову. Своим ходом он никак не доберется до поста — никогда. От установки перемещения во времени его отделяли тысячи миль.

Он так погрузился в полное отчаяние, что долго не осознавал, что он наконец-то освободился от тяги повернуть назад, которая так долго его преследовала. Но когда он встал, чтобы подбросить дров в костер, ему стало интересно, неужели те, кто преследовал его, сдались? Но он ведь проиграл свою гонку со временем, так что его это не особенно заботило. Какое это теперь имело значение?

Груда дров уменьшалась, но он решил, что и это не должно ему помешать. Он встал и пошел к выкинутым на берег остаткам деревьев, чтобы насобирать немного дров. Стоит оставаться здесь, у ненужного сигнального огня? Но почему-то он не мог заставить себя идти дальше, как бы ни была бесполезна его вахта здесь.

Он тащил выгоревшие на солнце ветки давно погибших деревьев, складывая их в кучу, и работал до тех пор, пока сам не рассмеялся над сооруженной баррикадой.

— Осада! — За много дней он впервые заговорил вслух. — Я, пожалуй, готов к осаде... — Он притащил еще одну ветку, добавил ее к общей куче и стал на колени у костра.

На этом побережье можно найти рыбаков, и завтра, отдохнув, он отправится на юг и постарается найти какое-нибудь примитивное поселение. Теперь, когда здесь нет поддерживаемых русскими путешественников, на эту территорию начнут приходить торговцы. Если бы он мог как-то с ними связаться...

Но эта искорка интереса к будущему потухла почти в тот же миг, что и зажглась. Играть роль торговца

кубками, будучи агентом проекта, было одно дело, и совсем другое — прожить в этой роли остаток жизни.

Росс стоял у костра, глядя на море — в ожидании сигнала, который, он знал, уже никогда в жизни не увидит. И вот острое, как копье в спину, нагрянуло нападение.

Удар не был телесным — внезапно в глазах покраснело, он почувствовал в голове разрывающую боль, давление, такое ужасное, что он не мог пошевелиться. И тотчас же понял, что у него за спиной притаилась смертельная опасность.

Глава 18

Росс изо всех сил старался освободиться от этой хватки, повернуть голову, взглянуть в лицо опасности, которая подстерегла его на этот раз. Все опасности, что он ранее встречал за свою короткую жизнь, были земными; эта же могла быть только внеземного происхождения. Эта странная битва была поединком одной воли с другой! То же бунтарское чувство против власти, которое господствовало над ним в отрочестве, которое привело его в этот проект, сейчас укрепило его решимость противостоять этому нападению.

Он как раз собирался повернуться; собирался посмотреть, кто же там стоял. Собирался! Дюйм за дюймом Росс медленно поворачивал голову, хотя пот ручьями стекал по его обожженному и избитому телу, а каждый вдох давался с трудом. Краем глаза он уловил берег за камнями; на полоске песка никого нет. Над головой исчезли птицы — как будто они никогда не существовали. Или как будто их смел одним махом какой-то истребитель, которому не нужны были никакие помехи.

Повернуть голову Россу удалось, и он решил развернуться всем телом. Левая рука потянулась, медлен-

но, как будто передвигая что-то очень тяжелое. Его ладонь сжалась от боли, и он наслаждался этим, потому что боль пронзила тот покров принуждения, которым опутали его. Он специально прижался ободранной кожей к камню, сконцентрировавшись на острой пытке, прорезающей его руку. И пока он обращал внимание только на физическую боль, он чувствовал, что давление на него ослабевает. Собравшись с силами, Росс развернулся движением, которое было лишь тенью его давней кошачьей грации.

Пляж был все так же пуст, за исключением нескольких прибитых к берегу стволов деревьев, камней и других предметов, которые были здесь, когда он пришел. И все же он знал, что нечто притаилось, готовясь к внезапному нападению. Выяснив, что боль была для него средством обороны, он решил использовать этот шанс. Если они и возьмут его, то только после того, как одержат над ним верх.

Даже приняв это решение, Росс не без любопытства осознал, что сила, нависшая над ним, ослабевала. Как будто его противники были удивлены то ли верными действиями в последние секунды, то ли его решительностью. Росс ухватился за это удивление, добавив его к арсеналу своего невидимого оружия.

Он наклонился вперед, все еще потирая израненную руку о камень, как надежную подмогу; взял засохшую ветку и бросил ее в костер. Он уже как-то раз использовал огонь, чтобы спастись, и был готов и даже рад сделать это еще раз, хотя в то же время другая его часть съеживалась от того, что он задумал.

Держа импровизированный факел на уровне груди, Росс взглянул сквозь него, обыскивая сушу от края до края в надежде заметить хотя бы слабый след врага. Несмотря на огонь и свет, которые он держал перед собой, из-за сумерек вдали ничего не было видно.

Грохот прибоя за его спиной заглушил бы даже шум марширующей армии.

— Давайте, поймайте меня!

Он с размаху швырнул горящую головню прямо в прибитые к берегу обломки на песке. Не успел еще пылающий факел упасть на скрюченные, выгоревшие на солнце корни мертвого дерева, как он уже схватил вторую головню.

Он стоял в напряжении; второй факел вспыхивал в его руках. Тугие тиски чужой воли, которые сжали его так сильно всего минуту назад, ослабевали, медленно исчезая тонкой струйкой, как вода. И все же ему не верилось, что этот мелкий оборонительный ход так отпугнул его невидимого противника, что тот отступил без боя. Скорее, это было послабление борца, подбирающего более беспощадную хватку.

Факел в руке Росса — вторая линия его защиты — был оружием, которое он не склонен был пустить в ход, но применил бы, если бы его вынудили. Он безжалостно вплотную прижимал руку к камню — и как напоминание, и как стимул.

Среди засохших деревьев, там, где приземлился первый факел, искрился и трещал огонь, отбрасывая мерцающий свет в нескольких ярдах от того места, где он стоял. В сумраке надвигающегося шторма его это радовало. Лучше, чтобы они перешли в открытое нападение, пока не разразился ливень.

Когда мелкие брызги, задуваемые с моря на берег, попали ему на спину и плечи, Росс укрыл собой факел. Если будет дождь, он потеряет и то небольшое преимущество, которое давал ему огонь, но тогда он встретит их как-нибудь еще. Они не сломают его и не смогут его взять, даже если ему придется для этого броситься в море и плыть в холодных, хлещущих северных волнах до тех пор, пока он уже не сможет пошевелиться.

И снова на Росса напала воля со стальными краями, пробуя его на прочность, атакуя его ум. Он взмахнул факелом и направил палящее дыхание пламени на руку, опирающуюся о камень. Не в силах сдержать вопль протеста, он и сам не знал, хватит ли ему стойкости повторить такой поступок.

Он снова одержал верх! Давление исчезло с каким-то щелчком, будто отключили электричество. Сквозь красный занавес пытки Росс почувствовал удивление и недоверие. Он не осознавал, что в этой странной дуэли он использовал и свою силу воли, и всю глубину пронизательности, которой обладал, даже не подозревая об этом. Своей отвагой он нанес противникам такой вред, какого физическое нападение никогда бы им не причинило.

— Ну же, идите и возьмите меня! — снова кричал он пустому берегу, туда, где сгущались сумерки, где ничего не шевелилось и все же притаилось нечто живое и думающее. В этот раз в голосе Росса был не просто вызов — в нем звучала и нотка триумфа.

Брызги хлестали его, покушаясь на его огонь, на головню, которую он держал. Что ж, пусть морская вода потушит его! Он найдет другой способ бороться. В этом он был уверен и чувствовал, что они там тоже это знали — и были встревожены.

Ветер зигзагом погнал огонь вдоль белого, как кость, дерева, валявшегося на берегу, образуя стену пламени между ним и впадиной. Но вряд ли такой барьер удержал бы то, что там притаилось, чем бы это ни было.

И снова Росс прислонился к камням, осматривая протянувшийся берег. Ошибся ли он, когда думал, что они настолько близко, чтобы его слышать? Может, сила, которую они использовали, достигала его через огромное расстояние.

— Эй вы-ы-ы-ы... — Вместо требования он издал теперь насмешливый крик, бросающий вызов. Порывы ветра, рев моря, его собственная боль придали ему какую-то невероятную силу. В готовности лицом к лицу встретить все самое худшее, что они ему уготовили, он старался отбить эту мысль им назад, когда они ударили по нему объединенной волей. На его вызов не прозвучал ответ, на контратаку никто не поднялся.

Отойдя от камня, Росс пошел вперед к горящим обломкам с факелом наготове.

— Я здесь! — закричал он ветру. — Выходи лицом к лицу со мной!

Именно тогда он увидел, кто за ним следил. Две высокие тонкие фигуры в темной одежде стояли, тихо наблюдая за ним; их глаза были как черные дыры на белых овалах лиц.

Росс остановился. Хотя от них его отделяли ярды песка, и камни, и горящий барьер, он чувствовал силу, которой они обладали. Однако характер этой силы изменился. Раньше она наносила удар, как мощное копье; теперь она образовала надежный щит. Росс не мог прорваться сквозь этот щит, а они не осмеливались его опустить. Это была ничья в странной битве, подобной которой мир Росса раньше не знал.

Он рассматривал эти ничего не выражающие белые лица, пытаясь найти выход из тупика. В голове у него промелькнула мысль, что, пока он жив и будет двигаться и пока они живы и будут двигаться, эта битва, это бесконечное преследование будут продолжаться. По какой-то таинственной причине они хотели добиться над ним контроля, но этого не произойдет, если они все останутся здесь, на этой полоске песка, омываемого водой, пока не умрут с голоду! Росс старался передать им эту мысль.

— Мерррррррдок! — Почудилось, что этот каркающий крик, родившийся из морского ветра, вырвался из птичьего клюва. — Мерррррррдок!

Росс резко повернулся. Видимость ужасно ухудшилась из-за нависающих облаков и разлетающихся брызг, но он видел нечто круглое и черное на подскакивающих волнах. Подлодка? Плот?

Росс почувствовал за спиной движение; он развернулся, один из пришельцев как раз перепрыгнул через горящие обломки, не обращая внимания на пламя, и легко побежал к нему, пытаясь осуществить, что называется, решительную попытку захвата. У человека наготове было оружие, как то, из которого был убит Фоскар. Росс безрассудным прыжком бросился на противника, обрушившись на него сокрушительным толчком.

В руках Росса тело пришельца было хрупким, но, когда Мердок изо всех сил старался вырвать у него из рук оружие и прижать его к песку, тот двигался подвижно и плавно. Росс был слишком сконцентрирован на битве, чтобы обратить внимание на выстрел, раздавшийся у него за спиной, и на тонкий, подвывающий крик. Он с силой ударил руку своего противника о камень, и белое лицо, всего в нескольких дюймах от него самого, молча искривилось от боли.

Росс старался захватить его получше и вдруг покатился на землю. Он приземлился на израненную левую руку с болью, от которой у него слезы брызнули из глаз, и был вынужден чуть помедлить — достаточно, чтобы противник успел встать на ноги.

Человек в голубом костюме отбежал туда, где за обломками лежал его спутник. Он перебросил своего товарища, потерявшего сознание, через барьер с легкостью, которой Росс никак не ожидал, и сам вслед за ним вскарабкался через него. Росс, припавший к песку,

почувствовал необычную пустоту и легкость. Странные узы между ним и пришельцами были разорваны.

— Мердок!

Резиновый плот качался на волнах, на нем было два человека. Росс встал, дергая правой рукой застежки своего костюма. Теперь он мог поверить в то, что видел — все-таки подлодка не уплыла. Два человека, рвущиеся к нему в сумерках, были людьми его расы.

— Мердок!

Ему показалось странным, что первым до него добрался Келгариес. Росс, беспомощный в этом окружившем его наваждении, обратился к майору за помощью с застежками. Если пришельцы с корабля отследили его по костюму, то им не удастся проследить за подлодкой до поста и обойтись с проектом так, как они поступили с русскими.

— Надо... это... снять... — Он выталкивал слова одно за другим, неистово дергая упрямые застежки. — Они могут отследить это и погнаться за нами...

Келгариесу не надо было объяснять подробно. Оторвав застежки, он стянул с Росса облегающую ткань левого рукава; от этого Росс едва не потерял сознание от боли.

Ветер и брызги жгли его тело, как огонь, пока его тащили к плоту и затаскивали на борт. Он совсем не помнил, как они добрались до подлодки. Он уже лежал в вибрирующем сердце подводного корабля, когда открыл глаза и увидел Келгариеса, внимательно его рассматривающего. Эш, с повязкой на плече и груди, лежал на соседней койке. Макнил стоя наблюдал, как медик выкладывал свои запасы.

— Ему нужно сделать укол, — сказал медик; Росс мигал, глядя на майора.

— Вы оставили костюм... там?.. — первым делом спросил Росс.

— Оставили. Что это за разговоры — о том, что они с помощью костюма за тобой следили? Кто за тобой следил?

— Люди с космического корабля. Только они могли выследить меня, когда я шел вниз по реке. — Он обнаружил, что ему трудно говорить, а протестующий медик продолжал размахивать иглой, но кое-как, обрывками предложений, Росс выдал из себя рассказ — о смерти Фоскара, о своем побеге с погребального костра вождя и о странной дуэли воли там, на берегу. Даже когда он выпаливал все это, он думал о том, что, должно быть, звучит это просто невероятно. И все же казалось, Келгариес верил каждому слову, и лицо Эша не выражало недоверия.

— Так вот как ты получил эти ожоги, — медленно сказал майор, когда Росс закончил рассказ. — Специально обжег руку, чтобы уйти от них... — Он стукнул кулаком по стене маленькой каютки и потом, когда Росс вздрогнул от этого звука, быстро разжал пальцы и коснулся его плеча неожиданно тепло и нежно. — Дайте ему снотворного, — приказал он врачу. — Помоему, он заслужил около месяца отдыха. Похоже, он принес нам ломоть будущего побольше, чем мы рассчитывали...

Росс почувствовал укол иглы и больше ничего. Даже когда его несли на берег на станцию перемещения и потом, когда его перевозили в его собственное время, он не проснулся. Он впал в полусонное состояние, в котором он ел и спал, не способный интересоваться чем-то кроме сна.

Но вот настал день, когда он проявил заинтересованность, сел, выпрямился и потребовал еды со значительной долей присущей ему ранее самоуверенности. Доктор осмотрел его, разрешил встать с постели и попробовать пройтись. Поначалу ноги слушались очень

плохо, и Росс был страшно рад, что удалось прийти хотя бы от постели до стула.

— Посетителей принимаете?

Росс энергично взглянул на Эша и потом улыбнулся ему немного нерешительно. Рука старшего товарища все еще была перевязана; в остальном он, казалось, был все так же невозмутимо спокоен.

— Эш, расскажите мне, что случилось. Мы вернулись на главную базу? А русские? Нас ведь не выследили люди с корабля, да?

Эш засмеялся.

— Док тебя только что поднял, Росс? Да, мы дома, как говорится — «дом, милый дом». А про остальное — это долгая история, и мы все еще собираем общую картину по кусочкам.

Росс приглашающим жестом указал на койку.

— Расскажите мне, что уже знаете. — Он был все еще немного растерян; а его тайное восхищение Эшем умерилось до очевидного желания выслушать все. Росс все еще боялся того пренебрежительного отношения, которое Эш умел так мастерски проявлять.

— Да, ты нас удивил, Мердок. — В этой фразе звучало что-то и от прежнего Эша, но за словами уже не пряталась отстраненность, как раньше. — Деятельный парень, а? Особенно после того, как свалился в реку.

Росс ответил смутившись:

— Да об этом вы и так все знаете! — У него не было времени на свои собственные приключения, уже отступающие в прошлое, отчего они становились и тусклыми, и неважными. — Что случилось с вами... и с проектом... и...

— Не все сразу, не гони, не гони. — Эш обвел его странным взглядом, смысла которого Росс не понял. Он продолжал объяснять своим «инструкторским» тоном: — Мы прошли вниз по реке — как, даже не

спрашивай. Это само по себе было серьезным «проектом», — рассмеялся он. — Плот распадался по кусочкам, и, думаю, где-то последние две мили мы в основном шли вброд. Не уверен в деталях; их можно выпытать из Макнила, который тогда еще хоть что-то осознал. В остальном мы с твоими приключениями равняться не можем. Мы развели сигнальный костер и сидели у него несколько дней, поджаривая пяточки, пока за нами не пришла подлодка...

— И забрала вас. — Росс снова на минуту пережил возвращение того чувства пустоты, которое охватило его на берегу, когда по все еще теплым углям сигнального костра он понял, что опоздал.

— И забрала нас. Но Келгариес согласился продлить период ожидания еще на сутки на случай, если тебе все-таки удалось пережить то падение в реку. Потом мы увидели твой зрелищный фейерверк на берегу, а остальное было несложно.

— Люди с корабля не выследили нас по дороге назад, к посту?

— Вроде нет. В любом случае на том временном уровне мы пост закрыли. Тебе, может, интересно будет узнать об очень своеобразном хвосте, который засекали наши нынешние агенты, плавая за границей и под ней. В Балтийском регионе в нашем времени прогремел чудовищной силы взрыв, и им были начисто уничтожены кое-какие установки. Русские никак не прокомментировали характер взрыва и замалчивают точное место, где он произошел. Но мы это место знаем.

— Пришельцы проследовали за ними *всю* дорогу, до нашего времени! — Росс привстал со стула. — Но почему? И почему они преследовали меня?

— Об этом мы можем только догадываться. Но не думаю, что ими руководила какая-то личная месть за то, что разграбили их заброшенный корабль. Более ве-

роятно, что они просто не хотели, чтобы мы нашли и использовали что-нибудь из их грузов.

— Но они были в расцвете тысячи лет назад. Может, сейчас они и их миры уже исчезли. Как то, что мы делаем сегодня, может иметь значение для них?

— Наверное, имеет, и даже очень важное. И мы должны это узнать.

— Как? — Росс взглянул на свою левую руку, упакованную в рукавицу из бинтов, под которой он очень осторожно старался шевельнуть пальцем. Может, ему надо было с большим энтузиазмом относиться к другой встрече с людьми с корабля, но, признаться честно, он к ней не стремился. Он поднял глаза с уверенностью, что Эш угадал его нерешительность и осуждает его за это. Но не было никаких признаков, что тот что-то заметил.

— Разграбим кое-что сами, — ответил Эш. — Те пленки, которые мы привезли, очень помогут. Были найдены еще заброшенные корабли. Мы были правы в своем подозрении, что русские сначала обнаружили остатки одного из кораблей в Сибири, которые сохранились так плохо, что исследовать их было невозможно. У них уже было некоторое представление о путешественнике во времени, так что они применили его для отслеживания других кораблей на ранних этапах, сделав несколько промежуточных станций, чтобы сбить со следа других, вроде нас. И вот они нашли нетронутый корабль, а потом еще несколько. По меньшей мере три из них находятся на этой стороне Атлантического океана, где им сложно было до них добраться. Вот этими-то мы и сможем заняться сами...

— А пришельцы не будут ждать, что мы этим займемся?

— Насколько мы смогли выяснить, они не знают, где эти корабли потерпели крушение. То ли с этих ко-

раблей никто не выжил, то ли пассажиры и экипаж пересели на спасательные шлюпки, пока корабль был еще в космосе. Они, может, никогда бы и не узнали о деятельности русских, если бы ты не запустил коммуникатор на том потерянном корабле.

Росс сразу же почувствовал себя маленьким мальчиком, которому до смерти нужно оправдаться за ребяческую проделку.

— Я не хотел. — Это оправдание прозвучало так не к месту, что он рассмеялся; Эш только усмехнулся ему в ответ.

— Учитывая то, что твой поступок воткнул очень острую спицу в колесо противника, ты прощен. В любом случае благодаря тебе мы получили неплохое представление о том, какие проблемы у нас могут возникнуть с пришельцами, и в следующий раз мы к ним будем готовы.

— Так будет следующий раз?

— Мы созываем всех агентов по перемещению во времени, концентрируем силы в нужном временном периоде. Да, следующий раз будет. Мы должны получить то, что они так яростно пытаются защитить.

— А по-вашему, это что?

— Космос! — Эш произнес слово медленно, как будто смакуя содержащуюся в нем перспективу.

— Космос?

— Тот корабль, который ты исследовал, был остатком галактического флота, но это был корабль, и в нем использовались принципы космического полета. Теперь понимаешь? В этих потерянных кораблях скрыт секрет, который проложит нам путь ко всем звездам. Мы должны попытаться.

— А мы сможем?

— *Мы?* — Глаза Эша снова смеялись над Россом, хотя выражение лица оставалось серьезным. — Ты все еще хочешь в этом участвовать?

Росс снова взглянул на свою перевязанную руку, и в его памяти пронеслось многое: побережье Британии туманным утром, возбуждение от изучения корабля пришельцев, битва с Еннармом, долгий кошмар путешествия вниз по реке и, наконец, ликование, которое он испытал, когда, столкнувшись с пришельцами, заблокировал волю и смог удержаться. Он знал, что не может... что не отдаст то, что он нашел для проекта, пока это будет в его силах.

— Да. — Это был очень простой ответ, но, когда его глаза встретились с глазами Эша, он знал, что это серьезнее, чем самая торжественная клятва.

**БРОШЕННЫЙ
КОРАБЛЬ**

Глава 1

Жарко, сегодня будет очень жаркий день. Пожалуй, лучше отыскать ручей в зарослях, пока солнце еще не прокалило землю. Это единственный источник воды на всей пропеченной сковородке из скал.

Тревис Фокс наклонился вперед в седле, всматриваясь в розоватую полосу пустыни между ним и далекой линией зеленого можжевельника и полыни; там начало зарослей, в которых ручей. Эта пустыня недоступна для тех, кто не привык к ее суровости.

И время здесь застыло, среди этих одноцветных скал и земли; вероятно, это единственное такое место на земле. Повсюду пустыни обводнены, усилиями людей в них пришла морская вода, очищенная от соли. Современные фермы превратили древние песчаные барханы в туманные воспоминания. Человечество перестало зависеть от капризов погоды и климата. Но здесь пустыня лежит нетронутой: владеющая ею нация настолько богата, что может позволить себе не возделывать всю территорию.

Когда-нибудь и эта местность изменится, и все прошлое таких людей, как Тревис Фокс, исчезнет. Уже пятьсот лет, а может, и тысячу — никто не знает, когда на этой территории появились первые племена апачей, — в этих каньонах и песчаных просторах, в долинах и плоскогорьях живут суровые, привыкшие к диким

просторам, закаленные люди, и живут там, где не выдержал бы никакой другой народ без привозных припасов. Его предки почти четыреста лет воевали здесь. И теперь их потомки здесь же с такой же одержимостью пытаются выжить.

Ручей в зарослях... Смуглыми пальцами Тревис перебирал зарубки на седле, считая годы. Девятнадцать... двадцать... Двадцатый год после последней большой засухи, и если Чато прав, вода и здесь может иссякнуть. А ведь старик верно предсказал необычайно засушливое лето.

Если Тревис поедет туда и обнаружит, что ручей пересох, он потеряет почти целый день, а время очень важно. Необходимо перевести стадо к воде. С другой стороны, если он отправится в каньон Хохокам всего лишь из-за слуха и ошибется, Велан будет иметь полное право назвать его дураком. Велан упорно отказывается доверять знаниям стариков. И в этом его брат сам дурак.

Тревис негромко рассмеялся. Белоглазые — он сознательно использовал старое воинское обозначение традиционного врага, произнес его вслух: «Пинда-лик-о-йи», — белоглазые всего не знают. И только некоторые из них готовы с этим согласиться.

Потом он снова рассмеялся, на этот раз над собой и своими мыслями. Поскреби скотовода, и под его высушенной солнцем кожей найдешь апача. Но в этом смехе звучала горькая нотка, и Тревис, посылая свою лошадь вперед, ударил ее с большей силой, чем было необходимо. Ему не хотелось продолжать думать все о том же. Поедет в Хохокам и будет сегодня индейцем; особенно испортить он ничего не может: все его мечты и так загублены.

Велан считал, что если будет жить, как белоглазые, откажется от всего старого, то получит преимущества

белых. Велану казалось, что в прошлом нет ничего хорошего, и даже мысли о древних, об их делах и жизни — пустая трата времени. Тревис обнаружил, что его разочарование так же свежо, как и год назад.

Пегая лошадь пробиралась между булыжниками по руслу высохшего ручья. Странно, что в такой сухой местности в прошлом было много рек. Сохранились мили древних ирригационных канав на сухой поверхности, которая столетиями не знала дождей. Тревис заставил коня подняться по крутому склону и направился на запад, чувствуя, как солнце жжет кожу сквозь тонкую выцветшую рубашку.

Он сомневался, слышал ли вообще Велан о каньоне Хохокам. Это одно из тех мест, о которых знают только старики, такие, как Чато. Теперь есть два типа апачей: Чато и Велан. Чато отрицает существование белоглазых, он живет собственной жизнью за ставнями, которыми отгородил себя от остального мира, мира белых. А Велан отрицает существование апачей и изо всех сил стремится стать белым.

Тревису однажды показалось, что он нашел третий путь, что можно совместить знания белых с преданиями апачей. Он считал, что нашел тех, кто с ним согласен. Но все это ушло, быстро, как тает капля воды на раскаленной поверхности скалы. Теперь он склонен согласиться с Чато, и, зная это, Чато щедро делится с ним знаниями. Даже Велан не знает этого о своих землях.

Отцу Чато — Тревис снова начал считать годы по зарубкам на седле — отцу Чато было бы сейчас сто двадцать лет, если бы он жил! И он родился в долине Хохокама, когда его семья скрывалась там от солдат в синих мундирах.

Чато помнил об этом каньоне и показал его Тревису, когда тот еще был так мал, что едва мог сжать бока лошади короткими ногами. И все эти годы Тревис

снова и снова возвращался сюда. Пещеры Хохокама интересовали его, а ручей здесь никогда не пересыхал. Здесь росли сосны со съедобными орехами, а фруктовые деревья все еще приносят плоды. Когда-то это был сад, теперь — тайный оазис.

Тревис пробирался паутиной старых каньонов, тропой, ведомой только старикам, когда услышал гул. Инстинктивно он натянул поводья, зная, что его скрывает тень скалы, и посмотрел в небо.

— Вертолет! — Он произнес это вслух в полном удивлении. Он настолько глубоко погрузился за последние часы в эту лишенную возраста пустынную местность, что вид современной машины вызвал у него шок.

Может, это Велан за ним подглядывает? Тревис сжал губы. Но когда он на рассвете покидал ранчо, Билл Красная Лошадь, внук Чато, чинил двигатель. И вряд ли Велан станет тратить горючее на полеты над пустыней. С угрозой новой войны усилились ограничения на продажу горючего, да и вообще вертолет держали на крайний случай, а ездили верхом.

Угроза войны... Тревис думал о ней, глядя на улетающий вертолет. Сколько он себя помнит, газеты, радио, телевидение пугают войной. Небольшие стычки, постоянное тление конфликта, переговоры и переговоры. И вот несколько месяцев назад в Европе произошло что-то странное — большой взрыв на севере. Красные ничего не объяснили и окутали все покровом тайны, но ходили слухи, что взорвалась бомба нового типа. Возможно, это начало полного разрыва между Востоком и Западом.

И важные шишки, по-видимому, тоже так считают. Повсюду вводятся новые строгости, говорят о грядущих неприятностях. Ограничения на горючее, напряжение в воздухе...

Здесь легко выбросить все это из головы. Пустыня равнодушна к людской суете. Эти скалы стояли здесь до того, как краснокожие люди его расы начали просачиваться сюда с севера. И будут стоять, может, радиоактивные, когда белоглазые сожгут и белых, и краснокожих, и опять здесь не будет людей.

Вид вертолета пробудил воспоминания, которые Тревису не нравились. Машина исчезла в том направлении, куда он двигался, а Тревис продолжал размышлять над ее появлением.

Вторично он вертолет не увидел и потому убедился, что машина не местная. Если бы пилот искал стада, он сделал бы круг. Изыскатели? Но ничего не было слышно о правительственных экспедициях, а за последние пять лет изыскательские работы строго ограничивались.

Тревис отыскал замаскированный поворот в тайный каньон. Лошадь осторожно выбирала путь, а всадник осматривал местность. Никаких следов людей. Тревис щелкнул языком, и лошадь пошла быстрее. Они прошли еще примерно две мили по извивающейся дороге, когда он резко остановил лошадь.

Предупреждением послужил запах, принесенный ветром. Это не пустынный ветер, пахнущий жарой и пылью, ветер донес запах можжевельника. Лошадь заржала и закусила удила — впереди вода. Но впереди и люди.

Тревис слез с седла, прихватив с собой ружье. Если за последний год местность не изменилась, впереди должно быть хорошее укрытие у входа в каньон. Оттуда он сможет незаметно осмотреть лагерь. Потому что до него донеслись запахи лагеря: древесный дым, кофе, жареный бекон.

Подняться к наблюдательному пункту легко. Внизу растут сосны; разогретые солнцем, они пахнут сильнее; щебечут мелкие птицы, занятые своими делами.

Еще ниже зеленая поляна у небольшого пруда, который питается ручьем и в котором отражается голубое небо. Между водой и большой пещерой, в которой жили древние, стоял вертолет. У костра готовил еду человек. Второй пошел к пруду за водой.

Тревис видел, что это не скотоводы с какого-нибудь ранчо. Но на них прочная одежда, приспособленная для открытой местности, и работают они в лагере уверенно и привычно. Он начал рассматривать их снаряжение.

Вертолет новейшей модели. В тени небольшой рощицы спальные мешки. Но никаких инструментов для копания, никаких признаков, что это изыскатели. Вернулся тот, что ходил к пруду, поставил ведро у костра, сел, скрестив ноги, перед большим тюком и принялся разворачивать его, освобождая от брезентового покрытия. Тревис видел, как он развернул коммуникатор новейшего образца.

Радист устанавливал антенны, когда Тревис услышал ржание своей пегой. Древний инстинкт, о котором он и не подозревал, заставил его, все еще стоя на коленях, развернуться и поднять ружье. И увидел он другое оружие, безжалостно и смертоносно нацеленное ему в живот.

А над стволом холодные серые глаза смотрели на него с ледяным спокойствием, которое хуже любых словесных угроз. Тревис считал себя достойным потомком длинного ряда суровых воинов. Но он знал, что ни ему, ни его предкам не приходилось встречаться с таким человеком. И человек этот молод, не старше его самого, угрозе, исходящей от него, не соответствует стройное гибкое тело и юное, почти мальчишеское лицо.

— Брось оружие! — Человек отдал приказ властно, не сомневаясь, что он будет выполнен. Тревис послушался, позволил ружью выпасть из рук и скользнуть по ноге на землю.

— Вставай. Быстрее. Спускайся... — Поток приказов произносился негромко и ровно, и от этого угроза только усиливалась.

Тревис встал, повернулся к спуску и пошел вперед, подняв руки ладонями вверх на уровне плеч. Он не знал, на что наткнулся, но это что-то очень важное — и опасное. В этом он не сомневался.

Человек у костра и тот, что у устройства связи, подняли головы и молча смотрели на него. Он спускался, тормозя на крутом склоне подошвами сапог. Не похожи на белых ранчеров, которых он знает в этом округе. Но тот, что готовил еду...

Тревис смотрел на него, удивленный: он видел этого человека, вернее, его портрет в совсем других обстоятельствах.

— Где ты его нашел, Росс? — спросил связист.

— Лежал вверху и наблюдал, — ответил захвативший Тревиса человек с привычным немногословием.

Готовивший еду встал, вытер руки о тряпку и пошел к ним. Он был самым старшим по возрасту среди незнакомцев, с сильно загоревшей кожей и с голубыми глазами, составлявшими поразительный контраст темной коже. В нем чувствовалась властность, не соответствовавшая занятию, и в глазах Тревиса он сразу превратился в предводителя этой группы. Апач решил, что прием, который он здесь получит, зависит от этого человека. Но почему он все время вспоминает, что видел голову этого повара на фоне черного квадрата?

Незнакомец не торопился расспрашивать, Тревис тоже молчал, отвечая ему взглядом на взгляд. Это опасный человек, в нем та же сдержанная сила, что и в молодом, который захватил индейца на высоте.

— Апач. — Это был не вопрос, а утверждение. Оно позволило Тревису точнее оценивать незнакомца. Мало

кто из современников сможет отличить апача от хопи, определить навахо или ута одним взглядом.

— Ранчер? — Теперь это был вопрос, и Тревис ответил на него правдиво. Он чувствовал растущее убеждение, что скрывать что-нибудь от этого белоглазого бесполезно, только хуже сделаешь.

— Пастух с «Дабл-Эй».

Связист развернул карту. Провел пальцем по ней и кивнул — не Тревису, а спрашивавшему.

— Ближайшее ранчо на восток. Но он не может искать заблудившихся животных в этом районе.

— Вода. — Старший кивнул на пруд. — О ней знали старики.

Это был косвенный вопрос. И Тревис почему-то ответил и на него:

— Старики знали. И не только об этом. — Подбородком он указал на развалины у пещеры. — Здесь жили древние. Эта вода никогда не пересыхает.

— А год нынче плохой. — Незнакомец потер рукой подбородок, по-прежнему разглядывая Тревиса голубыми глазами. — Осложнение, которое мы не предвидели. Значит, на «Дабл-Эй» держат здесь в такие засушливые годы стадо, сынок?

И снова Тревис ответил правду:

— Еще нет. Сейчас об этом месте мало кто знает. Никто не хочет слушать рассказы стариков. — Его по-прежнему мучило воспоминание о лице этого человека. Черный квадрат — рамка! Рамка портрета! А портрет висел в университете над столом доктора Моргана.

— Но ты слушаешь... — Снова взвешивающий взгляд, который словно раздевал апача. Эти глаза будто стремились проникнуть ему в голову. Кабинет доктора Моргана, портрет этого человека, а за ним на фотографии ступенчатая пирамида.

— Да. — Отвечая, Тревис напрягал память, стараясь вспомнить больше.

— Проблема в том, бродяга, — лениво заговорил человек у коммуникатора, — что нам теперь с тобой делать? Как, Эш? Может, уложить его отдыхать? Прямо здесь? — И он указал на руины.

Эш! Доктор Гордон Эш! Наконец он знает имя незнакомца. И одновременно понимает, по какой причине он может здесь находиться. Эш археолог. Но Тревису не нужно было снова смотреть на коммуникатор, чтобы понять, что это совсем не археологическая экспедиция. Что доктор Эш со своими спутниками делает в каньоне Мертвых?

— Можешь опустить руки, сынок, — сказал доктор Эш. — И ты облегчишь свое положение, если согласишься немного времени провести с нами.

— Сколько? — спросил Тревис.

— Зависит от разных обстоятельств, — ответил Эш.

— Я оставил там свою лошадь. Ее нужно напоить.

— Приведи лошадь, Росс.

Тревис повернул голову. Молодой человек спрятал свое странно выглядящее оружие и поднялся по склону. Вскоре он вернулся с пегой. Тревис снял с лошади седло и отпустил ее. Потом вернулся к лагерю, где его ждал Эш.

— Значит, многие знают об этом месте?

Тревис пожал плечами:

— Еще один человек на «Дабл-Эй», он очень стар. Его отец здесь родился. Давно, когда апачи воевали с армией. Больше никто этим не интересуется.

— Значит, раскопок в этих руинах не было?

— Немного — однажды.

— Кто копал?

Тревис откинул свою шляпу.

— Я. — Его ответ прозвучал коротко и враждебно.

— Да? — Эш достал пачку сигарет, протянул Тревису. Тот, не раздумывая, взял одну.

— Вы приехали на раскопки? — в свою очередь спросил он.

— Некоторым образом. — Но когда Эш оглянулся на руины, Тревис подумал, что его интересует что-то более важное, чем эти пропеченные камни.

— Я думал, вы занимаетесь цивилизацией до майя, доктор Эш. — Тревис присел на корточки, достал из костра горящую ветку и прикурил; внутренне он обрадовался удивленному тону археолога.

— Ты меня знаешь! — В этих словах звучал вызов. Тревис покачал головой.

— Я знаю доктора Прентиса Моргана.

— Вот оно что! Ты один из его «умных мальчиков»!

— Нет. — В коротком ответе звучали горечь и предупреждение. Собеседник был достаточно понятлив, чтобы не задавать других вопросов.

— Мясо готово, Эш? — спросил связист. Подошел к костру и молодой человек, которого Эш называл Росс, протянул руку к сковороде. Тревис смотрел на его руку. Множество глубоких шрамов. Индейцу приходилось видеть такие шрамы. Это сильные болезненные ожоги. Он торопливо отвел взгляд. Росс принялся раскладывать еду на тарелки, а Тревис достал из седельного мешка собственное продовольствие.

Ели молча, но молчание казалось дружеским. Напряжение первых минут встречи спало. Тревиса интересовали эти люди, он хотел больше узнать о них, понять, что они здесь делают. Его раздражала легкость, с какой его захватили. Этот молодой Росс — хороший следопыт. У него должен быть опыт в таких играх. Апач хотел поближе взглянуть на его оружие. Он был уверен, что это не обычный револьвер. И тот факт, что Росс готов был им воспользоваться, свидетельствовал, что он ожидал нападения.

Между Эшем и Россом, с одной стороны, и связистом — с другой, есть разница. Чем больше Тревис украдкой поглядывал на них, тем больше убеждался в этом. Эш и Росс — люди другой породы. Оба сильно загорели, у обоих неслышная походка, они постоянно насторожены. Чем больше Тревис смотрел, как они едят, а потом убирают за собой, тем больше убеждался, что они пришли не для раскопок развалин, что они заняты каким-то серьезным и, может быть, опасным делом.

Он не задавал вопросов, дожидаясь от них первого хода. Мир в маленьком лагере нарушил коммуникатор. Послышался предупреждающий треск, и связист подбежал к прибору. Надел наушники и прослушал сообщение.

— Надо поторопиться. Сегодня ночью начнут завозить оборудование!

Глава 2

— Ну? — Взгляд Росса скользнул по Тревису и остановился на Эше.

— Кто-нибудь знает, что ты сюда поехал? — спросил старший у всадника с ранчо.

— Я поехал проверять источники воды. Если не вернусь на ранчо, меня будут искать, да. — Тревис не считал необходимым сообщать подробности. Во-первых, Велан не встревожится, даже если он не вернется и через двадцать четыре часа, во-вторых, предполагается, что он поехал на юг.

— Ты говоришь, что знаешь Прентиса Моргана. Насколько хорошо?

— Я учился у него в университете — какое-то время.

— Как тебя зовут?

— Фокс. Тревис Фокс.

Вмешался связист, снова сверившийся с картой:

— «Дабл-Эй» принадлежит Фоксу...

— Мой брат. Я у него работаю, только и всего.

— Грант, — повернулся Эш к связисту, — поставьте пометку «срочно» и отправьте Келгариесу. Пусть проверит Фокса — во всех отношениях.

— Мы можем отправить его, когда прибудет первый груз, шеф. Его продержат в штабе столько, сколько вам нужно, — заметил Росс, как будто Тревис перестал быть человеком и превратился всего лишь в раздражающую помеху.

Эш покачал головой.

— Послушай, Фокс, мы не хотим тебе зла. Тебе просто не повезло, что ты нас сегодня выследил. Откровенно говоря, мы не должны привлекать внимание к своей деятельности. Но если ты дашь мне слово, что не будешь уходить дальше этого холма, пока мы на этом кончим.

Тревису меньше всего хотелось уходить. Любопытство его было возбуждено, и он не собирался уходить, пока его не утащат. А это, решил он, сделать им будет нелегко.

— Договорились.

Но Эша уже интересовало другое.

— Ты говоришь, что немного раскапывал здесь. И что нашел?

— Обычные находки: керамика, несколько наконечников стрел. Это поселок времен до Колумба. В горах множество таких развалин.

— А вы чего ожидали, шеф? — спросил Росс.

— Ну, есть небольшой шанс, — неопределенно ответил Эш. — Этот климат способствует сохранности. Мы нашли ведра, ткани, другие непрочные вещи...

— Ну, кости и ведра — это не то, что нам нужно. — Росс прижал обожженную руку к груди и задумчиво потер шрамы, словно рана все еще болела. —

Лучше начнем готовить огни, если парни собираются появиться сегодня.

Пегая паслась в центре луга, а Росс и Эш расставили на равных интервалах два ряда небольших пластиковых канистр. Тревис догадался, что они готовят посадочную полосу. Но она вдвое больше, чем нужна для такого вертолета. Потом Эш прислонился спиной к дереву, просматривая заметки в своей разбухшей записной книжке, а Росс принес войлочный сверток и развернул его.

Внутри оказались пять каменных наконечников прекрасной работы, слишком длинных для стрел. Тревис узнал их форму, рисунок этих заостренных краев! Работа искусней, чем у его предков, и в то же время гораздо древнее. Он держал такие в руках, восхищался искусством и терпением, с каким забытый мастер скалывал их края. Наконечники Фолсома! Они предназначались для копий, которыми человек охотился на мамонтов, гигантских бизонов, пещерных медведей и аляскинских львов.

— Фолсомский человек здесь? — Он увидел, как Росс взглянул на него, Эш оторвался от записной книжки.

Росс протянул один наконечник Тревису. Тот осторожно взял его. Головка превосходной работы. Он повертел ее в пальцах и остановился, сам не зная почему.

— Подделка.

Уверен ли он? Ему приходилось держать наконечники Фолсома, бесспорно, древние, но так же превосходно сохранившиеся. Но — тут нет ощущения подлинности. Другого объяснения у него не было.

— Почему ты так считаешь? — спросил Эш.

— Вот этот получил сертификат Стеффердса. — Росс протянул ему второй наконечник. Но Тревис, несмотря на мнение крупнейшего авторитета по доисторической Америке, не усомнился в своей оценке.

— Нет ощущения правильности.

Эш кивнул Россу, и тот дал Тревису третий наконечник. Внешне он ничем не отличался от предыдущих. Но, проведя пальцем по острому краю, Тревис понял, что это не подделка. Подлинник. Он так и сказал.

— Ну-ну. — Росс изучал свой запас наконечников. — Появляется что-то новое, — сообщил он в пустое пространство перед собой.

— Такое случалось и раньше, — сказал Эш. — Дай ему свое оружие.

На мгновение показалось, что Росс откажется. Он нахмурился, доставая оружие. Апач, осторожно положив наконечники, взял оружие и принялся внимательно рассматривать его. Хотя внешне оно напоминало револьвер, но было много отличий. Оружие Тревису было совершенно не знакомо. Он прицелился в деревянный ствол и почувствовал, что рукоять неудобная, как будто предназначалась для руки с другим устройством.

И чем дольше он держал оружие, тем яснее чувствовал что-то странное. И это ощущение ему не нравилось...

Тревис положил оружие рядом с наконечником, глядя на них широко раскрытыми удивленными глазами. У него сложилось ощущение древности, большого промежутка времени, отделяющего его от этих двух таких разных орудий. Относительно наконечника Фолсома это правильно. Но почему такое же ощущение относительно револьвера? Он привык полагаться на свои ощущения, неудача его смутила.

— Каков возраст пистолета? — спросил Эш.

— Не может быть... — Здравый смысл Тревиса протестовал. — Не могу поверить, что он такой древний... древнее этого наконечника.

— Братец! — Росс разглядывал его со странным выражением. — Да тебе выступать нужно! — Он вернул

пистолет в кобуру. — И так, у нас есть отгадчик возраста, шеф.

— Такие способности известны, — с отсутствующим видом заметил Эш. — Я встречался с ними и раньше.

— Но пистолет не может быть таким древним! — возразил Тревис. Левая бровь Росса сардонически приподнялась.

— Это ты так считаешь, братец, — сказал он. — Новобранец? — Это было адресовано Эшу. Тот хмурился, но на вопрос Росса ответил улыбкой, такой теплой, что Тревис почувствовал себя неудобно. Улыбка свидетельствовала, что эти двое составляют хорошо сработавшуюся команду, а все остальные из нее исключаются.

— Не торопись, мальчик. — Эш встал и направился к коммуникатору. — Есть ли новости с фронта?

— Сплошной треск, — фыркнул связист. — Как только отсортирую одну интерферирующую волну, вмешивается другая. Может, когда-нибудь сделают эти урки-токи надежными, чтобы не болели барабанные перепонки. Нет, для нас пока ничего.

Тревис хотел задать вопросы, множество вопросов. Но был уверен, что на большинство получит уклончивые ответы. Он попытался в уме согласовать этот странный пистолет со множеством догадок, предположений и намеков — и не смог. Но тут же забыл об этом, когда Эш сел и заговорил об археологии. Вначале Тревис только слушал, потом обнаружил, что все больше и больше втягивается в разговор, отвечает, высказывает мнение, один или два раза даже возразил. Предания апачей, руины в горах, люди Фолсома — разговор затрагивал многие темы. И только когда Тревис начал говорить свободно, со страстью человека, который долго молчал, он вдруг понял, что Эш проверяет его осведомленность в этой области.

— Тяжело они жили, — заметил Росс, когда Тревис закончил рассказ о жизни апачей в этом лагере в прошлом.

— Для тебя это хорошо, — сказал со смехом Грант, но тут же надел наушники. Коммутатор ожил. Грант одной рукой положил на колени блокнот и принялся быстро записывать.

Тревис разглядывал тени утесов. Скоро закат, и его все больше охватывало нетерпение. Все равно что в театре ждешь поднятия занавеса — или ждешь из-за поворота врага, лежа с ружьем в руках.

Эш взял у Гранта исписанную страничку, сверился с записями в собственной книжке. Росс, внешне совершенно спокойный и даже сонный, жевал длинную травинку. Но Тревис подозревал, что стоит ему сделать неверный шаг, и Росс тут же оживет.

— Знаешь, когда-то тут жило много людей, — лениво заметил Росс. — Вот эти развалины похожи на настоящий большой жилой дом. В нем могло жить человек двести. Как они жили? Ведь это маленькая долина.

— К северо-западу есть другая долина. Там еще сохранились ирригационные каналы, — ответил Тревис. — И охотились. Индейки, олени, антилопы, даже буйвол, если повезет.

— Если бы человек смог заглянуть в прошлое, он многое мог бы узнать...

— Ты имеешь в виду инфракрасный видеотех? — небрежно спросил Тревис и с удовлетворением заметил, что невозмутимость покинула его собеседника. Он рассмеялся, не особенно весело. — Мы, индейцы, больше не ходим в одеялах и не носим перья в прическе. Некоторые из нас умеют читать, смотрят телевидение и даже ходят в школы. Но я слышал, что видеотех работает не очень надежно. — Он решил высказать догадку. — Хотите испытать новый образец?

— В каком-то смысле — да.

Тревис не ожидал такого серьезного ответа. Ответил ему Эш, к явному удивлению Росса. Его ответ открывал поразительные возможности.

Фотографирование прошлого в инфракрасных лучах, начиная с глубины в несколько часов, — такие опыты начались еще лет двадцать назад, в конце пятидесятых. Процесс постепенно усовершенствовали, и на пленке появлялись предметы, убранные с этого места несколько недель назад. Однажды Тревис присутствовал при демонстрации экспериментального видеотеха в кабинете доктора Моргана. Если у этих людей новая модель, которая действительно может заглянуть в прошлое!.. Он перевел дыхание и взглянул на развалины у входа в пещеру. Неужели можно будет увидеть жизнь прошлого? Он улыбнулся.

— Пришлось бы торопливо переписывать историю, если бы получилось.

— Историю, какой мы ее знаем. — Эш достал сигареты и протянул. — Сынок, хочешь или нет, ты теперь часть этого. Мы не можем отпустить тебя, положение слишком напряженное. Итак — тебе предлагается возможность участвовать.

— В чем? — осторожно спросил Тревис.

— В проекте «Фолсом-Один». — Эш закурил. — Штаб тебя проверил. Я склонен считать, что тебя послало само провидение. Все совпадает.

— Слишком хорошо совпадает. — Росс хмурился.

— Нет, — ответил Эш. — Он говорит правду. Наши люди побывали на «Дабл-Эй» и у Моргана. Он не может быть подставкой.

Что за подставка, удивился Тревис. Очевидно, его проверяли, но почему? Для чего? Он решительно спросил об этом и подумал, что ослышался, когда Эш ответил:

— Мы увидим мир охотников Фолсома.

— Это трудная задача, доктор Эш. Нужно иметь очень хороший видеотех, чтобы заглянуть на десять тысяч лет в прошлое.

— Вероятно, еще дальше, — поправил его Эш. — Мы пока точно не знаем.

— А почему секретность? Картина бродячего первобытного племени очень заинтересовала бы телевидение и газетчиков...

— Нас интересует кое-что другое. Не первобытные племена.

— То, откуда этот пистолет, — согласился Росс. Он снова потирал шрамы на руке, и в глазах его было то же мрачное выражение, которое Тревис видел на верху каньона. Так смотрит боец, когда идет в бой.

— Пока тебе придется поверить на слово, — сказал Эш. — Дело необычное и по необходимости совершенно секретное, если пользоваться современным штампом.

Они поужинали, и Тревис перевел свою пегую в узкий конец каньона, подальше от импровизированного летного поля. Уже стемнело, когда сел первый грузовой вертолет. И скоро Тревис оказался в линии людей, передававших друг другу мешки и ящики от машины к маленькой роще. Работали торопливо, ясно было, что времени у них немного, и Тревис обнаружил, что заразился общей торопливостью. Первую машину разгрузили, она взлетела, и тут же села вторая. Снова образовалась цепь, на этот раз выносили более тяжелые ящики. Приходилось их носить вдвоем.

Когда улетел четвертый вертолет, спина у Тревиса болела, а на руках образовались волдыри. К их группе присоединилось еще четверо, по одному с каждого рейса, но никто не разговаривал. Все занимались разгрузкой и складыванием материалов. После отлета

четвертого вертолета наступила передышка. К Тревису подошел Эш в сопровождении еще одного человека.

— Вот он. — Эш положил руку на плечо Тревису, поворачивая его лицом к вновь прибывшему.

Этот человек выше Эша, и невозможно было не увидеть его властности, привычки распоряжаться. Он посмотрел прямо в глаза индейцу. Но после недолгого разглядывания улыбнулся.

— Вы для нас серьезная проблема, Фокс.

— Или недостающая деталь, — поправил Эш. — Фокс, это майор Келгариес, в настоящее время наш командир.

— Поговорим позже, — сказал Келгариес. — Сегодня мы все заняты.

— Очистить поле! — крикнул кто-то от линии огня. — Садится!

Они отошли от места посадки пятого вертолета, а затем работа началась снова. Как заметил Тревис, майор встал в линию с остальными. Начали перетаскивать ящики, и стало не до разговоров.

Семь или восемь рейсов? Тревис старался подсчитать, сгибая негнущиеся пальцы. Еще стояла ночь, но посадочные огни погасили. Все работавшие сидели теперь у костра, пили кофе и пожирали сэндвичи, доставленные с последним вертолетом. Почти никто не разговаривал, и Тревис понимал, что все устали, как и он.

— Пора спать, братец. Лягу с радостью! — сказал Росс, зевая. — Тебе что-нибудь нужно? Одеяла или еще что?

Отупев от усталости, Тревис покачал головой.

— У меня с собой спальный мешок. — И, не успев вытянуться в мешке, тут же уснул.

При свете утра лагерь казался беспорядочным. Но люди уже работали, разбирая грузы. Похоже, они не

раз занимались этим делом. Тревис, помогая переместить большой ящик, поднял голову и увидел майора.

— На минутку, Фокс. — Майор отвел его в сторону. — Вы попали в переделку и доставили нам затруднения. Откровенно говоря, мы не можем отпустить вас — не только ради нас, но и ради вас самих. Проект совершенно секретный, и есть крутые ребята, которые вас отыщут и вытянут все, что вы знаете. Так что либо мы берем вас с собой — либо прячем. Вам решать. Доктор Морган за вас поручился.

Тревис напрягся. Что они узнали? В животе у него застыл тугой комок. Если они расспрашивали Прентиса Моргана, то должны знать, что произошло в прошлом году — и почему. Очевидно, они знают, потому что Келгариес продолжал:

— Фокс, мы не можем позволить себе предубеждения. Это в прошлом. Я знаю о предложении Хьюитта университету и как он настоял, чтобы вас отчислили из состава экспедиции. Но предубеждения бывают обоюдосторонними — вы не очень сопротивлялись.

Тревис пожал плечами:

— Может, вы слышали термин «гражданин второго сорта», майор? Кем, вы думаете, считают индейцев многие граждане этой страны? Для толпы мы были и всегда будем грязными невежественными дикарями. Невозможно сражаться, когда все оружие у противника. Хьюитт предложил университету грант для очень важного исследования. И когда он потребовал, чтобы меня уволили, что оставалось делать? Если бы доктор Морган отстаивал меня, Хьюитт отобрал бы чек так быстро, что от трения бумага бы вспыхнула. Я знаю Хьюитта и знаю, как он рассуждает. А работа доктора Моргана очень важна... — Тревис замолчал. Чего ради он все это говорит майору? Не дело Келгариеса, почему он ушел из университета и вернулся на ранчо.

— К счастью, таких, как Хьюитт, осталось немного. И уверяю вас, мы его методами не пользуемся. Если согласитесь присоединиться к нам после короткого инструктажа Эша, вы член нашей команды. Боже, парень... — майор яростно хлопнул рукой по грязным брюкам, — да мне все равно, даже если со мной работает синий марсианин с двумя головами и четырьмя ртами! Лишь бы держал эти рты на запоре и справлялся с работой. Здесь в счет идет только работа, а судя по словам Моргана, вы нам будете полезны. Принимайте решение и дайте мне знать. Если не хотите участвовать в игре, ночью мы вас отправим. Вашему брату скажем, что вас взяли для выполнения специального задания, и какое-то время будем вас держать. Простите, но у нас нет другого выхода.

Тревис улыбнулся. Он считал, что сумел бы уйти, если бы захотел. Но решил еще порасспросить майора.

— Эта экспедиция к людям Фолсома... — начал он, но майор уже отвернулся и, по-видимому, не слышал. Тревис пошел за ним и вскоре наткнулся на Эша.

Тот собирал какой-то треножник. Работал так, словно имеет дело с очень хрупким материалом. Когда тень Тревиса упала на треножник, Эш поднял голову.

— Решил присоединиться к нам, чтобы заглянуть в прошлое?

— Неужели вы серьезно намерены это сделать?

— Мы не просто заглянем. — Эш осторожно регулировал прибор. — Мы там уже были.

Тревис недоверчиво смотрел на него. Он мог принять факт существования нового усовершенствованного визиотеха, с помощью которого можно заглянуть в историю и доисторию. Но путешествия во времени — это нечто совершенно иное.

— Это правда. — Эш закончил наладку. И его внимание перешло с треножника на Тревиса. Что-то в нем заставляло поверить в его слова. — И мы снова возвращаемся в прошлое.

— За людьми Фолсома? — недоверчиво спросил апача.

— За космическим кораблем.

Глава 3

Это не сон, пусть даже очень реалистичный. Перед ним Эш, он продолжает работать, его пальцы заняты, смуглое лицо выделяется на фоне красно-желтой скалы и развалин. Это здесь, теперь — и в то же время Эш серьезно, в подробностях говорит о том, что можно считать только дичайшей фантазией.

— ...так мы обнаружили, что красные открыли путешествие во времени и рыщут в прошлом. То, что они добывали, нельзя было объяснить ни логикой, ни нашими знаниями истории и доисторических времен. Но мы тогда не знали, что они нашли остатки космического корабля в очень плохой сохранности. Он находился во льду Сибири вместе с замороженным телом мамонта и другими предметами, позволявшими определить эпоху исследования. Они, как могли, запутали след, создавая промежуточные станции в других эпохах. А потом мы натолкнулись на одну из таких промежуточных станций. И красные сами, захватив наших агентов, показали им корабль, который грабили за много тысяч лет до этого.

Логичный рассказ — с какой-то безумной логикой. Тревис механически подавал Эшу инструменты.

— Но как попал туда корабль? — спросил он. — Неужели на Земле существовала ранняя цивилизация, способная к космическим перелетам?

— И мы так думали — пока не обнаружили сам корабль. Нет, он извне. Грузовой корабль с какого-то галактического рейса. Либо наша планета представляла собой угрозу для астронавтики, как какой-нибудь риф в космосе, либо корабль совершил вынужденную посадку по другой причине. Мы принесли со станции красных запись, в ней указан десяток таких брошенных кораблей. И некоторые из них по эту сторону Атлантики.

— Вы хотите выкопать один из них здесь?

Эш рассмеялся.

— И что же мы найдем, по-твоему, после пятнадцати тысяч лет землетрясений и местной вулканической активности? Нам нужен корабль в хорошем состоянии.

— Чтобы изучить его?

— С осторожностью. Если спросишь Росса Мердока, он объяснит тебе причину осторожности. Он тот самый агент, который побывал на борту корабля, разграбленного красными. Когда его загнали в рубку управления, он случайно привел в действие систему связи и вызвал настоящих хозяев. Они остались недовольны красными, уничтожили их базу на своем временном уровне, потом прошли через другие станции, уничтожая каждую. Помнишь взрыв, о котором умалчивали красные? В районе Балтики в начале этого года? Это «космический патруль», или как он еще себя называет, положивший конец проекту красных. Пока, насколько мы знаем, они о нас не подзревают и не знают, что нас интересует то же самое. Так что если мы отыщем здесь их корабль, то будем по его коридорам ходить тихо.

— Вам нужен груз?

— Отчасти. Но главным образом нам нужны знания, которые были у его конструкторов. Ключ к космосу.

Тревис почувствовал восторг и возбуждение. Человечество уже два поколения стремится в космос. Пока было мало успехов и множество неудач. А теперь — что

такое успешный полет к безжизненной Луне по сравнению со звездами и тем, что за ними?

Эш, понимая его переживания, улыбнулся.

— Ты тоже это чувствуешь, верно?

Апач кивнул, глядя на каньон, стараясь поверить, что где-то здесь, затерявшись во времени, их ждет космический корабль. Но он даже представить себе не мог, как выглядела эта местность в плювиальный период. Когда большую часть года шел дождь, и здесь, у оконечности могучих ледников, уходящих далеко на север, все превратилось в огромное болото.

— Но при чем тут наконечники Фолсома? — Он выбрал для начала один из поразивших его фактов.

— Мы посылали в прошлое агентов, замаскированных под предков кельтов, под татар или их отдаленных предшественников, под торговцев Бронзового века — всего не менее полусотни характерных обликов. А теперь у нас есть вероятность встретить копейщиков фолсомского периода. Одно из самых главных и важнейших правил этой игры, Фокс, в том, что нельзя вмешиваться в прошлое, привнося туда модернизм. Никто не должен подозревать истинную временную принадлежность наших агентов. Мы не знаем, что произойдет, если кто-то вмешается в ход истории, и надеемся, что нам не придется узнать это на собственном горьком опыте.

— Охотники, — медленно сказал Тревис, едва ли слыша сам себя. — Мамонт, мастодонты, верблюды, волки плейстоцена, саблезубые тигры...

— А почему тебя это интересует?

— Почему? — повторил Треверс и помолчал, обдумывая причину. Почему в ответ на рассказ Эша об агентах, замаскированных под доисторических охотников, он вдруг увидел эту местность, населенную животными, на которых никогда не охотилось его племя?

Или охотилось? Может быть, фолсомские охотники, его отдаленные предки, как докельты и народ колоколовидных кубков, упомянутые Эшем, предки самого Эша? Он только знал, что испытал внезапный прилив возбуждения, и оно не покидает его. В нем загорелось желание увидеть своими глазами то, что его современникам известно только по противоречивым свидетельствам камней, кремневых наконечников, разбитых костей, древних углей давно погасших костров.

— Мои предки были охотниками, когда ваши уже избрали другой образ жизни, — сказал он, выбрав лучший ответ.

— Верно. — В тоне Эша звучало удовлетворение. — А теперь дай мне тот стержень. — Он продолжал работу, а Тревис несколько озадаченно помогал ему. Апач знал, что сделал выбор, о котором говорил Келгариес, что он собирается принять участие в этом невероятном приключении.

В последующие два дня он понял, что они действительно работают в спешке и времени у них нет. Никто не потрудился объяснить ему, чем вызвана эта спешка: то ли угрозой извне страны, то ли боязнью изменения политики дома. Но Тревис согласен был не расспрашивать об этом. Гораздо интереснее работать с Россом Мердоком. Они подбирали подходящие древки для псевдофолсомовских наконечников и упражнялись в метании копий. В конце концов им удалось создать эффективное оружие. Семифутовое копье с помощью специального двухфутового древка можно было метнуть на сто пятьдесят ярдов, и Тревис понял, что в ближнем бою это страшное оружие. Неудивительно, что с таким оружием группа охотников решалась нападать на мамонтов и других крупных млекопитающих этого периода.

В дополнение к копьям у них будут кремневые ножи, двойники тех, что во множестве находят в древних стоянках по всей западной части Америки. Тревис не знал, почему он так уверен, что ему придется действительно играть роль доисторического охотника и пускать в ход эти копья и ножи. И тем не менее он в этом не сомневался. Он узнал от Росса, что остальная часть снаряжения агентов во времени не появится на базе, пока эксперты не проверят ее.

На третий день Келгарис и Эш улетели на предельно нагруженном вертолете. Они отсутствовали почти неделю и когда вернулись, отправили куда-то ленты для изучения. Эш в тот вечер присоединился к Тревису и Россу. Он с усталым удовольствием лег у костра.

— Попали в точку? — спросил Росс.

Шеф кивнул. Под глазами у него были темные пятна, лицо осунулось.

— Корабль на месте. И мы обнаружили охотников на краю этой территории. Но думаю, мы можем действовать по первому плану. Племя небольшое, а других, по-видимому, нет. Наша догадка, что этот район был слабо населен, подтвердилась. Нам совсем не нужно связываться с племенем, будем просто бродячими охотниками.

— А машина для перехода?

Эш взглянул на часы.

— Харви и Логвуд собирают новую. Я дал им сорок восемь часов. Сегодня вечером доставят дополнительные источники энергии. И тогда пойдут разведчики. Для более тщательной подготовки нет времени. Основная рабочая команда пройдет, когда разведчики дадут добро. Сейчас в штабе анализируют наши фильмы. Остальное оборудование доставят как можно скорее.

Тревис пошевелился. Кто будет участвовать в первой разведке далекого прошлого? Он хотел спросить,

надеялся, что и он будет в числе первых. Но то, что произошло год назад, что спутало все его планы на будущее, заставило и сейчас промолчать. Этот важный вопрос задал Росс.

— Кто пойдет первым, шеф?

— Ты.. я... раз уж мы здесь, на месте. Наш новый друг, если захочет.

— Вы серьезно? — медленно спросил Тревис.

Эш протянул руку к чашке кофе.

— Фокс, если обещаешь, что не будешь проверять свое вооружение на первом подвернувшемся мамонте, можешь идти. Потому что ты местный. Может, приспособишься лучше нас. Подготовка к путешествиям во времени занимает долгие недели. Можешь спросить у Росса: он тебе расскажет, что это такое. Но сейчас у нас этих недель нет. Есть только дни, и с каждым восходом их становится все меньше. Поэтому мы с Россом готовы принять тебя в команду. Но запомни: я твой начальник, все приказы от меня. И главное правило: прежде всего работа! Мы будем держаться подальше от туземцев и постараемся ни во что не вмешиваться. Единственная причина нашего выхода — надо убедиться, что нашим техникам никто не помешает работать в корабле. И это может оказаться нелегкой задачей.

— Почему? — спросил Росс.

— Потому что у этого корабля была не такая благополучная посадка, как у того, который грабили красные. Согласно фильмам, которые мы сняли, это было настоящее крушение. Может, придется вообще его оставить и переправиться к номеру два в нашем списке. Но если мы сделаем хоть одну стоящую находку на борту этого корабля, мы опровергнем все возражения комитета и получим разрешение на дальнейшую работу.

— Может, пригласим с собой кого из комитета? — заметил Росс.

Эш улыбнулся.

— Хочешь потерять работу, парень? Дай им осмотреться в местах, где мы уже побывали, и они быстро свернут все работы.

И вот три дня спустя в углу каньона солнце ярко освещало троих работающих. За ними через верхнюю часть бифокальных очков внимательно наблюдал маленький аккуратный человек и время от времени сухим тоном делал критические замечания. Раздевшись, они принялись втирать в кожу крем, который дал им инструктор. И вот под действием этого крема их загорелая кожа приобрела жесткость и серо-коричневый оттенок, как у людей, которые в любую погоду почти не знают одежды.

Росса и Эша снабдили контактными линзами, и теперь глаза у них были такие же темные, как у Тревиса. Коротко подстриженные волосы скрылись под париком; пряди жестких черных волос падали им на плечи и спускались лошадиным хвостом между лопатками.

Потом каждый по очереди лежал на спине, а специалист по косметике, сверяясь со снимками, наносил на грудь, руки, подбородки и щеки сложную татуировку. Тревис, подвергаясь этой обработке, рассматривал Эша, уже готовый продукт. Если бы он сам не видел все ступени этого перехода, то ни за что не заподозрил бы в этом дикаре доктора Гордона Эша.

— Рад, что нам все же разрешили сандалии, — заметил этот дикарь, затягивая ремни своей грубо обработанной шкуры — что-то среднее между набедренной повязкой и шотландской юбкой-килтом.

Росс только что сунул ноги в такую же примитивную обувь.

— Надеюсь, они останутся на ногах, если придется бежать, шеф, — сказал он, с сомнением разглядывая сандалии.

Наконец они встали в ряд для окончательного осмотра гримером и Келгариесом. Майор принес несколько меховых шкур. Он бросил их своим переодетым агентам во времени.

— Держите. Там холодно. Ну, ладно, вертолет ждет.

Тревис надел на плечо ремень кожаной сумки и подобрал три копы с псевдофолсомовскими наконечниками. Все трое были вооружены одинаково, у всех кожаные мешки-сумки.

Вертолет поднялся, полетел в сторону от каньона Хохокам над пустыней и высадил их у тщательно замаскированной установки. Келгариес отдавал Эшу последние указания.

— Пробудете там день, в крайнем случае два. Сделайте круг примерно в пять миль, если сможете. Остальное решайте на месте.

Эш кивнул.

— Сделаем. Дадим знак, как только все будет чисто. — В замаскированном сооружении оказалась груда материалов и какая-то клетка без крыши. Трое агентов набились в нее, клетка закрылась, и их тела охватило сияние. Тревис почувствовал какое-то напряжение в костях и мышцах, потом на мгновение его охватила паника, показалось, что его выворачивает наизнанку. Но он удержался на ногах, опираясь на копые. Секунда-две полной тьмы. И вот он снова может дышать. Тревис встряхнулся, словно вышел из глубокой реки. Окруженные точками губы Росса изогнулись, он поднял вверх большой палец руки в шрамах.

— Прибыли...

Насколько мог судить Тревис, они по-прежнему в клетке. Но когда Эш открыл дверь, они увидели не горы ящиков, а груду камней. Выйдя на эти камни вслед за товарищами, апач оказался совсем в другом мире.

Исчезла пустыня с ее обожженными солнцем скалами. Впереди, до линии невысоких холмов, уходила жесткая трава, по колено, даже по пояс высотой. Эта трава обрывалась у озера, которое тянулось на север и скрывалось за горизонтом. Тревис видел кусты и группы невысоких деревьев. И очень далеко, так что невозможно было определить вид, двигались какие-то темные фигуры — пасущиеся животные.

Светит солнце, но ледяной ветер хлещет по обнаженному на три четверти телу. Тревис натянул кожу на плечи и увидел, что товарищи сделали то же самое. Воздух не только холодный, но и влажный. И ветер доносит острые запахи, которые Тревис не узнает. Этот мир такой же суровый и жесткий, как его, но совсем по-другому.

Эш наклонился и откинул один из камней. Под ним лежал небольшой ящик. Из сумки он достал три маленькие круглые пуговицы и дал по одной своим молодым спутникам.

— Вставьте в левое ухо, — приказал он и сам поступил так же. Потом нажал кнопку на боку ящика. И сразу послышалось негромкое гудение. — Это сигнал для возвращения домой. Действует как радар. По нему сможете вернуться сюда.

— А это что?

На севере виднелся столб дыма, разносимого ветром. Вряд ли это лесной пожар, решил Тревис, но все равно какой-то большой огонь.

Эш небрежно взглянул в ту сторону.

— Вулкан, — ответил он. — Эта часть земной поверхности еще не успокоилась. Пойдем на северо-запад, обогнем озеро и наткнемся на корабль. — И он пошел уверенной походкой, которая подсказала Тревису, что агент во времени не раз бывал в роли первобытного охотника.

Трава шуршала, оставляя на голых ногах и бедрах капли холодной влаги. Тревис решил, что незадолго до их появления шел дождь. По виду собиравшихся на востоке туч ясно было, что вскоре он пойдет снова.

По мере того как они удалялись от холма, у подножия которого осталась машина времени, гудение в ушах становилось слабее. Его тон менялся, когда Эш огибал конец озера. Роскошная трава росла и здесь: настоящее царство дичи. Но пока они не приближались к пасущимся животным и не видели, к какому виду они относятся.

Примерно в полумиле от изгиба озера они увидели предмет, который не мог быть естественным. Глубоко погрузившись в землю, лежало металлическое полушарие. С одной стороны его видны были две рваные дыры. Вокруг почерневшая земля поросла молодой травой. Но на Тревиса больше всего подействовали размеры этого предмета. Он решил, что видна только его верхняя половина — если это действительно шар. Но то, что поднималось над землей, достигало по меньшей мере высоты шестизэтажного дома. Корабль огромен, он больше похож по размерам на океанский лайнер времени Тревиса, чем на воздушное судно.

— Да, досталось ему! — заметил Росс. — Крушение при посадке...

— Или до посадки. — Эш, опираясь на копье, рассматривал корпус.

— Что?..

— Эти отверстия похожи на дыры от снарядов. Пусть решают специалисты. Возможно, это участник космического сражения. Приближается буря. Я думаю, лучше обогнуть его с запада и найти убежище в холмах. Если первые отчеты справедливы, мы таких дождей не видали!

Эш двинулся рысью, потом побежал. Он направлялся в сторону от корабля к холмам, и, чтобы добраться туда, им снова нужно было обогнуть конец озера.

Они осторожно пробирались по краю болотистой равнины, когда их остановил крик впереди. Тревис знал, что это предсмертный крик. Но за ним последовал вой, который не мог исходить из глотки человека или животного его времени. Крик звучал прямо перед ними. Потом послышалось хрюканье гигантской свиньи. И звучало оно сзади!

— Ложись! — Тревис подчинился приказу Эша, бросился на грязную землю и пополз влево. Через мгновение три разведчика оказались в густых жестких зарослях. Не обращая никакого внимания на порезы рук и ног, они смотрели на открывшуюся перед ними древнюю драму.

На земле корчилась в смертных муках гряда плоти, длинная мохнатая желтая шерсть покрылась кровью. За этим телом прижалось к земле другое животное. Увидев длинные изогнутые клыки, Тревис узнал его — саблезубый тигр. Немного меньше льва времен Тревиса, но мощные лапы и челюсти представляли угрозу, перед которой отступит и больший зверь. Но теперь перед тигром был гигант...

Противник, чей детеныш был убит, на восемнадцать футов возвышался над землей. Опираясь на мощные задние лапы и толстый хвост, он выставил перед собой передние лапы, каждая из которых заканчивалась единственным гигантским когтем. Узкая голова дергалась и поворачивалась, верхнюю часть тела покрывала густая каштановая грива.

Резкий звериный запах долетел до зарослей, и гигантский ленивец двинулся вперед. А саблезубый тигр зашипел, как огромная кошка.

Глава 4

Тревиса дернули за руку, отвлекая от начавшейся битвы. Эш указал на запад и снова дернул. Росс уже полз в том направлении. Ветер дул им в спины, донося зловоние животных; опасности, что те почуют запах людей, не было.

— Надо уходить! — приказал Эш. — Я не хочу, чтобы эта кошка пошла по нашему следу. Она не справится с двумя взрослыми ленивцами и скоро начнет поиски другого обеда.

Они ползли вперед, стараясь по воплям кошки и хрюканью ленивцев определить, как развивается сражение. Если кошка умна, подумал Тревис, она уйдет. Зная тактику горных львов своего юго-запада, он считал, что так и произойдет.

— Ну, ладно, побежали! — Эш встал и быстро двинулся по открытой местности, молодые люди последовали за ним. Солнце теперь совсем скрылось, серая мгла под покровом тяжелых туч напоминала сумерки. Тихое гудение радара звучало одиноко и далеко.

Впереди от серо-коричневых тел поднялись головы с широкими рогами. Если бы не изгиб этих рогов, можно было бы решить, что на доисторических равнинах пасутся бизоны. Уловив запах разведчиков, животные замотали рогатыми головами и побежали рысцой на север. Среди них быстро и гораздо более грациозно бежали длинноголовые лошади, покрытые великолепными полосами, как зебры. Тут был явно охотничий рай.

Сзади видимой стеной приближался дождь. Когда он достиг людей, Тревис раскрыл рот, чуть не захлебнулся и начал с трудом бороться за возможность дышать в этом сплошном потоке. Но ноги продолжали нести его вперед, и все трое по-прежнему двигались к холмам, которые скрылись в дожде.

Подъем замедлил их продвижение, дважды им приходилось перепрыгивать через ручьи, уносившие излишек небесной воды. Сверкали молнии, на мгновения освещая окрестность. Чья-то рука направила Тревиса влево, в частичное убежище от бури.

Он вместе с Эшем и Россом забился в расщелину среди скал. Не совсем пещера, но все же лучше, чем открытое место.

— Долго это будет продолжаться? — проворчал Росс.

Эш без особой надежды ответил:

— От часа до нескольких дней. Будем надеяться на удачу.

Они сели на корточки, завернувшись в шкуры, прижимаясь друг к другу, пытаясь согреться. Возможно, задремали, потому что Тревис, вздрогнув, огляделся и увидел, что дождь прекратился. За пределами их неудобного убежища была ночь. Он спросил:

— Пойдем?

Но в ответ снаружи послышался рев, от которого могли лопнуть барабанные перепонки. Тревис, впившись в древко копья, не мог сдержать дрожи.

— Только если хотим составить поздний ужин для нашего приятеля вон за тем холмом, — заметил Эш. — Кому-то дождь, вероятно, помешал охотиться. Здесь у нас есть саблезубые тигры, аляскинские львы, пещерные медведи и еще другие хищники, с которыми я не хотел бы встречаться, не имея в резерве хотя бы танк.

— Веселое местечко, — согласился Росс. — Мне кажется, нашему товарищу по играм там на равнине не повезло. Может, это он решил попробовать нас на вкус?

— Ну, в таком случае он получит полную пасть копий, — ответил Эш. — У этой дыры преимущество: сюда никто не войдет, если мы скажем «нет».

Рев послышался снова, но на этот раз дальше, как заметил с облегчением Тревис. Охотник за мясом не

пошел по их следу. Должно быть, дождь смыл их запахи с земли и травы. Но они продолжали, замерзшие и оцепеневшие, сидеть в своем убежище и только время от времени решались передвинуть руку или ногу, чтобы они не затекли наутро. Так продолжалось, пока на небе не появились первые лучи солнца.

Тревис выбрался, с трудом распрямился и сдержал ругательство: утренний ветер с температурой градуса в три ниже нуля забрался под полу его мехового одеяла. Он решил, что надо было готовиться к плейстоцену, проведя месяц в морозильнике раздетым до шорт. И остался доволен, заметив, что Эш и Росс не более подвижны и оживлены, когда выбрались из норы.

Они проглотили таблетки пищевого концентрата из своих сумок. Тревис знал, конечно, что в них содержится достаточный запас энергии, но ему хотелось настоящего мяса, горячего и сочного, прямо с огня. У этих таблеток никакого вкуса.

— Пойдем вверх. — Эш ладонью вытер рот и повесил сумку через плечо. Он разглядывал местность впереди, чтобы выбрать лучший подъем. Но Тревис уже двинулся вперед, пробираясь между камнями.

Добравшись до вершины, они повернулись и взглянули на долину с озером. Половину долины занимала гладкая поверхность воды. И Тревису показалось, что сегодня вода ближе к кораблю, чем вчера. Он сказал об этом, и Эш согласился.

— Вода должна куда-то деваться, а дождь переполнил все ручьи. Еще одна причина, почему нам нужно справиться побыстрее. Итак — пошли.

Но когда они снова повернулись, чтобы следовать по линии вершин, Тревис остановился. Тонкий солнечный луч прорвался сквозь тучи; тепла он с собой не принес, но дал больше света, и — Тревис внимательно вглядывался на запад вниз по ту сторону хол-

мов... Нет, он не ошибся! Свет отражается от чего-то в соседней долине. От воды? Он сомневался в этом, слишком яркая искра.

Эш и Росс, следуя его указаниям, тоже увидели ее.

— Второй корабль? — предположил Росс.

— Если так, он на наших картах не обозначен. Посмотрим. Я согласен, что отражение слишком яркое для солнца на воде.

Может, кто-то выжил после крушения, думал Тревис. Тогда они могли разбить там лагерь. Он достаточно слышал предупреждений за последние дни, чтобы понять, что контакт с хозяевами кораблей опасен. Один из их патрулей преследовал Росса много миль по дикой местности, и он спасался от подчинения их воле, сознательно обжигая руку и используя боль в качестве оружия. Они не люди, обитатели этих кораблей, и до сих пор земляне не могут раскрыть тайны их энергии и оружия.

И вот трое, укрываясь в кустах и зарослях жесткой травы, начали приближаться к месту, где отражался свет. Снова Тревис был поражен умениями своих товарищей. Он охотился на львов, а горный лев — очень осторожное животное. Он умеет читать след, его научил Чато, который знает пути старых воинов. Но эти двое не уступают ему в том, что он всегда считал привилегией краснокожих, а не белых.

Наконец они легли на краю рощицы, осторожно раздвинули стебли травы и посмотрели на лежащую перед ними открытую местность. Посредине ее лежал еще один корабль-шар. Но этот полностью находился над поверхностью и был маленьким, пигмеем по сравнению с гигантом в первой долине. На первый взгляд, он приземлился нормально, не потерпел крушения. На полпути к его верху зияло темное отверстие открытого люка,

с него свисала лестница. Кто-то все-таки выжил в этой посадке, спустился на землю!

— Спасательная шлюпка? — Голос Эша звучал еле слышно.

— Он не такой формы, что у той, которую я видел, — ответил Росс. — Та была похожа на ракету.

Ветер пел над травой. Лестница раскачивалась и со звоном ударялась о борт. И от подножия корабля отлетали птицы. Но двигались они неловко, тяжело хлопая крыльями. А ветер донес от корабля тошнотворный сладковатый запах, который ни с чем невозможно спутать. Там что-то мертвое, совсем мертвое.

Эш встал, пристально глядя на птиц. Потом пошел вперед. Из травы послышалось рычание. Тревис поднял копье. Оно свистнуло в воздухе, и четверолапый мохнатый зверек подпрыгнул в воздух и упал обратно в траву. Стервятники с криками начали разлетаться со своего пира.

Не очень приятно было смотреть на то, что лежало у подножия лестницы. И разведчики с первого взгляда не могли определить, сколько тут тел. Эш попытался разглядеть поближе и отвернулся, побледнев и сдерживая тошноту. Росс подобрал обрывок синей ткани.

— Форма лысых, все верно, — определил он. — Этого я никогда не забуду. Что тут случилось? Схватка?

— Что бы ни случилось, это было некоторое время назад. — Эш, бледный под своим загаром и краской на коже, осторожно подбирал слова. — Погребения не было. Я бы сказал, что с экипажем покончено.

— Пойдем внутрь? — Тревис положил руку на лестницу.

— Да. Но ничего не трогайте. Особенно приборы и установки.

Росс слегка истерически рассмеялся.

— Можете мне не напоминать об этом, шеф. После вас, сэр, после вас.

И вот, следуя за Эшем, они поднялись по лестнице и забрались в люк. На коротком расстоянии внутри оказалась вторая дверь, двойной толщины и с тяжелыми замками, но она тоже была распахнута. Эш толкнул ее, и они оказались в колодце, по которому вилась спиральная лестница.

Тревис ожидал встретить тьму, так как в наружной оболочке не было окон. Но от стен исходил голубоватый свет, и не только свет, но и приятное тепло.

— Корабль все еще жив, — заметил Росс. — И если он не поврежден...

— Тогда, — негромко закончил за него Эш, — мы сделали большую находку, парни. На такую удачу мы и не надеялись. — И он начал подниматься по внутренней лестнице.

Они поднялись на площадку или платформу, на которую выходили три овальные двери, все закрытые. Росс толкнул каждую, ни одна не подалась.

— Закрыты? — спросил Тревис.

— Может быть. Или мы не знаем, на какую кнопку нажать. Пойдем наверх, шеф? Если у этого та же схема, рубка управления вверху.

— Посмотрим. Но никаких экспериментов, помните?

Росс погладил руку в шрамах.

— Я-то не забуду.

Второй пролет лестницы привел их к люку, через который они поднялись в полукруглую комнату, занимающую всю верхнюю часть корабля. И сразу поняли, что тут уже побывала смерть.

В помещении было только одно тело, оно наклонилось вперед, удерживаемое ремнями кресла; кресло держалось на пружинах и ремнях, свешивающихся с потолка. Перед трупом в синем облегающем костюме

располагалась панель управления со множеством циферблатов, кнопок, ручек.

— Пилот. Умер на посту. — Эш прошел вперед, склонился к телу. — Не вижу никаких ран. Может быть, эпидемия, поразившая весь экипаж. Пусть определяют врачи.

Они не стали задерживаться для дальнейших исследований: слишком важна эта находка. Необходимо доставить сообщение об этом втором корабле Келгариесу и его начальникам. Но Эш в качестве меры предосторожности поднял в люк лестницу, когда два его товарища сошли. Сам он спустился по веревке.

— А кто туда может заглянуть? — спросил Росс.

— Просто небольшая страховка. Мы знаем, что в северной части этой местности есть дикари. Может, для них все необычное табу. А может, они достаточно любопытны и захотят покопаться здесь. А мне не хотелось бы, чтобы кто-то снова приводил в действие коммуникатор и вызвал галактический патруль или кто там эти парни в синем. Теперь побыстрее к машине.

Слабый солнечный свет утра усилился. Воздух стал заметно теплее. Увеличилась и влажность: насыщенная влагой трава отдавала груз ночного дождя. Продвижение напоминало бег по реке, заросшей слизистыми водорослями, только поверхность под ногами твердая. Разведчики спустились с высот, миновали свое ночное убежище, прошли к озеру, где стервятники пожирали остатки добычи саблезубого тигра.

Когда они вышли на открытую местность, Эш остановился и выразительно взмахнул рукой, давая сигнал укрыться. Стадо бизонов и лошадей, которое они заметили накануне, по диагонали пересекало равнину. И животные явно от чего-то бежали. Снова саблезубый тигр? Но бизон, тонны прочной кости и мяса, не побежит. Стадо этих животных вполне постоит за себя.

И только когда ветер донес до ушей Тревиса звуки, которые могли исходить только из человеческого горла, он понял, что идет охота. Первобытные охотники каким-то образом вспугнули стадо, чтобы добить слабейших.

Разведчики застряли: поток животных перерезал им дорогу к машине времени. Еще до того, как они добрались до этого места, быстрые лошади пробежали мимо, теперь проходила основная часть стада. А поблизости показались и другие желающие воспользоваться суматохой. Из укрытия в ста ярдах выбрались пять темных фигур и начали отрезать полувзрослого теленка, бегущего на краю стада.

— Плейстоценские волки, — определил Эш.

Мощные большеголовые животные передвигались бесшумно, искусно подбираясь, привычные к такой игре. Двое прыгнули теленку на голову, остальные пытались подрезать сухожилия на задних ногах, что сделало бы бизона их легкой добычей.

— Оооооо-йаххх!

Маленькая драма, развернувшаяся поблизости, отвлекла Тревиса от общей картины. Еще нельзя было увидеть кричащих охотников. Но в этот момент мимо бизона, сражавшегося с волками, пробежала лошадь. Ее большая голова опустилась на уровень колен, и из пасти до травы свисала пена. Глубоко в ее крупе торчало копые. И в этот момент животное попыталось поднять голову, не смогло и упало на землю.

Один из волков тут же повернулся к новой добыче. Он отбежал от теленка, принялся к еще живой лошади и вцепился ей в горло. Он рвал куски мяса, но наглое воровство было тут же наказано.

Другое копые, более легкое, но такое же смертоносное и точно нацеленное, пролетело в воздухе и ударило волка в правое плечо. Тот конвульсивно подпрыгнул и

упал рядом с тушей лошади. Еще несколько копий поразили остальных волков и молодого бизона.

Большая часть стада уже пробежала. На примятой траве лежали и другие животные. Трое разведчиков прижимались к земле; отойти они не могли, чтобы не привлечь внимание охотников, которые подошли для сбора добычи.

Больше двадцати мужчин, среднего роста, с коричневой кожей, с лохматыми черными волосами, очень похожими на парики разведчиков. Одежда — та же повязка-юбка из шкуры, закрепленная на потном теле ремнями. Тревис, разглядывая их, видел, насколько хорошо их грим соответствует внешнему виду охотников Фолсома.

За мужчинами шли женщины и дети. Они останавливались, разделявая туши. Их было больше, чем охотников. Трудно сказать, все ли это племя. Мужчины хрипло перекрикивались, а двое, убившие волков, казались особенно довольными. Один из них присел на корточки, распахнул пасть волка, убившего лошадь, и критическим взглядом осмотрел клыки. На его груди с каждым движением покачивалось ожерелье из таких же клыков; ясно, что он обдумывал дополнение к своему украшению.

Эш коснулся плеча Тревиса.

— Назад, — выдохнул он ему в ухо. Они отползли в траве к болоту на краю озера. Тут, облепленные грязью, приветствуемые мухами и другими насекомыми с хорошим аппетитом, они начали удаляться, со всеми предосторожностями отходили от сцены охоты, радуясь, что изобилие мяса отвлекало туземцев.

Группы похожих на ивы деревьев предоставили им лучшее укрытие, за ними они решились побежать и бежали, пока Эш, задыхаясь, не упал на грудь хворо-

ста. Тревис, с разрывающей от боли грудью, опустил-ся лицом вниз рядом с ним, а Росс рухнул чуть сзади.

— Чуть-чуть, — сказал Росс, немного переведя дыхание. — В нашем деле не соскучишься...

Тревис приподнял голову и попытался отыскать ориентиры. Они двигались к укрытой в скалах машине времени, когда стадо перерезало им путь. Но потом им пришлось свернуть на север, чтобы уйти от охотников. Значит, их цель на юго-востоке.

Эш стоял на коленях, глядя на север, где на равнине виднелся разбитый корабль.

— Смотрите!

Они видели, как охотники собрались вокруг корабля. Один из них поднял копьё и со звоном ударил по борту.

— Они его не избегают. — Тревис понял значение этой сцены.

— Это значит — с меньшим мы должны действовать быстро. Если они его обнаружат, могут попытаться проникнуть. У нас совсем мало времени.

— Теперь между нами и машиной открытая местность, — сказал Тревис. Если двигаться прямо к группе маскирующих камней, их заметит первый же дикарь, посмотревший в том направлении.

Эш задумчиво взглянул на него.

— Ты думаешь, что сможешь незаметно пробраться?

Тревис измерил расстояние, попытался разглядеть все укрытия по пути.

— Могу попробовать, — ответил он.

Глава 5

Он приближался к холму, на южной оконечности которого гряда камней скрывала установку. Пятнистая тень преградила дорогу, оскалив клыки. Затем плейстоценский волк отбежал к ближайшей туше, с кото-

рой женщины срезали только лучшие куски, и занялся пищей, за которую не нужно сражаться.

Тревис продвигался вдоль основания холма. Стадо пробежало западнее, и он уже считал себя в безопасности, когда сзади послышалось фыркание. Крупный корпус раздвинул кусты, и Тревис увидел перед собой самку бизона. В плече ее торчало сломанное древко копья. Слишком высоко, чтобы рана была опасна, а боль разъяряет животное.

В такой ситуации даже корова с ранчо опасна для пешего человека, а бизон на треть крупнее любой коровы. Только кусты спасли Тревиса от смерти в первое же мгновение. Самка заревела и бросилась к нему со скоростью, которую он считал бы невозможной при таком весе. Он бросился влево, в заросли, и оказался в колючем кустарнике. А самка между тем пронеслась мимо так близко, что ее жесткая шерсть задела его вытянутую руку.

В голове Тревиса звенело от ее рева, он развернулся и поднял свое самое тяжелое копьё. Бизониха затормозила, от копыт ее летела земля и трава, она развернулась. И тут обломок копья зацепился за густые ветви. Она снова заревела, рванулась вперед, копьё вырвалось, и из раны хлынул поток крови, исчезая в густой шерсти.

Это замедлило ее продвижение. У Тревиса было время встать и приготовить копьё. На большой голове животного не было уязвимого места. Тревис сорвал свою сумку, размахнулся, держа ее на ремне, и швырнул в морду корове. Уловка подействовала. Самка бросилась не на Тревиса, а на его сумку. И Тревис изо всех сил сбоку ударил ее копьём.

Вес животного, инерция его движения вырвали древко у него из рук. Потом самка опустилась на колени, закашлялась, легла на бок. Тревис подальше обошел

ее, опасаясь, что звуки схватки привлекут внимание охотников.

Пробираясь среди кустов, остальную часть пути он проделал в основном на четвереньках. И вот он уже среди камней, ребра его вздымались от тяжелого дыхания, но он не обращал внимания на многочисленные царапины и порезы от колючек.

Прижимаясь к земле и оглядываясь назад, на свой путь, Тревис понял, что правильно поступил, оставив так быстро место схватки. Три охотника бежали туда, волоча за собой копья. Но к самой самке они приближались осторожно: видимо, не в первый раз имели дело с ранеными жертвами бегства стада.

Войдя в кусты, смуглые люди скрылись. А несколько секунд спустя Тревис услышал удивленный крик. Он понял, что его добычу обнаружили. Ответом на крик был долгий вопль откуда-то с холма. Тревис беспокойно шевельнулся.

Копье, которое он вынужден был оставить в теле бизона, напоминало копья туземцев — но достаточно ли, чтобы они поверили, что оно принадлежит кому-то из них? Может, у этих людей есть система знаков на личном оружии; у его племени во времена кочевий такие знаки были. Может, они пойдут по его следу?

Он забрался в щель между камнями. Сигнал слышен очень отчетливо. Рядом с радаром находился второй ящик. Тревис нажал рычаг на его крышке, потом быстро поднял и опустил ручку, как его учили только накануне. В пустыне двадцатого столетия его сигнал будет принят, и Келгариес будет знать, что нужно действовать быстро.

Тревис осторожно выглянул из груды камней. Он прижался к большому камню и насторожился — не только ушами, но всеми своими привычными к дикой местности чувствами. И уже сжал в руке кремневый

нож, когда услышал предупреждающий шум. К нему протянулась рука, такая же смуглая и сильная, как его. В ноздри ударил запах крови и жира, они сошлись, и незнакомец произнес множество непонятных звуков. Тревис ударил, но не лезвием, а рукоятью по выдающейся вперед челюсти. От удара круглая черная голова на слегка сутулых плечах откинулась назад.

Боль обожгла его бок. Он еще раз ударил в челюсть, одновременно нанеся удар коленом снизу вверх, когда туземец поднимался с ножом в руке. Грязный прием, по меркам цивилизации, но Тревису нужно было прекратить схватку без ножа. И в этот момент сзади показалась еще одна фигура и нанесла туземцу удар сзади по голове, отчего тот без сознания свалился на траву.

Росс Мердок не стал тратить время на объяснения.

— Пошли! Помоги мне отнести его в укрытие!

Они забрались в помещение машины времени, прихватив с собой первобытного охотника. Росс быстро и привычно связал пленнику руки и ноги, заткнул ему рот куском шкуры.

Тревис осмотрел кровоточащий порез на боку, решил, что рана относительно не опасна, и повернулся к присоединившемуся к ним Эшу.

— Похоже, тебя выслеживали. — Эш отвел руки Тревиса и стал осматривать его рану. — Выживешь, — добавил он и достал из сумки коробочку с таблетками. Одну раздавил в руке и порошком смазал рану, остальные велел проглотить. — Чем ты привлек его внимание?

Тревис кратко рассказал о своей встрече с раненым бизоном.

Эш пожал плечами:

— Такие неудачи время от времени случаются. Теперь придется заботиться об этом парне. — Он мрачно осмотрел пленника.

— Что же нам делать? — Росс сморщил нос. — Начнем создавать зоопарк? Это первый экспонат?

— Отправил сообщение? — спросил Эш.

Тревис кивнул.

— Подождем. Когда стемнеет, оттащим его подальше. Перережем пути и оставим его возле их лагеря. Больше мы ничего не сможем сделать. К несчастью, племя движется на запад...

— На запад! — Тревис вспомнил о втором корабле.

— А что, если они попытаются забраться в корабль? — Росс, казалось, разделял его озабоченность. — У меня такое чувство, что это несчастливый рейд. С самого начала нас преследуют неудачи. Но мы должны следить за этим вторым кораблем...

— А как мы им сможем помешать? — спросил Тревис. Настроение у него было подавленное, и он готов был согласиться с самыми мрачными прогнозами.

— Надеюсь, они пойдут за стадом, — ответил Эш. — Главная забота такого племени — пища, и они будут держаться возле нее, сколько смогут. Но за кораблем последить нужно. Я должен ждать здесь сообщения Келгариса. А что, если вы вдвоем проводите этого нашего друга, а потом пройдете дальше, к этому возвышению между двумя долинами? И сможете установить, нужно ли нашим людям скрываться, если племя повернуло в ту сторону.

Росс вздохнул.

— Ладно, шеф. Когда пойдем?

— В сумерках. Незачем привлекать к себе внимание. Ночью тут соберется много желающих полакомиться.

— Желающие полакомиться! — Росс мрачно улыбнулся. — Мягко сказано. Мне совсем не хочется в темноте встречаться с одиннадцатифутовым львом!

— Сегодня полнолуние, — поправил Тревис и лег, чтобы отдохнуть перед выходом.

Но не только луна светила ночью. Темное небо освещалось далеким мрачным огнем вулкана — или вулканов. Тревису теперь казалось, что таких огнедышащих гор на севере несколько. В воздухе ощущался отчетливый металлический привкус, Эш объяснил это мощным извержением в милях отсюда.

Кое-как они поставили пленника на ноги и повели его. Он был в полубессознательном состоянии и сразу лег на землю, когда Тревис отправился на разведку поближе к группе дикарей у костра.

Фолсомские люди пожирали мясо, слегка поджаренное на огне. Запах жареного мяса долетел до Тревиса, ему захотелось смешаться с дикарями, схватить горячий кусок. Концентраты дают набор необходимых для тела веществ, но никак не заменяют, на его вкус, мясо. Туземцы продолжали пировать.

Опасаясь задерживаться: аппетит мог победить осторожность, — Тревис отполз назад к Россу и сообщил, что часовых нет и помешать их простому плану они не могут. Они оттащили пленника к самому краю освещенной территории, сняли с него путы, вытащили кляп и слегка подтолкнули. И убежали.

Если туземцы и пытались их преследовать, они не нашли след, и вдвоем разведчики без происшествий добрались до перевала.

— Глупо, — заметил Росс, когда они преодолели последний подъем и оказались в относительно защищенном месте под каменным навесом. Не совсем пещера, но все же тут необходимо оборонять только одну сторону. — Никто в здравом уме не пойдет в темноту.

— В темноту? — переспросил Тревис, обхватив колени руками и глядя на север. Его предположение о вулканической активности подтверждалось: небо на севере покраснело, в воздухе ощущался химический запах. Не очень угрожающее зрелище, но оно все же не внушало

доверия наблюдателю. Единственное утешение — между возвышенностью, на которой он находится, и рассерженными горами мили расстояния.

Росс не ответил. Так как Тревис должен был дежурить первым, его товарищ завернулся в шкуру и уже уснул.

Тяжелая ночь. Поднявшись на рассвете, Тревис обнаружил, что его кожа и окружающие скалы посыпаны сероватым порошком. Порыв ветра с запахом серы заставил его закашляться.

— Что-нибудь заметил внизу? — прохрипел он.

Росс покачал головой и протянул тыквенную бутылку с водой. Маленький космический корабль мирно лежал под ними, и единственное отличие от предыдущего дня — стало меньше стервятников.

— Какие они, эти люди из космоса? — неожиданно спросил Тревис.

К его удивлению, Росс, которого Тревис привык считать лишенным нервов, вздрогнул.

— Натуральные гады, приятель, никогда не забывай об этом! Я видел две разновидности: лысых в синих костюмах и мохнатолицы с заостренными ушами. Они похожи на людей, но это не люди. И поверь мне, всякий, кто связывается с этими парнями в синем, напращивается, чтобы его пропустили через мясорубку!

— Интересно, откуда они. — Тревис поднял голову. Звезд на небе немного, тусклых огоньков в предрассветных сумерках. А ведь это солнца, вокруг которых вращаются планеты, такие же, как прочная почва под ним, и на планетах живут люди... ну, не люди, но похожие на них существа — такая мысль требовала напряжения воображения.

Росс махнул на небо рукой.

— На твой выбор, Фокс. Высоколобые, которые правят нашим шоу, считают, что там целая конфедерация

разных планет, Объединенные-Что-То-или-Другое... тогда... — Он мигнул и рассмеялся. — То есть я хочу сказать «сейчас». Эти прыжки туда-сюда во времени хоть кого собьют с толку.

— И если кто-то решится полететь в этом корабле, он с ними встретится?

— Ну, он об этом пожалеет!

— Ну, а если лететь в наше время, они все еще ждут там?

Росс завязывал свою сумку.

— Вот это трудный вопрос. И никто на него не ответит, пока мы не слетаем и не посмотрим сами. Двенадцать-пятнадцать тысяч лет — много времени. Ты знаешь, любая цивилизация на Земле так долго не живет. От разрисованных охотников до овладевших атомной энергией. А потом там, может быть, все пошло назад — от атома к раскрашенным охотникам. А может, сейчас вообще нет ничего.

— А ты бы хотел посмотреть?

Росс улыбнулся.

— Я уже сталкивался с парнями в синем. И если бы был уверен, что там, на какой-нибудь звезде, их нет, сказал бы «да». Не хотел бы я с ними встретиться у них дома. Да я и не космонавт. Но сама мысль заманчивая... Эй — у нас гости!

Движение в долине — к северу. Но из деревьев неторопливо и величественно выходили не фолсомские охотники. Росс негромко свистнул, и Тревис разделил его возбуждение.

Ни стадо бизонов, ни полосатые лошади, ни саблезубый тигр в схватке с гигантскими ленивцами — ничто так не поражало, как это зрелище. Слон вызывает почтительное удивление просто своим размером, впечатлением силы и бесстрашия. А эти огромные более

ранние представители того же рода почти парализовали удивленных разведчиков.

— Мамонты!

Высокие гиганты с густой шерстью, спина круто уходит вниз от массивного черепа, бугры плеч — все это превращало деревья и окружающую местность в миниатюру. Три мамонта в стаде достигали четырнадцати футов в плечах. Они гордо несли тяжелые изогнутые клыки, размахивали хоботами в такт шагам. Таких грозных животных Тревис никогда не видел. Глядя на них, он не мог представить себе, что охотники, которые им встретились в долине, осмеливаются со своими копьями выступать против этих гигантов. Но доказательства несомненные: множество находок — огромные ребра с застрявшими в них каменными наконечниками.

— Один... два... три... — негромко считал Росс. — Маленький...

— Совсем малыш, — сказал Тревис. Но даже с мамонтенком не стоит встречаться, если нет в руках ружья с разрывными пулями.

— Четыре... пять... семейный выход? — рассуждал Росс.

— Может быть. Разве они не передвигаются стадами?

— Спроси большеголовых. Оххх! Ты только посмотри на это дерево!

Предводитель впечатляющего парада прижался лбом к стволу, слегка надавил, и дерево рухнуло. С визгом, донесшимся до разведчиков, «слоненок» устремился вперед и начал обрывать листья с большого ствола, а взрослые снисходительно за ним наблюдали.

Росс отбросил с глаз прядь парика.

— Возможно, возникает проблема. Что, если они не уйдут? Не думаю, чтобы наши техники могли работать, когда поблизости бродят эти тонны мяса с клыками.

— Если хочешь спуститься и отпугнуть их, я тебя не стану останавливать. Но мне доводилось тащить упрямых коров: я не собираюсь спускаться и набрасывать аркан на эти клыки.

— Они могут ударить по корпусу корабля.

— Могут, — согласился Тревис. — И как же мы им помешаем?

Но в данный момент семейство мамонтов оставалось на дальнем конце долины, в четверти мили от корабля. Понаблюдав с час, Росс завязал ремни своих сандалий и подобрал копыя.

— Доложу. Может, эти бродячие горы отпугнут охотников.

— Или привлекут их сюда, — пессимистично поправил Тревис. — Дорогу назад найдешь?

Росс улыбнулся.

— Эта тропа скоро станет регулярным маршрутом. И нам потребуются полицейские регулировщики. Пока... — И он исчез с той внезапностью и легкостью, которые до сих пор казались Тревису невероятными у белого.

Тревис продолжал лежать, опираясь подбородком на руку, лениво глядя на мамонтов. Он думал о том, что делает Эша и Росса Мердока такими отличными от других членов их расы. В какой-то степени он видел это качество и у доктора Моргана. Для Прентиса Моргана раса человека, цвет его кожи ничего не значили; главное — энтузиазм, отношение к работе. Морган расколол «раковину» Тревиса и выпустил его в большой мир. А потом, подобно всем мягким лишившимся раковины существам, он был больно ранен, когда этот мир оказался враждебен. И Тревис забился в своей норе, оставив все, даже дружбу.

Теперь он ждал, что в нем снова вспыхнет пламя гнева. Оно не погасло, но потускнело, как огонь вулка-

нов при свете восходящего солнца превратился лишь в ленивый столб дыма. Пустыня, по которой он неделю назад ехал в поисках воды, действительно погружена во время. Что?..

Мамонты передвинулись, самый крупный самец повернулся. Подняв хобот, он вызывающе затрубил. Этот звук и привлек внимание Тревиса. Гораздо страшнее рева саблезубого тигра, громового хрюканья ленивца, готового к схватке. Такого страшного звука Тревис никогда не слышал.

Самец проревел вторично. Охотящийся саблезубый тигр? Аляскинский лев? Какое животное так отчаянно смело, что может охотиться на эту гору мяса? Человек?

Но если в укрытии прятался фолсомский охотник, он не показался. Самец прошелся вдоль края леса, потом свалил еще одно дерево и принялся поедать ветви. Кризис разрешился.

Через час к Тревису присоединился отряд, который привел Росс. Келгариес и еще четверо в коричневых и зеленых комбинезонах, сливавшихся с местностью, легли на землю и стали разглядывать долину.

— Вот наш малыш! — Лицо майора светилось радостью, когда он смотрел на корабль. — Что скажете, ребята?

Но один из пришедших направил бинокль в другую сторону.

— Эй! Там эти штуки — мамонты! — закричал он. Все дружно повернулись в ту сторону.

— Конечно! — рявкнул майор. — Смотрите на корабль, Вилсон! Если он цел, сможем мы переместить его?

Тот неохотно оторвался от семейства мамонтов. Рассмотрел корабль в бинокль.

— Трудная работа. До сих пор самый крупный перемещенный нашей машиной предмет — корпус подводной лодки...

— Это я знаю! Но это было два года назад, а эксперименты Кроуфорда показали, что решетку можно увеличить, не теряя мощности. Если бы смогли перенести его, не разбирая, мы бы опередили план по меньшей мере на пять лет. А вы знаете, что это значит.

— А кто будет устанавливать решетку рядом с этими слонами? Нам нужно работать без помех. Наш материал не выносит грубого обращения.

— Да, — подхватил один из его подчиненных. И снова повернул бинокль на север. — Как вы собираетесь отогнать мамонтов?

— Это дело разведчиков. — Короткую реплику подал присоединившийся к группе Эш. — Согласен, сейчас у меня нет идей, ни глубоких, ни других, как убедить мамонтов погулять подальше отсюда. Но я готов выслушать любые предложения.

Они молча смотрели на пасущихся животных. Никто ничего не предложил. Похоже, для решения такой проблемы способ еще не выработан.

Глава 6

— Нам нужно минное поле. Как вокруг штаб-квартиры, — сказал наконец Росс.

— Минное поле? — переспросил человек, которого Келгариес назвал Вилсоном. Потом снова: — Минное поле!

— Придумали что-нибудь? — спросил майор.

— Не минное поле, — поправил Вилсон. — Конечно, мы можем взорвать этих зверей, но вместе с ними разнесем и корабль. Однако звуковой барьер...

— Да, обнести им корабль — это ваша работа. — Майор снова приободрился. — Много ли времени это займет?

— Придется перенести много оборудования. Допустим, день, может, и больше. Но пока это единственное, что я могу придумать.

— Ну, хорошо! Вы получите все необходимое — вдвойне! — пообещал Келгариес.

Вилсон усмехнулся.

— Вот как? Никаких воплей о затратах? Помните, я не собираюсь подписывать заказы, которые через два года нужно будет защищать перед какой-нибудь комиссией.

— Если сумеете его вытащить, — убежденно ответил майор, — нам никогда больше не придется защищаться ни перед кем! Да если вы вытащите этот корабль целиком — весь проект оправдает себя, с того самого дня, как он был всего лишь несколькими неразборчивыми строками на обороте старого конверта! Вот оно — большой куш!

Так начался лихорадочный период в жизни Тревиса, в котором он впоследствии так и не смог разобраться. Вместе с Эшем и Россом он патрулировал обширное пространство на холмах и в долине, следя за лагерями бродячих охотников, отмечая стада различных животных. Два дня суетились техники и наконец собрали машину времени непосредственно возле меньшего корабля.

Вокруг корабля возвели звуковой барьер Вилсона — невидимую, но непроходимую стену импульсов высокой частоты. Человек не слышал эти сигналы, но они на него действовали. Семейство мамонтов отступило в лесистую местность, откуда пришло. Неизвестно, было ли это результатом действия барьера, — во всяком случае, животные ушли.

Тем временем новые звуковые барьеры установили на всех тропах, ведущих в долину, закрывая доступ в

нее. Келгариес и его начальники вкладывали в проект все ресурсы.

Вокруг корабля быстро возникало сооружение из прутьев. Тревис, наблюдая за осторожной работой техников, видел, что проводится очень тонкая операция. По некоторым репликам он знал, что здесь собирают машину времени нового типа; никогда раньше не делали такую большую. И если работа завершится удачно, весь корабль будет перенесен в современность для более внимательного изучения.

Тем временем другая группа специалистов исследовала внутренности корабля, стараясь не приводить в действие его приборы, а также занималась изучением останков экипажа. Медики пытались установить причину смерти астронавтов. Их окончательный диагноз: внезапная инфекция или пищевое отравление. На телах не было ран.

Три дня... четыре... Тревис, уставший до глубины костей, только что вернувшийся из разведочного похода на юг, сидел у костра, который трое разведчиков развели на возвышенности над своей долиной. Когда он вдыхал поглубже, металлический привкус обжигал горло и легкие. За последние два дня вулканическая деятельность на севере усилилась. Накануне ночью их всех разбудило представление — к счастью, до него были мили, — во время которого, должно быть, половина горы взлетела к небу. Дважды обрушивались потоки дождя, но дождь шел теплый, и духота в воздухе делала условия почти тропическими. Он будет очень рад, когда закончат возведение решетки и они смогут покинуть эту болотную теплицу.

— Видел что-нибудь? — Росс Мердок отбросил одеяло из шкуры и хрипло закашлялся: до них опять долетел серный пар.

— Миграция... мне кажется, — сообщил Тревис. — Большое стадо бизонов уже далеко на юге, и охотники следуют за ним.

— Не понравился фейерверк, — Росс кивнул на север. — Я их понимаю. Там сегодня горит лес.

— Мамонтов больше не видел?

— Здесь нет. Я ходил на северо-восток.

— Скоро ли они кончат? — Тревис взглянул вниз на корабль. Над долиной сгустилась дымка, стало хуже видно. Но вокруг корабля по-прежнему суетились люди, торопливо заканчивали решетчатую конструкцию, охватившую весь шар.

— Спроси у кого-нибудь из умников. Другая команда, врачи, сегодня закончили. Примерно с час назад прошли через переход. Думаю, завтра можно будет повернуть рычаг всей установки. Как раз вовремя. Не нравится мне это место...

— И справедливо. — В дымке показался Эш. — С севера приближается опасность. — Он закашлялся, и Тревис неожиданно заметил, что на голове шефа нет парика. На плече Эша длинный ожог, он пересекает старый побелевший шрам. Росс тоже увидел это, вскочил на ноги и помог Эшу подойти к огню, чтобы осмотреть ожог.

— Что вы делали? Играли на горячей палубе? — В голосе его звучала тревога.

— Не подумал, что сырое дерево может гореть так быстро. Вся вершина горы вчера ночью взорвалась, и, может быть, скоро последует продолжение. Передвигайтесь пониже, ближе к кораблю. И у нас могут быть гости...

— Охотники? Они ушли на юг...

— Нет, но мы, кажется, перемудрили с этими звуковыми барьерами. Мамонты заперты в небольшой долине на севере. Если начнется то, чего я опасаясь,

звуковой барьер их не остановит, только рассердит по-настоящему. И они могут броситься прямо сюда. Келгариесу придется попробовать свою большую машину, и немедленно, если это произойдет.

Разведчики вовремя спустились в долину, чтобы увидеть, как техники кончили работу и заторопились в машину перехода. Но сами они еще не достигли решетки, как мир взбесился. Пламя, шум, гром на севере, языки пламени лизали склоны ближайших холмов. Земля наклонилась, Тревиса сбило с ног. Он видел, как качается решетка у корабля, слышал крики.

— ...землетрясение! — Только это слово в общем шуме имело какой-то смысл. Извержение вулкана сопровождалось землетрясением. Тревис как зачарованный смотрел на решетку, ожидая, что вот-вот стержни разойдутся, упадут на купол корабля. Но как ни странно, решетка качалась, но не падала.

В сгущающемся сумраке Келгариес загонял людей в меньшую машину. Тревис понимал, что должен присоединиться к ним, но был слишком ошеломлен, чтобы шевелиться. Дым сгустился, в нем слышался знакомый голос. С трудом встав, Тревис побежал в ответ на просьбу о помощи.

На земле лежал Эш. Росс склонился к нему, пытаясь поставить его на ноги. Когда Тревис подбежал к ним, вокруг сомкнулся дым, все закашлялись. Тревис потерял ориентировку. В какой стороне машина времени? Пепел в воздухе затруднял видимость. Они словно попали в снегопад.

Он услышал крик ужаса. Появилась огромная тень, больше, чем в любом кошмаре. Мамонты, как и опасался Эш, прорвались в долину.

— ...уходить! — Росс потащил Эша вправо. Старший разведчик повис между двумя более молодыми товарищами.

Они обогнули решетку у шара, протиснулись через нее к кораблю. Мимо протопал мамонт. Теперь мало надежды вовремя добраться до машины, и Эш, должно быть, это понял. Он высвободился и пошел вокруг шара, касаясь его рукой.

Тревис догадался: Эш пытается найти лестницу, ведущую к люку, воспользоваться кораблем как убежищем. Он услышал голос Эша, скользнул вслед за ним и увидел, что тот держится за лестницу.

Росс подтолкнул шефа, полез следом за ним, а Тревис, как мог, удерживал свисающую лестницу. Он сам начал подниматься, когда Эш — темное пятно вверху — пробрался в люк. Снова услышал бешеный крик мамонта и удивился, что эти животные еще не налетели на решетку вокруг корабля. Потом в свою очередь пролез в люк и лежал, отдуваясь и кашляя, дым раздражал горло и легкие.

— Тише! — Тревиса дернули в сторону, кто-то пробрался мимо него. Со звоном закрылся наружный люк. Теперь дыма стало меньше, и вместо шума и грохота наступила полная тишина.

Тревис набрал полные легкие воздуха, на этот раз жгло не так. В синеватом свете, исходящем от стен корабля, он видел Эша. Тот лежал, прислонясь плечами и головой к стене. На лбу его наливался кровоподтек. Вернулся от наружного люка Росс.

— Тесновато здесь, — заметил он. — Можем перейти дальше, там просторнее.

Они прошли во внутренний люк, и Мердок закрыл и его — вероятно, это спасло им жизнь.

— Сюда... — Мердок указал на ближайшую дверь. Техники открыли двери, которые были плотно заперты во время их первого посещения. В каюте за дверью находился предмет, напоминавший одновременно койку и гамак, — он был прикреплен и к стене, и к потолку.

На него положили все еще не вполне пришедшего в себя Эша. Тревис едва успел осмотреться, как сверху, с лестницы долетел голос:

— Эй! Кто там внизу? Что происходит?

Они поднялись в рубку управления. Перед ними стоял сухощавый молодой человек в комбинезоне техника и смотрел на них широко раскрытыми глазами.

— Кто вы? — спросил он, пятясь и сжимая кулаки.

Тревис удивился, но потом увидел свое отражение в панели управления — грязный, на три четверти обнаженный дикарь. И Росс такой же. Вдвоем они показались незнакомцу свирепыми туземцами. Мердок сорвал парик, Тревис последовал его примеру. Техник успокоился.

— Вы агенты во времени. — Он произнес это как обвинение. — Что здесь происходит?

— Все взорвалось. — Росс тяжело опустился на одно из качающихся кресел. В этой тихой каюте трудно было поверить в катастрофу и смятение снаружи. — Происходит извержение вулкана, — продолжал Мердок. — И прорвались мамонты, мы едва успели сюда забраться...

Техник направился к лестнице.

— Надо добраться до перехода.

Тревис схватил его за руку.

— Из корабля сейчас не выбраться. Ничего даже не видно, в воздухе полно пепла.

— Насколько были готовы к переносу корабля? — спросил Росс.

— Насколько я знаю, все готово, — начал техник и быстро добавил: — Думаете, они потащат его прямо сейчас, с нами внутри?

— Это возможность, только возможность. Если решетка выдержала землетрясение и нападение мамон-

тов. — Голос Росса звучал негромко и устало. — Пождем и увидим.

— Можно увидеть отсюда — немного. — Техник подошел к одной из боковых панелей и протянул руку.

Росс прыгнул со своего места — со скоростью и смертоносной целеустремленностью саблезубого тигра. Он ударил техника и отбросил его на пол. Но тот уже успел нажать кнопку. С плиты поднялся светящийся экран. И вот над головой удивленного и рассерженного техника появились клубы дыма: разведчики, как через окно, смотрели на долину.

— Дурак! — Росс стоял над техником, и в нем Тревис ощутил ту же смертельную угрозу, как при первой встрече. — Ничего здесь не трогай!

— Умник, да? — Лицо техника вспыхнуло, он встал, сжимая кулаки. — Я знаю, что делаю...

— Смотрите... туда! — Крик Тревиса остановил готовую начаться драку.

На экране по-прежнему все было затянуто дымом. Но появилось и кое-что еще. Полоса за полосой, квадрат за квадратом вспыхивало зеленоватое сверкание, обладающее силой молнии, но не ее свободой. Сияние все росло, перекрывая серость дыма.

— Решетка! — Техник отвернулся от Росса. Опираясь руками о спинку одного из качающихся кресел, он склонился к экрану. — Включили энергию. Собираются перенести нас!

Решетка продолжала сверкать, яркость свечения росла. Теперь на нее уже невозможно было смотреть. Корабль покачнулся. Еще одно землетрясение — или что-то другое? И прежде чем Тревис смог сообразить, его охватила волна ощущений, которые он не мог бы описать, потому что никогда не испытывал их раньше. Как будто его плоть и мозг вступили в войну друг с другом. Он дергался, хватал ртом воздух. Мгновенное неудоб-

ство, которое он испытал в маленькой машине времени, ничто по сравнению с этой мукой. Он пытался найти хоть что-то устойчивое в растворяющемся мире.

Он оказался на полу. Над ним находилось окно наружу. Он медленно поднял голову, чувствуя, что все тело словно избито. Но экран — на нем больше не видно серости, нет пепла, идущего, как снег. Экран синий яркой металлической синевой, он хорошо знает эту синеву и часто видел ее над собой. Тревис поднялся, протянул руки к этой синеве. Но по-прежнему чувствовал себя неустойчиво.

— Подожди! — Техник схватил его за руку. Он оттащил Тревиса от экрана, попытался усадить в одно из кресел. Росс стоял сзади, он вцепился в панель с такой силой, что шрамы на руке четко проступили красными полосами. Лицо утратило выражение холодного гнева, стало внимательным, настороженным.

— Что происходит? — хрипло спросил Росс.

Ответ техника прозвучал резко.

— Садитесь в кресла! Привяжитесь! Если я правильно понял, приятели... — Он толкнул Росса в ближайшее кресло, тот покорно подчинился, словно не собирался только что драться с этим человеком.

— Мы прошли через время? — Тревис по-прежнему смотрел на мирное голубое небо.

— Конечно... прошли. Но долго ли останемся... — Техник направился к третьему креслу, тому самому, в котором они нашли мертвого пилота. Сел резко, чуть не упал.

— Что ты хочешь сказать? — Глаза Росса сузились, на лице снова появилось угрожающее выражение.

— Энергия переноса привела в действие двигатели. Ты разве не чувствуешь вибрацию, парень? Мне кажется, корабль готовится к старту.

— Что? — Тревис полупривстал. Техник наклонился, толкнул его обратно.

— И не думай пытаться выскочить, парень. Смотри!

Тревис взглянул, куда он указывал. Дверь на лестницу, по которой они поднялись сюда, была закрыта.

— Двигатели работают, — продолжал техник. — Я думаю, мы скоро стартуем.

— Но как же... — начал Тревис и вздрогнул, понимая тщетность своего протеста.

— Что мы можем сделать? — спросил Росс, снова овладев собой.

Техник рассмеялся, подавился и махнул рукой в сторону приборов.

— Что? — мрачно переспросил он. — Я знаю назначение трех маленьких кнопок. С остальными мы не решались экспериментировать. Я не могу ни остановить, ни начать что-нибудь. Так что мы полетим к Луне или еще куда-нибудь, хотим мы того или не хотим.

— А снаружи ничего не смогут сделать? — Тревис снова повернулся к голубой полоске. Он не разбирается в машинах. Только может надеяться, что кто-нибудь как-нибудь сумеет положить конец этому ужасу.

Техник взглянул на него и снова рассмеялся.

— Могут побыстрее убраться. Если при старте возникнет ударная волна, многие могут пострадать.

Вибрация становилась все сильнее. Казалось, дрожат не только стены и пол — сам воздух, который Тревис глотал быстрыми короткими вдохами. Он чувствовал себя больным от ощущения полнейшей беспомощности, во рту пересохло, в желудке начались боли.

— Сколько?.. — услышал он вопрос Росса и увидел, как техник качает головой.

— Я знаю не больше тебя.

— Но почему? Как? — хрипло спросил Тревис.

— Пилот, которого тут нашли... — техник постучал пальцами по контрольному щиту. — Может, он установил перед смертью обратный курс. А потом при переходе во времени эта энергия что-то привела в действие... Я только гадаю.

— Установил курс куда? — Росс облизал пересохшие губы.

— Может быть, домой. Ну, парни, застегнитесь!

Тревис ухватился за ремни, неуклюже натянул их поперек тела. Он тоже ощутил резкое усиление вибрации.

Потом невидимая рука, большая и сильная, как нога мамонта, обрушилась на него. Под его телом кресло раскрылось и превратилось в раскачивающуюся постель. Он лежал, прикрепленный к ней, не в силах дышать, думать, делать что-нибудь. Он мог только чувствовать боль во всем теле, кости его напряглись под давлением. Синий прямоугольник мелькнул перед глазами, и все потемнело.

Глава 7

Тревис приходил в себя медленно, с трудом. Прежде чем прояснилось в голове, он ощутил боль внутри. Во рту вкус крови. Трудно глотать и трудно сфокусировать взгляд. Экран, совсем недавно голубой, теперь совершенно черный. Тревис шевельнулся, кресло под ним сильно покачнулось, хотя его усилие было слабым. Медленно, осторожно он приподнялся на руках.

В соседнем качающемся кресле лежал Росс Мердок, нижняя часть его лица была покрыта засохшей кровью, глаза закрыты, под загаром болезненная желтизна. Техник, казалось, был не в лучшем состоянии. Но в рубке не тихо, что-то движется. Поняв это, Тревис расстегнул ремни на груди и попробовал встать.

Эта попытка привела к катастрофическим последствиям. Он оторвался от опоры, но при этом ноги его не коснулись пола. Он повис, ничего не веся, и ударился о край щита с такой силой, что вскрикнул от боли. Охваченный паникой, он вцепился в щит, подтягиваясь, пока не дотянулся до техника. Попытался привести его в себя. Попытки Тревиса становились все резче, но техник продолжал лежать.

Наконец он застонал, повернул голову и открыл глаза. Постепенно они стали сознательными, в них отразилось удивление и страх.

— Что... что случилось? — Слова звучали нечетко. — Ты ранен?

Тревис провел рукой по щекам и подбородку, посмотрел: рука в крови. Должно быть, он выглядит не лучше Росса.

— Не могу ходить, — он выбрал самую главную проблему. — Просто плаваю...

— Плаваешь? — повторил техник, потом принялся расстегивать свои ремни. — Значит... нет тяжести. Мы в космосе!

В памяти Тревиса всплыли обрывки прочитанных статей. Нет тяготения... нет ни верха, ни низа... нет веса... Его тошнило, голова кружилась, но он, придерживаясь за щит, перебрался от техника к Россу. Мердок уже начал шевелиться, и, когда Тревис дотянулся до его кресла, Росс застонал, пальцы его бесцельно скользили по груди. Тревис осторожно взял его за окровавленный подбородок, покачал медленно из стороны в сторону, и серые глаза раскрылись.

— ...и вот мы в космосе! — Кейс Ренфри, техник, покачал головой, отвечая на поток вопросов агентов во времени. — Слушайте, парни, меня включили в проект для оценки степени повреждений. Я не умею летать ни

в каком корабле, тем более в этом. Тут должно быть автоматическое управление.

— Включенное мертвым пилотом. Корабль вернется на базу, — мрачно предположил Тревис.

— Ты забыл об одном. — Росс осторожно сел, обеими руками держась за ремни. — База пилота осталась в прошлом. С той эпохи прошло двенадцать тысяч лет. Нас перенесли во времени перед стартом...

— А можем мы вернуться домой? — спросил Тревис у техника.

— Я не стал бы трогать приборы на щите, — ответил Ренфри, покачивая головой. — Если мы летим на автопилоте, лучше всего долететь до цели, и тогда посмотрим, что можно сделать.

— Но придется задуматься еще кое о чем. Пища, вода, запас воздуха, — заметил Тревис.

— Да... воздух. — Росс говорил с холодной серьезностью. — Сколько времени можем мы быть в пути?

Ренфри слабо улыбнулся.

— Я знаю не больше тебя. Думаю, запаса воздуха хватит. На корабле установка по очистке воздуха, и Стеффердс говорил, что она в рабочем состоянии. Воздух очищается каким-то видом водорослей в закрытых баках. Можно посмотреть, но добраться до них невозможно. И состав атмосферы примерно тот же. А что касается пищи и воды... нужно поискать. Нужно прокормиться троим...

— Четверым! С нами Эш! — Росс, забыв, где находится, попытался вскочить, взлетел в воздух, размахивая руками и ногами, и Ренфри притянул его вниз.

— Спокойней, спокойней, приятель. Нажмешь случайно не ту кнопку, и наше положение станет еще хуже. Кто такой Эш?

— Наш шеф. Мы оставили его в каюте внизу, у него ушиб головы.

Тревис направился к колодцу, ведущему к центру шара. Просчитался, отскочил назад и был доволен, когда смог наконец ухватиться за ручку. Вдвоем они открыли дверь и с трудом стали двигаться в направлении, о котором Тревис по-прежнему, несмотря ни на что, думал как о «низе».

Спуск к сердцу корабля потребовал гибкости, мучительной для избитых тел. Но в каюте они нашли Эша по-прежнему на койке. Он перенес старт гораздо легче. Потому что только его спокойное лицо выглядывало из массы густого желе, заполнившего внутренности койки-гамака.

— Все будет в порядке. Это вещество они использовали для лечения раненых. Мне оно спасло жизнь, — заверил Росс. — Лечит все что угодно.

— Откуда ты столько знаешь? — спросил Ренфри, потом, удивленно глядя на Росса, добавил: — Эй, ты, должно быть, тот парень, что пробрался на корабль, который грабили красные!

— Да. Но сейчас я бы хотел больше знать об этом корабле. Пища, вода...

Вслед за Ренфри они принялись обходить корабль, с трудом приспособиваясь к невесомости, но решив узнать все лучшее... и худшее о месте своего заключения. Техник уже побывал в корабле везде и теперь показал им установку по очистке воздуха, помещение двигателей, каюты экипажа. Они тщательно осмотрели помещение, которое могло служить только кают-компанией, соединенной с кухней. Очень тесное помещение. За раз в него вмещалось только четыре человека... или человекоподобных существа.

Тревис, нахмурясь, рассматривал ряды закрытых контейнеров в шкафу. Достал один, потряс возле уха и услышал плеск, от которого захотелось провести языком по сухим окровавленным губам. Внутри какая-то

жидкость, а он не может вспомнить, когда пил в последний раз.

— Вот вода, если хочешь пить. — Ренфри достал из-за угла канистру. — У нас на борту четыре таких, мы пили, когда работали.

Тревис взял металлическую бутылку, но не стал открывать.

— На борту все четыре? — Вероятно, лучше других он понимал ценность воды и как плохо без нее.

Ренфри достал все, потряс.

— Три полны. А эта примерно наполовину или чуть меньше.

— Придется установить норму.

— Конечно, — согласился техник. — Наверно, есть и таблетки пищевого концентрата. У вас, приятели, они есть?

— У Эша была с собой сумка с припасами. Правда? — спросил Тревис у Росса.

— Да. И надо проверить, сколько там таблеток.

Тревис взглянул на булькающий контейнер чужаков. Много бы он дал за то, чтобы открыть крышку, попробовать содержимое и утолить жажду и голод.

— Наверно, придется испытывать и это, — сказал Ренфри, взял контейнер и поставил на место.

— Я думаю, нам многое нужно будет испытать до конца путешествия — если оно кончится. А сейчас мне хотелось бы в ванну. На худой конец, под душ. — Росс оглядел собственное исцарапанное полуобнаженное — и очень грязное — тело с явным неудовольствием.

— Это можно. Идемте.

Снова Ренфри исполнял роль проводника. Он привел их в маленькое помещение за кают-компанией.

— Становись сюда. Держаться можно за эти штуки. — Он указал на прутья на стене. — Встань ногами на эту пластину и нажми диск на стене.

— И что будет? Я поджарюсь или испекусь? — подозрительно спросил Мердок.

— Нет. Это действует. Мы вчера испробовали на морских свинках. А потом Харви Баш вылил на себя банку масла и вымылся. Похоже на душ.

Росс снял поношенную кожу и сбросил сандалии. И от этого движения скользнул вдоль стены.

— Ну, хорошо. Я готов попробовать. — Он встал на пластину, держась руками за прутья, и нажал круг. Из-под пластины на полу начал подниматься туман. Окутал его ноги, продолжая подниматься. Ренфри закрыл дверь.

— Эй! — протестовал Тревис. — Он задохнется.

— Все в порядке! — послышался из-за двери голос Росса. — И даже еще лучше!

Когда он несколько минут спустя вышел из полного туманом помещения, вся грязь и большая часть краски сошли с тела. Больше того, свежие кровотокающие царапины превратились в розоватые сморщенные линии. Росс улыбался.

— Номер со всеми удобствами. Не знаю, что это за штука такая, но прочищает кожу до второго слоя, и очень приятно. Первая хорошая вещь, которую мы нашли в этой мышеловке.

Тревис снимал с себя кожу медленнее. Ему не хотелось закрываться в этой душегубке, но и нынешнее состояние ему не нравилось. Он осторожно ступил на пластину, поставил устойчивей ноги и нажал круг, задерживая дыхание, когда начал подниматься туман.

Но это не газ, тут же понял он, и не туман, а что-то более материальное. Как будто погружаешься в струю пенных пузырей, они растирают тело, как полотенцем. Улыбаясь, Тревис расслабился и, закрыв глаза, пригнулся. Он чувствовал мягкие прикосновения к лицу, боль от ушибов и царапин улеглась.

Выйдя из душа, Тревис увидел обновленного Росса. Тот надевал на широкие плечи верхнюю часть синего костюма, который облегал его тело, выделяя каждую мышцу. Костюм из одного куска, на ногах что-то вроде чулок, заканчивается мягкими подошвами, пружинящими при ходьбе. Росс подобрал с пола другой такой же костюм и бросил индейцу.

— За счет заведения, — сказал он. — Никогда не думал, что когда-нибудь снова надену такое.

— Их форма? — Тревис вспомнил мертвого пилота. — Что это, шелк? — Он провел рукой по гладкой поверхности ткани и поразился игре цвета — синий, зеленый, фиолетовый. Оттенки сменяли друг друга при движении ткани.

— Да. С одной стороны, у него отличные качества, он предохраняет от жары и холода. Но с другой, его можно выследить.

Тревис перестал надевать костюм.

— Как это выследить?

— Ну, за мной шли около пятидесяти миль по неровной местности, потому что на мне был такой костюм. И пытались подчинить мое сознание. Я уснул однажды, а проснувшись, увидел, что иду прямо к тем парням, которые хотели меня поймать.

Тревис смотрел недоверчиво, но было ясно, что Росс говорит совершенно серьезно. Тогда апач взглянул на уже надетый костюм, и ему захотелось его снять. Однако Мердок, вопреки своему рассказу, застегивал кнопки, проходившие наискось от плеча к бедру.

— Если бы мы были в том времени, я не притронулся бы к этому костюму и концом пятидесятифутовой палки, — продолжал Росс, сухо улыбаясь. — Но так как мы в тысячах лет от его хозяев, я рискну. Как я сказал, у этих костюмов есть и достоинства.

Тревис застегнул кнопки на своем костюме. Стало легко, приятно, чуть тепло, почти так же успокаивающе, как в душе из пузырей, который залечил его тело и придал ему энергию. И он решил, что будет носить этот костюм: он несравненно лучше снятой одежды из шкур.

Они учились передвигаться в невесомости. Обычный способ передвижения напоминал плавание, нашлись удобные ручки, за которые можно было подтягиваться. Если бы Тревис мог забыть, что корабль несет их в неизвестность, нынешнее их положение было бы совсем неплохим. Но когда примерно час спустя все четверо собрались в рубке управления, они подготовились со всей возможной объективностью обсудить главную проблему.

Эш, вполне пришедший в себя, посвежевший после лечения средствами чужаков, с невысказанного согласия всех принял руководство. Но надежды трех агентов во времени были связаны с Ренфри. Однако техник мало что мог предложить.

— Пилот, очевидно, перед смертью настроил приборы на возвращение домой. Я только высказываю предположение, вы понимаете, но это единственное объяснение, которое имеет смысл. Когда мы здесь работали, мой шеф, пользуясь записями с того корабля, который грабили красные, определил три установки: ту, что позволяет видеть снаружи корабля, — начал он, указывая на экран, ставший голубым за несколько мгновений до их невольного старта. — Вторая — это внутренняя коммуникационная система, позволяющая связаться с любым помещением на корабле. И третье — вот это. — Он погрузил рычаг в прорезь. На щите вспыхнули три огонька, а из воздуха над головами послышались звуки, которые могли бы быть словом на неизвестном языке.

— И что же это? — Эш с интересом смотрел на огоньки.

— Орудия! Теперь у нас открыты четыре люка, и орудия готовы к стрельбе. Шеф считает, что это не-

большой военный или патрульный полицейский корабль. — Он вернул рычаг на место, и огоньки погасли.

— Это нам не очень поможет, — заметил Росс. — А как насчет шансов на возвращение домой?

Ренфри пожал плечами:

— Я такой возможности пока не вижу. Откровенно говоря, боюсь трогать эти приборы в космосе. Очень велика возможность остановиться, а снова полететь — вперед или назад — мы не сможем.

— Это разумно. Итак, придется лететь в порт, на который нацелены твои приборы?

Ренфри кивнул.

— Не мои приборы, сэр. Это, все это намного превышает наши знания. Может быть, если бы у нас было время и мы стояли бы благополучно на поверхности, я бы сумел разобраться, как работают двигатели, но заставить их работать — это еще одна проблема.

— Атомное горючее?

— Даже это я не могу сказать. Двигатели герметически закрыты. Может, это защита от радиации. Мы не решились проверить.

— А домашний порт может быть в любом месте вселенной, — размышлял Эш. — У них должен был существовать какой-то способ прыжка: полет не может длиться столетия.

Ренфри с раздражением разглядывал ряды кнопок и ручек.

— У них тут может быть любой прибор, описанный фантастами, сэр, но мы этого не знаем и не узнаем, пока эта штука не заработает.

— Отличная перспектива. — Эш с осторожностью новичка в невесомости встал. — Я думаю, пора ближе познакомиться с нашим новым домом.

На корабле были три маленькие каюты, в каждой по две койки-гамака. Экспериментируя со стенными панелями, агенты во времени обнаружили одежду и лич-

ные вещи экипажа. Тревису не хотелось притрагиваться к этим вещам мертвецов. Но он выполнил свою долю поиска. От находок в их нынешнем положении может зависеть жизнь и смерть. Он порылся в одном из пустых ящиков и увидел что-то блестящее. Тревис достал этот предмет. В руках его оказался прямоугольник из какого-то гладкого материала, похожего на стекло. Но возбуждение от находки улеглось, когда он начал разглядывать ее с любопытством. Прямоугольник окаймляла рамка из крошечных вспыхивающих желтых точек, возможно, драгоценных камней. А в рамке было не изображение, а чернота.

Картина! Может, тут был пейзаж какого-то далекого мира? На что он был похож? А может, семья, дом, друзья? Тревис смотрел на гладкую поверхность в рамке. Гладкую?.. Там что-то есть! Появился цвет, он менялся, очертания становились все более четкими. Удивленный, почти испуганный, Тревис смотрел на появившуюся сцену.

Да, изображение. И знакомое. Он, несомненно, знает это место — полоска пустыни и горы. Да он смотрит сверху на каньон Красной Лошади! Ему хотелось отбросить от себя эту пластинку. Как мог чужак, живший двенадцать тысяч лет назад, иметь в своем имуществе изображение местности, которую Тревис знал, как свой родной дом? Это невероятно! Не может быть!

— Что это, сынок? — Рука Эша реальна, голос теплый. Тревис продолжал смотреть на вещь, чужую, ужасную, несмотря на знакомую красоту...

— Изображение, — пробормотал он. — Изображение моей родины...

— Что? — Эш наклонился и с удивленным восклицанием взял рамку из рук Тревиса. Молодой человек стер ладонью пот со лба, стараясь стереть и прикосновение этой жуткой вещи.

Но, взглянув снова на картину пустыни, он вскрикнул. Картина быстро тускнела, цвета сливались, сме-

нялись белизной. И вот пустыня и горы исчезли. Эш держал пластинку в обеих руках. Снова в глубинах ее началось движение, что-то закрубилось, и появилась новая яркая сцена.

Но не пустыня, а группа высоких деревьев. Тревис узнал в них сосны. Под ними полоска серо-белого песка, а дальше волны, ударяющиеся в скалы. И над спокойной водой белые птицы.

— Гавань! — Эш неожиданно сел на койку, руки его дрожали. — Это берег у моего дома в Мейне... В Мейне! Говорю вам! Гавань Мейн! Но как это сюда попало? — Его лицо выражало растерянность.

— Мне оно тоже показало мою родину, — медленно сказал Тревис. — А вам — другую картину. Может, тому, кто жил в этой каюте, оно тоже показывало родину. Это какое-то волшебство. Но не такое, как ваша наука, и не то, что у моих древних. — Тот факт, что этот предмет вызвал у белого такое же недоумение, как и у него, почему-то ослабил страх. Эш оторвал взгляд от картины берега и посмотрел в глаза Тревису. Медленно кивнул.

— Это, конечно, догадка, но я думаю, ты прав. Что они знали, эти чужаки, какие чудеса им были доступны! Мы должны узнать, должны последовать за ними.

Тревис несколько натужно рассмеялся.

— Мы и так следуем за ними, доктор Эш. А насчет узнать — посмотрим.

Глава 8

Человек двигался по узкому коридору, мягкие подошвы еле касались пола. В лишенных ритма времени помещениях космического корабля не было смены дня и ночи. Тревису пришлось долго ждать этого момента. Сильно похудевшими коричневыми руками он плотнее

затягивал ремень. А под ним — грызущая боль, которая теперь никогда не оставляла его.

Они растягивали запас воды при помощи строгого рационирования, так же поступили и с таблетками концентрата. Но завтра, вернее, в следующий период бодрствования, который они называют «завтра», останется всего четыре маленьких квадратика. И Тревис прекрасно сознавал не только этот неоспоримый факт; он помнил, что сказал Росс, когда они говорили о необходимости испытать продукты чужаков.

— Кейс Ренфри, — сказал тогда Мердок, — не будет испытателем. Если нам удастся когда-нибудь установить, что заставляет работать этот автобус, и повернуть его назад, это сделает Ренфри. А у вас, шеф, — он повернулся к Эшу, — лучшие мозги, вы должны их использовать. Может, мы где-то в этом барахле найдем руководство или ленту «сделай сам», которая даст нам ключ.

Они обсуждали найденное. Такие предметы, как рамка с исчезающей картиной, отложили в сторону, надеясь, что Эш, с его археологическим опытом проникновения в загадки древности, сумеет их изучить и понять.

— Таким образом, — закончил Росс, — проблему пищи будет решать доброволец — я.

Тревис молчал, но принял свое решение. Он пришел к такому же логичному выводу, что и Росс, только окончательное суждение было другим. Из всех четверых на корабле, конечно, он, а не Мердок наименее ценен. А история его народа свидетельствует, что апачи обладают очень крепким пищеварительным аппаратом. Они жили на естественных продуктах в такой местности, где не выжило бы никакое другое племя. И вот — теперь он занят собственным исследовательским проектом.

В прошлый период сна он проверил первый контейнер из шкафа. Тот самый, в котором булькала жидкость. Сделал два больших глотка густого сладковатого вещества, по консистенции похожего на похлебку. Вкус не очень приятный, но никаких плохих последствий не было. Теперь он выбрал маленький круглый контейнер и быстро снял с него крышку, прислушиваясь при этом к звукам в коридоре.

Он оставил Росса спящим в маленькой каюте, которую они делили, заглянул по пути к Эшу и Ренфри. Времени мало, а ему приходится выдерживать достаточный период времени после каждого испытания.

Тревис хотел пить, но понимал, что этого нельзя делать. В последний «обед» он скрыл в руке таблетку пищевого концентрата, поднес контейнер с водой к губам, но пить не стал. Желудок его должен быть пустым. Теперь он с отвращением разглядывал свой новый выбор.

Коричневое желе, оно слегка дрожит от перемещения контейнера в руке, поверхность его отражает свет. Используя крышку в качестве импровизированной ложки, Тревис отправил немного желе в рот. Почти безвкусное, только неприятное ощущение жира на языке. Он проглотил, сделал второй глоток. Потом выбрал третий образец — квадратный ящичек. Придется подождать. Если желе не будет иметь плохих последствий, тогда это. Если он докажет, что желудок выдерживает четыре-пять разновидностей этих продуктов, у них появится надежда продержаться до конца пути.

Он не вернулся к себе на койку. Магнитные днища контейнеров удерживали их на поверхности стола, как толстые подошвы ног прилипают к полу, если их прижать покрепче. Теперь все уже привыкли к невесомости и условиям космического перелета. Но Тревису приходилось подавлять свою неприязнь к кораблю: он не

выносил тесноты, привык к просторам. В одиночестве ему легче: не нужен такой строгий контроль за собой.

Путешествие в прошлое ему понравилось. Доисторический мир дик, но он понимает эту дикость. Корабль — совсем другое дело. Ему казалось, что в маленьких каютах, узких коридорах и на лестницах все еще чувствуется запах смерти, что чуждость этого корабля — более страшная опасность, чем саблезубый тигр или мамонт.

Когда-то он считал, что хочет больше узнать о древних. Хотел разгадать загадки по обломкам керамики и наконечникам стрел, найденным в пыльных пещерах. Но те древние — его далекие родственники; те же, что построили этот корабль, — совсем другие. На одно-два мгновения клаустрофобия охватила его, он почти потерял контроль над собой, ему хотелось бить в стены кулаками, выбраться из этого заключения на воздух, к свету — на свободу.

Но за этими стенами нет света и воздуха, только свобода пустоты — или то загадочное гиперпространство, что сокращает расстояния между звездами. Тревис боролся со своим воображением. Он не мог выдержать картины корабля, висящего в пустоте, где, вероятно, нет даже застывших точек света — звезд, где нет ничего постоянного и прочного.

Путешественники могли только надеяться, что корабль доберется до порта, на который его нацелил умирающий пилот. Но ведь курс был установлен двенадцать тысяч лет назад, может быть, и больше. Какой порт выдержит такое время? Двенадцать... пятнадцать тысяч лет... Слишком долгий период для воображения обычного человека. В это время на Земле еще не были построены первые поселки со стенами из глины, не была засеяна первая полоска земли, человек еще не превратился из бродяги в домохозяина, собственника

земли. Какими были тогда апачи? А белые? Бродячие охотники, искусно пользующиеся копьем и ножом, преследующие добычу. Но именно тогда эти чужаки построили корабль, путешествовали в космосе не только между планетами одной системы, они летали от звезды к звезде!

Тревис пытался представить себе их будущее, но мысли его все время возвращались к потребностям настоящего. Ему хотелось постоять под солнцем и на ветру, да, даже в пустыне, где ветер горяч и полон пыли. Это желание острое, как боль... боль?

Он сжал руками живот. Резкая неожиданная боль пронзила внутренности, и, конечно, она не от тоски по дому. Боль физическая и очень реальная. Он согнулся вдвое, стараясь облегчить боль, каюта затягивалась туманом. Боль прошла, Тревис распрямылся и тут же ощутил ее снова. Вот и все. На второй попытке ему не повезло.

Ему удалось встать, придерживаясь за стол, когда начался третий приступ. Потом пытка кончилась, оставив его всего в поту. А когда начался четвертый приступ, он уже был в коридоре, добрался до убежища, которое искал, и тут его наконец вывернуло.

Тревис не мог поверить, что два глотка жирного желе способны так ослабить человека. Он с трудом дотащился до кают-компания, бессильно опустился на стул. Больше всего ему хотелось воды — смыть грязь во рту, затушить жжение в горле. Канистры насмехались над ним, он не смел к ним прикоснуться, зная, как мало осталось драгоценной жидкости.

Некоторое время он сидел у стола, радуясь прекращению боли. Потом взял контейнер с желе. Нужно обозначить, что это яд. Он проверил только два контейнера. Сколько еще пригодных удастся найти?

Остается только пять таблеток концентрата, считая ту, что он спрятал. Ничто не превратит пять в десять — или в двести. Если они хотят дожить до своей неведомой цели, придется пользоваться пищей чужаков. Но Тревис не мог сдерживать дрожь рук, когда открывал крышку квадратного ящичка. Может, он слишком торопится, берется за новый образец сразу после катастрофических последствий предыдущего? Но он знал, что, если не сделает сейчас и здесь, на третью попытку его не хватит.

Крышка снялась, и Тревис увидел внутри сухие красные кубики. На ощупь среднее между черствым хлебом и сухим печеньем. Он принялся. Впервые запах показался ему отдаленно знакомым. Так пахнут тонкие хрупкие маисовые лепешки. И так как этот запах вызывал приятные воспоминания, Тревис откусил охотно. Несколько мгновений назад он бы не поверил, что это возможно.

Кубик раскрошился, как пшеничный хлеб, и Тревису показалось, что и вкус тот же, вопреки необычному цвету. Он прожевал и проглотил. И хоть пища была сухой, жжение после желе прекратилось. Так вкусно, что он решил проглотить еще несколько кусков. Прикончил первый кубик, потом второй. Наконец, по-прежнему держа в руке ящичек, он закрыл глаза, уставшее тело требовало отдыха.

Он едет верхом. Перед ним вход в каньон Красной Лошади, в воздухе пахнет можжевельником. Пролетела птица — его глаза следуют за ее полетом. Орел! Мощная птица кругами поднимается в безоблачное небо. И вдруг небо больше не синее, оно черное, и это не чернота обычной ночи. Межзвездная чернота. Звезды увеличиваются, его несет к ним сквозь черноту...

Тревис с трудом раскрыл глаза, разглядел перед собой фигуру в синем. К нему склонилось худое измож-

денное лицо, с запавшими щеками, с темными пятнами под холодными серыми глазами.

— Росс! — Апач поднял голову с рук, поморщившись от боли в шее.

Мердок сидел против него, переводя взгляд от контейнеров чужаков на Тревиса и обратно.

— Так вот чем ты занимаешься! — В голосе его звучали обвинительные нотки, почти гнев.

— Ты сам сказал, что это работа для самого заменимого.

— Хочешь втихомолку стать героем! — Обвинение слышится совершенно ясно.

— Пока не очень получается. — Тревис оперся подбородком о кулак и взглянул на контейнеры. — Пока что я проверил только три.

Росс прикрыл глаза. К нему вернулся обычный самоконтроль, хотя Тревис не сомневался, что тот по-прежнему враждебно настроен.

— И каковы результаты?

— Номер один, — Тревис указал на контейнер, — слишком сладко, похоже на похлебку, но, несмотря на вкус, остается в тебе. Вот этот номер два. — Он хлопал по жестянке с коричневым желе. — Им можно только волков травить. А вот это, — он указал на ящик с красными кубиками, — вот это хорошо.

— Долго ты этим занимаешься?

— Один попробовал в прошлый период сна, два — в этот.

— Яд? — Росс взял контейнер с желе, заглянул в него.

— Можешь сам попробовать! — сердито сказал Тревис, услышав в голосе Росса скептическую нотку.

Росс поставил контейнер.

— Поверю тебе на слово, — согласился он. — А как насчет этого? — Он стоял перед шкафом и теперь по-

вернулся, держа в руках круглую небольшую банку. Открыть ее оказалось труднее, но когда это наконец удалось, внутри обнаружили маленькие шарики в желтом соусе.

— Знаешь, похоже на бобы, — заметил Росс. — Ни разу не видел корабль, на котором в том или ином виде в меню не оказалось бы бобов. Посмотрим, похожи ли они на бобы по вкусу. — Он набрал полный рот и задумчиво начал жевать. — Бобы... нет... я бы сказал, скорее капуста... с какими-то приправами. Но неплохо, совсем неплохо!

Тревис обнаружил, что в глубине души надеется: бобы плохо действуют на Росса... Ну, не так, как желе, — такого он никому не пожелает! Просто это докажет Мердоку, что не так-то просто испытывать пищу...

— Ждешь, чтобы меня вывернуло наружу, — Росс улыбнулся.

Тревис вспыхнул и еще больше смешался, поняв, что выдал себя. Он отодвинул ящичек с хлебными кубиками и с вызовом выбрал новую цель — высокий цилиндр, в котором что-то плескалось.

— Двум смертям не бывать, — заметил Росс. — Как это пахнет?

Открытие хлеба подбодрило Тревиса. Он с надеждой принялся и тут же отдернул цилиндр: из отверстия пошла пена.

— Может, там жидкое мыло, — предположение Росса не очень помогло. — Лизни, приятель, у тебя только один живот на службе родине.

Тревис, подгоняемый насмешкой, лизнул — подозрительно и опасаясь неприятных последствий. Но, к его удивлению, пена, сладковатая, не производила такого отвратительного впечатления, как желе. Скорее приятно, и жажда проходит. Он набрал полный рот,

проглотил и напряженно сидел, ожидая, когда в животе вспыхнет фейерверк.

— Хорошо? — спросил Росс. — Ну, не могут же тебя все время преследовать неудачи.

— Особой удачи тоже нет, — Тревис закрыл цилиндр, из которого продолжала идти пена. — Мы живы... но летим неизвестно куда.

— Ты прав. Немного информации о нашей цели было бы полезно и утешительно.

— Планета тех, кто построил этот корабль, не может сильно отличаться от нашей, — Тревис повторил слова, сказанные ранее Эшем. — Мы без труда дышим их воздухом, можем есть их пищу.

— Двенадцать тысяч лет... Знаешь, я могу это произнести, но в реальности это для меня ничего не значит. — Враждебность Росса либо исчезла, либо отодвинулась на второй план. — Слова произносишь, но не хватает воображения... понимаешь, о чем я?

Тревис, которому наступили на большую мозоль, немного посидел, сдерживаясь, потом ответил:

— Немного. Я четыре года провел в университете. Мы теперь не все время ходим в одеялах и перьях.

Росс взглянул на него, в холодных серых глазах мелькнуло удивление.

— Я не это имел в виду... — Он улыбнулся, и впервые в его улыбке не было ни превосходства, ни насмешки. — Хочешь правду, приятель? Я получил образование — до проекта — очень трудным путем. Никаких университетов. Но ты ведь изучал занятие шефа — археологию, верно?

— Да.

— Что же значат для тебя двенадцать тысяч лет? Ты имел дело со временем в больших дозах.

— Для нашей истории это большой период — от пещер до современности.

— Да, задолго до египетских пирамид, до того, как человек научился писать и читать. Так вот, двенадцать тысяч лет назад звезды принадлежали этим парням в синем. Но готов биться об заклад, они их не удержали! На нашей планете ни одна страна, даже Китай, не прожили так долго. Цивилизации поднимаются, а потом... — он щелкнул пальцами. — Капут. Другие занимают их место. Так что, может быть, когда прилетим в порт, о котором говорит Ренфри, ничего там не найдем. Или нас ждет что-то совсем другое. Либо то, либо другое. Только я бы предпочел, чтобы нас ничего не ждало.

Тревис вынужден был согласиться с логикой этого рассуждения. Допустим, они прилетят в порт, который перестал существовать. И улететь оттуда не смогут: они не умеют управлять кораблем. На весь остаток жизни превратятся в космических изгнанников.

— Мы еще не умерли, — сказал Тревис.

Росс рассмеялся.

— Несмотря на все наши усилия? Да, таков должен быть наш воинский выкрик! Пока человек жив, он борется. Но неплохо бы все-таки знать, надолго ли мы заперты в этом корабле. — В последних словах не звучал обычный дерзкий тон; как будто и его тщательно поддерживаемый самоконтроль начинает сдавать.

В конце концов их эксперименты оказались вполне успешными. Крекеры, которые Тревис упрямо продолжал именовать «хлебом», пена и капустные бобы Росса без труда переваривались желудком человека. К этому перечню они добавили липкую пасту с консистенцией джема и вкусом бекона и еще что-то похожее на печенье. Несмотря на кислый вкус, от которого сводило рот, есть можно было. Осмелев, Тревис взял контейнер с жидкостью и отпил. Жидкость имела металлический привкус, но вреда не принесла.

Вдобавок к этим экспериментам младшие члены невольного экипажа старались стать как можно более полезными Эшу и Ренфри в их исследованиях. Техник находился в постоянном раздражении. Он проводил часы в рубке управления, изучая механизмы, которые не смел разбирать для более подробного исследования, как ему ни хотелось этого. Однажды утром — по крайней мере на часах Ренфри было десять, эти часы были их единственным способом наблюдения за временем, — Тревис сидел за техником, когда произошло изменение. Такое, о котором не только нужно было молить. Нужно было действовать.

Обычную тишину нарушил резкий звук — возможно, какое-то предупреждение. Ренфри схватил маленький микрофон корабельной связи.

— Привяжитесь! — Он отдавал распоряжения с растущим возбуждением. — Тревога! Возможно, мы садимся. Привяжитесь!

Тревис схватил защитные ремни своего кресла. Внизу, должно быть, легли на койки. Снова вибрация — он уверен, что не ошибается. Корабль ожил.

Последующее описать невозможно. Было два этапа. Первый — водоворот странных ощущений, похоже на то, что они испытали, когда корабль перемещали во времени. Ослабев, Тревис откинулся на спину, глядя на экран. Все это время он был пуст. Но тут его глаза что-то зарегистрировали, и он воскликнул:

— Солнце!

В черном пространстве виднелся желтый огонек.

— Но не наше, — поправил Ренфри. — Мы закончили прыжок. Теперь полет в системе...

Желтовато-красный огонек уже уходил за край экрана. У Тревиса создалось впечатление, что корабль медленно поворачивается. Теперь, когда исчезло яркое

солнце, он увидел слабую светлую точку. Она оставалась на месте.

— Планета. Что-то говорит мне, парень, — неуверенно сказал Ренфри, — что к ней мы и направляемся.

— Земля? — Тревис ощутил прилив надежды.

— Земля, может быть, но не наша.

Глава 9

— Сели. — Голос Ренфри, тонкий, хриплый, нарушил тишину рубки управления. Руки его протянулись к щиту и бессильно упали. Он не управлял посадкой, но казался совершенно истощенным от усилий.

— Домашний порт? — Губы Тревиса пересохли. Посадка оказалась не такой истощающей нервы и тело, как старт с Земли, но все равно пришлось нелегко. Либо корабль был лучше приспособлен к организму чужаков, либо они закалялись в тренировках и многочисленных полетах. Иначе такое не выдержишь.

— Откуда мне знать? — вспыхнул Ренфри. Он был раздражен.

На экране, их окне во внешний мир, снова небо. Но не обычное земное голубое небо, которое Тревис знал и которое стремился снова увидеть. Синевя, близкая к зелени, как бирюза, добываемая в холмах. Что-то в этом небе было холодное, враждебное.

На открытом пространстве виднелось сооружение с металлическим блеском. Но гладкий изгиб тускло-красной поверхности заканчивался рваным краем на сине-зеленом фоне неба. Явно руина.

Тревис отвязался и встал на ноги, тело его с трудом принимало вернувшуюся тяжесть. И хоть он не любил корабль, стремился выбраться из него, сейчас ему совсем не хотелось выходить под это бирюзовое небо и

исследовать руины, видимые на экране. И именно из-за этого нежелания он решил пойти туда.

В конце концов все собрались у выхода. Ренфри возился с внутренней дверью, потом они прошли к наружной. Техник оглянулся через плечо.

— Шлемы надели? — Голос его гулко отдавался в шлеме в форме пузыря Тревиса. Пузырь плотно соединился с костюмом. Эти шлемы обнаружил Эш. Он испытал их, готовясь к выходу в неизвестное. Внутри находились кислородные баки. Принцип их действия был непонятен Ренфри, но чужаки пользовались ими, и теперь придется довериться им.

Открылся наружный люк. Ренфри выбросил лестницу, повернулся, чтобы спускаться по ней спиной вперед. Каждый, выходя из люка, быстро оглядывался.

Внизу на мили расстилалась жесткая белая поверхность. На ней с перерывами виднелись тускло-красные сооружения, их металлические стены в форме треугольников и квадратов. В центре каждого сооружения пространство, обозначенное черными кольцами. Ни одно из красных сооружений не казалось целым, а посадочное поле — если это посадочное поле — имело такой вид, словно им давно не пользовались.

— Еще один корабль. — Эш взмахнул рукой, голос его донесся до Тревиса через коммуникатор шлема.

И верно, за одним из сооружений, примерно в четверти мили, виднелся второй шар. А за ним Тревис видел третий. Но нигде ни признака жизни. Ветер, легкий, ласковый, касался обнаженных рук.

Они спустились по лестнице и остановились у основания собственного корабля, не зная, что делать дальше.

— Подождите! — Ренфри схватил Эша за руку. — Что-то движется — вон там!

В корабле отыскалось оружие; сейчас все держали странные пистолеты, такие же, какой был у Росса при

его первой встрече с Тревисом. Подул ветер, принес обрывок давно погибшего растения, ударил о бок корабля и унес в каком-то ужасном танце.

Но действительно, что-то показалось из основания ближайшей к ним красной башни. Тревис, видя, как разворачиваются большие кольца, замер. Змея? Огромная змея, головой уже дотягивается до их стоянки, а хвост все еще в развалинах здания.

Он прицелился в разворачивающиеся кольца. Но Ренфри ударил его по руке, отведя ствол бластера. И тут апач заметил то, что Ренфри увидел раньше: змея не живая, в ней нет плоти, шкуры, тонких костей, она из какого-то искусственного материала.

Новые кольца механически разворачивались, выползали из дверей, за которыми скрывалась змея. Она приближалась рывками, останавливалась, снова двигалась, словно длительное ожидание чуть не вывело ее из строя. Вблизи стало видно, что она движется на ногах-стебельках. Четыре верхних отростка прижались к корпусу, на том месте, где должна быть голова, качался стержень, напоминающий антенну.

Неровная походка со многими остановками создавала впечатление неисправности, ржавости и изношенности, распада от времени. Сколько она ждала? Четыре землянина отошли от корабля, уступая проход странному посетителю из башни.

— Роботы! — неожиданно сказал Росс. — Это роботы! Но что они собираются делать?

— Заправлять, я думаю, — ответил Эш, а не Ренфри.

— Верно! — Техник устремился вперед. — Но есть ли у них горючее — сейчас?

— Будем надеяться, что хоть немного осталось, — мрачно ответил Эш. — Мне кажется, мы здесь не задержимся. Идемте на борт.

Угроза застрять здесь, если корабль заправится, поднимется и оставит их на планете, вызвала у них состояние, близкое к панике. Они бросились к лестнице и начали подниматься. Но когда добрались до люка, Ренфри остался около него, рассказывая о действиях роботов.

— Похоже, сейчас присоединили эту трубу — под нами. Не вижу, что делает этот ходячий робот, может, просто стоит на случай неприятностей. Что-то движется по шлангу, он раздувается! К нам на корабль что-то подают.

— Бензоколонка. — Эш оглядел развалины зданий и посадочное поле. — Какой размер! Тут могли обслуживать сотни, даже тысячи кораблей. И так как их невозможно заправить все одновременно, значит, был флот, — в голосе его звучало удивление, — флот, масштабы которого нам трудно себе представить. Мы были правы: это галактическая цивилизация. Может, она достигала соседних галактик.

Но глаза Тревиса были устремлены на разбитую вершину башни, из которой вышли роботы.

— По внешнему виду похоже, что тут давно никто не бывал, — заметил он.

— Машины будут действовать, пока не износятся, — ответил Ренфри. — И мне кажется, что эти близки к остановке. Сев, мы привели в действие автоматику. Роботы начали выполнять свою работу — может быть, в последний раз. Когда они этим занимались? Могло тянуться долго, большую часть этих двенадцати тысяч лет, о которых вы все время говорите. Империи умирают медленно. Но я не стал бы проверять. Машины у этих чужаков хорошие, и материалы получше наших.

— Я хотел бы взглянуть на внутренности одной из этих башен, — задумчиво сказал Эш. — Может, там есть записи, что-нибудь такое, что можно расшифровать.

Ренфри покачал головой.

— Я не стал бы. Можем взлететь, прежде чем вы вернетесь на корабль. А... роботы возвращаются. Мы готовы к старту.

Они закрыли наружный люк, потом внутренний. Ренфри по привычке пошел в рубку управления. Остальные трое легли на койки. Последовало короткое ожидание, потом новый старт. На этот раз они не потеряли сознание и выдержали, пока не оказались в космосе.

— А что теперь? — Несколько часов спустя они набились в кают-компанию, чтобы провести бесцельное совещание о будущем. Так как все могли только гадать, никто не ответил на вопрос Ренфри.

— Я когда-то читал книгу, — вдруг с некоторым смущением, словно он нарушил приличия, сказал Росс, — в ней рассказывалось, как какой-то голландский капитан поклялся, что обязательно обогнет мыс Горн на одном из старых парусных судов. Он призвал на помощь дьявола и так и не вернулся домой — многие столетия продолжает плавать.

— Летучий Голландец, — сказал Эш.

— Ну, мы не можем призвать дьявола, — заметил Ренфри.

— Неужели? — Тревис думал, что он рассуждает про себя, но увидел, что все на него смотрят.

— Ну, что за дьявол? — поторопил его Эш.

— Мы пытаемся извлечь знания из этого корабля — это не наши знания, — Тревис говорил запинаясь, он пытался облечь в слова свои неоформившиеся мысли.

— Стервятники, получающие свою заслуженную закуску, — подытожил Эш. — Что ж, если продолжить твою мысль, что-то в этом есть. Запретный плод знаний. Эту идею так давно поместили в сознание чело-

вечества, что она до сих пор сохраняется, как ощущение вины.

— Поместили, — задумчиво повторил Росс. — Поместили...

— Поместили! — подхватил Тревис, и мозг его совершил очередной скачок; он еще не привык к таким внезапным прорывам интуиции. — Кто поместил?..

Оглянулся вокруг, на корабль, их транспорт и одновременно тюрьму.

— Эти?

— Они не хотели, чтобы мы о них знали, — торопливо заговорил Росс. — Вспомните, что они сделали на базе красных: проследили все их посты и все уничтожили. А что, если у них были контакты с первобытными людьми нашей планеты? Они внушали мысли... преподнесли такой страшный урок, что о нем помнили все последующие поколения.

— Есть и другие легенды, кроме Летучего Голландца, Росс. — Эш поерзал на своем сиденье. Стулья корабля не позволяли удобно сидеть человеку. — Прометей и огонь — человек, который посмел украсть знания богов и использовать их на благо человечества, вечно страдал за свою дерзость. Хотя человечество воспользовалось ее плодами. Да, кое-что подтверждает эту теорию. — Его оживление росло. — Может быть... всего лишь может быть... мы узнаем правду!

— Порт заправки давно покинут, — напомнил Тревис. — Может, ничего от их империи не осталось.

— Ну, что ж, главный порт мы еще не нашли. — Ренфри встал. — Когда доберемся до него — я не стану настаивать, но если мы доживем до конца путешествия, может быть, сумеем и вернуться. Конечно, — он постучал пальцами по косяку двери, — конечно, если повезет.

— Каким образом? — спросил Эш.

— Должен существовать какой-то указатель курса, может, запись на ленте. Когда произведем окончательную посадку, можем запустить в обратном направлении. Но между нами и Землей сотни «если», и не следует очень надеяться.

— Еще вот что, — задумчиво добавил Эш к этой слабой надежде. — Я изучал наши находки. Если сумеем прочесть их записи, на некоторых могут быть указания по управлению кораблем.

— А где вы найдете Розеттский камень? — возразил Тревис. Он не мог поверить, что возможен хоть один из этих двух выходов. — У нас никакого общего языкового наследия.

— Разве математика не та же самая, независимо от языка? Два плюс два всегда четыре, не так ли? — удивился Росс.

— Покажите мне хоть один символ на этих лентах, который пусть отдаленно напоминал бы земные математические знаки. — Ренфри был настроен пессимистично. — Во всяком случае, пока мы в космосе, я не стану вмешиваться в работу механизмов.

Пока мы в космосе... Сколько еще будет продолжаться полет? Второй этап путешествия в никуда показался им гораздо тяжелее первого. Они почему-то были убеждены, что у них только одна цель, что первая же посадка будет последней. Но короткая остановка для заправки свидетельствовала, что полет будет долгим. Единственным способом отмечать время у них оставались часы Ренфри. Эш записывал дни, отсчитывая часы. Прошла неделя после посадки для заправки. Еще два дня.

Чувствуя необходимость чем-то заняться, они пытались разгадать загадки корабля. Эш сумел привести в действие воспроизводящее устройство, куда вставляли блоки с записью, и тем самым открыл даже не но-

вый мир, а миры. Монотонная речь, сопровождавшая картины, ничего не говорила землянам. Но сами картины — и какие картины! Трехмерные, цветные, они позволяли заглянуть в непостижимую жизнь сложной цивилизации, расцветавшей вокруг многих звезд.

Расы, культуры, и только третья их часть — гуманоиды. Неужели это подлинные записи? Или просто вымысел для развлечения экипажа в долгие часы полета? А может, отчеты о каких-то операциях? Они могли строить любые догадки, глядя на экран маленькой машины.

— Если это был полицейский корабль и мы видели записи подлинных происшествий, — заметил Ренфри, — тогда у них были проблемы. — Он был поглощен зрелищем битвы в каких-то наполовину затонувших джунглях. Враг был представлен белыми амфибиями, обладавшими способностью удлинять части своих тел, заманивая противника в ловушку. — С другой стороны, — продолжал он, — возможно, это всего лишь рассказы типа поднимем-дух-наших-парней-в-синем. Откуда нам знать?

— Одна запись, которую я обнаружил сегодня утром, нам лично более интересна. — Эш порывлся в плоском контейнере, в котором хранились провода-записи. — Посмотрите. — Он вынул провод с записью битвы в джунглях и вставил новую катушку.

И они увидели небо, серое, покрытое густыми облаками. Поверхность усыпана снегом, таким, как на их родной планете. По этой поверхности двигается небольшой отряд в знакомых синих костюмах. Костюмы отчетливо выделяются на серо-белом фоне.

— Что-нибудь тебе говорит? — спросил Эш у Росса.

Мердок склонился вперед, внимательно разглядывая картину.

Их четверо, лысых гуманоидов в синих костюмах. Другой одежды на них нет, и Тревис вспомнил замечание Росса о качествах этого необычного материала. Шлемов на головах нет. Двигаются чужаки осторожно.

Изображение мигнуло и быстро сменилось. Зрители уже к таким сменам привыкли. Теперь они видели ту же самую местность, должно быть, глазами одного из четверых. Картина резко опрокинулась: камеру направили вниз, в долину. Перед ними длинный спуск, и перспектива искажена.

Но не настолько, чтобы скрыть то, что хотел запечатлеть оператор. Внизу, на плоской равнине, полупогруженный в сугробы, лежит один из грузовых кораблей чужаков.

— Не может быть! — удивленно воскликнул Росс.

— Смотри дальше, — сказал Эш.

До корабля далеко. Вокруг него движутся какие-то черные точки. Они перемещаются по проложенной в снегу тропе. Ясно, что ею пользовались часто. Изображение снова мелькнуло, появился лед, огромная неясная ледяная стена, поднимающаяся к серому небу. И прямо к этой стене вела протоптанная тропа.

— Пост красных! Это он! А корабль, — Росс чуть не задыхался, — корабль участвовал в рейде против красных!

Последний раз шелкнуло, и экран погас.

— А где остальное? — спросил Росс.

— Ты все видел. Если они записали что-то еще, на катушке этого нет. — Эш потрогал цветной ярлычок, прикрепленный к контейнеру, из которого взял запись. — На этикетке ничего соответствующего этому нет.

— Может, красные ответили им? Позже прикончили экипаж. Бактериологическая война... — Росс пощелкал

включателем воспроизводящего устройства. — Вероятно, мы никогда не узнаем.

И тут над головами, нарушив обычную тишину корабля, раздалось предупреждение из рубки управления, где находился Ренфри, сам себя назначивший на вахту:

— Корабль готовится к очередному прыжку, приятели. Пристегнитесь! Мне кажется, скоро большой прыжок!

Они заторопились к койкам. Тревис подтянул защитные ремни. Что найдут они в этот раз? Еще одну станцию с роботами — или порт, конечную цель полета? Он подготовился выдерживать переход из гиперпространства в нормальное пространство-время, надеясь, что привычка на этот раз сделает испытание легче.

Снова они прошли через переход, отрицающий законы природы и тяжело переносящийся и телом, и сознанием.

— Впереди солнце. — Тревис, открыв глаза, услышал в коммуникаторе голос Ренфри. — Одна... две... четыре планеты. Мы как будто направляемся ко второй.

Новое ожидание. Новый спуск в атмосфере, возвращение тяжести, вибрация стен и пола. И посадка, на этот раз с легким подпрыгиванием, как будто она не так хорошо контролировалась, как на заправочной станции.

— Это что-то другое... — послышался голос Ренфри. Вид, открывшийся перед ним на экране, словно лишил его дара речи.

Они поднялись в рубку управления, столпились у окна в новый мир. Должно быть, ночь, но ночь, полная красноватого света, словно далекий пожар бросает в небо отблески своей ярости. И свет этот дрожит, как языки костра.

— Их родная планета? — спросил Росс.

Ренфри, глядя на игру света, как всегда, ответил осторожно:

— Не знаю. Просто не знаю.

— Попробуем взглянуть из люка. — Эш снова принял на себя руководство.

— Может быть, вулкан, — предположил Тревис, вспомнив свой опыт в доисторическом мире.

— Нет, не думаю. Я только одно могу вспомнить...

— Знаю. — Росс уже начал спуск по лестнице. — Северное сияние!

Глава 10

Шахматная доска порта заправочной станции, необычная архитектура — все это поражало, но все же вмещалось в пределы понимания землян. Но это — Тревис смотрел в раскрытый люк — это делало реальными самые фантастические сны.

Вдоль горизонта играли красные языки, заполняя четверть неба, поднимаясь к зениту. Звезды бледнели в этом свете, мерк и свет луны — луны, в три раза больше по размеру, чем спутник их родной планеты.

От корабля уходила потрескавшаяся взгорбленная, некогда ровная поверхность посадочного поля. В воздухе слышался слабый треск, он не имел определенного источника. Как будто атмосферные электрические разряды. Красные отблески бросали движущиеся мрачные тени.

— Воздух годится. — Ренфри осторожно снял шлем. Услышав это, остальные последовали его примеру. Воздух сухой, как ветер пустыни.

— Какие-то здания — в том направлении. — Все повернулись, следуя жесту Росса.

На заправочной станции башни, хоть и полуразрушенные, устремлялись к небу — здесь же здания жалась к поверхности, самое высокое из них было не выше корабля-шара. И нигде в красном свете Тревис не

видел ничего похожего на растительность. Очевидной была заброшенность порта заправки, но здесь опустошение казалось тревожным, почти угрожающим.

Никто не торопился выйти под это огненное небо, и никто не направлялся к кораблю. Если эта посадка тоже предназначалась для обслуживания корабля, механизмы не действовали. Наконец земляне снова ушли в корабль и закрыли люк, решив дождаться дня.

— Пустыня... — Тревис сказал это почти про себя, но Эш вопросительно взглянул на него.

— Ты хочешь сказать — там?

— Ощущение в воздухе, — объяснил Тревис. — Научишься узнавать, если проведешь в пустыне большую часть жизни.

— Это конец нашего пути? — снова спросил Росс у Ренфри.

— Не знаю. — Они поднялись в рубку управления. Техник остановился перед главной панелью. Он хмуро смотрел на нее. Потом неожиданно повернулся к Тревису.

— Ты чувствуешь пустыню. Ну, а я чувствую машины: я прожил с ними большую часть моей жизни. Никаких указаний, что мы снова взлетим. Но у меня чувство, что это еще не конец. — Он чуть смущенно рассмеялся. — Ну, ладно, если вы скажете, что я вижу привидения, я соглашусь.

— Напротив, я настолько с тобой согласен, что далеко не отойду от корабля. — Эш улыбнулся в ответ. — Может, это еще одна заправка?

— Роботов нет, — заметил Росс.

— Они могли выйти из строя и проржаветь много лет назад, — ответил Ренфри. Теперь он как будто пожалел, что высказал свои сомнения.

Наконец они легли, но если кто-то и спал, то урывками. Тревис лежал на мягком матрасе, который при-

нимал форму его тела, но не испытывал ощущения безопасности — того ощущения, которое испытывал в полете. Теперь за оболочкой, до которой он может дотронуться рукой, неизвестная территория, готовая скорее не приветствовать, а грозить опасностями. Может быть, игра огней на небе, сухой пустынный воздух — все это вызвало у него впечатление, что там не мир, населенный старыми машинами. Нет, там снаружи жизнь, она ждет.

Должно быть, он задремал, потому что его разбудило прикосновение руки Росса к плечу. Вслед за Мердоком он потащился в кают-компанию. Ел молча, но каждый нерв его жилистого тела был напряжен. Тревис по-прежнему ощущал ждущую снаружи опасность.

Они вооружились, прицепили к поясам бластеры чужаков. И вышли на безжалостный солнцепек, такой же грозный, как ночные огни.

Эш прикрыл глаза рукой.

— Попробуйте надеть шлемы, — предложил он. — Возможно, они смягчат блеск.

Он оказался прав. Прозрачный материал шлемов задерживал часть света, и смотреть стало легче.

И Тревис оказался прав, говоря, что они в пустыне. Песок, дюны белого песка, отдельные песчинки жестко блестят, отражая солнечный свет. Для незащищенного глаза это невыносимо. Пустынная местность не вызвала никакого желания исследовать ее. И все же всегда есть возможность, что какое-то случайное открытие позволит решить задачу возвращения.

— Пойдем сюда. — Решение принял Эш, опытный исследователь. — Ты останешься здесь, Ренфри, у корабля. При любом признаке того, что корабль оживает, стреляй — на максимуме.

Выстрел из ствола оружия чужаков способен вызвать вспышку голубого пламени, видимую за мили. Путеше-

ственники не знали, какова дальность действия коммуникаторов шлема, но в эффективности этого оружия они были убеждены.

— Сделаю! — Ренфри уже поднимался по лестнице, разочарованный тем, что не оказался в числе исследователей.

И вот земляне — Эш в центре и немного впереди, Росс и Тревис по бокам и немного сзади — направились к зданиям. Тревис машинально рассматривал песок под ногами. Он не мог бы сказать, что ищет. Да и не останутся на этом песке следы. Следы! Он оглянулся. Неглубокие впадины, обозначающие их собственные следы, уже почти не различимы. Никаких признаков, что кто-то проходил здесь, в этом районе забытой базы, в течение дней, месяцев, лет, поколений.

Но песок не везде. Тревис обошел наклонный блок покрытия поля, за ним образовалось углубление. Тревис поколебался, потом заглянул в него.

Вечером на поле дул ветер; он чувствовал его, выглядывая из люка. Теперь воздух неподвижен, песок не тревожит даже легчайший ветерок. А углубление свободно от песка. Он не знал, какой инстинкт подсказал ему, что тут что-то не так. Но эта подсознательная тревога не оставляла его, поэтому он встал на колени и принялся глазом охотника-следопыта разглядывать яму.

И потому увидел то, что в противном случае осталось бы незамеченным, — углубление в почве, не прикрытой песком. Он потрогал пальцами след. Что-то жирное. Тревис снял шлем и поднес палец к носу.

Едкий запах, запах чего-то живого, какого-то грязного тела. Он уверен в этом! И так как это существо сидело здесь долго, наблюдая за кораблем, он решил, что оно обладает разумом — какого-то типа. Надев шлем, он по коммуникатору сообщил о своей находке.

— Говоришь, оно сидело здесь долго? — услышал он вопрос Эша.

— Да. А ушло недавно. — Он все свои заключения делал на основании запаха, сохранившегося в укрытии.

— Никаких следов?

— На песке ничего не сохранится. — Тревис ногой пошевелил небольшую песчаную горку. Нет, никаких следов. Но этот тайный наблюдатель мог прийти только из одного места — из зданий, полузасыпанных ползущими дюнами. Тревис встал и пошел вперед, держа руку на рукояти оружия. Ощущение ждущей впереди опасности усилилось.

Эш приблизился к средней части зданий. На самом деле, как они теперь видели, здание было только одно. Два боковых крыла соединялись с центральным корпусом длинными низкими переходами без окон. Тревис знал, как действует песок на скалы. Здесь песчаная эрозия тоже действовала, и стены напоминали дюны.

Окон не видно, дверей тоже. Но в конце крыла перед Тревисом яма в песке, нарушающая естественную линию, созданную ветром. Углубление привлекло его внимание.

— Сюда! — негромко позвал он, забыв, что голос передается не по воздуху, а по коммуникатору шлемов. Медленно, с осторожностью охотника, идущего за пугливой добычей, он двинулся к углублению в песке. Никаких следов, однако он уверен, что углубление появилось недавно и проделано сознательно, это не результат каприза ночного ветра.

Он обогнул выступ дюны, поднимавшийся ему по плечо, и понял, что не ошибся. Песок отбрасывали, набросали по бокам, как будто изнутри открыли какую-то дверь, и она раздвинула песок.

— Прикрой его! — Тень Эша легла на песок дюны и встретила с тенью Росса. Два агента во време-

ни остались за его спиной, а апач начал внимательно рассматривать стену.

Глаза не заметили никакого различия, но пальцы нащупали что-то на уровне пояса. Какая-то полоска, уходящая вниз, не такой текстуры, как стена по бокам от нее. Но хоть он нажимал, тянул, прикладывал весь свой вес, ничего не поддавалось. Однако он был уверен, что часть стены открывалась, взбороздив песок.

Наконец, встав на четвереньки, Тревис лег и попробовал добраться до основания стены. И там обнаружил торчащий пучок жестких волос. Объединенными усилиями кончика ножа и пальцев он высвободил эти волосы. Жесткие, таких у земных животных не бывает, каждый волосок в толщину впятеро превышает волосы земных животных. Цвет серо-белый, сливающийся с песком. Такой не разглядишь на фоне дюн.

Волосы липли к пальцам, и Тревису не понадобилось подносить их к носу, чтобы узнать этот острый запах. Он отнес волосы Эшу, испытывая к ним растущее отвращение. Эш спрятал трофей в боковой карман.

— Есть возможность открыть? — Эш указал на тайную дверь в стене.

— Не вижу, — ответил Тревис. — Вероятно, закрыто изнутри.

Они с сомнением разглядывали здание. За ним, насколько они могли видеть, только песок, уходящий к горизонту, где вечером играли огни. Если и можно разгадать эту загадку, то только в здании, а не в пустыне.

— Росс, оставайся здесь. Тревис, иди к концу крыла. Стань так, чтобы видеть Росса — и меня, когда я зайду за здание.

Эш с той же тщательностью, что и апач, проводил пальцами по стене в поисках другого входа. Он обошел вокруг всего здания и вернулся — сообщить было нечего.

— Когда-то были окна и дверь. Но они давно заложены. Если бы у нас было время и инструменты, могли бы разобрать.

В коммутаторах шлемов послышался голос Росса.

— А может, через крышу, шеф?

— Если хочешь попробовать, давай!

Тревис встал к стене, которая отказывалась выдавать свою тайну, и Росс с его помощью поднялся на крышу. Он двинулся в глубину, и оставшиеся внизу перестали его видеть. Но по приказу Эша Росс непрерывно рассказывал, что видит.

— Не очень много песка... можно было ожидать больше... Эй! — В этом восклицании звучало оживление. — Это уже кое-что. Круглые плиты, и расположены кругом. Передвинуть невозможно.

— Металл? — спросил Эш.

— Нет, — ответ звучал неуверенно. — Больше похоже на стекло, только непрозрачное.

— Окна? — предположил Тревис.

— Слишком маленькие, — возразил Росс. — Но их очень много — повсюду. Подождите! — Этот возглас насторожил людей внизу. — Красные — они краснеют!

— Убирайся отсюда! Прыгай! — рявкнул Эш.

Росс повиновался без колебаний и с ловкостью опытного парашютиста приземлился на одну из дюн. Остальные побежали к нему, продолжая смотреть на крышу закрытого здания. Возможно, какое-то свойство шлемов позволило им увидеть слабые красноватые лучи, поднимающиеся с крыши к небу.

В ладонях Тревиса закололо, словно от восстанавливающегося кровообращения. Росс поднялся с песка и яростно встряхнулся.

— Что происходит? — В голосе его звучала необычная нотка страха.

— Я думаю — фейерверк, чтобы отпугнуть нас. Можно считать, что жильцы этого дома не любят любопытных посетителей. К тому же у хозяев есть кое-что, подкрепляющее их желание. Вероятно, даже лучше, что передняя дверь закрыта.

Тревис больше не видел тонкие огненные линии. Либо отключили энергию, либо лучи теперь невидимы, даже с помощью шлемов. Жесткие волосы, отталкивающий запах — и теперь это. Как-то эти факты не соответствуют друг другу. Волосы, конечно, могли быть оставлены сторожевой собакой или ее эквивалентом на этой планете. Это предположение соответствовало бы низкому входу в здание. Но собака, которая выбирает лучшее в окрестности укрытие и потом часами наблюдает за кораблем?.. Это также не соответствует природе любого животного. Это свидетельство разума, а разум означает человека.

— Я считаю, что они ночные жители, — неожиданно сказал Эш. — Это соответствует всему, что мы видели. Солнечный свет для них болезнен, как и для нас без шлемов. Но ночью...

— Засядем и посмотрим, что будет? — спросил Росс.

— Не в открытом месте. Мы пока слишком мало знаем.

Тревис молча с ним согласился. Он предпочел бы остерегаться ночного шпиона. И ему эта планета кажется гораздо более зловещей и пугающей, чем станция заправки. В этой пустыне ощущается неясная угроза, какую он никогда не испытывал в пустынях своей родной планеты.

Они вернулись к кораблю, поднялись по лестнице и с радостью оставили за закрытым люком белое сверкающее песка. В синем свете корабля сняли шлемы.

— Что ты видел? — спросил Эш Ренфри.

— Мердок спрыгнул с крыши, и потом со всей поверхности крыши поднялись красные линии, очень слабые. А вы что сделали, не тот дверной звонок нажали?

— Вероятно, кого-то разбудили. Не думаю, что туда полезно наносить визиты. Боже, какая вонь! — закончил Росс, принюхиваясь.

Эш взял в руку клок волос, и запах был не только очень заметен в атмосфере корабля, обычно лишенной запахов, он всю ее отравил.

Они отнесли волосы в маленькую каюту, которую, возможно, когда-то занимал капитан корабля и в которой теперь Эш сосредоточил все материалы для изучения. Несмотря на ужасную вонь трофея, все собрались вокруг. Эш разнял клок по волоску и разложил их.

— Какие толстые волосы! — удивился Ренфри.

— Если это волосы. Все бы отдал за лабораторию! — Эш прижал волосы полоской чистого материала чужаков для письма.

— Это запах... — Тревис, вспомнив, как брал эту находку в руку, потер ее о бедро.

— Да? — подбодрил его Эш.

— Ну... я думаю, это от грязи. А может, оттого что существо нам неизвестно.

— Чуждый метаболизм. — Эш кивнул. — Каждая человеческая раса имеет отчетливый запах, но его сильнее чувствует человек другой расы. Но к чему ты ведешь, Тревис?

— Ну, если этот запах исходит от... от человека, — за неимением другого он использовал это слово, — а не от животного, я бы сказал, что он живет в настоящем свинарнике. А это значит, что он либо очень примитивен, либо дегенерировал.

— Не обязательно, — заметил Эш. — Для мытья нужна вода, а мы здесь не видели воду.

— Конечно. Но ведь у них должна быть вода. И я думаю... — впрочем, у него нет доказательств, чтобы подкрепить свои догадки.

— Может быть. Ночью будем следить и увидим, кто выйдет из этого ящика с ловушками.

Днем они поспали. Ренфри, как обычно, в рубке управления. Никто не понимал, почему корабль опустился на этой куче песка, и пустынность этого места лишь подкрепляла мнение Ренфри, что это не конечная цель. Логика говорила, что корабль должен был вылететь из центра цивилизации, а это не центр.

Солнце зашло, сумерки затянули песчаные дюны, когда земляне снова собрались у внешнего люка, чтобы наблюдать за зданием и полоской местности между ними и этим загадочным блоком.

— Долго ли нам, по-вашему, ждать? — Росс переменял положение.

— Совсем не надо, — негромко ответил Эш. — Смотри!

Из-за дюны, в которой Тревис обнаружил углубление, показался очень слабый красноватый отблеск.

Глава 11

При свете даже вечером они бы этого не заметили. Да и сейчас, в темноте, дюны затрудняли видимость. Эш негромко считал. При счете «двадцать» красноватое сияние погасло со стремительностью, которая говорила, что дверь захлопнули.

Тревис напрягал глаза, глядя на конец заслоняющей вход дюны. Если существо, которое наблюдало за ними накануне, вернется на свою позицию, оно обязательно пройдет через это место. Но пока он ничего не видел.

Послышался негромкий звук, но он шел с противоположного направления — какой-то шорох из открытой местности. Потом щеки Тревиса коснулось движе-

ние сухого воздуха. Начинаясь ночной ветер. А шорох, должно быть, движение песка под его первыми порывами.

— Мы могли бы подстеречь в засаде, — задумчиво сказал Росс.

— Может быть, у них чувства острее наших. Несомненно, если они ночные жители, у них и зрение ночное. Можно считать, что они нас обнаружили. И я хотел бы знать побольше о том, кого собираюсь подстерегать.

Тревис почти не слушал Эша. Он видел движение. Да! Пальцы его легли на руку Эша быстрым предупреждающим движением. С конца дюны скользнула тень, быстро двинулась к укрытию, прямо к углублению за поднятым блоком. Засядет ли снова шпион в свой импровизированный наблюдательный пункт? Или сегодня он передвинется ближе к кораблю?

Тьма стучалась, и на небе появились языки пламени. Их свет не был устойчивым, но все же позволял разглядеть поверхность непосредственно рядом с кораблем. Любое нападение туземцев будет замечено человеком, стоящим у люка. Но Тревис понимал, что с поднятой лестницей и люком, находящимся в нескольких десятках футов над поверхностью, им нечего опасаться нападения. Разве что у туземцев есть оружие, способное преодолеть такое расстояние.

— Закройте внутренний люк, — неожиданно сказал Эш. — Мы отрежем внутренний свет, и им будет труднее разглядеть нас здесь.

Люк закрыли, синеватый внутренний свет корабля исчез. Разведчики лежали на полу в тесном бункере, стараясь не толкать друг друга, ожидая следующего шага того, что скрывается внизу.

— Что-то есть, — негромко предупредил Росс. — Слева, у самого конца последней дюны.

Скрывавшийся проявлял нетерпение. Темное пятно, которое могло быть головой, передвинулось на фоне белого песка. Ветер пел вокруг корабля, принося пыль. Чтобы защититься от нее, люди надели шлемы. Но песчаные вихри, казалось, не беспокоили туземца.

— Мне кажется, их несколько, — сказал Тревис. — Это последнее движение слишком далеко от первого места.

— Может, готовятся напасть? — предположил Росс.

Странно, но никто из землян не достал бластер. Слишком высоко они над поверхностью, вряд ли нападающие могут до них добраться; на гладкую поверхность шара не подняться. Люди чувствовали себя в безопасности.

Темное существо устремилось к шару. И либо оно вдвое сгибалось во время бега, либо передвигалось на четвереньках! Одна из небесных вспышек осветила его, и наблюдатели вскрикнули.

Человек или животное? У существа четыре тонкие конечности и еще два выступа в середине тела. Голова круглая, на бегу низко свисает, так что морды не видно. Но все тело покрыто шерстью, темной шерстью, не похожей на светлые волосы, найденные Тревисом. Одежды не видно, и существо как будто не вооружено.

На мгновение тень застыла, глядя на корабль. Потом устремилась назад, в дюны. Новая волна движений, едва заметная, но этот новый бегун сливался с дюнами.

— Это, должно быть, твой ночной наблюдатель, — заметил Эш. — Он светлее первого.

— У них цвет разный, а размер один, — добавил Росс. — Кто это?

— Они не из нашего мира, — уверенно сказал Эш. — Но они интересуются нашим кораблем и пытаются незаметно подобраться к нему.

— Они передвигаются, словно боятся нападения, — добавил Тревис. — У них, должно быть, есть враги.

— Враги, которые ассоциируются с таким кораблем, как наш? — Эш ухватывал все, как обычно, легко и быстро. — Да, может быть. Но не могу поверить, что корабль прилетал недавно.

— Память сохраняется долго...

— Память означала бы, что они разумны! — До этого восклицания Тревис и сам не подозревал, что относится к этим существам в дюнах с отвращением.

— Ну, они могут себя считать людьми, — ответил Эш, — а мы для них чудовища. Все относительно, сынок. Во всяком случае, они вряд ли настроены доброжелательно.

— Я бы много дал сейчас за прожектор, — задумчиво заметил Росс. — Хотел бы поймать одного лучом и рассмотреть получше.

Минуты проходили; наблюдателям удалось заметить еще несколько мгновенных перемещений, но ни разу они не смогли отчетливо рассмотреть прячущихся.

— Мне кажется, они хотят обойти корабль и приблизиться к нему сзади, — предположил Тревис, заметив, что по меньшей мере двое передвигаются в том направлении.

— Это им ничего не даст: вход только один, — самоуверенно ответил Росс.

Но Тревис не мог легко смириться с мыслью о туземцах, подбирающихся к кораблю сзади. Все врожденные инстинкты охотника и жителя пустыни говорили ему, что это опасно. Разум продолжал утверждать, что у корабля только один вход и его легко защитить. Достаточно его закрыть, и до них никто не доберется.

— Но к чему вообще этот порт? — несколько секунд спустя снова поднял главный вопрос Росс. — Должна же быть причина для этой остановки. Может, нужно

что-то найти... или сделать, прежде чем мы сможем лететь дальше?

Все думали об этом, но Росс высказал свои мысли и опасения вслух. А что, если решение там, в здании без входа? Кошмарное сооружение, охраняемое быстрыми волосатыми существами, которые могут видеть в темноте...

— Здание? — В этом слове звучал вопрос. Тревис почувствовал, как рядом шевельнулся Эш.

— Может быть, — согласился он. — Если задержимся здесь, можем попытаться прорваться туда днем. Если бластер поставить на максимум, у него мощный луч.

Тревис сжал рукой плечо Эша. На голове у него шлем, но рукой он придерживался за край двери и уловил через корпус удары. Внизу, под изгибом корпуса, не дававшим землянам возможность смотреть непосредственно вниз, кто-то бил по металлу шара. С какой целью, Тревис и предположить не мог. Он поискал руку Эша, положил ее рядом со своей и прижал ладонь, чтобы тот тоже ощутил удары.

— Колотят. — Теперь он вспомнил, что слова в шлеме не слышны снаружи. — Но зачем?

— Хотят пробить дыру? — Над ними навис Росс. — Они не смогут пробить корпус. Или смогут? — В вопросе звучала тревога, которую разделяли все. Они ведь ничего не знают о возможностях туземцев.

Рядом с Тревисом лежали кольца лестницы. Посмеет ли он выбросить ее, спуститься и посмотреть, что делается внизу? Ему показалось, что удары делаются сильнее и быстрее. Допустим, каким-то чудом, используя неизвестные инструменты, волосатые существа смогут пробить внешнюю оболочку корабля? Тогда им не спастись из этого пустынного мира.

Он начал двигать лестницу вперед. Эш попытался схватить его, но Тревис уклонился.

— Мы должны посмотреть!

Росс и Эш отодвинулись, и Тревис смог протиснуться в дверь, свеситься над ее краем и спуститься на длину своего тела. Но тут лестница кончилась, и он понял, что двое сверху держат ее.

Вцепившись в перекладину, как можно ближе прижимаясь к корпусу корабля, Тревис посмотрел вниз. Игра красных языков на небе освещала внизу сцену лихорадочной деятельности. Он был прав. Волосатые существа незаметно обошли корабль сзади, и теперь группа их толпилась у основания. В мелькающем свете он не мог разглядеть, что они делают. Но вот одно из них поднялось с четверенок, протянуло передние конечности над головой. Придатки в середине дернулись, гибко, словно без костей, и прилипли к корпусу корабля.

Существо подпрыгнуло и повисло, теперь его задние конечности находились в футе над поверхностью. Очевидно, его держали щупальца у пояса, а кулаками и ногами оно яростно начало колотить по корпусу. Потом на глазах Тревиса подпрыгнуло еще выше, и в его движениях была целеустремленная злоба.

Теперь второе существо подтянулось при помощи щупалец, повисло на корпусе и начало подъем. Тревис не видел никакого оружия, только непрестанно бьющие кулаки. Но у него не было желания сражаться с этими ползунами. Он доложил Эшу и получил приказ вернуться. Они закрыли люк, так, чтобы можно было взлетать, и сняли шлемы.

Теперь звуки ударов стали не слышны. Но Тревис не думал, что существа прекратили свои попытки прорваться в корабль, как они ни тщетны. Земляне поднялись в рубку управления, чтобы взглянуть на внешний мир через экран. Ренфри выглядел удивленным.

— Не понимаю. У меня по-прежнему чувство, что это не конечный порт. Но не могу сказать, почему и зачем эта посадка. Если ответ в здании, вам придется туда пробиться. Но у нас есть лучшее средство, чем бластеры.

Росс быстро понял его.

— Орудия корабля!

— Может быть.

— А мы сможем их использовать? — спросил Эш.

— Ну, они яснее, чем все остальное. Помните это? — Он повернул рычажок. Замигали огоньки, в воздухе слышалось слово на исчезнувшем языке. Все, как при их первом посещении корабля.

— И ты можешь из них выстрелить?

— Шеф... мой шеф... установил, что вот этим... — Ренфри указал на кнопку, но не нажал ее. — Думаю, что один из больших бластеров у нас над головой. Можем попробовать.

Но Эш с отсутствующим видом потирал подбородок. Он еще не принял решение.

— Слишком много предположительного. Мы не знаем, действительно ли нам нужно пробраться туда, чтобы снова взлететь. В сущности, если мы туда войдем и не найдем ничего, наше положение ухудшится. Должно быть, туземцы этому зданию обязаны жизнью. Мы раскроем его, и они погибнут, словно мы их перестреляли из бластеров. Нам они могут не нравиться, но это их мир, а мы для них чужаки. Мне хотелось бы немного подождать и не пользоваться столь сильными средствами.

Никто не хотел подталкивать его к действиям. Снаружи в ночном небе играли огни, а на фоне бледной луны, которую они видели прошлой ночью, появился желтый меньший спутник. И по-прежнему не было никакого объяснения действий обитателей дюн.

Но тут корабль наклонился. Как существа смогли этого добиться? Может быть, подумал Тревис, просто весом множества налипших на него существ. Положение корабля изменилось, и, может быть, это привело в действие его двигателя. Потому что все услышали знакомое предупреждение о старте.

— Нет, — протестовал Ренфри, — нельзя... мы еще не знаем, почему.

Но двигатели, действия которых земляне не понимали, которыми не могли управлять, не слышали этих слабых протестов. А может быть, кончился срок пребывания на планете — сутки планетного времени. Или причина в нападении волосатых существ?

А сами эти существа — сумеют ли они вовремя освободиться, спрыгнуть на поверхность, ощутив предупреждающую вибрацию? Или, увлеченные своим падением, будут продолжать цепляться за корабль, и он унесет их в морозную черноту вечной космической ночи?

Невольный экипаж корабля пристегнулся и ждал старта и прыжка в гиперпространство. Снова им предстоял долгий полет в неизвестное.

Но на этот раз было несколько по-другому. Тревис заметил, что этот старт не такой тяжелый. Может, он просто начал привыкать? Он не потерял сознание, не испытал толчков. И услышал удивленный голос Ренфри:

— Мы не вошли в гиперпространство. Что происходит?

Все собрались у экрана. Догадка Ренфри подтвердилась. На экране не сплошная чернота, как всегда в гиперпространстве. Они видят уменьшающийся шар пустынной планеты, поверхность ее по мере удаления меняет цвет.

— Должно быть, направляемся к другой планете той же системы, — сказал Эш. Часы шли, и эта догадка

начинала подтверждаться. Корабль приближался к третьей планете этого неведомого солнца.

— Неужели посетим все? — с оттенком прежнего легкомыслия спросил Росс. — Зачем? Развозка молока?

Прошло три дня, четыре. Они ели пищу чужаков, беспокойно бродили по кораблю, не способные интересоваться ничем, кроме изображения на экране в каюте. На шестой день послышался сигнал, предупреждающий о посадке.

На экране их очередная цель казалась яркой синезеленой, с оранжево-красными пятнами. Невозможно было оторваться от этих контрастных цветов. Земляне бросили жребий, кому достанутся три кресла в рубке — четвертый должен был спуститься вниз и лечь на койку. И вот Тревис лежал один, ничего не видя, в самом сердце вибрирующего шара, думая, что готовит им будущее.

На этот раз корабль сел днем. Апач освободился от ремней, ощущая вернувшуюся силу тяжести, поднялся по лестнице, чтобы тоже взглянуть на новый мир.

— Нет!..

И здесь в небо уходят разрушенные башни, такие же, как в порту заправки, но есть и еще что-то. На фоне безоблачного розового неба — молочный купол, поднимающийся мягкими линиями, которые переходят в хрупкие морозные кружева. Невозможно представить себе, что это искусственное сооружение.

Рваные кружева... Разглядывая это сооружение, Тревис видел разрывы, нарушающие общее совершенство. Но, несмотря на них, сооружение фантастически красиво — пена, свет, игра радужных оттенков цвета. Сооружение поднимается из темной листвы с голубоватым оттенком, не похожей на земную зелень.

Ветви лениво движутся на ветру, временами среди них мелькают пятна других цветов. Плоды? Цветы?

Ренфри оторвал их от этой сцены, казавшейся не-реальной.

— Смотрите!

Он стоял перед главным контрольным щитом, вцепившись в спинку кресла, так что мышцы выделялись на руках. Щит ожил. Они видели раньше огоньки, говорящие о готовности вооружения. Но здесь что-то другое. Среди рядов кнопок и рычажков вспыхнуло множество огней. И там, где они загорались, поворачивался рычаг или углублялась кнопка. Потом вспыхнули еще огоньки. Открылась крышка, и из углубления под ней появился небольшой, в форме монеты, кусочек красного металла, он со звоном упал на пол.

Ренфри ожил, нырнул, чтобы схватить его. Держал в руках, словно огромную драгоценность.

— Последняя остановка! — Он повернулся лицом к остальным, в глазах его горело возбуждение. — Это домашний порт! И у меня в руках указатель курса!

Другого объяснения увиденному у них не было. Путешествие, запрограммированное умирающим пилотом, завершилось. В маленькой металлической пуговице, которую сжал в кулаке Ренфри, тайна их прибытия — но и возвращения тоже. И если они когда-нибудь вернуться на Землю, то только решив загадку этого диска.

Но глаза Тревиса снова устремились на экран. Мягкий ветерок раскачивал цветущие ветви возле молочной башни на фоне розового неба. И близкое будущее казалось более интересным, чем отдаленное.

Может быть, и Эш испытывал то же. Потому что старший агент во времени направился к внутренней лестнице. Он остановился у колодца, оглянулся через плечо и просто сказал:

— Ну что ж, выходим.

Глава 12

Может быть, когда-то здесь было широкое посадочное поле. Теперь все заросло. Корабль при посадке сломал множество растений, от них исходил свежий острый запах.

Земляне не надевали шлемы: в этом не было необходимости. Их приветствовал солнечный свет, не теплее, чем в начале лета в полосе умеренного климата на Земле. Мягкий ветер, шевеливший листву, не нес с собой песок.

Теперь перед ними открылся лучший вид, чем на экране, и они заметили другие разрывы в зелени. Молочное здание фантастической формы было окружено другими строениями, такими же необычными и не похожими на него, как не похож пустынный мир на это царство растительности. Тускло-красные массивные строго геометрические блоки не могли быть созданы тем же архитектором — возможно, это даже другой век и другая раса.

А дальше другие здания, с острыми, как ножи, фронтонами, с узкими окнами в серых стенах. На заостренных крышах из какого-то тусклого материала росли кусты, даже небольшие деревья. И опять — никакого сходства с волшебным куполом или массивными блоками.

— Почему?.. — Росс медленно поворачивал голову, разглядывая эти абсолютно не похожие друг на друга сооружения. Все высокие, гораздо выше шара, и у всех нижние этажи скрыты растительностью.

Тревис вспомнил прошлое, казавшееся нереальным после того, что случилось позже. На его планете тоже есть места, где миниатюрная деревня зулусов располагается рядом со швейцарским замком и вигвамом апачей.

— Музей? — Он высказал единственное пришедшее ему в голову объяснение.

Лицо Эша побледнело под загаром. Он восхищенно переводил взгляд от одного здания на другое.

— Или столица, где каждое посольство построено в своем стиле.

— А теперь все это мертво, — добавил Тревис. И правда. Все покинуто, как в порту заправки.

— Столица галактической империи. Как много можно здесь узнать! Сокровищница... — Эш взволнованно дышал. — Здесь сокровища тысяч миров.

— Кто об этом узнает? — спросил Росс. — Но это не значит, что мне тоже не хочется взглянуть.

Тревис застыл. Что-то шевельнулось в массе спутанной растительности там, где садившийся корабль сбил несколько деревьев, похожих на папоротники, и множество связанных с ними лиан. Апач смотрел, как вздрагивают ветви. Что-то живое приближалось к ним с расстояния примерно в сто ярдов, и его продвижение обозначали эти вздрагивающие ветви. И судя по этим движениям, существо достаточно большое.

Может, невидимое существо ранено упавшим деревом? И теперь умирает? Тревис прислушался, стараясь уловить что-нибудь, кроме шелеста листьев. Но если существо ранено, оно не жаловалось. Животное? Или — что-то еще? Такое же чуждое, как обитатели дюн, не животное, но в то же время и не человек?

— Его пока не видно, — прошептал Росс. — Оно не может быть сильно ранено, движется быстро.

— Можно считать, что этот мир не так пуст, каким кажется с первого взгляда, — сухо зато заключил Эш. — А эти?

«Эти» появились в пространстве, образованном посадкой корабля. Хлопали прозрачными крыльями, оставаясь в воздухе; их внимание явно привлекал корабль.

Что это? Птицы? Насекомые? Летучие млекопитающие? Тревис легко поверил бы, что четыре небольших

существа — странная комбинация всего этого. Длинные узкие крылья, призматические и почти прозрачные, напоминают крылья насекомых. Но на теле три конечности, две меньшие впереди заканчиваются каждая тремя изогнутыми пальцами, третья, более крупная, сзади и вооружена внушительными когтями. Голова прямо на плечах, никакой шеи не видно, голова круглая, впереди крючковатый клюв, а глаза — четыре глаза — торчат на коротких стебельках, два впереди и два сзади. И треугольные тела затянуты шерстью светло-голубого морозного цвета.

Медленно, спокойной молчаливой процессией, они приближались к кораблю. Второй в ряду нарушил строй, спустился к поверхности. Там он вцепился когтями в сломанную ветвь, сложил крылья на спине, как земная бабочка.

Два последних в линии дважды пролетели перед открытым люком, потом взлетели в небо, поднялись над вершинами деревьев. Но самый первый продолжал приближаться, пока не повис, работая крыльями, чтобы сохранить высоту, непосредственно перед входом в корабль.

Невозможно было прочесть выражение этих ярких синих глаз на стебельках. Но никто из землян не испытал ни отвращения, ни тревоги, как при встрече с ночными обитателями дюн. Этот летун не представлял никакой опасности, он не агрессивен.

Ренфри первым выразил общее отношение к этому существу.

— Забавный маленький попрошайка. Хотел бы взглянуть на него поближе. Если остальные здесь такие же, нам нечего бояться.

Существо было забавно, все заинтересовались им. Росс шелкнул пальцами и приветственно протянул руку.

— Сюда, парень, — позвал он.

Голубые глаза на стебельках шевельнулись, существо забило крыльями и приблизилось к люку. Но не настолько, чтобы земляне могли коснуться его. Надолго повисло в воздухе. Потом со стремительным биением крыльев, в вспышке радужных цветов устремилось вверх, а другое, то, что сидело внизу, тут же к нему присоединилось. И через несколько секунд они исчезли, словно их никогда и не было.

— Думаете, они разумны? — Росс разочарованно смотрел вслед улетевшим.

— Я знаю не больше тебя, — ответил Эш. — Ренфри, — обратился он к технику, — лента с курсом у тебя есть. Сможешь снова зарядить ее?

— Не знаю. Хорошо бы иметь руководство... ну, хотя бы какой-то указатель. Не сможете отыскать что-нибудь?

— Почему вы так торопитесь улететь, шеф? Мы только прилетели, и мне кажется, неплохо провести тут отпуск. — Росс взглянул на молочный купол, играющий под лучами солнца.

— Именно поэтому, — негромко ответил Эш. — Тут слишком много искушений.

Тревис понял его. Эша, должно быть, неудержимо притягивают эти здания, скрывающиеся в них знания. Отлет начнет откладываться, этот мир и его тайны станут все привлекательнее. Тревис испытывал те же чувства, может, чуть слабее. Нужно бороться с этим желанием погрузиться в зеленые джунгли, прорубить тропу к молочному куполу, углубиться в чудеса этого мира.

Эш испытывает сильное искушение. И именно поэтому борется с ним. Считает, что, если займется исследованиями, остановиться не сможет. А Ренфри как раз предлагает предлог для этого, говоря, что ему нужно найти руководство или указатель.

Но час спустя трое покинули корабль. На дежурстве остался Ренфри. С помощью бластеров, настроенных на минимум, прорубили тропу в растительности. Тревис подобрал цветок. Пять широких лепестков, желобчатых, слегка сморщенных на верхушке, желтый цвет ближе к центру сменяется оранжевым. У него на ладони лепестки задвигались, начали закрываться, и вскоре в руке у него был не цветок, а бутон. Тревис не мог выбросить цветок. Слишком привлекательны его цвет и аромат. Он сунул цветок в дырку на поясе; как только он убрал ладонь, цветок снова раскрылся. Он не тускнел, не провисал, несмотря на короткий стебелек.

Уйдя из-под прямых лучей солнца, земляне обнаружили, что воздух прохладный, влажный, насыщенный запахами изобильной растительности. Запахи не неприятны, напротив, они слишком хороши. Острые запахи смешивались с приятными ароматами; пахло также влажной землей.

— Фью! — Росс помахал ладонью перед носом, как будто обмахивался. — Парфюмерная фабрика, вот это что! Я словно погрузился в тонну розовых лепестков!

Эш, казалось, утратил свою обычную серьезность.

— С добавкой гвоздики, — согласился он. — И еще, мне кажется, — он принюхался и чихнул, — немного мускатного ореха.

Тревис старался дышать поверхностно. Несколько минут назад ему нравились эти ароматы. Но теперь ему захотелось подышать ветром, насыщенным шалфеем и сосной. Тут запахи слишком густы и изобильны, они липнут к телу.

У подножия молочного купола джунгли становились реже. А само здание поднималось гораздо выше, чем казалось с корабля. Земляне обошли купол в поисках входа. Он должен где-то существовать, если только обитатели купола не крылатые существа. Странно, в стенах

множество окон, много открытых балконов, и только первый этаж совершенно лишен отверстий. Он состоит из панелей, закрепленных в резных рамах и чередующихся с плотными блоками молочного материала. На каждой панели сверкающая мозаика, но никакого различимого рисунка, только переливы цветов.

Земляне прорубили путь сквозь кустарник и дошли до конца стены. Здание большое, занимает площадь целого земного квартала. За углом они обнаружили вход, начало извивающейся ramпы. Вход доходил почти до верха первого этажа и был открыт — резная арка. Края входа как застывшие кружева, кое-где потрескавшиеся.

Они остановились. Кроме вздохов ветра, шелеста листвы, жужжания каких-то невидимых мелких обитателей джунглей, начинавшихся у основания ramпы, ничего не слышно — тишина забытья.

Эш шагнул на ramпу, мягкие подошвы его обуви не издавали ни малейшего звука. Он словно неохотно поднимался по некрутому подъему — как будто на самом деле не хотел узнать, что находится внутри.

Тревис и Росс шли за ним. В изгибах ramпы застряли опавшие листья, они постоянно влетали в открытый вход. Земляне прошелестели по ним и оказались в головокружительно высоком зале. Он уходил все вверх и вверх, при попытке проследить за высотой его стен кружилась голова. И все это огромное пространство накрывал молочный купол. Сквозь него пробивался солнечный свет, отбрасывая радужные блики на стены и ramпу, которая продолжала извиваться вдоль стен, давая доступ к каждому кружевному уровню.

Тут не было яркости наружной мозаики. Цвета мягкие, тусклые, фиолетовый, зеленый, тускло-розовый, желтый...

— ...сорок восемь, сорок девять, пятьдесят! По меньшей мере пятьдесят дверей вдоль ramпы. — Росс гово-

рил негромко, но к ним донеслось причудливое эхо его шепота. — С какой начнем? — Он заговорил громче, бросая вызов этой неподвижности и этому эху.

Эш отошел от них, пересек зал, протянул руки к нише. Они торопливо пошли за ним и увидели, что он держит в руках статуэтку, вырезанную из тускло-фиолетового камня. Как и синие летуны, статуэтка чем-то поразительно напоминала знакомые живые существа и в то же время была абсолютно чуждой.

— Человек? — спросил Росс. — Животное?

— Тотем? Бог? — добавил Тревис из своего запаса знаний и опыта.

— Все вместе или ничего из этого, — заключил Эш. — Но это произведение искусства.

Это поняли все, хотя изображение удивило их. Существо стояло на двух тонких задних конечностях, которые заканчивались узкими, широко расставленными пальцами с когтями. Тело, стройное, с тонкой талией и хорошо развитыми плечами, близко к человеческому по общим очертаниям, две руки протянуты так, словно существо собирается прыгнуть в пространство. Но после такого прыжка у него больше шансов остаться живым, чем у тех, кто его рассматривает, передавая из рук в руки. От рук отходят кожистые крылья, они прикреплены к бокам, примерно так же, как у земных летучих мышей.

Голова менее всего похожа на человеческую, на взгляд агентов во времени она уродлива. Резко заостренные уши, слишком большие, особенно по сравнению с узким маленьким лицом. Глаза глубоко посажены, над ними нависают мощные костные бугры, нос — просто вертикальный разрез над ртом, под ним остатки губ расходятся и обнажают мощные клыки.

На ощупь фиолетовый камень казался гладким и прохладным, и, когда Тревис подставил его под луч,

падавший с купола, статуэтка засверкала, словно драгоценная. Тщательная подробная разработка фигурки противоречила абстрактности мозаики на внешних стенах и больше походила на резьбу купола и двери.

Росс провел пальцем внутри ниши, где стояла статуэтка. Пыль посыпалась на пол. Сколько времени никто не трогал это крылатое изображение?

Эш нес статуэтку. Они не стали подниматься по рампе, а свернули в первую же открытую дверь на уровне поверхности. За дверью оказалось пустое помещение, свет в него падал сквозь высокие прорези в стенах. Пошли дальше. Еще множество пустых помещений, ни следа тех, кто здесь жил — конечно, если это жилое, а не общественное здание. Как будто жильцы, уходя, очистили его, забыв только маленькую статуэтку в зале.

Выйдя из последней пустой комнаты, Росс вздохнул и прислонился к стене.

— Не знаю, как вы, — провозгласил он, — но я достаточно наглотался пыли. Да и завтрак был давно. Перерыв на кофе — если бы у нас был кофе — очень вовремя.

Кофе у них не было, но они прихватили с собой с корабля контейнеры с пеной. И вот, сидя рядом, на рампе, они по очереди отпивали пены и заедали «хлебными» лепешками.

— Хорошо бы раздобыть свежей пищи, — задумчиво сказал Тревис. Однообразная диета из корабельных запасов насыщала, но не доставляла удовольствия. Тревис представил себе шипящий бифштекс и все, что обычно ели на ранчо.

— Может, какое-нибудь копытное — там. — Руки Росса были заняты, и потому он подбородком указал на путаницу зелени, видную с рампы. — Можно поохотиться...

— Можно? — Тревис оживленно повернулся к Эшу.

Но старшего агента это предложение не обрадовало.

— Я не стал бы убивать, пока не уверен, кого убиваю.

Сначала Тревис не понял, потом до него дошло значение этого неопределенного заявления. Откуда им знать, что их добыча — не разумна! Здешний эквивалент человека? Но все равно ему хочется бифштекс, это желание грызет его.

— Двигаемся дальше? — Росс встал. — Тут работы на целый день. Но я сказал бы, что шкаф очистили.

— Может быть. — Эш потрогал статуэтку. — Можно быстро осмотреть первый этаж большого красного здания к северу.

Они сквозь густые заросли кустов, травы, деревьев и лиан пробились к красному зданию монолитической архитектуры. Здесь они снова увидели открытую дверь, на этот раз узкую, как оконные прорези, словно препятствующую всякому входу.

— Я бы сказал, что парень, который здесь жил, не любил соседей, — заметил Росс. — Из этого здания получилась бы отличная крепость. А тот купол слишком открыт.

— Разные народы... — Тревис немного опередил остальных, задержавшись на мгновение, прежде чем шагнуть через порог. И сразу застыл.

— Тревога! — Бластер его уже готов был к стрельбе.

Перед ним просторный зал, как и в здании под куполом. Но если тот был чистый и пустой, то здесь совсем по-другому.

Зал разрезало на части множество перегородок высотой в шесть-семь футов, они образовывали помещения странной причудливой формы, и из одного помещения невозможно заглянуть в другие. Но не это остановило Тревиса, а запах.

Чем-то похожий на зловоние ночного существа. Запах логова, которым пользуются очень долго. Запах

разложения, чуждой плоти, запах увядшей и гниющей растительности, отбросов. Что-то использует это место для жилья.

Торопливость чуждого охотника выдала его. Из тени донесся низкий горловой хрип, как урчание кота, застигнувшего ничего не подозревающую добычу.

Тревис развернулся. На верху одной из перегородок он увидел согнутую фигуру и понял, что она готова броситься на него. И нажал на спуск бластера.

Нападающий был захвачен в воздухе. Ужасный вопль гнева и боли отразился от множества стен. Лапа с мощными когтями коснулась тела Тревиса ниже талии, и он отлетел в глубину, в темноту. И в этот момент появившиеся Росс и Эш направили свои бластеры на прыгающее рычащее существо, которое готово было снова прыгнуть на Тревиса.

Существо обладало поразительной жизненной силой. Только когда на нем скрестились лучи всех трех бластеров, оно затихло. Тревис потрясенно поднялся. Он знал, что если бы не это предупреждение за доли секунды, он был бы мертв — или так искалечен, что молил бы о смерти.

Он захромал к выходу, нога онемела от сильного удара. Но под рукой ткань костюма оказалась целой, и как будто бы он не ранен.

— Оно добралось до тебя? — Эш отвел его руки, чтобы взглянуть на тело. Тревис, все еще потрясенный, поморщился при прикосновении пальцев Эша.

— Только синяк. Что это?

Росс осторожно осматривал останки.

— После наших бластеров можно только гадать. Но это внезапная смерть на шести лапах — без преувеличения.

И правда, бластеры оставили мало материала для исследования. Существо шестилапое, мохнатое, это хищ-

ник, примерно восьми футов в длину, с пропорционального размера когтями и клыками.

— Местная разновидность саблезубого тигра, — заметил Росс.

Эш кивнул.

— Предлагаю начать стратегическое отступление. Может, они тоже ночные жители, но я не хотел бы встретиться с таким в джунглях.

Глава 13

— Думаешь, нас еще ждут неприятные сюрпризы? — Росс рукой в шрамах постучал по столу кают-компании, глаза его улыбались, но губы нет. — Позволь поделиться с тобой капелькой здравого смысла, приятель. Если все кажется спокойным, впереди тебя ждет ловушка.

Тревис потер ноющую ногу. Его раздражало веселье Росса. Теперь, обдумав схватку, он пришел к выводу, что был излишне самоуверен, когда входил в красное здание. Тем более ему неприятно было слышать критику Росса. Хотя, возможно, осуждение ему только почудилось.

— Знаете, — в коридоре появился Ренфри, рядом с ним Эш, — эти летающие существа дважды возвращались во время вашего отсутствия. Подлетали к самому люку, но внутрь не заходили.

Тревис, вспомнив их когти, хмыкнул.

— Может, это и к лучшему, — заметил он.

— Потом, — продолжал Ренфри, не обращая внимания на слова Тревиса, — перед самым вашим возвращением я нашел это — перед наружным люком.

«Это» совсем не напоминало природный предмет, занесенный ветром. Три прочных зеленых листа, с жилками и ребрами, были сколоты двумя двухдюймовыми шипами в своеобразный рог изобилия, заполненный

овальными светло-зелеными предметами размером в ноготь.

Может быть, плоды, семена, разновидность зерен. Но Тревис был уверен, что это пища. И явно дар — дружеский жест — пробный шар со стороны голубых летунов. Зачем? С какой целью?

— Ты не видел, кто это оставил? — спросил Эш.

— Нет. Я подошел к люку — он лежит.

Одно из семян выпало и покатилось по столу. Тревис коснулся его пальцем, и шарик лопнул, как перезревшая ягода. Не раздумывая, апач поднес липкий палец ко рту. Вкус острый, но сладкий, со свежим привкусом трав.

— Ну, вот, ты это сделал, — заметил Росс. — Теперь подождем, пока ты покроешься пурпурными пятнами или позеленеешь и сморщишься. — Говорил он, как обычно, небрежно, но слышалось в его словах какое-то недовольство. Может, он опять решил, что Тревис слишком забегает вперед в неразумных экспериментах?

— Вкус приятный, — флегматично ответил индеец. Неторопливо выбрал еще один шарик, положил в рот и раздавил зубами. Ягода или семя не удовлетворяет жажды мяса, но это не концентрат и не продукт чужаков, а вкус хороший.

— Хватит! — Эш убрал мешок из листьев вместе с его содержимым. — Не нужно зря рисковать.

Но так как Тревис не испытывал никаких дурных последствий, за ужином разделили остаток дара, наслаждаясь его вкусом после недель на корабельных запасах.

— Может, сумеем выторговать еще немного, — лениво начал Росс. Потом вздрогнул и выпрямился на неудобном сиденье кают-компания.

Эш рассмеялся.

— Я уже думал, когда ты вспомнишь о такой возможности.

Росс улыбнулся.

— Вы думаете, у меня ничего надолго не задерживается? Ну, ладно, снова станем торговцами. С людьми кубков у меня не было возможности как следует поторговаться — слишком много оказалось помех.

Тревис терпеливо ждал объяснения. Один из тех моментов, когда их общее прошлое отрезало его, напоминало, что только случай помог ему принять участие в этом приключении.

— Тут должно быть что-то, способное привлечь внимание. — Росс протиснулся мимо Эша, выходя из уют-компании. — Схожу посмотрю.

— Торговля? — Ренфри кивнул. — Я слышал, вы в маршрутах во времени играли эту роль.

— Хорошее прикрытие, может, лучшее. В примитивном мире торговец проходит всюду. И никто не задает ему вопросов. А любые небольшие отклонения в одежде, странности в обычаях и речи легко объясняются профессией. Он приходит издалека и не обязательно должен быть похож на членов племени. И торговец способен быстро собрать новости. Да, мы использовали это прикрытие в первых маршрутах.

— Вы были торговцами во времени? — спросил Тревис.

Эш готов был поговорить о своих прошлых делах.

— Когда-нибудь слышал о народе кубков? Это торговцы, их торговые посты располагались от Греции до Шотландии в начале Бронзового века. У меня было такое прикрытие в древней Британии и на Балтике. Дело весьма интересное. Мой первый партнер мог бы уйти на пенсию миллионером — или его эквивалентом в тот период. — Эш замолчал, лицо его снова замкнулось, но Тревис все же задал еще один вопрос:

— А почему не стал им?

— Красные обнаружили нашу станцию в том времени. И взорвали ее. И проиграли из-за этого, потому

что дали нам понять, где их собственная станция. — Можно было подумать, что он читает сухой отчет, если не смотреть в его глаза.

Тревис знал, что Росс опасен. Но теперь подумал, что Эш может превзойти своего молодого партнера в безжалостности, если понадобится. Вернулся Росс с полными руками. И выложил отобранные им вещи для оценки.

Полоска ткани, возможно, предназначавшаяся для использования в качестве шарфа, которую они нашли в одном из шкафов. Тонкая нить, с чередующимися пурпурными и зелеными цветами, яркими и привлекающими внимание. Пестрые кусочки резного дерева в форме кораллов, с пятнами золотистого цвета. Насколько могли судить земляне, это стилизованное изображение листьев, а Эш считал, что это фигуры для какой-то игры, хотя доску и другие фигуры не нашли. И наконец пластинка, которая чудесным образом воспроизводила изображения местности. Эту пластинку Эш, покачав головой, отложил в сторону.

— Это слишком важно. И во всяком случае, не нужно быть излишне щедрыми для начала. Попробуй шарф и две фигурки.

— Положить у люка? — спросил Росс.

— Пожалуй, нет. Нам не нужны посетители. Подумай и выбери место внизу.

Хоть Эш и предоставил Россу инициативу, но пошел вместе с ним. Тревис, у которого вдруг заболела нога, лег на койку, чтобы попробовать целительное воздействие желе. Он снял костюм, поморщившись, вытянулся и расслабился.

Должно быть, он уснул под наркотическим воздействием исцеляющего желе, которое, подчиняясь его желанию, охватило все тело. Разбудил его Росс.

— В чем дело?

Росс не дал ему времени на протесты.

— Эш исчез! — Лицо его оставалось спокойным и невыразительным, но глаза были необычно холодны.

— Исчез? — Сонливость, навеянная желе, не давала возможности быстро соображать. — Куда исчез?

— Это мы и должны выяснить. Собирайся!

Тревис, синяк которого совсем рассосался, а боль исчезла, быстро оделся, застегнул пояс с оружием, который протянул ему Росс.

— Рассказывай.

Росс уже вышел в коридор, каждая линия его напряженного тела выдавала нетерпение.

— Мы вышли — выбирать камень для торговли. Несколько летунов следили за нами, и мы подождали, не спустятся ли они. Когда они не стали спускаться, Эш сказал, что нам лучше укрыться, сделать вид, что мы уходим к зданиям. Эш зашел за упавшее дерево, я видел его. Говорю тебе: я его видел! Но потом его там не оказалось, и вообще нигде не было! — Росс был явно потрясен, тщательно выработанная невозмутимость его покинула.

— Ловушка в земле? — высказал первое предположение Тревис, торопясь вслед за Россом к люку. Ренфри уже связывал два куска шелковой нити, едва ли толще пряжи, но, как они успели убедиться, удивительно прочной. Привязав ее к кораблю, они смогут обыскивать окрестности, оставляя ведущий к себе след.

— Я все осмотрел, дюйм за дюймом, — сквозь сжатые зубы сказал Росс. — Даже червь там не спрячется. Он только что был, а в следующую минуту его не стало!

Закрепив линии и оставив Ренфри караульным, они спустились на истоптанную и обожженную площадку рядом с кораблем, на которой в лучах заходящего солнца вяла сорванная растительность. Тьма усложнит

поиск. Надо действовать быстро, найти хоть какой-нибудь след, прежде чем стемнеет.

Росс шел впереди, прошел по упавшему дереву до кроны, теперь увядающей.

— Он был здесь.

Тревис погрузился в сохнущую листву. Оглушали резкие запахи липкого сока, ароматы цветов. Но Росс прав. Растительность расчищена, но на влажной поверхности почвы никаких следов. Тревис видел след, но точно такой, какой он оставляет сам. Этот след может принадлежать Россу. Но так как больше ничего не было, Тревис пошел по нему.

Несколько мгновений спустя на самом краю расчищенного Россом места Тревис заметил кое-что еще. Тут лежал другой ствол, остатки настоящего лесного гиганта. И дерево упало не при посадке корабля, оно лежало давно, и на нем вырос покров из красного мха и грибов.

И вот во мху виднелись два темных следа, неровные царапины: кто-то вцепился здесь, сопротивляясь непреодолимой силе. Эш? Но как его могли захватить, чтобы Росс не видел, не слышал звуков борьбы?

Тревис перепрыгнул через ствол. Вот и подтверждение — отпечаток ноги на плесени. Но за ним — ничего, абсолютно ничего! Однако никакое живое существо не могло бы пройти по влажной почве, не оставив следов. Кажется, что Эш исчез в воздухе.

В воздухе! Не на земле, а вверху нужно искать. Тревис окликнул Росса. Теперь их окружали высокие деревья, до первых ветвей двадцать и больше метров, стволы гладкие. В листве шумел ветер, но никакого другого движения не видно, ничего не слышно.

Показался один из голубых летунов, повис над Тревисом, глядя на него своими четырьмя глазами на стебельках. Летуны... они унесли Эша? Он не мог в это

поверить. Человек с весом и силой Эша, к тому же отчаянно сопротивляющийся — об этом свидетельствуют царапины во мху, — да его может унести только целая стая таких существ, действующих совместно. И все же апач верил, словно видел своими глазами, что Эша унесли либо по воздуху, либо по вершинам деревьев.

— Как они его подняли? — удивился Росс. Он готов был согласиться с Тревисом, но сам апач вынужден был признать, что такой маневр затруднителен. — А если подняли, — продолжал агент во времени, — то куда дели?

— Это направление противоположно трем ближайшим зданиям, — сказал Тревис. — Они должны были перенести пленника кратчайшим путем, скорость для них важнее скрытности.

— Значит, прямой путь через джунгли, — Росс с отвращением осмотрел деревья, лианы и кустарник. — Что ж, есть один трюк, дай-ка мне твой пояс. Нам показывали его на тренировках. — Он взял пояс Тревиса, связал его со своим, проверил толщину ствола, застегнул пояс на последнее отверстие. Но ствол все равно оказался слишком толст. Росс отрезал от нити, связывавшей их с кораблем, кусок, привязал его к поясам. На этот раз ему удалось охватить ствол. С помощью петли он забрался на ствол дерева, нависавшего над следами борьбы.

Листва дрожала, когда он прокладывал по ней путь наверх.

— Ну, вот и ключ, — крикнул он оттуда. — Тут была привязана веревка, она врезалась в кору. И... ну, ну, ну... они не так уж умны все-таки... или думают, что мы дураки. Тут настоящая дорога — по верхним ветвям. Поднимайся, посмотришь!

С дерева свалилась петля из поясов и нити, Тревис поймал ее и поднялся — тяжелее, чем Росс. Вско-

ре он присоединился к Россу на ветке. Тот держал в руках другую веревку, тонкую и зеленую, напоминавшую лиану.

— Способ Тарзана, — Росс для выразительности покрутил в воздухе веревкой. — Раскачиваешься, перелетаешь на соседнее дерево, там другая веревка, и так далее. Но все же не понимаю, как они могли унести Эша. Хотя, — глаза его сузились, — может, они подождали, пока я пойду на корабль за тобой.

Тревис разглядывал веревку.

— Они ее оставили. Это значит...

— Что намерены вернуться? — Росс кивнул. — У них может быть хитрый план схватить нас поодиночке. Но кто «они»? Ведь не эти голубые летуны...

— Те могли действовать, как их собаки. — Тревис старался не смотреть вниз, потому что нынешнее положение не внушало ему уверенности.

— А этот подарок из фруктов — приманка в ловушку, — согласился Росс. — Все совпадает. Фрукты, чтобы выманить нас из корабля, летуны сообщают, что мы пришли. Потом — раз! и один из нас схвачен! Но Эш не останется в плену.

— Возможно, это тоже ловушка. — Тревис дернул веревку и обнаружил, что Росс прав: она очень прочно привязана к дереву.

— Верно. Но мы узнаем.

— Ночью? — Солнце почти село. Тревис не меньше Росса хотел пойти по следу, но здравый смысл протестовал против такого безрассудства.

— Ночь... — Росс, прищурившись, смотрел на солнце. — Эти существа действуют днем. И они привыкли к высоте.

— Значит, есть причины не ходить здесь по земле или в темноте. — Тревис начинал уставать от разгово-

ров. — Одна из таких причин — наш друг в красном доме. Каково твое решение?

— Пойдем в куполообразное здание, поднимемся до верха. Вокруг купола идет балкон. Взглянем оттуда.

Тревис согласился с этим. Но им пришлось поспорить с Ренфри. Техник хотел сопровождать их. Росс резко сказал ему, что только он обладает знаниями, хотя бы их зачатками, которые могут помочь им управлять кораблем. А от этого зависит все их будущее. И нужно торопиться, чтобы попробовать найти следы до темноты.

Они шли по тропе, которую прорубили утром. Когда пересекали небольшие поляны, Тревис поглядывал на небо. Он ожидал, что появятся голубые наблюдатели. Но их не было.

Росс быстро начал подниматься по рампе внутри здания. Но постепенно шаг его замедлялся, они поднялись на пятый уровень, на шестой, седьмой, восьмой, девятый и наконец десятый. В здании ни звука, ничто не нарушало тишину этой фантастической раковины.

Они добрались до балкона, узкого мостика, огибавшего весь купол, защищенного резным парапетом по грудь высотой. Ветер усилился, развевал волосы, свистел в открытой резьбе. Росс шел впереди. Он торопился к месту, откуда открывался вид в том направлении, куда, как они думали, направились похитители Эша.

Над джунглями поднимались и другие здания или их остатки. Большинство меньше купола, три или четыре — очень далеко — выше. Высокие здания одинаковых очертаний, что свидетельствует об общем происхождении.

На одно из этих зданий указал Росс.

— Если они по вершинам направились к ближайшему зданию, то к этому. — Он смотрел вдоль указательного пальца, как вдоль ствола ружья.

Тревис перечислял все возможные ориентиры, хотя с поверхности от трех четвертей из них никакого толку.

— Справа от этой крыши в форме воронки и слева от квадратной башни. Туда несколько миль.

Можно прорубить тропу в джунглях — с помощью бластеров. Но такое действие выдаст их приближение. Если они хотят найти врага — конечно, предполагая, что враг именно в том здании, которое указал Росс, — им придется действовать более скрытно и хитро. И такую вылазку нельзя делать ночью.

— Есть только один способ проверить, — Росс словно рассуждал вслух. — Если останемся здесь дотемна, узнаем.

— Как?

— Огни. Если увидим огни, это доказательство.

— Маловероятно. Они были бы глупы, если бы зажгли огни.

— А может, опять ловушка? — размышлял Росс. — Хотят нас заманить.

— Ну, это только предположение. Откуда нам знать, как они рассуждают? Мы даже не знаем, кто они. Тебе не понравились те, что до тебя носили эту форму. — Тревис потянул голубую ткань у себя на груди. — Если это их родная планета, может, они будут играть с нами в такие же игры, как с тобой, — умственный контроль.

— Посмотри! — Росс широким жестом обвел море спокойных джунглей, поднимающихся отдельными островками здания. — Все, что у них было, мертво, давно мертво. И сами они тоже мертвы. Или опустились до первобытного уровня. А если они дикари, Эш с ними справится: его к этому готовили. Я видел его в действии. Дай мне час здесь после заката. И если не увидим огней, уйдем...

Тревис достал бластер. Тьма, даже сумерки могут привести на их след хищников. Но он понимал Росса, и к тому же к кораблю ведет ясная тропа.

— Ну, хорошо.

Они медленно обошли вокруг купола, дожидаясь темноты. И насчитали не менее пятидесяти зданий, фантастических, не похожих друг на друга, некоторые даже, казалось, опровергали закон тяготения. А дальше другие, высокие, одинаковые. Может, это сооружения туземцев, а остальные — посольства, примеры трансгалактической архитектуры, как предполагал Эш? Какая сокровищница знаний может заключаться в них...

От рассуждений Тревиса оторвал возглас Росса. За их спинами в небе еще виднелись отражения солнечного света. Но — догадка Мердока оправдалась. В ближайшей из высоких башен мелькнул огонек. Вспыхнул, погас, снова вспыхнул.

Приманка?

Глава 14

На корабле состоялся военный совет. Наружный люк закрыли: этой предосторожности научил пустынный мир.

— Трудно будет пробиваться в джунглях в том направлении, — заметил Ренфри. — И они могут поджидать вас там.

— Иногда кратчайший путь кругом, а не прямо, — согласился Росс. Он начертил на листе материала из запасов чужаков карту, обозначив крестиками и квадратами различные здания. — Смотрите: эти высокие здания образуют группу. Но здесь, здесь и здесь есть другие здания. Допустим, мы направимся к этому, похожему на переросшую нефтяную бочку с воронкой, потом за эту груду блоков. То, что нам нужно, находится между ними. Проберемся сюда, потом за блоки и назад. Если мы их убедим, что обыскиваем все подряд в этом направлении, это даст нам время. Достигнем

этого пункта, — он указал пальцем на импровизированной карте, — и тогда двинемся прямо и на высшей скорости. — Он вызывающе огляделся. — У кого-нибудь есть лучшая идея?

Ренфри пожал плечами:

— Ты готовился к таким делам. Но я пойду с вами.

— И позволишь кому-нибудь захватить корабль у нас за спиной? Они за нами наблюдают, иначе не захватили бы шефа так ловко. Помните, он не новичок в таких играх. Я видел его в действии.

— По вершинам, — рассуждал Тревис. — Если это их обычный способ передвижения, тогда у нас есть одно преимущество. В джунглях мы можем передвигаться скрытно. Они не могут все время наблюдать сверху.

— Вы оба согласны? — Ренфри продолжал изучать карту.

Росс встал.

— Не собираюсь позволить им сожрать шефа и не подавиться. Чем быстрее начнем действовать, тем лучше.

Но даже Росс вынужден был согласиться, что нужно дождаться рассвета и только тогда начать осуществление плана. Они перерыли весь корабль и отобрали необходимое. У каждого на поясе висел бластер чужаков. Вдобавок на плече виток тонкой крепкой веревки, кроме того, они сохранили кремневые ножи от своей охотничьей маскировки. Кремень хрупок, но остро заточенные края могут нанести смертельную рану в схватке. Прихватили рюкзаки с пищевыми концентратами и контейнерами с пеной.

Ренфри не хотел оставаться на корабле. Но вынужден был согласиться, что невозможно закрыть люк снаружи, и поэтому должен остаться охранник. Но он настоял на том, чтобы привести в готовность оружие корабля. И вот, когда они при первых лучах рассвета спускались по лестнице на поверхность, из корпуса корабля торчали зловещие трубы.

По очереди они начали прорубать тропу. И, где могли, пробирались через кустарники, сберегая энергию бластеров. Тревис шел впереди, когда перед ними оказался зеленый туннель.

Здесь почва затвердела и превратилась в неглубокий желоб. Тревису потребовался всего один взгляд, чтобы определить, что это такое — звериная тропа, ведущая либо к водопою, либо на хорошее пастбище. По тропе ходили много и давно.

Были и следы, лапа с когтями, копыто с такими глубокими вмятинами, что оно должно быть почти разделено надвое; более мелкие следы, которые трудно определить.

— Она идет в нужном направлении. Пойдем по ней? — Тревис сам сомневался в разумности этого предложения. С одной стороны, они могли значительно увеличить скорость продвижения, а скорость для них очень важна. Но такая тропа — не только звериная дорога, тут легко нарваться на засаду.

Росс шагнул на узкую тропу. Она извивалась и поворачивала, но в целом шла к тому зданию с крышей-воронкой, которое является их первой целью.

— Идем, — решил он.

Тревис двинулся легкой рысью. Он слышал в листве над головой звуки: щебет, шелканье, иногда резкий крик. Но существ, которые издают эти звуки, не видел.

Тропа опускалась в неглубокую низину. На дне ее лениво тек ручей по коричнево-зеленому руслу, над ним открытое небо. Тут они потревожили рыболова.

Рука Тревиса поднялась к рукояти бластера, снова опустилась. Как и голубые летуны, этот странный обитатель неизвестного мира не производил впечатления врага. Зверь размером с дикого кота, немного похожий на кота по внешности. Во всяком случае, у него была круглая голова с слегка раскосыми глазами. Но уши очень-очень длинные, резко заостренные и с ме-

телочками... перьев на концах. Перья! Голубые летуны мохнатые, и у них крылья насекомых. Рыболов, явно наземное животное, покрыт перьями того же сине-зеленого цвета, что и окружающая листва. Если бы он не сидел на камне на открытом месте, его невозможно было бы заметить.

Задние лапы у него толстые и тяжелые, и он сидит на них. Передние более тонкие и длинные, в одной из них чешуйчатое существо, от которого рыболов с помощью зубов и когтей методично отрывает лапки. Животное, прервав свое занятие, смотрело на Тревиса круглыми глазами, не проявляя ни страха, ни гнева из-за помехи.

Когда земляне приблизились, животное прижало завтрак к груди промежуточной парой лап, прыгнуло и исчезло в зарослях.

— Кролик... кот... сова... что еще, — заметил Росс. — И не испугался.

— Либо у него нет врагов, либо мы на них не похожи. — Тревис разглядывал завесу зелени, в которой скрылся рыболов. — Да, он все еще следит за нами — оттуда, — добавил он шепотом.

Однако присутствие одетого в перья рыболова обещало безопасность на тропе. Тревис нашел продолжение тропы по другую сторону ручья. И с большей готовностью двинулся по ней, хотя листва сомкнулась у них над головами, когда они с Россом погрузились в зеленый туннель.

Вокруг продолжали слышаться звуки скрытой жизни. Дважды земляне натыкались на следы охотника или охотников. Один раз им попался клочок серой, похожей на плюш шерсти, забрызганной кровью, в другой — несколько перьев и испачканная шкурка.

Перед зданием с крышей-воронкой был небольшой открытый участок. Каменный веер, покрытый красным мхом, но не доверху; тропа, огибая его, проходила

мимо здания. Если они будут продолжать действовать по плану Росса, им теперь нужно снова углубиться в джунгли и прорываться сквозь упругую растительность. Но вначале, чтобы сбить с толку возможных наблюдателей, они поднялись по каменному порогу, поросшему мхом, и хотели войти в здание, словно собирались его осмотреть. Но войти оказалось нелегко. Путь им преградила решетка из прочного материала. Сквозь ее прутья они видели внутренность здания. Очевидно, в нем оставлена какая-то мебель: на полу виднелись различные предметы в истлевших покрывах.

Росс, прижав лицо к прутьям, свистнул.

— Готовились к переезду, только фургон не пришел. Шеф захотел бы порыться здесь. Тут многое можно найти.

— Вначале найдем его самого. — Тревис стоял на верхней из четырех ступеней, ведущих в здание. Он видел башню, их конечную цель, хотя деревья закрывали три нижних ее этажа. На его взгляд, никаких признаков жизни в ней не было, ничего не двигалось в окнах. И все же вчера вечером тут горел свет.

— Ну, ладно, пошли! — Росс оторвался от решетки. И широким жестом указал не на их цель, а на здание за ним.

Теперь приходилось прорубать дорогу бластерами, руками рвать растения, чтобы прокладывать тропу между небольшими изолированными полянами, где падение гигантского дерева в прошлом немного расчистило место. Тяжело дыша, они выбрались на пятую такую поляну.

— Здесь, — сказал Росс. — Отсюда поворачиваем.

К счастью, им видна была вершина башни как указатель направления. Они подходили к ней сзади, и по какому-то капризу природы тут подлесок был реже. Поэтому им приходилось выбирать укрытия и все время посматривать вверх в поисках наблюдателя или шпио-

на. Впрочем, вряд ли они в таких обстоятельствах заметили бы целую армию, мрачно решил Тревис, каждое мгновение ожидая нападения.

Они прошли уже около половины дороги, которая вела их к основанию здания, когда оба застыли, услышав крик. Воинственный крик существа, которое поджидало их в красном зале! И звук был так искажен окружающими джунглями, что Тревис не мог сказать, где он прозвучал: впереди или сзади.

Этот первый крик только послужил сигналом к оглушающим воплям, от которых разрывались барабанные перепонки землян. Из листвы вылетела птица, в слепой панике бросилась прямо на них двоих, благополучно пролетела мимо и снова скрылась в зарослях. Мимо промелькнуло стройное грациозное существо с пятнистой шкурой и одним рогом и исчезло, прежде чем Тревис уверился, что действительно видел его.

Крики, полные гнева и кровожадности, продолжались. Тут не один зверь — целая стая! И судя по шуму, они дерутся друг с другом. Тревис представил себе Эша, загнанного в башню и противостоящего таким врагам. Он побежал. Прежде чем они погрузились в чашу, Росс поравнялся с ним; они по прямой линии пробирались к зданию.

Тревис споткнулся, замахал руками, пытаясь удержать равновесие, вывалился на открытое место и упал на четвереньки. Прямо перед ним находился вход в здание — длинный узкий разрез в стене. Звуки доносились изнутри. Росс с бластером в руке — стремительная синяя полоса сосредоточенного движения — промелькнул мимо Тревиса.

Апач встал и побежал, отставая от агента во времени всего на один-два шага. Они прошли в разрез и оказались у основания ведущей вверх ramпы. Один из воплей, звучавших вверху, закончился кашлем. Масса темно-красной шерсти, бьющие лапы, узкая голова

ласки с оскаленными клыками — все это прокатилось мимо, дергаясь в предсмертной агонии. Росс отскочил в сторону.

— Уложил одного бластером! — крикнул он. — Шеф! Эш! Вы здесь?

Если кто-то и ответил, то ответ заглушили крики животных. Внутри было полутемно, но света достаточно, чтобы увидеть перегородку поперек ramпы. В барьере виднелась щель, в ней сражались за проход два красных зверя. За ними рычал третий.

Росс установил бластер на сгибе руки и с меткостью снайпера поразил голову ласки. Зверь зарычал и попятился. Другие расступились, пропуская его.

Один из зверей в отверстии увидел двоих внизу и повернул, позволил другому пройти в дыру. Сам же он прыгнул на Росса. Луч бластера прошелся по плечам зверя, он отвратительно завопил, упал, отчаянно дергая лапами. Росс выстрелил еще раз, и зверь затих. Но битва за барьером продолжалась.

— Эш! — крикнул Росс. Тревис подхватил его крик. Они совсем не хотели встретить луч бластера своего друга за барьером.

— Эй! — Эхо странно исказило этот крик, лишило его сходства с человеческим; он исходил, казалось, с какого-то расстояния сверху или спереди. Но оба слышали его и через отверстие в барьере вбежали в большой зал.

Тут было светло, свет давало белое пламя дымящихся ветвей, которые лежали на полу; их сбрасывали сверху. Один из красных зверей лежал мертвым. Другой, волоча за собой задние лапы, полз к ним, и Тревис уложил его. Но не успел он отпустить палец со спуска, как луч бластера погас. Тревис попробовал еще раз: в оружии кончился заряд.

На второй ramпе в конце зала что-то двигалось. Росс стоял с бластером наготове. Тревис наклонился за фа-

келом. Он принялся размахивать тлеющей ветвью, ярко вспыхнул огонь.

Росс выстрелил в голову прыгающего на него зверя, промахнулся, отпрыгнул к рампе и бросился на пол, чтобы уйти от нападения. Но зверь мгновенно прыгнул вслед за ним. Тревис снова размахнулся веткой и ударил горящим концом по змеиной голове нападающего зверя.

Одна из могучих лап ударила, вырвала факел из руки апача. Но Росс уже поднялся на колени с бластером наготове. И красный зверь сдох. Тревис слегка неуверенно отступил, подобрал второй факел.

— Эй! — снова крик сверху. Росс ответил на него.

— Эш! Мы внизу...

Больше на рампе воплей не слышалось. Но Тревис подумал, что звери могут ждать в засаде. У него не было желания подниматься в неизвестное — с бездействующим бластером. А кремневый нож бесполезен против такого зверя.

Они ждали, прислушиваясь, у основания рампы. Но когда нового нападения не последовало, Росс пошел вперед, а Тревис, держа факел, за ним. Он протянул руку и коснулся руки Росса, поравнявшись с ним. Впереди их что-то ждет.

Тревис осветил факелом верх рампы, увидел Росса с бластером наготове...

— Входите! — Слова звучали обычно, но говорил Эш чуть задыхаясь и выше тоном, чем всегда. Но именно Эш, невредимый и невозмутимый, вышел им навстречу на свет и ждал их приближения. Но он был не один. За ним двигались смутные тени. Росс не убирал бластер, а рука Тревиса сжала нож.

— Как вы, шеф?

Эш в ответ рассмеялся.

— Ну вот, космический патруль и приземлился. Вы, парни, появились в самый нужный момент. Пойдемте знакомиться.

Тени придвинулись ближе к Эшу. Но тут вспыхнул новый факел, и Тревис, мигая, уставился на освещенную им группу.

Эш ростом в шесть футов, он примерно дюйм уступает Тревису. Но в этом обществе он возвышался, как башня, самый высокий из его спутников едва ли доходил ему до плеча.

— У них крылья!

Да, вспышка огня осветила крыло — не из перьев, а кожистое, конец его торчал над плечом. Где он видел такие крылья? На статуэтке в купольном здании!

Но лица, повернутые к землянам, не так гротескны, как у статуэтки. Уши не такие большие, черты лиц гуманоидные, хотя носы — вертикальные щели. Либо статуэтка карикатурна, либо представляет более примитивный вид.

Туземцы держались позади, и из их узких заостренных челюстей доносились негромкие звуки, то громче, то тише. Но определить в них слова Тревис не мог.

— Местные жители? — Росс по-прежнему держал бластер наготове. — Они похитили вас, шеф?

— Некоторым образом. Я думаю, вы справились с дикой жизнью внизу?

— Все, что видели, — ответил Тревис, по-прежнему разглядывая крылатых людей. Он был уверен, что это люди — разумные существа.

— Тогда мы можем выйти отсюда. — Эш повернулся к одному из крылатых созданий и выразительно убрал свой бластер в кобуру. Крылатые люди расступились, позволив Эшу, Россу и Тревису пройти и подняться по третьей рампе. На ее верху земляне увидели желтый солнечный свет и оказались в просторном зале с арочными проходами вдоль всей его длины.

Ноздри Тревиса раздулись, он уловил набор запахов, приятных и не очень. Похоже, это постоянное поселение. Арки были украшены зеленью, в ней цветы, такие же, какие он видел в первый день. У стен бревна, выдолбленные в виде корыт. В них различные растения, все они тянутся к лучам солнца в окнах, покрывая стену от пола до потолка зеленым занавесом.

И жители этого места больше не вели себя как тени. В ярком свете заметнее их гуманоидные черты. Крылья сложены на спинах, как плащи, и другой одежды на них нет, если не считать пояса, воротника и браслетов. Оружием им служили небольшие копья — такое оружие не годится против красных убийц, осаждавших их внизу.

Они внимательно наблюдали за землянами, негромко переговаривались, но не делали угрожающих жестов. И так как прочесть выражение их лиц было невозможно, Тревис не знал, считают ли они троих землян с корабля пленниками, союзниками или просто любопытными существами.

— Сюда... — Эш остановился перед одной из завешенных арок и издал негромкий возглас.

Занавес разошелся, Эш вошел, сделав остальным знак следовать за ним.

Под ногами у них раскинулся толстый ковер из переплетенных веток и листьев. Множество растений делили большое помещение словно загородками на меньшие, оставив свободное пространство прямо против входа.

— Не смотрите по сторонам, — быстро сказал Эш. — Смотрите на того, что у стола.

У стола, поднимавшегося над полом фута на два, сидел один из крылатых людей. У тех, которых земляне видели раньше, кожа была темно-фиолетовая, цвета камня, из которого вырезана статуэтка. Но этот темнее, кожа у него пурпурного цвета. И что-то в его сдержанных движениях свидетельствовало о старости.

Но когда туземец взглянул на землян, Тревис понял, что это не просто человек — это значительный человек среди своего народа. Он прочел это во взгляде туземца, в его гордой осанке, в неторопливости, с какой тот разглядывал троих землян.

Глава 15

— Что за свалка! — Росс изумленно оглядывался.

— Сокровищница! — резко поправил его шеф.

А Тревис просто стоял и смотрел по сторонам. И подумал, что правильны оба определения.

— Они вас похитили, чтобы вы разобрали это? — недоверчиво спросил Росс.

— Ну, в общем, да, — согласился Эш. — Вопросы: с чего начнем, что найдем, как сообщим им о своих находках, если сумеем понять их смысл?

— И давно они собирают это? — удивился Тревис. Среди груды материалов и предметов имелись проходы, так что подойти можно. Но общее впечатление от огромных куч угнетающее.

Эш пожал плечами.

— Если общаешься с помощью жестов и догадок, много ли узнаешь?

— Но почему похитили вас? То есть — откуда вы знаете, как они действуют? — снова спросил Росс.

— Мы прилетели в корабле. Возможно, у них существует смутная традиция, легенды, что люди с кораблей знают все.

— Белые боги, — вставил Тревис.

— Но только мы не Кортес и его люди, — резко ответил Эш.

— Но они не лысые и не мохнатолицы, как тот оператор, которого я видел на экране в корабле красных. Кто же они?

— Судя по статуэтке, их предки знакомы строителям купола, — ответил Эш. — Но я думаю, что это не упадок. Они просто примитивны.

Воображение Тревиса неожиданно оживило.

— Домашние животные?

Оба агента взглянули на него. Эш перевел дыхание.

— Возможно, ты прав! — Он произнес эти слова подчеркнуто. — Пусть пройдет десять тысяч лет и сложатся необходимые условия, и вы увидите, что будет с нашими собаками или кошками.

— Мы пленники? — Росс вернулся к главной теме.

— Не сейчас. Благодаря тому, что мы справились с красными ласками. Общий враг — превосходный повод для заключения взаимного мира. К тому же у нас общая цель. Если мы найдем что-нибудь, что помогло бы Ренфри, то только в этой груде.

— Нам потребуется целый год, только чтобы разобрать верхний слой этого хлама, — пессимистично заявил Росс.

— Мы знаем, что нам нужно: у нас есть образцы на корабле. А все найденное, что может пригодиться нашим крылатым друзьям, отдадим им. И кто знает, что мы можем найти?

Эш оказался прав в оценке отношения к ним крылатых людей. Вождь или предводитель, который принял их в увитой растениями комнате, а потом привел на этот склад добра, собранного племенем, не мешал их возвращению на корабль. Возвращались они по поверхности, а не по деревьям, в сопровождении нескольких голубых летунов — крылатым людям они служили чем-то вроде собак.

За время своего плена Эш понял, что красные ласки составляют главную опасность и что крылатые люди пытались преградить им доступ в свое жилище. Хищники действовали хитро и коварно, что предполагает и у них наличие какого-то разума, пытаюсь преодолеть

барьер. Но только общий натиск всей стаи помог сломать с таким трудом возведенную стену и прорваться в жилище крылатых людей. Готовность Эша воспользоваться своим бластером и неожиданное появление Росса и Тревиса привели к гибели всей стаи. Все это произвело благоприятное впечатление на возможных жертв хищников.

— Но они ведь могут летать, — говорил Росс. — Почему просто не улетят — через окна и не оставят шестиногим ласкам это место?

— Их вождь смог дать мне это понять очень ясно. Сейчас период, когда рождаются их дети. Самцы могли бы спастись, но самки и малыши — нет.

Ренфри ожидал их у входа, грызя от беспокойства ногти. Обрадовавшись, когда увидел их снова вместе и невредимых, он рассказал, что выяснил, как действует запись курса. Но пока не знает, сможет ли пустить эту запись в обратном направлении.

— Не знаю, как ее перемотать. — Он потрогал диск размером с монету, тот самый, что выскочил в день их прилета. — Если проволока порвется... — Он пожал плечами и не стал заканчивать.

— Значит, тебе нужна другая, чтобы попрактиковаться, — Эш кивнул. — Хорошо, мы знаем, что искать, когда завтра начнем рыться в сокровищнице.

— Если другая существует, — с сомнением заметил Ренфри.

— Вывод номер один. — Эш отпил из контейнера с пеной. — Я думаю, что большую часть добра крылатые люди собрали в таких же зданиях, как то, в котором живут. А таких зданий немало. Остальные здания совсем другие по архитектуре и не повторяются. Отсюда вывод, что башни — жилища местных жителей, а проекты других зданий созданы не здесь — по какой-то причине.

— Когда пилот настраивал приборы на возвращение, он либо направлялся на родную планету, либо на базу обслуживания. Отсюда можно заключить, что среди груды добра, собранного нашими хозяевами, можно найти и аналогичные записи, такие же, как на корабле. И среди них возможны указатели курса.

— Ну, в этом множество «если» и «может быть», — заметил Ренфри.

Эш рассмеялся.

— Парень, большую часть своей взрослой жизни я имею дело с «если» и «может быть». Когда роешься в прошлом, о многом нужно догадываться, и только потом тяжелая работа подтверждает или опровергает твои догадки. Есть определенные шаблоны, образцы поведения, с помощью которых можно строить догадки.

— Человеческие шаблоны, — напомнил Тревис. — Здесь ведь перед нами не люди.

— Конечно. Если только не расширить определение людей: люди — это те, кто обладает разумом и способностью воспользоваться им. Я думаю, что так нужно сделать: мы больше не привязаны к своей системе. И во всяком случае, разборка сокровищ — первая наша настоящая работа.

На следующее утро все они, включая Ренфри, отправились в башню. И в свете солнца, проходившего в окна, предстоящая работа, предложенная Эшем и вождем крылатых людей, казалась еще значительней.

Но тут щенята, или цыплята, или дети крылатых людей предложили помощь — свои быстрые руки и острые глаза. Тревис оказался в центре небольшой группы крылатых малышей, все внимательно следили, как он пытается разобрать груды распадающихся предметов. Пара смуглых рук подхватила катящийся контейнер, другая помогла передвинуть ящик. Третий принялся разворачивать гибкий провод, которым была окутана грудка. Апач рассмеялся и кивнул, надеясь, что оба жеста бу-

дут поняты как благодарность и одобрение. Очевидно, так и было, потому что молодежь охотно принялась за работу, их маленькие руки добирались до таких мест, куда Тревис не смог бы проникнуть. Дважды, однако, ему приходилось торопливо выдерживать слишком старательных помощников из обрушивающихся груд.

Все, что они до сих пор обнаружили, осмотрели и отложили в сторону, либо было слишком повреждено временем, либо для землян не имело никакого смысла. Тревис сражался с покрытием рассыпающихся контейнеров и ящиков. Иногда они прямо у него под руками распадались в пыль; в других случаях раскрытые ящики оказывались полны порошком, в который, по видимому, превратилась ткань.

Какие-то трубки из металлических сплавов он откладывал в сторону. Возможно, они пригодятся крылатым людям. Для изготовления оружия или инструментов. Однажды ему попался овальный ящичек, распавшийся у него в руках. Но на ладони у Тревиса оказался блестящий камень, вделанный в металл, такой же яркий и совершенный, как в день, когда его изготовили. Добровольные помощники удивленно зашумели, он передал камень ближайшему, его передавали из рук в руки, серьезно рассматривали и наконец вернули Тревису.

К полудню ни один из четырех землян, работавших в разных углах помещения, не нашел ничего для них полезного. Они встретились под окном, чтобы поесть подальше от пыли.

— Я говорил, что тут работы на год, — пожаловался Росс. — И что мы до сих пор нашли? Немного не заржавевшего еще металла, несколько драгоценностей...

— И это. — Эш показал круглую катушку. — Если не ошибаюсь, это запись. И, возможно, неповрежденная. Похожа на те, что мы находили в корабле.

— Идет босс, — сказал Росс, оглянувшись. — Может, его спросим?

Вождь, который привел их в это помещение, вошел в сопровождении своей свиты. Он медленно по периметру обошел помещение, разглядывая груды, с которых начали исследователи. Когда он приблизился к землянам, они встали, возвышаясь над вождем и его эскортом. По-прежнему общего языка не было, и Эш с помощью жестов принялся объяснять возможное использование их утренних находок. Драгоценные камни оказались понятны. А металлические трубы туземцы осмотрели вежливо, но без особого интереса.

Эш через плечо вождя обратился к Ренфри:

— Можно превратить их в копья?

— Если будет время и инструменты, возможно. — Но ответ техника звучал не очень уверенно.

Последней Эш продемонстрировал катушку, и впервые за все время вождь оживился. Он взял катушку в руки и что-то сказал одному из сопровождающих, тот торопливо удалился. Вождь постучал пальцем по катушке, потом широко растопырил все пальцы и взмахнул рукой.

— Что он пытается нам сказать, Эш? — Ренфри внимательно следил за этим действием.

— Я думаю, он говорит, что таких много. Возможно, мы сделали большое открытие.

Туземец вернулся в сопровождении другого, меньшего ростом. Выше детей, вновь подошедший, очевидно, был подростком. Он приветствовал вождя, хлопнув крыльями. Вождь протянул ему катушку. Потом взял Эша за руку и вложил в нее руку подростка. Махнул рукой в сторону.

— Идете? — спросил Росс.

— Конечно. Они хотят показать, откуда эта катушка. Ренфри, тебе тоже лучше пойти. Ты лучше разберешься в технических записях.

Когда они ушли, а вождь со своей свитой тоже удалился, Росс недовольно огляделся.

— Тут нечего искать...

Тревис подобрал трубу и осматривал ее у окна. Труба длиной около четырех футов и без всяких признаков ржавчины или повреждений. Из легкого гладкого сплава. Но каково ее первоначальное назначение, Тревис не знал. Однако у него появилась мысль.

Крылатым людям нужно оружие лучше копий. Но ни у агентов во времени, ни у Ренфри нет необходимых знаний, чтобы изготовить такое оружие. Однако один вид оружия из этих отбросов все же можно сделать. Племя Тревиса им не пользовалось, но на юге индейцы превратили его в смертоносную угрозу.

— Что такого в этой трубке? — спросил Росс.

— Эти люди ее могут использовать. — Тревис поднес один конец к губам. Да, достаточно легкая, ее можно использовать, как он задумал.

— Как?

— Слышал о трубках для стрельбы?

— Что?

— Главная часть — такая трубка. Ими пользовались индейцы Южной Америки. Выбрасывают маленькую стрелку. Оружие очень точное и смертельно опасное. Часто стрелки отравленные. Но есть и обычные, ими попадают в уязвимые места, например, в глаза этих ласок. Или в горло.

— Имеет смысл, приятель. — Росс взял в руки другую трубку. — Ты хочешь дать этим людям лучший способ убивать ласок. Сможешь подготовить такое оружие?

— Попробую. — Тревис повернулся к группе детей и жестами попытался объяснить им, что такие трубки очень важны. Его помощники рассыпались с возбужденным гулом, словно он только что выпустил пчелиный рой.

Как Тревис и надеялся, ему удалось обнаружить материал для стрел. Сначала не было ничего подходящего. После получасового поиска он нашел множество зао-

стренных кусочков того же легкого сплава, из которого сделаны трубки. Так как сам он никогда не пользовался воздушными ружьями и знал о них только из книг, его ожидал впереди период испытаний и ошибок. Но они отыскивали для этого достаточно материала. И не успели еще закончить поиски, как появился подросток, который увел Эша. Он потянул Росса за рукав и знаками пригласил следовать за ним.

Они перешли с одной ramпы на другую, миновали место, где проделали брешь ласки. Но не вышли из башни. Проводник пошел в глубину здания, положил обе руки на стену и нажал. Тревис и Росс присоединились к нему, и в глубину стены ушла панель.

Перед ними оказалась не комната, а еще одна ramпа, уходящая вниз, в тень, которая становилась все гуще, так что нижний конец ramпы рассмотреть было невозможно. Крылатый подросток быстро начал спускаться по ramпе. Расправил крылья, они помогали ему удерживать равновесие, и развил скорость, которая оказалась недоступной землянам.

Спустившись, они увидели впереди свет одного из туземных факелов. И при этом свете прошли по коридору, в котором при каждом шаге взлетали облачка пыли.

Помещение, где они работали с утра, было завалено горами хаотически набросанных материалов. Место, в котором теперь ждал их Эш, было памятником аккуратности и точности строителей кораблей.

Машины, контрольные щиты, экраны. Земляне медленно осматривались. В свете факела виднелись многочисленные стойки с рядами контейнеров — не только катушки с записями, но и диски курсоуказателей. Сотни, тысячи пуговиц, подобных той, что провела их через просторы космоса, были сложены в цилиндрах с прозрачными крышками и непонятными символами на этикетках.

— Пункт управления порта — мы так считаем. — В голосе Эша звучала уверенность. Ренфри заполнял карманы образцами из контейнеров и цилиндров.

— Библиотека... — добавил собственное предположение Тревис.

Эш кивнул.

— Если бы мы только знали, что взять! Боже, тут может быть все, что нам нужно, — не только для нас лично, для всего будущего. Прямо здесь!

Росс подошел к ближайшей стойке и последовал примеру Ренфри.

— Можем просмотреть их на корабле. И если наберем достаточно, одна или две могут оказаться полезны.

Его логический подход к проблеме казался разумным. Земляне принялись отбирать образцы с каждой стойки.

— Тут хранится целая галактика знаний, — поражался Эш, доставая одну катушку за другой.

Наконец они вышли, с оттопыривающимися карманами и с полными руками. Но, уходя из башни, Тревис прихватил также трубку и иголки из сплава. А на корабле, когда заработал проектор и все было готово к просмотру, апач принялся работать над новым оружием, которое надеялся передать туземцам в благодарность за их помощь.

Ренфри, расставив вокруг себя ряды кнопок с указателями курсов, осторожно открыл одну и принялся разматывать тонкую проволоку. Дважды его ожидало разочарование: проволока, которая может увести корабль к звездам, ломалась даже при самом осторожном обращении. Когда это произошло во второй раз, он поднял изможденное лицо с покрасневшими от напряжения глазами.

— Не думаю, чтобы это было возможно.

— Тогда это, — Эш указал на ждущие диски. — Те, с которыми ты работаешь, старые. А на корабле новые.

Опять разница во времени, которая может помочь им вернуться на родину. Напоминание подбодрило Ренфри. Он начал проверять диски, откладывая старые. Следующий выбранный им не очень отличался от того, в котором было заключено их будущее. В третий раз Ренфри осторожно снял крышку.

Но в этот вечер они ничего полезного не узнали. Катушки содержали серии изображений, захватывающих, но в данном случае не представляющих ценности. И вдобавок в некоторых случаях появлялись только символы, может быть, формулы, может, записи. Наконец Эш выключил машину.

— Нельзя ждать, что все время будет везти.

— Там тысячи таких штук, — заметил Росс. — Если найдем что-нибудь полезное, будем считать, что повезло.

— Что ж, в нашей игре приходится рассчитывать и на удачу. — Голос Эша звучал устало. Эш медленно повернулся, потер глаза. — Когда перестаешь верить в удачу, проигрываешь!

Глава 16

Тревис поднес трубку к губам и дунул. Вылетел тонкий блестящий кусочек сплава с оперением из шерсти — и попал в центр импровизированной мишени, пригвоздил лист папоротника к стволу дерева в нескольких десятках футов. Тревис обрадовался успеху своего пробного выстрела. Отошел на несколько футов и приготовился выстрелить снова. А на поляне возбужденно гудели туземные зрители.

Когда вторая стрела вонзилась рядом с первой, Тревис испытал полное удовлетворение. Подозвал молодого крылатого, который помог ему отнести оружие к месту испытания. Передал ему испытанное ружье, а сам взял второе, чуть подлиннее.

Молодой воин положил копье на влажную почву, вцепившись в него когтями ног, и принялся разглядывать духовое ружье. Поднес его ко рту и дунул. Игла вонзилась в дерево ниже листа. Два других туземца, развернув крылья, бегом бросились смотреть на цель, и Тревис, улыбаясь и кивая, одобрительно хлопнул в ладоши.

Туземцев не требовалось уговаривать испробовать новое оружие. Трубки расхватили, передавали из рук в руки, некоторые даже ссорились. Потом по очереди пробовали стрелять с неодинаковым успехом. Время от времени доставали стрелы из ствола и сменяли лист цели.

У нескольких учеников Тревиса оказался острый глаз снайперов, и апач полагал, что после небольшой практики они его превзойдут. В полдень он оставил своих охваченных энтузиазмом учеников и отправился на поиски товарищей.

Ренфри по-прежнему был занят изучением записей и корабельных приборов. Но в рубке управления Тревис застал и Эша. На полу стоял экран для чтения, Эш и Ренфри сидели перед ним на корточках и время от времени вносили какие-то изменения в контрольный щит. С него была снята крышка, обнажившая сложную путаницу проводов. Время от времени Ренфри прослеживал какой-нибудь провод и либо радостно улыбался, либо хмурился из-за результатов своего исследования.

— Что происходит?

Тревису ответил Эш.

— Возможно, мы нашли! В этой записи нечто вроде руководства. В ней схемы, которые Ренфри сумел отождествить с приборами корабля.

— Не со всеми. — В голосе Ренфри звучало гораздо меньше энтузиазма. — Одна линия из десяти! Все равно что пытаться собрать боеголовку, когда инструкция написана по-китайски. Да, красный провод соеди-

няется с платой здесь, но что же сказать об этой белой петле слева?

Эш вопросительно взглянул на петлю и снова посмотрел на экран.

— Есть! — Ренфри немедленно опустился на колени и стал рассматривать изображение на экране.

— Есть кто дома? — послышался снизу голос Росса, и Тревис ощутил дрожь лестницы.

Из колодца показалась голова и плечи Росса. Его лицо было вымазано пылью: он продолжал разбирать сокровищницу в башне крылатых людей.

— Нашел что-нибудь? — сочувственно спросил Тревис. Росс пожал плечами:

— Может, они сумеют кое-что использовать. Я не из тех, кто из проволоки, гвоздей и нескольких жестянок может собрать реактивный самолет. Видел твоих Вильгельмов Теллей с их плевательницами. Один из них уже раздобыл добавление к обеденному котлу; впрочем, дорогой усопший не выглядит очень аппетитным. Мне не нравятся существа с четырьмя десятками лап. Но более цивилизованную пищу готов принять хоть сейчас.

Тревис взглянул на Эша и на поглощенного своим занятием Ренфри.

— Если хотим сегодня поесть, похоже, этим придется заняться нам с тобой. Они обнаружили запись, в которой рассказывается об устройстве рубки управления.

— Здорово! — Росс поднялся в рубку и через плечо Эша заглянул на маленький экран. — Ну, мне тут не разобраться, — рассудительно заметил он. — Готов приняться за похлебку.

Позвали Эша и Ренфри, те ели с отсутствующим видом людей, чьи мысли где-то совсем в другом месте. Когда они ушли, Росс потянулся и взглянул на Тревиса.

— Хочешь пройтись? — спросил он с небрежностью, сразу вызвавшей подозрения у апача.

— В каком направлении?

— К зданию с воронкой. Помнишь — там передний зал выглядит так, словно жившие в нем парни торопились уехать, но забыли свое барахло? Мне хотелось бы взглянуть на их багаж.

— Помню, что там на двери прочная решетка, — заметил Тревис.

— А у меня есть способ преодолеть ее. Пошли.

Способ Росса оказался достаточно прост. Один из туземцев взлетел к окну второго этажа, неся прочную веревку с корабля. Окно было закрыто ставнями, но туземец концом копья открыл его, и несколько мгновений спустя веревка свесилась вниз, приглашая подниматься.

Галерея, в которой они оказались, хранила много свидетельств торопливой эвакуации. На стенах висели обрывки ткани, которая распадалась при прикосновении. Кое-где виднелась мебель странных очертаний, покрытая пылью. На пыльном полу следы, при виде которых туземец подготовил копьё. Потом, глядя на землян, воткнул конец копья в след с такой энергией, словно нападал на врага.

Еще одно логово ласок? Тревис, изучая эти следы в свете, падавшем из окна, решил, что нет. Вообще след напоминает отпечатки ног человека. И сразу в воображении возникло представление об одном из прежних хозяев, одиночество которого они нарушили.

В этом здании впервые обнаружилась лестница, хотя ступеньки ее слишком узки и низки для человека. Росс первым спустился по ней в заполненный предметами зал, который они видели снаружи.

Тревис принюхался. Слабое зловоние. Не разложение листьев, принесенных ветром. Запах логова какого-то животного. И запах не только свежий, он чем-то знаком.

Предупреждение о логове ласок? Он так не думал. Запах не такой острый и поглощающий, как в здании

с красными стенами, которое ласки избрали своим логовом. В то же время это не тот запах, что ощущался в помещениях крылатых людей.

Тревис заметил, как раздулись ноздри туземца, как сверкнули глаза на фиолетовом лице, которое насто-роженно поворачивалось из стороны в сторону. Не в первый раз апач пожалел об отсутствии быстрого способа коммуникации. Земляне оказались не способны воспринимать гудение, из которого состоит речь туземцев. А те, в свою очередь, не смогли произнести ни одного слова, сколько бы раз ни повторяли перед ними существительное или глагол.

В здании было сумеречно, хотя зал, в который они спустились, освещался через дверь. Росс обогнул груды ящиков. Одну руку положил на ящик, другую — на рукоять бластера.

Тревис оставался на месте. Запах — что-то он напоминает. Они стояли неподвижно, молодой туземец тоже застыл. И тут порыв ветра через решетку, запах стал сильнее, свежее, и Тревис понял...

— Обитатели песчаной планеты! — Говорил он шепотом, но прозвучало это как крик. Что ночные существа из пустынного мира здесь делают?

— Ты уверен? — К удивлению Тревиса, Росс больше ничего не спросил.

— Такую вонь не забудешь. — Тревис внимательно разглядывал тени за грудями ящиков и корзин. Передвинулось ли там что-то? Может, за ними наблюдают глаза, способные лучше видеть в темноте?

Туземец коснулся его руки, требовал внимания. Тревис медленно повернул голову и увидел, что туземец держит копьё наготове. Апач вложил стрелку в духовое ружье.

— Что-то есть — слева, — донесся еле слышный шепот Росса. Бластер его был направлен в темный угол.

И тут зал ожил. Из-за всех укрытий показались неуклюжие фигуры. Нападающие бежали на четвереньках, как животные. Но молчаливое нападение было тем ужасней, что эти животные — вернее, их отдаленные предки, — были некогда людьми.

Блеснул луч бластера, трое первых нападающих упали. Четвертый упал со стрелой в волосатой груди. Туземец за Тревисом взлетел в воздух с шумом крыльев. Повиснув над врагом, он принялся наносить удары копьем в бескостную середину тела, а зверь пытался схватить его. Ясно, что между этими двумя видами шла давняя война.

Росс крикнул. Из тени показалось щупальце, обернулось вокруг его ног и дернуло, а он пытался сохранить равновесие. Повернул бластер в сторону живой веревки. Разрезал ее, в ответ послышался рев. Стрела Тревиса попала в существо, которое, приподнявшись на задние лапы, вцепилось Россу в плечи. Апач стрелял так быстро, как мог перезаряжать ружье. Он отступил к лестнице и теперь размахивал трубкой, как дубинкой, расчищая место для Росса.

Щупальце выдернуло копьё у туземца. Тот опустился на грудь ящиков и бил крыльями, пытаясь обрушить эту грудь. В тот момент, как она рухнула и массивные ящики покатались к началу лестницы, образуя баррикаду, туземец взлетел.

— Кончился... заряд бластера... — выдохнул Росс. Он схватил бесполезное оружие за ствол и ударил рукоятку по круглому черепу существа, пытавшегося взобраться на барьер.

Они отступали на лестницу. Тревис пинком ударил еще одну покрытую жестким волосом голову под подбородок; ее владелец упал, сбив при этом других нападающих. Туземец обрушил вторую грудь ящиков. Теперь он летал над врагами, бросая в них небольшие контейнеры, которые брал из груд.

На мгновение земляне освободились. Они воспользовались этим, чтобы вернуться на галерею, откуда вошли в ловушку. Туземец пролетел у них над головами. Он стоял у открытого окна и возбужденно кричал.

Тревис толкнул Росса к выходу.

— У меня осталось всего две стрелы — быстрее!

Мгновение тот колебался, потом здравый смысл взял верх, и он побежал к окну. Тревис выстрелил в голову, появившуюся на лестнице. Но стрела только задела шерсть на верхней конечности, и существо оскалило клыки в пасти, которая когда-то была человеческим ртом. Глаза у него маленькие, красные от ярости, но — и это самое страшное — со следами разума.

Тревис попятился к окну. К его плечу протянулась рука фиолетового цвета, взялась за ружье, потянула. Туземец остался у окна, теперь он просил оружие.

И Тревис, зная, что у того есть способ отступления, которого нет у землян, отдал ему духовое ружье и начал спускаться по веревке. Он смотрел на фиолетовую спину их замыкающего. Крылья выступали из окна, они были готовы к взлету...

И тут туземец откинулся назад и начал демонстрацию диких кувырков в воздухе. Но крылья раскрылись, остановили его падение, он повис, потом начал по спирали подниматься вверх, и в это мгновение из окна высунулась мохнатая голова. Кулаками существо защищало глаза, очевидно, ослепленные солнцем. Росс добрался до поверхности, Тревис спускался вслед за ним, веревка начала яростно раскачиваться, ударяя его о стену, и он понял, что вверху стараются поднять его.

Апач выпустил веревку, прыгнул без напряжения, а веревка стремительно ушла наверх. Но теперь они уже вышли из темноты, и Тревис не верил, что ночные существа будут преследовать их. Однако, отступая к джунглям для возвращения на корабль, оба прояв-

ляли все свои охотничьи навыки, чтобы не пропустить преследование.

Эш хмуро выслушал их отчет.

— Могло бы быть хуже, если бы мы оставались здесь. Росс отбросил бесполезный бластер.

— Мы полетим? Когда?

— Через день, может, два. Ренфри готов перематывать катушку.

Впервые Тревис подумал, как много зависит от правильного обращения с этой тонкой проволочкой: малейшего повреждения достаточно, чтобы навсегда оставить их здесь. Или во время полета порвется невидимая линия, связывающая их с родной планетой, и корабль начнет вечное плавание между звездами. Сможет ли Ренфри перемотать катушку? А если перемотает, будет ли она действовать в обратном порядке? Испытательного полета не будет. Как только они поднимутся, их жизнь будет зависеть от тонкой ниточки, сплетенной из надежды и веры в удачу.

— Теперь понимаете? — спросил Эш. — Помните: мы можем остаться тут навсегда.

Они станут изгнанниками до конца жизни, но останутся живы. Здесь есть враги, но можно заключить союз с крылатыми людьми, присоединиться к ним. Неожиданно Тревис вскочил. Пошел в каюту, куда они складывали свои находки, нашел пластинку, которая каждому показывала его родину. Он хотел знать: достаточно ли сильно притягивает его прошлое, чтобы рискнуть жизнью.

Он держал пластинку в руках, смотрел в ее туманную глубину. И скоро увидел — красные холмы, поднимающиеся из зеленых сосен, голубое небо — холмы родины. Он почти ощущал вкус щелочной пыли, приносимой ветром, чувствовал круп лошади между нога-

ми. И понял, что должен использовать даже малейшую возможность...

В конце концов все сделали одинаковый выбор. Росс подвел итог:

— Путешествия во времени — другое дело. Мы остаемся на своей планете. Если что-то не получается и застреваешь в глубинах времени — плохо, конечно. Кто захочет бродить рядом с мамонтами, когда привык к реактивным самолетам? Но все же хорошо знаешь, с чем столкнешься. И люди, которых встретишь, принадлежат к твоему виду. Но остаться здесь... Нет, даже если нам предложат роль богов этих крылатых людей! Они не нашего племени, мы здесь туристы, а не иммигранты. А я не хочу быть туристом всю жизнь!

Они последний раз посетили библиотеку записей, перенесли на корабль все катушки, которые казались неповрежденными. Вождь туземцев, довольный духовыми ружьями, разрешил им отобрать все, что понравится, в сокровищнице племени. Он только просил их когда-нибудь вернуться с новыми знаниями. Больше ночных существ из здания с крышей-воронкой они не видели, но, конечно, на ночь корабль закрывали.

— Вернемся ли мы? — спросил Росс, когда Эш пришел со встречи с вождем.

— Сначала доберемся до дому благополучно с трофеями, — сухо ответил Эш, — а потом, конечно, кто-нибудь вернется. Можешь на это рассчитывать. Ну, Ренфри?

Техник выглядел как собственная тень. Морщины измождения, которые, возможно, никогда не исчезнут, окружали его рот, обозначили края усталых глаз. Руки его слегка дрожали, он не мог поднести питьевой контейнер ко рту, если не держал его обеими руками.

— Катушка перемотана, — безжизненно ответил он. — И проволока не порвалась. Завтра я буду готов

к старту. А что касается остального — будем молиться. Все, что я могу сказать.

Тревис лежал ночью на своей койке — на своей койке в своем корабле... Шар со всем содержимым перестал казаться чуждым, сравнительно с тем, что за его стенами. На запястье у него поблескивал тяжелый браслет из красного металла, усаженный мелкими камнями цвета морской волны — они изображали волну с пенным верхом. Это подарок вождя туземцев во время прощания. Тревис уверен, что сами крылатые существа не могли изготовить такой браслет. Сколько лет этому украшению? С какой оно планеты, искусством какой забытой расы создано?

Они даже краешком не затронули того, что может быть найдено в этом древнем порту. Может быть, поглощенный джунглями город был столицей галактической империи, как считает Эш? У них нет времени проверять это. Да, когда-нибудь они вернуться. Люди с его планеты будут искать, гадать, узнавать и учиться. А потом, спустя какое-то время, снова поднимется город — может быть, на его родной планете, город — сокровищница знаний, полученных от звезд. Пройдет время, и этот город тоже умрет. И представитель какой-нибудь еще не родившейся расы придет исследовать его... и гадать... Тревис уснул.

Проснулся он внезапно, с ощущением необходимости торопиться. Над головой заработала внутренняя связь.

— Все готово, — послышался усталый голос Ренфри. Должно быть, техник работал всю ночь.

— Все готово.

Есть еще время сказать «нет» этому безумному плану, предпочесть известную опасность неизвестной. Тревис ощутил прилив страха. Уперся руками в края койки, приподнимая тело. Нужно остановить Ренфри, они не должны подниматься в космос.

Но потом он снова лег, заставил себя застегнуть ремни, плотно сжал губы. Пусть Ренфри нажимает нужную кнопку — и побыстрее! Ожидание всегда изматывает. Тревис ощутил знакомую вибрацию, она охватила стены, его тело. Теперь возврата нет. Тревис закрыл глаза и постарался расслабиться.

Глава 17

— Взлет прошел благополучно?

— Пока все хорошо, — ответил другой голос в коммутаторе.

Тревис открыл глаза и подумал, привыкнет ли он когда-нибудь к неудобствам взлета. Он забыл за те несколько дней, что они провели на поверхности, что значит быть брошенным в небо, за атмосферу и тяготение. Но пока лента сработала, и они благополучно взлетели.

Полет их продолжался, и наконец все облегченно вздохнули. Надежда на будущее окрепла.

— Если мы просто повторяем полет, — задумчиво заметил Эш вечером пятого дня, — завтра должны сесть на пустынной планете.

— Лучше было бы пропустить эту остановку, — заметил Тревис. Эта пустыня и ее ночные обитатели вызывали в нем отвращение, как ничто иное во всем фантастическом путешествии.

— Я думаю... — Росс взглянул на вращающееся пилотское кресло, в котором Ренфри проводил все время, когда не спал. — Мы заправлялись на пути вперед. Предположим... только предположим, что запасы горючего кончились.

Ренфри улыбнулся, улыбка его напоминала оскал черепа, кожа плотно обтянула кости лица. Он сардонически показал большим пальцем вниз — жест поражения.

— Тогда все, приятель. Будем надеяться, что наше везение превзойдет все возможные пределы.

На этот раз они опустились в пустынном порту рано утром, когда великолепные огни на горизонте за-тухали. Взошло солнце, ослепительно ярко отражаясь от поверхности бесконечных песчаных гор.

— Примерно два дня здесь — если мы точно повторим образец.

Ждать два дня в корабле, не будучи уверенными, что он снова взлетит! При этой мысли Тревис беспокойно заерзал. И призрак, вызванный Россом, не покидал их в тесной каюте.

— Пройдемся? — Росс, должно быть, тоже ощущал это — желание быть занятым, отогнать навязчивые страхи.

— Для этого нет особых причин, — спокойно возразил Эш. — Выглянем наружу — днем. Но я думаю, особенно смотреть не на что.

Надев шлемы, они раскрыли внешний люк. Осмотрели просторы, где рисунок дюн постоянно менялся под ветром, но никаких других изменений с их предыдущего посещения. Загадочные закрытые здания по-прежнему прижимаются к земле. В них ни следа жизни.

— Что они здесь делали? — Руки Росса беспокойно двигались по краю люка. — Ведь должна быть какая-то причина для этой остановки. И почему те же существа — люди, животные, не знаю — на другой планете, в здании с крышей-воронкой?

— Может, там они изгнанники? — спросил Эш. — Это их родная планета, а на других они служили, но их вовремя не отозвали. Или здесь они изгнанники, а там дома? Наверно, мы никогда не получим ответа на эти вопросы. — Он задумчиво разглядывал приземистое здание за ползучими дюнами. — Они, должно быть, живут под землей, а это здание накрывает вход. Мо-

жет, и на той планете они живут под землей. Когда-то они здесь обслуживали корабли, работали на станции.

— А потом, — медленно сказал Тревис, — корабли перестали прилетать.

— Кораблей больше не было. Должно быть, целое поколение ждало, надеялось увидеть корабли, быть отозванным. Потом они либо погрузились в апатию и застой, либо сознательно начали приспособливаться к окружению.

— А результат в конечном счете один и тот же, — заметил Росс. — Не думаю, чтобы они очень отличались от тех, в здании с воронкой. А там у них лучший мир для адаптации.

— Подождите! — Тревис внимательно разглядывал местность. Ему показалось, что что-то изменилось по сравнению с тем, что было несколько недель назад. — Вот это возвышение слева, было ли оно в прошлый раз?

Росс и Эш наклонились вперед, глядя на конец здания, куда он указывал.

— Ты прав, это что-то новое, — подтвердил наконец Росс. — И не думаю, чтобы этот выступ был из камня, как все остальное.

Блок, так странно оказавшийся на конце крыши здания, не блестел металлически на солнце. Но и не был тусклым, как камень. В нем было что-то, напоминающее обсидиан или стекло. Насколько они могли видеть, это не вход. Назначение этого выступа — такая же загадка, как и многие другие в этой древней головоломке.

Но так оставалось недолго. Последовало действие, которого наблюдатели из корабля не ожидали. Они видели лучи, которые защищали крышу здания от падения. Теперь они стали свидетелями применения другого оружия, установленного, по-видимому, строителями этого здания.

Что-то, как хлыстом, шелкнуло о борт корабля. Огненный луч? Поток энергии? Сила, которую земляне не могли ни назвать, ни вообразить?

Тревис знал только, что его швырнуло в глубь корабля, во внутренний люк, и Эш и Росс упали вместе с ним. Тела их прижало к металлической стене, воздух вырвался из легких, мир потемнел.

Тревис лежал на полу, пытаясь вдохнуть, грудь стиснуло болью. Перед его помутившимся взором возникло продолговатое пустое пространство — и еще мучительная боль в теле, сознание, что это пространство нужно закрыть, иначе гибель.

Он вцепился в тело, лежащее у него на коленях, с трудом выбрался из-под его тяжести, пополз к открытому люку. В ушах звенело, голова наполнялась этим звоном, кружилась. Потом он снова увидел блеск солнца и песка.

Вначале он решил, что у него галлюцинации: то, что он видит, не может быть реальностью. Ветра нет, но снизу, с невидимой поверхности непосредственно под шаром, поднимается песок, тонкими, но устойчивыми струями закрывает шар. Песчаная завеса поднимается вертикально, а ветра никакого нет! Невероятно, этого не может быть, но это происходит у него на глазах.

Он приподнялся, закрыл дверь, отрезал песчаную стену, яркий свет солнца, картину, которой не может быть. И в то время, как руки его ощупью закрывали зажимы люка, боль начала стихать. Он снова начал дышать, легкие свободно расширяются. Он повернулся к остальным двоим.

Их налитые кровью посиневшие лица заставили его действовать быстро. Он рывком посадил обоих у стены. Раскрылись голубые глаза Эша.

— Что... — Он слабо произнес только это одно слово, а Тревис занялся Россом.

Из угла расслабленного рта молодого разведчика тянулась тонкая струйка крови. Тревис осторожно потряс его, и Росс застонал. Эш пошевелился и сморщился, прижав руки к груди.

— Что случилось? — наконец смог спросить он.

— Космические... десантники... высадились... — Росс выговаривал по одному слову. На лице его появилась тень улыбки. — На меня, я думаю.

— Эй, там, внизу! — В бестелесном голосе из коммутатора звучала тревога. — Что у вас происходит?

Хотя стены корабля отрезали солнце, звуки, мир снаружи, внутри начало ощущаться какое-то движение. Как будто по кораблю что-то ударяло. Песчаные стены? Тревис добрался до лестницы, начал подниматься. Он хотел добраться до экрана, теперь их единственной связи с наружным миром.

Ренфри стоял у экрана, недоуменно смотрел на постоянно поднимающиеся стены песка, готовые поглотить корабль. Они погружались в песчаное море, и нельзя было усомниться, что это чье-то сознательное враждебное действие.

— Можем выбраться? — Тревис дотащился до ближайшего сиденья. — Есть возможность взлететь?

Если следовать графику их предыдущего полета, они должны находиться здесь еще ночь и день. Но к тому времени корабль будет погребен так глубоко, что невозможно будет поднять тонны песка. Они будут похоронены заживо.

Ренфри протянул руки к приборам, остановился. Губы его напряглись.

— Это большой риск, но я могу попробовать.

— Остаться, вероятно, гораздо рискованней. — Тревис вспомнил о двоих оставленных у люка. Их нужно убрать от опасности до старта. — Дай мне пять мнут! Потом взлетай — если сможешь!

Эша он застал на ногах, тот ташил Росса в коридор. Тревис заторопился на помощь.

— Ренфри собирается стартовать, — доложил он. — Нас засыпают песком.

Они уложили Росса на койку, Эш лег на другую, а Тревис едва успел добраться до соседней каюты и лечь, когда прозвучал предупреждающий сигнал. Заработали двигатели. Но на этот раз вибрация длилась дольше, чем обычно. Тревис напряженно ждал, считал секунды...

Вибрация усиливалась, она сильнее, чем в прошлые старты. Корабль раскачивался на основании, движение и звук слились, от этого объединенного действия сводило живот, заглушало мысли, но не страх.

В мгновения мучительной боли рывок. Потом чернота...

Вибрация исчезла, звук исчез, оставались ощущения. Прежде всего чистый ароматный запах оздоравливающего желе, которое в случае необходимости заполняет койку. Тревис открыл глаза. Неужели они улетели с песчаной планеты?

Он сел, раздвигая желе. Оно легко сходило с кожи, с костюма, оставляя ощущение прекрасного самочувствия. Вернулась уверенность, которую он потерял во время испытания. Тревис встал и заглянул в соседнюю каюту.

Росс и Эш еще лежали под дрожащим желе, которое чужаки использовали для первой помощи. Тревис пошел в рубку управления.

Ренфри был привязан к креслу, голова его опустилась на грудь, бледное лицо встревожило Тревиса. Сердце билось, но медленно. Он отстегнул техника, благодаря невесомости сумел перенести его на койку вниз. На экране только клубящаяся тьма — признак гиперпространства. Они не только выбрались из песчаной западни, теперь они совершают следующую часть пу-

ти, который может привести — а может и не привести — домой.

Как долго в первый раз длилась эта часть пути? Девять дней по часам Ренфри — девять дней между заправочным портом и песчаной планетой. Девять дней, прежде чем они убедятся, что неожиданный старт не сбил их с курса.

Придя в себя, Эш принял командование и попытался увлечь всех разборкой добычи. Под предлогом, что нужно найти еще одно руководство по кораблю, он усадил всех за работу посменно перед экраном, пропуская через машину каждую запись. Многие катушки оказались сломанными, внутри была путаница проводов. Но даже эти нужно сохранить для изучения дома. Эш отказывался признавать, что их торопливый отлет с пустынной планеты означает, что они не доберутся до дома. Он указал, что они уже преодолели множество препятствий, и нет причины считать, что им перестанет везти.

Но даже у Эша, думал про себя Тревис, должны быть сомнения. Он, как и все, нервничал, хотя не проявлял этого, когда прошел девятый день по часам Ренфри, а никакого сигнала о прибытии в порт заправки не было. Все за обедом только делали вид, что едят. Утром Тревис рассчитал рацион. У них хватит пищи до дома — если путешествие не растянется. Он доложил об этом Эшу и в ответ получил только хмыканье.

Затем, словно в доказательство, что их страхи напрасны, послышалось предупреждение. Тревис пристегнулся, на этот раз он делил каюту с Россом. Тот улыбнулся ему.

— Шеф опять прав. Заправимся — и домой!

Даже неудобства посадки забылись, когда они увидели знакомые полуразрушенные башни и металлически бирюзовое небо их первой космической стоянки. Да они уже почти дома!

Они спустились к люку и нетерпеливо открыли его — смотреть, как в сопровождении роботов ползет шланг с горючим. Но проходили долгие мгновения, а в тени ближайшей башни ничего не двигалось. Тревис осмотрел ближайшее окружение. Может, они сели не в том квадрате? Может, небольшое изменение в месте посадки вызвало это замедление?

— Может, дело в графике. — Эш словно читал его мысли. — Мы вылетели с прошлой стоянки раньше времени.

Они час цеплялись за эту надежду, потом прошли еще два часа, и по-прежнему в башне никакого движения. Все согласились, что сели они в том же квадрате. И не решались высказать другую возможность — что механизм древнего порта вышел из строя, может быть, именно из-за тех усилий, которые понадобились при обслуживании шара несколько недель назад.

Наконец заговорил Ренфри.

— Я не знаю, сколько топлива у нас на борту. Не знаю, что это за топливо. Остается открытым и вопрос, можем ли мы стартовать с нашим запасом. Но если и сможем, я считаю, что путешествие нам не закончить. Возможно, мы затратим необходимое время, но нам придется проверить, сможем ли мы заставить эти машины поработать еще. И надо сделать это побыстрее.

Они вышли из шара, и здесь Ренфри обнаружил новую катастрофу. Если в запечатанном хранилище корабля и оставалось горючее, то теперь оно исчезло. Возле отверстия на уровне поверхности виднелось зловещее темное пятно.

Прозвучал безжизненный голос Ренфри:

— Вот и все, друзья. Корабль пуст. Если не сумеем запустить этот трубопровод, мы засели здесь навсегда.

— Но что могло его открыть? — спросил Росс с удивлением человека, для которого машины — загадка, за пределами его обычных знаний.

— Может, автоматику привело в действие это. — Эш топнул по твердому покрытию пола. — Ну, что ж, давайте поглядим на роботов и движущуюся трубу.

Они пошли к башне. С поверхности здание казалось еще более заостренным, похожим на иглу. У основания отверстие, дверь, через которую выходили роботы. Эш подошел к ней, остановился, заглядывая внутрь.

Коренастый робот, который ожил во время их первого посещения, по-прежнему находился здесь, у самой двери. А за ним, отчетливо видные в желтоватом свете, другие сопровождавшие его роботы. Все они стояли в глубине, у стены, словно в ожидании давнего официального осмотра.

Из колодца в центре пола торчал массивный металлический предмет, в котором Тревис узнал «голову» змеи. Эш нерешительно протянул руку и толкнул робота. К их удивлению, машина, казавшаяся такой массивной и неподвижной, ответила на этот толчок. Но ответила она не так, как будильник отвечает на встряску, напротив, она со странной вялостью наклонилась вперед. Одна из рук робота оторвалась, покатилась по полу и со звоном ударилась о голову змеи.

— Двигается! Смотрите, она движется!

Росс был прав. Тяжелый конец подвижной трубы начал рывками подниматься, продвинулся вперед на фут — земляне затаили дыхание, потом снова застыл.

— Пните его опять! — посоветовал Росс.

Эш осторожно обошел упавшего робота, чтобы внимательней осмотреть трубу. Небольшая часть, выставившаяся наружу, не имела никаких повреждений. Эш наклонился, ухватился за «голову» и потянул. И торопливо отпрыгнул, а Росс и Тревис отгаскивали робота с дороги ползущей змеи. Два фута... три... из здания под открытое небо... змея двинулась к кораблю. Ренфри увидел их и замахал, потом заполз под выступающий корпус, чтобы подготовиться к прибытию трубопровода.

Но они обрадовались слишком рано. Примерно в четырех футах от башни голова снова опустилась на поверхность. Эш попробовал прежний метод оживления — безрезультатно. Они тащили по очереди — вместе и по отдельности. Труба гораздо тяжелее робота, и они ничего не могли добиться.

Подошел Ренфри. Он осмотрел колодец, из которого выходила труба, и вернулся озадаченный.

— Можно ли ее утащить руками? — спросил Тревис.

— Только это нам и остается, — мрачно ответил Ренфри.

Они принесли из корабля легкую прочную веревку, привязали ее к «голове» и принялись за работу. По команде Эша дернули одновременно. Упрямая труба подалась, двинулась вперед, но не сама. Они выиграли еще четыре, пять футов, но вес увеличивался все больше. Постепенно выигрыш становился меньше, а прилагаемые усилия больше.

Росс споткнулся, упал, выпрямился, лицо его за пластиной шлема было мрачно. Снова схватил веревку и дернул вместе со всеми. Но на этот раз труба совсем не поддавалась, и ноги землян скользили по старому потрескавшемуся камню.

Глава 18

Тревис сидел на корточках в обычной позе спешившегося ранчера. Остальные растянулись возле веревки, за которую тащили трубу; лица у всех покраснели от усилий. Ренфри, морщась, приподнялся и принялся возиться с креплением своего шлема. Откинул шлем назад и глубоко вдохнул с отчаянием тонущего.

— Надень шлем, дурак! — Эш оторвал голову от рук; голос его был искажен тяжелым дыханием.

Ренфри покачал головой, губы его шевелились, но слов не было слышно. Пальцы Тревиса тоже потянулись к шлему.

— Не думаю, чтобы нам они понадобились. — Он снял шлем и поднял голову навстречу прикосновению легкого игривого ветерка. Воздух был прохладный, как на Земле осенью. И от него во всем теле возникла бодрость. Тревис протянул руку к веревке, готовый снова попробовать.

— Ни к чему надрываться, — голос Эша больше не искажал металлический отзвук коммутатора. — Возможно, причина в колодце.

Ренфри на четвереньках пополз вдоль трубы, по пути осматривая ее. Наконец встал и вошел в дверь, остальные последовали за ним.

Они увидели техника у колодца, из которого выходила труба. Он осматривал поверхность, пытаясь тянуть трубу вперед и назад.

— Она застряла — там, внизу! — И он ударил кулаком по покрытию.

— Можно снять крышку и взглянуть? — спросил Росс.

— Можем попытаться.

Но для такой операции требуются инструменты: рычаги, клинья... А здесь только ряд ждущих роботов. Может, их части использовать с этой целью? Росс подобрал отделившуюся «руку» и попробовал ее прочность.

Тревис разглядывал покрытие колодца. Никакого отверстия, нет даже щели, куда можно было бы вставить инструмент. Ренфри провел рукой по кольцу, через которое проходила труба, стараясь ошупью обнаружить то, что нельзя увидеть. Он постучал стержнем, вначале легко, потом все сильнее, оставляя углубления, но ничего не добился.

— Может, она отвинчивается? — предположил Росс.

Ренфри нахмурился и выругался. Он перенес свои усилия на внешнее кольцо покрытия. И тут сделал многообещающее открытие. Работая быстро, они вчетвером убирали накопившуюся за столетия пыль из четырех симметричных углублений, в которых могли находиться головки болтов.

Затем обратились к упавшему роботу и начали разбирать его. В конце концов у каждого оказался кусок металла, с помощью которого можно было работать. Работа шла медленно и тяжело. Тревис сходил на корабль и принес контейнеры с желе, которым чуть не отравился при испытании продуктов. Этим желе смазали упрямые узлы. Но вот их усилия увенчались успехом, первый болт повернулся, и Ренфри пальцами в волдырях вывернул его. И этот небольшой успех подбодрил их и добавил новых сил.

Уже стемнело, они работали почти на ощупь, когда поддался второй болт — Эша.

— Пока все, — сказал Эш. — Мы не можем провести сюда свет, а работать в темноте бесполезно. За последние полчаса я изранил пальцы.

— Возможно, мы нарушим график, и запись откажет, — напряженно возразил Росс. Он выразил в словах то, о чем все думали.

— Все равно без топлива нам не взлететь. — С резким восклицанием Эш отдернул руку и встал. — И мы не можем работать без отдыха и пищи. Это мы точно знаем. А об остальном только гадаем...

И вот они вернулись на корабль. Только прекратив сражение с упрямым покрытием, они поняли, насколько устали. Тревис знал, что Эш прав. Они не решат проблему, даже если выложат все силы и не будут в состоянии двигаться.

Поели — больше, чем обычно, — потащились к койкам, упали на них, опьяневшие от усталости. А утром,

когда его разбудил Росс, Тревис не мог разогнуться. Он мигал, глядя в похудевшее лицо Росса.

— Назад в соляную шахту, братец! — Росс облизал почерневший палец с сорванным ногтем. — Сейчас пригодилась бы паяльная лампа. Вставай с мягкой постели, но побыстрее, и присоединяйся к отряду рабов.

Была середина утра, когда они вывернули последний, четвертый болт. И долго после того, как Ренфри выразительно отшвырнул его, сидели на краю колодца, свесив израненные руки.

— Ну, ладно. — Эш встал. — Теперь посмотрим, что там.

Нужны были рычаги, чтобы снять крышку. Пришлось разобрать еще двух роботов. Они сделали это с каким-то варварским удовлетворением. Уничтожение этих получеловеческих фигур почему-то смягчало раздражение и страх. Получив прочные стержни, они принялись за покрытие колодца.

Впоследствии они не могли сказать, сколько времени потребовалось, но наконец, поддаваясь общим усилиям, покрытие неожиданно лопнуло надвое, обнажив темное отверстие, из которого поднималась труба.

Снаружи яркий день, но в колодце темно, а у них нет факела, чтобы исследовать его глубины.

Ренфри лег, опустил руки в колодец, провел вдоль поверхности трубы, насколько смог достать.

— Нашел что-нибудь? — Эш присел рядом с ним, заглядывая через плечо.

— Нет... — И тут же быстро воскликнул: — Да! Едва дотягиваюсь... похоже, застряло чешуйчатое покрытие трубы. — Он попытался опуститься поглубже, и Тревис схватил его за ноги.

Остальную утомительную работу проделал Ренфри — с частыми остановками на отдых. Он висел головой вниз, остальные держали его. Работать приходилось на ощупь, потому что его тело закрывало три четверти и

так уже слабого света, и теми импровизированными инструментами, которые они сумели изготовить из лома.

Когда Ренфри в четвертый раз вытащили отдышаться и отдохнуть, он лег на спину и лежал, отдуваясь.

— Я освободил эту штуку, насколько мог достать. — Слова звучали с перерывами, у него не было сил проносить их. — Но ниже она тоже засела.

— Может, сумеем освободить, дергая сверху. — Рука Эша легла на трубу в том месте, где она выходила из колодца.

— Можно попытаться, — Ренфри потер кулаками лоб. Тревис отодвинул техника от отверстия и обхватил трубу рядом с Эшем. Вдвоем они попытались передвинуть колонну трубы в колодце. Но она словно была приклеена к боку, у которого работал Ренфри. На лбу у Тревиса выступили капли пота, потекли к губам. В полутьме он видел напряженное лицо Эша, мышцы у него на руках и плечах выдавались под синим костюмом.

Потом к ним присоединился Росс.

— Тяните, — сказал он Эшу. — А мы будем толкать в вашем направлении. Так, может быть, сумеем освободить ее.

Очень долго казалось, что труба не сдвинется, что она слишком повреждена внизу. Но тут Эш отлетел, труба ударила его в грудь, помеха внизу, не видная сверху, была устранена, и Росс с Тревисом растянулись у отверстия.

Они поднялись, и Росс торопливо оттащил Эша от трубы. Вместе с Ренфри вышли на открытый воздух. Снова взялись за веревку и потащили голову «змея» к кораблю. Чешуйчатая труба двигалась тяжело, но фут за футом они продвигались вперед.

Тревис во время одной из частых остановок оглянулся и вскрикнул. Они уже проделали три четверти пути к цели, но из-под трубы распространялось влажное пятно, блестевшее на солнце. Последний рывок,

должно быть, порвал покрытие трубы, и теперь неизвестное горючее вытекало.

Ренфри вернулся, наклонился и с криком боли отдернул руку.

— Разъедает... как кислота, — предупредил он. — Не трогайте.

— Что теперь? — Росс пнул песок рядом с пятном.

— Можем дотащить трубу до корабля. Будем надеяться, что топлива останется достаточно, — бесцветным голосом ответил Эш. — Не думаю, чтобы мы могли починить шланг.

И так как другого выхода не было, они вернулись к веревке, стараясь не оглядываться туда, где вытекало горючее. Ренфри прижимал обожженную руку к груди. Наконец они дотащили трубу до корпуса корабля и прижали к отверстию.

— Поступает топливо? — задал самый главный вопрос Росс.

Ренфри, словно боясь ответа, положил здоровую руку на чешуйчатую поверхность трубы и немного подержал. Все ждали ответа, который определит их будущее.

— Да.

Они не знали, сколько топлива нужно кораблю, есть ли еще нужное количество его. Влажное пятно возле трубы продолжало расширяться. Но Ренфри держал руку на покрытии трубы и время от времени говорил, что топливо подается.

Потом раздался щелчок, похожий на легкий взрыв. Голова «змея» отпала от корабля, вся труба обвисла. Ренфри закрыл отверстие, потом надел второе защитное покрытие. Когда оно защелкнулось, Ренфри повернулся.

— Все. Мы готовы к старту.

— Хватит ли? — хотел спросить Тревис. Но понимал, что остальные знают не больше его.

Они потащились к трапу, каким-то образом поднялись на борт и в тумане усталости направились в каюты — к койкам. Все, что могли, они сделали, теперь их судьба в руках слепой удачи.

Тревис пришел в себя. Вибрация в стенах... Они готовятся снова взлететь! Но полетят ли домой? Или неизвестное горючее только поднимет их в космос, и они останутся там навсегда?

Он видел сон: утесы и полынь, сосны и пение птиц в каньоне. Снился пустынный ветер и ощущение крупа лошади между ног, снился мир, каким он был до того, как человек поднялся в космос. Хороший сон. Тревис лежал на спине, закрыв глаза, и старался увидеть этот сон снова.

Но в ноздрях его стоял стерильный запах корабля, он чувствовал корабль телом. И почти забытое клаустрофическое ощущение с новой силой охватило его. Он с усилием открыл глаза.

— Мы все еще идем по курсу. — Росс сел на противоположной койке, лицо его в синем свете казалось изможденным. Он протянул руку, скрестил пальцы и рассмеялся. — Суп ждет, — добавил он.

В этот день они подсчитали запасы продовольствия. Теперь придется экономить. Эш отметил порции на каждый период бодрствования.

— Если времени потребуется столько же, нам хватит. Как можно больше времени лежите: так уходит меньше энергии.

Но человек не может все время спать. И как они ни старались, наступало время, когда уснуть уже невозможно, можно только лежать с закрытыми глазами, а долгие минуты ожидания переходят в часы, и всегда преследует страх.

— Вот о чем я думаю, — неожиданно заговорил Росс в тишине каюты, которую делил с Тревисом. — Когда прилетим, нас засекут радары. И какой-нибудь умник

просто для тренировки выпустит ракету. Мы ведь не можем сообщить, что это просто возвращаются домой космические путешественники.

— Мы вооружены. — Но Тревис не знал, какой защитой на самом деле обладает шар. Он знал о секретных ракетах и опасался, что какое-нибудь из правительств применит их против неопознанного корабля.

— Ну, это тебе приснилось. — Голос Росса звучал презрительно. — Не думаю, чтобы этими пушками можно сбить хоть какую-то ракету. Мы ведь даже не знаем, как целиться.

Они вышли из гиперпространства. На этот раз переход дался труднее, потому что все ослабли. Но, несмотря на слабость, все потащились в рубку управления и смотрели, как на экране появляется зеленоватый шар. Тревис обнаружил, что дрожит. Неужели этот зеленый шар — дом? Можно ли в это поверить? Или перед ними мираж, возникший именно потому, что им так хочется верить? Может, экран показывает картину дома, чтобы путники не чувствовали себя одинокими?

Но вот показались знакомые очертания континентов. Росс опустил голову, закрыл лицо руками. Эш говорил что-то непонятное. Ренфри ласково поглаживал контрольный щит.

— Получилось! Он принес нас домой!

— Мы еще не сели! — Росс не поднял голову, и слова его звучали резко, как будто своими сомнениями он мог обеспечить безопасность посадки.

— Он принес нас сюда, — настаивал Ренфри. — Принесет и на поверхность. Правда, старик?

Последовал рывок от вхождения в атмосферу, земляне перенесли его, ошеломленные, не верящие себе. Росс выбрался из ремней кресла и направился к лестнице.

— Я спускаюсь. — Он не поворачивался к экрану, словно не мог больше смотреть на него.

И Тревис неожиданно почувствовал, что тоже больше не доверяет этому окну в пространство. Он вслед за Россом спустился по лестнице, прошел в каюту, лег и стал ждать посадки — если она произойдет.

Легкая дрожь старта ничто по сравнению с ударами атмосферы. В ушах шумело, тело напряглось. Все предыдущее ожидание легче, чем эти последние мгновения, которые они не могут измерить никакими мерками. И все время в глубине души ожидание, что что-нибудь вмешается, сведет на нет все предыдущие успехи.

Тревис слышал, как Росс что-то бормочет на другой койке, но не мог разобрать слов. Что они теперь делают? Огибают свою планету в поисках места, с которого чуждый корабль взлетел несколько недель назад?

Ползли секунды... минуты... часы... Их можно было измерить, только считая вдохи, затрудненные вернувшимся тяготением. Теперь они видны на экранах радаров — и вражеских, и своих, и к ним уже, возможно, летят ракеты, чтобы помешать им опуститься на поверхность. Тревис наглядно представлял себе, как на столбе огня взлетают эти снаряды... приближаются...

Он поерзал на койке, мягкое покрытие изменило свою форму.

— Снижаемся.

Услышал ли он эти слова в коммутаторе корабля? Или они просто возникли в его воображении?

Он почувствовал увеличившуюся тяжесть, давление в груди и легких. Из-за слабости его труднее перенести. Но сознание он не потерял.

Последовал удар, корабль слегка подпрыгнул и застыл в наклонном положении. Руки Тревиса занялись креплениями ремней. Вокруг полная тишина. Тревис не решался нарушить ее, он почти боялся шевельнуться, не мог даже теперь поверить, что они дома, что под ними почва родной планеты.

Росс рывком сел. Освободившись от ремней, он направился к двери. Двигался он как больной, но его влекла непреодолимая сила.

Голос его донесся шепотом: «Должен... увидеть...»

И Тревис понял, что он тоже должен увидеть. Что он поверит только собственным глазам. Вслед за Россом он двинулся по коридору — к внутреннему люку. И помог Россу открыть его.

Они прошли через шлюз, вдвоем навалились на зажимы внешнего люка. Росс дрожал, голова его ушла в плечи, лицо стало серым и влажным.

Открыл люк Тревис. Они, должно быть, смотрели на восток, и начался рассвет, потому что под кораблем лежала тень, а на горизонте появились светло-золотые лучи. Тревис опустил руки, не отрывая взгляда от этого света.

— У нас гости. — Росс поднял руку. Послушался громкий шум. По небу пронеслись четыре самолета в строю.

Вокруг корабля вспыхивали огни, разгоняли тени. Тревис видел наклонившийся каркас, следы разрушений. Среди обломков показались люди, они направлялись к звездному кораблю. А за ними всходило солнце. Его солнце — оно восходит на небе его планеты! Они все-таки долетели, вопреки всему. Тревис рукой погладил стену корабля рядом с люком, как гладил шею своей пегой лошади после утомительного дня на ранчо.

Желтое солнце поднималось над далекими холмами. Это холмы его родной Земли!

**ПОСЛАНЦЫ
НЕ СДАЮТСЯ**

*Посвящается П. Шуилер Миллеру,
желавшему, чтобы апачи колонизировали космос,
и Чарльзу Ф. Келли, любителю историй
про «агентов во времени».*

Глава 1

Ни одну из четырех стен офиса не прорезало окно, и потому лучи солнца не могли проникнуть сюда и осветить своим светом стол. Однако пять дисков, лежавших на нем, светились так, словно внутри них находилось какое-то зло, заставляющее их переливаться светом. Однако игра воображения не могла изменить суровой реальности. Доктор Гордон Эш — один из четырех людей, взирающих с несчастным видом на эту игру света, — слегка тряхнул головой, словно хотел освободить свой разум от паутины мыслей.

Его сосед справа, полковник Келгариес, подался вперед и резко спросил:

— Есть надежда, что это ошибка?

— Ты видел показания детектора, — отчетливо произнес сухошавый седой человек, сидевший за столом. — Нет. Ошибка исключена. К ним наверняка кто-то получил доступ.

— И мы упустили два шанса из тех, что были, — пробормотал Эш.

Именно эта проблема собрала здесь этих четырех людей.

— Я думал, что они под надежной охраной, — обратился к седовласому Келгариес. В его голосе слышался упрек.

Однако лицо Флориана Валдора по-прежнему сохраняло отсутствующее выражение.

— Все необходимые меры предосторожности были предприняты. Но среди нас оказался законспирированный шпион.

— Кто? — потребовал ответа Келгариес.

Эш окинул взглядом троих людей, сидевших за столом. Здесь был Келгариес, полковник, руководящий одной из частей проекта «Звезда», Флориан Валдор, глава службы безопасности станции, доктор Джеймс Ратвен...

— Кемдон! — произнес он, не понимая, каким образом этот ответ пришел ему в голову.

Валдор кивнул.

Эш уже давно знал Келгариеса и работал с ним не первый год. Но впервые за все это время на его лице появилось выражение крайней растерянности.

— Кемдон? Но тогда когда же его... — полковник прищурил глаза. — Должно быть, его прислали... Ведь не было ни одной возможности подменить его.

— Да, его действительно прислали к нам, — впервые в голосе Валдора проявились хоть какие-то эмоции. — Он был законспирирован, очень хорошо законспирирован. Должно быть, его завербовали двадцать пять или тридцать лет назад. Все это время он работал у нас.

— Что ж, он наверняка оправдал надежды своих хозяев. Как вы считаете? — голос Джеймса Ратвена напоминал рычание. Он пожевал свои толстые губы, не отрывая взгляда от дисков. — Когда к ним был получен доступ?

Мысли Эша были заняты чудовищным предательством, но он сумел быстро переключить их на эту важную проблему. Ущерб был нанесен. Теперь очень важную роль в разрешении проблемы играло время. Все это понимали.

— Как раз этого мы и не знаем, — медленно проговорил Валдор. Ему было трудно признаваться в этом.

— Давайте предположим, что это случилось на начальной стадии, — высказывание Ратвена было сродни шоку, который все испытали при сообщении Валдором об опасности.

— Восемнадцать месяцев назад? Но этого не может быть! — запротестовал Эш.

Но Ратвен кивнул.

— Кемдон появился в проекте одним из первых. Все это время диски передавались из рук в руки, а новый детектор начал работать всего лишь две недели назад. Ведь это обнаружили при первой же проверке? — спросил он Валдора.

— Именно так, — подтвердил начальник охраны. — Кемдон покинул базу шесть дней назад. Однако с самого начала он работал в службе связи.

— Но ведь ему постоянно приходилось проходить через пункты контроля, — запротестовал Келгариес. — Я думал, что через них ничего невозможно пронести.

Тут полковник просиял:

— А может, он скопировал диски, но ему не удалось вынести их с базы? Его квартиру проверили?

Губы Валдора расплылись в недовольной гримасе.

— Пожалуйста, полковник, — устало произнес он, — мы не в детском саду. В подтверждение его успеха послушайте...

Он дотронулся до кнопки на столе, и в воздухе зазвучал бесстрастный голос ведущего новостей:

— Опасения за безопасность Лессистера Кемдона, экспедитора Космического Совета Западного Альянса, подтвердились после обнаружения в горах обгоревших остатков самолета. Господин Кемдон возвращался в звездную лабораторию после окончания своей мис-

сии, когда с его самолетом оборвалась связь. Сообщения о буре вблизи этого района сразу же...

Валдор резко выключил звук.

— Это правда, или он таким образом решил скрыть свое бегство? — Келгариес вслух высказал свое удивление.

— Может быть и то, и другое. Его могли сознательно вывести из игры после того, как он добыл все, что нужно, — предположил Валдор. — Но давайте вернемся к нашим проблемам. Доктор Ратвен прав, предполагая самое худшее. Мне кажется, что мы можем исправить положение только в том случае, если предположим, что записи украдены восемнадцать месяцев назад. И действовать мы должны соответственно.

Все погрузились в обдумывание сказанного, и в комнате повисла тишина. Эш откинулся в кресле и погрузился в воспоминания. В самом начале был «Операционный Ретроград». В нем принимали участие специально обученные агенты, которые изучали историю вдоль и поперек, стремясь нащупать загадочный источник необычных знаний, которые неожиданно для всех начала использовать Великая Россия.

Сам Эш и его младший товарищ Росс Мердок приняли участие в заключительном этапе операции, в котором тайна была раскрыта. Источник знания был обнаружен не в давно забытой цивилизации, а в одном из потерпевших крушение космических кораблей, принадлежащем древней галактической империи. Эта империя процветала, когда большая часть Европы и Северной Америки была покрыта ледниками, а первобытные люди Земли жили в пещерах.

Мердок, который стечением обстоятельств попал на один из таких разрушенных космических кораблей, совершенно случайно обнаружил его первоначальных владельцев. Они выследили грабителей, орудующих на

их кораблях, и уничтожили всю систему русских временных станций.

Однако чужестранцам не удалось найти параллельную западную систему станций. Годом позже стартовал проект «Фолсом-1». И вновь Эш, Мердок и новичок апач Тревис Фокс отправились в прошлое Аризоны, чтобы обнаружить там два корабля — один разрушенный, а другой невредимый. Но, когда была предпринята попытка перенести уцелевший корабль в настоящее, случайно сработала система автоматического возвращения, настроенная погибшим инопланетным капитаном этого космического корабля. Группа, состоящая из четырех человек — Эша, Мердока, Фокса и техника, — невольно совершила космическое путешествие, посетив три мира, на которых от давно канувших в небытие галактических цивилизаций остались лишь руины.

Пленка с записью курса закончилась и перемоталась. Чудесным образом она вернула всех четверых на Землю с грузом таких же пленок, найденных на планете, которая, по всей вероятности, являлась столицей государства, состоящего из солнечных систем. Каждая из пленок была ключом к другим планетам.

Это древнее галактическое знание было настоящим сокровищем, которым человечество и не надеялось обладать, хотя и существовали справедливые опасения, что открытия подобного рода могут стать оружием во вражеских руках. Кассеты с записями были произвольно разделены на части и распределены между представителями разных народов. Однако каждое государство втайне было уверено, что соперник получил лучшую часть. Сейчас Эш знал, что агенты его страны пытаются сделать на русских базах то же самое, что сделал Кемдон здесь. Тем не менее это не приближало их к решению проблемы, касающейся операции «Кочис»,

которая, возможно, была наиболее важной частью их проекта.

Некоторые записи были негодны к употреблению. Они были либо сильно повреждены, либо вели к мирам, слишком непригодным для деятельности землян, не имеющих специального оборудования, которое имелось на вооружении у древней расы. Из пяти пленок, которые, по их мнению, были скопированы, три не представляли никакой пользы для противника.

Но зато одна из оставшихся двух... Эш нахмурился. Она содержала в себе цель, над которой они напряженно трудились на протяжении двенадцати месяцев. Цель работы заключалась в создании колонии — успешной колонии — в космосе, чтобы впоследствии использовать ее как перевалочный пункт на пути к другим мирам.

— Что ж, тогда мы должны действовать быстрее, — голос Ратвена вывел Эша из потока воспоминаний.

— Я думал, что вам понадобится как минимум еще три месяца для завершения подготовки персонала, — заметил Валдор.

Ратвен поднял свою толстую руку и начал водить ногтем по нижней губе. Эш уже давно заметил, что этот привычный жест означает недоверие. Эти двое частенько выступали оппонентами в споре, поэтому Эш заметил, что Келгариес приготовился дать отпор.

— Мы все проверяем да проверяем, — сказал толстяк. — Мы все время проверяем. Мы ползем как черепахи, а следовало бы нестись, подобно гончим. Я с самого начала говорил, что нельзя быть чрезмерно осторожными. Можно подумать... — он бросил укоризненный взгляд на Эша и Келгариеса, — что в этом проекте никогда не приходилось прибегать к импровизации, что мы всегда строго придерживались инструкций. Говорю вам, что сейчас самый подходящий момент, чтобы

начать рискованную игру. Надо рискнуть, иначе будет поздно. Стоит только кому-нибудь другому обнаружить инопланетную установку, в которой они смогут разобратся, и тогда... — он оторвал руку от губ и обрушил ее на стол, словно хотел раздавить какое-то мелкое не заслуживающее внимания насекомое, — мы не успеем начать, а с нами будет уже покончено.

Эш знал, что среди тех, кто занят в проекте, найдется немалое количество людей, которые согласятся с таким мнением. Да и в стране, и в Альянсе. Народ привык к безрассудным авантюрам. Существовало слишком много примеров подобных действий в прошлом. Но сам Эш не мог согласиться с поспешными действиями. Он не раз бывал в космосе, и ему часто угрожала опасность лишь потому, что у него не было надлежащей подготовки.

— Я считаю, что следует начать на следующей неделе, — продолжал тем временем Ратвен, — я доложу совету, что...

— А я не согласен! — вмешался Эш. Он бросил взгляд на Келгариеса, ожидая поддержки, но вместо этого в воздухе повисла пауза. Затем полковник развел руками и угрюмо произнес:

— Я тоже не согласен, но мое слово не является решающим. Эш, что нужно, чтобы стартовать поскорее?

Ответил Ратвен.

— Мы можем использовать редакс, как я и предлагал с самого начала.

Эш выпрямился, его губы были плотно сжаты, а глаза метали молнии.

— Я опротестую это... перед Советом! Послушай, мы же имеем дело с человеческими существами — отобранными добровольцами, которые нам доверяют, а не с подопытными животными!

Ратвен насмешливо выпятил свои пухлые губы.

— Вы, знатоки прошлого, всегда так сентиментальны! Скажи мне, доктор Эш, ты всегда так заботишься о своих агентах, которых посылаешь в прошлое? А ведь полет в космос менее опасен, чем путешествие во времени. Эти добровольцы знают, на что идут. Они готовы...

— Так, значит, ты предполагаешь сказать им, что собираешься использовать редакс, и о том, как он действует на человека? — возразил Эш.

— Конечно, они получают все необходимые инструкции.

Ответ не удовлетворил Эша. Он уже собирался заговорить снова, но Келгарис перебил его:

— Если на то пошло, то никто из нас не имеет права принимать окончательное решение. Валдор уже послал рапорт о шпионаже. Мы должны подождать приказов Совета.

Ратвен с трудом поднялся из кресла. Униформа плотно обтягивала его грузное тело.

— Верно, полковник. А пока я бы посоветовал проверить организацию работы на своем участке.

Не говоря больше ни слова, он направился к двери.

Валдор вопросительно посмотрел на оставшихся. У него было слишком много работы, и он ждал, когда его кабинет освободят. Но Эш не собирался уходить. Он чувствовал, что ситуация уходит из-под контроля, что вот-вот наступит кризис, и это будет намного серьезнее, чем простое упущение службы безопасности. Всегда ли враг на другой стороне мира? Или же он носит ту же самую форму и преследует те же цели?

Он вышел в коридор, все еще сомневаясь. Келгарис, шедший немного впереди, оглянулся.

— Твое сопротивление не имеет смысла. У нас ведь связаны руки, — пробормотал он, словно стыдясь сказанного.

— Выходит, ты согласен с применением редакса?

И снова Эша посетило чувство, что почва ускользает из-под его ног.

— А разве мое согласие имеет какое-то значение? Все дело в том, сможем ли мы справиться с проблемой. Ты только представь, что в их распоряжении было восемнадцать месяцев, а может, и все двадцать... — полковник сжал кулаки, — и потом, вряд ли они остановятся из соображений гуманности...

— Значит, ты веришь, что Ратвену удастся получить одобрение Совета?

— Когда имеешь дело с напуганными людьми, они слышат только то, что им хочется слышать. Ко всему остальному они глухи. Кроме того, у нас нет доказательств, что редакс может быть опасен.

— Да, но мы использовали его в условиях строжайшего контроля. Ускорить процесс — значит наплевать на все меры предосторожности. Отправить группу мужчин и женщин в их расовое прошлое и оставить их там надолго... — Эш тряхнул головой.

— Ты принимал участие в «Операционном Ретрограде» с самого начала. Кому, как не тебе, знать, что она проходила достаточно успешно.

— Но мы действовали иначе. Мы тщательно отбирали людей и готовили их к отправке в определенные периоды истории, наиболее соответствующие их темпераменту и личностным характеристикам, ролям, которые они смогут успешно сыграть. Но даже тогда был определенный процент неудач. А мы сейчас говорим о том, чтобы помещать людей не в прошлое, а в прототипы их собственных предков — умственно и эмоционально. А это совсем другое. Апачи записались добровольцами. Они прошли все тесты, с ними поработали психологи. Но они — американцы сегодняшние, а не кочевники, жившие два или три века назад. Если сло-

мать определенные барьеры, то в конечном итоге можно сломать и все остальные.

Келгариес нахмурился.

— Ты имеешь в виду... ты хочешь сказать, что их сознание вернется в прошлое окончательно и потеряет всякую связь с настоящим?

— Да, именно об этом я и говорю. Образование и подготовка — все это хорошо. Но нельзя допускать полного пробуждения расовой памяти. Процесс должен идти медленно, иначе не миновать беды.

— Но у нас совсем нет на это времени. Уверен, что Ратвен добьется своего, и Валдор его поддержит.

— В таком случае нам нужно предупредить Фокса и остальных. У них есть возможность выбирать.

— Ратвен сказал, что поступят так, как он предлагает, — голос полковника звучал неуверенно.

Эш фыркнул.

— Я поверю в это только тогда, когда услышу собственными ушами.

— А не могли бы мы...

Эш повернулся и недовольно посмотрел на полковника.

— О чем это ты?

— Ты же сам сказал, что во время путешествий во времени у нас были неудачи. Мы никогда этого не исключали и принимали такую возможность, хотя нам и было больно. Когда мы искали добровольцев для нашего проекта, мы давали им понять, что всегда существует определенная доля риска. Мы набрали три группы — эскимосов, апачей и островитян. Их специально отобрали, учитывая способность этих народов к выживанию в прошлом. Благодаря этому они могут быть колонистами на совершенно разных планетах. Итак, эскимосы и островитяне не предназначались для отправки в миры, указанные на скопированных дисках.

Но на Топазе ждут апачей. Поэтому нам следует отправить их туда как можно быстрее. Да, дело дрянь, как ни прикидывай.

— Я обращусь прямо к Совету!

Келгариес пожал плечами:

— Хорошо. Можешь рассчитывать на мою поддержку.

— Думаешь, это безнадежно?

— Ты же знаешь этих бюрократов. Тебе следует поторапливаться, если хочешь опередить Ратвена. Наверняка он пойдет к Стентону, Ризу и Маргейту. Он давно ждал этого случая!

— Но если мы выступим в прессе, нас поддержит общественное мнение...

— Ты ведь это не всерьез, так? — В голосе Келгариеса послышались холодные нотки.

Эш покраснел. Это было заметно даже сквозь темный загар. Нарушение секретности было сродни богохульству. Он начал отряхивать руками свои брюки, словно желая очистить их от какой-то невидимой грязи.

— Нет, — бесцветным голосом произнес Эш, — конечно, я не имел в виду ничего такого. Я свяжусь с Хоугом, и будем надеяться на лучшее.

— А тем временем, — как ни в чем не бывало продолжал Келгариес, — мы будем делать все от нас зависящее, чтобы ускорить осуществление нашей программы. Я порекомендовал бы тебе отправиться в Нью-Йорк, и как можно быстрее.

— Мне? Но почему? — В голосе Эша сквозило подозрение.

— Потому что я не могу сейчас уехать, не нарушив при этом приказа. А это может навредить нам. Встреться с Хоугом и поговори с ним лично, объясни ему все. Он должен знать все факты, иначе он не сможет противостоять Стентону перед Советом. У тебя есть все

аргументы и все доказательства. Кроме того, ты достаточно авторитетен, чтобы с твоим мнением считались.

— Я сделаю все, что от меня зависит, — с готовностью ответил Эш. Такая перемена в настроении Эша заставила полковника вздохнуть свободнее.

Тем не менее, прежде чем вернуться в свой кабинет, Келгариес проследил, как Эш удаляется по боковому коридору. В кабинете он сел и уставился на стену, не видя ничего, кроме картин, которые рисовало его воображение. Затем нажал кнопку и начал читать символы, которые замелькали на экране встроенного в стол монитора. Набрав код, он отдал приказ, который, по его мнению, мог бы отсрочить неприятности хоть на какое-то время. Эш был слишком ценным сотрудником, которого жалко было бы потерять. В нем кипели эмоции, с которыми он не мог совладать. Тут и до беды недалеко.

— Бидвел, исправь расписание команды «А». Пусть отправляются в гипнолабораторию через десять минут.

Выключив микрофон, Келгариес вновь уставился на стену. Никто не посмеет прервать сеанс гипноза. А он будет длиться три часа. Скорее всего, Эш не увидит новобранцев до самого отлета в Нью-Йорк. Таким образом, можно будет избежать лишних разговоров.

Келгариес скривился. Он испытывал некоторую неловкость из-за своих действий. Он был убежден, что Ратвен одержит верх и что опасения Эша, касающиеся использования редакса, небезосновательны. Все сводилось к старому принципу: цель оправдывает средства. Они должны использовать любые средства и человеческий потенциал, чтобы сделать Топаз своей подконтрольной территорией, несмотря на то, что эта странная планета затеряна далеко в космосе. Время течет слишком быстро. Они были вынуждены играть лишь теми картами, которые были у них на руках, даже не-

смотря на отсутствие козырей. Эш вернется. Но Келгариес надеялся, что это случится не раньше, чем проблема разрешится в пользу той или иной стороны. Не раньше, чем все закончится.

Закончится! Келгариес зажмурился. Возможно, что и с ними со всеми будет покончено. Они будут мучиться неизвестностью, пока транспортный корабль не приземлится на той другой планете, этом похожем на алмаз золотисто-бронзовом шаре, который они назвали Топазом.

Глава 2

Вокруг Топаза вращалось около дюжины сторожевых станций. Каждая имела свою собственную орбиту за пределами атмосферы этой золотисто-бронзовой планеты, являющейся частью системы желтой звезды. Эти станции были запущены на орбиту шестью месяцами раньше, чтобы создать защитную паутину вокруг планеты. Таким образом, планета оказалась полностью закрытой для любых космических кораблей, за исключением тех, которые знали о существовании секретного коридора. Эта система защиты новых поселенцев была проверена с особой тщательностью. Однако на практике свойства этой системы еще не были опробованы. А пока маленькие блестящие шарики без помех вращались в небе вокруг планеты.

Вскоре появился тринадцатый объект и, вращаясь, начал спускаться к поверхности. Сфера, по виду напоминающая школьный глобус, в несколько сотен раз превосходила по размерам спутники охранной системы и управлялась пилотами.

На борту звездолета находились четыре человека. Двое из них управляли кораблем, а два других были обычными пассажирами. Они ожидали посадки. Че-

рез иллюминаторы они могли наблюдать планету, такую прекрасную, переливающуюся золотисто-желтым светом. Она приближалась, увеличиваясь в размерах. Пассажиры могли уже различить очертания морей, континентов, горных цепей. Они уже изучили поверхность планеты, поэтому теперь она казалась им очень знакомой.

Один из светящихся шаров внезапно пришел в боевую готовность, почувствовав приближение звездолета. Он начал вращаться быстрее, как только его чувствительные внутренние механизмы отреагировали на сигнал о приближении чужого звездолета. Реле щелкнуло, но сработало слишком медленно, чтобы нацелить спутник на нужный курс. На станции управления внизу этой ошибки не заметили.

Звездолет ждало неминуемое столкновение со спутником-стражем. Эти два объекта были еще на расстоянии нескольких сотен миль друг от друга, когда сработал сигнал тревоги. Руки пилота впились в панель управления. Под давлением перегрузок пилот мало что мог сделать. Его скрюченные пальцы были беспомощны. Гибель была неизбежна, и лицо пилота исказила гримаса.

Один из пассажиров пытался заговорить со своим компаньоном. Другой, не отрываясь, смотрел на экран. Перегрузка расплющила его полные губы и прижала их к зубам.

— Они... они... здесь...

Ратвен не обратил внимания на эти слова. Ярость, вызванная его собственной беспомощностью, пульсировала перед глазами красной точкой. Быть пойманным в ловушку, когда цель так близка! Теперь его взяли на мушку лишенные разума машины. На карту было поставлено слишком многое. И теперь он терял все. От напряжения его ногти впились в подлокотники подвесного кресла.

Четверо людей могли только сидеть и ждать, пока взрыв не испепелит их. Ярость Ратвена возрастала, но, к сожалению, она не могла исправить ситуацию. Глаза его компаньона в пассажирском кресле были закрыты, а губы беззвучно шевелились. Оба пилота лихорадочно пытались взять ситуацию под контроль. Внизу, в чреве корабля, находились те, кто еще не подозревал о скорой гибели. В одной из клеток шевельнулась голова с торчащими ушами. Узкие глаза блеснули. Животное почувствовало страх, который испытывали люди вверху. Оно подняло заостренную морду и издало рычание.

Рычание разбудило другого пленника. Осмысленные взгляды их желтых глаз встретились. Ум, необычный для таких животных, подавил инстинкт, заставляющий их метаться по клеткам. Любопытство и способность адаптироваться в любых условиях воспитывались в этих существах с незапамятных времен. Затем природную хитрость попытались соединить с разумом, а способность мыслить — с инстинктом.

Представители предыдущих поколений выбрали бесплодную пустыню — «белые пески» Нью-Мексико — для проведения ядерных испытаний. Человечество можно было защитить, оградить от радиационной угрозы, чего нельзя было сказать о четвероногих и крылатых обитателях пустыни.

Тысячи лет назад первые кочевые племена американских индейцев, прибывшие с юга, встретили животных, подобных тем, что сидели теперь в клетке на борту звездолета. Это были охотники степей, младшие братья волка, чьи природные способности произвели неизгладимое впечатление на кочевников. Это животное стало фигурировать в многочисленных индейских легендах как Создатель или Ловкач, как друг или враг. Для одних племен оно было божеством, для других — прародителем зла. В легендах и преданиях всех остальных

животных затмевал койот. Вытесненный цивилизацией в бесплодные районы, уничтожаемый при помощи яда, оружия и капканов, койот выжил, приспособившись к новым условиям, используя всю свою легендарную хитрость. И даже те, кто заклеил его хищником и врагом, с невольным уважением рассказывали об опустошенных им капканах и о его искусных побегах. Он продолжал быть ловкачом, смеющимся в лунные ночи с вершин гор над теми, кто хотел поймать его.

Затем, в начале двадцать первого века, когда древние мифы и легенды почти уже никто не воспринимал всерьез, истории об изворотливости койотов стали приобретать все более фантастическую окраску. И наконец ученые были заинтригованы настолько, что решили более тщательно изучить это животное, которое, казалось, действительно обладало всеми теми качествами, которые приписывались его бессмертному тезке.

То, что они обнаружили, шокировало многие умы. Ведь койот не только приспособился к стране белых песков, он стал больше, чем просто умным и хитрым зверем. Первая экспедиция привезла с собой шесть щенков. Все они выглядели как койоты, однако их разум был совсем не звериным. Потомки этих щенков находились теперь в клетках внутри звездолета. Обладая обостренным чувством опасности, они были готовы использовать малейший шанс для побега. Их послали на Топаз, чтобы они служили глазами и ушами для менее развитых в этом отношении людей. Однако их нельзя было назвать ручными. Пределы их мыслительных способностей были еще не до конца изучены теми, кто их воспитывал, обучал с тех самых пор, как они впервые открыли глаза и сделали свои первые самостоятельные шаги.

Клокотание в горле самца перешло в рычание в тот момент, когда страх, исходивший от людей, достиг сво-

его апогея. Он припал к днищу клетки, практически распластавшись по нему, но придвинувшись поближе к дверце. Второй зверь проделал то же самое.

Кроме этих животных и людей в кабине пилота в звездолете находилось еще сорок человек. Их тела были удобно расположены и тщательно защищены от внешних раздражителей теми, кто поместил их сюда несколькими неделями раньше. Их сознание было далеко от звездолета, они отправились туда, где еще не ступала нога человека, на территории потенциально более опасные, чем любая земная твердь.

«Операционный Ретроград» возвращал людей в прошлое физически. Люди охотились на мамонтов, передвигались по путям, проложенным торговцами Бронзового века, принимали участие в походах Аттилы и Чингисхана, служили лучниками в Древнем Египте. В то время как редакс возвращал людей на уровне сознания на тропы их предков. По крайней мере, такова была теория. Люди, спящие теперь в своих узких капсулах, находились под действием редакса. Те же, кто отправил их на это испытание, могли только догадываться, действительно ли их подопытные жили жизнью апачей, существовавших в XVIII—XIX веках.

Наверху, в своей кабине, пилот, борясь с давлением, вновь попытался дотянуться рукой до нужной кнопки. Эта функция была добавлена в последний момент и не прошла достаточную проверку. Эта кнопка была последней надеждой, несмотря на сомнения пилота в ее пользе.

Надеясь лишь на чудо, пилот нажал на этот кружок металла. То, что случилось потом, не смог бы объяснить никто.

На станции слежения, которая располагалась на планете, наблюдали за звездолетом. Однако экраны мониторов на мгновение вспыхнули так ярко, что прак-

тически ослепили тех, кто на них смотрел. Спутник слежения сбился со своего курса. Когда, покачиваясь, вернулся на орбиту, изображение, передаваемое им, было слишком нечетким. Понять, что же случилось в космосе, было почти невозможно.

В это самое время звездолет, потерявший управление, бешено вращаясь, направлялся к Топазу. Системы управления звездолета пытались автоматически восстановить свои функции. Отчасти это удалось, однако два двигателя отказали. В кабине пилота три мертвых тела покоились в своих креслах.

Доктор Джеймс Ратвен, истекающий кровью, изо всех своих сил старался не потерять сознание. Он упрямо цеплялся за свое сознание, отказываясь принять тот факт, что его раны смертельны.

Механизмы звездолета медленно стабилизировали свою работу. Зашелкали реле, переключая звездолет на управление автопилотом. Искусно запрограммированный бортовой компьютер настраивал все системы на приземление. Однако эту посадку нельзя было назвать успешной. Звездолет ударился о скалу и с лязгом устремился вниз, теряя куски обшивки. Скала закрывала их от пункта наблюдения, поэтому крушение не было зарегистрировано. Наблюдатели знали лишь то, что спутники, охраняющие планету, сработали должным образом.

В искореженной кабине Ратвен пытался ослабить ремни своего подвешного кресла. Он больше не пытался сдерживать стоны, каждое усилие причиняло ему адскую боль. Наконец ему удалось отстегнуться, и он перекатился на пол. Задыхаясь, он упрямо боролся с пугающей темной предвещающей смерть волной, которая готова была поглотить его.

Ратвен из последних сил полз по наклонной поверхности, пока не достиг люка, из которого свисал

трап, ведущий в нижние секции звездолета. Трап свисал под острым углом, что позволило Ратвену достичь нижнего уровня.

Он был слишком оглушен болью, чтобы понять значение измятых переборок. Он прополз по холодной каменной поверхности скалы, которая прорвала обшивку. Клокочущие звуки вырывались из его горла и превращались в непрерывный стон. Наконец он добрался до своей цели — маленькой кабинки. К счастью, она не была повреждена.

Он был настолько измучен болью, что казалось, у него не хватит сил, чтобы отключить редакс. Внезапно его сознание прояснилось, и в голове возникла мысль: а есть ли смысл во всех этих нечеловеческих усилиях? Можно ли разбудить всех этих спящих людей? Может статься, что все они погибли.

Усилием воли Ратвен перебросил свое ставшее невыносимо тяжелым тело через кресло и попытался поднять левую руку. Пальцы не повиновались. Но он стремился вперед, пытаясь заставить свое потерявшее чувствительность тело сделать последний рывок, который мог оказаться для него последним. Ратвен вновь упал на пол. Он не был уверен, удалось ли ему выполнить задуманное. Он пытался повернуть голову и сконцентрировать свой взгляд на выключателе. Был ли его рычаг опущен или все еще упрямо смотрел вверх? Неужели люди все еще заперты в своих капсулах?

Свет в кабине замигал и погас. Это вышла из строя последняя уцелевшая линия электрической проводки. Маленькое помещение внизу, в котором располагались клетки, окутала тьма. Шансом на спасение оказалась рваная пробоина в стенке кабины. Она располагалась в пяти метрах дальше по коридору. Сквозь нее проникал свежий воздух планеты, который улавливало острое обоняние двух животных.

Самец начал действовать. Еще двумя днями раньше он проделал отверстие в решетке. Но его разум подсказывал ему, что побег внутри звездолета бесполезен. В прошлом его предки избежали внезапной и жестокой смерти благодаря обостренному чувству опасности. Теперь же, помогая себе лапами и зубами, он расширял проход, подгоняемый подвыванием самки в другой клетке. Оба зверя ощущали дразнящий запах внешнего мира, раздражающий их ноздри, дикого мира, в котором не было места для человека.

Самец проскользнул сквозь отверстие и встал перед клеткой самки. Передней лапой он нажал на засов клетки, и дверца распахнулась. Теперь оба они были свободны и могли достичь коридора и увидеть приглушенный свет странной луны, которая манила их.

Самка, всегда более осторожная, чем самец, двигалась рядом с ним. А он бежал вперед, с любопытством наострив уши. Их обучение с самого детства всегда проходило под руководством человека. Теперь же все было по-другому, и это вселяло опасения. Но ее чувствительному носу запах корабля был неприятен, а воздух извне привлекателен. Самец уже проскользнул сквозь пролом в обшивке, и теперь он лаял от волнения и удивления. Самка пролезла вслед за ним.

Редакс, который был совсем не предназначен для работы в аварийных условиях, оказался намного надежнее, чем другие системы звездолета. Электричество заструилось по кабелям, активизируя похожие на гробы капсулы. Однако пятеро погруженных в спячку людей так и не проснулись. Они погибли. Капсулу, в которой они были помещены, размазало по скале. Еще трое проснулись наполовину, но, задохнувшись, погибли в царившем вокруг кошмаре.

Но в капсуле, находившейся рядом с отверстием, через которое выбрались на волю койоты, проснулся

молодой мужчина. Он резко сел, уставясь в темноту широко раскрытыми, полными ужаса глазами. Он ухватился за гладкий край капсулы, в которой покоился, и встал на колени. Пошатываясь от слабости, почти упал на пол, на котором стоял теперь, опираясь о капсулу. Оцепеневший, слабый, он стоял, покачиваясь, осознавая только себя самого и свои ощущения. В темноте слышались какие-то приглушенные звуки, слабые стоны и тяжелое дыхание. Но для него это не имело никакого значения. Внутри него возрастало стремление покинуть это место, а ужас гнал его вперед.

Его обмякшая рука нащупала вертикальную поверхность, которую он идентифицировал как выход. Бессознательно он ощупывал дверь, пока она не подалась под его слабым нажимом. Голова его кружилась, но он двигался вперед, привлекаемый светом, струящимся из отверстия в стене. Человек начал карабкаться через ровный пролом в обшивке звездолета. Затем он со стуком упал на земляную насыпь, которая образовалась в результате падения корабля. Он скатился вниз, увлекая за собой каскад комьев земли и песка. Во время падения он ударился головой о камень с такой силой, что потерял сознание.

В следующее мгновение на небе показалась малая луна Топопа. Ее зеленоватый свет сделал залитое кровью лицо человека похожим на инопланетянина. Малая луна достигла горизонта, когда на небе появилась ее старшая сестра ярко-желтого цвета. Тишину ночи нарушило тьякканье.

Тьякканье нарастало, и человек, зашевелившись, поднес руку к голове. Он открыл глаза, огляделся и сел. Позади него виднелся искореженный звездолет, но он даже не обратил на него внимания.

Вместо этого он встал на ноги и, пошатываясь, вышел на свет, отбрасываемый луной. В его мозгу роились

мысли, воспоминания, эмоции. Возможно, Ратвен или один из его ассистентов смогли бы упорядочить этот хаос. Но в настоящий момент Тревис Фокс — агент во времени, член группы «А» операции «Кочис» — казался менее разумным животным, чем два койота, исполняющих свой ритуал обращения к луне, которая была так не похожа на луну их родины.

Пошатываясь, Тревис двинулся вперед, привлеченный этими звуками. Звуки казались знакомыми, чем-то реальным среди этого хаоса, царящего у него в голове. Он споткнулся, упал, снова поднялся, но продолжал идти.

Наверху самка койота опустила голову, уловив новый запах. Она уловила в нем нечто похожее на привычную жизнь. Тявкнув, подозвала самца, но он был поглощен своей ночной песней, которую выводил, вытянув морду по направлению к луне.

Тревис споткнулся, упал на четвереньки. В тот же миг его предплечье пронзила резкая боль. Он попытался подняться, но тело не повиновалось ему. Он рухнул на спину и остался лежать, уставившись на луну.

Сильный и очень знакомый запах ударил в нос... Тревис почувствовал теплое дыхание на своей щеке, а шершавый язык лизнул его в лицо. Тревис поднял руку, нащупал густой мех и крепко ухватился за него, словно это был спасительный якорь в сошедшем с ума мире.

Глава 3

Тревис встал на одно колено и осторожно раздвинул высокие стебли рыжеватой травы. Перед его глазами предстала долина, затянутая золотистой дымкой. Голова продолжала болеть, а умственное напряжение лишь усиливало боль. Картина долины была такой же нечеткой, как если бы Тревис смотрел на нее сквозь

пеструю пелену. Он точно знал, что здесь должно было быть, но в реальности местность оказалась совершенно другой. В высокой траве промелькнуло что-то буровато-серое, Тревис напрягся. Мба`а койот? А может, его спутниками были духи га-н, которые могли принимать любое обличье и теперь предстали в облике врага человека? Кто они: ндендаи — враги, или дала-анбийати — друзья? В этом сумасшедшем мире он не мог разобраться.

Эйдикье? В его сознании возникло слово, которое он не мог произнести. Друг?

Его глаза встретились с желтыми глазами животного. С тех пор, как он оказался в этой странной пустыне рано утром, он смутно осознавал, что в действиях этих четвероногих, которые следуют за ним по пятам, наблюдаются вовсе не звериные повадки. И дело было не в том, что они смотрели ему в глаза. Тревису казалось, что они способны читать его мысли.

Жажда огнем жгла горло, а в голове пульсировала непрекращающаяся боль. Эти двое, словно ощутив его боль, начали подталкивать его в определенном направлении и вскоре вывели его к небольшому водоему. Вода в нем была сладковатой на вкус, но отнюдь не неприятной.

Тревис дал животным имена. Эти имена появились из сумбура воспоминаний, которые сопровождали его во время бесцельных блужданий по этой таинственной местности.

Самку, которая не отходила от него ни на шаг, он назвал Наликидью, что означало «Та, которая ходит по горным хребтам». Имя самца было — Нагинлта, «Тот, кто разведывает впереди». Самец полностью оправдывал свое имя. Он убегал вперед, а затем возвращался к человеку и своей подруге и смотрел на них так, словно хотел что-то сообщить им.

Наликидью подбежала к Тревису. Она тяжело дышала, высунув из рта красный язык. Но она дышала так не от усталости, Тревис был уверен. Нет, она была взволнована. Охота! Она хотела охотиться!

Внезапно у Тревиса возникло какое-то странное ощущение. Он даже облизнул пересохшие губы. Впереди была еда — свежее мясо, мясо, которое было еще живым существом, но ждало, когда его убьют. Внезапно внутри у Тревиса возникло чувство дикого голода, освобождая его от полусонного состояния, в котором он пребывал.

Его руки сами собой потянулись к ремню. Но пальцы не нашли того, что хотели. Память подсказывала Тревису, что на этом месте должен был быть ремень, отягощенный спрятанным в чехол ножом.

Он осмотрел свою одежду и обнаружил, что на нем штаны из гладкого материала темно-коричневого цвета, которые сливались с окружающей Тревиса растительностью, свободная рубашка, подпоясанная кушаком со свободно свисающими концами. Ноги обуты в высокие — до середины икры — мокасины с закругленными мысами.

Кое-что из этого показалось ему знакомым, но это были лишь обрывки воспоминаний. И вновь в его сознании одна картинка наложилась на другую. Наверняка он знал только одно — у него нет оружия. И осознание этого факта пробудило в нем чувство реального дикого ужаса, который еще более усилил путаницу мыслей.

Наликидью проявляла нетерпение. опередив Тревиса на несколько шагов, она обернулась. Ее глаза сузились, и Тревис сразу же понял значение ее взгляда, словно она выразила свое желание словами. Еда ждала, а самка была голодна. Она ждала поддержки человека.

Тревис не мог повторить грации ее движений, он старался оставаться незамеченным. Несмотря на боль,

которая сопровождала каждое его движение, Тревис внимательно смотрел по сторонам. Земля под ногами, трава, долина, окутанная золотистой дымкой, — все было реальным, а не частью сна. Стало быть, те, другие призрачные видения были всего лишь галлюцинацией. Даже воздух, который он вдыхал полной грудью, имел свой собственный запах. А может, вкус? Он не был уверен. Он знал, что гипноз может производить странный эффект, но это было...

Внезапно Тревис замер, уставившись невидящими глазами на траву, которая все еще колыхалась после того, как по ней прошли койоты. С ним провели сеанс гипноза! Неужели это правда? Теперь в его сознании появились сразу три видения. Приложив руки к вискам, он изо всех сил сжал голову. Реально только то, что было вокруг него: земля, трава, долина, голод и охота...

Он заставил себя сконцентрироваться непосредственно на настоящем и на той части мира, которую он видел, чувствовал, осязал и которая простиралась прямо перед ним.

По мере того как Тревис следовал за Наликидью, трава становилась все ниже. Но туман не рассеивался. Казалось, что он состоит из отдельных лоскутков дыма. Когда Тревис проходил через один из таких лоскутков, ему казалось, что он пробирается через облако танцующих золотых пылинок. Там и тут мерцающие точки кружились и метались, словно живые существа. Окруженный этим золотым туманом, Тревис дошел до линии кустов и втянул в себя воздух.

Пахнуло теплым и густым ароматом, который он не мог идентифицировать. Тревис только смог определить, что он принадлежит живому существу. Прижавшись к земле, Тревис протиснул голову и плечи сквозь нижние ветки кустов и выглянул наружу.

Перед ним расстилалось пространство, которое туман окутывал не слишком плотно. Землю освещали лучи восходящего солнца. Тревис разглядел трех животных. Вновь сознание пронзила вспышка воспоминаний.

Животные были размером с антилоп и походили на них только тем, что имели четыре ноги, округлое тело и голову. Однако в остальном они отличались настолько, что Тревис замер от изумления.

На теле животных виднелись многочисленные островки голой кожи, окруженные мягким мехом. А может, это были волосы, свисающие клоками, словно животных начали ощипывать и не довели дело до конца? Их шеи были очень длинными и гибкими, как змеи. Шеи заканчивались головами, которые совсем не соответствовали обличью животных. Они были широкими, плоскими, похожими на жабы. Головы венчали острые рога, расположенные прямо над носом. Они начинались от общего основания, а потом разветвлялись.

Это были инопланетные существа! Тревис зажмурил глаза и сжал руками голову. В его сознании снова замелькали видения. На этот раз он видел животных. Их было трое: два больших с рогами, а одно маленькое с менее всклокоченной шерстью и шишечкой на носу. Скорее всего, это был детеныш.

Внезапно мысленное предупреждение, исходящее от койотов, вывело Тревиса из оцепенения. Наликидью мало интересовало странное обличье жующих траву животных. Она видела в них только мясо и нетерпеливо поглядывала на человека, который почему-то медлил.

Однако Тревис разглядывал животных с определенной целью. Главной защитой антилоп была их скорость, хотя их и подводило иногда чрезмерное любопытство. Стройные ноги странных животных говорили о том, что бегают они очень быстро, а у Тревиса не было подходящего оружия.

Ужасного вида рога тоже могли быть использованы для защиты, так же как и скорость. Но Тревис подстегивал голод и сознание того, что он охотник. Перед ним стояла «еда», пусть и выглядела она довольно странно.

Тревис вновь получил сообщение. Нагинлта находился на другом краю поляны. Если животные обратятся в бегство, то обгонят не только его, но и койотов. Поэтому нужно было что-нибудь придумать.

Тревис посмотрел на кусты, в которых пряталась Накикдью, и получил мысленное согласие. Он вздрогнул. Это точно были не животные, а га-н! Он должен относиться к ним, как к га-н, и подчиняться их воле. Подстегиваемый этими мыслями, Тревис начал изучать поляну. Не имея в распоряжении никакого оружия, он может рассчитывать только на какую-нибудь хитроумную ловушку. И вновь Тревис получил одобрение га-н. Ему все лучше удавалось вести телепатические переговоры с койотами. Это было странное ощущение, не испытываемое им раньше.

На кустах и маленьких согнутых деревцах не было таких веток, как на обычных деревьях. Вместо этого их стволы были усеяны жесткими красноватыми листиками. Деревья окружали со всех сторон небольшой луг, доходя до скалистой расселины, которую шлейфом окутывал туман. Если бы только удалось направить животных в том направлении...

Тревис пошарил вокруг себя. Его рука наткнулась на камень, торчавший из земли, — самое древнее оружие, используемое его далекими предками. Камень удобно лег в его ладонь.

Вооружившись камнем, апач сделал свой первый шаг по полному опасностей пути. Эти га-н так легко овладевают его сознанием. Сможет ли и он наладить с ними мысленный контакт?

Зажав в руке камень, Тревис прижался к стене недалеко от входа в расселину. Тревис попытался просто и ясно изложить в мыслях свой план. Он не знал, что действует именно так, как и предсказывали ученые, организовавшие его полет на эту планету. Не подозревал он и о том, что превзошел все ожидания людей, воспитавших и подготовивших двух койотов-мутантов. Он верил только в то, что должен повиноваться воле этих двух духов, которые, по его мнению, были гораздо могущественнее любого человека. Итак, он мысленно нарисовал расселину, бегущих животных и ту роль, которую он отвел га-н, если они, конечно, захотят подыграть ему.

Согласие. Он понял его так же ясно, как если бы его произнесли вслух. Человек взвесил камень. Возможно, у него будет всего лишь мгновение для броска, поэтому он должен быть готов.

С того места, где он стоял, Тревис не мог больше видеть луг и пасущихся на нем животных. Но он знал наверняка, как если бы видел это собственными глазами, что койоты ползут, распластавшись по земле. В них сочетались грация кошки, терпение и хитрость.

Вот оно! Тревис вскинул голову: началось! Он напрягся, крепче сжимая в руке камень. Вслед за лаем раздался звук, который Тревис не смог бы описать, нечто среднее между кашлем и хрюканьем. И снова лай...

Жабья голова внезапно протиснулась сквозь кусты, двойные рога на ее носу были увешаны вырванной с корнем травой. Широко расставленные молочно-белые глаза без зрачков уставились на Тревиса. Однако он не был уверен, видит ли его животное, так как оно неслось прямо к расселине. Позади него бежал теленок, с плоских широких губ которого срывались гортанные звуки.

Длинная шея взрослого животного изогнулась, и жабья голова повернулась так, что двойные рога оказались

направленными прямо на Тревиса. Он был прав, предположив, что животное может воспользоваться рогами в качестве оружия. Теперь же оно намеревалось насквозь проткнуть стоявшего перед ним человека. Тревис метнул камень, бросился в сторону и, споткнувшись, покатился в кусты. Он немедленно вскочил на ноги, готовый отразить удар рогов или копыт. Справа от него послышался треск, трава и кусты заколыхались.

Апач оглянулся. Он заметил взмах треугольного хвоста. Теленок сбежал. Вскоре треск в кустах смолк.

Может, зверь затаился и подкарауливает его? Тревис встал на ноги. Он все еще слышал тявканье. Похоже, борьба продолжалась. В следующее мгновение он увидел второе животное, которое пятилось назад, угрожающе наставляя рога на койотов, в то время как они, дразня животное, описывали вокруг него круги.

Один из койотов поднял голову, посмотрел вверх по склону и снова гавкнул. По этому сигналу оба койота бросились вновь атаковать животное, но на этот раз с одной стороны, оставив ему место для отступления. Животное бросилось на койотов, но те ловко уклонились. Затем с быстротой и грациозностью, неожиданной для такого неповоротливого и непропорционального тела, животное развернулось и прыгнуло в сторону расселины. При этом койоты не сделали ни малейшей попытки помешать его бегству.

Тревис вышел из своего укрытия и приблизился к тому месту, где рухнуло другое животное. Поведение койотов убедило его, что опасность миновала. Иначе они не позволили бы убежать первому животному.

Глядя на подергивающееся в предсмертных судорогах тело, Тревис решил, что удар камнем по голове оглушил его. По инерции оглушенная антилопа пролетела вперед и насмерть разбилась о скалу. Слепая удача или могущество га-н? Тревис отступил назад, когда

койоты плечом к плечу приблизились к добыче и начали ее обнюхивать. Она принадлежала скорее им, нежели Тревису.

Благодаря животному они получили не только еду, но и оружие для Тревиса. Он помнил, что на ремне у него был нож, который он, вероятно, потерял. Зато теперь у него появилось целых два. Он сравнительно легко выломал двойной рог из треснувшего черепа. Воспользовавшись камнем, Тревис придал рогу нужную форму. Теперь у него были длинный и короткий ножи. По крайней мере, это было лучше, чем камень, с которым он начал охоту.

Наликидью прошла мимо него к воде и начала изяшно пить. Затем она уселась на задние лапы и начала наблюдать, как Тревис полирует рог с помощью камня.

— Нож, — сказал он, — это будет нож. И... — он огляделся, оценивая деревья и кусты вокруг, — и лук. С луком охота будет более удачной.

Самка зевнула и прикрыла свои желтые глаза. Она была сыта и довольна.

— Нож, — повторил Тревис, — и лук. — Ему нужно оружие. Не просто нужно, а необходимо! Но почему? Его рука замерла. Почему? Странное животное бросилось на него, и он избежал удара. Да и охоту на него начал он. Тогда почему же его мучает страх, а в голове засела мысль, что ему нельзя быть безоружным?

Он зачерпнул пригоршню воды из родника и плеснул на свое вспотевшее разгоряченное лицо. Самка пошевелилась. Она свернулась клубочком на траве и положила голову на лапы. Тревис присел на корточки, сложил руки на коленях и попытался разобраться в вихре воспоминаний.

С окружающим его ландшафтом было что-то не то. Он должен быть другим. Но он реален! Он помог убить это живое существо. Он ел сырое мясо. А рог лежит

рядом. И все это было реальным. А это означало, что тот, другой мир пустыни, по которому он кочевал с себе подобными, скакал на лошадях, участвовал в набегах на другие племена, был нереальным. Или же тот мир находился слишком далеко от того места, где сидел сейчас Тревис.

Однако между этими двумя мирами словно не было никакой границы. Казалось, Тревис только что был в том мире пустынь, вернулся из успешного похода против мексиканцев. Мексиканцы! Тревис ухватился за это слово, как за кончик ниточки, которая приведет его к разгадке тайны.

Мексиканцы... А он был апачем, одним из народа Орла. Нет!

Пот снова заструился по его лбу. Он не был человеком из этого прошлого. Его зовут Тревис Фокс, он из XXI века, а вовсе не кочевник из XIX! Он является членом команды А и участвует в научном проекте!

Сначала была пустыня Аризоны, а теперь вот это... Лишь мгновение отделяло одно место от другого. Тревис огляделся по сторонам с возрастающим страхом. Постой! Он вспомнил, что после того, как покинул пустыню, обнаружил себя в темноте лежащим в капсуле. Он вспомнил, что после пробуждения его поманил к себе лунный свет, странный лунный свет. Капсула, в которой он лежал, помещение с гладкими металлическими стенами и чужой мир в конце всего этого...

Самка пошевелила ушами и подняла голову. Она уставилась на искаженное лицо человека, его глаза, полные ужаса, и заскулила.

Тревис поднял сделанное из рога оружие, засунул его за кушак и поднялся на ноги. Наликидью села, наклонив голову набок. Человек пошел назад по своему собственному следу, а она побежала за ним, во-ем призывая Нагинлта. Однако человек был слишком

погружен в себя и не обращал внимания на действия двух койотов.

Солнце припекало. Насекомые, жужжа, кружились над кустами, маленькие летающие существа то и дело вспархивали из-под ног Тревиса. Один раз Нагинлта предупреждающе зарычал, когда вел всю компанию по следу. Если бы не койот, Тревис наверняка сбился бы с пути.

— Кто вы? — сорвалось у него. Только потом он подумал, что правильнее было бы спросить: «Что вы?» Эти существа не были просто животными, они были другими. Та половина Тревиса, которая помнила набег в пустыне, говорила ему, что эти существа — духи. В то время как другая его часть... Тревис потрянул головой. Он решил, что будет принимать их за тех, кем они были сейчас — верными союзниками в чуждом мире.

День клонился к закату, а Тревис все еще шел по следу. Чувство необходимости заставляло его идти по этой стране холмов и оврагов. Теперь туман поднимался над вершинами гор совсем рядом с Тревисом. Однако эти горы были не теми горами, которые он помнил. Эти были тусклого коричневого цвета, похожие на оскал обугленного солнцем черепа, предупреждающего путника об опасности.

Тревис с трудом взобрался на вершину холма. Чуть впереди в лучах заходящего солнца вырисовывались силуэты койотов. Когда человек поравнялся с ними, сначала один, а за ним и другой задрали морды и издали похожий на рыдание вой, который являлся частью той, другой жизни.

Апач посмотрел вниз. И нашел ответ на вопрос, мучивший его. Груды искореженного металла нетрудно было узнать. Звездолет! Тревис сковал липкий холодный ужас. Он, сам того не желая, поднял голову. Из его груди вырвался вопль, такой же тоскливый, как и у койотов.

Глава 4

Огонь, старинный союзник человека, его оружие и инструмент, поднимался над грудой голых камней внизу. Вокруг него, скрестив ноги, сидели люди. Всего пятнадцать человек. Чуть дальше под защитой огня и этого мрачного кольца мужчин сидели женщины. В этом сборище глаз улавливал некое единообразие. Все люди были одной расы и одного роста. В них чувствовался большой запас жизненных сил. У людей была смуглая кожа и длинные черные волосы до плеч. Все они были молоды, не старше тридцати лет, а некоторые даже моложе. Их схожесть проявлялась даже в том, как они слушали Тревиса — тревожно и напряженно.

— Итак, скорее всего мы находимся на Топазе. Кто-нибудь из вас помнит посадку на звездолет?

— Нет. Только то, что мы проснулись внутри него.

Пламя костра высветило чей-то вздернутый подбородок. Тревис поймал на себе гневный взгляд.

— Наверняка это козни пинда-лик-о-йи, белоглазых. Все мы знаем, что они никогда не вели дела честно. Они нарушают свое слово с такой же легкостью, как человек разламывает гнилой сучок. Их слова так же гнилы. А ведь это ты, Фокс, заставил нас слушать их.

Круг пришел в движение, раздался гул голосов.

— Но разве я не сижу здесь с вами в этом странном диком мире? — запротестовал Тревис.

— Я не понимаю, — один из людей поднял руку, прося слова, — что с нами случилось. Мы были в древней стране апачей... Я, Джил-Ли, я участвовал в набегах на племя рамос вместе с Кучилло Негро. А теперь я здесь, в разбитом корабле, а рядом со мной лежит мертвый человек, который некогда был моим братом. Как я попал из прошлого моего народа в другой мир и оказался среди звезд?

— Я же говорю, это козни пинда-лик-о-йи! — первый говоривший сплюнул в огонь.

— Думаю, что все дело в редаксе, — произнес Тревис. — Я слышал, как об этом говорил доктор Эш. Это совершенно новая машина, которая заставляет человека помнить не свое прошлое, а прошлое его предков. На этом корабле мы должны были находиться под его воздействием и жить так, как жили наши предки сотни лет назад.

— Но какова цель? — спросил Джил-Ли.

— Может быть, чтобы мы больше походили на наших предков. Это часть проекта. Для освоения новых миров нужны другие люди, а не те, которые живут в современном мире. Мы утратили некоторые способности, которыми обладали наши предки. Например, умение противостоять опасности в чужом мире.

— Ты, Фокс, говорят, уже бывал среди звезд и видел опасности, подстерегающие человека. Это правда?

— Да. Вы наверняка слышали историю о том, как я и мои товарищи помимо своей воли попали на чужие планеты. Но разве вы не вызвались добровольно участвовать в этом проекте, чтобы увидеть новую, удивительную жизнь?

— Да, но мы не давали согласия на то, чтобы нас погружали в магический сон и отправляли бог знает куда без нашего ведома!

Тревис кивнул.

— Деклай прав. Но я тоже не знаю, почему нас отправили в космос таким образом. Я также не знаю, почему потерпел крушение наш звездолет. Мы обнаружили тело доктора Ратвена, а в кабине — пилота. Мы не нашли ничего, что бы объясняло причину нашего прибытия сюда. Корабль не подлежит восстановлению, и нам придется остаться здесь.

Воцарилась тишина. Позади было несколько дней активной деятельности, ночи беспокойного сна. У подножия скалы были сложены тюки с припасами, которые людям удалось найти в обломках звездолета. Единодушно они решили покинуть место крушения, от которого веяло смертью, повинувшись древнему обычаю своего народа.

— Здесь есть люди? — поинтересовался Джил-Ли.

— Пока мы обнаружили лишь следы животных. Кроме этого, га-н не предупредили нас о чем-то другом.

— Эти злобные духи! — Деклай вновь сплюнул в огонь. — Не стоит нам иметь с ними дело. Мба`а не могут быть друзьями людей.

И вновь раздался гул одобрения. Тревис насторожился. Насколько сильно повлиял на них редакс? На собственном опыте он испытал это странное двойственное ощущение. Это были два разных восприятия, которые, действуя одновременно, доводили его до изнеможения. Он начал подозревать, что на других это возвращение в прошлое подействовало более глубоко, и они еще не скоро придут в себя окончательно. Джил-Ли искренне хотел разобраться в том, что же произошло на самом деле. Тогда как Деклай почти полностью отождествлял себя со своим предком, который участвовал в походах бок о бок с Викторией или Мангас Колорадас! У Тревиса появилось предчувствие, что совсем скоро путаница между прошлым и настоящим внесет раскол в их компанию.

— Дьявол или га-н, — впервые заговорил человек с бесстрастным лицом и глубоко запавшими глазами. — У нас теперь по два сознания из-за этого редакса. Так что давайте не будем принимать поспешных решений. В мире пустынь я видел мба`а. Они очень умны. Мба`а выходил на охоту вместе с барсуком. Пока барсук пытался раскопать крысиную нору, мба`а сидел и ждал

в терновнике того, кто выбежит первым. Между ним и барсуком не было войны. Эти двое, сидящие по ту сторону костра, тоже охотники, и они не враги нам. В этом странном мире человек должен использовать любое подспорье, которое подвернется ему под руку. Поэтому давайте не будем вспоминать старые поверья, которые теперь мало что значат.

— Олень верно говорит, — согласился Джил-Ли. — Мы должны разбить лагерь в месте, которое легко защитить. Возможно, здесь есть люди, на территорию которых мы невольно вторглись. Нас мало, поэтому давайте ступать осторожно по чуждым нам тропам этого мира.

Тревис внутренне вздохнул с облегчением. Олень, Джил-Ли... Их здравые высказывания повлияли на остальных. Всем будет только лучше, если одного из них выберут лидером. Сам он не собирался выдвигать свою кандидатуру. Кроме того, ему не хотелось слишком давить на людей. Ведь это по его инициативе они стали добровольцами для участия в проекте. Теперь на него падало двойное подозрение, особенно со стороны тех, кто думал так же, как и Деклай. Им казалось, что он чуждается их древних традиций.

Как бы то ни было, протестов было немного. Несмотря на то что братья и сестры объединились в одну команду, влекомые семейными узами, их нельзя было назвать настоящим сплоченным кланом. Ведь они были представителями различных племен.

На Земле они были наиболее прогрессивными среди своего народа. Прогрессивными в том смысле, который вкладывают в это слово белые люди. Тревис вдруг осознал то, что мыслит не так, как прежде. Ведь он тоже подвергся воздействию редакса. Все эти люди получили современное образование, но все они были охвачены тягой к приключениям. Это и выделяло их

среди других. Они были отобраны для участия в эксперименте и успешно прошли все тесты. Их освободили от лишних эмоций и малодушия. Но все это было до применения редакса...

Так зачем же его применили? И зачем понадобился этот полет? Что заставило доктора Эша, Мердока и полковника Келгариеса, которых он знал и которым доверял, отправить их без предупреждения на Топаз? Что-то случилось. Что-то, что позволило доктору Ратвену повлиять на других и послать добровольцев в это дикое путешествие.

Тревиса вывел из размышлений гул голосов вокруг костра. Мужчины поднимались, отходили в тень и укладывались на одеяла, которые они нашли на корабле. Кроме того, на корабле было обнаружено разнообразное оружие: ножи, луки, колчаны со стрелами. Владеть всем этим их обучали во время подготовки к проекту. Пищевого рациона оказалось мало. Поэтому завтра им предстояло начать охотиться...

— Зачем с нами это сделали? — возле Тревиса возник Олень, его взгляд был устремлен на огонь. — Не думаю, что ты знаешь больше, чем все мы.

Тревис ухватился за эту мысль.

— Но ведь здесь есть такие, кто говорит, что я что-то знаю.

— Верно. Раньше мы были едины в наших мыслях и в наших желаниях. Теперь же мы занимаем разные позиции, как если бы стояли на разных ступенях лестницы. Пинда-лик-о-йи расставили нас таким образом. Кого-то выше, кого-то ниже... — он нарисовал в воздухе ломаную линию. — В этом-то и таится опасность.

— Ты прав, — согласился Тревис, — но правда также и в том, что я ничего обо всем этом не знаю и стою на лестнице, так же как и остальные.

— Я тебе верю. Но близится время, когда мудрее будет отойти в тень.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты единственный из нас, кто пересекал звезды раньше, поэтому тебе легче понимать все новое. Нам нужен разведчик. Койоты бегут по твоим следам, и ты не боишься их.

Это было весьма разумно. Отослать его вперед, подальше ото всех, в сопровождении койотов. Лучше исчезнуть из поля зрения на время. А люди на воображаемой лестнице смогут сплотиться крепче.

— Я выступлю утром, — согласился Тревис. Он мог бы отправиться прямо сейчас, но не мог заставить себя покинуть огонь и человеческое общество.

— Ты можешь взять с собой Цоая, — продолжал Олень.

Тревис ждал продолжения. Цоай был одним из самых молодых в их группе, двоюродный родич Оленя.

— Нам нужно, — объяснил Олень, — изучить эту землю. По традициям нашего народа, младший всегда идет след в след за старшим и учится у него. Нужно изучить не только следы, но и людей.

Тревис понял, что скрывалось за этими словами. Беря с собой молодежь, можно воспитать последователей. Среди апачей вождями становились благодаря своим собственным заслугам. До тех пор, пока апачей не загнали в резервации, вожди племен завоевывали свое положение в племени исключительно при помощи силы своего характера. И то, что вождями становились выходцы из одного клана, было простой случайностью.

Тревис не хотел брать на себя роль вождя. Но он также не хотел, чтобы сплетни о нем сделали его изгоем. Для любого апача изгнание из клана было сродни смерти. Ему нужны были сторонники, которые поддержали бы его, вздумай Деклай или кто-то из его

единомышленников перейти от ворчания к открытой враждебности.

— Цоай способный ученик, — согласился Тревис, — мы выступим на рассвете.

— Пойдете вдоль хребта? — осведомился Олень.

— Если мы хотим найти место для лагеря, то да. В горах человек всегда может найти защиту.

— Думаешь, есть необходимость в постройке крепости?

Тревис пожал плечами:

— Я в этом мире всего лишь один день и не видел никого, кроме зверей. Но это совсем не значит, что здесь нет врагов. Сведения об этой планете были на кассете, которую мы привезли с собой из другого мира. А это значит, что о Топазе могут знать те, кто путешествует от звезды к звезде, как мы из города в город. Если путь к этой планете был записан на кассету, значит, для этого существует какая-то причина.

— Но ведь все это было так давно... — задумчиво проговорил Олень. — Может ли причина просуществовать так долго?

Тревис вспомнил два других мира. Одним из них была странная пустыня, которую населяли звероподобные существа, которые, возможно, когда-то были разумными. Они выходили ночью из своих песчаных нор и нападали на звездолет. А другой мир представлял собой руины огромного города, заросшего пышной тропической растительностью. Тревис там сделал духовую трубку из нержавеющей металла в качестве подарка маленьким крылатым людям. Хотя были ли они людьми? Оба этих мира были остатками древней галактической империи.

— Некоторые вещи остаются надолго, — ответил Тревис. — Если мы встретим кого-то, нам следует про-

являть осторожность. Но прежде всего нужно выбрать место для лагеря.

— Да, возврата домой для нас нет, — констатировал Олень.

— Почему ты так говоришь? Позже за нами могут прислать спасателей...

Олень поднял глаза на Тревиса.

— Когда ты спал под воздействием редакса, кем ты был?

— Воином на коне...

— А я... я был с го`нди, — отозвался Олень.

— Но...

— Белые люди убеждали нас, что такой власти — власти вождя — не существует? Да, пинда-лик-о-йи много чего говорили нам. Они всегда чем-то заняты: своими инструментами, машинами. А тех, кто думает по-другому, кого нельзя подогнать под их стандарты, они называют глупыми мечтателями. Правда, не все белые люди так думают. Например, доктор Эш начал понемногу понимать. Я, возможно, все еще стою на половине пути в прошлое. Но я уверен в одном: для нас нет пути назад. Но придет время, и из семени прошлого прорастет что-то совсем новое. А ты должен быть одним из наставников этой молодой поросли. Поэтому я и прошу тебя взять с собой Цоая, а в следующий раз — Льюпа. Молодой человек склоняется под напором слов, как тоненькое деревцо склоняется от порывов ветра. Поэтому ему нужны крепкие корни.

В Тревисе боролись природный инстинкт и культура. Точно так же боролись в его сознании картины, навеянные редаксом, и картины, представшие перед его глазами после пробуждения. Но теперь он больше доверял своим ощущениям. Он знал, что ни один из апачей не провозгласит себя го`нди, властью духа, известной лишь великим вождям, если только она не

находится действительно внутри него. Возможно, эта власть и была галлюцинацией прошлого, но ее влияние чувствовалось здесь и сейчас. Тревис не сомневался, что Олень безгранично верил в то, что говорил, и эта вера передавалась другим.

— Это мудрость, нантан...

Олень покачал головой.

— Я не нантан и не вождь. Но в некоторых вещах я убежден. Ты тоже веришь в то, что у тебя внутри, мой младший брат!

На третий день, двигаясь к востоку от временной базы вдоль горной цепи, Тревис нашел, как ему показалось, подходящее место для лагеря. Рядом находился каньон с источником воды, к которому сходились тропы, проложенные зверями. Уступы на скале вели к небольшому плато, где рос невысокий кустарник. Его ветви можно было бы использовать для постройки вигвамов. Вода и пища были под рукой, а уступы скалы было легко защитить от врагов. Даже Деклайю и его приспешникам придется признать, что это место весьма удобно.

Тревис выполнил свой долг перед кланом и теперь мог сосредоточиться на своей собственной проблеме, которая не давала ему покоя вот уже несколько дней. Путь к Топазу был записан на кассету жителями давно исчезнувшей звездной империи. Значит, планета была важна для них. Но почему? Пока он не обнаружил на планете никого, кто превосходил бы по разуму рогатых существ, виденных им. Однако его терзало предчувствие, что здесь есть кто-то еще, кто затаился и ждет. Желание разгадать эту загадку снедало Тревиса.

Может, Деклай справедливо обвинял его в том, что он слепо следует указаниям ринда-лик-и-дьи? Тревиса вполне устраивало общество койотов во время его

вылазок. Одиночество на этой незнакомой планете не было для него таким пугающим, как для других.

На четвертый день после того, как был разбит лагерь на плато, Тревис разбирает свой вещмешок, когда Олень и Джил-Ли присели на корточки рядом с ним.

— Ты собираешься на охоту? — прервал молчание Олень.

— Не за мясом.

— Чего ты боишься? Что ндендаи — враги людей — сделали эту планету своей? — спросил Джил-Ли.

— Что ж, это может оказаться правдой. Но сейчас я хочу узнать, чем был этот мир раньше. Почему древние обитатели звезд обозначили его на своих картах.

— Думаешь, это знание принесет нам пользу? — задумчиво спросил Джил-Ли. — Даст ли это пищу нашим желудкам, кров нашим телам? Дарует ли это нам жизнь?

— Все это возможно. Незнание грозит нам бедой.

— Твоя правда. Незнание всегда плохо, — согласился Олень, — но лук, пригодный для одного человека, может не подойти другому. Помни это, младший брат. Итак, ты идешь один?

— С Нагинлта и Наликидью я не одинок.

— Возьми с собой Цоая. Четвероногие хороши лишь для того, кому они преданны. Плохо, когда человек бежит компании себе подобных.

И вновь это чувство единства клана, которое Тревис не всегда разделял. С другой стороны, Цоай помехой не будет. Он уже доказал, что у него зоркий глаз и стремление ко всему новому и неизведанному, что было несвойственно его ровесникам.

— Я хочу поискать тропу через горы. Это может быть долгий поход, — запротестовал Тревис.

— Думаешь поискать к северу отсюда?

Тревис пожал плечами:

— Не знаю. Да и откуда мне знать? Но нужно поверить во всех направлениях.

— Цоай пойдет с тобой. Он молчалив и не перечит старшим, как и положено молодому человеку. Но его мысли так же свободны, как и твои, — заметил Олень, — его тоже тянет к новым местам.

— Да, вот еще что, — Джил-Ли поднялся, — не ходи слишком далеко, брат, ты можешь не найти дорогу назад. Это огромный мир, а мы всего лишь кучка людей.

— Я это тоже знаю, — в словах Джил-Ли было не только предостережение, и Тревис это понял.

На второй день пути они вышли к перевалу, как и предполагал Тревис. Под обрывом расстилалась равнина, покрытая темным янтарем. Тревис знал, что так выглядит трава. Здесь она была такая же, как и к югу от лагеря. Цоай указал на равнину:

— Как просторно... Здесь хорошо разводить лошадей, скот, построить ферму.

Но все это осталось далеко за пределами черного пространства, окружающего их. Тревис подумал о том, смогут ли они найти на этой планете животное, которое бы заменило лошадь.

— Будем спускаться? — спросил Цоай.

С того места, где они стояли, равнина казалась бескрайней. Тревис не заметил ничего, что напоминало бы какую-либо постройку. Гладкую поверхность равнины ничто не нарушало. Однако она манила его.

— Идем, — решил наконец Тревис.

Сверху равнина казалась близкой, однако им пришлось потратить на спуск целые сутки. Лишь к середине утра второго дня они оказались у подножия горы. Трава доставала им до пояса. Трава колыхалась, и только так Тревис мог определить, в каком направлении двигались койоты. Внезапно Тревис услышал странное

жужжание. Он не понимал, откуда оно исходит, пока не наткнулся на источник звука.

В одном месте трава была вытоптана, и от этого места расходились в разные стороны полосы примятой травы. В небо взмыло облачко жужжащих насекомых с блестящими крылышками. Тревис уже знал, что такие насекомые, как правило, вьются над падалью.

Тревис коротко выдохнул. То, что он увидел, казалось настолько невозможным, что он просто не верил своим глазам. Цоай вскрикнул и опустился на одно колено, чтобы рассмотреть находку поближе. Затем он посмотрел на Тревиса широко раскрытыми от удивления глазами и произнес:

— Лошадиный навоз! И притом свежий!

Глава 5

— Здесь была всего одна лошадь, неподкованная, но со всадником. Она прискакала со стороны равнины, да неслась так, что подвернула ногу. Они останавливались здесь для короткого привала, примерно на рассвете.

Все это Тревису рассказали следы на земле. Цоай, Нагинлта и Наликидью наблюдали и слушали внимательно. Казалось, что койоты понимают каждое слово так же, как и юноша.

— А вот еще кое-что... — Цоай указал на след, оставленный неизвестным всадником. Казалось, его хотели скрыть.

— Этот всадник маленький и легкий. И мне кажется, что он чего-то испугался.

— Пойдем за ним? — спросил Цоай.

— Пойдем, — согласно кивнул Тревис. Посмотрев на койотов, он послал им мысленное сообщение. По этому следу нужно было пойти. Если они заметят всадника раньше людей, то немедленно сообщат им об этом.

Согласие койотов внешне никак не отразилось на них. Они просто исчезли в траве.

— Выходит, эта планета обитаема, — сказал Цоай, когда он и Тревис направились назад к горам. — Может, здесь приземлился другой корабль?

— Эта лошадь... — задумчиво покачал головой Тревис, — в проекте ничего не говорилось о том, чтобы переправить сюда лошадей.

— Может, они всегда жили здесь?

— Вряд ли. В каждом мире обитают свои особые виды животных. Но мы узнаем правду, когда увидим эту лошадь и ее седока.

По эту сторону гор было теплее, и путешественников окутал жар, исходивший от равнины. Тревис подумал, что лошадь может искать воду, если, конечно, всадник ослабит поводья. Откуда они пришли? И почему всадник так мчался? От страха? Это была неровная местность, рассеченная то тут, то там небольшими оврагами. Усталая хромая лошадь, похоже, выбирала наиболее удобный путь, и всадник не мешал ей. Тревис заметил на земле еще один след. На этот раз его, кажется, не пытались скрыть. Это был четкий след сапога. Похоже, что всадник спешил и повел лошадь под уздцы. Следы говорили о том, что шел он довольно быстро.

Апачи шли по следу, пока не наткнулись на Наликидью, поджидавшую их. Ее передние лапы лежали на каком-то свертке, перепачканном землей. Под кустом виднелась свежерытая ямка. Вероятно, Наликидью вытащила сверток именно оттуда. Тревис присел на корточки, чтобы изучить находку. Это была сумка, сделанная из шкуры. Судя по всему, это была шкура тех самых странных похожих на антилоп животных. Свисающая клоками шерсть украшала сумку по краям, словно бахрома. Похоже, что эту сумку сшил скорняк — ма-

стер своего дела. Сумка была застегнута при помощи двух плетеных ремешков.

Наклонившись к сумке, апач уловил смесь различных запахов: шкуры, лошади, дыма и других — непонятных для него. Тревис ослабил ремни и высыпал содержимое.

Внутри оказалось несколько вещей: рубашка с длинными рукавами из серой неокрашенной шерсти, очень объемная куртка, сшитая из материала, на ощупь напоминавшего войлок. Куртка была богато украшена пестрой вышивкой. Тревис безошибочно определил сюжет — на вышивке была изображена смертельная схватка оленя и пумы. Картину окаймлял геометрический узор, который показался Тревису до боли знакомым. Он разгладил куртку на коленях и попытался вспомнить, где он мог видеть что-либо подобное. Книга! Иллюстрация в книге! Но в какой книге и когда? Во всяком случае, не в последнее время, и, кроме того, такой узор не был знаком его народу.

Внутри куртки лежал свернутый шарф, шелковистый на ощупь. Он был небесно-голубого цвета. Именно такого цвета было небо на Земле в безоблачный день. Оно очень отличалось от того желтого покрывала, которое расстилалось сейчас над головой Тревиса. Кроме того, в сумке оказалась маленькая кожаная коробочка с резными украшениями на крышке. Сюжет был сходен с тем, что Тревис видел на куртке. Тревис сразу понял, что это было произведение искусного мастера. В коробочке лежали ложка, нож, миска и лезвие из темного металла. На рукоятках из рога были вырезаны лошадиные головы с маленькими драгоценными камнями вместо глаз.

Наверное, эти вещи были очень дороги владельцу, коль он постарался спрятать их подальше от чужих глаз.

Тревис вновь сложил вещи. Он все еще был озадачен увиденным узором.

— Кто? — Цоай дотронулся пальцем до куртки, восхищение ясно читалось на его лице.

— Не знаю. Но, думаю, это принадлежит кому-то из нашего мира.

— Это олень. Только рога изображены неправильно. А вот пума просто отличная. Тот, кто вышивал это, прекрасно разбирается в животных.

Тревис сунул куртку в мешок и затянул ремешки. Однако убирать его на прежнее место он не стал, а присоединил к своей собственной поклаже. Если они не догонят беглеца, то Тревису хотелось повнимательнее изучить находку и вспомнить, где он видел подобную картинку. Узкая долина, где была найдена сумка, вела вверх, а следы указывали на то, что лошадь и наездник слишком устали. На открытом месте лежал такой же кожаный мешок. Наткнувшись на него, Наликидью начала его обнюхивать и лизать, стараясь проникнуть внутрь.

Тревис поднял влажный мешок. Он пах чем-то, похожим на прокисшее молоко. Тревис провел по мешку пальцем. Нет, это была не вода, да и мешок не был похож на флягу. Несмотря на то что внутренняя поверхность мешка была мокрой, он оказался пуст. Это окончательно сбilo Тревиса с толку. Он бросил мешок самке, и та быстро схватила его.

Прижав мешок к земле передними лапами, Наликидью принялась лизать его, хотя Тревис и не понимал, что могло так привлечь ее. Должно быть, в этом мешке хранилась еда.

— Здесь они останавливались, — сказал Цоай, — скоро мы их догоним.

Теперь апачи оказались в таком месте, где легко было спрятаться. Тревис изучил местность и составил план действий. Самым лучшим для них было оставить след

беглеца, подняться на восточный склон и идти параллельно тропе. Поход по лабиринту острых выступов и низкому кустарнику был задачей не из легких.

Наликидью перестала лизать мешок, лишь только Тревис позвал ее. Она посмотрела на него, а затем на местность, лежащую перед ними. Затем затрусил впереди. Они с Нагинлтой отправятся на разведку, пока люди будут передвигаться по извилистой местности.

Тревис стащил с себя рубашку и, свернув ее, заткнул за ляжки своего вещмешка. Совсем так, как и его предки перед сражением. Затем он спрятал свой и Цоая вещмешки. Теперь у них остались лишь их луки, ножи с длинными лезвиями и колчаны со стрелами, перекинутые через плечо. Они продвигались вперед бесшумно, словно тени или койоты, а их красновато-бронзовые тела сливались с цветом травы, делая их почти незаметными.

По расчетам Тревиса, до захода солнца оставалось не более часа. Им было необходимо разыскать незнакомца до наступления темноты. Тревис испытывал все большее уважение к нему. Возможно, незнакомца гнал страх, но он, не сбавляя скорости, продвигался к тому месту, которое послужило бы ему укрытием. Если бы только Тревис смог вспомнить, где он видел этот узор! Его значение могло бы быть очень важно для них...

Цоай скользнул за сучковатое дерево и исчез из виду. Тревис наклонился и прошел сквозь заросли кустарника. Они продолжали двигаться на юг, а пик горы, возвышавшейся далеко впереди, служил им ориентиром. Время от времени они останавливались, чтобы изучить землю в поисках следов лошади и всадника.

Тревис, словно змея, проскользнул меж двух скал и лег на землю, положив подбородок на руки. Палящие лучи заходящего солнца обжигали его голую спину и

плечи. В налобную повязку Тревис воткнул пучки жесткой горной травы, которые скрывали его лицо.

Несколькими секундами раньше он получил обрывки мысленного предостережения одного из койотов. Те, кого они искали, были теперь совсем близко, прямо под ними. Оба животных лежали в засаде, ожидая приказаний. То, что они обнаружили, было знакомо им. И это еще раз подтверждало предположение Тревиса, что беглец был землянином, а не уроженцем Топоза.

Тревис искал глазами место, которое указали ему койоты. Его уважение к незнакомцу возросло еще больше. Они с Цоаем без помощи четвероногих разведчиков могли бы и не отыскать укрытие беглеца. Ведь беглец практически зарылся в землю, использовав небольшую расщелину в скале.

Лошади не было видно. Однако зоркий глаз мог заметить сдвинутые с места или обломанные ветки. Тревис был озадачен увиденным. Все выглядело так, словно преследователь, которого так боится незнакомец, передвигается не по земле, а по воздуху. Меры предосторожности, которые предпринял незнакомец, были направлены на то, чтобы скрыть его отступление.

А может, он боялся, что преследователь пойдет в обход по тому склону, где сейчас находились апачи? Тревис задумчиво погладил обветренную кожу руки. Возможно ли, что однажды незнакомец заметил апачей, следящих за ним? Однако не наблюдалось никаких признаков того, что их заметили, да и койоты предупредили бы. Глаза и уши человека можно обмануть, но Тревис безоглядно доверял чутью Нагинлты и Наликидью, которое во много раз превосходило его собственное.

Нет, он не верил, что всадник притаился и подкарауливает апачей. Но он явно ожидает, что кто-то или что-то может напасть на него с высоты. С высоты...

Тревис осторожно повернул голову и подозрительно оглядел вершушки холмов.

Путешествуя по горам и через перевал, они не обнаружили ничего, что могло бы представлять опасность. Хотя здесь могли бродить хищные животные. Ведь они видели следы каких-то неизвестных животных, но только лишь раз койоты предостерегающе заворчали. Но незнакомец явно прятался от какого-то разумного существа, а не от животного, которого ведет обоняние, а не зрение.

И если незнакомец опасается нападения сверху, то Тревис и Цоай должны быть начеку. Тревис внимательно изучал очертания окрестных холмов, стараясь миллиметр за миллиметром изучить пространство, которое им предстояло пересечь. Точно так же, как раньше он с нетерпением ожидал дневного света, теперь он ждал наступления темноты. Он закрыл глаза, чтобы еще раз восстановить по памяти местонахождение убежища беглеца. Память не подвела его: теперь он смог бы безошибочно найти это место. Тревис отполз назад и, сунув в рот пальцы, издал негромкий звук, повторив его три раза. Как он уже заметил, такие звуки издавали маленькие, величиной с ладонь, зверьки. Они напоминали клубок взлохмаченных перьев, хотя на самом деле носили шелковистую мягкую шубку. Зверьки бегали невероятно быстро и вели себя так дерзко, словно совсем не имели врагов. Цоай затаился за стволом поваленного дерева.

— Он прячется, — прошептал Цоай.

— От опасности сверху, — добавил Тревис.

— Думаю, он боится не нас.

Итак, Цоай пришел к тому же выводу. Тревис попытался определить время наступления сумерек. После захода солнца на Топазе наступал момент, когда последние лучи отбрасывали на землю причудливые тени.

Тогда-то они и начнут действовать. Тревис объяснил свой план Цоаю, и тот согласно кивнул. Используя ствол дерева в качестве прикрытия, они прислонились спинами к валуну и принялись поглощать запасы рациона, имевшегося в их вещмешках. Эти безвкусные квадратики утоляли голод и давали энергию. Однако пустые желудки по-прежнему требовали свежего мяса.

Апачи по очереди вздремнули. Последние лучи солнца на планете Топаз все еще освещали небо, когда Тревис решил, что образовавшиеся тени уже можно использовать в качестве прикрытия. Тревис не имел ни малейшего понятия о том, как вооружен незнакомец. Хотя тот и использовал лошадь, он вполне мог иметь при себе винтовку, а может, и более современное оружие. При рукопашном бое луки апачей представляли не большую ценность, но зато у них были ножи. И все же Тревису хотелось бы обойтись без боя, ведь незнакомец мог представлять собой источник важной информации. Тревис даже не вынул нож из-за кушака, когда апачи начали спускаться вниз.

Тревис нырнул в фиолетовую тень, где в маленьком овраге его встретили понимающие желтые глаза Нагинлты. Тревис махнул ему рукой и постарался мысленно сформулировать действия зверя при падении. Остроухий силуэт койота растворился в темноте. Откуда-то сверху дважды раздался свист пушистого существа — это Цоай извещал о своей готовности.

Внезапно в тишине ночи раздался вой... рыдание... всхлипывание. Мба`а начали одну из своих пронзительных песен. Тревис бросился вперед. До него донеслось ржание испуганной лошади, а затем раздался звук, в которых он безошибочно узнал стук копыт по земле. Тревис увидел, как закачался куст, закрывающий вход в укрытие незнакомца, несколько веток упало на землю.

Тревис, ноги которого были обуты в мягкие мокасины, двигался абсолютно беззвучно. Один из койотов затянул еще одну песню. Зловещее завывание перешло в тьяканье и эхом прокатилось по верхушкам скал. Тревис сгруппировался перед броском.

Оставшиеся ветки, закрывавшие проход в укрытие, упали, и из расселины показалась вставшая на дыбы лошадь. Ее силуэт четко вырисовывался на фоне неба. Перед лошадью металась неясная фигура, пытаясь усмирить перепуганное животное. Незнакомец был безоружен. Самый подходящий момент!

Тревис прыгнул. Его руки опустились на плечи незнакомца. Из его рта вырвался крик ужаса, и он забился в руках Тревиса, пытаясь повернуться лицом к противнику. Удержаться на ногах Тревису не удалось, и оба человека, упав, покатались вниз прямо под ноги лошади. Тяжестью своего тела Тревис прижал незнакомца к земле, схватив его одной рукой за предплечье, а другой надавил на грудь.

Тревис почувствовал, что противник обмяк, но не стал ослаблять хватки. Тяжелое дыхание незнакомца говорило о том, что он отнюдь не потерял сознания, а лишь затаился. Так они и лежали. Тревис все еще удерживал своей тяжестью незнакомца, а тот не сопротивлялся. Тревис слышал, как Цоай ласково, как заправский конюх, успокаивал лошадь.

Незнакомец все еще не делал попыток возобновить борьбу. От мысли, что они могли бы пролежать так всю ночь, Тревис развеселился. Он начал ослаблять хватку, и, как он и предполагал, незнакомец не замедлил воспользоваться этим. Однако он был недостаточно быстр и ловок, и Тревис с легкостью перехватил слишком тонкие запястья незнакомца.

— Кинь мне веревку! — крикнул он Цоаю.

Юноша принес запасную веревку, и они в мгновение ока связали сопротивляющегося незнакомца. Тревис перевернул пленника и, схватив его за волосы, повернул лицом к свету, чтобы рассмотреть. Неожиданно волосы выскользнули у Тревиса из рук, и он с удивлением заметил, что это коса. Взглянув на лицо пленника, Тревис издал возглас удивления. На запыленных щеках виднелись дорожки от слез. Но серые глаза пленника горели яростью. Было ясно, что плакал он от злости, а не от страха.

На пленнике были надеты свободные штаны, заправленные в сапоги с закругленными мысками, и свободная куртка. Но, несмотря на это, Тревис понял, что перед ним лежит женщина, молодая и привлекательная. Она была очень разгневана. Однако за этим гневом прятался страх, страх человека, безуспешно борющегося с непобедимым врагом. Женщина взглянула на Тревиса, и выражение ее лица изменилось.

Тревис понял, что она ожидала увидеть кого-то другого и поэтому очень удивилась. Женщина облизнула пересохшие губы. Теперь Тревис видел страх другого рода — страх перед неизвестностью, которая, возможно, таила опасность.

— Кто ты? — спросил Тревис по-английски, так как был уверен, что она с Земли.

Женщина изумленно охнула.

— Кто ты? — повторила она вопрос Тревиса с заметным акцентом. Теперь он был уверен, что английский не был ее родным языком. Тревис потянулся к ней и положил руки на ее плечи. Женщина вновь начала извиваться, но затем поняла, что мужчина просто помогает ей сесть. Страх в ее глазах уступил место любопытству.

— Вы не являетесь сыновьями Голубого Волка, — произнесла она с сильным акцентом.

Тревис улыбнулся.

— Меня зовут Лис, а не Волк, — ответил Тревис, — а койоты — мои братья.

Он щелкнул пальцами, и два койота бесшумно вышли из тени. Глаза женщины расширились от удивления при взгляде на Нагинлту и Наликидью. Только теперь она осознала ту связь, которая существовала между человеком, взявшим ее в плен, и этими двумя животными.

— Эта женщина тоже из нашего мира, — обратился Цоай к Тревису, глядя на пленницу с нескрываемым интересом. — Только она не принадлежит ни к одному из наших кланов.

Сыновья Голубого Волка? Мысли Тревиса вновь вернулись к орнаменту на куртке. Кто называл себя таким живописным именем — где и когда?

— Чего ты боишься, дочь Голубого Волка? — спросил он.

Кажется, этот вопрос задел больное место. Женщина вскинула голову, как будто хотела разглядеть что-то в темном ночном небе.

— Флаер! — еле слышно произнесла она, словно опасаясь, что малейший шепот может достичь звезд, мерцающих в вышине. — Они придут и выследят... Я не успела вовремя добраться до внутренних гор.

В ее голосе было такое отчаяние, что Тревис тоже поднял голову в поисках неизвестного врага. В том, что опасность реальна, он не сомневался.

Глава 6

— Наступает ночь, — медленно проговорил Цоай по-английски. — Те, кого ты боишься, охотятся в ночи?

Женщина тряхнула головой, чтобы откинуть со лба прядь волос, выбившуюся во время борьбы с Тревисом.

— Им не нужны такие глаза или носы, как у ваших четвероногих охотников. Для этого у них есть специальные машины...

— Для чего же тогда тебе нужно было это укрытие? — Тревис подбородком указал на груду веток.

— Они не всегда используют машину, так что оставалась надежда. Ночью они используют пучок света. Нам не удалось забраться слишком далеко в глубь холмов, чтобы оторваться от них. Багатур охромел, и мы замешкались...

— А что же такого есть в этих горах, что те, кого ты боишься, не осмеливаются проникнуть туда? — продолжал Тревис.

— Это мне неизвестно. Я знаю только то, что, если забраться туда, никакая опасность больше не грозит.

— Я спрашиваю тебя еще раз: кто ты? — апач подался вперед. Теперь его лицо, освещенное тусклым светом, находилось всего в нескольких сантиметрах от ее лица. Она не отстранилась и не отвела взгляда. Это была независимая гордая женщина, поистине дочь вождя.

— Я принадлежу к племени Голубого Волка. Нас переместили сюда по звездным тропам, чтобы обезопасить этот мир от... от... — она замолчала в нерешительности, и на ее лице появилось выражение озадаченности. — Была причина — мечта. Нет, есть мечта, а есть реальность. Я Кайдесса из Золотой Орды. Но иногда я вспоминаю странные вещи, например эти непонятные слова, которые я сейчас произношу...

Золотая Орда! Теперь Тревис все понял. Узор, сыновья Голубого Волка, все сходилось. Это было скифское искусство. А орнамент, виденный им, гордо носили на своем одеянии воины Чингисхана. Татары, монголы — варвары, дети степей, которые изменили ход истории не только в Азии, но и в Центральной Европе, и в Древней Руси, где они правили так долго. Воины, ко-

торые выступали под знаменами Чингисхана, Кублайхана, Тамерлана!

— Золотая Орда, — повторил Тревис, — это ведь древняя история совсем другого мира, дочь Волка.

Он уловил выражение растерянности у нее на лице.

— Я знаю, — ответила она так тихо, что Тревис едва разобрал слова. — Мой народ живет в двух измерениях, хотя большинство не осознает этого.

Цоай присел на корточки рядом с ними, чтобы принять участие в разговоре. Теперь он тронул Тревиса за плечо.

— Редакс?

— Или его аналог, — Тревис был в этом убежден. В их проекте по подготовке жителей для космических колоний участвовало три группы — эскимосы, жители тихоокеанских островов и апачи. Организаторы проекта не видели смысла в том, чтобы использовать монгольские племена из древних времен. На планете Земля была только одна нация, способная выбрать таких колонистов.

— Ты — русская. — Тревис внимательно посмотрел на женщину, желая увидеть, произведут ли его слова должный эффект. Но ее лицо по-прежнему выражало растерянность.

— Русская... русская... — повторила она так, словно это слово было ей незнакомо.

Тревис встревожился. В любой колонии русских наверняка есть техники и машины, с помощью которых можно легко настигнуть беглеца. И если горы — единственное препятствие для этих машин, то нужно непременно добраться до них, даже если придется идти целую ночь. Тревис сказал об этом Цоаю, и тот согласился.

— Лошадь хромает, и нам не стоит брать ее с собой, — напомнил юноша.

Тревис некоторое время колебался. Насколько он помнил, лошади всегда были неотъемлемой частью и символом процветания его народа. Индейцы часто воровали лошадей у испанцев. Бросить большое животное, которое могло бы послужить клану, было бы неправильно и несправедливо. Но они не могли позволить себе тратить время на него.

— Придется оставить лошадь здесь, — решил наконец Тревис.

— А женщина?

— Она пойдет с нами. Мы должны узнать все, что можно, об этих людях и зачем они здесь. Послушай, дочь Волка. — Тревис вновь приблизил свое лицо к женщине, чтобы убедиться, что она слушает его, и заговорил, четко выговаривая каждое слово. — Ты отправишься с нами в горы, только не вздумай что-нибудь выкинуть.

Тревис вынул нож и провел лезвием перед ее глазами.

— Я и так собиралась в горы, — невозмутимо сказала женщина. — Развяжи мне руки, храбрый воин, тебе нечего бояться женщины.

Тревис потянулся к женщине и вытащил из-за складок ее одежды нож, такой же длинный и острый, как и его.

— Вот теперь я действительно не боюсь тебя, дочь Волка, ведь я вытащил твои клыки.

Он помог ей подняться и перерезал ножом веревки, которыми были связаны ее руки, а затем убрал его себе за пояс. Подозвав койотов, Тревис приказал им отправляться вперед на разведку, а сам отправился следом. Девушка шла между ним и Цоаем. Брошенная лошадь уныло заржала, а затем принялась медленно щипать пучки травы.

Взошли обе луны, и их свет начал разгонять тени. Тревис не боялся нападения с земли, ведь их охраняли

койоты. Тем не менее он не сбавлял шага и не разговаривал. Но когда они достигли небольшого горного ручья и остановились, чтобы умыться и напиться воды, Тревис спросил:

— Почему ты ушла от своего народа, дочь Волка?

— Мое имя Кайдесса, — поправила женщина.

Ее серьезный вид развеселил Тревиса.

— Ты видишь Цояя. Он из племени апачей. А я — Лис, — он назвал эквивалент английского звучания своего имени.

— Апачи, — она попыталась повторить слово с таким же акцентом, что и Тревис. — А кто такие апачи?

— Американские индейцы, — объяснил он, — но ты не ответила на мой вопрос, Кайдесса. Почему ты убежала от своего племени?

— Не от племени, — ответила она, решительно потрянув головой. — От тех, других. Это словно... О! Как же мне объяснить, чтобы вы поняли?

Она беспомощно воздела руки к небу. Капли воды стекали ей в рукава, но она не замечала этого.

— Есть мое племя, принадлежащее Золотой Орде, хотя мы не всегда были племенем. Иногда у меня в памяти всплывают обрывки моей прошлой, другой жизни. Но есть люди, которые живут в небесном корабле. Они используют машины, поэтому мы думаем то, что они заставляют нас думать. Но почему, — она внимательно посмотрела на Тревиса, — мне хочется рассказать вам все это? Странно. Вы говорите, что вы американские индейцы. Значит, мы — враги? Моя память подсказывает мне, что мы... мы...

— Послушай, — перебил ее Тревис, — апачи и Золотая Орда не враги здесь и сейчас, неважно, кем там мы были в прошлом.

Это было чистой правдой. Насколько помнил Тревис, представители его народа были выходцами из Азии.

Поэтому эта женщина с каштановыми волосами и серыми глазами, которую перенесли в прошлое, точно так же, как и их с помощью редакса, вполне могла оказаться его дальней родственницей.

— Вы... — пальцы Кайдессы на мгновение коснулись руки Тревиса, — вас тоже послали к звездам. Разве не так?

— Так.

— Вами тоже управляют?

— Нет. Мы свободны.

— Но как же вы обрели свободу? — жестко спросила она.

Тревис заколебался. Ему не хотелось рассказывать о разбитом звездолете и о том, что люди его племени не имеют достаточной защиты против колонистов, контролируемых русскими.

— Мы ушли в горы, — уклончиво ответил он.

— Машина, которая контролировала вас, сломалась, — засмеялась Кайдесса. — Ах! Они такие могучие, эти люди машин. Но как же они ничтожны и слабы, когда их машины перестают им подчиняться.

— Так было с твоим лагерем? — осторожно спросил Тревис. Он не был достаточно уверен, что она имеет в виду, и не решался расспрашивать более подробно, боясь обнаружить свое невежество.

— Дело в том, что их машина действует лишь на определенном расстоянии. Они обнаружили это в первый день высадки, когда некоторые охотники ушли в лес и не вернулись. С тех пор, когда охотники отправляются на разведку земель, их всегда сопровождает флаер с машиной на борту. Теперь никто не может сбежать. Но мы теперь знаем! — Пальцы Кайдессы сжались в маленькие кулачки. — Да, теперь мы знаем, что воздействия машин можно избежать. И в этом наша свобода. Мы придумали план. И вот девять или десять ночей

назад те, другие, были очень взбудоражены. Они собрались на своем корабле возле машин. На какое-то время их машины полностью вышли из строя. Джагатай, Кучар, мой брат Хулагур, Менлик... — она продолжала называть имена, загибая пальцы, — они захватили табун лошадей и ускакали.

— А ты?

— Я тоже должна была уехать с ними. Но Алджар, моя сестра и жена Кучара... подходил ее срок. Бешеная скачка убила бы ее и ребенка. И я осталась. В ту же ночь родился ее сын. Но машины вновь заработали. Мы потеряли свой шанс, — она прижала ко лбу сжатые кулачки. — Мы знаем только, что стоит нам достичь гор, и мы встретим наших соотечественников, которые уже обрели свободу.

— Но ты здесь. Как тебе удалось бежать? — хотел знать Цоай.

— Они знали, что я сбежала бы, если б не Алджар. Они сказали, что заставят ехать Алджар, если я не покажу им дорогу к моему брату и остальным. Я знала, что должна взять в руки меч долга и выйти на охоту с ними. Но я молилась, чтобы высшие силы смилостивились надо мной, и они послали мне помощь... — В ее глазах светилось удивление. — Когда мы были на равнине, достаточно далеко от поселения, на командира поискового отряда напал травяной бес, и тот потерял мысленный контроль надо мной. Я ускакала. Лишь небеса знают, как я мчалась. Те, другие, не умеют так управлять лошадьми, как люди Волка.

— Когда это случилось?

— С тех пор сменилось три солнца.

Тревис произвел мысленные расчеты. Время поломки машин в лагере русских совпадало со временем крушения американского звездолета. Была ли между этими двумя событиями какая-то связь? Возможно. Призем-

ляющийся звездолет вполне мог вступить в бой с кораблем русских, прежде чем он рухнул на землю по другую сторону горного хребта.

— Ты знаешь, где именно прячутся беглецы?

Кайдесса покачала головой:

— Я только знаю, что должна двигаться все время на юг, а когда достигну самого высокого пика, развести сигнальный костер на северном склоне. Но я не могу сделать этого сейчас, так как люди на флаере могут его заметить. Я знаю, что они идут по моему следу. Я видела их уже дважды. Послушай, Фокс, я хочу попросить тебя об одолжении. Я — Кайдесса, старшая дочь хана. Я верю, что ты такой же храбрый воин, как и мы. Возможно, машина, которая нами управляет, не имеет влияния на тебя, ведь ты никогда не попадал под ее чары, и в тебе не течет наша кровь. Если они подойдут близко и пошлют сигнал, сигнал, которому я должна повиноваться как рабыня, привязанная к лошади, свяжи меня и не отпускай, как бы я ни сопротивлялась. Это ведь буду не я. А я настоящая не хочу подчиняться приказам этой машины. Можешь ли ты поклясться огнем, который изгоняет демонов, что сделаешь это?

В ее просьбе сквозило такое отчаяние, что Тревис поверил в реальность опасности. Но права ли она насчет того, что он может противостоять машине русских? Проверять предположение девушки ему совсем не хотелось.

— Я не могу клясться вашим священным огнем, но поклянусь тропой молнии. — Тревис сжал пальцы, словно хотел обхватить кусок обугленного молнией дерева, который его народ почитал как священное. — Я клянусь этим!

Девушка долго смотрела на него, а потом удовлетворенно кивнула.

Они покинули ручей и вновь направились к горам, чтобы выйти к ущелью. В темноте раздалось глухое ворчание, которое заставило их немедленно остановиться. Нагинлта предупредил, что впереди поджидает опасность, и нешуточная.

Свет двух лун создавал странное сочетание света и тени. Впереди в темноте мог поджидать кто угодно, начиная с четвероногого хищника и кончая вооруженным отрядом. Одна из теней шевельнулась. Наликидью прижалась своим теплым телом к ногам Тревиса, привлекая его внимание к тени, находящейся примерно в ста метрах впереди. Там было довольно большое пятно, которое могло спрятать противника. Именно об этом пыталась сказать Тревису самка койота с помощью безмолвного контакта.

Но что бы там ни пряталось впереди, оно начало проявлять нетерпение после того, как люди перестали двигаться вперед, получив предупреждение койотов.

— Слева от тебя... за этим острым выступом... в тени...

— Ты видишь? — спросил Цоай.

— Нет. Но мба`а видят.

Мужчины приготовили свои луки и стрелы. Но в темноте такое оружие было практически бесполезным, разве что зверь вышел бы на один из освещенных лунной участков.

— Что случилось? — спросила Кайдесса шепотом.

— Кто-то поджидает нас впереди.

Прежде чем Тревис остановил ее, Кайдесса вложила в рот два пальца и пронзительно свистнула. В тени что-то зашевелилось. Тревис пустил стрелу, а вслед за ним и Цоай. В тот же момент раздался вопль, такой ужасный, что Тревис вздрогнул. Однако его испугал не сам крик, а мысль, что за скалой мог прятаться человек.

Существо выбежало в полосу лунного света. Его серебристое тело на двух конечностях было величиной с

человеческое. Самое ужасное во всем этом было то, что существо поднялось на задние конечности и передними лапами начало сбивать стрелы, застрявшие у него в плече на уровне головы. Человек? Нет! Но в нем тем не менее было что-то человеческое, и от этого мороз пробежал по коже у всех троих.

Один из четвероногих охотников бросился вперед и попытался схватить существо за лапу. Оно вновь завопило и попыталось ударить койота передней лапой, но тот сумел увернуться. Нагинлта и Наликидью начали кружить вокруг животного, давая людям возможность выстрелить еще раз.

Апачам пришлось выпустить около дюжины стрел, прежде чем животное упало, а Нагинлта вцепился ему в горло. Но в тот же момент койот взвизгнул и отскочил. Умиравший зверь все же успел ударить койота когтистой лапой, оставив у того на голове кровоточащую рану. Когда животное наконец затихло, Тревис решил подойти поближе и рассмотреть добычу. Этот запах...

Эта вонь, как и орнамент на куртке Кайдессы, пробудила в Тревисе воспоминания из его прошлой жизни на Земле. Где и когда он встречал этот запах? Тревис связывал его с темнотой и страхом. Вдруг он охнул.

Он вспомнил два других мира, которые некогда были частью погибшей звездной империи и на которых он побывал два планетарных года назад! Такие же звери обитали в темноте на пустынной планете, куда Тревис приземлился со своими товарищами. Происхождение этих зверей так и не было установлено. Были ли они дегенерировавшими предками некогда разумных существ? Или же они были животными, сродни человеку, но все же животными?

Человекообразные существа охраняли ночь в пустынном мире. Затем они встретились снова, и тоже в темноте, на руинах разрушенного города, который

был конечной целью того звездолета. И так, они были частью исчезнувшей цивилизации. Подозрение Тревиса в отношении Топаса подтвердилось. Этот мир не был пустым для давно канувших в Лету космических путешественников. У этой планеты было свое особое предназначение, иначе этот зверь не обитал бы здесь.

— Дьявол! — с гримасой отвращения воскликнула Кайдесса.

— Тебе известно это животное? — спросил Цоай Тревиса. — Кто это?

— Я не знаю, как оно называется. Оно осталось со времен империи звездного народа. Я видел таких же на двух других планетах.

— Человек? — Цоай критически осмотрел тело. — На нем нет одежды и оружия. Но ходит он прямо. Очень похож на обезьяну, очень большую обезьяну. Думаю, оно опасно.

— Если они охотятся группой, как на других планетах, то они действительно могут быть очень опасны.

Тревис вспомнил, как эти существа атаковали их на другой планете, и с опаской огляделся по сторонам. Даже находясь под защитой койотов, они не смогли бы противостоять группе таких существ, окружающих их в темноте. Людям необходимо выбрать надежное место и переждать там остаток ночи.

Нагинлта привел их к нависающей скале, где они могли укрыться. Пространство вокруг прекрасно просматривалось, и люди, при случае, могли воспользоваться своими луками. Койоты лежали при входе в убежище, положив морды на передние лапы. Тревис был уверен, что они узнают о приближении врага задолго до его появления.

Трое путников прижались друг к другу. Кайдесса разместилась между Тревисом и Цоаем. Все трое внимательно прислушивались к звукам ночи. Их сердца

начинали бешено колотиться при малейшем шорохе или треске. Затем они начали медленно успокаиваться.

— Будет лучше, если двое будут спать в то время, как один останется сторожить, — предложил Тревис, — ведь утром нам предстоит долгий путь.

Мужчины начали дежурить по очереди. Монголка, которая сначала было возражала, вскоре погрузилась в тяжелый сон. На рассвете очередь дежурить выпала Тревису. Делать было нечего, и он начал размышлять о том существе, которое они убили. В двух первых случаях он встретил эти существа на руинах древней империи. Были ли такие руины и здесь? Ему захотелось узнать это наверняка. С другой стороны, монгольское поселение, контролируемое русскими, могло представлять собой помеху. Тревис несколько не сомневался в том, что стоит только русским узнать о существовании лагеря апачей, как они не замедлят убить или пленить его обитателей. Следовало предупредить апачей как можно быстрее.

Девушка зашевелилась и подняла голову. Тревис бросил на нее беглый взгляд, но заинтересовался выражением ее лица. Она смотрела прямо перед собой ничего не выражающим взглядом, словно пребывала в трансе. Затем она поднялась и двинулась в сторону от скалы.

— Что?.. — Цоай мгновенно проснулся. Но Тревис уже действовал. Он рванулся вперед и схватил Кайдессу за плечо.

— Что случилось? Куда ты идешь? — спросил он.

Девушка не отвечала. Казалось, она даже не слышала вопроса. Тревис схватил ее за руку, но та попыталась высвободиться. Когда Тревис сжал ее крепче, она продолжала сопротивляться, хотя и не так активно, как при их первой встрече. При этом она постоянно порывалась идти вперед.

Принуждение! Он вспомнил ее призыв о помощи прошлой ночью. Тревис немедленно догнал ее и схватил за руки. Девушка вырывалась, не обращая внимания на самого Тревиса, словно он был лишь препятствием на пути к какой-то невидимой цели.

Глава 7

— Что случилось? — Цоай подскочил к извивающейся девушке. Теперь она вырывалась настолько сильно, что Тревис с трудом удерживал ее.

— Думаю, что машина, о которой она нам рассказывала, зовет ее. Она тянет ее за собой, словно быка за веревку.

Оба койота поднялись и с интересом наблюдали за этой сценой. Они вели себя совершенно спокойно, из чего Тревис сделал вывод, что опасности поблизости нет. Что бы там ни оказывало влияние на Кайдессу, на койотов оно не действовало. Апач также ничего не чувствовал. Должно быть, Кайдесса была права, предполагая, что только ее народ подчиняется воле машины. Как далеко эта машина находилась? Судя по всему, не очень близко, иначе койоты почувствовали бы человека, который ею управлял.

— Она не может идти с нами в таком состоянии, — промолвил Цоай, — разве что нам связать ее и нести. Она — одна из них. Почему бы не отпустить ее? Или ты боишься, что она расскажет про нас?

Цоай положил руку на рукоятку своего ножа. Тревис прекрасно понимал, какие чувства движут юношей. В древности пленника, причинявшего беспокойство, убивали без разговоров. Сейчас в сознании Цоая всплыли воспоминания об этом обычае. Тревис отрицательно покачал головой.

— Она сказала, что ее собратья прячутся в этих горах. Нельзя допустить, чтобы за нами охотились сразу две волчьи стаи. — Тревис старался пробудить в юноше инстинкт самосохранения. — Но ты прав. Пока она старается отвечать на этот призыв, мы не можем вести ее за собой. Поэтому ты пойдешь назад. Расскажи Оленю обо всем, пусть он примет меры предосторожности против этих беглецов монголов и русских.

— А ты?

— Я останусь и попытаюсь выяснить, где скрываются эти беглецы, и выяснить все, что можно, об их поселении. Нам могут понадобиться союзники...

— Союзники! — Цоай презрительно сплюнул. — Индейцы не нуждаются в союзниках! Мы сами можем защитить себя. Пинда-лик-о-йи уже убедились в этом!

— Луки и стрелы против пистолетов и машин? — с горечью возразил Тревис. — Нужно узнать больше, прежде чем хвастаться своими достижениями. Расскажи Оленю все, что знаешь. Скажи также, что я присоединюсь к вам... — Тревис задумался, — через десять солнц. Если я не приду, не ищите меня. Клан слишком мал, чтобы рисковать многими жизнями ради одной.

— А если эти русские возьмут тебя в плен?

Тревис злобно оскалился:

— Они ничего не узнают! Разве их машины смогут прочитать мысли мертвеца?

Конечно, он не хотел думать, что его жизнь может оборваться так внезапно, но и стать легкой добычей русских он не хотел.

Цоай взял свою часть рациона и отказался от сопровождения койотов. Тревис уже давно понял, что, несмотря на всю свою любовь к животным, Цоай не испытывал особой симпатии к койотам, так же как и Деклай со своими единомышленниками. Цоай отправился в путь на рассвете.

Тревис сел рядом с Кайдессой. Они с Цоаем привязали ее к небольшому дереву. Девушка продолжала вырываться, неудобно свернув голову набок. Судя по всему, машина, зовущая ее, не переставала работать ни на минуту. Она практически выбилась из сил. Тогда Тревис нанес ей сильный удар.

Она обмякла и затихла, и Тревис смог развязать ее. Теперь все зависело от радиуса действия этой дьявольской машины. Судя по поведению койотов, те, кто управлял машиной, не пытались приблизиться. Возможно, они даже ничего не знали об этом укрытии. Они могли просто сидеть и ждать, пока их пленник придет к ним. Тревис подумал, что, если он отнесет Кайдессу подальше от машины, рано или поздно она освободится от чужого влияния. Девушка была довольно тяжелой, но он мог нести ее какое-то время. Сгибаясь под тяжестью ноши, Тревис двинулся в путь, а койоты тут же умчались вперед.

Вскоре Тревис понял, что взвалил на себя непосильную задачу. Тропа была неровной, а девушка тяжелой, поэтому он еле тащился. В то же время у него было время, чтобы обдумать план дальнейших действий.

Пока русские господствуют по эту сторону гор, поселение апачей находится в опасности. Луки и ножи не идут ни в какое сравнение с современным вооружением. Обнаружение поселения апачей — всего лишь вопрос времени.

Апачам нужно уйти дальше на юг. Это позволит выиграть хоть какое-то время. Но это лишь отсрочит неизбежное. Тревис был совсем не уверен, что ему удастся убедить клан в своей правоте. Но с другой стороны, может, небесных надсмотрщиков можно как-то использовать в своих целях? Тревис уцепился за эту, показавшуюся ему привлекательной идею. Он начал вертеть ее в уме так и эдак, так же как Нагинлта теребит свою

добычу в поисках наиболее лакомых кусочков. Каждая частичка здравого смысла и благоразумия протестовала против такого подхода к делу. Ведь успех держался лишь на невероятности и невозможности. Но все же Тревис не оставлял свою кажущуюся бредовой идею.

Кайдесса на его спине пошевелилась и застонала. Тревис ускорил шаг, стараясь поскорее достигнуть скалы впереди них, за которой можно было укрыться от возможного наблюдения снизу. Тяжело дыша, он достиг скалы, положил девушку на землю и стал ждать.

Кайдесса снова застонала и поднесла руку к голове. Ее глаза были полузакрыты, и Тревис не мог определить, смотрит она на него осознанно или нет.

— Кайдесса!

Она с трудом подняла отяжелевшие веки. Теперь у Тревиса не было ни малейшего сомнения: она видела его. Однако, казалось, не узнавала. В ее глазах были удивление и испуг, совсем как во время их первой встречи.

— Дочь Волка! — медленно, но настойчиво произнес он. — Вспомни!

Она нахмурилась, и на ее лице отразилась внутренняя борьба. Затем она выговорила:

— Ты... Лис...

Тревис вздохнул с облегчением. Напряжение отпустило. Значит, память вернулась к ней.

— Да! — довольно ответил он.

Кайдесса оглядывалась по сторонам, и ее удивление росло.

— Где мы?

— Высоко в горах.

Теперь удивление сменилось страхом.

— Как я попала сюда?

— Я принес тебя.

Тревис рассказал о том, что произошло ночью. Рука Кайдессы переместилась ото рта к губам. В панике она начала кусать пальцы, глаза округлились от ужаса.

— Теперь ты свободна, — сказал Тревис.

Кайдесса кивнула.

— Ты унес меня от охотников. Разве машина не действует на тебя?

— Я ничего не слышал.

— Тебе не нужно ничего слышать. Ты должен чувствовать! — она вздрогнула. — Пожалуйста, — она взялась за камень, лежавший рядом с ней, и тяжело поднялась, — пойдём... пойдём быстрее! Они попытаются снова! Нужно уйти как можно дальше!

— Послушай, — Тревису важно было выяснить одну вещь, — они могут как-то узнать, что ты была под их контролем, а потом сбежала?

Кайдесса покачала головой, ее вновь охватила паника.

— Тогда будем просто продолжать свой путь. И постарайся не попадать больше в поле действия машины.

«И подальше на юг», — добавил он про себя. Ему не хотелось, чтобы противник узнал о месторасположении его племени. Поэтому они должны идти на запад или спрятаться где-нибудь, пока окончательно не убедятся, что Кайдесса вышла из-под влияния этой машины или что они ушли далеко за пределы радиуса ее действия. У них было два исхода: либо повстречаться с родичами Кайдессы, либо попасть в лапы к человекообразным существам. До наступления темноты им предстояло найти место для стоянки.

Они нуждались в воде и еде. У Тревиса в вещмешке находилось около полудюжины порций концентрата, а койоты могли обнаружить воду.

— Идем! — позвал Тревис Кайдессу, указав ей двигаться впереди него. Он не хотел пропустить момент,

когда машина вновь подчинит ее волю. Однако утренний марш-бросок не прошел для Тревиса даром. Он стал уставать и не поспевал за идущей впереди Кайдессой. Время от времени один из койотов, как правило, Наликидью, появлялся в поле его зрения и проявлял нетерпение, а затем вновь убегал вперед. Апач понял, что животные чем-то обеспокоены, однако они не отвечали на мысленные попытки Тревиса получить какую-либо информацию. Они также не сообщали о прячущемся хищнике или человеке, но Тревиса не оставляло чувство, что ему надо быть начеку, и он внимательно осматривал местность.

Они уже несколько минут взбирались по выступу скалы, когда Тревис заметил, что вокруг все выглядит как-то странно. Сначала он заметил эти странности своим натренированным взглядом и только потом попытался объяснить происходящее с точки зрения археолога. Возможно, изначально этот пролом в скале и образовался естественным путем, но впоследствии он был обработан инструментами, углублен, а неровности сглажены. Сомнений не оставалось: это была искусственная дорога, сделанная разумными существами.

Тревис схватил Кайдессу за плечо, чтобы она немного замедлила шаг. Ему не хотелось разговаривать громко, и он не мог объяснить почему. Просто чувствовал, что нужно молчать. Девушка удивленно обернулась. Но еще больше она удивилась, когда Тревис присел на корточки и провел рукой по бороздам, оставленным древними инструментами. Он был уверен, что эти следы были очень древними. Внутри него зашевелилось предчувствие. Для сооружения такой дороги потребовались немалые усилия, а это значит, что она ведет к чему-то важному. Он был на пороге открытия! Так вот что влекло его в эти горы.

— Что это? — Кайдесса присела рядом с ним, непонимающе озираясь.

— Эта дорога была сделана человеком, и очень давно, — шепотом объяснил Тревис и сам себе удивился. Ведь не могли же его слышать строители этой дороги: между ними и Тревисом лежали тысячелетия. Девушка оглянулась. Она была слишком взволнована ощущением, что время здесь сжалось и прошлое может встретиться с настоящим. А может, это чувство было навеяно их нынешним положением?

— Кто эти люди? — Кайдесса тоже понизила голос.

— Послушай, — Тревис внимательно посмотрел на девушку, — твой народ или русские... нашли они здесь что-нибудь, какие-то остатки древней цивилизации?

— Нет. — Она наклонилась и дотронулась рукой до поверхности дороги. — Но мне кажется, они что-то искали. Еще до того, как они обнаружили, что мы можем быть свободны, они посылали людей моего племени якобы на охоту. Но потом очень подробно расспрашивали об увиденном. Но они никогда не спрашивали о руинах. Неужели они хотели найти именно их? Какая польза от камней, нагроможденных друг на друга?

— От камней — никакой, разве что знания о людях, которые делали из них постройки. Но эти камни могут содержать то, что очень ценно.

— А откуда ты знаешь, что они могут содержать, Фокс?

— Потому что я видел дома звездных людей, — задумчиво ответил Тревис. Для него эти неприметные следы значили очень много. Он обязательно должен выяснить, куда ведет эта дорога. — Давай посмотрим, куда эта дорога приведет нас.

Тревис четырежды пронзительно свистнул. Темно-серые шкуры койотов показались из-за кустарника, об-

рамлявшего края дороги. Звери уставились на Тревиса, ожидая его приказа.

Впереди могли быть руины, по крайней мере, Тревис на это надеялся. Но на других планетах подобные руины оказывались смертельными ловушками, и только счастливый случай спас исследователей от неминуемой смерти. Если в руинах притаились человекообразные или другие опасные существа, койоты обязательно предупредят его.

Оба койота развернулись и бросились вперед, мгновенно скрывшись из виду за изгибом дороги. Тревис и Кайдесса последовали за ними.

Они услышали, а затем и увидели водопад. Он был не очень большой, но высокий. Выйдя из-за поворота, они немедленно оказались в тумане брызг и радуг, образованных солнечными лучами. Они остановились, очарованные красотой увиденного. Кайдесса тихонько вскрикнула и протянула руки к перламутровому туману. Когда ее ладони покрылись тысячами блестящих капелек, девушка поднесла их к губам, чтобы выпить собранную жидкость.

Вода падала на камни и делала их невероятно скользкими. Тревис, опасаясь, что Кайдесса упадет, отвел ее подальше от края провала. Насколько он понял, дорога проходила под стеной падающей воды. Но путешествие по скользким камням представлялось Тревису весьма рискованным. Прижимаясь спинами к скале, они осторожно ступали по зыбкой тропинке. Миновав водопад, они вновь оказались в окружении радуг и водяной пыли. Здесь предусмотрительная природа, а может, древние умельцы соорудили каменную чашу, которая была до краев наполнена водой. Путники напились. Затем Тревис наполнил флягу, а Кайдесса стала умываться, набирая полные пригоршни воды и опрокидывая их на лицо.

Девушка что-то говорила, но Тревис не слышал ее за шумом воды. Она подошла ближе и прокричала:

— Это место духов! Ты тоже чувствуешь их силу, Фокс?

Ему показалось, что он действительно что-то чувствует. Это было место водопоя, непрерывного, вечно-го водопоя. А для него, уроженца пустыни, вода была даром духов, и он не мог воспринимать ее как нечто само собой разумеющееся. Радуга — священный знак духов. В памяти Тревиса всплыли древние легенды.

— Я чувствую, — торжественно произнес он.

Они двинулись дальше по высеченной в скале дороге, пока не наткнулись на оползень, преградивший дорогу. Тревис осторожно начал переход через холм осыпавшейся земли, а Кайдесса следовала за ним. Пройдя этот опасный участок, они оказались на пути, который вел к лестнице. Ступени были очень старые и порядком попорчены непогодой. Лестница была наклонена под таким острым углом, что Тревису показалось, что предназначена она была вовсе не для человеческих ног. Лестница привела его и Кайдессу к расселине, которую венчала каменная арка. Тревису даже показалось, что он видит на камне какое-то изображение, но оно было так изъедено временем и ветрами, что теперь его очертания лишь слабо проступали на стене.

Расселина была входом в другую долину. Здесь также висел золотистый туман, который наполовину скрывал очертания долины. Однако Тревис не смог разглядеть никаких руин. Наконец он нашел то, что искал. Но строения были целыми, совершенно нетронутыми временем.

Туман накатывал волнами, то скрывая, то обнажая очертания четырех круглых башен с расположенными в их стенах овальными оконцами. Однако Тревис не увидел ни трещин на стенах, ни растительности, ниче-

го, что свидетельствовало бы о древнем возрасте зданий. Кроме того, архитектура не была похожа ни на что ранее виденное им на других планетах.

Тревис ступил на дорогу, ведущую к дверному проему. Дорога была вымощена желтыми и зелеными плитами, уложенными в шахматном порядке. Плиты были также абсолютно нетронуты временем, лишь кое-где виднелись кучки земли, нанесенной ветром. И здесь Тревис не увидел никакой растительности.

Башни были построены из того же зеленого камня, что и плиты на дороге. Камень был таким блестящим, что Тревис почему-то подумал о нефрите, если только можно было добыть нефрит в таких количествах, чтобы хватило на постройку пятиэтажных башен.

Наликидью мягко ступала рядом с Тревисом, так что он слышал легкое постукивание ее когтей по плитам. Это место окутывала такая тишина, что казалось, сам воздух поглощает и глушит малейшие звуки. Ветер, сопровождавший путников все это время, пропал, едва только они ступили в эту долину.

Да, здесь существовала жизнь. Самка койота сообщила Тревису об этом в своей привычной манере. Однако она еще не совсем поняла, как к этому относиться. Осторожность боролась в ней с любопытством. Койоты подняли свои морды в направлении одной из башен. Окна находились довольно высоко над землей, в то время как на первых этажах их не было вообще. Тревис решил подойти поближе и осмотреть башни более внимательно в поисках входа. Туман и предупреждение Наликидью лишь вызвали в нем опасения. Он, стоящий на открытом месте, был слишком хорошей мишенью для того, кто мог прятаться за этими глубоко посаженными окнами.

Тишину прорезал гулкий звук. Тревис даже подпрыгнул от неожиданности и мгновенно схватился за нож.

Стук... опять... Грохот эхом отдавался в стенах башен. Кайдесса обернулась и закричала. Казалось, что каменные стены лишь усиливали звук. Затем она свистнула точно так же, как тогда, когда они встретили человекообразного зверя, подбежала к Тревису и схватила его за рукав. Ее лицо сияло.

— Это мои сородичи! Идем к ним!

Кайдесса потянула его за собой, а потом бросилась бежать, бесстрашно огибая одну из башен. Тревис бежал за ней, боясь потерять девушку в густом тумане. Они миновали три башни и выбежали на площадь. В этот момент туман слегка рассеялся, и их взору предстала вторая арка в двухстах метрах впереди. Казалось, металлический лязг притягивает Кайдессу словно магнитом. Тревису ничего не оставалось делать, как следовать за ней. Койоты не отставали ни на шаг.

Глава 8

Они прорвались сквозь последнюю полосу тумана и попали в дикое переплетение высокой травы и кустов. Тревис услышал предупреждение койотов, но было слишком поздно. Откуда-то вылетела, вращаясь, кожаная петля, опоясала его торс, прижав тем самым его руки к телу. Петля опрокинула Тревиса на землю и потащила за бегущей галопом лошадей. Один из койотов подпрыгнул высоко над землей и вцепился в гриву лошади. Тревис дрыгал ногами, безуспешно пытаясь подняться. Тем временем лошадь встала на дыбы, не подчиняясь всаднику, который пытался ее усмирить. Сквозь шум Тревис слышал пронзительный крик Кайдессы, но не мог разобрать ни слова.

Тревис стоял на коленях, чихая от пыли и напрягая все свои мышцы, чтобы хоть немного ослабить аркан, накинутый на него. Рядом с ним металась вокруг лоша-

дей койоты, не давая им ни на миг успокоиться. Возбужденные лошади гарцевали, не давая возможности своим седокам воспользоваться веревкой или ножом.

Кайдесса пробежала между лошадьми и вцепилась в аркан, стягивающий руки Тревиса. Ей удалось ослабить путы, и Тревис смог вдохнуть воздух полной грудью. Кайдесса продолжала кричать, но теперь уже это больше смахивало на брань.

Тревис поднялся на ноги как раз в тот момент, когда всадник, накинувший на него аркан, усмирив наконец лошадь и спешил. Держа конец аркана в руке, всадник подошел к Тревису.

Монгол был ниже, чем Тревис, с моложавым лицом. Верхнюю губу обрамляли тонкие черные усы. Его штаны были заправлены в высокие красные сапоги. Просторная куртка, украшенная тем же узором, что и на куртке Кайдессы. Несмотря на жару, монгол носил отороченную мехом шапку с пурпурно-золотыми узорами.

Все еще не выпуская из рук аркан, монгол подошел к Кайдессе и, прежде чем задать вопрос, оглядел ее с головы до ног. Она нетерпеливо дернула за веревку. Койоты заворчали, но Тревис понял, что койоты больше не считают опасность серьезной.

— Это мой брат Хулагур, — объяснила Кайдесса, — он не понимает твоего языка.

Хулагур не только не понимал, о чем идет речь, но и проявлял некоторое нетерпение. Он вновь дернул за аркан с такой силой, что Тревис едва не упал. Кайдесса в свою очередь потянула аркан на себя и разразилась проклятьями. Услышав перебранку, к ним подошли остальные.

Тревису удалось освободить плечи, но сбрасывать с себя аркан окончательно он не стал и начал внимательно осматривать монголов. Кроме Хулагура, его окружали еще пятеро мужчин. Все они были худоща-

вы, с жестким выражением лица и узкими глазами. Поизносившаяся одежда была залатана кусочками кожи. Кроме мечей с изогнутыми лезвиями, каждый мужчина был вооружен двумя луками: длинным и коротким. У одного из всадников было копье, из-под наконечника которого свисали длинные пряди волос. Словом, перед Тревисом стоял воинственно настроенный отряд древних татаро-монголов. Однако апач понял, что в равном бою индейцы не только могут сразиться с монголами, но и победить их.

Апачи никогда не были безрассудными воинами, подобно шайенам, сиу или команчам. Апачи всегда применяли засады-ловушки. А любые преимущества местности использовали в качестве оружия или защиты. Пятнадцать апачей под предводительством Джеронимо целый год продержали в степи пять тысяч американских и мексиканских солдат и в конце концов вышли победителями.

Тревис слышал легенды о Чингисхане и его грозных военачальниках, которые шли через всю Азию в Европу и не потерпели ни одного поражения. Но это были набеги дикой волны, которая черпала людские ресурсы из бескрайних степей. Тревис сомневался, что это бесконечное море людей сможет захватить земли Аризоны, охраняемые апачами под предводительством таких вождей, как Кочиз, Викторио или Мангос Колорадос.

Правда, белым удалось это сделать, но лишь потому, что они превосходили индейцев в оружии. Но лук против лука, нож против меча, ловкость и хитрость против такой же ловкости и хитрости... Вряд ли монголы смогут победить.

Хулагур отбросил аркан, а Кайдесса ослабила петлю, и веревка упала к ногам Тревиса. Апач перешагнул ее и, пройдя между двух всадников, поднял свой лук, который обронил. Койоты не отставали от него,

а когда он обернулся, они начали оттеснять его в сторону выхода из долины.

Монголы тоже не сводили глаз с Тревиса, а воин, у которого была пика, поигрывал ею, словно раздумывая, не проткнуть ли чужака. Но в этот момент к Тревису подошла Кайдесса, таща за собой Хулагура.

— Я все ему рассказала, — обратилась она к Тревису, — я рассказала, что произошло и что ты — враг тех, кто за нами охотится. Думаю, будет лучше, если вы сядете у костра и обсудите все это.

Откуда-то издали вновь раздался грохот и прервал речь девушки.

— Ты сделаешь это? — полуутвердительно спросила девушка.

Тревис огляделся. Он подумал, что успеет добежать до стены золотистого тумана прежде, чем монголы достигнут его. В то же время он понимал, что если ему удастся заключить перемирие с монголами, то его людям останется охранять лагерь лишь от русских. Из истории Тревис помнил, что война на два фронта никогда не доводила до добра.

— Я пойду, но понесу это. И никаких арканов!

Тревис выразительно потряс луком, чтобы Хулагур понял смысл сказанного. Сматывавший аркан монгол перевел взгляд с лука на Тревиса. Он помедлил и с видимой неохотой согласно кивнул. По знаку Хулагура к апачу подъехал один из всадников и жестом пригласил его сесть к нему на лошадь. Кайдесса уселась на коня позади брата. Тревис посмотрел на койотов. Они, по-прежнему не шелохнувшись, стояли возле дверного проема и не делали ни малейшей попытки последовать за ним. Он помахал им рукой и позвал.

Подняв морды, они наблюдали, как Тревис уходит вместе с монголами. Затем, не ответив на его призыв, развернулись и исчезли в тумане. В какое-то мгнове-

ние Тревис почувствовал страстное желание броситься вслед за койотами, рискуя вновь быть пойманным арканом. И это поразило его. Он даже и не подозревал, как сроднился с этими животными и привык во всем полагаться на них. Вообще-то Тревиса Фокса нельзя было назвать человеком, который подчиняется желаниям и приказам мба`а, какими бы разумными они ни были. Это было уделом людей, а койотам здесь не было места.

Спустя полчаса Тревис уже сидел в лагере монголов. Он насчитал пятнадцать мужчин, шесть женщин и двух детей. На пригорке возле их юрт, не сильно отличавшихся от вигвамов его народа, находился примитивный барабан, обтянутый кожей. Около него стоял мужчина, на котором была надета высокая остроконечная шапка, красный халат, подпоясанный шнурком, на концах которого висели маленькие косточки, крошечные черепа животных и отполированные кусочки камня и резные деревянные фигурки. Именно усилиями этого человека создавались звуки, оглашавшие окрестности. Было ли это сигналом или частью ритуала? Этого Тревис не знал, но он догадался, что этот человек был либо знахарем, либо шаманом, а стало быть, имел немалую власть. Обычно таким людям приписывают способность не только предсказывать будущее, но и разговаривать с духами. По крайней мере, так было во времена великих орд.

Тревис попытался оценить остальных людей. Как и его собственные собратья, эти люди имели между собой много общего, прежде всего все они были молоды и полны энергии. Было ясно, что Хулагур здесь отнюдь не последний человек, а может, и вождь.

После того, как смолкло эхо последнего удара барабана, шаман заткнул палочки за пояс и спустился к костру. Он был несколько выше своих соплеменни-

ков и худ как жердь. Лицо гладко выбрито, а брови, изогнутые от природы, придавали его лицу скептическое выражение. Позвякивая своей коллекцией амулетов, шаман встал напротив Тревиса и принялся внимательно изучать его. Апач спокойно встретил этот взгляд, и теперь их молчание напоминало дуэль двух сил воли. В узких зеленых глазах шамана было нечто такое, из чего Тревис понял, что если Хулагур и был вождем этих людей, то в лице шамана он имел очень умного и решительного советника.

— Это Менлик, — раздался голос Кайдессы, хотя сама она не посмела растолкать мужчин и подойти к костру.

Хулагур цыкнул на сестру, но его замечание не произвело на Кайдессу ни малейшего впечатления, и она что-то резко ответила ему. Но тут рука шамана взметнулась вверх, заставив замолчать обоих.

— Ты — кто? — как и Кайдесса, шаман говорил по-английски с сильным акцентом.

— Я Тревис Фокс из племени апачей.

— Апачи, — повторил шаман, — ты с Запада, с американского Запада.

— Ты много знаешь, человек, говорящий с духами.

— Вспомнил. Временами ко мне приходят воспоминания, — рассеянно ответил Менлик. — Как же апачи нашли дорогу сюда среди звезд?

— Так же, как Менлик и его люди, — ответил Тревис, — вас послали сюда, так же как и нас, чтобы основать здесь поселение.

— И много вас? — быстро спросил Менлик.

— А разве в Орде мало народа? Разве достаточно послать на чужую планету одного, трех, четырех человек? — отпарировал Тревис. — Вы держите север, а мы — юг этой планеты.

— Но на них не действует машина! — встряла в разговор Кайдесса. — Они свободны!

Менлик неодобрительно посмотрел на девушку.

— Женщина, это дело воинов. Держи язык за зубами!

Девушка топнула ногой и подбоченилась.

— Я — дочь Голубого Волка. Мы все здесь воины: и мужчины, и женщины. И так будет, пока Орда не станет свободно кочевать по здешней земле. Эти люди получили свободу, и нам неплохо бы узнать, как они это сделали!

Выражение лица Менлика не изменилось. Он лишь прикрыл глаза, когда среди монголов послышался гул одобрения. Многие из них знали английский достаточно хорошо и могли перевести сказанное другим. Тревиса это несколько удивило. Возможно, эти люди, ведущие полудикий образ жизни своих предков, были хорошо образованны, настолько хорошо, что понимали язык людей, которых их надсмотрщики считали своими врагами.

— Значит, вы кочуете к югу от гор? — продолжил расспросы шаман.

— Это правда.

— Тогда зачем ты пришел сюда?

Тревис пожал плечами:

— А зачем люди путешествуют в поисках новых земель? У всех есть желание узнать, а что же лежит за пределами...

— Или провести разведку перед нападением! — отрезал Менлик. — Между вашими правителями и нашими нет мира. Вы хотите забрать стада и пастбища Орды прямо сейчас или только собираетесь сделать это?

Тревис медленно обвел презрительным взглядом людей, стоявших вокруг.

— Так это твоя Орда, шаман? Пятнадцать воинов? Да, многое изменилось со времен Тимучина, не так ли?

— Что ты можешь знать о Тимучине? Ты, не имеющий предков, человек с Запада?

— Что я знаю о Тимучине? То, что он был вождем воинов и стал Чингисханом, одним из величайших повелителей Востока. Но у апачей тоже были вожди, кочевник безлюдных земель. Я был среди тех, кто промчался сквозь две нации вместе с Викторией, раскидывая врагов, как человек разбрасывает пыль по ветру.

— Ты болтаешь попусту, апач... — В голосе шамана зазвенели угрожающие нотки.

— Я говорю как воин, шаман. Или ты так привык общаться с духами, что забыл, как общаются с живыми людьми?

Тревис понимал, что только раздражает шамана своими резкими ответами, но считал, что правильно распознал характер этих людей. Разговаривать с ними открыто и без страха, только так можно произвести на них впечатление. Они не станут вести переговоры со слабым человеком. Он уже допустил ошибку, придя пешком на территорию людей, которые привыкли передвигаться верхом на коне. Кроме того, они совсем недавно обрели свободу и были еще слишком подозрительны. Ему во что бы то ни стало нужно убедить этих людей в том, что они разговаривают с равным, а потом убедить их в том, что апачи и монголы имеют общую цель: борьбу против русских, контролирующей территорию к северу отсюда.

В это время шаман достал из-за пояса резную палочку и начал размахивать ею, бормоча какие-то фразы, которых Тревис не мог разобрать. Неужели шаман настолько углубился в свое прошлое, что и впрямь поверил в свои сверхъестественные способности? А мо-

жет, он просто хотел произвести впечатление на собравшихся?

— Призываешь своих духов на помощь, Менлик? Апачи же дружат с га-н. Спроси Кайдессу, кто охотился с Фоксом в степи?

Эти слова подействовали на шамана, и его рука с палочкой замерла в воздухе. Шаман повернулся к девушке.

— Он охотился с волками, которые думают, как люди, — ответила Кайдесса на вопрос, который шаман не решался спросить в открытую. — Я видела, как они разведывали путь. Они не духи, а реальные существа!

— Человек может обучить собаку разным трюкам, — возразил Менлик.

— Но разве собака подчиняется приказам, которые не произносятся вслух? Эти коричневые волки подходили и садились рядом с ним, глядя ему в глаза. И он знал, о чем они думают, а они знали, что он им приказывает. Это совсем не похоже на дрессировку!

И вновь раздался гул голосов. Менлик нахмурился. Затем он вновь заткнул свою палочку за пояс.

— Если ты и впрямь такой могущественный, — медленно произнес шаман, — значит, ты один можешь отправиться туда, куда ходят говорящие с духами, — в горы.

Затем он обернулся и что-то проговорил на своем родном языке. Одна из женщин нырнула в юрту, а потом появилась с бурдюком и рогом в руках. Кайдесса взяла в руки рог, а женщина принялась наполнять его какой-то белой жидкостью.

Кайдесса передала рог Менлику. Тот завертелся вокруг себя, что-то бормоча и капая на землю понемногу жидкости. После этого отпил из рога, а затем передал его Тревису.

Апач почувствовал тот же кисловатый запах, что исходил из найденного им пустого бурдюка. И тут память подсказала ему происхождение этого запаха и этой жидкости. Это был кумыс — забродившее молоко кобылицы, которое было и вином, и водой степей.

Он заставил себя сделать глоток — вкус был незнакомым и малоприятным — и вернул рог шаману. Тот опустошил рог. На этом церемония была закончена. Жестом он указал на костер и котел, стоящий на углях.

— Отдыхай... ешь, — отрезал он.

Сгушалась ночь. Тревис прикинул, насколько далеко мог уйти Цоай. Должно быть, он уже миновал перевал. Теперь ему осталось лишь полтора дня пути, если он, конечно, не станет медлить. О местонахождении койотов Тревис не знал. Ясно было одно: ему придется остаться в лагере монголов на ночь. Ведь своим уходом он лишь возбудит подозрения, а этого он хотел меньше всего.

Теперь нужно подумать о еде. Тревис принялся подцеплять куски мяса лезвием своего ножа. Наконец, наевшись, он отсел от костра. В тот же момент рядом с ним опустился шаман.

— Кайдесса сказала мне, что, когда она оказалась во власти машины, ты ничего не почувствовал, — начал он.

— Те, кто управляет вами, — не мои хозяева. И их власть не касается меня. — Тревис от всей души надеялся, что это правда и что это не было случайностью.

— Может статься, что в наших жилах течет разная кровь, — согласился Менлик. — Скажи мне, как вы избавились от своих собственных уз?

— Машина, которая должна была контролировать нас, сломалась. — Тревис сказал только часть правды. Менлик шумно вздохнул.

— Машины! Всегда машины! — хрипло воскликнул он. — Вещи, которые сидят в голове человека и заставляют его действовать помимо его воли. Все это происки дьявола! Есть другие машины. Которые тоже нужно сломать, апач.

— Словами их не сломаешь, — ответил Тревис.

— Только глупец мчится навстречу опасности без надежды нанести единственный удар, прежде чем захлебнется кровью, — возразил Менлик. — Мы не можем бороться при помощи лука и сабли против машин, которые изрыгают огонь и убивают быстрее молнии! Кроме того, машины всегда могут заставить человека опустить свой нож и беспомощно дожидаться, пока на его шею оденут ошейник раба.

Выслушав, Тревис задал свой вопрос:

— Я знаю, что они могут доставить свою машину в горы. Я сегодня видел, какое действие оказала она на вашу девушку. Но ведь среди холмов есть много мест, где можно устроить засаду и оставить там тех, на кого машина не действует. Скажи, много ли у твоих хозяев таких машин?

Костлявая рука шамана заиграла палочкой. Затем его губы расплылись в хитрой улыбке. Теперь он напоминал кота на охоте.

— В этом казане мясо, апач, жирное мясо, которого хватит, чтобы наполнить пустой желудок. Людей, на которых не действует машина, конечно, можно посадить в засаду. Но не стоит забывать о приманке, хитроумный апач. Наши надсмотрщики никогда не заходили так далеко в горы. Их флаер не может летать здесь, а путешествия верхом они боятся. Бегство Кайдессы очень сильно разозлило их. Но все же они не решились заходить далеко, иначе вы не убежали бы с такой легкостью. Да, нужна очень хорошая приманка.

— Может, такой приманкой послужит известие о том, что по ту сторону гор находятся чужаки?

Менлик начал крутить свою палочку в руках. Улыбка сошла с его лица, и он бросил короткий проницательный взгляд на Тревиса.

— Ты восседаешь как хан в своем лагере?

— Я восседаю как тот, к кому прислушиваются. — Тревис надеялся, что так оно и есть. Он не был уверен, что Олень и его единомышленники удержат власть до его возвращения.

— Мы должны это обсудить, — проговорил Менлик, — твое предложение не лишено смысла. Да, это нужно хорошенько обдумать. Я подумаю...

Он встал и пошел прочь. Тревис смотрел на огонь. Он очень устал, но ему не улыбалась идея заснуть в этом лагере. Но его телу нужен отдых, к утру он должен восстановить силы. Не стоит показывать своего беспокойства, и тогда он, возможно, завоюет доверие Менлика.

Глава 9

Тревис сидел, прислонясь к выступу скалы. Он поднял правую руку с диском из блестящего металла и подставил ее под лучи солнца. Вспышка... еще одна... Тревис посылал сигнал с помощью зеркала. Так поступали его предки сто пятьдесят лет назад, чтобы сообщить о готовящемся нападении. Если Цоай добрался до лагеря в целости и если Олень ждет сигнала в условленном месте, то скоро его сородичи будут знать, что он возвращается, и не один. Теперь Тревис дожидался ответа, задумчиво полируя зеркало о рукав своей рубашки. Зеркало было наилучшим средством для подачи сигналов. Ведь дым от костра виден слишком далеко, в том числе и врагу. Должно быть, Цоай уже вернулся...

— Что это ты делаешь?

К нему подошел Менлик. Пола его шаманского халата приподнялась, так что обнажились темные штаны и сапоги. Вместе с Тревисом в путь отправились Кайдесса, Менлик и Хулагур. Тревису предложили маленького пони. Монголы все еще настороженно относились к апачу, но он был на них не в обиде за это.

— А...

Откуда-то сверху мелькнула вспышка света. Одна, вторая, третья, пауза, а затем еще две. Его заметили. Олень наверняка отправил ему навстречу отряд, и, зная повадки своего народа, Тревис был уверен, что монголы даже не заподозрят присутствия индейцев до тех пор, пока те сами не захотят показаться. Кроме того, монголы не пойдут прямо в лагерь, а встретятся с представителями индейцев в условленном месте. Еще не настало время монголам узнать, насколько малочисленно поселение апачей.

Менлик наблюдал, как Тревис подавал сигналы зеркалом.

— Ты так разговариваешь со своим народом?

— Да, именно так.

— Здорово придумано, надо будет запомнить. У нас есть барабан, но ведь его слышим не только мы. А твой сигнал предназначен только для глаз того, кто ждет. Да, хорошая мысль. Так твои люди встретятся с нами?

— Они ждут впереди, — сообщил Тревис.

День близился к середине, жара, отражавшаяся от скал, была тяжелой и не давала дышать. Монголы, не привыкшие к жаре, сбрасывали с себя тяжелые куртки и закатывали поля меховых шапок. По их лицам струился пот. На каждой остановке они передавали из рук в руки бурдюки с кумысом. Даже пони брели, понурив головы. Наконец процессия подошла к расселине, ведущей в каньон. Тревис старался разглядеть впереди

разведчиков, вышедших к ним навстречу. Уже не первый раз ему в голову приходила мысль об исчезновении койотов. Он был уверен, что животные присоединятся к нему, когда он пустится в обратный путь. Но он не только не заметил их присутствия, но и не почувствовал мысленного контакта, который не покидал его с момента его пробуждения на Топазе. Почему они покинули его так внезапно, после схватки с монголами? Почему они продолжают прятаться? Он не знал. В душе его зрела надежда, что, когда он вернется в лагерь, звери будут ждать его там.

Пони понуро трусили по песку, покрывавшему дно каньона. Жара превратилась в нечто осязаемое, и теперь люди дышали тяжело, как загнанные охотниками звери. Наконец Тревис заметил то, что искал — где-то наверху наметилось движение. Тревис поднял руку и притормозил лошадь. Наверху молча стояли апачи с луками и стрелами наготове. Кайдесса вскрикнула от неожиданности и, прищпорив лошадь, поравнялась с Тревисом.

— Ловушка!

Лицо девушки покраснелось от жары, а глаза сверкали гневом. Тревис улыбнулся.

— Чувствуешь на себе аркан, дочь Волка? Тебя сейчас потащат по песку?

Кайдесса хотела было что-то сказать, но промолчала. Она уже подняла арапник, чтобы стегнуть им Тревиса, но вместо этого ударила лошадь. Апач оглянулся на монголов. Рука Хулагура легла на рукоять сабли, а сам он обводил взглядом лучников. Но их было слишком много, чтобы начать бой. Только Менлик был абсолютно спокоен и лишь поигрывал своей палочкой.

— Едем дальше, — махнул рукой Тревис.

Лучники исчезли так же бесшумно, как и появились. Большинство из них торопились к месту, которое Олень

выбрал для встречи. Монголы увидели лишь шесть человек, но они не имели ни малейшего представления, какую часть клана составляли эти шестеро.

Лошадь Тревиса подняла голову, заржала и перешла на рысь. Где-то впереди была вода. Иногда такие островки жизни встречаются среди скал. Менлик и Хулагур пришпоривали своих лошадей, пока те не поравнялись с лошадьми Тревиса и Кайдессы. Несмотря на внешнее безразличие обоих, Тревис подозревал, что они все еще опасаются, что станут мишенью для стрел индейцев.

Зеленые кусты впереди манили лошадей, и они ускорили шаг. Вскоре процессия въехала в ответвление каньона, где и притаилось маленькое озерцо, окруженное сочной зеленой травой и кустами. На другой стороне озера стоял, скрестив руки на груди, Олень. Из оружия у него был лишь нож. Позади него стояли Деклай, Цоай, Нолан, Манулито. Скорее всего Манулито и Деклай являлись единомышленниками, по крайней мере так было, когда Тревис покидал лагерь. На лестнице прошлого, как выразился Олень, эти двое застряли где-то на полпути. Нолан был довольно спокойным и молчаливым воином. Что у него на уме, было трудно предположить. А вот Цоай наверняка поддержит Оленя.

Компания индейцев была разделена надвое, но все же это был оптимальный вариант для переговоров. Глупо было бы надеяться, что делегация индейцев будет полностью состоять из приверженцев Оленя и Джилли. Однако присутствие Деклая вовсе не обрадовало Тревиса. Он спешился, предоставив пони возможность самостоятельно подбежать к озеру и напиться.

— Это, — вежливо указал Тревис, — Менлик, человек, который умеет разговаривать с духами, Хулагур — сын вождя, и Кайдесса — дочь вождя. Все они кочевники с севера.

Тревис объяснял все это по-английски. Затем он повернулся к монголам.

— Олень, Деклай, Нолан, Манулитто, Цоай, — перечислил он индейцев. — Они будут говорить от имени апачей.

Позже, когда две делегации сели друг напротив друга, Тревис задал себе вопрос: можно ли прийти к какому-либо общему решению в такой разношерстной компании. На лице Деклая были написаны безразличие и отчужденность. Он даже отсел подальше, словно не хотел приближаться к чужакам. В каждом его движении сквозили недоверие и враждебность.

Тревис начал свой рассказ о событиях, которые последовали после обнаружения им и Цоаем следа Кайдессы. Он обрисовал положение дел в лагере монголов. Он говорил медленно и по-английски, чтобы монголы могли понять каждое его слово. Апачи слушали с непроницаемыми лицами. Вероятно, все это они слышали от Цоая. Когда Тревис закончил, Деклай был первым, кто задал вопрос:

— И что мы будем делать с этими людьми?

— Дело обстоит вот как, — осторожно подбирая слова, начал Тревис, — пинда-лик-о-йи, которых мы называем русскими, не желают жить бок о бок с теми, кто не разделяет их взглядов. У них есть такое оружие, по сравнению с которым наши ножи просто куски ржавого железа, а луки — обрывки сгнившей бечевки. Оно не убивает, оно делает рабами. И когда они обнаружат наше присутствие здесь, они придут, чтобы поработить и нас.

Деклай плотоядно ухмыльнулся.

— Земля велика, и мы знаем, как этим воспользоваться. Пинда-лик-о-йи не найдут нас.

— При помощи глаз — нет, — ответил Тревис, — но их машины — совсем другое дело.

— Машины! — Деклай сплюнул. — Всегда эти машины... И это все, о чем ты способен говорить? Может показаться, что ты просто околдован этими машинами, которых никто из нас никогда не видел!

— Эта машина доставила тебя сюда, — вступил в разговор Олень, — вернись, посмотри на звездолет и вспомни, Деклай. Знания пинда-лик-о-йи больше наших в том, что касается металла и того, что из него сделано. Машины перенесли нас по дорогам звезд, а в клане нет ни одного следопыта, кто мог бы сделать то же самое. Но я хочу спросить другое: есть ли у нашего брата какой-нибудь план?

— Тех, кого мы называем русскими, — с расстановкой начал Тревис, — немного. Но возможно, к ним потом присоединятся и другие, из нашего мира. Ты не слышал об этом? — этот вопрос был адресован Менлику.

— Нет. Но нам и не говорили много. Мы жили отдельно от них, и никто из нас не смел приблизиться к кораблю без разрешения. Ведь они охраняют его, а иначе они давно были бы мертвы. Это противоестественно для человека — есть из одного котла, скакать по степи и спать под одним небом с тем, кто убил его брата.

— Так они убивали твоих людей?

— Убивали, — коротко ответил Менлик.

Кайдесса наклонилась и прошептала что-то своему брату. Хулагур гордо поднял голову и заговорил.

— Что он говорит? — поинтересовался Деклай.

Девушка ответила:

— Он говорит о нашем отце, который помог бежать троим. Его потом убили в назидание остальным, а ведь он был нашим «белобородым» ханом.

— Под знаменем Волка мы кровью поклялись, что они тоже умрут, — добавил Менлик. — Но сначала мы должны вытряхнуть их из ракушки их корабля.

— А это проблема, — объяснил Тревис своим сородичам. — Мы должны выманить русских на открытое место. Когда они выходят из своего корабля, то берут с собой машину, которая держит монголов в подчинении. Но эта машина не действует на нас.

— Ну а я повторяю. Что все это даст нам? — Деклай поднялся на ноги. — Эта машина нам не указ, и мы можем разбивать лагерь где угодно. Никакие пиндалик-о-йи нас не найдут.

— Мы не неуязвимы. Ведь мы не знаем, какие еще машины есть у них в запасе. Негоже говорить доксада (это не так), если не знаешь наверняка, что прячет враг в своем вигваме.

К своему облегчению, Тревис заметил одобрение на лицах Оленя, Цоая и Нолана. С самого начала Тревис не верил, что Деклая можно переубедить. Он мог лишь надеяться, что будет принято решение большинства. Это уходило корнями в древнюю традицию престижа у апачей. Нантан, вождь, имел го`нди, высшую власть, дарованную ему с рождения. Простые люди могли иметь власть над лошадьми или скотом, могли накапливать богатство и, следовательно, делать щедрые подарки. Словом, они могли быть икаднтлизи — богачами, кто выражает волю целых семей. Но среди индейцев не было наследных вождей или неограниченных правителей внутри поселения. Нагунлка, днат`ан, или военачальник, лишь вел по тропе войны, но не имел при этом голоса в том, что касалось дел клана, кроме тех, которые были связаны с военными действиями.

Раскол может здорово ослабить их маленький клан. Деклай и его единомышленники имели полное право отделиться, и никто не мог воспрепятствовать им.

— Мы должны это обдумать, — сказал Олень, — для наших гостей приготовлена еда, вода, пастбище для лошадей. Они могут подождать здесь, — он посмо-

трел на Тревиса, — ты тоже подождешь с ними, ведь ты уже их знаешь.

Тревис хотел было возразить, но потом он понял и оценил мудрость Оленя. Предложить союз с монголами должен был беспристрастный человек. Если бы он сам предложил это, Деклай немедленно отклонил бы такую идею. Пусть говорит Олень, и тогда союз станет свершившимся фактом.

— Хорошо, — согласился Тревис.

Олень осмотрелся, определяя время по положению солнца и длине теней.

— Мы вернемся утром, когда тень будет вот здесь, — мыском своего мокалина он сделал заметку на земле. Затем он развернулся и, не прощаясь, пошел прочь, ведя за собой остальных.

— Так этот человек и есть ваш вождь? — спросила Кайдесса, проводив взглядом Оленя.

— Он имеет большое влияние на совет, — ответил Тревис. Он занялся разведением костра, а затем подтащил тушу рогатой антилопы. Менлик опустился на колени возле озера и принялся пить, зачерпывая воду пригоршней. Он прищурил глаза и посмотрел на солнце.

— Убедить этого низенького будет довольно сложно, — проговорил Менлик. — Мы ему не нравимся, и твой план тоже. У нас в Орде тоже есть такие, — он стряхнул с пальцев капли воды. — Но я знаю одно: если мы не объединимся, нам не одолеть русских. Мы для них словно блохи. Они раздавят нас в два счета, — он многозначительно похлопал себя по коленям, — так... так... и так!

— Я тоже так думаю, — поддакнул Тревис.

— Так давай надеяться, что все люди окажутся такими же здравомыслящими, — сказал с улыбкой Мен-

лик. — Но в данный момент мы ничего не можем сделать, так что давай отдыхать.

Шаман улегся отдыхать после обеда, а Хулагур принялся бродить взад и вперед по каньону и обтирать лошадей пучками травы. То и дело он останавливался и что-то говорил Кайдессе. Было ясно, что он чем-то обеспокоен, но чем, Тревис никак не мог понять.

Апач уселся в тени и прикрыл глаза, чтобы немного подремать. Несмотря на это, он постоянно был начеку и следил за каждым движением монголов. Он старался не думать о том, что сейчас происходит в лагере, а переключил все свои мысли на таинственную долину с башнями. Были ли эти башни копиями тех, что он, Эш и Мердок нашли на других планетах, в которых крылатые люди собирали для них остатки культуры древней цивилизации? Для тех людей он смастерил духовое оружие из металлических трубок. Именно на той планете они обнаружили библиотеку кассет с записями, благодаря которым он и его люди оказались на Топазе. Даже если он найдет такие же кассеты в башнях, ими не удастся воспользоваться, ведь звездолет разбился о скалы. Но ведь там могли быть другие вещи! Тревис даже вздрогнул от этой неожиданной мысли. Если бы ему только можно было попасть туда!

Он дотронулся до плеча Менлика. Шаман развернулся и полусонно посмотрел на Тревиса.

— Что случилось?

Мгновение Тревис колебался, пожалев о своем внезапном порыве. Он не знал, насколько Менлик помнит о настоящем. «Помнит о настоящем», эта фраза несколько развеселила Тревиса. Людям, перемещенным в их расовое прошлое, настоящее кажется менее реальным, чем те видения, которые их посещают. Но Менлик помнил английский, а это было уже немало.

— Когда мы вас встретили, Кайдесса и я, это было в одной долине, — Тревис все еще не решался спрашивать напрямую, хотя лагерь монголов находился недалеко от башен и они могли их обследовать. — А в этой долине были здания... очень древние...

Остатки сна тотчас покинули Менлика. Он взял свою палочку и заговорил, поигрывая ею:

— Когда-то это место обладало большой силой, Лис, а может, и сейчас обладает. О, я знаю, что ты не веришь в мое родство с духами и в силу, которую они дают. Но человек учится не спорить с тем, что он чувствует здесь и здесь... — его длинные смуглые пальцы коснулись лба и голой груди, которая виднелась из-за ворота халата. — Я шел по каменной дороге, ведущей в эту долину, и слышал шепот...

— Шепот?

Менлик принялся крутить свою палочку.

— Это был очень тихий шепот. Такой способно уловить далеко не каждое ухо. Это словно жужжание насекомых, и никаких слов не разобрать. Никаких слов! Да, это место обладает великой силой!

— Это место нужно исследовать!

Менлик не отводил взгляда от своей палочки.

— Сомневаюсь, Фокс, очень сомневаюсь. Это не наш мир. И в нем может быть нечто, для кого или чего наше присутствие совсем нежелательно.

Шаманские штучки? А может, он действительно почувствовал что-то, что невозможно описать словами? Тревис ни в чем не был уверен, но он знал одно, что может пойти туда и посмотреть на все собственными глазами.

— Послушай, — сказал Менлик, придвинувшись поближе, — я слышал твою историю о том, что ты случайно попал на неведомую планету. Ты там видел что-нибудь подобное?

Он расчистил на земле место и начал рисовать острым концом своей палочки. Неизвестно, кем Менлик был в настоящем, прежде чем стал шаманом из прошлого, в нем пропадал прекрасный художник, ибо несколькими штрихами он изобразил фигуру. Это был человек или кто-то, напоминающий человека. Но его круглый, несколько великоватый череп был абсолютно лыс. Обтягивающая одежда открывала взору неестественно худые конечности. У существа были большие глаза, маленький рот и нос. Все это было сконцентрировано внизу так, что лишь подчеркивало большой размер головы. Существо показалось Тревису знакомым.

Но это существо не было одним из летающих людей или одним из человекообразных. Несмотря на всю странность этой фигуры, Тревис был уверен, что уже видел нечто подобное. Он закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Такая голова, белая, словно на ней не было кожи, лежала на тонкой руке, обтянутой сине-лиловым рукавом. Где же он видел это?

И вдруг апач вскрикнул: он вспомнил! Это было возле разбитого древнего звездолета, когда они нашли его. И еще мертвый инопланетный офицер все еще сидел за панелью управления! Именно он установил кассету, которая привела их на эту забытую планету. И именно этот человек был изображен на рисунке Менлика!

— Где? Где ты его видел? — апач взволнованно наклонился над шаманом.

Менлик забеспокоился.

— Он возник в моем воображении, когда я гулял в долине. Мне кажется, что я даже видел такое лицо в одном из окон башен. Но я в этом не уверен. А кто это?

— Древний человек, который когда-то управлял звездами, — ответил Тревис. Неужели они сохранились здесь, остатки цивилизации, которая процветала десятки тысяч лет назад? Неужели эти безволосые,

которые сотни лет назад преследовали русских, отважившихся грабить их разрушенные корабли, все еще существуют на Топазе?

Он вспомнил побег Росса Мердока от таких вот чужаков в древней Европе, и мороз пробежал у него по коже. Мердок был крепким, очень крепким парнем, но его рассказ об этом происшествии вселял ужас. Что же делать теперь кучке примитивно вооруженных и примитивно мыслящих людей? Как смогут они противостоять безволосым?

Глава 10

— Дальше этого места, — Менлик остановился на краю обрыва и предостерегающе поднял палец, — дальше этого места мы не пойдем.

— Но ты сказал, что лагерь твоего племени расположен в степи. — Джил-Ли стоял на одном колене и смотрел в бинокль, который они нашли в звездолете. Он передал его Тревису. Ничего подозрительного не было заметно, лишь волны перекатывались по высокой траве да невысокие деревья стояли у подножия гор.

Апачи пришли на это место рано утром. Монголы, которые хорошо ориентировались в местности, помогли им перейти через перевал. Отсюда они могли видеть земли, которые контролировали русские.

Результатом переговоров стал союз апачей и монголов. С самого начала Тревис не очень-то надеялся, что его план поддержат все без исключения члены клана. Даже решение послать группу людей на разведку вызвало сопротивление Деклая и его сторонников. В лагере апачей сформировалась оппозиция из шести человек.

— Дальше этого места, — повторил Менлик, — они постоянно настороже и смогут управлять нами с помощью своей машины.

— Что ты думаешь? — Тревис передал бинокль Нолану.

Если придется выбирать военачальника, то Нолан как раз подойдет для этой роли: высокий и молчаливый. Он отрегулировал бинокль и стал детально изучать местность. Вдруг он застыл. Лицо его напряглось.

— Что случилось? — спросил Джил-Ли.

— Всадники... два, четыре... пять... И что-то в воздухе.

Менлик отпрянул назад, схватил Нолана за руку и потянул его вниз.

— Флаер! Назад! Назад, быстрее! — он все еще тащил за собой Нолана и даже пнул ногой Тревиса. Остальные апачи с изумлением наблюдали за происходящим. Шаман пробормотал что-то на своем языке, но затем, опомнившись, повторил то же самое по-английски.

— Это охотники, и с ними машина для контроля. Или кто-то сбежал, или они ищут наше убежище в горах.

Джил-Ли посмотрел на Тревиса.

— Ты что-нибудь почувствовал, когда женщина попала под влияние машины?

Тревис покачал головой. Джил-Ли кивнул и обратился к шаману:

— Мы останемся здесь и понаблюдаем. Но ты должен уйти отсюда. Встретимся неподалеку от башен. Согласен?

На лице Менлика появилось странное выражение. Выражение недовольства тем, что он должен отступить, когда другие остаются. Не потеряет ли он своего авторитета среди монголов? Но шаман кивнул в знак согласия и исчез за скалой. Апачи услышали, как он заговорил на родном языке, предупреждая Хулагура и Лочу, которые отправились вместе с ним на разведку. А затем послышался стук копыт удаляющихся лошадей.

Апачи укрылись в углублении, из которого хорошо просматривалась вся местность. Скоро необходимость рассматривать всадников в бинокль отпала. Они подъехали на довольно близкое расстояние. Уже можно было различить пятерых человек, четверо из которых были в монгольской одежде. Пятый выглядел настолько необычно, что Тревис вспомнил рисунок шамана на песке. В бинокль апач разглядел, что голову человека закрывал шлем, а на спине висело подобие заплечной сумки. Тревис догадался, что это было переговорное устройство.

— Над ними летит вертолет, — сказал Нолан, — но не такой формы, как наши.

Они помнили, какие бывают вертолеты на Земле. Их использовали для инспекции земель, и апачам доводилось летать на них. Но Нолан был прав, этот вертолет выглядел совсем по-другому.

— Монголы сказали, что они не заходят слишком далеко в горы, — задумчиво произнес Джил-Ли, — это объясняет присутствие пятого человека на коне. Он сможет проехать там, куда не долетают вертолеты.

Нолан дотронулся до своего лука.

— Если эти русские полагаются на свои машины, их можно застать врасплох.

— Не сейчас! — резко возразил Тревис. Нолан хмуро взглянул на него. Джил-Ли тихонько засмеялся.

— Наш путь не так уж темен, младший брат. Нам не нужен твой факел, чтобы освещать каждый шаг.

Тревис промолчал, понимая справедливость замечания. Он не имел права считать, что он один знает верный способ борьбы с врагом. Проглотив обиду, он продолжал тихо лежать рядом с остальными, наблюдая за всадниками, которые поравнялись с подножием горы в четверти мили к западу. Вертолет кружил над всадниками. Судя по всему, пилот указывал им правильный

путь, и именно для этого предназначался шлем на голове одного из всадников.

Тревис шевельнулся.

— Они направляются прямо к лагерю монголов, словно точно знают, где он находится.

— Может быть, и так, — отозвался Нолан. — Что мы о них знаем? Они сами признались, что русские могут подчинить их волю, когда захотят. Может, это уже случилось. Говорю вам, давайте вернемся.

В подтверждение своих слов он передал бинокль Джил-Ли и стал быстро спускаться по склону. Тревис посмотрел на остальных. В какой-то мере он оценил мудрость предложения Нолана, но понимал, что отступление даст им лишь небольшую отсрочку. Рано или поздно им придется встретиться лицом к лицу с русскими. Поэтому стоит сделать это как можно раньше, пока русские заняты другими проблемами.

Джил-Ли последовал за Ноланом. Но что-то в Тревисе запротестовало против этого. Он продолжал наблюдать за вертолетом. Если он находился над всадниками, то они либо остановились, либо искали относительно небольшой участок у подножия гор. Неохотно Тревис спустился по склону во впадину, где стояли Джил-Ли и Нолан. Цоай, Льюп и Роп разместились несколько поодаль. Должно быть, они ждали приказаний старших.

— Было бы хорошо, — медленно начал Джил-Ли, — посмотреть на их оружие. Мне бы хотелось поближе рассмотреть, что за оборудование помещено в этот шлем. Кроме того, — он улыбнулся Нолану, — не думаю, что они заметят наше присутствие, пока мы сами этого не захотим.

Нолан провел пальцем по изгибу своего лука, бросил взгляд по сторонам.

— В твоих словах есть мудрость, старший брат. Но на эту тропу мы должны встать в одиночку. Нельзя по-

зволють людям в мохнатых шапках знать, где мы ходим, — он с намеком посмотрел в сторону Тревиса.

— Это мудро, Ба'ис'а, — тут же отозвался Тревис, наделив Нолана древним титулом, присуждаемым военным. Его переполняло чувство благодарности за то, что они остались.

Они тут же пустились в путь, направляясь к юго-востоку под таким углом, чтобы пересечь следы врагов. Никто из пятерых всадников не старался скрыть свои следы. Каждый двигался с такой уверенностью, словно не боялся любой атаки.

Из прикрытия апачи наблюдали за небом. До них доносился слабый гул вертолета. Он по-прежнему кружил в воздухе, как сообщил Цоай, но все еще летал над степью, в то время как всадники уже давно покинули равнину, углубляясь все дальше и дальше в холмы.

Апачи шли по трое. Они были очень хорошо замаскированы и смогли незаметно приблизиться к монголам. Четверо из них держались вместе, а пятый, сгибаясь под тяжестью своего снаряжения, сидел на земле и что-то делал с плоским диском, который был прикреплен к ремню. Теперь, когда людей можно было разглядеть поближе, Тревис заметил, что на широких лицах монголов отсутствует какое-либо выражение. Их глаза были пусты, а невидящий взгляд устремлен куда-то в пространство. Потом, все как один, они развернулись к человеку в шлеме, слезли с коней и застыли, выжидающе глядя на него. Их позы напомнили Тревису койотов, когда они застывали на месте, чтобы сосредоточиться и передать ему мысленные сообщения. Но в аналогичной ситуации поведение животных было более осмысленно.

Рука человека в шлеме покрутила что-то на диске, и стоящие вокруг него люди, казалось, ожили. Один из них приложил руку ко лбу, а другой присел на кор-

точки и оскалился. Человек, управлявший ими, засмеялся. Затем он отдал приказ, а его рука вновь переместилась на диск.

Один из четырех монголов взял лошадей под уздцы и привязал их к растущим поодаль кустам. Затем они все, как один, пошли вперед, а надсмотрщик шел позади. Похоже, они собирались подняться на вершину небольшого холма.

Монгол, который первым достиг вершины, сложил ладони рупором и пронзительно закричал. Его крик эхом понесся среди холмов.

Но либо Менлик добрался до лагеря вовремя, либо его людей было не так легко выманить, но ответа охотники так и не дождались. Наконец надсмотрщик позвал своих рабов, они оседлали коней и отправились в путь. Это вполне устраивало апачей. Они не могли знать, насколько тесна связь между всадником в шлеме и вертолетом. Кроме того, они находились слишком близко к степи, чтобы атаковать сейчас. Тревис присоединился к Нолану.

— Он контролирует их с помощью диска на груди, — сказал он. — Если мы нападём на них, нужно будет непременно завладеть этим прибором.

— Эти монголы очень ловко пользуются арканами. Разве они не поймали тебя, как теленка? Тогда почему бы им не заарканить этого русского? — в голосе Нолана сквозило недоверие.

— Наверное, их контролируют так, что они не могут напасть на своих угнетателей.

— Как я не люблю все, что связано с этими машинами, которые играют сознанием людей, как им вздумается! — вскипел Нолан. — Человек должен использовать оружие, а не являться таковым!

Тревис был согласен с этим. Может, крушение звездолета и смерть Ратвена избавили их от такой же уча-

сти? А если это так, то почему? Ведь он и все апачи были добровольцами, желавшими освоить новый мир. Что же произошло на Земле, что их так внезапно отравили в этот далекий полет, использовав редакс? Еще одна составляющая загадки. А может, люди, работавшие над проектом, узнали о поселении монголов на Топазе и решили поспешить, превратив американцев XXI века в примитивных людей из прошлого? Это многое бы объяснило!

Но Тревису пришлось обратить свои мысли к настоящему, так как впереди показался пик. Группа монголов, за которой они следили, направлялась прямо к лагерю беглецов. Тревис надеялся, что Менлик успел вовремя их предупредить. Скала слева от Тревиса, казалось, прикрывала вход в долину башен. Тревис был уверен, что охотники не достигнут своей цели до наступления ночи. Может, они не знают о существовании человекообразных, которые охотятся в темноте. Однако монголы и не собирались двигаться дальше. Солнце клонилось к закату, образуя тени, и монголы остановились на ночлег. Апачи, повинаясь древнему обычаю, собрались на высоте.

— Этот русский полагает, что найдет того, кого ищет, сидящим в ожидании, — заметил Цой.

— Такова привычка пинда-лик-о-йи, — добавил Льюп, — они считают себя могущественнее остальных. Но этот — просто глупец. Он, сам того не подозревая, направляется в лапы медведицы с медвежонком, — Льюп захихикал.

— Человек с ружьем не боится того, кто вооружен палкой, — резко возразил Тревис. — А у этого человека есть такое оружие, которое и впрямь делает его неуязвимым. Если он решил отдохнуть, то наверняка его машина будет начеку.

— По крайней мере в одном мы уверены, — вступил в разговор Нолан, — этот человек не подозревает, что среди холмов есть те, над кем он не властен. Эта машина нам не страшна. Тогда на рассвете... — он махнул рукой, и все заулыбались.

На рассвете — привычное время для нападения. Апаچی никогда не нападают ночью. Тревис не был уверен, что кто-то осмелится нарушить древнее правило и напасть на лагерь прежде, чем небо окрасит свет нового дня. Но завтра утром они возьмут этого самонадеянного русского и его страшную машину.

Голова Тревиса дернулась. Ему показалось, что кто-то нанес ему удар между глаз, и он на миг потерял сознание. Что... что это было? Нет, это было не физическое воздействие, а нечто нематериальное. Он напрягся, ожидая повтора этого ощущения и пытаясь понять, что же произошло за это короткое мгновение. Он никогда не испытывал ничего подобного... или испытывал? Тревис вспомнил, что около двух лет назад он участвовал в эксперименте по перемещению в Аризону на десять тысяч лет раньше. Так вот, в самый момент перемещения во времени он испытывал что-то очень похожее. Это было ощущение пребывания вне времени и пространства.

Но теперь он продолжал лежать на твердой земле, и ничто в окружавшей его действительности не изменилось. Но этот удар поселил в душе Тревиса панику. Он глубоко вдохнул и приподнялся на одном локте, чтобы взглянуть на вражеский лагерь. Не могло ли это быть действием какого-то неизвестного оружия? Внезапно он почувствовал страшную неуверенность. Мало ли что может произойти утром.

Джил-Ли располагался справа от него. Тревис решил немедленно обсудить с ним произошедшее, ему хотелось убедиться, что это не ловушка. Ведь если это

так, то лучше отступить сразу, чем попасться, как рыба в сеть. Тревис высунулся из своего укрытия и просвистел на манер маленького пушистого зверька. Джил-Ли изобразил в ответ трель ночного насекомого.

— Ты что-нибудь почувствовал минуту назад? — Тревису было трудно описать свое ощущение словами.

— Кажется, нет. А ты?

Он тоже, конечно! В его глазах все еще была заметна паника.

— Да.

— Думаешь, машина?

— Не знаю, — замешательство Тревиса росло. Может, это коснулось лишь его одного, но если это так, то это может представлять опасность для его товарищей.

— Это плохо. Думаю, это стоит обсудить, и подальше отсюда.

Шепот Джил-Ли был тихим, как дуновение ветерка. Он снова застрекотал, чтобы позвать Цоая.

Первая луна была уже высоко в небе, когда апачи собрались вместе. Тревис вновь задал вопрос: не испытывал ли кто-нибудь странного удара в последние несколько минут? Но все отвечали отрицательно.

Нолан подвел итог:

— Это плохо. Если машина русского работает, мы все можем попасть в ее сети. Возможно, чем больше находишься под ее влиянием, тем больше поддаешься. Мы должны остаться здесь до рассвета. Если враг достигнет того места, которое ищет, его путь пройдет под нами, так как это самая удобная дорога. Оборудование слишком тяжелое, поэтому русский выбирает дорогу попроще. Посмотрим, сможет ли он противостоять нападению, если оно будет неожиданно. — Нолан дотронулся до стрел в своем колчане.

Убить русского из-за кустов было легко, но тогда они не узнают секрета машины. После пережитого Тревис

охотнее принял бы осторожность Нолана. Тревису не хотелось вновь пережить ощущение, которое он недавно испытал. Но Нолан не дал приказа к отступлению. По всей видимости, военный вождь рассуждал так же, как и Тревис: если угроза апачам существует, то машину необходимо уничтожить.

Они устроили засаду в соответствии с древними обычаями, которые редакс поселил в их памяти. Теперь оставалось лишь ждать.

Спустя час после рассвета Цоай подал сигнал, что противник приближается. Вскоре после этого послышался стук копыт. Показался первый монгол, и по его посадке Тревис понял, что тот находится под полным контролем русского. Второй, а потом и третий монгол ступили в ловушку, устроенную апачами. Четвертый монгол несколько приотстал. Наконец появился русский. Выражение его лица было крайне несчастным, видно, путешествие утомило его. Нолан подал знак, и все вместе апачи выстрелили из луков.

Только одна из стрел попала в цель. Конь под русским заржал от боли и ужаса, встал на дыбы, а потом повалился, подминая под себя седока. Видно, у русского была защита, которая отворачивала от него стрелы. Но коня она защитить не смогла. Монголы впереди начали корчиться в судорогах, закричали и упали на землю, бездвижные, словно стрелы поразили их в самое сердце.

Глава 11

То ли русскому повезло, то ли его спасла быстрая реакция. Но он выкатился из-под бьющейся в агонии лошади, когда к нему подскочил Льюп с ножом в руке. Апачи увидели, что человек в шлеме лежит совершенно беззащитный перед ножом Льюпа. Но он даже

не поднял руку, чтобы защититься, а положил ее на диск на груди.

Молодой апач, бросившийся было на русского, вдруг отлетел назад, словно наткнулся на невидимую стену, когда лезвие его ножа было всего в шести дюймах от человека в шлеме. Льюп вскрикнул и отлетел назад во второй раз, это выстрелил русский.

Увидев это, Тревис отбросил лук и взял самое примитивное орудие — камень. Прицелившись, апач метнул его прямо в голову стрелявшего. Но так же как и нож Льюпа, камень, не дотронувшись до человека, отлетел в сторону. Вероятно, русский был окружен каким-то защитным полем. Такого апачи еще не видели. Свист Нолана отозвал всех назад.

Русский снова выстрелил, грохот выстрела эхом прокатился по верхушкам холмов. Но стрелять было уже не в кого, ведь все апачи, за исключением Льюпа, спрятались. Русский поднялся на ноги, но двигался он очень медленно, припадая на одну ногу. Судя по всему, он сильно повредил ее при падении с лошади.

Вооруженный враг, которого нельзя было уязвить, да еще узнавший о том, что на планете есть кто-то, кроме поработанных монголов... Теперь русский был вдвойне опасен. Ему нельзя было дать уйти. Убрав пистолет в кобуру, русский, держась рукой за камни, заковылял к лошадям, стоящим рядом с бездыханными монголами. Но когда враг доберется до края скалистой стены, то ему придется сделать выбор: либо убрать руку с пластины на груди, либо перестать держаться за камни. Может, тогда удастся напасть на него? Лошади!

Тревис вложил стрелу в тетиву и выстрелил. Но не в русского, который предпочел оторвать руку от своей опоры, чем от диска на груди, а прямо перед мордой одной из лошадей. Лошадь заржала и встала на дыбы,

толкнув в плечо русского. Тот отлетел к скале, упершись в нее руками.

Паника охватила и остальных лошадей. Хрипя и всхрапывая, они все помчались следом, поднимая тучи пыли. Русский прижался к стене, пытаясь избежать лошадиных копыт. Он продолжал стоять так, пока все лошади, кроме раненой, не умчались прочь. Тревис вздохнул с облегчением. Пока им не удалось справиться с русским, но он ранен и остался без лошадей. В таком состоянии он стал более уязвим.

Русский тоже понимал всю невыгодность своего положения, поэтому поковылял вслед за лошадьми. Но ему удалось сделать лишь шаг или два. Затем он обессиленно опустился на землю и начал что-то делать со своим диском.

Нолан бесшумно возник рядом с Тревисом.

— Что он делает? — он наклонился к самому уху апача, а голос был не громче, чем дыхание. Тревис покачал головой. Действия русского были для него загадкой. А может, он пытался вызвать помощь? Но для посадки вертолета места не было.

Теперь было самое время попытаться спасти Льюпа. Тревис видел, как молодой апач шевельнул рукой, а это говорило о том, что русский оказался не таким метким, как казалось. Тревис дотронулся до руки Нолана, указывая на Льюпа, а затем, отложив лук и колчан, приступил к действию. Скальный выступ мог послужить отличным прикрытием. Тревису пришлось проползти мимо монголов, но ни один из них не подавал признаков жизни. С предельной осторожностью Тревис проскользнул между двумя скальными выступами в узкую щель, прополз, словно змея, под кустом и приостановился только возле неподвижного монгола.

Побледневшее лицо убитого было наполовину повернуто к земле. Одна щека лежала на песке, рот был

приоткрыт, а глаза закрыты. При помощи своей дьявольской машины русский успел уничтожить всех своих рабов. Должно быть, он подумал, что это они напали на него.

Тревис добрался до скалы, возле которой лежал Льюп. Он знал, что Нолан наблюдает за русским и даст знать, если тот пойдет в их сторону. Тревис протянул руки и ухватил Льюпа за лодыжки. Он почувствовал, как напряглись мышцы молодого апача. Льюп открыл глаза и посмотрел на Тревиса. Над его правым ухом виднелась кровоточащая рана. Русский метил прямо в голову, но промахнулся. Апачи откатились под защиту скалы. Раздался выстрел, и на головы апачей посыпались обломки камня. Но им уже ничто не угрожало. Тревис был уверен, что русский не рискнет напасть в открытую.

С помощью Тревиса Льюп доковылял до места, где их поджидал Нолан. Джил-Ли осмотрел рану юноши.

— Царапина, — сообщил он, — рана неопасная, поболит немного, и все. Возможно, потом останется шрам, воин! — он ободряюще похлопал Льюпа по плечу, а затем наложил повязку.

— А теперь идем! — решительно произнес Нолан.

— Он видел нас и знает, что мы не монголы.

Глаза Нолана были холодны, а губы сжались. Он взглянул на Тревиса.

— А как мы можем с ним сражаться?

— Стена... его окружает стена, которую не видно... — вмешался Льюп. — Я хотел броситься на него, но не смог!

— Человек, у которого есть невидимая защита и пистолет, — констатировал Джил-Ли, — что ты предлагаешь, младший брат?

— Я не знаю, — признался Тревис. Он все еще верил, что если они отступят сейчас и дадут русскому

уйти, его товарищи начнут исследовать южные склоны. Возможно, стремясь узнать об апачах больше, они перегонят через горы свой вертолет. Этот русский действительно представлял большую опасность для апачей.

— Он ранен и не может уйти далеко пешком. Даже если он вызовет вертолет, здесь негде приземлиться. Ему придется искать другое место, чтобы его подобрали, — высказал Тревис свои мысли. Он кивнул в сторону расселины.

— Там наверху камни, камни, которые можно обрушить на русского.

Что-то внутри Тревиса противилось этой идее. Ему хотелось сразиться с русским один на один. А также он хотел взять его в плен. Но индейцы всегда использовали особенности местности для организации своих ловушек.

Нолан согласно кивнул, а Цоай и Джил-Ли начали действовать. Интересно, сможет ли машина защитить своего хозяина от целой груды камней? Оставались сомнения. Апачи забрались на скалу, стараясь не попадать в поле зрения русского. Тот по-прежнему сидел, привалившись к стене, а его руки продолжали манипуляции с диском, словно он никуда не торопился.

Вдруг раздались крики.

— Дар-у-гар! — древний боевой клич монгольских орд.

Над гребнем соседнего склона показались люди. Они неслись прямо на апачей, размахивая кривыми саблями и крича. Впереди всех бежал Менлик, его пояс развевался, словно крылья гигантской хищной птицы. Хулагур... Джагатай... люди из монгольского лагеря. И стремились они уничтожить не своего мучителя внизу у скалы, а смести самих апачей!

К счастью, апачи были защищены камнями, и у них в запасе оставалось несколько минут. Использо-

вать луки они не могли, на это не оставалось времени. Может, ножи...

— Он держит их под контролем! — Тревис вцепился в плечо Джил-Ли. — Нужно убить его, тогда они остановятся!

Он не стал дожидаться ответа старого апача. Вместо этого он всей тяжестью своего тела навалился на камень, нависавший над головой русского. Наконец тот сдвинулся с места и упал вниз, увлекая за собой остальные камни. Тревис споткнулся и упал. В тот же самый момент на него навалилось тело одного из монголов. Тревис с трудом удерживал его руку с зажатым в ней мечом. Он слышал крики и звуки борьбы. И вдруг все это перекрыл страшный грохот внизу.

Тревис увидел в метре от себя стеклянные невидящие глаза одного из монголов, перекошенное злобой лицо. Вдруг лицо начало принимать осмысленное выражение, на нем отразился страх, а затем паника. Монгол забился в руках Тревиса, но не атакуя, а пытаясь освободиться. Тревис ослабил хватку, и монгол метнулся в сторону. Мгновение они лежали рядом, тяжело дыша.

Люди изумленно смотрели друг на друга. На боку Джил-Ли расплывалось пятно крови, а рядом с ним валялся монгол и кашлял без перерыва. Менлик, обхватив ствол дерева, пытался подняться на ноги, покачиваясь, словно после тяжелой болезни.

Инстинктивно две группы разделились, разойдясь в стороны. Лица индейцев были угрюмы, а на лицах монголов только сейчас стало появляться осознание происходящего. Эта схватка могла повлечь за собой настоящую войну.

Тревис поднялся на ноги и заглянул вниз. Русский был погребен под грудой камней. Видно, его защита не сработала. Голова русского была неестественно вывернута, а на шлеме виднелась вмятина.

— Он мертв! — крикнул Тревис. — Ты все еще хочешь сражаться за него, шаман?

Менлик оторвался от дерева и подошел к обрыву. Другие последовали за ним. Менлик поднял камень и бросил его в русского. Раздался какой-то звук. Все увидели небольшую вспышку, а затем дымок, поднимающийся от диска на груди человека. Машина, осуществляющая контроль, сломалась. Несколько монголов начали спускаться вниз. Но Менлик закричал им вслед, и они замедлили шаг.

— Нам это нужно, не трогайте ничего, — прокричал он по-английски, — возможно, мы сможем изучить это.

— Но изучать будете вы, — промолвил Джил-Ли, — ведь эта земля ваша, шаман. Предупреждаю, с этого дня вы не должны появляться на юге!

Менлик резко обернулся, так что забренчали амулеты на его поясе.

— Значит, так обстоят дела, апач?

— Именно так и будет, монгол! Мы не хотим вступить в союз с людьми, которые того и гляди воткнут нож в спину лишь потому, что являются рабами этой машины.

Длинные костлявые пальцы монгола сжались в кулак, а затем вновь разжались.

— Ты мудрый человек, апач, но иногда требуется нечто большее, чем просто мудрость...

— Мы мудрые люди, шаман, давай оставим все как есть, — хмуро промолвил Джил-Ли.

Апачи миновали два горных хребта, прежде чем остановились, чтобы осмотреть свои раны.

— Мы идем туда, — Нолан указал подбородком на юг. — Сюда мы больше не вернемся, здесь слишком много колдовства.

Тревис хотел возразить, но увидел мрачный взгляд Джил-Ли.

— Идем? — повторил он.

— Да, мой младший брат. А ты, похоже, хочешь пойти с теми, кем управляет машина?

— Нет. Но только на этой стороне гор нам нужны глаза.

— Почему? — удивился Джил-Ли. — Мы сами видели, как работает эта машина. Нам просто повезло, что русский погиб. Теперь он ничего не сможет рассказать своему народу. Ты ведь этого боялся? Теперь, если мы останемся на юге, то мы спасены. Это война между монголами и русскими, и нас она не касается. Что ты ищешь здесь?

— Я должен пойти в долину башен, — ответил Тревис, но его товарищи смотрели на него неодобрительно.

— Разве ты не почувствовал нечто странное ночью, когда мы ждали возле лагеря? А вдруг ты, как и эти монголы, попадешь под действие этой машины? Тогда ты тоже станешь оружием, направленным против нас, своих сородичей! — Джил-Ли проявлял открытую враждебность.

Он был прав. Но у Тревиса была другая цель. Башни таили какую-то тайну. Возможно, эта тайна стоила того, чтобы пожертвовать доверием собственного народа.

— Может статься так, — в голосе Нолана сквозил холод, — что ты уже стал орудием этих машин. Если это так, мы не можем позволить тебе остаться среди нас.

Это была открытая враждебность. Нолан и другие были настроены решительнее, чем Деклай, и Тревис забеспокоился. Семья и клан были очень важны для него. Если он сейчас сделает неверный шаг, его изгонят из клана, и он, как апач, будет потерянным человеком. В прошлом среди апачей уже были такие изгои. Например, апач Кид, который убивал и убивал, не только белых, но и своих сородичей. Такие изгои жили жизнью волков, прячась в холмах. Тревиса все это пугало. То вверх по лестнице цивилизации, то вниз, почему же он никак не успокоится?

— Послушай, — Джил-Ли с перевязанным боком подошел ближе, — скажи мне, младший брат, что ты хочешь найти в этих башнях?

— На других планетах в них были спрятаны секреты древних. Может, и здесь можно найти что-то подобное.

— И среди этих секретов, — сухо заговорил Но-лан, — нашлись такие, которые привели нас сюда, не так ли?

— А разве вас кто-то заставлял лететь к звездам? А тебя, Цоай? Или тебя, Джил-Ли? Вас предупреждали о последствиях, и вы согласились. Вы все были добровольцами!

— Однако про это путешествие нам никто ничего не сказал, — ответил Джил-Ли. — Знаешь, Нолан, я думаю, что младший брат ищет вовсе не те пленки, которые привели нас сюда. Они нам теперь без надобности. Звездолет больше не взлетит. Так что же ты ищешь?

— Знания, а может, оружие. Может, машинам русских можно как-то противостоять? Ведь многое из того, что у них есть, они украли в свое время из звездолетов. От любого оружия есть защита.

Впервые за все время на лице Нолана появилось выражение заинтересованности.

— Против лука — винтовка, — задумчиво начал он, — против винтовки — пулемет, против пушки — бомба. Защита может быть гораздо страшнее, чем само оружие. Неужели ты думаешь, что в этих башнях есть оружие, которое превзойдет машины русских? А вдруг оно само по себе окажется еще более ужасным?

Тревис почувствовал вдохновение.

— Разве наш народ не сменил луки на винтовки в борьбе с Голубыми Мундирами?

— Но мы же не собираемся воевать с русскими! — запротестовал Льюп.

— Сейчас нет. А если они пересекут горы, используя монголов в качестве воинов?

— Но если ты веришь, что найдешь в башнях оружие, ты должен знать, как его использовать, — возразил Джил-Ли, — где ты возьмешь это знание, младший брат?

— Я не утверждаю, что знаю абсолютно все, — возразил Тревис, — но я учился на археолога и бывал на других планетах. Кто еще среди нас имел в прошлом такой опыт?

— Твоя правда, — согласился Джил-Ли, — в этих поисках действительно есть смысл. Если русские первыми обнаружат оружие, если оно, конечно, действительно существует, то тогда у нас не останется шансов.

— Ты отправишься к башням прямо сейчас? — поинтересовался Нолан.

— Я пойду напрямик и присоединюсь к вам на другой стороне перевала.

Жажда действия настолько переполняла Тревиса, что он готов был мчаться не разбирая дороги. Он очень удивился, когда Джил-Ли остановил его.

— Берегись, младший брат! Эта задача не из легких. Сделаешь один неверный шаг, и возврата не будет.

— Мы подождем тебя один день на другой стороне перевала, — добавил Нолан, — а дальше мы тебе не помощники.

Тревис не очень понял, было ли это предостережением или угрозой. И он тронулся в путь.

Глава 12

Тревис выбрал прямой путь через высоты. Однако он шел не настолько быстро, чтобы достигнуть долины до наступления ночи. Ему вовсе не улыбалось войти туда при лунном свете. Два желания боролись в нем. С одной стороны, ему очень хотелось поскорее забраться в башни и разгадать их секрет. Но в то же время в нем

рос страх. Древние суеверия, вызванные редаксом, содействовали в нем с современными знаниями, полученными в мире пинда-лик-о-йи. Одна его половина была смелым апачем из прошлого, а другая — современным археологом, жадным до знаний. А может, причиной его страха было что-то другое?

Тревис сидел в ложбине, согнувшись, и пытался разобрататься в своих ощущениях. Почему для него вдруг стало так важно обследовать эти башни? Если бы только койоты были с ним... Он прислушался к малейшему шороху, принюхивался к каждому запаху, доносившему ветром. Ночь жила своей собственной жизнью, впрочем, как и день. Тревис мог узнать только некоторые звуки, а видел он и того меньше. Вдруг на фоне золотисто-зеленого диска одной из лун показалась огромная тень с широкими крыльями. Тень была настолько большая, что Тревису на мгновение показалось, что это вертолет. Но крылья захлопали, и существо слилось с темнотой ночи. Этот ночной охотник представлял реальную и очень серьезную опасность. Такого Тревис еще никогда не видел.

Теперь Тревис мог полагаться только на самого себя и на свое охотничье чутье. Он забросал единственный подход в ложбину хрупкими палочками. Их хруст предупредил бы его о приближении незваного гостя. Затем, согнув колени и положив голову на руки, он задремал. Однако холод так пробрал его, что он был ужасно рад увидеть небо, окрашенное первыми лучами рассвета. Тревис съел скудный паек, запил его водой и отправился в путь.

Когда солнце было уже высоко, апач достиг водопада. Чем ближе Тревис подходил к долине, тем быстрее он шел, иногда переходя на бег. Однако перед входом в долину в Тревисе заговорила природная осторожность,

и он намеренно замедлил шаг. Он добрался до арки и окунулся в золотистый туман, окружавший башни.

С тех пор, когда он побывал здесь с Кайдессой, в долине ничего не изменилось. Разве что появились Наликидью и Нагинлта. Нехотя поднявшись с желто-зеленой брусчатки, они потрусили навстречу Тревису, не выражая при этом никакого удивления, словно расстались с ним час назад.

Апач опустил на одно колено и протянул руку к самке, которая всегда была более дружелюбна. Она сделала несколько шагов и, ткнувшись холодным носом в ладонь Тревиса, тихо заскулила.

«Почему?» Но это был лишь один вопрос из многих, возникших у Тревиса. Почему койоты покинули его? Почему они предпочли это место, хотя здесь не на кого было охотиться? Почему они встретили его здесь, словно знали наверняка, что он вернется?

Тревис перевел взгляд с животных на башни и на окна, расположенные вдоль стен. И вновь ему почудилось, что за ним наблюдают. Туман был настолько густым, что наблюдатель мог легко остаться незамеченным. Апач медленно вошел в долину. Его мокасины бесшумно ступали по каменной дороге, лишь стук коготков койотов раздавался в тишине. Лучи солнца не проникали сюда, вместо этого Тревиса окутывал густой золотистый туман. Тревису казалось, что он окутывает его словно кокон. Даже арку, ведущую в долину, было невозможно разглядеть.

— Найе-незиани — победитель чудовищ! Дай моим рукам силу натянуть лук и дай силу моим запястьям удержать нож.

Из каких глубин памяти всплыл этот древний призыв? Тревис даже не понимал смысл слов, пока не произнес их вслух.

— Ты, ждущий — ши индай то-да ишан — апач не пища для тебя! Я — Фокс из племени Итка-ткунде`ю — Народа Орлов. А рядом со мной идут га`н...

Тревис замигал и замотал головой, словно пробуждаясь. Почему он это сказал, используя слова и фразы, которые не были частью современного языка? Тревис обошел вокруг основания первой башни, но двери не нашел. Ему не удалось обнаружить ни малейшего отверстия или щели. Он обошел все три. Безрезультатно. Если он хочет попасть внутрь, то нужно найти способ добраться до нижних окон.

Тревис прошел через другую арку, туда, где располагался лагерь монголов. Но ни одного из них он не заметил. Он согнул молодое деревце, срезал его и обстругал так, что получилось нечто, похожее на жердь. Затем апач порвал на полосы свой кушак и связал их в длинную веревку, которой, правда, едва хватало для его целей. Он весьма удачно метнул палку в окно ближайшей башни, и она застряла там. Такая дорога вверх была очень ненадежна, но лучшего он придумать не смог. Тревис карабкался по веревке, пока ему не удалось дотянуться рукой до подоконника. Тогда он подтянулся и забрался внутрь.

Подоконник оказался довольно широким, около метра от внешнего до внутреннего края. Мгновение Тревис медлил, не решаясь двигаться дальше. Внизу на брусчатке лежали койоты, подняв морды кверху и облизываясь. В их глазах светился неподдельный интерес.

Полутемное внутреннее помещение было круглым. Второе окно располагалось как раз напротив первого, на противоположной стене. Тревис спрыгнул с подоконника и замер, осматривая комнату. Мебели здесь не было вообще, лишь в самом центре помещения располагалось нечто вроде колодца, наполненного темной жидкостью. Из него поднималась гладкая, слабо мерцающая

колонна. Привыкшие к темноте глаза индейца определили, что на темно-синем фоне пульсировали сгустки зеленого и лилового цвета.

Колонна уходила вверх и вниз в одинаковые отверстия. Таким образом, у Тревиса было два выхода: либо подняться вверх по колонне, либо влезть в верхнее помещение через окно. Тревис медленно двинулся к колодцу. Под ногами он ощущал твердую гладкую поверхность. Пол был покрыт толстым слоем пыли, и при каждом шаге она поднималась вверх маленькими облачками. На полу виднелись отпечатки странной треугольной формы, и апач подумал, что их могли оставить птицы. Отпечатков ног он не увидел. Вероятно, эту башню очень давно никто не посещал.

Тревис подошел к колодцу и посмотрел вниз. Кроме темноты он ничего не увидел, только свет, исходящий от колонны, проступал отчетливее. Однако даже этот свет не позволял рассмотреть колодец изнутри. Тревис постарался исследовать колонну, насколько это было возможно. Ее поверхность казалась абсолютно гладкой, без единой трещины или скобы. Если эта колонна и служила лестницей, то на ней почему-то отсутствовали какие-либо уступы или ступени.

Наконец Тревис решился дотронуться до колонны. Он хотел было отдернуть руку, но ничего не получилось. Его пальцы словно прилипли к странному материалу, из которого была сделана колонна. Он был гладким и твердым, как металл, но в то же время — эта мысль вызвала у Тревиса приступ тошноты — теплым и похожим на живую плоть! Он собрал все свои силы и попытался освободиться, но тщетно. Теперь уже и вторая рука потянулась за первой! Внутри Тревиса поднялся животный ужас, он поднял голову и закричал, как раненный охотником зверь.

Мгновение спустя колонна крепко держала обе руки индейца, и он вдруг почувствовал, что его ноги начинают отрываться от спасительного пола, а тело тянется к колонне. К своему ужасу он понял, что скользит вниз. Тревис закрыл от страха глаза, его тело сотрясала дрожь.

После того как прошел первый шок, апач понял, что он не просто падает вниз. Он спускался вниз со скоростью человека, идущего пешком. Тревис уже миновал два помещения и теперь, судя по всему, находился ниже уровня долины. Он все еще был пленником колонны, окруженным кромешной темнотой. Наконец его ноги коснулись твердой поверхности, и он понял, что достиг основания колонны. Тревис вновь напряг свои силы, чтобы высвободиться, и выскочил так быстро, что едва не упал. Неведомая сила уже не держала его. Он стоял, тяжело дыша. Казалось, что свечение, исходящее от колонны, наполняло воздух и являлось его частью. В помещении было довольно светло, и Тревис рассмотрел, что стоит в темном коридоре, который уходит вправо и влево.

Апач вновь подошел к колонне и приложил к ней ладони. Никакого эффекта. На этот раз его плоть не приклеилась, стало быть, у него не было пути назад. Оставалось только надеяться, что коридор выведет его на поверхность. Но в какую сторону пойти? Наконец он решил идти направо, останавливаясь каждые несколько шагов и прислушиваясь. Однако никаких звуков, кроме тихого шороха его собственных шагов, не доносилось. Воздух был очень свеж, и Тревису показалось, что он различает слабое дуновение ветерка. Возможно, он прав, и впереди его ждет выход.

Но вместо этого он попал в комнату, при виде которой у апача вырвался возглас удивления. Стены были абсолютно пустые и излучали такое же сине-зелено-лиловое свечение, как и колонна. Прямо перед Тревисом

стояли стол и скамья, вырезанные из желтовато-красной горной породы. Другого выхода, кроме того, откуда пришел он, не было.

Тревис подошел к скамье. Отодвинуть ее было невозможно. Она была расположена так, что кто бы на нее ни сел, оказывался за столом, лицом к стене. На столе лежал предмет, который Тревис немедленно узнал. Это было устройство считывания ленты, с помощью которого путешественники, невольно оказавшиеся на чужой планете, получали информацию о древней галактической цивилизации.

Считывающее устройство, а рядом с ним коробка с кассетами. Тревис осторожно прикоснулся к ним, опасаясь, что они могут превратиться в пыль. Это помещение было давным-давно заброшено. Каменный стол, скамья, башни — все это уцелело, пережив сотни лет, а вот другие предметы...

Кассеты были целыми. А слой пыли, покрывавший их, был тоньше, чем в верхнем помещении. Сам не зная, зачем, Тревис перекинул ногу через скамью и уселся за стол. Считывающее устройство и коробка с кассетами лежали прямо перед ним.

Он посмотрел на стены, но тут же поспешно отвел взгляд. Разноцветные переливы приковывали к себе взгляд. У Тревиса возникло ощущение, что если он будет смотреть на это слишком долго, то колдовские сети поработят его волю, как машины русских. Он переключил свое внимание на считывающее устройство. Оно было похоже на те, что использовались на их звездолете.

Эта комната, стол, скамья были сделаны с единственной целью, Тревис мог поклясться в этом: использовать устройство. Руки Тревиса лежали на коробке с кассетами, но он никак не мог заставить себя открыть ее. Должно быть, эти кассеты были очень важны для тех, кто их оставил. Вся эта долина с башнями была

ловушкой для того, чтобы заманить в это подземное помещение любого, кто войдет в долину.

Тревис открыл коробку с кассетами, вставил одну из них в устройство и преник глазами к окуляру на его крышке.

Когда Тревис вновь взглянул на стены, ничего не изменилось. Но спазмы в мышцах подсказали ему, что с того момента, как он взял первую кассету, прошли часы. Апач закрыл руками уставшие глаза и постарался сосредоточиться. Кассета содержала огромное количество записей на непонятном языке. Кроме этого он видел трехмерные картинки, сопровождающиеся комментариями на чужом языке. Голос говорившего, казалось, возникал прямо из воздуха. Тревис мало что понял, о значении всего остального он мог только догадываться. А некоторые догадки были совершенно неправдоподобными. Единственное Тревис знал наверняка: эти башни были построены безволосыми инопланетянами и имели крайне важное значение для этой исчезнувшей цивилизации. Несмотря на то что информация была очень разрозненной, Тревис понял, что на Топазе находятся такие сокровища, о которых он не мог и помыслить.

Тревис начал раскачиваться на скамье. Знать так много и одновременно так мало! Если бы только с ним был Эш или какой-нибудь другой техник, участвующий в проекте! Сокровища, о которых ничего не известно, могут стать настоящим ящиком Пандоры для нашего поколения. Тревис по очереди осмотрел стены комнаты. Теперь его взору открылось нечто новое: в стенах были двери. Тревис был почти уверен, что сможет открыть хотя бы одну из них. Но не сейчас. Конечно, не сейчас!

Еще в одном он был уверен: скорее всего, русские не обнаружили этого помещения. Ведь если информация попадет им в руки, это будет означать не только конец для всех тех, кто находится на Топазе, но и ко-

нец для всей Земли. Это место может содержать совершенно новое знание, которое в состоянии в мгновение ока уничтожить целые нации! Если бы он только мог — хотя все его существо археолога протестовало против этого, — он бы уничтожил эту долину со всеми ее постройками. Но если у русских и есть возможности и оружие для этого, то у апачей — нет. И тем не менее он и его люди должны сделать все возможное, чтобы не пустить в долину врага, а прежде всего уничтожить лидеров русских. И это должно быть сделано до того, как они обнаружат башни!

Тревис тяжело поднялся. Глаза болели, голова была забита картинками, намеками и размышлениями. Ему хотелось выйти отсюда на свежий воздух, где ветер, дующий с гор, развеял бы эти пугающие знания из его затуманенного сознания. Он, пошатываясь, вышел в коридор, прикидывая, как вновь попасть наверх. На его пути вновь встала колонна. Надежды не было, но, повинувшись какому-то внутреннему инстинкту, он приложил ладони к гладкой поверхности. И вновь его руки, а затем и тело прилипли к колонне, только теперь он скользил вверх.

Тревис, затаив дыхание, миновал первый уровень и лишь потом расслабился. Принцип действия этого странного подъемного устройства был ему непонятен. Но оно работало, и это Тревиса вполне устраивало. Когда он вновь очутился в комнате с окнами, солнечный свет покинул ее. Вместо этого на пыльном полу были видны отблески зеленоватой луны. Должно быть, апач провел в подземной комнате целый день.

Тревис отошел от колонны. Его импровизированная лестница была на прежнем месте, и он бросился к ней. Ему нужно было во что бы то ни стало догнать своих. То, что они собирались сообщить клану, потеряло всякую значимость в свете новых открытий. Те-

перь апачам нельзя, избегая сражения, двигаться на юг и оставить без присмотра долину.

Тревис спрыгнул вниз и стал озираться в поисках койотов. Он даже попытался мысленно позвать их. Но они исчезли так же таинственно, как и появились. У Тревиса не было времени на поиски. Вздохнув, он отправился в обратный путь.

Тревис помнил, что в старые времена индейские воины могли преодолеть пешком сорок пять, а то и пятьдесят миль по пересеченной местности в день. Но, несмотря на то что он не был настолько быстр, Тревис был уверен, что успеет догнать остальных. Однако, подойдя к перевалу, он никого не обнаружил. По знакам, оставленным индейцами, он понял, что они доберутся до лагеря гораздо раньше него и сообщат новости, прежде чем он расскажет о своих.

Тревис упорно шел вперед. Он ужасно устал и поддерживал себя только пайком из своей сумки. Он старался не просто быстро идти, а бежать трусцой. На протяжении всего пути его преследовали увиденные им картины. Чудовищной силы бомба была кошмаром, преследовавшим его народ на протяжении долгого времени. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что вытворяли безволосые.

Наконец, когда его силы были на исходе, он рухнул возле ручья и заснул. Когда Тревис проснулся, чтобы продолжать путь, ярко светило солнце. Что это за день? Как долго он находился в подземной комнате? Он уже потерял счет времени. Но он твердо знал одно: нужно добраться до лагеря, рассказать о своей находке и убедить Деклая и других реакционеров в необходимости вторжения на север.

Пик горы, знакомый ориентир, показался на горизонте. Тревис шел вперед, тяжело дыша. Его дыхание со свистом вырывалось из потрескавшихся, опаленных

солнцем губ. Он даже не предполагал, что его лицо выглядит так, будто на него надели маску непреклонной решимости.

— Э-ге-ге-гей!

До притупленного слуха апача донесся крик. Он поднял голову и увидел стоящих перед ним людей. Он никак не мог взять в толк, что означает нацеленное на него оружие. В нескольких дюймах от его ног о землю ударился камень, за которым последовал второй.

— Ни`ильгак!

Колдун? Где они увидели колдуна? Тревис затряс головой. Здесь нет никаких колдунов.

— До не`илка да!

Древняя угроза смерти. Но почему? Для кого?

В Тревиса вновь полетел камень. Он с такой силой ударил его по ребрам, что апач отлетел назад и упал. Он попытался встать на ноги, но увидел, как ослабился и замахнулся Деклай. Наконец Тревис понял, что произошло. В тот же самый момент его голова взорвалась болью, и он начал проваливаться в колодезь тьмы. Только на этот раз не было синей светящейся колонны, которая смягчила бы его падение.

Глава 13

Что-то неприятно мокрое и шершавое ткнулось в щеку Тревиса. Он попытался отстраниться, но его пронзила такая боль, что он замер, не смея пошевелиться. Тревис открыл глаза и увидел заостренные уши и очертания головы койота на фоне грязно-серого неба. Он узнал Наликидью. Тревис вновь почувствовал, как что-то влажное прошло по его лбу, но на сей раз это не было языком койота. Темные облака разразились жутким дождем, впервые за все пребывание Тревиса на Топазе. Его била дрожь, а мокрая насквозь одежда

говорила о том, что он уже лежит под струями дождя довольно долго.

Тревису стоило огромного труда подняться на колени, но Наликидью, схватив его зубами за рубашку, тащила его и тянула. Таким образом, апачу удалось доползти до какой-то низины и укрыться от дождя под ветвями дерева. Здесь силы снова покинули его. Тревис согнулся, прижав колени к груди, пытаясь побороть пульсирующую боль в голове, которая сопровождала каждое его движение. Одновременно он пытался вспомнить, что же произошло.

Встреча с Деклаем и пятью другими индейцами, обвинение в колдовстве... В старые времена это было очень серьезное обвинение. Старые времена! Для Деклая и его приспешников они никогда не кончались. А эту угрозу — до не`илка да — буквально можно было перевести как: «Ты не увидишь рассвета — смерть!»

Камни. Последнее, что помнил Тревис, были камни. Он медленно поднял руки, чтобы ощупать туловище. Все оно было покрыто синяками: плечи, ребра и даже бедра. Должно быть, его, уже потерявшего сознание, закидали камнями. Его забросали камнями! А это могло означать лишь одно: его изгнали из клана. Но почему? Ведь враждебность Деклая вряд ли могла быть одобрена Оленем, Джил-Ли, Цоаем или Ноланом. Тревис не мог собраться с мыслями.

Вдруг Тревис почувствовал, что начал согреваться. Сознание начало проясняться. Это было странное ощущение, которое нельзя было описать словами. Наликидью тесно прижалась к человеку мягким боком, положив голову ему на плечо. От ее дыхания мокрые спутанные волосы на его голове слегка шевелились. Тревис обнял животное одной рукой и услышал в ответ довольное повизгивание. Его уже давно перестали удивлять действия койотов, и сейчас он был ужасно

благодарен Наликидью за помощь. Мгновение спустя Нагинлта протиснулся под нависавшей веткой и улегся рядом. Тревис ласково погладил мокрую спину койота.

— И что теперь? — вслух спросил он.

Деклай мог устроить такое только с согласия большинства членов клана. А что, если этот реакционно настроенный индеец стал новым вождем, и изгнание Тревиса лишь укрепило его престиж?

Отчасти озноб, сотрясавший Тревиса, прошел, но время от времени его вновь начинала бить дрожь. Еще на Земле Тревису, как, впрочем, и всем остальным, сделали все известные прививки, включая несколько совершенно новых. Но простуде человеческое тело противостоять не могло, хотя сейчас совсем не было времени болеть.

Тревис начал стягивать с себя промокшую одежду, задерживая дыхание всякий раз, когда его тело пронзала боль, возникающая от любого неосторожного движения. Он сгреб с земли прошлогодние листья и начал ими обтираться. Тревис понимал, что не может ничего предпринять, пока его мысли путаются. Наконец ему удалось уснуть, а койоты улеглись рядом, образовав из своих тел подобие гнезда. Апач спал, и ему снились сны, однако после пробуждения он не мог вспомнить ни одного из них, лишь страх и разочарование. Он проснулся от мерного стука дождя. Снаружи было темно. Тревис протянул руку, но койотов рядом не было. В голове прояснилось, и он неожиданно для себя понял, что нужно делать. Как только силы вернуться к нему, ему следует обратиться к традициям прошлого. Ситуация была настолько безнадежной, что толкала его на безрассудство. Он был готов вызвать Деклая на бой.

Тревис нахмурился. Он был выше своего врага и на три или четыре года младше. Но у Деклая было более плотное телосложение, да и руки длиннее. И все

же апач был уверен, что Деклай никогда не сражался один на один по старой индейской традиции. Тревис имел право прийти в лагерь и вызвать Деклая на бой. А тот, в свою очередь, мог либо принять вызов, либо признать себя побежденным. Но это было самое легкое.

В прошлом такие поединки всегда имели один и тот же исход: смерть, по крайней мере, для одного из сражающихся. Если Тревис встанет на этот путь, то ему придется идти до конца. Но он не хотел убивать Деклая! Их было и так слишком мало на Топазе. Да, ему не нравился Деклай, но носить в себе ненависть к кому бы то ни было он не хотел. И все же ему придется вызвать Деклая на бой, в противном случае он навсегда останется изгоем. А Тревис не имел права рисковать будущим после того, что он узнал в башнях. Все равно, чья жизнь будет поставлена на карту — его или Деклая, — но это стоит того, он спасет апачей, а может, и весь мир.

Прежде всего ему нужно отыскать новое расположение лагеря. Если Нолану удалось убедить апачей, то они, скорее всего, двинулись на юг. Последовать за ними значило уйти от башен. Болезненная гримаса искажала лицо Тревиса. В этот момент он пожалел о том, что не может раздвоиться. Он хотел остаться в долине и охранять башни, но в то же время ему не терпелось разобраться с Деклаем. Но он все-таки был просто человеком, и ему придется рискнуть безопасностью башен.

Наликидью вернулась перед рассветом, притащив с собой какое-то существо, отдаленно напоминающее птицу. Крылья этого существа утратили свою былую функцию, зато ноги были очень мощными. Тревис разделал тушку, автоматически оставив несколько перьев для того, чтобы сделать стрелы. Он отрывал зубами куски сырого мяса, бросая косточки Наликидью. Несмотря на ноющую боль во всем теле и недомогание, Тре-

вис решил отправиться в путь. Он попытался мысленно связаться с койотами, представив апачей и, прежде всего, Деклая. Наликидью немедленно отозвалась. Тревис облегченно вздохнул: койоты готовы были отвести его к лагерю индейцев. Тревис с трудом брел по раскисшей дороге. И вновь в его сознании всплыл вопрос, который он уже не раз задавал себе. Почему койоты покинули его и ждали в долине? Что может связывать животных с Земли с остатками древней звездной империи? Тревис был уверен, что Нагинлта и Наликидью совсем не случайно остались в долине, скрытой золотистым туманом. Ему очень хотелось связаться с ними и получить ответы на интересующие его вопросы.

Без помощи койотов Тревис ни за что не отыскал бы следов перекочевавшего на другое место клана. Противная изморось сменилась проливным дождем, смывающим все следы. Небо над головой было бронзово-черным. Койоты бежали, уткнув носы в землю. Время от времени они исчезали за завесой дождя, и тогда Тревису приходилось ждать.

Дождь продолжался три дня и три ночи, превращая ручейки в стремительные потоки. Тревис надеялся, что индейцы передвигаются столь же медленно. Ведь они несли с собой многочисленные тюки. Но то, что они совсем не делали привалов, говорило о том, что они хотят как можно скорее уйти подальше от северных склонов гор.

На четвертое утро бронзовые облака сменились привычным золотом ясного неба. Солнце прорывалось сквозь остатки туч и освещало холмы, над которыми поднимался пар. Казалось, что там кипят сотни котлов. Наконец Тревис перестал мерзнуть и расслабился. Рубаха на его плечах высохла. Однако впереди земля все еще была залита водой, поэтому клан не мог уйти

слишком далеко. Раны Тревиса уже не болели, и он надеялся настигнуть племя в скором времени.

Два часа спустя Тревис сидел в засаде, поджидая дозорного, который шел прямо ему в руки. Ведомый койотами, Тревис обогнал процессию индейцев и оказался впереди. Теперь ему нужен был человек, который передаст его вызов. Дозорным оказался Манулито, один из сторонников Деклая, а это как нельзя лучше соответствовало планам Тревиса. Когда дозорный проходил мимо, Тревис сгруппировался и прыгнул. Под его тяжестью индеец упал, уткнувшись лицом в землю. Несмотря на активное сопротивление, противостоять Тревису он не смог, и тот в мгновение ока скрутил ему руки. Будь это кто-то другой, Тревис не был бы так удачлив, но по меркам индейцев Манулито был еще совсем мальчишкой.

— Лежи тихо! — приказал Тревис. — Слушай меня внимательно. Ты должен передать Деклаю слова Фокса!

Манулито перестал сопротивляться. Ему удалось повернуть голову и взглянуть на нападавшего. Тревис ослабил хватку и поднялся на ноги. Манулито сел. Он угрюмо посмотрел на Тревиса, но не стал хвататься за нож.

— Ты передашь Деклаю следующее: Фокс говорит, что у него мало разума и еще меньше храбрости, раз он предпочитает бросаться камнями, чем встретиться лицом к лицу в честном поединке. Если он считает себя воином, пусть докажет это. Его сила против моей силы, как гласит закон нашего народа!

Выражение лица Манулито изменилось.

— Ты хочешь вызвать Деклая на бой, как в древности?

— Да. Передай мои слова Деклаю. Скажи ему это открыто, чтобы все слышали. И пусть Деклай так же открыто и при всех даст свой ответ.

Сомнение в мужестве Деклая так явно слышалось в словах Тревиса, что Манулиито вспыхнул. Теперь-то он наверняка передаст слова Тревиса при всех. Чтобы не уронить свое достоинство в глазах клана, Деклай вынужден будет принять вызов, и тогда все будет зависеть от результата поединка. Когда Манулиито скрылся за кустами, Тревис мысленно позвал койотов. Он попытался объяснить им, что люди, ведомые Деклаем, могут отнестись весьма недружелюбно к животным. Поэтому им лучше до поры до времени не попадаться им на глаза. Если же фортуна окажется не на стороне Тревиса, то им и вовсе придется скрыться. Койоты все поняли и тут же укрылись в кустах, но не слишком далеко, чтобы поддерживать мысленный контакт с Тревисом.

Тревису не пришлось долго ждать. Сначала появились Джил-Ли, Олень, Нолан, Цоай и Льюп — все, кто был вместе с ним в разведке. Затем появился Деклай, окруженный воинами и женщинами.

— Я Фокс! — провозгласил Тревис. — А это тот, кто назвал меня колдуном и натдахе — изгоем гор. Теперь моя очередь называть вещи своими именами. Слушайте меня, индейцы! Это Деклай. Он хочет быть среди вас изеснантан — великим вождем. Но у него нет го`нди — священной силы вождя. Деклай — не кто иной, как глупец, голова которого занята лишь его собственными желаниями, не касающимися его братьев из клана. Он говорит, что ведет вас к безопасности. Я же говорю вам, что он ведет вас к самой страшной опасности, какую только можно себе вообразить. Он запутался в своих мыслях, запутает он и вас...

Олень резким окриком остановил начавшийся было ропот.

— Это пустые слова, Фокс! Ты готов их отстоять в бою? Тревис уже стаскивал с себя рубашку.

— Я готов, — процедил он сквозь зубы. Когда он очнулся после того, как его забросали камнями, Тревис хотел только одного: вызвать на бой Деклая. Но теперь он уже не был так уверен в благополучном исходе поединка, который решит не только судьбу двух людей, но и судьбу всего клана. Тревис заметил, что Деклай тоже раздевается. Лезвием ножа Нолан очертил на земле круг. С ножом в руке Тревис стоял в кругу напротив Деклая. Он посмотрел на мускулистый торс своего противника и понял, что его расчеты в отношении преимущества противника оказались близки к истине. Если принимать во внимание только физическую силу, то соперник был явно сильнее. Но насколько искусно Деклай владел ножом, предстояло выяснить.

Индейцы пошли по кругу, не спуская глаз друг с друга. Каждый из них старался оценить слабые и сильные стороны противника. Тревис вспомнил, что когда-то поединки между пинда-лик-о-йи были настоящим искусством. Соперники могли сражаться до бесконечности, не нанося при этом друг другу серьезных увечий. Но это была более жестокая, даже смертельная игра, лишенная всякого изящества. Тревис увернулся от удара Деклая.

— Бык начал действовать, — засмеялся он. — Лис тоже не промах!

По счастливой случайности Тревису удалось полоснуть ножом по руке Деклая, на которой тут же проступила багровая полоса.

— Давай, бык, нападай снова. Испробуй еще раз зубы лисы!

Тревис старался вывести Деклая из себя, зная его вспыльчивость. Это было опасно, но в то же время заставляло противника потерять всякую бдительность. Деклай взревел, его лицо побагровело. Он, словно взбе-

шенная пума, бросился на Тревиса, и тот едва ушел из-под удара. На его ребрах проступила кровь.

— Бык умеет бодаться! — торжествующе закричал Деклай. — Рога проткнул лису!

Он вновь бросился на Тревиса, воодушевленный видом крови. Но тому вновь удалось увернуться. Тревис понимал, что при таких маневрах ему следует быть более осторожным. Стоит только ему заступить за линию, как с ним будет покончено так, как если бы Деклай убил его. Тревис попытался броситься на противника, но споткнулся о камень. Сквозь подошву мокасина он почувствовал резкую боль, и в тот же момент боль пронзила его плечо и предплечье.

Ну что ж, у него в запасе имеется одна хитрость. Тревис подкинул нож и поймал его левой рукой. Теперь Деклаю придется сражаться с левшой, а это довольно сложно.

— Бей копытом, бык, тряси рогами! — крикнул Тревис. — Лиса все еще показывает зубы!

Деклай уже оправился от удивления и, заревев, как старый бык, бросился на Тревиса, надеясь, что этот удар будет последним. Он был уверен, что раненый противник слишком устал. Тревис быстро наклонился, упершись одним коленом в землю. Набрав полную горсть земли, апач бросил ее в багровое перекошенное от злости лицо Деклая. Конечно, влажная земля не могла ослепить человека, как песок, но все же она попала в глаза Деклая и на мгновение вывела его из строя.

Несколько секунд Деклай был полностью открыт для удара ножом. Но Тревис не хотел убивать его. Вместо этого он прыгнул прямо на своего противника. Перепачканной землей рукой Тревис вцепился в его лицо, а затем рукояткой ножа ударил по голове. Но Деклай, оглушенный ударом лишь наполовину, решил воспользоваться моментом. Падая на землю, он выставил впе-

ред нож, который на несколько дюймов вошел между ребер Тревиса. Не зная, откуда он черпает силы, Тревис старался удержаться на ногах. Шаг за шагом он выбрался из круга и, добравшись до спасительного ствола дерева, облокотился об него. Неужели с ним кончено?

Он изо всех сил старался не потерять сознание. Прочитал ли Олень что-то в его глазах или ему удалось передать ему мысли на расстоянии? Старый апач подошел к нему, но Тревис запротестовал. Он не хотел помощи.

— Башни... — он старался сосредоточиться на главном, хотя силы уже начали покидать его. — Русские не должны попасть туда! Это хуже, чем атомная бомба... конец для всех нас!

Сквозь пелену промелькнули лица Нолана и Джил-Ли, наклонившиеся над ним. Тревиса душил кашель. Они должны знать, должны поверить...

— Если русские доберутся до башен — все кончено. Не только здесь... но и дома...

Ему показалось, или он действительно увидел понимание в глазах Оленя? Поверили ли ему Нолан, Джил-Ли и остальные? Тревис больше не мог сдерживать кашель, а боль, сопровождавшая его, была невыносимой. Однако апач все еще держался на ногах. Нужно заставить их понять...

— Не позволяйте им проникнуть в башни. Найдите подземелье!

Тревис отошел от дерева и протянул к Оленю свою перепачканную землей и кровью руку.

— Клянусь... правда... нужно это сделать!

Он начал падать. В его голове крутилась одна-единственная мысль: когда он упадет, все будет кончено, не только для него, но и для всех остальных. Он посмотрел на людей вокруг, но все они расплывались, как во сне.

— Башни! — он хотел прокричать это, но из горла вырвалось лишь шипение.

Глава 14

Спина Тревиса покоилась на свернутых одеялах. Сам он, нахмурясь, смотрел на кусок светло-желтой коры с нацарапанными на ней зелеными линиями, лежащий на его коленях.

— Мы находимся здесь... а корабль здесь... — Тревис поставил большой палец на одну точку на схеме, а указательный — на другую. Олень кивнул.

— Да, это так. Цоай, Эскелта, Кавайкл следят за тропами. Но есть еще перевал и две другие тропы, по которым можно пройти. Но кто станет охранять небо?

— Монголы говорят, что русские не решаются посылать вертолет в горы. После того, как они высадились здесь, они потеряли один вертолет из-за воздушных потоков. Оставшимся они не хотят рисковать. Если только они не получили подкрепления.

И вновь Тревиса охватил страх. Страх времени. В его сознании время превращалось в веревку, которая, казалось, затягивается вокруг его шеи.

— Ты думаешь, что информация о нашем звездолете выманит их на открытое место?

— Да. Или информация о башнях. Думаю, что это их заинтересует. Они могут выслать контролируемый отряд монголов, чтобы обследовать корабль. Но в этом случае их техники не получают полной информации. Думаю, что, как только они узнают, что здесь находится звездолет Западного Альянса, они тут же придут сюда. Если не все, то большая их часть. Мы должны поймать их на открытом месте, иначе они запрутся в своем звездолете, и нам их оттуда уже не выманить.

— А каким образом они узнают о нашем звездолете? Послать разведывательный отряд и позволить им проследить за ним?

— Это в крайнем случае. — Тревис продолжал смотреть на карту. Можно, конечно, дать русским воз-

возможность проследить за отрядом апачей. Но в клане каждый человек на счету. Должен быть другой способ приманить русских к разбитому кораблю. Может, взять в плен одного из русских, а затем дать ему убежать? Но это потребует времени. А его в запасе не было. А кроме того, как долго придется ждать подходящего момента для поимки пленника? Это опять дополнительный риск.

— Если бы только можно было положиться на монголов... — вслух подумал Олень.

Но это «если» было слишком ненадежно. Они не могут рассчитывать на монгол. Неважно, насколько сильно они ненавидят русских. Пока их контролируют машины, они ничем не могут помочь. Или могут?

— О чем-то думаешь? — Олень заметил, что выражение лица Тревиса изменилось.

— Предположим, что кто-то из монголов увидит звездолет, а затем его подберет патруль русских. Таким образом, они получают информацию.

— Думаешь, кто-нибудь из монголов согласится на это? Даже если согласится, нужно учитывать, что русские могут выудить всю информацию до конца, в том числе и то, что касается наших планов.

— А если использовать бежавшего пленника? — предположил Тревис.

Теперь наступила очередь Оленя рассуждать. Идея была весьма сырой, но ее можно было доработать. К примеру, они возьмут в плен Менлика и внушат ему, что хотят убить его за нападение в горах. Затем ему дадут возможность бежать и станут преследовать его, пока он не попадет в руки к русским. Рискованно, но может сработать. Тревис теперь по-другому относился к риску. Риск, на который он пошел, стоил ему двух серьезных ран. Одна могла бы даже убить его, не окажись рядом Джил-Ли, прошедшего медицинскую

подготовку. В то же время Тревис снова стал полноправным членом клана и завоевал уважение сородичей.

— Девушка! Монголка!

Сначала Тревис даже не понял, что Олень имеет в виду.

— Мы возьмем в плен девушку, — объяснил тот, — затем дадим ей возможность бежать и будем преследовать, пока ее не подберут русские. Мы даже можем продержат ее некоторое время внутри корабля.

Кайдесса? Несмотря на то что что-то внутри него протестовало против этого, Тревис видел преимущества выбора Оленя. Обычай воровать женщин был чуть ли не самым древним среди примитивных народов. Монголы в прошлом и сами промышляли этим, находя тем самым жен для себя. Апачи также забирали пленных женщин к себе в вигвамы. Да, это будет выглядеть вполне естественно. Женщина сбежала, и за ней организовали погоню. А если ей отрезать путь к укрывшимся в горах родственникам, то она побежит к русским. Вполне логично.

— Ее нужно будет как следует напугать, — неохотно заметил Тревис.

— Мы сделаем это...

Тревис посмотрел на Оленя с раздражением. Он не хотел, чтобы с Кайдессой сыграли одну из тех злых шуток, которые были так распространены в прошлом. Но, судя по всему, Олень подразумевал что-то другое.

— Три дня назад, когда ты еще был без сознания, мы с Деклаем ходили к звездолету...

— С Деклаем?

— Ты одержал честную победу, и ему теперь надо восстановить свою честь. А совет запретил в будущем такие бои, — пояснил Олень, — поэтому он должен найти другой способ самоутвердиться. Когда он услышал о башнях, то понял, что с русскими нужно драться,

а не спастись бегством. Теперь ему не терпится выйти на тропу войны, слишком не терпится. Мы вернулись на звездолет, чтобы отыскать еще какое-нибудь оружие...

— Но ведь раньше мы ничего не нашли там.

— Да и теперь не нашли. Но мы обнаружили кое-что другое. — Олень замолчал, но Тревиса насторожил тон, каким это было сказано. Казалось, что Олень не может подобрать слов, чтобы описать найденное.

— Прежде всего, — продолжал Олень, — там было это мертвое существо, рядом с тем местом, где был найден доктор Ратвен. Оно очень похоже на человека... но все покрыто серебристыми волосами...

— Человекообразные! Человекообразные из других миров! Что еще ты видел?

Тревис уронил карту. Он схватил Оленя за рукав, и тут же его лицо исказила болезненная гримаса. Раны все еще давали о себе знать. Безволосые космические путешественники — может, они обитают где-то здесь? Не они ли приходили осмотреть звездолет, сконструированный на манер их собственного, но пилотируемый человеком?

— Мы не нашли ничего, кроме следов, очень много следов. Они были везде. Думаю там была целая толпа каких-то существ.

— А что убило человекообразного?

Олень облизал губы.

— Я думаю, страх... — Его голос дрогнул, и Тревис пристально посмотрел на него. — Звездолет изменился. Внутри него что-то не так. Когда идешь по коридорам, мурашки бегают по спине. Все время кажется, что кто-то находится за спиной. Ты слышишь какие-то звуки, видишь что-то краем глаза... А когда поворачиваешься — ничего. Абсолютно ничего! И чем дальше заби-

раешься в звездолет, тем хуже. Говорю тебе, Тревис, я никогда не испытывал ничего подобного!

— Но ведь там осталось много мертвых, — напомнил Тревис. Неужели древний страх апачей перед мертвыми превратился под воздействием редакса в настоящую фобию. Даже такого уравновешенного воина, как Олень, он сбил с толку.

— Я и сам так подумал вначале. Но потом понял, что самые неприятные ощущения появились у меня не рядом с тем местом, где мы похоронили наших мертвых, а выше, в кабине с редаксом. Я подумал, что машина все еще работает, но не так, как раньше. Теперь она не пробуждает в нас память предков, а лишь активизирует страхи, которые когда-либо преследовали нас. Говорю тебе, когда мы вышли оттуда, Деклай вел меня за руку, как ребенка. А сам он дрожал так, словно уже никогда не согреется. В этом звездолете — зло. Зло вне пределов нашего понимания. Думаю, что если эта монголка посидит там хоть немного, она напугается так, что любой ученый поймет, что звездолет содержит самую настоящую тайну.

— А человекообразные? Может, они пытались выключить редакс? — поинтересовался Тревис. Но думать о том, что человекообразные существа могли заинтересоваться машиной, было бы глупо. Но с другой стороны, их находили на различных планетах. Да и Эш высказывал предположение, что они могут являться деградирующими потомками разумных существ.

— Возможно. И если это так, то машина убила одного из них. Теперь в звездолете поселились привидения.

— Но послать туда девушку...

Сначала Тревис согласился с предложением Оленя, но теперь он колебался. Если атмосфера корабля стала столь зловещей, как говорит Олень, то запереть там Кайдессу, даже временно, было бы жестокой ошибкой.

— Ей не придется оставаться там долго. Мы можем сделать вот что: зайдем туда вместе с ней, а потом изобразим дикий страх. Мы можем убежать, оставив ее там. А когда она покинет звездолет, начнем ее преследовать. Внутри звездолета мы будем с ней и сможем проследить, чтобы она не оставалась там надолго.

Такой план нравился Тревису гораздо больше. Но в одном он был непреклонен: если уж Кайдесса должна посетить звездолет, то он будет одним из сопровождающих. Он так и сказал Оленю, и тот с ним согласился. Они отправили разведывательный отряд на север, чтобы он прочесал территорию и взял в плен Кайдессу. Тревис не пошел с отрядом, так как раны еще болели.

Пять дней спустя он был уже в состоянии добраться до хребта, на котором лежал разбитый звездолет. С ним отправились Джил-Ли, Льюп и Манулито. Судя по всему, после Оленя и Деклая звездолет никто не посещал, по крайней мере, свежих следов человекообразных не было видно.

— Отсюда, — сказал Тревис, — звездолет выглядит почти нетронутым, словно готов взлететь в любую минуту.

— Он может подняться, — Джил-Ли указал на пик горы, — вон туда. С этой стороны баки с горючим целы.

— А вдруг русские заберутся туда и полетят? — спросил Манулито.

Неожиданно Тревису в голову пришла одна из тех сумасшедших идей, которые частенько посещали его после приземления на Топазе. А что, если звездолет и впрямь может подняться в воздух? Тогда можно поднять его с русскими техниками на борту, а потом взорвать... Но он не был инженером и не мог знать, какая из частей звездолета работает, а какая нет.

— Они не дураки. При ближайшем рассмотрении станет понятно, что это всего лишь груда металла, — возразил Джил-Ли.

Тревис направился к звездолету. Впереди от кустов отделилась темно-рыжая тень. Это был Нагинлта. Он стоял на тропе и рычал. Видно, он почувствовал что-то внутри звездолета.

— Вперед! — Тревис обошел ворчащее животное. Койот нехотя последовал за ним. Из-за кустов послышалось взволнованное тьяканье, и через мгновение отсюда показалась голова Наликидью. В отличие от Нагинлты она не решилась следовать за человеком.

Тревис внимательно осмотрел звездолет, стараясь припомнить его внутреннюю обстановку. Насколько реально превратить эту гигантскую сферу в ловушку? Что там рассказывал о работе редакса Эш? Помнится, он упоминал какие-то волны, стимулирующие определенные мозговые и нервные центры. А что, если попробовать защититься от этих лучей? А вот и пробойна, через которую он выбрался в ночь крушения. Рядом было отделение, в котором хранилось космическое снаряжение. Если его содержимое не повреждено, то они могут найти что-нибудь полезное для себя. Тревис подзвал Джил-Ли.

— Помоги-ка мне.

— Зачем?

— Хочу посмотреть, целы ли скафандры.

Джил-Ли непонимающе посмотрел на Тревиса. Тут подоспел Манулитто:

— Но нам не нужны скафандры. Мы можем дышать и без них.

— Они нам нужны не для того, чтобы дышать, — Тревис ускорил шаг, — их можно использовать для различных целей.

— Ты имеешь в виду защиту от редакса! — воскликнул Джил-Ли. — Но тебе нужно остаться здесь, младший брат. Забираться внутрь довольно рискованно, а ты еще слаб.

Тревису пришлось с этим согласиться. Он подождал, пока Манулито и Льюп заберутся через пробину внутрь. К счастью, Олень и Деклай предупредили их, поэтому для них не будут неожиданностью странные ощущения внутри звездолета. Однако, когда они вернулись, таща за собой скафандр, их лица были бледны, лбы покрыты каплями пота, а руки тряслись. Льюп опустил на землю рядом с Тревисом.

— Злые духи, — сказал он, называя свои ощущения древним именем, — там гуляют привидения и колдуны.

Манулито расстелил скафандр на земле и стал его обследовать. Все это он проделывал со знанием дела.

— Скафандр не поврежден, — сделал он вывод, — можно надевать.

Скафандры были определенного размера, и этот подходил как раз ему, Тревису Фоксу. Но Манулито уже собирался примерить скафандр на себя.

— Я его испробую, — сообщил он.

Тревис прекрасно понимал, чего стоило молодым индейцам отыскать скафандр, поэтому он признал за ними право первыми его испробовать. Одетый в скафандр, Манулито вновь полез внутрь звездолета. Единственным средством связи была веревка, обвязанная вокруг талии Манулито. Однако, если бы он пошел на другой уровень, веревку пришлось бы отвязать, так как она была слишком коротка.

Сначала Манулито не подавал никаких предупредительных сигналов. Медленно досчитав до пятидесяти, Тревис подергал за веревку и обнаружил, что она привязана к чему-то неподвижному. Должно быть, Манулито полез в кабину пилота. Апачи продолжали ждать.

Нагинлта, отойдя на безопасное расстояние от звездолета, время от времени начинал тьявкать, а его подруга отвечала беспокойным эхом.

— Не нравится мне это, — начал было Тревис, но осекся: из пролома показалась голова в шлеме. Манулиито опустился на землю, сорвал с головы шлем и начал жадно глотать ртом воздух.

— Ну? — Тревис проявлял нетерпение.

— Я не видел духов, — улыбнулся молодой апач, — эта штука от них очень хорошо защищает, — он похлопал себя перчаткой по груди. — Я еще кое-что помню об устройстве звездолетов. Так вот, некоторые механизмы все еще работают. Этот звездолет можно превратить в отличную ловушку. Мы заманим русских внутрь и... — он выразительно резанул воздух ребром ладони.

— Но мы ничего не знаем о двигателе, — заметил Тревис.

— Нет? Послушай, ты, Фокс! Ты не один еще что-то помнишь, — улыбка сошла с лица Манулиито. — Ты действительно считаешь, что мы все стали дикарями, как того хотели организаторы проекта? С помощью своего редакса они здорово подшутили над нами. Что ж, мы тоже умеем шутить. Я, например, выпускник технологического университета. Или ты уже не помнишь таких вещей, Фокс?

Тревис смутился. Он и впрямь забыл. С самого начала проекта апачей очень тщательно подбирали, учитывая не только их врожденную способность к выживанию, но и другие приобретенные навыки. Он, Тревис, был отличным специалистом в области археологии, Манулиито являлся техником. Вначале редакс заставил забыть людей о своих навыках. Но они слишком долго находились вне его воздействия, и эффект начал пропадать.

— Так ты можешь что-то сделать? — спросил Тревис.

— Я попробую. По крайней мере, можно устроить западню в рубке управления. Наверняка они туда полезут. Но не очень-то удобно работать в скафандре. Может, мне сначала уничтожить редакс?

— Пока нет. Нужно испробовать его на нашей пленнице, — решил Джил-Ли, — у нас еще будет время сделать это перед приходом русских.

— Ты говоришь так, словно они действительно придут, — вмешался в разговор Льюп. — Как ты можешь быть так уверен?

— Ни в чем нельзя быть уверенным, — согласился Тревис, — но все же надо на это рассчитывать. Едва только русские узнают о разбитом звездолете, им немедленно захочется обследовать его. Они не могут допустить присутствия врага в горах. Для них это реальная угроза.

Джил-Ли согласно кивнул.

— Это правда. План действительно сложен, и в любой момент что-то может пойти не так. Но иначе мы поступить не можем.

С помощью Льюпа Манулито освободился от скафандра. Он прислонил его к камню и сказал:

— Я думал об этой сокровищнице в башнях. Думаю, мы найдем там какое-то новое оружие.

Тревис колебался. Он все еще не решался открывать потайные помещения, расположенные за мерцающими стенами. Ведь они могли таить в себе неведомые опасности.

— А если мы возьмем оттуда оружие и проиграем бой... — он выдвинул первое пришедшее в голову предположение и с облегчением заметил понимание на лице Джил-Ли.

— Таким образом, мы только откроем русским путь к оружию, — согласился тот.

— И все же нам стоит попытаться, — произнес Манулито, — допустим, у нас получится заманить в ловушку вражеских техников. Но как мы справимся с ними? Нам нужно более серьезное оружие, чем то, которым мы располагаем.

Тревис понимал, что Манулито прав. Итак, им придется открыть ящик Пандоры до начала сражения.

Глава 15

Индейцы пробыли возле звездолета еще два дня. Манулито бродил по коридорам и кабинам звездолета в скафандре, прикидывая, как лучше устроить ловушку. По ночам он вычерчивал какие-то схемы на кусках коры и объяснял возможность применения той или иной аппаратуры. Иногда он вдавался в такие подробности, что его товарищи переставали понимать, о чем идет речь. Несмотря на это, Тревис был доволен тем, что Манулито действует со знанием дела.

Наутро третьего дня появился Нолан. Его лицо осунулось и покрылось пылью. Сказывалось трудное путешествие. Тревис подал Нолану флягу с водой, и тот с жадностью стал пить. Напившись, заговорил.

— Они вскоре придут... с девчонкой...

— Сложности были? — осведомился Джил-Ли.

— Монголы перенесли лагерь на другое место. Мудро поступили. Судя по всему, русские обнаружили место их прежней стоянки. Теперь монголы идут дальше на запад, но... — он отер губы тыльной стороной ладони, — мы видели башни, о которых ты говорил, Фокс. Это место действительно обладает огромной силой!

— Следов русских не заметили?

Нолан отрицательно покачал головой.

— Думаю, густой туман скрывает башни от постороннего взгляда. С воздуха их тоже трудно разглядеть. Только подойдя вплотную, можно отличить их от холмов.

Тревис облегченно вздохнул. Значит, у них еще есть время. Он увидел, что Нолан улыбается.

— Эта девушка словно дикая пума. Она расцарапала Цоаю все лицо.

— А сама не ранена? — спросил Тревис.

Теперь Нолан рассмеялся в открытую:

— Ранена? Мы сами едва остались целы, пока пытались ее усмирить, младший брат. Она и впрямь дочь Волка. Она при этом не потеряла головы и на протяжении всего пути отмечала дорогу. Именно то, что нам нужно. Она наверняка попытается сбежать.

Тревис встал.

— Скорей бы с этим покончить! — дрожащим голосом произнес он. Он так и не верил в этот план до конца. Ему тяжело было думать о том, что Кайдессу запрут в звездолете и подвергнут испытанию. Но он знал наверняка, что ей не причинят слишком большого вреда. Кроме того, он постоянно будет рядом с ней внутри звездолета.

Шорох гравия известил о прибытии разведывательного отряда, в то время как Манулино предусмотрительно спрятал скафандр. Цоай шел впереди всех. На его левой щеке багровели четыре глубокие царапины. Позади него Олень и Эскелта грубо тащили пленницу. Ее длинные косы расплелись, а рукав рубашки был оторван. Однако она не потеряла присутствия духа.

Девушку толкнули в круг ожидающих ее мужчин. Она широко расставила ноги, чтобы не упасть, и стала вызывающе разглядывать стоящих. Наконец она заметила Тревиса. Ее лицо перекошилось от гнева.

— Свинья! Ничтожество! Дохлый верблюд! — начала она ругаться по-английски и в запале перешла на

родной язык. Ее руки были связаны, но никто не мог заставить ее замолчать.

— Да она изрыгает гром и мечет молнии! — прокомментировал Олень. — Отведите-ка ее подальше от леса, а не то она спалит его.

Цоай заткнул уши руками.

— Царапаться она не может, а вот оглушит запросто. Нужно поскорее отделаться от нее!

Однако, несмотря на едкие замечания в адрес девушки, во взглядах апачей светилось уважение. Частенько плененные, но не потерявшие присутствия духа враги вызывали уважение у апачей. Превыше всего они ценили храбрость. Один из пинда-лик-о-йи, Том Джеффернс, смело вошедший в самую гущу индейского лагеря и вступивший в переговоры со своими заклятыми врагами, получил уважение и дружбу вождя, с которым до этого сражался. А Кайдесса теперь приобрела у своих тюремщиков большое уважение.

Теперь пришло время Тревису разыгрывать свою роль. Он взял девушку за плечи и толкнул в сторону звездолета. Должно быть, силы отчасти покинули Кайдессу, и она больше не сопротивлялась. Только когда они подошли вплотную к звездолету, она замедлила шаг. Тревис услышал возглас удивления.

Как и планировалось, четверо апачей — Джил-Ли, Цоай, Нолан и Олень — расположились на возвышениях вокруг корабля. Манулито, одетый в скафандр, уже спрятался внутри, готовый в любую минуту прийти на помощь. Тревис продолжал решительно толкать девушку впереди себя. Он не знал, что хуже — войти в звездолет, зная о таящемся там ужасе или не предполагая, что ждет впереди. Тревис уже был готов прекратить все это и не пускать Кайдессу в звездолет. Но тут он вовремя вспомнил о башнях и о том, что рус-

ские могут войти туда и обнаружить спрятанные сокровища. Эти мысли придали ему сил.

Первым к пролому взобрался Эскелта. Тревис перерезал веревки, стягивающие запястья девушки, и пихнул ее в спину.

— Залезай внутрь, женщина!

Эскелта был уже внутри и направлялся к кабине, которую они избрали в качестве тюрьмы. Планировалось довести девушку до этого места, а затем, изобразив испуг, вернуться назад, дав ей возможность сбежать.

Изобразить страх? Но Тревис, не пройдя и двух шагов по коридору, понял, что изображать ничего не придется. Воздух, наполнявший звездолет, казалось, проникал в мозг и тело, отравляя страхом каждую его клеточку. Тревис не мог подобрать слов, чтобы описать свои ощущения. Его пронизывал жуткий, уничтожающий силы страх. И он становился все ошутимее с каждым шагом.

Внезапно Кайдесса взвизгнула. От неожиданности Тревис отпрянул к стене. Девушка резко развернулась и прыгнула на него. Она вцепилась в него, как дикая кошка, и Тревис замахал руками, стараясь защитить лицо и глаза, но в то же время стараясь не поранить Кайдессу. Затем она отпрянула и бросилась к пролому. Тревис, тяжело дыша, попытался добраться до пролома. К счастью, к нему на помощь пришел Эскелта. Они добрались до пролома, но не стали спускаться вниз на землю. Тревис не был уверен, что спуск ему по силам, а Эскелта получил приказ не торопиться.

Внизу никого не было: ни апачей, ни Кайдессы. Тревис поразился тому, с какой быстротой она исчезла. Наконец Тревис подал знак, что пора выбираться наружу. Спустившись на землю, Тревис почувствовал теплую влагу на своем боку. Это открылась его рана. О том, чтобы преследовать Кайдессу самостоятельно,

не могло быть и речи. Тревис даже выругался от досады. На протяжении всего пути Кайдессу нужно было охранять не только от ее сородичей, но и от других опасностей. Охранять до тех пор, пока ее не подберут русские.

Тревис планировал быть этим охранником. Но сейчас пользы от него было не больше, чем от хромого пони. Но он мог послать вместо себя своих друзей. Лишь только он подумал об этом, из-за кустов показалась голова Наликидью.

— Вы оба, бегите за девушкой и охраняйте ее! — шепотом произносил Тревис, пристально глядя в желтые глаза койота. В них засветилось понимание, и голова Наликидью исчезла. Тревис облегченно вздохнул.

Индейцы были ловкими и внимательными разведчиками, и все же им было далеко до животных. Койоты будут неотступно следовать за девушкой и надежно охранять ее. Однако при этом она ни за что не заметит их присутствия.

— Отлично сыграно, — заметил Джил-Ли, выходя из своего убежища. — Но что случилось с тобой? — он подошел к Тревису и отнял его руку от бока. К тому времени, как вернулся с докладом Льюп, рана Тревиса вновь была туго перебинтована, а сам он уже смирился с мыслью, что не сможет сам охранять Кайдессу.

— Теперь что касается башен, — обратился он к Джил-Ли, — если наш план сработает, мы захватим часть русских здесь. Но нам нужно захватить их корабль, поэтому мы должны обследовать башни. Может, нам удастся найти какое-нибудь оружие. А может, нам придется подождать возле башен, на случай, если они с Кайдессой вернутся по тому пути.

Льюп бесшумно прыгнул с уступа и улыбнулся.

— У этой женщины есть голова на плечах. Она убежала, словно кролик от волка. Потом она начала думать,

забралась наверх, — он указал пальцем на откос позади них, — затем она спряталась за камнем и стала наблюдать. Когда Тревис показался из звездолета с Эскелтой, она полезла еще выше. Но потом появился из укрытия Олень, и она повернула на восток, как мы и хотели...

— А дальше? — спросил Тревис.

— Она бежала поверху. Мне показалось, что она мыслит так же, как и воин нашего племени на тропе войны. Нолан предположил, что она остановится на ночь где-нибудь наверху. Он следует за ней, чтобы убедиться в этом.

Тревис облизнул пересохшие губы.

— Но у нее нет воды и пищи.

Джил-Ли хитро улыбнулся.

— Она наткнется на воду и еду. Случайно. Мы все предусмотрели, младший брат.

Тревис не сомневался, что это правда. Он знал, что преследователи будут постоянно появляться на ее пути и направлять тем самым туда, куда им нужно.

— К тому же у нее теперь есть оружие, — добавил Джил-Ли.

— Как? — изумился Тревис.

— Посмотри на свой пояс, младший брат. Где твой нож?

Пораженный Тревис опустил взгляд на ремень. Ножны были пусты. Последний раз он пользовался ножом, когда резал мясо за завтраком. Льюп засмеялся.

— Когда она вышла из этого проклятого звездолета, у нее в руках был нож.

— Она украла его, когда кинулась на меня! — воскликнул Тревис с нескрываемым удивлением.

Он подумал, что монголка обезумела от страха. Но ей хватило смелости и самообладания, чтобы забрать у него оружие! Значит ли это, что редакс по-разному воздействует на сознание представителей двух разных

наций? Как машина русских не действует на апачей, редакс мог не оказывать действия на монголов.

— Она очень сильная, эта женщина, стоит много лошадей. — Эскелта вспомнил древнюю меру женщине.

— Это верно! — с готовностью подтвердил Тревис, но, заметив улыбку Джил-Ли, почувствовал досаду и резко перевел разговор на другую тему.

— Манулиито готовит ловушку в звездолете.

— Хорошо. Он и Эскелта останутся здесь, а ты — с ними.

— Ничего подобного! Мы должны добраться до башен! — запротестовал Тревис.

— Я думал, — прервал его Джил-Ли, — что ты считаешь оружие, спрятанное в башнях, слишком опасным.

— Может, нам и придется воспользоваться им. Но мы должны быть, прежде всего, уверены в том, что в долине не появятся русские.

— Что ж, это не лишено смысла. Но ты, младший брат, не сможешь двинуться с места ни сегодня, ни завтра. Если рана откроется снова, последствия могут быть очень неприятными.

Тревису пришлось согласиться, хотя нетерпение так и распирало его. На следующий день, когда он отправился в путь, ему сообщили лишь одну новость: Кайдесса переночевала около озера и теперь довольно быстро движется в сторону гор. Спустя три дня Тревис, Олень и Джил-Ли вошли в долину башен. Кайдесса шла по северным склонам, и ее уже дважды заворачивали на восток. А полчаса назад Цоай с помощью зеркала сообщил хорошую новость: над Кайдессой кружит вертолет русских. Судя по всему, беглянку вскоре поймают.

Цоай также заметил троих монголов. Но те, завидев вертолет, вскочили на своих лошадей и умчались быстрее лани. Олень нацарапал на земле нечто вроде схемы. Русским придется пойти к звездолету по этой до-

роге — которая охраняется апачами. По цепочке апачи передадут ожидающим у башен, удался план или нет.

Наиболее тяжело было переносить ожидание. Слишком многое могло пойти не так, как планировалось. Тревис почти потерял терпение, когда утром второго дня пришло известие, что русские включили свою машину, и Кайдесса сама пришла к ним.

— А теперь в башни, за оружием! — скомандовал Олень. Тревис понимал, что оттягивать неизбежное больше не удастся. Только активные действия могли помочь ему забыть о том, что Кайдесса вновь попала во власть людей, которых так ненавидела.

Поддерживаемый Джил-Ли и Оленем, Тревис забрался в башню через окно и оказался перед переливающейся колонной. Он пересек комнату и приложил обе руки к гладкой поверхности. Тревис был не уверен, работает ли этот странный лифт снова. Его тело начало притягиваться к колонне, и он услышал за своей спиной изумленные возгласы своих попутчиков. Тревис заскользил вниз. Олень последовал за ним, а Джил-Ли был последним. Затем все трое отправились по коридору в комнату со столом и считывающим устройством.

Тревис сел на скамью и начал возиться с кучей дисков, зная, что двое других наблюдают за ним с недоверием. Он вставил кассету в устройство, надеясь, что сможет расшифровать указания, записанные на ней. Тревис взглянул на стену перед собой. Три... четыре шага. Правильно — замок открыт.

— Ты знаешь? — удивился Олень.

— Я могу догадаться...

— Что теперь? — Джил-Ли подошел к столу. — Что делать теперь?

— Вот что... — Тревис встал из-за стола и подошел к стене. Он приложил обе ладони к сине-зелено-лиловой поверхности и заскользил ими по стене. На ощупь

стена оказалось твердой и прохладной. Ощущение живой плоти под руками отсутствовало. Но холодной она была до поры до времени. Тревис повел рукой в одну сторону и нащупал нужную точку. Теперь нужно было проделать то же самое второй рукой. Он развел руки на ширину плеч и мог теперь нажать пальцами на теплые точки. Тревис напрягся и со всей силы надавил на точки всеми десятью пальцами.

Глава 16

Секунда, другая, а ответа не последовало. Тревис даже подумал, что неправильно расшифровал кассету. А затем, как раз у него перед глазами, на стене образовалась черная линия. Тревис продолжал давить на стену, пока его пальцы не онемели. Линия начала медленно расширяться. Наконец перед Тревисом образовался проход восемь футов в высоту и два — в ширину. После этого щель расширяться перестала.

Из прохода струился холодный серый свет, словно ненастным зимним вечером за окном. Свет нес с собой холод, словно за стеной находились вековые арктические льды. Оберегая свой пораненный бок, Тревис протиснулся в щель и окунулся в серый холод.

— Ничего себе! — услышал Тревис восклицание Джил-Ли у себя за спиной. Он бы наверняка присоединился к нему, но был настолько ошарашен увиденным, что просто потерял дар речи.

Свет исходил из решеток, расположенных высоко над головой. Они были вставлены в каменный свод склада. А это помещение было не что иное, как склад. На каменном полу располагались ровные ряды ящиков. Одни из них были настолько большими, что в них уместился бы танк, а другие были не больше челове-

ческого кулака. На каждом ящике светились символы знакомого сине-зелено-лилового цвета.

— Что... — начал было Олень, но потом исправился: — Откуда мы начнем поиски?

— Пойдемте в самый дальний угол.

Тревис двинулся между рядов ящиков, которые, судя по всему, принадлежали различным эпохам этой планеты, а может, и других планет. На кассете, которая помогла Тревису открыть дверь, была также информация о том, что именно в дальнем углу склада находится то, что нужно использовать в первую очередь. Было очень важно соблюсти это указание. Тревис вновь вспомнил кассету. Казалось, что сквозь звуки чужой речи, калейдоскоп схем и странных картин он слышит мольбу, даже отчаяние. Тревиса не покидало ощущение, что кассета записывалась второпях, под угрозой какой-то опасности. Индеец обратил внимание, что на ящиках и на полу совсем не было пыли. Кроме того, время от времени откуда-то дул ледяной ветер. За рядами ящиков апачи не видели другого прохода, и единственным звуком, который они слышали, был шорох их собственных мокасин. Наконец они вышли на открытую площадку у стены, и Тревис увидел то, что было так важно.

— Нет! — Возглас, невольно вырвавшийся у Тревиса, эхом разнесся под сводами пещеры.

У стены стояли шесть высоких узких ящиков. Из их глубины на апачей смотрели пять пар черных глаз. Это были люди из звездолетов, которых видел в своих грезах Менлик. У них были белые, лишенные волос головы и узкие тонкие тела, одетые в обтягивающие комбинезоны знакомого сине-зелено-лилового цвета. Здесь было пятеро инопланетян, смотрящих на апачей и ждущих. Шесть ящиков — пять инопланетян. Этот факт вывел Тревиса из оцепенения. Он посмотрел на шестой ящик, стоящий справа от него. Тревис ожидал увидеть еще

одну пару глаз, но встретил лишь пустоту. Его взгляд скользнул ниже и наткнулся на череп, кучку костей и полуистлевший от времени комбинезон. Если пятеро каким-то образом уцелели, то шестому явно не повезло.

— Они живы! — прошептал Джил-Ли.

— Не думаю, — возразил Олень.

Тревис подошел к ближайшему ящику и коснулся рукой его прозрачной передней стенки. Однако выражение лица инопланетянина не изменилось, он продолжал смотреть в пустоту, словно не видя стоящего перед ним человека. Все пятеро не проявляли никакого интереса к непрошеным гостям.

Но Тревис знал! Возможно, скрытая информация, записанная на кассете, внезапно всплыла в сознании апача при виде этих пятерых. Но он понял, что точно знает назначение этого склада и его содержимого, для чего он был построен. Тревис также знал, почему эти шестеро остались здесь и что они ждут от каждого, кто сюда придет.

— Они спят, — тихо сказал он.

— Спят? — переспросил Олень, словно не веря своим ушам.

— Это что-то вроде анабиоза, — пояснил Тревис.

— Так ты думаешь, их можно снова вернуть к жизни! — воскликнул Джил-Ли.

— Может, уже нельзя. Слишком много прошло времени. Но именно для этой цели они предназначались. Они должны были ждать здесь своего часа.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Олень.

— Я не знаю наверняка, но кое-что понимаю. Много лет назад что-то произошло. Может, это была война, война между целыми звездными системами, гораздо страшнее, чем вы можете себе представить. Думаю, что эта планета исполняла роль аванпоста. А когда звездолеты перестали прибывать сюда и остающиеся здесь

существа поняли, что они отрезаны от своих соотечественников, они соорудили этот склад, а сами отошли в мир снов, ожидая своих избавителей.

— Избавителей, которые никогда не придут... — тихо добавил Джил-Ли. — А есть ли шанс оживить их?

Тревис поежился.

— Не хотелось бы пробовать.

— Согласен с тобой, младший брат, — мрачно подтвердил Олень. — Мы не знаем этих людей. И я не думаю, что они будут для нас хорошими далаанбийя-ти — союзниками. Они в избытке обладают го`нди, эти звездные люди, но это не та сила, которая подвластна людям. Только сумасшедший или глупец может попытаться нарушить их сон.

— Ты говоришь дело, — согласился Джил-Ли, — но где среди всего этого, — он обвел взглядом склад, — где мы найдем то, что нужно нам здесь и сейчас?

И вновь в сознании Тревиса всплыли какие-то обрывки информации.

— Ищите на ящиках изображение круга, обрамленного ромбом со светящимися точками на его углах.

Апачи разошлись в разные стороны, а Тревис помедлил. Ему хотелось еще раз посмотреть в холодные и пустые глаза инопланетян. Сколько планетарных лет назад поместили они себя в эти ящики? Тысячу, десять тысяч? Их цивилизация давно канула в Лету, а этот аванпост все еще ждет, что его возвратят к жизни для каких-то мистических целей. А что, если бы римский гарнизон в Британии, захваченной Саксонией, заснул в ожидании возвращения легионов? Олень прав. Нет ничего общего между людьми и этими незнакомцами. Пусть они продолжают спать, никем не потревоженные.

И все же, когда Тревис развернулся, чтобы уйти, он почувствовал, что его словно тянет назад какая-то сила. Было ощущение, что глаза заставляют его вернуться и

пробудить их хозяев от сна. Только завернув за угол, Тревис почувствовал облегчение. Он был рад, что эти существа не будут видеть, как роются в их сокровищах.

— Нашел! — это был голос Оленя, эхом отозвавшийся в сводах подземелья так, что Тревис не сразу понял, в какую сторону идти. Оленю пришлось позвать его еще несколько раз прежде, чем Тревис и Джил-Ли присоединились к нему. На боку одного из ящичков светился символ, указанный Тревисом: ромб с точками по углам с заключенным в него кругом. Апачи вытащили его на открытое место. Тревис опустил на колени и провел по нему руками. Контейнер был сделан из неизвестного прочного сплава. Время совершенно не тронуло его.

Наконец пальцы Тревиса нащупали то, чего не могли разглядеть глаза: странной формы впадины, расположенные не слишком удобно для пальцев человека. Тревис с усилием надавил на них и открыл крышку контейнера.

Апачи заглянули внутрь. Контейнер состоял из секций, в каждой из которых лежал предмет, состоящий и ствола и рукоятки. Все они отдаленно напоминали земное оружие, но отличия просто бросались в глаза. Тревис с величайшей осторожностью взял один из предметов с подставки. Оружие было очень легким, гораздо легче земных образцов, которые Тревису приходилось держать в руках. Его ствол был довольно длинным, около восемнадцати дюймов. Рукоятка имела довольно странную форму, и ее было крайне неудобно держать в руке. Спусковой крючок отсутствовал, а на его месте, на расстоянии вытянутого пальца, была расположена кнопка.

— Для чего это нужно? — поинтересовался Джил-Ли.

— Точно не знаю. Но эта вещь важна. На пленке имелось специальное упоминание о ней.

Тревис передал оружие Оленю, а сам потянулся за другим.

— Не могу понять, каким образом его заряжают? — сказал Олень, осторожно осматривая оружие со всех сторон.

— Не думаю, что оно стреляет пулями, — ответил Тревис, — нужно будет испытать его, когда выйдем наружу.

Индейцы взяли три пистолета, а ящик с остальными закрыли. Когда они протискивались сквозь щель, Тревис вновь почувствовал на себе действие какой-то силы, как в тот день, когда они лежали в засаде. Ему с трудом удалось добраться до стола и облокотиться о него.

— Что случилось? — Олень и Джил-Ли удивленно смотрели на Тревиса. По их реакции он понял, что они ничего не чувствуют. С минуту Тревис молчал. Потом странное ощущение пропало. Теперь Тревис был уверен, что знает его источник. Машина русских была совершенно ни при чем. Он располагался здесь, в этом подземелье. Возможно, импульс посылали спящие инопланетяне. Это подземелье было сооружено с единственной целью: защитить древних правителей Топазы. Возможно, вторжение сюда людей побудило к действию некую машину, действующую примерно так же, как и машина русских. Тревис просто ответил:

— Они хотят проснуться...

Джил-Ли обернулся на щель, а Олень продолжал смотреть на Тревиса.

— Они зовут? — спросил он.

— В какой-то степени, — признался Тревис. Но неприятное ощущение уже пропало.

— Теперь все прошло.

— Плохое место, — мрачно заметил Олень, — мы взяли то, что не предназначалось для людей, — он кивнул на оружие.

— А разве наш народ не отобрал винтовки у пиндалик-о-йи для защиты, когда это стало необходимо? — возразил Джил-Ли. — Мы вынуждены были так поступить. Неужели после всего, что мы увидели здесь, — он кивнул на щель в стене, — мы позволим русским разворовать это?

— И все же, — с расстановкой произнес Олень, — это скорее выбор между двух зол, чем между добром и злом.

— Так давайте посмотрим, насколько могущественно это зло! — с этими словами Джил-Ли устремился по коридору, ведущему к колонне.

* * *

Солнце клонилось к закату, когда апачи прошли сквозь золотистый туман, миновали арку и оказались в долине, где раньше располагался лагерь монголов. Тревис навел свой пистолет на небольшой куст, растущий рядом с валуном, и нажал на кнопку. Это был единственный способ проверить, заряжено оружие или нет.

Результат был молниеносным и вместе с тем ужасающим. Не было ни звука, ни вспышки. Скорее всего, это был луч лазера, или что-то подобное. Вслед за этим... куст исчез! Вместо него на камне остался лишь его черный силуэт. На месте исчезнувшего куста лежала лишь небольшая кучка пепла.

— Это найенезиани — сила зла! Вот что это! — Олень первым нарушил гнетущую тишину. — И впрямь это великое зло!

Джил-Ли поднял свой пистолет — если его только можно было так назвать — навел его на валун, на котором отчетливо виднелся черный силуэт куста, и выстрелил. На этот раз апачи стали свидетелями более медленного разрушения. Валун рассыпался, словно весь

состоял из речного песка. На его месте осталась лишь кучка обугленных камешков.

— Разве можно использовать это против живых существ?! — в ужасе запротестовал Олень.

— Мы не будем использовать это оружие против людей, — пообещал Тревис, — а вот против корабля русских можно. Этим мы откроем панцирь черепахи, чтобы добыть ее мясо.

Джил-Ли согласно кивнул.

— Мудрые слова. Теперь я понимаю твои опасения, Тревис. Это орудие дьявола, и оно не должно попасть в руки тех, кто...

— ...распорядится им не так разумно, как мы? — продолжил за него Олень. — Мы оставляем за собой право пользоваться им только потому, что наши цели более возвышенны? Такие размышления заведут нас на скользкий путь. Мы взяли это оружие, потому что это было необходимо. Но потом...

Потом склад должен быть закрыт, а кассета с записями уничтожена. Одна половина Тревиса сопротивлялась такому исходу, хотя он знал, что это решение — единственно правильное. Башни действительно таили опасность, как он и предполагал. Ему придавала сил мысль, что они не дадут сокровищам башен превратиться в яд, который не только отравит все, что его окружает, но и распространится с Топаза на Землю.

Предположим, что Западный Альянс обнаружит этот склад. Его представители непременно воспользуются его богатствами. Как сказал Олень, защитой своих идеалов можно оправдать даже самое ужасное деяние. История Земли помнит страшные войны на религиозной почве, когда одни фанатики противопоставляли себя другим. Справедливость в этих войнах не достигалась, а конец был неизбежно фатальным. Русские не имеют права обладать этим знанием, впрочем, как и апа-

чи. Склад должен быть недоступен для глупцов и фанатиков.

— Табу! — Олень с ударением произнес это слово, и все согласились с ним. Знания необходимо было оградить незримым барьером табу, только это могло спасти их.

— У нас останется только то, что мы взяли. Больше оружия мы не нашли, — предупредил Джил-Ли.

— Больше не нашли, — эхом повторили Олень и Тревис последний добавил:

— Мы нашли гробницы звездных людей, и это лежало рядом. Мы лишь позаимствовали это оружие на время, но потом должны вернуть, иначе несчастья начнут преследовать нас. Оно должно быть использовано только против крепости русских и только теми, кто нашел его и навлек на себя тем самым гнев потревоженных духов.

— Хорошо придумано! Так мы и скажем нашим братьям. Башни — это гробницы. Когда мы вернем туда оружие, путь к ним станет табу. Вы согласны? — спросил Олень.

— Да!

После этого Олень опробовал свой пистолет на молодом деревце и увидел, что оно превратилось в ничто. Никто из троих апачей не хотел носить это оружие при себе. Мощь, заключенная в нем, пугала. Поэтому, вернувшись в лагерь, они первым делом сложили оружие на одеяло и завернули его. Однако никто не мог отделаться от воспоминаний о том, что случилось с кустом, деревцем и камнем.

— Если это самое маленькое их оружие, то что же они использовали, чтобы противостоять тяжелому вооружению врага? — задумчиво поинтересовался Олень, глядя на закат. — Должно быть, они способны были превратить в пепел целые миры!

— Должно быть, так и произошло, — предположил Тревис, — мы ведь не знаем, что положило конец их империи. Планета-столица, которую мы обнаружили во время первого путешествия, не была разрушена, но жители ее эвакуировались в спешке. Даже обстановка в домах осталась.

Тревис вспомнил, как он с Россом Мердоком и крылатым аборигеном сражались с дикими человекообразными. Абориген, пользуясь своим преимуществом, летал над человекоподобными и сбрасывал им на головы ящики.

— И здесь они уснули, надеясь переждать опасность. Они не верили, что это надолго, — размышлял вслух Олень.

Тревис боялся, что во сне ему не удастся избавиться от взгляда спящих инопланетян. Но усталость дала о себе знать. Он уснул так крепко, что наутро Джил-Ли насилу разбудил его. Однако сон быстро сошел с Тревиса, когда тот заметил четвероногую тень, отделившуюся от кустов. Койот попил из ручья и начал отряхиваться от мокрых брызг, попавших на его шкуру.

— Нагинлта! — поприветствовал апач своего друга. Неужели что-то случилось? Тревис готов был закричать вслух, но опомнился и задал вопрос мысленно.

Ничего особенного не случилось, просто койот пришел сообщить, что та, кого он охранял, возвращалась в горы, а с ней четверо других. Наликидью осталась наблюдать за вражеским лагерем, а ее друг вернулся, чтобы получить новые указания.

Тревис присел на корточки и схватил животное за морду. Койоту, видимо, это не очень понравилось, и он заскулил. Сосредоточив свои мысли, Тревис заглянул в желтые глаза Нагинлты.

Спутников Кайдессы нужно было проводить к разбитому звездолету. Но девушка не должна была по-

страдать. Когда они доберутся до определенного места, Тревис мысленно представил гору-ориентир — один из койотов должен отправиться к звездолету и предупредить апачей.

Вообще-то Манулито и Эскелта должны быть предупреждены, но страховка никогда не помешает. Эти четверо, сопровождающие Кайдессу, непременно должны попасть в западню!

— Что это было? — Олень высунул голову из-под одеяла.

— Нагинлта, — но койот уже исчез в темноте. — Русские проглотили наживку. Кайдессу сопровождает группа из четырех человек, и они движутся на юг.

Но не только вражеский отряд направлялся в сторону звездолета. С помощью зеркала Цоай сообщил, что монголы оседлали своих коней и направляются в сторону долины башен. Олень подошел к одеялу, в котором было завернуто инопланетное оружие.

— И что теперь?

— Мы должны их остановить, — ответил Тревис, хотя сам не представлял, как можно остановить этих решительно настроенных всадников.

Глава 17

Всадников, среди которых находились и женщины, было десять. До зубов вооруженные, они скакали на выносливых степных лошадях. В Орде издавна принято было при необходимости брать с собой в бой женщин. По развешиваемому балахону Тревис узнал в предводителе Менлика. Самым удивительным в этой процессии было то, что все всадники пели! Рядом с Менликом скакал монгол, изо всех сил колотящий в барабан, прикрепленный к его седлу. Эти гулкие звуки Тревис уже слышал. Он догадался, что таким обра-

зом монголы настраивают себя на воинственный лад. Если они находились под действием машины русских, то дать им отпор будет крайне сложно. Дальше ждать Тревис не мог.

Индеец спрыгнул с уступа скалы рядом с аркой, вышел на открытое место и замер в ожидании, приготовив на всякий случай пистолет. При необходимости он собирался преподать монголам урок.

— Дар-у-гар! — раздался воинственный клич, который некогда наводил страх на обитателей четвертой части Земли. Несмотря на то что кричали лишь несколько человек, клич звучал по-прежнему грозно.

Двое из всадников выставили вперед пики, собираясь сбить Тревиса с ног. Апач навел пистолет на дерево, стоящее впереди них, и нажал на кнопку. На этот раз из дула вырвалась вспышка, и дерево исчезло. Лошадь одного из всадников встала на дыбы и дико заржала. Несмотря на это, второй всадник продолжал мчаться прямо на Тревиса.

— Менлик! — закричал апач. — Останови своих людей! Я не хочу их убивать!

Шаман что-то закричал, но всадник уже поравнялся с тем местом, на котором стояло исчезнувшее дерево. Он повернул голову и уставился на обугленную землю. Он опустил свое копье и дернул за поводья. Обычная винтовка вряд ли остановила бы его, но то, что он увидел, было вне пределов его понимания.

Один за другим всадники остановились, настороженно глядя на Тревиса. Их глаза напоминали глаза волков, в которых хитрость сочеталась с дикой отвагой. Однако они были достаточно хитрыми, чтобы не броситься сломя голову навстречу неизвестной опасности. Тревис двинулся вперед.

— Менлик, нам нужно поговорить.

Раздался недовольный гул голосов. Хулагур и еще несколько человек начали громко протестовать. Менлик медленно поехал навстречу апачу и остановился в нескольких шагах от него. Они стояли теперь друг против друга: воин степей и воин пустынь.

— Вы забрали женщину из наших юрт, — начал Менлик, не спуская глаз с неизвестного оружия, — неужели ты настолько смел, что вновь пришел на нашу землю? Если поставил ногу в стремя — садись на коня, а если обнажил клинок — будь готов применить его.

— Где же твоя Орда? Я вижу здесь лишь жалкую горстку людей, — ответил Тревис, — это с ними ты собираешься выступить против апачей? Так ведь у вас есть другие враги, более опасные.

— Похитители женщин — не воины, и незачем посылать против них полк.

Но Тревису уже начала надоедать эта словесная перепалка. Времени было и так слишком мало.

— Слушай меня, шаман! Слушай внимательно! — резко заговорил Тревис. — У меня нет вашей женщины. Она уже пересекает горы к югу отсюда и ведет русских в западню.

Поверит ли ему Менлик? Он решил не говорить шаману о том, что участие Кайдессы в их плане не было добровольным.

— А ты? — шаман задал вопрос, который Тревис надеялся услышать.

— Мы, — подчеркнул Тревис, — мы собираемся выступить против тех, кто прячется в своем корабле, — он указал в сторону северных равнин.

Менлик поднял голову, обводя окрестности взглядом, полным недоверия и презрения.

— Так, значит, ты возглавляешь армию, вооруженную волшебным оружием, которое превосходит машины русских?

— Тому, у кого есть вот это, не нужна армия. — Тревис снова продемонстрировал мощь своего оружия, превратив в песок выступ скалы. Выражение лица Менлика не изменилось, он лишь прищурил глаза.

Шаман подал знак, и монголы спешили. То, что Менлик согласился вести переговоры, воодушевило Тревиса. Он тоже подал знак, и Олень с Джил-Ли, держа оружие на виду, подошли к Тревису. Монголы не могли знать, что здесь находятся только трое апачей. Ведь за уступами скал мог прятаться целый отряд, вооруженный так же, как и эти трое.

— Ты хотел говорить — говори! — потребовал Менлик.

Тревис кратко описал свой план и то, что произошло.

— Кайдесса ведет русских в западню, которую мы устроили с нашей стороны гор. Их всего четверо. Ты знаешь, сколько осталось в корабле?

— По крайней мере, двое находятся в вертолете и еще восемь — на корабле. Но до них не добраться.

— Нет? — Тревис рассмеялся и поднял руку с оружием. — Как ты думаешь, сможем ли с помощью вот этого расколоть скорлупу ореха и добраться до ядра?

Менлик скосил глаза влево, где от дерева осталась лишь горстка пепла.

— Но они по-прежнему могут нас контролировать с вертолета. Если мы вздумаем восстать, то попадем в их сети прежде, чем доберемся до корабля.

— Это верно, но ведь их машина не действует на нас, — возразил Тревис. — А представь себе, что мы сможем сжечь их машину. Тогда вы станете свободными?

— Сжечь деревце может и молния с небес.

— А может ли молния превратить скалу в песок? — вкрадчиво поинтересовался Олень.

Менлик бросил взгляд на то место, где раньше была скала.

— Докажите, что ваше оружие может справиться с машинами русских!

— Какое еще доказательство нужно тебе, шаман? — спросил Джил-Ли. — Может, нам спалить целую гору, чтобы ты поверил? У нас и так мало времени.

Внезапно Тревиса осенило.

— Вы говорите, что там вертолет? А что, если мы выведем его из строя?

— Это... это может уничтожить вертолет в небе? — на лице Менлика было написано недоверие.

Тревис засомневался, не зашел ли он слишком далеко. Но им все равно придется отделаться от этого воздушного шпиона прежде, чем они выйдут на равнину. Нужно уничтожить вертолет, и это станет лучшим доказательством могущества инопланетного оружия.

— При определенных условиях это возможно, — решительно ответил Тревис.

— И что это за условия? — поинтересовался Менлик.

— Нужно сделать так, чтобы он опустился ниже. Например, на уровень вон того пика. А один из наших людей будет поджидать там.

Апачи и монголы молча смотрели друг на друга. Тревис уже начал бояться, что его затея провалилась. Но вертолет необходимо уничтожить, иначе им не добраться к кораблю русских.

— Ну, творец ловушек, и как ты собираешься заманивать тех, кто сидит в вертолете? — с вызовом спросил Менлик.

— Вы знаете русских лучше, чем мы, — Тревис старался не обращать внимания на открытую враждебность, — что предпринял бы ты, сын Голубого Волка?

— Ты говоришь, что Кайдесса ведет русских на юг. Мы вынуждены верить тебе на слово, — ответил Менлик. — Хотя если ты и лжешь, то какая от этого выгода? — он пожал плечами. — Если ты говоришь прав-

ду, то вертолет будет кружить над тем местом, где они вошли в холмы.

— А что может заставить пилота последовать за нами дальше?

Менлик вновь пожал плечами:

— Все, что угодно. Русские никогда не заходили далеко на юг. Они опасаются высот, и на это есть причины, — его пальцы крепко сжали рукоять сабли. — Если их отряду будет грозить опасность, они не останутся в стороне.

— А если это будет огонь и много дыма? — предположил Джил-Ли.

Менлик заговорил с окружавшими его монголами. Раздался гул голосов, несколько человек начали что-то громко выкрикивать.

— Если только зажечь его в правильном месте, — сказал наконец шаман. — Когда вы планируете тронуться в путь, апачи?

— Прямо сейчас!

Но сказать было проще, чем сделать. Преодолеть такое расстояние пешком было делом не простым. Маршбросок по пересеченной местности занял у апачей целый день и ночь, а наутро им нужно было сделать все приготовления. Их преследовали опасения, что вертолет может не полететь туда, где ему была уготовлена засада. Однако Менлик успокаивал Тревиса, говоря, что вертолет всегда сопровождает отряды русских.

— Скорее всего, они полагаются на указания, которые им передают по радио, — предположил Олень.

— Если они поспешат, то смогут добраться до нашего звездолета за два, максимум за три дня, — задумчиво проговорил Тревис, — если этот вертолет оборудован переговорным устройством, то неплохо было бы уничтожить его прежде, чем экипаж успеет передать какую-либо информацию.

Джил-Ли ухмыльнулся. Он смотрел на вершины, где Менлик и еще два монгола сваливали в кучу кустарник.

— Здесь... здесь и здесь, — указал апач, — если пилот решит посмотреть, что происходит, мы сможем расправиться с ним втроем.

Апачи в последний раз переговорили с Менликом и отправились на то место, куда указал Джил-Ли. Часовые сообщили с помощью зеркал, что Цоай, Деклай, Льюп и Нолан вскоре присоединятся к трем апачам. Если ловушка Манулито сработает, то апачи двинутся на вражеский форт. А если удастся уничтожить вертолет, то Менлик с товарищами тоже сможет их сопровождать.

Все случилось именно так, как и предсказывал Менлик: вертолет приближался к холмам. Менлик стоял на коленях и высекал огонь, чтобы поджечь сухие сучья. Огонь должен был привлечь внимание пилотов. Наконец ветки загорелись, от них повалил густой белый дым и стал столбом подниматься в небо. Такое было трудно не заметить. Рука Тревиса, сжимавшая рукоятку пистолета, вспотела. Уперев рукоятку в скалу, апач старался унять сердцебиение.

Чтобы не спровоцировать включение адской машины, монголы попрыгали кто куда. Вертолет стал описывать круги, и Тревис заметил в его кабине двух пилотов, на одном из которых был такой же шлем, как и на убитом русском. Русские слишком долго безраздельно властвовали над монголами, и это сделало их слишком самоуверенными. Даже если они заметят кого-то из монголов, то не станут торопиться включать свою машину, а потом будет уже поздно.

Костер Менлика сработал: вертолет летел прямо на них. Он гудел над дымовым столбом, но все еще слишком высоко, чтобы наверняка попасть в лопасти. Затем пилот начал снижаться. Он был уже в нескольких футах над землей, когда Тревис поспешно нажал на кнопку.

Инерция все еще поддерживала вертолет, однако было заметно, что, по крайней мере, один из стрелков попал в цель. Вертолет пролетел сквозь столб дыма и рухнул где-то у холма. Одно было неизвестно: работает ли еще машина русских, заставляя монголов помогать тем, кто попал в ловушку.

Тревис увидел, что Менлик бежит к вертолету. В его руке поблескивала кривая монгольская сабля. Шаман рывком открыл покореженную дверцу кабины и вонзил свою саблю в тело одного из пилотов. При этом он издал дикий вопль ликования. К вертолету подбежали другие монголы... Хулагур... женщины. Кто-то метнул внутрь кабины копье. Монголы сводили счеты со своими угнетателями.

Апачи спустились вниз и стали поджидать Менлика. Хулагур вытащил из кабины бездыханное тело пилота. В тот же момент монголы сорвали с его груди ненавистный диск и разбили его о камни. Все это время они победоносно кричали. Наконец Менлик подошел к ожидающим его апачам. Он хищно улыбался и напоминал тигра после удачной охоты. Он поприветствовал апачей одной рукой.

— Эти двое уже никогда не поставят ловушки на других людей! Теперь я верю вам, товарищи по битве. Вы действительно можете сровнять с землей форт русских.

Подошел Хулагур. Он держал в руке автомат. Он подкинул оружие в воздух, поймал и засмеялся, выкрикивая что-то на своем языке.

— У двух змей мы вырвали жала, — перевел Менлик его слова. — Может, это оружие и не такое могущественное, как ваше, но оно поражает глубже и быстрее, чем наши стрелы.

Монголам потребовалось немного времени, чтобы вытащить из разбитого вертолета все, что могло при-

годиться. Одновременно они уничтожили все остальное оборудование. Была решена одна очень важная задача: если вертолет выполнял роль связного между штабом русских и поисковой группой, то связь эта была нарушена, с воздушным надсмотрщиком было покончено. Теперь нужно было держать ухо остро только с теми монголами, которые оставались в лагере русских и все еще находились под их контролем. Передвижение по вражеской территории было для индейцев чем-то вроде игры, правила которой передавались из поколения в поколение.

Ожидая сигналов с пика, монголы и апачи разбили лагерь. Менлик принес индейцам порцию сушеного мяса, которое монголы по древней традиции своего народа всегда возили под седлом.

— Мы больше не станем прятаться в норах, как крысы, — сказал Менлик. — Теперь мы будем действовать и отомстим за все! Час мщения пробил!

— Но у них все еще есть другие машины, — напомнил Тревис.

— А у вас есть достойный ответ на это, — возразил Менлик.

— Но ведь они могут послать против нас твоих соотечественников, — предупредил Олень.

Менлик задумчиво потеревил верхнюю губу.

— Твоя правда. Но теперь у них нет глаз в небе. Они не смогут контролировать такую огромную территорию, да и далеко от лагеря отходить не осмелятся. Говорю вам, с таким оружием, как у вас, можно править целым миром!

Тревис мрачно посмотрел на него.

— Вот поэтому оно — табу!

— Табу? — переспросил Менлик. — И как оно может быть запрещено? Разве вы не носите его открыто и

не пользуетесь им, когда вам заблагорассудится? Разве это оружие не принадлежит твоему народу?

Тревис покачал головой.

— Это оружие мертвых людей, если только их можно назвать людьми. Мы взяли его из гробницы звездных людей, которые жили на Топазе, когда на Земле люди еще носили шкуры и убивали мамонтов с помощью каменных копий. Раз это оружие из гробницы, то оно проклято. Взяв его, мы обрекли себя на проклятие.

В глазах шамана мелькнул странный огонек. Тревис не знал, кем был Менлик до того, как машина русских превратила его в шамана Орды. Может, он был техником или ученым. А что, если те остатки знаний, которые он еще помнит, заставят его не поверить Тревису? Но ведь апач говорил правду. На этом оружии действительно лежало проклятье, равно как и на всем остальном, спрятанном на складе в башнях. Как заметил Менлик, это проклятье было страшной силой, способной управлять не только Топазом, но и всей звездной системой.

Затем шаман вновь заговорил, но на этот раз почти шепотом.

— Это и впрямь слишком сильное проклятье. Оно не позволит людям владеть этим оружием.

— Если мы прогоним или уничтожим русских, зачем еще может понадобиться это оружие? — спросил Олень.

— А если прилетит другой корабль и все начнется сначала?

— Когда это случится, мы ответим и на этот вопрос, — промолвил Тревис.

И правда, в подземном складе могло найтись более мощное оружие, способное уничтожить корабль в воздухе. Но думать об этом было еще слишком рано.

— Оружие из могилы. Это и впрямь колдовство умершего народа. Я так и скажу моим людям. Когда мы выступаем?

— Когда узнаем, сработала ли наша западня, — ответил Олень.

Ответ пришел на следующее утро после восхода солнца, когда Цоай, Нолан и Деклай прибыли в лагерь. Военный вождь поприветствовал всех собравшихся.

— Сработало? — с надеждой спросил Тревис.

— Да. Пинда-лик-о-йи очень нетерпеливы и сразу зашли в звездолет. Они взорвались вместе со звездолетом. Манулито проделал отличную работу.

— А Кайдесса?

— Женщина в порядке. Когда русские увидели звездолет, они оставили свою машину снаружи, чтобы пленница не убежала. Мы быстро вывели машину из строя. Теперь девушка свободна и направляется через горы сюда вместе с мба`а. Манулито и Эскелта тоже идут с ними. Но почему вы здесь с ними? — он перевел взгляд на монголов.

— Мы ждали, но теперь ожиданиям конец, — сказал Джил-Ли. — Мы идем на север!

Глава 18

Они лежали на краю большой впадины, настолько большой, что не было видно противоположного края. «Дно древнего озера, а может, даже моря», — размышлял Тревис. Однако сейчас эта впадина была заполнена желтой травой, созревшие головки которой колыхались от ветра. Впереди над травой возвышались круглые купола монгольских юрт — черные, серые, коричневые — которые окружали серебристый шар. Это был космический корабль. Он намного превосходил по размеру тот, на котором прибыли апачи. Но его форма была почти такой же.

— Табун лошадей... пасется к западу отсюда.

Наметанным взглядом профессионального наездника Нолан сразу же оценил обстановку.

— Цоай, Деклай, вы займетесь лошадьми!

Оба кивнули и поползли по направлению к табу-ну. Их задачей было спугнуть лошадей. Для монголов, обитателей юрт, лошади были настоящим сокровищем, их жизнью. Они наверняка решат посмотреть, что же вспугнуло лошадей, освободив тем самым путь к космическому кораблю русских. Тревис, Джил-Ли и Олень, вооруженные пистолетами мертвых людей, должны были выступить во главе атакующих. Они должны первыми проникнуть внутрь корабля. Пока бортовое оборудование не будет уничтожено, рассчитывать на помощь монголов они не могли.

Трава перед Тревисом заколыхалась, и среди ее стеблей высунулся нос Нагинлты. Тревис сосредоточился и отдал койоту мысленный приказ следовать за двумя апачами, призванными вспугнуть лошадей. Койоты присоединились к группе Тревиса часом раньше, из чего был сделан вывод, что с Кайдессой все в порядке. С сопровождающими ее Манулитой и Эскелтой она двигалась назад на север.

Было большой удачей, что их безрассудный план удался. Но когда Тревис думал о молодой монголке, он сразу же вспоминал ее перекошенное лицо, когда она в него вцепилась. У нее были все основания, чтобы ненавидеть его, и все же он надеялся...

Отряд продолжал наблюдать за табуном и юртами, возле которых время от времени появлялись люди. Корабль же, напротив, не подавал признаков жизни. Может, русские каким-то образом узнали о двух нападениях, подорвавших их силы, и заперлись на корабле?

— А! — выдохнул Нолан.

Одна из лошадей тревожно подняла голову и посмотрела в сторону лагеря. Должно быть, апачи уже

достигли своей цели: места между табуном и юртами. Монгол, сидевший, скрестив ноги, на земле, встал.

— Аххуу! — древний боевой клич индейцев, леденящий кровь, который звучал некогда над каньонами, пустынями и юго-западными равнинами Америки, прорезал наполненный медовым запахом трав воздух Топаса. Лошади развернулись и бросились прочь от поселения. От травы отделилась фигура человека. Индеец догнал одну из лошадей, схватился руками за гриву и вскочил ей на спину. Только профессионал мог проделать такое. Улюлюкая, всадник отгонял табун от поселения, а койоты помогали ему в этом.

— Деклай... — узнал Джил-Ли бесстрашного всадника. — Это один из его коронных трюков.

Среди юрт поднялась паника, монголы в суматохе забегали. Со стороны это выглядело так, словно кто-то сунул палку в муравейник. Мужчины выскочили из своих жилищ и побежали за табуном. Один или двое вскочили на лошадей, которые оставались в лагере. Основная группа атакующих апачей, никем не замеченная под прикрытием высокой травы, направилась к своей цели — вражескому звездолету. Трое из них были вооружены инопланетным оружием. У апачей уже не раз была возможность проверить его действие, и все же они опасались, что таинственная сила оружия вдруг иссякнет. Перед кораблем русских располагалась небольшая площадка голой земли, и апачам предстояло пересечь ее. Они рисковали стать отличной мишенью для пики, стрелы или более мощного оружия русских.

— Нужно постараться попасть в них отсюда, — сказал Олень, положив свой пистолет на согнутое колено, и нажал на кнопку. Закрытый люк корабля замерцал и начал разрушаться. Вскоре вместо него зияло черное отверстие. За спиной Тревиса раздался боевой клич Джил-Ли.

— Огонь! Разрежь стены на кусочки!

Однако Тревису вовсе не нужен был этот приказ. Он уже вытащил свой пистолет и начал палить по самой удобной цели, которую он когда-либо видел: серебряному боку звездолета. Даже если звездолет и был оснащен оружием, то русские все равно не могли достать стреляющих с уровня земли индейцев.

В боку звездолета одна за одной появлялись неровные дыры и рваные отверстия. Апачи превращали корабль русских в решето. Однако они не знали, насколько далеко внутрь проникают лучи оружия. И тут в пробоинах началось какое-то движение, и в тот же момент затараторил пулемет. В лицо апачам полетели камни и комья земли. Так и попасть под пулю недолго! Отверстие в боку звездолета все увеличивалось... раздался чей-то вопль... кого-то убили...

— Не скоро они захотят вновь стрелять в нас. — Нолан осматривал поле битвы с холодным спокойствием. Апачи продолжали методично уничтожать корабль. Теперь он уже никогда не сможет подняться в воздух. У русских не было ни специалистов, ни материалов, чтобы устранить такие повреждения.

— Словно ножом по маслу! — восторженно заметил Льюп. — Раз! Раз!

— Вперед! — Тревис повернулся влево и потащил Джил-Ли за плечо.

Тревис не знал, возможно ли это, но он с трудом различал, как их перекрестный огонь разрезает корабль русских на куски с легкостью, которая так восхитила Льюпа.

Сзади раздался предупредительный окрик, и апачи попрятались в траву. Тревис упал на землю, перекатился и занял новую огневую позицию. Прямо над его головой просвистела стрела. Русские сделали то, чего опасались апачи: позвали на помощь монголов. Нуж-

но как-то остановить эту атаку, иначе индейцам придется отступить.

На стенках корабля продолжали появляться новые дыры. Крепко сжав в руках оружие, Тревис, петляя, бросился к ближайшему отверстию. Еще одна стрела пролетела в нескольких сантиметрах от него и ударилась в обшивку корабля. Тревис ворвался внутрь. Он заметил, что лучи попортили не только обшивку корабля, но и изоляцию внутри. Расположение коридоров было почти такое же, что и на его собственном корабле. Скорее всего, звездолет конструировался по тем же самым планам.

Тревис постарался унять сердцебиение и прислушался. Он слышал взволнованные крики и гудение системы сигнализации. Но мозг корабля, его главный компьютер, располагался в рубке. Хотя русские и не решатся взлететь, в рубку нужно непременно попасть и уничтожить всю систему связи. Тревис устремился вперед по коридору, стараясь определить, в каком направлении находится рубка. Он ударом плеча распахивал каждую дверь, которая попадалась ему на пути, и осматривал помещение, спрятанное за ней. Кое-где Тревис обнаруживал какое-то неизвестное оборудование и сжигал его при помощи пистолета. Он не имел понятия о его предназначении, но здравый смысл подсказывал ему, что оно должно быть уничтожено.

Сзади раздались какие-то звуки. Тревис резко развернулся и столкнулся с Джил-Ли и Оленем.

— Наверх? — спросил Джил-Ли.

— ...вниз, — добавил Олень, — монголы сказали, что русские вырыли под звездолетом бункер.

— Давайте поделимся и уничтожим все, что попадется на пути, — предложил Тревис.

— Идет!

Тревис двинулся дальше. Он миновал еще одну дверь, но вдруг резко развернулся. Он вспомнил, что

отсюда можно попасть в машинное отделение. Он выстрелил несколько раз. Внезапно все огни погасли, а завывание сирены смолкло. Часть систем корабля, а может, и все оказались выведены из строя. Теперь в темноте Тревис мог оказаться и охотником, и тем, на кого охотятся. Несмотря на это, темнота была скорее на руку апачу.

Вернувшись в коридор, Тревис продолжал свой путь в атмосфере полного безмолвия. Казалось, что умерли не только машины, но и разумные обитатели корабля. Вдруг раздался какой-то приглушенный шорох, похожий на скрип ботинка на лестнице. Тревис юркнул в одну из кают. Луч света прорезал тьму коридора. Кто-то включил электрический фонарик. Тревис вытащил нож и перевернул его рукояткой вверх, чтобы оглушить русского. Человек быстро шел по коридору, направляясь в машинное отделение. Совсем рядом Тревис услышал прерывистое дыхание. Пора!

Тревис сунул пистолет за пояс. Одной рукой он схватил русского за плечо, а другой ударил по голове. Однако удар оказался недостаточно силен, и Тревису пришлось применить рукоятку ножа еще раз. Человек упал на пол. Апач ощупал его и забрал фонарь и пистолет. Засунув пистолет русского за пояс, с инопланетным оружием в одной руке и фонариком в другой, Тревис продолжал свой путь по коридору. Те, кто находился наверху, вполне могли принять его за возвращающегося товарища. Апач нашел лестницу, ведущую на следующий уровень, и начал взбираться по ней, останавливаясь и прислушиваясь.

Вдруг лестница затряслась, а потом раздался грохот, похожий на взрыв. Может, это в бункере, о котором говорил Олень? Тревис уцепился за лестницу, чтобы подождать, пока прекратится вибрация, вызванная взрывом. Вверху раздались крики.

Тревис поспешно добрался до следующего уровня и нырнул в ответвление коридора. Не успел он это проделать, как свет еще одного фонарика осветил помещение. Вновь раздался крик, а затем — выстрел. Эхо гулко прокатилось по пустым коридорам. Взбираться вверх, прямо на поджидавшего русского, было бы полным безрассудством. Может, был еще один путь наверх? Тревис попятился подальше от лестницы. Осмотрев каюты, Тревис понял, что здесь располагаются жилые помещения, стало быть, рубку следует искать на следующем уровне. Внезапно апач вспомнил, что на каждом уровне есть запасной аварийный люк, который предназначался в основном для проведения аварийных работ. Если бы только найти его...

Рядом с лестницей мелькнул свет, и раздался еще один выстрел. Однако Тревис был уже достаточно далеко и мог зажечь свой фонарик. Наконец возглас облегчения сорвался с его губ. Он нашел то, что искал. Он был прав, предположив, что их собственный корабль очень похож на корабль русских. Тревис открыл люк и осветил его внутренность в поисках скоб, по которым можно подняться вверх. Наверху свет выхватил из темноты очертания другого люка, того, что вел на следующий уровень. Засунув инопланетное оружие за пояс и взяв в зубы фонарик, Тревис начал карабкаться вверх, стараясь не думать о глубине колодца под ним. Четыре... пять... десять скоб, и он уже мог дотянуться рукой до люка.

Он ощупал его, стараясь найти защелку. Однако ничего подобного на люке не было. Тогда Тревис сжал кулак, размахнулся и изо всех сил ударил по люку. Он едва не потерял равновесия и не свалился вниз, так как люк легко открылся от его удара.

Тревис оказался в полной темноте. Он включил фонарик лишь на мгновение и осветил приборы связи. За-

тем апач выхватил из-за пояса инопланетный пистолет и начал уничтожать глаза и уши корабля. Вдруг слева полыхнул огонь, и раздался звук выстрела. Боль обожгла плечо Тревиса.

Реакция индейца была инстинктивной — он махнул лучом, хотя его сознание противилось этому. Защищаться с помощью автомата, ножа, стрел — это одно, но с помощью этого! Тревис прижался к стене.

Мгновение назад перед ним стоял живой человек, со своими мыслями и чувствами. А теперь, благодаря автоматической реакции мышц Тревиса, он превратился в кучку пепла. Он убил его, сам того не желая. Оружие, что было сейчас в руках апача, и впрямь было орудием дьявола, которого стоило опасаться. Его нельзя давать в руки людям, неважно, чем они при этом руководствуются.

Тревис стоял, лоя ртом воздух. Он хотел отбросить пистолет в сторону и никогда больше к нему не прикасаться. Однако основная задача еще не была выполнена. Тревис заставил себя добраться до рубки. Ему предстояло превратить этот корабль в груды мертвого железа и освободиться от острого чувства вины и этого чудовищного оружия. Он мог отделаться от оружия, а вот от воспоминаний никуда не деться. Никому бы не пожелал когда-нибудь пережить подобное.

Грохот барабанов, разносящийся над степью, заставлял кровь бежать быстрее, глаза блестеть сильнее, а мускулы напрягаться, словно рука сжимала нож или натягивала тетиву лука. Высокие языки пламени лизали небо, и их красноватые блики отражались от клинков кривых монгольских сабель. В свете костра в сумасшедшем танце кружились монгольские воины. Чувство победы и свободы опьяняло их. Рядом с ними зияла

рваными дырами сфера космического корабля. Рабское прошлое было позади.

— Что теперь? — Менлик подошел к Тревису, позвякивая при каждом шаге своими амулетами. Дикое выражение сошло с его лица. Казалось, он трансформировался в совсем другого человека. Теперь он задал вопрос, который мучил всех.

Тревис чувствовал усталость и опустошение. Контроля над сознанием больше не существует. Люди совершенно свободны. Так что же им теперь делать с этой свободой?

— Во-первых, — наконец апач нарушил молчание, — мы должны вернуть это.

Три инопланетных пистолета были зашиты в кожаные чехлы и спрятаны подальше от глаз. Хотя выбросить из головы воспоминания о них было непросто. Их видели лишь немногие. Это оружие нужно было вернуть, пока о его власти не узнали все.

— Интересно, будут ли наши потомки рассказывать о том, что призвали молнию с небес себе на помощь? — задумчиво проговорил Олень. — Но это верно. Мы должны вернуть оружие и сделать долину с ее башнями табу для всех!

— А вдруг прилетит другой корабль? Например, один из ваших? — спросил Менлик.

Тревис смотрел на огонь поверх головы шамана. Мучившая его мысль вернулась. Что, если и вправду сюда прибудет звездолет? С Эшем, Мердоком и другими на борту, с теми, кого он любил и уважал? Как же быть тогда с башнями и знаниями, заключенными в них? Будет ли он тогда уверен в правильности своих действий? Он потер рукой лоб и медленно произнес:

— Подумаем, как поступить, когда это произойдет... если это вообще когда-нибудь произойдет...

Но смогут ли они? Да и стоит ли? Он очень хотел надеяться, что этого никогда не случится, по крайней

мере, на его веку. И вдруг он почувствовал весь ужас своего заточения здесь.

— Нравится нам это или нет, — (Говорил ли он это другим или пытался убедить себя?), — мы не можем сделать всеобщим достоянием то, что находится в этих башнях... мы не можем позволить, чтобы это нашли... и использовали. Разве что людьми, которые более мудры, чем мы.

Менлик вновь вытащил свой шаманский жезл и начал рассеянно крутить его между пальцев, поглядывая на троих апачей с каким-то новым выражением лица.

— Тогда вот что я вам скажу. Мы вместе должны хранить эту тайну: ваш народ и мой. Если монголы только заподозрят, что вы владеете каким-то только вам одним известным секретом, начнется зависть, ненависть, страх, раздоры. И все начнется снова: войны, набеги. Земли обширные, а нас не так много. Нужно ли вновь начинать враждовать, когда мы наконец обрели долгожданную свободу и мир вновь открыт для нас? Если это древнее оружие является злом, так давайте оно будет нашим общим табу.

Конечно, он был прав. Нужно было смотреть правде в глаза. Для каждого, будь то апач или монгол, каждый вновь прибывший звездолет будет злом. Они должны остаться здесь и пустить корни. Чем скорее начнут мыслить одинаково, тем лучше для всех. А предложение Менлика предполагало, что они будут связаны воедино общей тайной.

— Ты верно говоришь, — вступил в разговор Олень, — это будет наша общая тайна. Мы трое знаем. Теперь ты выбери троих, но выбирай осторожно.

— Будь уверен, я сделаю это! — ответил монгол. — Мы начинаем новую жизнь, и возврата к прошлому нет. Как я уже сказал, земля здесь большая. Мы не ссорились друг с другом, и может, наши два народа сольются в один. В конце концов, мы мало чем отли-

чаемся... — он улыбнулся и указал на костер и танцующих вокруг него людей.

Среди монголов Тревис увидел человека, который кружился и выкрикивал воинственный клич апачей. Это был Деклай. Апачи и монголы — и те, и другие наездники, охотники, скотоводы, воины, когда возникает необходимость. Разница действительно невелика. И тех, и других заманили сюда обманом, и представители обоих народов не испытывали преданности по отношению к тем, кто их сюда послал.

Возможно, клан и Орда станут единым целым, а может, их пути разойдутся — время покажет. Но их будет связывать общая цель — хранить покой башен, чтобы то, что в них спрятано, не проснулось ни при них, ни во времена их потомков.

Тревис усмехнулся. Новая религия. Новые служители культа с таинственными и запрещенными знаниями... с этой ночи зарождается целая цивилизация. Теперь его прежние мучительные мысли потеряли свою былую значимость.

Тревис взял сверток с инопланетным оружием и посмотрел на Оленя, Джил-Ли и Менлика. Он встал — в руках тяжесть оружия и еще большая тяжесть на душе.

— Идем?

Самым важным сейчас было вернуть оружие назад. Может, после этого он сможет спать спокойно и видеть сны: скачки на заре под голубым небом Аризоны. Ему в лицо будет дуть ветер, приносящий запахи сосны и полыни, ветер, который никогда больше не согреет ему душу, ветер, который никогда не испытают его сыновья и сыновья его сыновей. Он надеялся, что кошмарные сны прекратятся, а новый мир затмит собой старый. Лучше пусть будет так, решительно говорил себе Тревис. Пусть будет так!

**КЛЮЧ
ИЗ ГЛУБИИ
ВРЕМЕН**

Глава 1

МИР ЛОТОСА

Жемчужная арка неба отливала розовым; на горизонте, там, где встречались море и воздух, цвет углублялся, становился радужным. Ленивые океанские волны того же цвета, их прочерчивали алые вены — это спирали водорослей. Розовый мир, купающийся в мягком солнечном свете, знающий только мягкие ветры, спокойствие и — праздность.

Росс Мердок перегнулся через край скального выступа и посмотрел вниз, на пляж, полоску бледно-розового песка, в котором сверкали хрустальные «раковины»; на самом ли деле эти нежные бороздчатые овалы — раковины? Даже волны надвигаются на берег лениво. А ветер, ерошащий волосы, глядящий загорелое полуобнаженное тело, ласкает его, он еле шевелит растительность, которую земляне называют деревьями; на самом деле это не настоящие ветви, а длинные кружевные листья, похожие на папоротник.

Гавайка — названная так по старому полинезийскому раю — мир, внешне совершенный, единственный его недостаток — он слишком совершенный, слишком приветливый и ласковый. Долгие лишённые событий и перемен дни внушают забытьё, предлагают легкую жизнь без всяких усилий. Если бы не эта загадка...

Это совсем не та планета, что описана на курсовой ленте, приведшей сюда землян. Карта, указатель курса,

описание — все вместе — вот что такое древняя курсовая лента. Росс сам участвовал в той операции, когда удалось раздобыть большое количество этих лент. Когда-то они служили навигационными указателями расе или расам, правившим звездными линиями десять тысяч лет назад. Но эта цивилизация давно исчезла.

Ленты, которые после их случайной находки привезли на Землю, были изучены, проверены и дешифрованы лучшими умами своего времени; их разделили между соперничающими земными державами, и в исследование космоса проникли старое соперничество и ненависть.

Именно такая лента привела их корабль на Гавайку, планету мелких морей и архипелагов, а не подлинных континентов. Поселенцы заранее изучили содержание ленты, но обнаружили, что по большей части оно не соответствует действительности.

Конечно, никто не ожидал, что они найдут здесь города и цивилизацию того типа, что существовала давным-давно. Но ни одна островная группа даже приблизительно не соответствовала картам, и пока не найдено ни одного следа разумных существ, которые жили и строили на этих прекрасных, погруженных в дремоту атоллах. Так что же произошло с Гавайкой, изображенной на ленте?

Росс правой рукой потер шрамы на левой, всю жизнь они будут напоминать ему о встрече с пришельцами со звезд в прошлом его собственной планеты. Он сознательно жег свою плоть, чтобы избавиться от контроля мысли, которым хотели его подчинить. Тогда он победил. Но схватка оставила и другой шрам — тревогу и ужас: тогда Росс Мердок, непокорный борец и преступник по законам своего времени, Росс Мердок, считавший себя исключительно жестким и крепким человеком, и эта жесткость еще более усилилась в трени-

ровках и вылазках агента во времени, этот самый Росс Мердок столкнулся с силой, которую не понимал, но которую ненавидел и боялся.

Он глубоко вдохнул — запах моря, аромат растительности, необычный, но приятный. Так легко расслабиться, подчиниться этому мягкому ленивому миру, в котором нет пороков и недостатков, нет опасностей и раздражений. Но когда-то здесь были те, в синих костюмах, кого он называл «лысыми». Что же произошло с ними... и потом?

Поверхность медлительной волны разорвала черная голова, смуглые плечи, стройное тело. Лицо закрывала маска для плавания, в ней отражалось солнце. Руки обнажили подбородок, маленький и круглый, но решительный, твердый рот, который, впрочем, чаще смеется, и большие темные глаза. Карара Трехерн, прямой потомок древнего гавайского бога-вождя Алии, исключительно красивая девушка.

Но Росс отчужденно, почти враждебно смотрел на девушку, которая тем временем упрятала маску в карман своего жаберного ранца. Она остановилась под скалой на песке, слегка расставив ноги, на губах ее играла озорная улыбка, она насмешливо спросила:

— А ты почему не спускаешься? Вода отличная.

— Слишком, как и все остальное. — В его раздраженном тоне слышалось нетерпение. — Никакой удачи, как обычно?

— Как обычно, — согласилась Карара. — Если тут и существовала цивилизация, она исчезла так давно, что не осталось никаких следов. Почему бы просто не запустить временной зонд наудачу?

Росс нахмурился.

— Потому что у нас только один такой зонд, — в его тоне явно слышалось раздражение. — Нам нелегко

разбирать его и переносить на другое место, поэтому мы должны убедиться, что тут действительно нечего искать.

Карара начала выжимать воду из длинных волос.

— Что ж, до сих пор действительно... ничего. Идем с нами в следующий раз. Тино-рау и Тауа любят общество.

Заложив два пальца в рот, Карара свистнула. В воде появились две одинаковые головы. Выступающие носы, пасти с приподнятыми вверх краями — казалось, животные постоянно улыбаются млекопитающим на берегу. Пара дельфинов, чьи предки когда-то выбрали море, мгновенно откликнулась на призыв девушки, как эхо ее свиста. Уже давно ум этих животных поражал, почти шокировал людей. Эксперименты, обучение, сотрудничество — все это превратило водных животных в новые глаза, уши, умы человечества, способные видеть, оценивать и докладывать обо всем увиденном в среде, которая почти недоступна двуногим.

Одновременно проводились и другие исследования. Неуклюжие бронированные водолазные костюмы уже в двадцатом столетии позволили человеку начать проникновение в новый мир, потом оборудование для людей-лягушек помогло еще больше углубиться в него. Теперь же жаберные ранцы, добывавшие кислород непосредственно из воды, сделали ненужными даже неуклюжие кислородные аппараты. И все же оставались глубины, куда человек не мог погрузиться, в которых еще скрывались тайны. Там действовали дельфины, и так началось сотрудничество двух равных разумов, хотя человеку трудно было признать это.

Раздражение Росса — абсолютно не обоснованное, он понимал это, — не было вызвано Тино-рау и Тауа. Он наслаждался их обществом часами, надев жаберный ранец, работал вместе с этими десятифутовыми черно-

серебристыми помощниками. Но Карара... Присутствие Карары — совсем другое дело.

Команды агентов всегда были исключительно мужскими. Двое мужчин сочетали свои способности и темпераменты, совместно проходили подготовку, становились двумя неразрывными частями единого сильного и эффективного целого. До того как его торопливо включили в Проект, Росс был одиночкой — жил за пределами закона, цивилизация не могла его переделать, она для него стала слишком упорядоченной и организованной. Но в Проекте он обнаружил других подобных себе — людей, пригодных для другого времени, слишком жестких, слишком индивидуалистичных для своей эпохи, но легко идущих опасными тропами агентов во времени.

И когда был найден первый нетронутый корабль чужаков, когда его изучили и сдублировали, агентов переключили от проникновения в прошлое на подготовку к межзвездным путешествиям. Вначале был Росс Мердок, преступник. Затем Росс Мердок и Гордон Эш, агенты во времени. А теперь Росс и Гордон снова участвуют в поиске, таком же опасном, как и предыдущие. Но на этот раз они зависят от Карары и ее дельфинов.

— Завтра я пойду с вами. — Росс все еще не мог оторваться от своих мыслей, он ощущал, что что-то тревожит его, как заноза в пальце.

— Хорошо! — Если она и ощутила его враждебность, то не встревожилась. Снова свистнула дельфинам, помахала им рукой и направилась по берегу к лагерю. Росс пошел туда же неровной тропой по утесам.

Предположим, они не найдут здесь то, что ищут. Но на старых картах примерно в этом месте звездочка. Она обозначает город? Космический порт?

После неудачной операции «Топаз», когда группа добровольцев-апачей отправилась искать предполагаемый

пункт красных, Эш вызвался добровольцем лететь на Гавайку. Росс вспоминал тяжелые месяцы, когда только майор Келгариес и, может, в меньшей степени он сам, Росс, удерживали Гордона Эша в Проекте. Операцию «Топаз» признали неудачной, когда корабль, отвозивший поселенцев, не вернулся. И Эш чувствовал себя виноватым: он сам набирал и частично готовил пропавший отряд.

Среди отправленных в экспедицию, вопреки яростным протестам Эша, был и Тревис Фокс, который вместе с Эшем и самим Россом участвовал в первом галактическом полете на брошенном корабле. Тревис Фокс, археолог-апах, добрался ли он до Топаза? Или будет со своим экипажем вечно скитаться меж звезд? Высадились ли они на планете с враждебными формами жизни, или их поджидало поселение красных? Сама неопределенность их судьбы продолжала преследовать Эша.

Поэтому он настоял на том, что сам отправится со второй группой поселенцев, добровольцами с Самоа и Гавайев, чтобы осуществить еще более трудное и опасное исследование. Если Проект исследовал прошлое Земли, то Эш и Росс попытаются определить, что скрывается в прошлом Гавайки, увидеть эту планету такой, какой она была в расцвете межзвездной цивилизации, и тем самым узнать о своих предтечах в космосе. И загадочная картина, которую они обнаружили после высадки, усиливала необходимость открытия или открытий.

Их зонд, если им повезет, может стать воротами во времени. Установка значительно усовершенствована по сравнению с тем примитивным переходом, который они использовали в первых опытах. После того как земные ученые и инженеры получили доступ к лентам межзвездной империи, техника сделала огромный шаг вперед. Созданы новые установки, сделаны новые открытия, и в результате возникла гибридная технология,

соединившая достижения двух цивилизаций, разделенных тысячелетиями.

Когда он или Эш — или Карара со своими дельфинами — обнаружат подходящее место, двое агентов смогут установить собственное оборудование. И Росс и Эш готовы к этому. Им нужен только один кирпич, и они смогут выстроить всю стену. Но нужно найти хотя бы малейший след, остаток древнего сооружения, какое-то напоминание о прошлом, чтобы нацелить на него своей временной зонд. И хотя со времени посадки прошло уже несколько недель, ничего подобного все еще не было найдено.

Росс пересек вершину скалы, напоминавшую петушиный гребень острова, и начал спуск к поселку. Как их и обучили, полинезийские переселенцы использовали местные продукты и материалы для сооружения зданий и изготовления инструментов. Если понадобится, они смогут жить только на этих местных продуктах, потому что на корабле было мало места для припасов и инструментов. Когда корабль улетит, поселенцы на несколько лет окажутся предоставленными сами себе. Их корабль, серебристый шар, лежал на скальном выступе, пилот и экипаж задержались, ожидая результатов поиска Эша. Еще четыре дня, и они вынуждены будут улететь, даже если результаты поисков окажутся отрицательными.

Разочарование преследовало Эша, как несколько месяцев назад его преследовали гнев и чувство вины из-за операции «Топаз». Чем больше Росс думал, тем больше смысла видел в предложении Карары. Если будет больше пловцов, вероятность находки увеличивается. Пока дельфины не сообщали ни о каких опасных морских животных, и следует остерегаться только естественных опасностей, которые всегда ожидают пловца.

Есть лишние жаберные ранцы, а все поселенцы — отличные пловцы. Пока во всех работах — разгрузке корабля, сооружении поселка, всего того, что необходимо для основания базы, — они демонстрировали энергию и энтузиазм. Только в последние несколько недель праздность, которая кажется неотъемлемой частью здешней атмосферы, подействовала на них, и теперь жизнь их приобрела более медленный и ленивый ритм. Росс вспомнил, как накануне вечером Эш сравнил Гавайку с легендарным земным островом, обитатели которого питались семенами местного растения и постоянно жили в наркотическом опьянении. Гавайка быстро становится островом лотосов.

— Сюда, потом на запад... — Эш согнулся над складным столом в сборном доме. Он не взглянул на вошедшего Росса. Карара склонила все еще влажную голову, и ее черные кудри, прилипшие к круглому черепу, почти коснулись коротко остриженных каштановых волос Эша. Оба внимательно рассматривали карту, словно видели не линии на бумаге, а настоящие заливы и лагуны, которые представляли эти линии.

— Вы уверены, Гордон, что именно эти современные участки соответствуют изображению на древней карте? — Девушка откинула назад волосы.

Эш пожал плечами. Вокруг его рта теперь появились напряженные складки, которых несколько месяцев назад не было. Двигался он резко, не теми гибкими непрерывными движениями, как в прежние дни, когда его спокойствие и уверенность поддерживали новичка Росса.

— Общие очертания этих двух островов как будто соответствуют вот этому мысу... — он достал вторую карту, на прозрачном пластике, и наложил на первую. Мыс большого массива суши на этой старой карте удивительно совпал с очертаниями островов на новой.

Большой остров, расколотый, разорванный, мог быть источником группы атоллов и заливов, которую они сейчас исследуют.

— Но как давно? — вслух подумала Карара. — И почему?

Эш пожал плечами:

— Может быть, десять тысяч лет, пять, две. — Он покачал головой. — Мы понятия не имеем. Очевидно, здесь произошла катастрофа в масштабах всей планеты, только она могла так изменить контуры суши. Возможно, придется подождать второго прилета, чтобы воспользоваться вертолетом или гидропланом для дальнейших исследований. — И он провел рукой за пределами карты, обозначая всю Гавайку.

— Год, может быть, два, прежде чем на это можно будет рассчитывать, — вмешался Росс. — И надо надеяться, что Совет признает наши исследования достаточно важными. — Противоречивое чувство, которое он всегда испытывал в присутствии Карары, заставило его высказать свои мысли не задумываясь. Увидев, как дернулся рот Эша, Росс понял свою ошибку. Гордон нуждается в поддержке, а не перечислении тех многочисленных путей, на которых экспедицию ожидает неудача.

— Послушайте! — Росс подошел к столу, взмахнул рукой, указывая пальцем. — Мы знаем, что легко могли пропустить то, что ищем, хоть нам и помогали дельфины. Слишком большой район. И всякие признаки цивилизации скрыты под водорослями. Предположим, десять человек начнут полукругом отсюда и дойдут до этого пункта, направляясь в сторону суши. Видеокамеры здесь и здесь... мы прочедем весь этот район по дюйму, если понадобится. В конце концов, времени и мужской силы у нас достаточно.

Карара негромко рассмеялась.

— Мужчины, всегда мужчины, Росс? Но есть ведь и женщины. И зрение у нас острее. Но мысль неплохая, Гордон. Посмотрим. — Она начала перечислять, загибая пальцы: — ПаКиКи, Ваеоха, Хори, Лилиа, Таэма, Уи, Хоноура — они лучше всех в воде. Я... ты, Росс... Гордон. Десять человек с острым взглядом, и нам на помощь Тино-рау и Тауа. Мы захватим припасы и устроим здесь на острове лагерь. Этот остров похож на согнутый манящий палец. Да, этот палец кажется мне обещающим что-то в будущем. Подходит такой план?

Напряженное лицо Эша слегка расслабилось, Росс успокоился. Именно в этом нуждается Гордон, хватит ему сидеть над картами, докладами, снова и снова пересматривая очертания суши. Эш всегда был полевым агентом; организация поселка для него — тяжелая, отупляющая работа.

Когда Карара ушла, Росс лег на койку у стены.

— Как вы думаете, что же на самом деле случилось? — Отчасти его действительно интересовала эта загадка, и он постоянно размышлял над ней после высадки на Гавайке; но ему хотелось и отвлечь Эша от непосредственных забот. — Атомная война?

— Возможно. Есть следы древней радиации. Но я думаю, эти чужаки ушли намного дальше атомной эры. Предположим, только предположим, что они могли управлять погодой, нарушать равновесие коры планеты. Мы не знаем пределов их силы, не знаем, как они ею пользовались. Когда-то у них тут была колония, иначе не было бы курсовой ленты. И это все, в чем мы уверены.

— Предположим, — Росс перевернулся на живот, положив голову на руки, — мы откроем кое-что из их знаний...

Губы Эша дернулись.

— Приходится идти на этот риск.

— Риск?

— Ты бы дал ребенку оружие, которое мы нашли в брошенном корабле?

— Естественно, нет! — резко ответил Росс, уловивший намек. — Вы считаете, что нам нельзя доверить эти знания?

Ответ ясно читался в выражении лица Эша.

— Тогда зачем вся эта операция, охота за тем, что может принести неприятности?

— Все та же старая дилемма. А если красные найдут раньше? Не забудь, при розыгрыше лент они получили их немало. Получаются качели: мы продвигаемся в одном месте, они в другом. Приходится участвовать в гонке, иначе проиграем. Они, должно быть, так же яростно прочесывают свои колонии, как и мы.

— Поэтому, если понадобится, мы отправимся в прошлое. Я бы смог обойтись без знаний лысых. Но признаюсь, мне хочется узнать, что тут произошло — два, пять, десять тысяч лет назад.

Эш выпрямился и потянулся. Впервые за все время он улыбнулся.

— Знаешь, я рад поплавать возле этого манящего пальца Карары. Может, она права, и нам здесь повезет.

Росс старательно сохранял невозмутимое выражение, готовя обычный ужин.

Глава 2

ЛОГОВО МАНО НУИ

Под поверхностью воды море теплое; цвета странной жизни Росс еще мог назвать, оттенки — нет. Кораллы, животные, выглядящие как растения, растения, замаскированные под животных, — все эти разновидности, населяющие океаны Земли, имели здесь свои соответ-

ствия. И поселенцы давали им привычные названия, хотя крабы, рыбы, анемоны, водоросли в мелких лагунах совсем не были идентичны с земными организмами. Беда в том, что их слишком много, огромное богатство жизни привлекает взгляд, удерживает внимание и мешает работать, искать неестественное, не природное, такое, чему здесь нет места.

Суша оглушала чувства, зачаровывала поселенцев, но и море имело свое очарование. Росс решительно обогнул лес кружевных водорослей, слегка раскачивающихся в воде; цвет их менялся от светло-зеленого к почти черному и к таким оттенкам, которые он не смог бы определить. Среди качающихся длинных опухал таятся рыбы-призраки, настолько прозрачные, что в них можно рассмотреть неперевавленную пищу.

Земляне начали свой поиск с полчаса назад, соскользнув в воду с каноэ и направляясь к контрольному пункту на конце острова-пальца; опытные ныряльщики образовали дугу; эти мужчины и женщины в океане как дома, они могут сделать столь необходимую Эшу находку, если только она действительно существует.

На Гавайке загадка громоздится на загадку, подумал Росс, отводя своим гарпунным ружьем водоросли, чтобы заглянуть за них. Туземная жизнь на планете, по-видимому, всегда в основном сосредоточивалась в воде. Поселенцы обнаружили на островах только несколько разновидностей небольших животных. Самое крупное из них — обитатель нор, животное, похожее на обезьяну, передвигающееся на задних лапах; передние вооружены когтями, которыми животное пользуется, как человек руками. Тело у него безволосое и, как у хамелеона, способно менять окраску, сливаясь с почвой и скалами, где оно живет. Голова без всякой шеи непосредственно переходит в плечи; наверху черепа круглые выпуклые глаза, нос — всего лишь вер-

тикальная щель, и широкая сильная пасть, способная раздавить панцирь существ, которыми питается это животное. На взгляд землян, отвратительное создание. Но, насколько они могли установить, это высшая форма наземной жизни. Маленькие грызуны, две разновидности бескрылых птиц и странный набор рептилий и земноводных — вот и все обитатели островов и одновременно добыча жителя нор.

Мир моря и островов, какая туземная разумная жизнь некогда на нем обитала? Или тут была только галактическая колония и до прибытия звездных исследователей местной разумной жизни не было? Росс висел над темным углублением в виде блюдца. Края углубления заросли водорослями, но есть в этих очертаниях какая-то правильность...

Росс поплыл по окружности блюдца. Если принять во внимание все эти водоросли, облепившие края и искажающие очертания... да, что-то здесь есть не свойственное природе! Углубление слишком правильное, слишком ровное. Росс уверен в этом. Сильно волнуясь, он начал спускаться в чашу, стараясь найти доказательства своей догадки.

Сколько лет, столетий все это медленно зарастало морскими растениями, они процветали, умирали, другие поселялись на их остатках? И теперь с трудом можно разглядеть, что углубление образовалось не естественно.

Держась одной рукой за гавайский коралл, более гладкий, чем земные разновидности, Росс рукоятью гарпунного ружья принялся расчищать ближайшую стену блюдца, пытаясь заглянуть за два больших куста водорослей. Ружье отскочило, здесь такое хрупкое орудие ему не поможет. Но, возможно, глубже будет легче рассмотреть.

Впадина оказалась глубже, чем он первоначально предположил. Стало темнее. Исчезли красные и желтые цвета, но Росс видел такие оттенки синего и зеленого, которые незаметны с поверхности. Он включил фонарь, и в его свете вернулись цвета. Розовые в луче фонаря водоросли за пределами освещенного пространства становились темно-изумрудными, словно тоже обладали способностями хамелеона или обитателя нор.

Росса отвлек этот феномен, и поэтому он нарушил основное правило ныряльщика — никогда не увлекаться окружающим настолько, чтобы забыть об осторожности. Когда он понял, что внизу появилась какая-то тень? Когда неожиданно бросилась врассыпную стая рыб-призраков и он повернул вслед им фонарь? И тут краем луча осветил какую-то тень, какое-то колебание воды в глубине.

Росс повернулся спиной к стене блюда и направил луч фонаря вниз. И увидел существо, которое могло появиться в кошмарах его родной планеты. Впоследствии Росс узнал, что это существо не так велико, каким показалось ему вначале, в эти первые бесконечные мгновения ужаса. На самом деле оно не больше дельфинов.

Росс тренировался в населенных акулами морях Земли, его инструктировали о возможности появления опасных жителей глубин. Но такие существа есть только в сказках: как драконы из древних легенд. Чешуйчатая голова с большими глазами, сверкающими в луче фонаря холодной и мрачной ненавистью, огромная полная зубов пасть, рогатая морда, длинная извивающаяся шея, а под ней, почти не видимое, чудовищное тело.

Ни гарпунное ружье, ни нож на поясе не защитят его! Но повернуться спиной к этой поднимающейся голове Росс не мог. Он прижался к стене углубления. Существо перед ним не торопилось нападать. Оно явно его видело и двигалось неторопливо, как охотник, уверенный в исходе схватки. Но свет как будто мешал

ему, и Росс продолжал направлять луч фонаря прямо в эти полные злобы глаза.

Шок от неожиданной встречи проходил; Росс сунул ласт в щель стены, чтобы прочнее удерживаться на месте, и нащупал рукой коммутатор-соник у себя на поясе. Нажал кнопку тревоги: дельфины смогут передать его сигнал всем пловцам. Голова дракона перестала раскачиваться, застыла на чешуйчатой неподвижной колонне шеи в центре блюда. Ультразвуковые колебания либо обеспокоили, либо удивили охотника, заставили его насторожиться.

Росс снова нажал кнопку сигнала. Все сильнее становилось убеждение, что, если он попытается уйти, погибнет; нужно оставаться на месте. Теперь голова дракона всего в нескольких дюймах ниже уровня его ног в ластах.

Снова гибкое движение, голова поднимается, дрожь пробегает по всей длинной шее, волнение в глубине. Дракон снова двинулся. Росс направил луч света непосредственно ему на голову. Чешуйки, насколько он может судить, не просто роговые пластинки, это перекрывающие друг друга серебристые овалы, как у рыбы. А нижняя часть туловища, возможно, уязвима для гарпуна. Но Росс знал, что земная акула способна выдержать удар гарпуна и выжить, и потому не торопился стрелять, продолжал выжидать.

Над ним и чуть левее небольшое углубление; здесь водоросли вырваны и не успели отрасти. Если он сможет забраться в это углубление, там можно дожидаться помощи. Росс двинулся, используя все свое мастерство. Рукой ухватившись за край ниши, он повернулся и добрался до убежища в тот момент, как голова дракона устремилась вперед. Итак, он правильно решил, что дракон нападет на движущуюся добычу. Без посторонней помощи подняться на поверхность он не может.

Теперь Росс стоял в щели лицом к дракону и следил за головой чудовища. Он выключил фонарь, и исчезновение света удивило дракона и задержало его на несколько драгоценных секунд. Росс как можно глубже забился в расщелину, пока не прижался спиной к холодной ровной поверхности стены. И шок от этого прикосновения чуть не заставил его отскочить.

Держа ружье перед собой правой рукой, Росс осторожно пощупал за собой левой. Пальцы его скользнули по гладкой, без щелей и трещин, поверхности, с которой были сорваны водоросли. Он не смел повернуть голову и посмотреть, но был уверен, что нашел наконец доказательство: стены этого блюда созданы какими-то разумными существами.

Дракон поднялся, теперь он висел в воде непосредственно перед щелью, откинув назад голову. Стало видно все тело, от пологих плеч до острого конца хвоста. Тело смутно знакомо. Если снабдить земного тюленя головой горгоны и заменить шерсть чешуей, получится нечто подобное. Но перед Россом в этот момент был явно не тюлень.

Легкими движениями плавников поддерживая равновесие, дракон висел в воде перед Россом. Шею он прижал к туловищу, голову наклонил, так что рога были нацелены прямо на Росса. Землянин крепче взялся за свое ружье. Самая уязвимая цель — глаза дракона; если существо нападет, Росс будет стрелять в глаза.

Человек и дракон были так поглощены своей дуэлью, что не заметили движения воды вверху. Гладкое темное тело устремилось вниз, за спину дракону. Некоторые из поселенцев умели передавать свои чувства дельфинам, но у Росса эта способность была очень ограничена.

Но теперь он ощутил уверенность в помощи и желание напасть. Дракон повернул голову, пытаясь взглянуть себе за спину. Но дельфин уже превратился в

быстро исчезающую полосу. А его движение нарушило равновесие, подтолкнуло дракона к Россу.

Землянин выстрелил слишком поспешно и не прицелившись, поэтому гарпун пролетел мимо головы. Но прикрепленная к нему нить задела за шею дракона и смутила его. Росс как можно глубже отодвинулся в свое убежище и достал нож. Против когтей дракона это почти бесполезная игрушка, но больше у него ничего нет.

И снова дельфин устремился вперед, схватил пастью нить гарпуна, дернул ее и тем самым еще больше нарушил равновесие дракона, оттащил его к центру углубления.

Росс увидел, что действуют два дельфина, они играют с драконом, как матадоры с быком, отвлекая чудовище своими проворными движениями. Очевидно, природная добыча этого монстра Гавайки ведет себя не так, и дракон не готов эффективно противостоять тактике быстрых уходов и уклонений. Дельфины не касались зверя, но продолжали непрерывно беспокоить его.

Дракон, поворачиваясь, чтобы не терять из виду своих мучителей, в то же время не оставлял уровня ниши Росса, и время от времени голова его металась к землянину: чудовище не собиралось отказываться от добычи. Один из дельфинов поднялся выше, одновременно своим коммуникатором Росс уловил его предупреждение. Где-то вверху люди. Росс торопливо простучал собственный сигнал-предупреждение.

Два дельфина снова принялись отталкивать дракона от ниши Росса, увлекая чудовище глубже. Потом устремились вверх. Дракон тоже начал подниматься, но теперь сверху ему навстречу спускался светящийся шар; вместе со светом появились цвета и четкая видимость.

Росс рукой прикрыл глаза. Последовала вспышка, вибрацию ощутили даже его нервы, не настолько чувствительные к ней, как окружающие его живые существа. Росс помигал под маской. Мимо вверх животом

проплыла рыба. Водоросли вокруг повисли, безжизненно покачиваясь в воде; огромное тело быстро скрывалось в глубине. Оружие, разработанное на Земле для защиты от акул и барракуд, оказалось здесь эффективным и против более страшного противника.

Землянин выбрался из ниши и поплыл навстречу другому ныряльщику. Пока Эш спускался, Росс сообщил ему по коммуникатору-сонику свою новость. А дельфины устремились в глубину, вслед за туловищем погибшего противника.

— Смотрите... — Росс показал Эшу нишу, которая спасла его. Он прав! Под водорослями оказалась ровная канавка, футов шести длиной, поднимающаяся строго вертикально. Эш прикоснулся к ней, потом ответил тоже по сонику:

— Металл или сплав. Нашли!

Но что они нашли? После часа поисков Эш с его огромным запасом знаний артефактов и древних рун все еще был в затруднении. Потребуется огромный труд, инструменты, которых у них нет, чтобы очистить все блюдце. Они знают только размер углубления, его форму, знают, что стены его из неизвестного вещества, которое море смогло покрыть водорослями, но не смогло разесть. На всем протяжении на серой поверхности нет ни следа износа.

Внизу, в самом центре углубления, они обнаружили логово дракона — арку, поросшую водорослями. Перед ней лежало туловище чудовища. С помощью дельфинов его оттащили в сторону, чтобы потом поднять на берег для изучения. Но сама арка... возможно, часть какой-то древней установки?

Держа перед собой фонари, они углубились в ее тень, но недоумение не рассеивалось. Тут и там полоски того же серого материала. Эш порылся рукоятью ружья в песчаном дне и обнаружил новое овальное углубление.

Но что оно означает, с какой целью сделано — об этом можно было только догадываться.

— Установим здесь временной зонд? — спросил Росс.

Эш медленно покачал головой в знак отрицания.

— Посмотрим дальше... разойдемся пошире, — прощелкал соник.

Через несколько минут дельфины сообщили о новой находке — еще два блюдца, каждое больше первого, они расположены на дне океана на одной линии, указывающей прямо на остров пальца. Их осторожно исследовали и обнаружили только безвредных морских обитателей; драконов не было.

Когда земляне поднялись на берег, чтобы поесть и отдохнуть, один из них прошел вдоль вытащенного на песок дракона. На берегу чудовище не стало менее страшным. И, глядя на него, неподвижного, мертвого, Росс еще раз удивился, что выжил в такой встрече, не получив ни единой царапины.

— Я думаю, он был один, — заметил ПаКиКи. — Едок такого размера обычно бывает один.

— Мано-Уи! — девушка Таэма вздрогнула, давая чудовищу имя демона-акулы из преданий своего народа. — В этих водах может быть только один царь акул такого размера. Но почему мы раньше не замечали таких? Тино-Рау, Тауа доложили бы нам...

— Может, потому, что, как говорит ПаКиКи, эти существа редки, — ответил Эш. — Хищник такого размера имеет очень большую охотничью территорию, и у нас есть доказательства, что он долго прожил в своем логове. Значит, он не позволял никому вторгаться в свои владения.

Карара кивнула.

— К тому же он может охотиться изредка, наедаться и лежать, пока пища не переварится. Большие акулы на Земле так поступают. Росс просто оказался у него на переднем дворе, поэтому он и вышел поглядеть...

— Отныне, — Эш проглотил четвертушку фрукта, — мы знаем, чего опасаться, знаем и оружие против этой опасности. Не забывайте об этом!

Точные механизмы их соников теперь будут регистрировать колебания воды, вызываемые приближением дракона, а глубинный шар позаботится об остальном.

— Большой череп, не соответствует туловищу по размерам. — ПаКиКи присел на корточках возле лежащей на песке головы на полностью вытянутой шее.

Росс раньше обратил внимание на «вооружение» этой головы, на клыки в мощных челюстях, на огромную пасть на рыле. Но замечание ПаКиКи заставило его заметить, что череп нависает над глазами, в нем очень много места для мозга. Может, это существо разумно? Карара выразила его мысли в словах:

— Правило Один? — Она продолжала разглядывать туловище.

Россу не понравился этот вопрос, даже если девушка просто рассуждала вслух.

Правило Один: Всеми средствами сохранять местную жизнь. Гуманоиды — не единственная возможная форма разума.

На самой Земле есть дельфины, доказывающие истинность этого правила. Но разве Правило Один означает, что нужно дать чудовищу возможность жевать тебя, если ты заподозришь в нем наличие разума? Пусть Карара вспомнит об этом правиле, вися в нише, когда ей в живот нацелена рогатая голова.

— Правило Один не отменяет самозащиту, — спокойно заметил Эш. — Это существо — хищник, а если тебя рассматривают как законную добычу, ты имеешь право применять всю свою технику. Если ты сильнее или по крайней мере равен — да, остановись и подумай, прежде чем нападать. Но в такой ситуации — не нужно рисковать.

— Все равно, — настаивала Карара, — отныне мы должны не убивать, а только отпугивать.

— Гордон, — ПаКиКи отвернулся от туши, — а что мы нашли, помимо этого?

— Даже гадать не могу. Знаю только, что эти углубления сделаны с какой-то целью и очень давно. Мы не знаем даже, сразу же они были в воде или вначале находились на суше. Но теперь знаем, где установить временной зонд.

— Прямо здесь? — спросил Росс. Его грызло нетерпение. Но Эш продолжал хмуриться. Он покачал головой.

— Мы должны быть уверены в месте, очень уверены. Не хочу начинать цепную реакцию по ту сторону стены времени.

Он прав, вынужден был признать Росс, вспомнив, что случилось, когда чужаки узнали о воротах времени красных, проследили их до самого двадцатого столетия и все уничтожили. Если сравнивать технические знания, то первоначальные колонисты Гавайки по сравнению с землянами — гиганты. И использовать временной зонд, пусть даже тайно, вблизи одного из их поселений — может означать напрашиваться на быструю и ужасную месть.

Глава 3

ДРЕВНИЕ МОРЯКИ

Достали еще одну карту и расстелили ее на песке, прижав камешками.

— Здесь, здесь и здесь, — Эш указал на три точки по трем сторонам от острова-пальца. В каждом из таких мест находилось по три подводных углубления в точном соответствии с местностью; согласно древней

карте, здесь когда-то находился мыс большого материка. Земляне нашли руины, если можно так назвать эти блюдца, хотя их назначение оставалось загадочным.

— Установим здесь? — спросил Росс. — Нам нужно всего одно сообщение из прошлого... — После такого подтверждения последует поток материалов и персонала с Земли, от руководителей Проекта.

— Установим здесь, — принял решение Эш.

Он выбрал место между двумя линиями, где риф имеет безопасное основание. И как только решение было принято, земляне принялись за работу.

Оставалось два дня на установку зонда и пробу, после чего корабль улетит — с доказательствами или без них. Росс и Эш перенесли установку на риф, Уи и Карара помогали перевозить оборудование и части, дельфины иногда подталкивали носами. Эти водные животные были так же заинтересованы, как и люди. А в воде помощь их была неоценима. Росс бегло подумал, что, если бы у дельфинов были руки, они давно уже захватили бы контроль над родной планетой — или по крайней мере контроль над морями.

Все работали с привычной легкостью, даже в масках и под водой, устанавливали зонд, нацеливая его на контрольный пункт — выступающую на конце острова-пальца скалу. После того как Эш проделал последние приготовления, испытал каждую часть, он жестом велел всем всплывать.

Карара быстрым движением руки задала вопрос, и Эш ответил шелканьем соника: «В сумерках».

Да, сумерки — подходящее время для испытания временного зонда. Они смогут посмотреть, сами оставаясь в безопасности. Здесь у Эша нет для руководства никаких исторических данных. Поиск обитателей прошлого может оказаться долгим, придется просмотреть многие столетия.

— Когда они здесь жили? — Карара на берегу расправила волосы, давая им возможность просохнуть. — На сколько сотен лет назад уйдет зонд?

— Скорее на сколько тысяч, — заметил Росс. — С чего начнем, Гордон?

Эш стряхнул песок с блокнота, который положил себе на колени, и посмотрел в сторону рифа, где установили зонд.

— Десять тысяч лет...

— Мы знаем, что тогда галактические корабли садились на Землю. В то время их торговля и империя — если, конечно, это была империя — широко раскинулась в пространстве. Может, она достигла тогда зенита цивилизации, а может, уже шла к упадку. Не думаю, чтобы это было близко к началу. Дата подходит для первой попытки не хуже других. А если ничего не найдем тогда, передвинемся ближе к нашему времени.

— Вы думаете, тут было туземное население?

— Вполне могло быть.

— Но ведь нет никаких крупных животных, мы не нашли никаких следов, — возразила Карара.

Эш пожал плечами.

— Можно найти объяснение. Предположим, эпидемия, которая привела к гибели целые виды. Или война, в которой использовались разрушительные силы, изменившие лицо планеты. Много могло привести к уничтожению разумной жизни. И тогда развились такие виды, как обитатели нор и меньшие животные.

— Мы нашли на пустынной планете обезьяноподобных существ, — Росс вспомнил свой первый полет на брошенном галактическом корабле. — Может, когда-то это были люди, но они дегенерировали. А крылатые люди не были тогда людьми, но потом развились...

— Обезьяноподобные существа... крылатые люди, — прервала Карара. — Расскажите.

Было что-то повелительное в ее просьбе, тем не менее Росс начал подробно описывать свои прошлые приключения, вначале на песчаной планете с закрытыми зданиями, где корабль сделал остановку — причину этой остановки его невольные пассажиры так никогда и не узнали; потом об исследовании планеты, которая когда-то могла быть столицей огромной звездной империи. Там они заключили договор с крылатыми людьми, живущими в огромных зданиях, затерявшихся в густых джунглях.

— Видите, — полинезийка повернулась к Эшу, когда Росс кончил, — вы нашли их, этих обезьян и крылатых людей. А здесь только драконы и обитатели нор. Начало это или конец? Хотела бы я знать...

— Почему? — спросил Эш.

— Не только из любопытства, хотя и это тоже, но потому что у нас должно быть начало и конец. Неужели мы вышли из моря, научились думать и чувствовать, только чтобы вернуться снова к началу? Если ваши крылатые люди поднимаются, а обезьяны опускаются... — она покачала головой, — страшно было бы держать в руках оба конца нити жизни. Разве хорошо для нас видеть подобное, Гордон?

— Люди всегда задавали себе этот вопрос, Карара. Были такие, кто отвечал нет, пытался отвернуться, прекратить познание, заставить человечество остановиться на одной ступени лестницы. Но в нас есть что-то такое, что не дает остановиться, как бы труден ни был подъем. Этими действиями я могу навлечь на нас всех серьезную опасность. Но не могу остановиться. А вы?

— Да, я тоже не смогла бы, — согласилась девушка.

— Мы здесь потому, что мы из тех, кто хочет знать, — добровольцы. У нас такой темперамент, мы всегда делаем следующий шаг.

— Даже если он ведет к падению, — негромко добавила девушка.

Эш взглянул на нее, но она смотрела на море, где кружева пены обозначали начало рифа. Слова ее звучали очень обычно, но Росс распрямылся, встречая взгляд Эша. Почему он ощущает мгновенное беспокойство, как будто сердце его застыло, перестало биться?

— Я знаю вас, агентов во времени, — продолжала Карара. — Нам о вас много рассказывали во время обучения.

— Могу себе представить, — рассмеялся Эш. — Все выдумки. — Но его веселость показалась Россу вымученной.

— Может быть. Но я все же думаю, что там много правды. И я слышала о вашем строгом правиле: вы никак не должны изменять ход истории. Но предположим, только предположим, что здесь можно изменить ход истории, предотвратить развернувшуюся катастрофу. Если это произойдет, что будет с нашим поселением здесь и сейчас?

— Не знаю. Мы никогда не осмеливались на такой эксперимент и не осмелимся...

— Даже если это означает жизнь целой расы? — настаивала она.

— Может быть, альтернативные миры. — Воображение Росса разыгралось. — Два мира в переломный момент истории, — объяснил он, заметив ее изумленный взгляд. — Один происходит от одного решения, другой — от альтернативного.

— Я слышала об этом! Но, Гордон, если бы вы оказались в нужный момент и в вашей власти было бы сказать: «Да, живи!» или «Нет, умри!» целому народу чужаков, как бы вы поступили?

— Не знаю. Но не думаю, что когда-нибудь окажусь в таком положении. А почему ты спрашиваешь?

Она сплетала все еще влажные волосы в конский хвост, пытаясь перевязать его лентой.

— Потому что... потому что я чувствую... Нет, я не могу выразить это в словах, Гордон. Такое чувство, словно мы на пороге очень важного события — предчувствие, страх, возбуждение. Пожалуйста, разрешите мне пойти с вами сегодня вечером! Я хочу увидеть — не Гавайку, а другой мир, с другим названием, тот мир, который знали и видели они!

Росс готов был горячо возразить, но не успел, потому что Эш уже кивнул.

— Хорошо. Но нам, может быть, совсем не повезет. Охота во времени — рискованное занятие, так что не будь разочарована, если мы не найдем этот другой мир. А теперь я хочу уложить свои старые кости на час-два. Развлекайтесь, дети. — Он лег и закрыл глаза.

Прошедшие два дня почти стерли тени с его худого загорелого лица. Он сбросил два-три года, с благодарностью подумал Росс. Если им сегодня повезет, Эш полностью придет в норму.

— Как ты думаешь, что здесь случилось? — Карара теперь сидела спиной к морю, лицо ее оставалось в тени.

— Откуда мне знать? Могло произойти что угодно.

— А мне полагается заткнуться и оставить тебя в покое? — быстро продолжала она. — Ты хочешь в одиночестве переживать волнение, исследовать мир за миром, верно? Мы на Гавайке-Один, это для нас новый мир; но есть и Гавайка-Два, удаленная не в пространстве, а во времени. И исследовать ее...

— Мы, в сущности, не будем ее исследовать, — возразил Росс.

— Почему? Разве вы, агенты, не проводили дни, недели, даже месяцы в прошлом Земли? Что помешает вам сделать то же самое здесь?

— Отсутствие тренировок. У нас нет нужной подготовки.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, на Земле было все не так легко и просто, как тебе кажется, — презрительно начал он. — Мы не могли просто пройти в ворота и заняться делом, скажем, в Риме Нерона или Мехико Монтесумы. Агент должен физически и психологически соответствовать эре, которую он собирается исследовать. Тогда он тренируется, и как тренируется! — Росс вспомнил бесконечные часы тренировок в пользовании бронзовым мечом, в изучении торговой техники народа кубков, гипнотические уроки языка, мертвого уже много столетий. — Изучаешь язык, обычаи, все о том времени, в котором будешь. Все должен изучить в совершенстве, пока тебя выпустят в пробный рейс.

— А здесь у вас никаких инструкторов нет, — кивнула Карара. — Да, я понимаю, в чем трудность. Значит, вы просто будете подглядывать?

— Наверное. Но, может быть, позже сумеем ненадолго проскользнуть в ворота. Когда накопится достаточно материала. Однако это будет строго ограниченный проект, и мы не допустим никакого риска. Может, умные головы дома обработают информацию и создадут основу для нашего проникновения.

— Но на это уйдут годы!

— Вероятно. Ведь плавать тоже начинаешь с мелких мест, верно? Не станешь сразу прыгать с утеса?

Она рассмеялась.

— Верно! Однако даже простой взгляд в прошлое может разрешить большую загадку.

Росс хмыкнул и по примеру Эша лег. Закрыв глаза, но мозг продолжал работать. Конечно, проба — это тоже хорошо, но Карара права. Хочется чего-то боль-

шего, чем маленькое окошко в тайну, хочется принять участие в решении загадки.

Солнце садилось и из розового стало красным, оно набросило винного цвета занавес на все небо, и море тоже стало алым. Когда Росс оглянулся на остров, на нем тени были янтарными, а не пепельными. Три человека, два дельфина и машина на рифе, который, может быть, и не существовал в то время, которое они ищут. Эш произвел последнюю настройку и нажал кнопку. Все смотрели на экран размером не шире двух ладоней.

Ничего, тусклое серое ничего! Вероятно, какая-то ошибка при сборке. Росс коснулся плеча Эша. Но на экране начали сгущаться тени, постепенно появилось изображение.

Они снова увидели закат солнца. Но цвета бледнее, меньше красного, чем сейчас. И они видят не остров, на который сейчас нацелена машина; видят неровную береговую линию, где над полоской берега высоко вздымаются крутые утесы. А на утесах!.. Росс не чувствовал, что Карара схватила его за руку, пока ее пальцы не впились ему в тело. И даже тогда он не обратил внимания на боль. Потому что на утесах виднелось сооружение!

Массивные стены из местного камня заканчивались башнями. И на самой высокой башне на ветру развевалось знамя. К северу уходил крутой берег, а огибали его...

— Боевые каноэ! — воскликнула Карара, но у Росса было другое определение:

— Дракары!

На самом деле корабли были не тем и не другим — не двойные каноэ, перевозившие воинов от одного острова Тихого океана к другому, и не увешанные щитами боевые корабли викингов. Но земляне не ошиблись в их цели: эти быстроходные с острыми носами

корабли предназначаются для стремительного продвижения по морю, они маневренны как оружие.

За первым шел второй, за ним третий. Паруса их окрасило солнце, но на парусах были изображения, и их линии сверкали, словно металлические.

— Замок! — возглас Эша привлек их внимание снова к суше.

На стенах началось движение. Последовала вспышка, рядом с первым кораблем всплеснулась вода, обрызгав его палубу.

— Они стреляют! — Карара плечом оттолкнула Росса, чтобы лучше видеть.

Корабли меняли курс, отворачивая от суши в море.

— Двигутся очень быстро для парусников, а никаких весел я не вижу. — Росс был удивлен. — Как это возможно...

Бомбардировка из замка продолжалась, но успеха не имела. Корабли ушли за пределы досягаемости, а передовой корабль исчез и с экрана зонда. А потом остался только замок и закат. Эш распрямылся.

— Камни! — удивленно сказал он. — Они бросают камни!

— Но ведь у этих кораблей какие-то двигатели. Отступая, они не пользовались парусами, — выразил свое удивление Росс.

Карара переводила взгляд с одного на другого.

— Вы чего-то не понимаете. Чего именно?

— Да, это катапульты, — кивнул Эш. — Соответствуют периоду Римской империи и Средних веков. Но ты прав, Росс, у кораблей какой-то двигатель, который быстро увел их от берега.

— Технически развитый народ встречается с отсталым? — предположил более молодой агент.

— Возможно. Заглянем немного вперед. — Прилив поднял уровень воды у рифа. Эшу пришлось надеть

маску и погрузиться с головой, чтобы сделать необходимую регулировку.

Снова он нажал кнопку. Удивленный возглас Росса послышался одновременно с выдохом девушки. Снова утес, но на нем нет замка, только руины, всего лишь груда развалин. А над тем местом, где блюдца-углубления, огромные пилоны из серебристого металла, согретье теплым закатом; они тянутся в небо, словно пальцы истощенной руки. Ни кораблей, ни других признаков жизни. Даже растительность, которая раньше виднелась на берегу, исчезла. Атмосфера опустошения и смерти обрушилась на землян.

Росс внимательно разглядывал пилоны. Что-то в их конструкции показалось ему знакомым. Печальная планета, на которой дважды останавливался их корабль — на пути вперед и на обратном пути. Мир металлических сооружений. Ему показалось, что он видит какое-то сходство между ними и этими пилонами. Но никакой связи с замком на скале.

Снова Эш нырнул, чтобы переналадить зонд. И в быстро тускнеющем свете они увидели третью — и последнюю — картину. Но на этот раз они словно смотрели на знакомый им остров, только без растительности, с резкими очертаниями скал, которые теперь сгладились.

Может быть, пилоны — ключ к перемене, происшедшей в этом мире? Что это такое? Кто их установил? Росс считал, что на последний вопрос ответ он знает. Это, несомненно, продукт галактической империи. А замок... корабли... туземцы... поселенцы? Два различных периода, и между ними — тайна. Смогут ли они извлечь ключ к ней из глубин времени?

Они поплыли к берегу, где Уи развел костер и где их ожидал ужин.

— Сколько лет между этими пробами? — Росс пальцами разделявал жареную рыбу.

— Первая — десять тысяч лет назад, вторая... — Эш помолчал, — на две тысячи лет позже.

— Но это значит... — Росс взглянул на своего руководителя.

— Что произошла война или вторжение. Да.

— Прилетели чужаки со звезд и захватили планету? — спросила Карара. — Но зачем? И для чего эти пилоны? Насколько позже была последняя картина?

— На пятьсот лет.

— Значит, к этому времени пилоны исчезли, — заметил Росс. — Но почему?.. — повторил он вопрос Карары.

Эш взял свой блокнот, но не стал раскрывать его.

— Думаю, нам следует это узнать. — Голос его звучал мрачно.

— Поставим ворота?

И Эш нарушил все правила их службы, ответив:

— Да, ворота.

Глава 4

УГРОЗА БУРИ

— Мы должны узнать. — Эш прислонился спиной к ящику, который они только что опустошили. — Здесь что-то происходило — двести лет, потом — пустой мир.

— Ящик Пандоры. — Росс провел рукой по лбу, смешивая пыль и мелкий песок.

Эш кивнул.

— Может, мы рискуем, выпустим всех дьяволов вселенной. Но что, если этот ящик первыми откроют красные в каком-нибудь поселении на одной из своих планет?

Все та же старая заноза побуждает их идти на риск и безрассудство. На обоих путях ждет опасность. Не

рискуй открывать тайны галактики, но и не допускай, чтобы противник узнал их первым. В этом деле у вас в обеих руках раскаленное добела железо. И Эш прав: они наткнулись на доказательства, что вся планета была изменена с какой-то целью. А если тайну этого изменения узнают враги?

— Были ли люди с кораблей и из замка туземцами? — вслух размышлял Росс.

— Я полагаю, что были. Или они поселенцы, жившие так долго, что развили свою цивилизацию примерно на уровне феодального общества.

— Вы так считаете из-за замка и бомбардировки камнями? Но как же корабли?

— Две различные стадии общества в войне друг с другом. Может, более агрессивная против менее технологичной. Американские боевые корабли наносят визит в Японию сегунов, например.

Росс улыбнулся.

— Эти корабли, кажется, не дожидались гостеприимного приема. Когда начали падать камни, они быстро ушли в море.

— Да, но корабли как-то соответствуют замку; пилоны же — нет.

— На какой период мы нацелимся вначале — на замок или на пилоны?

— Я думаю, вначале замок. Если там ничего не узнаем, сможем совершить несколько прыжков вперед. Но перед нами серьезные трудности. Если бы только мы могли поместить анализатор где-то близко к основанию замка.

Росс не показывал своего удивления. Если Эш говорит так, значит, он не просто собирается бросить взгляд из-за ворот; нет, он хочет записать образцы речи чужаков, постепенно приняв их обличье!

— Гордон! — между двумя кружевными деревьями появилась Карара. Она шла так быстро, что выплескивалось содержимое двух чашек в ее руках. — Вы должны выслушать Хори...

Шедший за ней высокий самоанец быстро заговорил. Впервые за все время их знакомства Росс видел его серьезным, между бровей его образовалась морщина.

— Приближается сильная буря. Наши инструменты регистрируют ее.

— Сколько у нас времени? — Эш вскочил на ноги.

— День... может быть, два...

Росс не видел никаких изменений в небе, в море, на островах. Все шесть недель после посадки стояла идиллическая погода, и сейчас не было заметно никаких признаков беды в этом гавайкийском раю.

— Буря приближается, — повторил Хори.

— Ворота почти сооружены, — вслух размышлял Эш, — слишком много собрано, мы не можем в спешке разобрать.

— А если закончить сборку, — спросил Хори, — выдержат ли они бурю?

— Возможно. Они укрыты за рифом. Закончить можно быстро.

Хори согнул руки.

— В таких делах мы представляем физическую силу, а не мозг, Гордон, но мы поможем. А корабль? Он стартует по расписанию?

— Свяжись с Рембо. А что за буря? Как тихоокеанский тайфун?

Самоанец покачал головой.

— Откуда нам знать? Местной разновидности бури мы еще не видели.

— Острова низкие, — заметила Карара. — Вода и ветер могут...

— Да! Нужно поговорить с Рембо об убежище на всякий случай.

Если раньше поселок дремал, то теперь все его обитатели были заняты. Было решено, что все укроются на корабле, если буря превратится в ураган, но до ее начала следовало закончить ворота. Окончательная сборка была предоставлена Эшу и Россу, и старший агент завинчивал последние болты, когда вода за рифом уже волновалась, а небо быстро темнело. Дельфины плавали взад и вперед в лагуне, с ними Карара, хотя Эш дважды отсылал ее на берег.

Солнце скрылось, и работали при свете фонарей. Эш начал осматривать относительно простой переход — два вертикальных стержня, пластина непрозрачного материала, которая и представляла собой ворота. Устройство лишь отдаленно напоминало переход, которым Росс пользовался в прошлом. Постоянные усовершенствования породили гораздо более простую и транспортабельную модель.

В сетке были приготовлены для пробного рейса несколько контейнеров: запасные жаберные ранцы, неприкосновенный запас продовольствия, медицинская сумка — все самое необходимое. Эш собирается попробовать немедленно? Он активировал переход, теперь стержни слабо светились, плита тоже испускала призрачное голубоватое сияние. Но, конечно, Эш только проверяет, работает ли установка.

Впоследствии Росс так и не смог найти подходящих слов, чтобы описать происшедшее в этот момент. Да и не помнил он ясно. Нарушение ориентации при переходе он испытывал и раньше; но на этот раз его втянуло в водоворот, в котором он лишился своего тела, своей личности, утратил всякую связь с реальностью.

Инстинктивно он отталкивался ногами; не сознание, а рефлекс удержали его на поверхности в охваченном

яростной бурей море. Свет исчез, осталась только тьма и ревушая вода. Потом сверкнула над головой молния, и Росс увидел — он не поверил своим глазам, — что его несет к берегу, но не к острову-пальцу, а к утесу, в который с грохотом ударяются волны.

Росс понял, что его каким-то образом протащило в ворота, что сейчас он против той местности, где находился замок. И тут ему пришлось бороться за свою жизнь: волны пытались ударить его о скалу.

Впереди показалась неровная поверхность, Росс бросился в том направлении, ухватился за камень, сопротивляясь обратному течению уходящей волны. Его ногти впились в скалу и сломались, но тут пальцы правой руки попали в углубление, и Росс держался изо всех сил. Никакого предупреждения, никакого времени на подготовку, только воля, стремление выжить спасли ему жизнь.

Вода отхлынула, и Росс попытался подняться выше, чтобы уйти от следующей волны. Ему удалось встать на ноги до ее прихода. Маска жаберного ранца не дала ему захлебнуться в кружащемся потоке, и он продолжал упорно цепляться за камень, не давая волне унести себя в море.

В передышках между волнами дюйм за дюймом он поднимался выше, все более прочно становясь на ноги. И вот он на скале, здесь до него долетают только брызги и пена. Он скорчился, истощенный и задыхающийся. Гром прибоя, гром в небе — все это оглушало, притупляло чувства, как и испытание, через которое он прошел. Он был доволен уже тем, что выбрался, хотя почти не сознавал окружения.

Наконец внимание Росса привлекли огоньки на берегу к северу. Они двигались, собирались группами у воды, некоторые виднелись и на утесе. И это не фейерверк бури. Люди. Но почему именно в такое время?

Еще одна вспышка молнии дала ему ответ. На краю рифа, вдававшегося в море, висел корабль... два корабля... молот волн бил по ним. Крушение... значит, огни принадлежат жителям замка. Они вышли к потерпевшим крушение.

Росс на четвереньках пополз по скале, пока перед ним не оказалась разгневанная вода. Плыть сейчас невозможно. Он колебался... и тут ему в голову пришло новое соображение, заставившее забыть о своей участи.

Эш! Эш находился перед ним в воротах времени. Если Росса забросило через них в прошлое, значит, где-то в воде или на берегу находится и Гордон! Но как его найти?..

Прижавшись спиной к скале, держась за грубый камень, Росс встал и попытался что-нибудь разглядеть в мешанине пены и воды. Не только морская вода — сверху лил проливной дождь, бил по голове и плечам. Холодный дождь заставил Росса вздрогнуть.

На нем жаберный ранец, пояс с подвешенными инструментами и ножом, ласты и плавки, вполне достаточные для той Гавайки, которую он знал; но это совсем другой мир. Посмеет ли он воспользоваться фонариком? Росс взглянул на огни на севере, решил, что они похожи на свет фонаря; можно рискнуть.

Теперь он стоял на вершине скалы, покрытой углублениями, все они заполнены водой. Слева обрыв в кипящий бушующий котел, из которого торчит каменный клык. Росс вздрогнул. Ну, хоть этого он избежал.

Справа, к северу, полоса моря, узкая полоса земли и еще один обрыв. Он измерил расстояние до этого обрыва. Оставаясь на месте, он не отыщет Эша.

Росс снял ласты, прикрепил их к поясу. Потом прыгнул и приземлился на противоположной стороне обрыва, ноги скользнули, и он ударился лицом.

Сел, потирая оцарапанное колено, и увидел приближающиеся огни. А между ними какая-то тень, выпол-

заюшая из воды на берег. Росс захромал вдоль обрыва, торопясь добраться до этой фигуры, лежавшей сейчас вне пределов досягаемости волн. Эш?

Хромая походка сменилась рысцой. Но он все равно опоздал: другие огни, два огня добрались до фигуры раньше. Человек — вернее, тело гуманоида — лежал лицом вниз. Другие люди, трое, собрались вокруг истощенного незнакомца.

Те, что держали фонари, сами частично оставались в темноте, но третий наклонился над находкой. Росс уловил блеск металлического головного убора, влажные доспехи на спине и плечах. Наклонившийся человек быстро осматривал жертву моря.

А потом... Росс замер, глаза его распахнулись. Поднялась и точным движением опустилась рука. А в этой руке лезвие. И все трое сразу отвернулись от так безжалостно убитого человека. Эш? Или спасшийся с одного из кораблей?

Росс отступил к краю обрыва. Узкая полоса воды, отделявшая его от утеса, на который он выбрался из моря, уходила в пещеру в скале. Посмеет ли он забраться в нее? В маске, с жаберным ранцем он сможет продвигаться под поверхностью воды, если только волна не ударит его о стену.

Он оглянулся. Огни очень близко к нему. Если отступить на вторую скалу, можно оказаться в западне, потому что уйти в кипящее море он не решится. Убора, по существу, нет: оставаться и быть убитым или попробовать скрыться в пещере. Росс надел ласты и осторожно опустился в узкую полоску воды. Стены с обеих сторон защищали ее от волнения, и Росс обнаружил, что двигаться здесь нетрудно.

Придерживаясь за стену, он продвигался вперед, часто с головой скрываясь под водой, но все больше приближаясь к входу в пещеру. И вот он уже внутри, в

обширном пространстве, заполненном водой, но волнения здесь нет.

Заметили ли его? Росс держался за стену слева от себя, тело его поднималось и опускалось вместе с водой. Снаружи он видел слабый свет. Должно быть, один из охотников наклонился над обрывом и светит вниз.

За маской губы Росса скривились в гримасе ненависти. Здесь преимущество будет на его стороне. Пусть только попробует, пусть все трое подойдут к входу в пещеру...

Но если его и заметили, никто из охотников не торопился к нему. Свет исчез, и Росс погрузился в темноту. Он медленно досчитал до ста, потом до двухсот, прежде чем решился включить свой фонарь.

Несмотря на узкий вход, пещера оказалась обширной. Отпустив стену, Росс поплыл и тут же обнаружил, что дно быстро поднимается.

И вот несколько мгновений спустя Росс оказался на узком карнизе, до которого лишь изредка дотягивались небольшие волны. Он нашел временное убежище, но опасения за будущее не оставили его. Неужели там на берегу был Эш? И почему пловца так быстро убили нашедшие его люди?

Корабли, висящие на рифе, замок на утесе у него над головой... враги... экипажи кораблей и обитатели замка? Но жестокий поступок на берегу свидетельствует о фанатичной вражде, возможно, о межрасовом конфликте.

Пока буря не кончится, он ничего не сможет узнать. В море Эша ему не отыскать. А выйти сейчас на берег к этим неизвестным охотникам значит просто смертельно рисковать, ничего не получив взамен. Нет, пока ему придется оставаться здесь.

Росс отцепил фонарь от пояса и осветил верх пещеры. Он находился на карнизе, который уходил в воду в виде клина. За его спиной неровная стена пещеры, на выступах клочки водорослей. Росс снял маску и тут же

почувствовал запах гнилой рыбы. Насколько он мог видеть, другого выхода, кроме того, что ведет в море, нет.

Он уловил движение в воде и тут же направил туда свет фонаря. Из воды поднялась гладкая голова. Не человек, но один из дельфинов!

Удивленное восклицание Росс прозвучало почти криком. На мгновение показался второй дельфин, а между двумя дельфинами, под самой поверхностью, третье тело.

— Эш! — Росс понятия не имел, как дельфины прошли через ворота времени, но он не сомневался, что они спасают землянина. — Эш!

Но к карнизу, где с протянутой рукой ждал Росс, приближался вброд не Эш. Росс был так уверен, что перед ним его руководитель, что удивленно замигал, встретившись взглядом с Карарой. Она, спотыкаясь, выбралась из воды.

Он охватил ее руками за плечи, чтобы поддержать, и она повисла на нем всем своим весом. Сделала слабое движение к маске, Росс помог снять ее. Лицо девушки было бледным и изможденным, глаза полузакрыты, дыхание неровное, она дрожала всем телом.

— Как ты сюда попала? — спросил Росс, усаживая ее на карниз.

Она медленно качнула головой — отрицательно.

— Не знаю... мы были у самых ворот. Вспыхнул свет... потом... — В голосе ее звучали истерические нотки. — Потом... я оказалась здесь.. и со мной Тауа. Появился и Тино-рау... Росс. Росс... там плыл человек... Он выбрался на берег, и его убили!

Росс крепче сжал ее руку, смотрел ей прямо в лицо.

— Это был Гордон?

Она помигала, поднесла руку ко рту и вытерла подбородок. Между ее пальцами показалась тонкая красная струйка, потекла по руке.

— Гордон? — повторила она, словно никогда раньше не слышала этого имени.

— Да, они убили Гордона?

В его объятиях она покачнулась. Росс понял, что это он трясет ее, и овладел собой.

В глазах ее появилось осмысленное выражение.

— Нет, не Гордон. А где он?

— Ты его не видела? — настаивал Росс, понимая, что это бесполезно.

— Нет, после того как мы миновали ворота. — Голос ее теперь звучал уверенней. — А разве ты был не с ним?

— Нет, я был один.

— Росс, где мы?

— Правильней спросить: *когда* мы, — ответил он. — Мы прошли через ворота и перенеслись в прошлое. И нам нужно найти Гордона! — Он не хотел думать о том, что произошло на берегу.

Глава 5

ПОТЕРПЕВШИЕ КРУШЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ

— Мы можем вернуться? — Карара пришла в себя, голос ее звучал резко.

— Не знаю, — честно ответил Росс. Сила, увлекшая их в ворота времени, была ему незнакома. Насколько он знал, раньше никогда не происходило подобного невольного перехода, и он не понимал, что означает их перенос.

Но главное — Эш тоже прошел, и теперь его нет. Если буря немного утихнет, с появлением дельфинов вероятность найти его увеличивается. Он сказал об этом Караре, девушка кивнула.

— Ты думаешь, здесь идет война? — Она прижала руки к груди, плечи ее неконтролируемо дрожали. Влажный холод впивался в тело, и Росс понял, что он тоже очень опасен.

— Может быть. — Он встал и осветил стены. Может быть, эти водоросли дадут хоть какую-то защиту?

— Держи, свети туда! — Он сунул ей в руки фонарик и пошел к стене.

Нарвал водорослей, они пахли остро, но были лишь чуть влажны, и он устроил из них на карнизе нечто вроде гнезда. В нем они были слегка защищены от холода и влаги.

Карара забралась в центр гнезда, Росс последовал за ней. Запах водорослей заполнил ноздри, он был почти осязаем, но все же Росс прав: девушка перестала дрожать, да и он сам ощутил тепло. Росс выключил фонарь, и они лежали в темноте на груде полусгнивших водорослей.

Должно быть, он уснул. Подняв голову, почувствовал, что тело затекло, болит. Он приподнялся на руках и заглянул за край гнезда из водорослей. В пещере свет, бледный сероватый свет, который становится сильнее у входа. День. Значит, они могут двигаться.

Росс порылся в водорослях, нащупал плечо девушки.

— Проснись! — Он охрип, но в его голосе звучали приказные нотки.

Послышался удивленный возглас, водоросли рядом зашевелились.

— Уже день... — настаивал Росс.

— И буря... — Девушка встала. — Мне кажется, она кончилась.

И правда, уровень воды в пещере понизился, волны больше не плескались с прежней энергией. Утро... буря кончилась... и где-то здесь Эш!

Росс уже собирался натянуть маску, когда Карара схватила его за руку.

— Осторожней! Помни, что я видела: ночью на берегу убивали пловцов!

Росс нетерпеливо покачал головой.

— Я не дурак! У нас есть ранцы, мы можем даже не подниматься на поверхность. Послушай... — У него появилась новая мысль, предлог оставить ее в безопасности, снять с себя ответственность за нее. — Попробуй с помощью дельфинов отыскать ворота. Они нам понадобятся, как только я найду Эша.

— А если ты его не найдешь сразу?

Росс колебался. Она не сказала всего. А если он вообще не найдет Гордона? Но он должен... должен найти!

— Я вернусь сюда... — он взглянул на часы; сутки на Гавайке не совпадают с земными, но поселенцы сохранили земные меры для измерения периодов сна и бодрствования, — скажем, через два часа. К тому времени ты уже будешь знать о воротах, а я выясню ситуацию на берегу. Но послушай... — Росс схватил ее за плечо, развернул к себе лицом, сердито посмотрел ей в глаза, — не показывайся из воды... — И он повторил главное правило агентов на новой территории: — Нас не должны обнаружить.

Карара кивнула, и он видел, что она поняла, признает важность его предупреждения.

— Ты хочешь, чтобы с тобой были Тино-рау или Тауа?

— Нет, я вначале выберусь на берег. Эш попытался бы добраться до него ночью... его, вероятно, отнесло туда же, куда и нас. Он где-то должен был выйти. И у меня есть это... — Он коснулся соника на поясе. — Я настроил его на прием вызова Эша. Ты сделай то же самое. И если мы окажемся в пределах досягаемости, он нас услышит. Возвращайся через два часа...

— Хорошо. — Карара освободилась от водорослей и пошла в воду, где ее ждали дельфины. Росс последовал за ней, и они вчетвером выплыли в открытое море.

Рассвет начался недавно, подумал Росс, держась одной рукой за скалу и глядя вслед уплывающим Караре и дельфинам. Потом пошел в воде вдоль берега на север. Небо окрасилось розовым, далекий горизонт имел теплый серебристый оттенок. Вокруг в воде следы шторма, приходилось осторожно пробираться среди обломков и плавающих отбросов.

Один из потерпевших крушение кораблей на рифе совершенно исчез. Должно быть, его разбили волны, превратили в щепки. Второй еще держался, нос его теперь высоко поднимался над водой, в бортах зияли большие дыры, из них каскадами лилась вода.

На берегу валялось множество досок, ящиков, бочек, выброшенных морем. Несколько человек разглядывали их, переходя от одного обломка к другому. Несмотря на опасность обнаружения, Росс пробирался вдоль берега в поисках удобного наблюдательного пункта.

Он прижимался к камню, окруженный плавающими водорослями, когда ближайшая группа стала ему хорошо видна.

Люди... по крайней мере внешне похожи на людей, хотя кожа у них темная, а конечности кажутся непропорционально длинными и тонкими. На четверых только небольшой кусок ткани вокруг бедер; эти четверо переворачивают обломки под присмотром двух других.

У работников густые волосы покрывают не только голову, но и спускаются по спине и по бокам худых рук и ног до локтей и колен. Волосы светло-желтые и очень контрастируют с темной кожей, подбородки резко торчат вперед, так что нижняя часть лица смутно напоминает звериную морду.

Надсмотрщики одеты лучше, на головах у них шлемы с забралами, прикрывающими лицо, на груди и спине доспехи из плотно прилегающих пластин. Росс решил, что пластины не металлические: они изменяют форму при движении.

На ногах обтягивающие брюки и башмаки — все красное. Вооружение — мечи странной формы, концы их загибаются, так что лезвие в целом напоминает рыболовный крючок. Мечи крепятся к поясу без ножен, зажимы пояса блестят на утреннем солнце, словно они из драгоценных камней.

Лиц надсмотрщиков Росс почти не видел, их скрывали забрала. Но кожа у них такая же темная, как у работников, руки и ноги тоже необыкновенно длинные... представители одной и той же расы, заключил он.

Подчиняясь приказам надсмотрщиков, работники приводили берег в порядок, сортируя отбросы на две груды. Вдруг они собрались вокруг какой-то находки, и до Росса донеслась их речь — возбужденное шелканье.

Росс мельком увидел тело, которое оттащили двое работников. Тело! Эш... Землянин уже хотел приблизиться, когда заметил, что на теле зеленый плащ. Нет, это не Гордон, просто еще одна жертва кораблекрушения.

Чужаки постепенно приближались к Россу; вероятно, ему пора уходить. Он отползал из-за своего укрытия из водорослей, когда услышал крик. На мгновение ему показалось, что его заметили, но тут же реакция находившихся на берегу показала, что это не так.

Работники столпились за грудой отбросов, к которой они только что оттащили тело. Два стражника встали перед ними, извлекли мечи, отцепив их от пояса. Предупреждение или угроза? Россу мешал языковой барьер, он мог только наблюдать.

С юга по берегу приближалась другая группа. На носилках какая-то фигура — в плаще, в капюшоне, на-

столько закутанная в серебристо-серые ткани, что Росс не мог разглядеть даже ее общие очертания. Серебристо-серый... нет, вот появились голубые тона, они быстро темнеют. К тому времени когда незнакомец поравнялся со скалой, за которой скрывался Росс, его одежда стала глубокого синего цвета и, казалось, светилась.

За ним с десяток вооруженных людей. На них такие же клювастые шлемы, такие же пластины на груди и спине, но брюки и башмаки — серого цвета. У них тоже загнутые мечи, но они висят на поясе, и не делается никаких попыток снять их, несмотря на явную враждебность стражников.

Синий плащ остановился в трех футах от стражников. Морской ветер пошевелил плащ, прижал его к телу. Но носитель плаща все равно оставался скрытым. Из-под ткани показалась рука. Пальцы, длинные и тонкие, сжимали жезл цвета слоновой кости; жезл заканчивался утолщением-головкой. От жезла исходил непрерывный поток искр.

Росс схватился руками за свой пояс. К его полному изумлению, диск соника реагировал на эти вспышки, шелкая в такт потокам искр. Землянин прикрыл диск пальцами руки в шрамах, продолжая наблюдать. Может быть, обладатель жезла, в свою очередь, способен уловить кодовую передачу, обращенную к Эшу?

Рука, держащая жезл, не смуглая, она того же цвета слоновой кости, что и сам жезл, так что Россу трудно было разглядеть, где кончается рука и начинается жезл. Одним решительным жестом человек воткнул свой жезл в песок, оставив его стоять часовым между двумя группами.

Одетые в красное стражники отступили на один-два шага. Но не убрали мечи. Их отношение, как решил Росс, нечто среднее между страхом и необходимостью

противиться — либо по приказу, либо из-за застарелой ненависти.

Человек в плаще заговорил — речь ли это? Несомненно, поток звуков имеет мало общего с шелканьем, которое Росс слышал раньше. Звуки поднимались и опускались, они напоминали песню, напев, это могло быть и приветствием, и угрозой. Воины за этим человеком стояли неподвижно, по-прежнему не прикасаясь к своим мечам.

Росс прикусил нижнюю губу. Это пение, оно проникает в сознание, подчиняет себе! Он резко покачал головой и тут же спохватился. Однако на берегу никто не смотрел в его направлении.

Пение закончилось высокой резкой нотой. За ним последовала тишина, слышались только звуки ветра и волн.

Затем один из работников схватился руками за голову и произнес несколько шелкающих звуков. Он и его товарищи упали на землю и принялись посыпать головы песком. Один из стражников повернулся, резко крикнул и пнул работника в ребра.

Но тут закричал его товарищ. Жезл, стоявший до сих пор вертикально, начал наклоняться в сторону работавшей группы, искры из него полетели чаще, образуя единый луч. Росс отдернул руку от диска соника: он ощутил острую боль.

Работники бросились бежать, вернее, ползти на животах; только удалившись на некоторое расстояние, они встали и побежали. Но стражники сохранили достоинство. Они тоже отступали, но медленно, пятясь, держа перед собой мечи, как люди, уступающие перед явным преимуществом.

Когда они исчезли, человек в плаще взял жезл. Держа его перед собой, он приблизился к двум грудам, которые набросали работники. Затем принялся внимательно рассматривать груды, пока не наткнулся на тело.

По его приказу подбежали двое солдат и положили тело на землю. Человек в плаще кивнул, солдаты отошли. Жезл двинулся, на тело был устремлен его конец, а не рукоять.

Голова Росса откинулась. Поток света, энергии, огня — непонятно чего, — исходящий из жезла, на мгновение ослепил его. А вибрация воздуха подействовала как удар.

Когда он снова смог видеть, на песке ничего не оставалось от трупа, кроме стеклянистой канавки, от которой поднимался спиралями пар. Росс, потрясенный, вцепился руками в скалу.

Люди с мечами... а теперь это — какая-то форма управляемой энергии, свидетельствующая о высоком развитии науки и технологии. А из замка бросали камни в корабли, которые затем удалились со скоростью, говорящей о наличии неизвестного двигателя. Смесь варварства с высокими знаниями. Чтобы понять, нужно больше узнать. Эш мог бы...

Эш!

Росс вернулся к своему поиску. Жезл утих, больше от него не отлетали искры. Затих и соник на поясе Росса. Землянин отключил его. Если прибор уловил излучение жезла, возможно и противоположное.

Человек в плаще отобрал некоторые предметы, сопровождавшие его солдаты подняли указанные ящики, одну или две небольшие фляжки. Нагрузившись, группа удалилась на юг тем же путем, каким пришла. Росс позволил себе облегченно передохнуть.

Он пошел дальше по берегу на север, наблюдая за другими группами работников и стражников. Линия стражников поднималась на холм, они передавали друг другу грузы, назначением их служил замок. Но Росс не видел ни следа Эша, не получил ответа на свой вызов, который возобновил, как только незнакомцы удали-

лись. И землянин начал понимать, что его поиск безрезультатен, хотя не хотел смириться с этим.

Когда он возвращался к пещере, страх его готов был перейти в гнев, в раздражение из-за собственной беспомощности. У него нет возможности проникнуть в замок, и он не может узнать, попал ли Эш в плен. А пока не уйдут с берега работники, он не может искать и здесь.

Карара ждала его на карнизе. Дельфинов не было видно, и когда Росс выбрался из воды и снял маску, он увидел, что у девушки встревоженное лицо.

— Ты его не нашел. — Это не вопрос, а утверждение.

— Нет.

— А я не нашла ворота...

Росс вытирался водорослями из гнезда. Но при этих словах он застыл.

— Никакого следа?..

— Только это... — Она достала из-за спины запечатанный контейнер. Росс узнал в нем один из запасных контейнеров, находившихся у ворот. — Там есть и другие... разбросанные. Тауа и Тино-рау сейчас их ищут. Похоже, что все, что было рядом с нами, тоже втянуто с той стороны.

— Ты уверена, что нашла то место?

— Разве это не часть ворот? — Девушка искала что-то на карнизе. И протянула металлический стержень, изогнутый и сломанный с одного конца, словно гигантская рука выдернула его из установки.

Росс мрачно кивнул.

— Да, — голос его звучал хрипло, как будто слова вырывались вопреки его желанию, — это боковой стержень. Ворота... должно быть, совсем сломаны.

Но даже держа в руках этот стержень, Росс не мог поверить, что ворота окончательно сломаны. Он поплыл к рифу, где к нему присоединились дельфины.

Там он обнаружил изогнутую трубу, несколько разбросанных контейнеров — и все. Земляне потерпели крушение во времени, как корабли, прошлой ночью севшие на мель.

Росс снова направился в пещеру. Самое главное теперь — ближайшие задачи. Нужно собрать все контейнеры и спрятать их, потому что от их содержания зависит жизнь трех человек.

Он задержался у входа в пещеру, беря удобнее сетку с контейнерами. И тут случайность позволила ему узнать о вторжении.

На карнизе Карара собирала водоросли. Но сбоку от нее на уровне ее головы...

Росс не посмел включить фонарь и тем самым выдать свое присутствие. Подвесив сетку к скале, он поплыл под водой вдоль стены пещеры таким маршрутом, который приведет его к фигуре, следящей за каждым движением Карары.

Глава 6

ЛОКЕТ БЕСПОЛЕЗНЫЙ

Волны скрывали приближение Росса, пока он не оказался совсем рядом со шпионом. Тот по-прежнему смотрел на Карару. Росс, глаза которого привыкли к полумгле, разглядел голову и плечи. Следующие две-три минуты были критические для землянина. Он должен выйти на открытое место на карнизе, прежде чем сможет напасть.

Карара словно прочла его мысли и помогла ему. Потому что подошла к краю карниза и свистком подзвала дельфинов. Над водой появилась гладкая голова Тино-рау, он писком ответил на призыв девушки. Карара наклонилась, и дельфин коснулся протянутой руки.

Росс услышал удивленный выдох наблюдателя, слабый звук движения. Карара начала негромко петь — мелодичную песню своего народа, дельфин время от времени вставлял одну-две ноты. Росс и раньше слышал их пение, сейчас же оно давало ему отличное укрытие. Он прыгнул.

Схватил чужака, сжал его запястья. Незнакомец в страхе и удивлении крикнул, землянин сдернул его с места. Росс навалился на противника, прежде чем понял, что тот не сопротивляется и лежит неподвижно.

— Что это? — Карара лучом фонаря осветила их обоих. Росс увидел смуглое худое лицо, не очень отличающееся от его собственного. Широко расставленные глаза закрыты, рот раскрыт. Росс посчитал, что гавайкиец потерял сознание, тем не менее продолжал сжимать его запястья, освобождая тело. С помощью девушки он прочными водорослями связал пленника.

На незнакомце был тесный костюм из блестящего материала, он покрывал все тело и ноги, но оставлял руки обнаженными. На поясе висело множество предметов, среди них нож с кривым концом. Росс благо-разумно снял его.

— Да ведь это мальчишка, — сказала Карара. — Откуда он явился, Росс?

Землянин указал на щель в стене.

— Он сидел там и следил за тобой.

Глаза ее округлились.

— Почему?

Росс подтащил пленника к стене пещеры. Вспомнив картину убийства на берегу, он не хотел думать, что привело сюда гавайкийца. Должно быть, Карара подумала о том же, потому что добавила:

— Но он даже не извлек свой нож. Что ты с ним сделаешь, Росс?

Землянин уже думал об этом. Несомненно, самое разумное — сразу убить туземца. Но на такую жестокость он не способен. К тому же, если из незнакомца можно извлечь какие-то знания — об этом новом мире и его обычаях, тогда Росс будет победителем вдвойне. Возможно, эта встреча даже приведет его к Эшу!

— Росс... его нога. Видишь? — Девушка указала.

Плотно облегающая одежда туземца делала явным его уродство: его правая нога была скорчена и искривлена. Он калека.

— Ну и что? — резко спросил Росс. Не время проявлять сочувствие.

Но Карара не стала развязывать незнакомца, чего опасался Росс. Напротив, она села, скрестив ноги, и на лице ее появилось отчужденное выражение. Россу захотелось протянуть руку и коснуться ее.

— Его хромота — она может послужить мостом, — сказала она, к удивлению Росса.

— Мостом? О чем ты?

Девушка покачала головой.

— Это всего лишь чувство, не настоящая мысль. Но это важно. Смотри. Мне кажется, он приходит в себя.

Веки больших глаз дрогнули. Гавайкиец мигнул и посмотрел на них. На лице его застыло абсолютное изумление, пока он не увидел Карару. И тут он разразился потоком звуков.

Казалось, его поразило то, что он не получил ответа. Снова что-то заговорил умоляющим тоном.

Карара сказала Россу:

— Он боится, очень боится. Но вначале, мне кажется, он был доволен... счастлив.

— Но почему?

Девушка покачала головой.

— Не знаю, я могу только чувствовать. Подожди! — Она повелительно подняла руку. Не встала, но про-

двинулась на четвереньках к краю карниза. Оба дельфина высоко подняли головы над водой, их охватило необычное возбуждение.

— Росс! — громко прозвучал голос Карары. — Они его понимают. Тино-рау и Тауа понимают его!

— Понимают его язык? — Росс считал это фантастичным, как ни велики возможности дельфинов.

— Нет, мозг. Они читают в его мозгу, Росс. Он мыслит такими образами, которые они могут воспринимать и понимать. Ты знаешь, они могут это делать с некоторыми людьми, но не так. Тут более прямое и ясное понимание! Они так возбуждены!

Росс взглянул на пленника. Чужак ерзал, пытаясь приподняться у стены. Землянин рывком посадил его, но туземец словно не заметил помощи Росса. Он с выражением ужаса и недоверия смотрел на качающиеся головы дельфинов.

— Он боится, — сообщила Карара. — Он никогда не испытывал такого общения.

— Они могут расспрашивать его? — спросил Росс. Если действительно существует эта умственная связь между туземцем и дельфинами, появляется возможность узнать что-то об этой планете.

— Они могут попробовать. Сейчас он испытывает только страх, и они должны прорваться сквозь него.

Последовала самая необычная четырехсторонняя беседа. Росс задавал вопрос Караре, та передавала его дельфинам. В свою очередь, те мысленно спрашивали гавайкийца и таким же образом передавали ответ.

Потребовалось некоторое время, чтобы страх незнакомца улегся. Но наконец он стал охотно отвечать.

— Он сын владыки замка над нами, — дала первый полный и разумный ответ Карара. — Но по какой-то причине его там не принимают. Возможно, — добавила она от себя, — из-за того, что он калека. Его дом — море, как он говорит, и он считает меня каким-то ми-

фическим морским существом. Он видел, как я плыла в маске с дельфинами, и уверен, что я по своему желанию могу менять обличье.

Она колебалась.

— Росс, тут что-то странное. Он знает или считает, что знает, что есть существа, которые могут появляться и исчезать по своей воле. И боится их силы.

— Боги и богини — это совершенно естественно.

Карара покачала головой.

— Нет, это более конкретно, чем религиозное представление.

Росса охватило неожиданное вдохновение. Он торопливо описал фигуру в плаще, которая отогнала жителей замка от выброшенных морем предметов.

— Спроси его об этом.

Она передала вопрос. Росс видел, как дернулась голова пленника. Гавайкиец переводил взгляд с Карары на ее спутника, лицо его стало задумчивым.

— Он хочет знать, почему ты спрашиваешь о фоаннах. Ты должен знать, кто это.

— Послушай... — Росс был теперь уверен, что сделал настоящее открытие, хотя об истинной важности его не мог догадаться, — скажи ему, что мы пришли из такого места, где фоанн нет. У нас есть сила, но мы должны знать и об их силе.

Если бы он только мог вести этот допрос непосредственно, не полагаться на перевод дельфинов! И какая уверенность в том, что вопрос доходит до чужака неискаженным?

Росс устало откинулся. Потом озабоченно взглянул на Карару. Если его этот сложный разговор утомил, то она должна устать вдвойне. Плечи ее опустились, говорила она усталым хриплым голосом. Он неожиданно встал.

— Достаточно — пока.

И правда. Ему нужно время для оценки, для осмысливания узнанного. И в то же время он почувствовал голод, горло пересохло от жажды. У входа в пещеру он оставил канистру с припасами...

— Нам нужно поесть и напиться. — Он принялся надевать маску, но Карара удержала его.

— Тауа принесет... Подожди!

Дельфин принес сетку с контейнерами. Росс раскрыл один, достал сосуд с пресной водой. Во втором ящике оказались сухие вафли неприкосновенного запаса.

После недолгого колебания Росс подошел к пленнику, перерезал узы на его руках, дал ему вафлю и прижал к губам бутылку. Гавайкиец посмотрел, как едят земляне, потом откусил вафли и с удовольствием жевал ее. Бутылку он с интересом повертел, потом отпил.

Росс жевал механически, без всякого удовольствия, он напряженно сопоставлял факты, чтобы представить себе картину жизни гавайкийцев того периода, в который их забросило. Конечно, картина основывалась на фактах, полученных от пленника. Может быть, туземец сознательно ввел их в заблуждение или скрыл что-нибудь существенное. Но можно ли это сделать при умственном контакте? Придется все воспринимать с некоторым скептицизмом.

Итак, в замке живут грабители разбитых судов, вдоль всего побережья протянулись их крепости, они извлекают прибыль из вод этого островного мира. Земляне видели их в действии вчера и сегодня. И если сведения туземца верны, не только буря загнала сюда корабли. У грабителей есть какой-то способ притягивать суда на свои рифы.

Какой-то способ притягивания... И какая-то сила втянула землян в ворота времени. Может, здесь есть связь? Грабители кораблей на утесе и моряки, и между ними глубокая вражда.

Эти две группы Росс понимал, он готов иметь с ними дело. Но остаются еще фоанны. А судя по объяснениям пленника, фоанны — совсем другое дело.

Они обладают властью, которая опирается не на мечи или инструменты и оружие людей. Нет, у них неземная сила, она дает им преимущество во всем, кроме одного — численности. И хотя у фоанн есть свои воины и слуги, как и видел Росс на берегу, сами они принадлежат к другой расе, очень старой и умирающей, и осталось их совсем немного. Сколько, никто не может сказать, потому что у фоанн нет отдельных личностей, известных остальному миру. Они появляются, отдают приказы, высказывают свои требования, противостоят или помогают, как хотят, и всегда один или двое, всегда они закутаны в плащи, и потому их физическая внешность остается загадкой. Но все знают об их силе. Росс узнал, что ни один владыка грабителей, каким бы сильным ни был он среди своего народа, сколь бы честолюбив ни был, не посмеет открыто противиться фоаннам, хотя время от времени и лорды протестуют против их требований.

По словам пленника, сила фоанн сверхъестественного происхождения. Но Росс считал, что они обладают остатками каких-то почти забытых технических знаний, наследием очень древней расы. Он попытался что-нибудь узнать о происхождении самих фоанн. Может быть, закутанные в плащ фигуры принадлежат к галактической империи? Но ответ был таков: фоанны древнее письменной истории, они жили в больших крепостях задолго до того, как народ пленника землян поднялся из примитивного варварства.

— Что же нам теперь делать? — прервала мысли Росса Карара. Она убирала контейнеры в сетку.

«Грабители иногда захватывают рабов... Может быть, Эш...» Росс хватался за хрупкую соломинку. Приходилось. А незнакомец сказал, что если к берегу приби-

вает сильных людей, к тому же не раненых, их берут в плен. И прошлой ночью захватили нескольких таких.

— Локет.

Росс и Карара оглянулись. Пленник поставил бутылку с водой, одной рукой он делал жест, в значении которого невозможно было ошибиться: он указывал на себя и повторял: «Локет».

Землянин коснулся своей груди.

— Росс Мердок.

Вероятно, туземцу, как и им самим, надоел косвенный обмен информацией, и он решил попробовать более прямой путь. Анализатор! В оборудовании у ворот находился и анализатор. Если только Росс найдет его... тогда основная проблема была бы решена. Он быстро объяснил Караре, та энергично кивнула и подозвала Тауа, приказав принести весь остальной материал, оставшийся от ворот.

— Локет, — Росс указал на юношу. — Росс. — Это он сам. — Карара. — Указал на девушку.

— Росс. — Это имя прозвучало со шелканьем. — Карара... — Второе гораздо лучше.

Росс осторожно раскрыл ящик, который принесла Тауа. Он смутно представлял себе, как работает этот прибор. Анализатор записывает чужой язык и переводит его на символы, уже знакомые агентам во времени. Но можно ли использовать его для перевода совершенно чужого языка, языка с другой планеты? Росс надеялся, что прибор не поврежден и эксперимент окончится удачно.

Поставив перед собой ящик, он объяснил, чего хочет; Карара взяла небольшой микродиск и начала медленно и внятно произносить певучие звуки, с которыми обращалась к дельфинам. Росс пощелкал переключателями и посмотрел на маленький экран. Символы ему понятны, он может перевести ее слова. Машина работает.

Он поставил ящик перед Локетом и заставил туземца, проявившего явное нежелание, взять диск у Карары. Через дельфинов Росс передал инструкции. Сможет ли прибор перевести язык другой планеты, как делает с древними языками Земли?

Локет неохотно начал говорить в диск, вначале очень торопливо, потом, когда ничего страшного не произошло, медленнее и увереннее. На экране появились ряды символов, и некоторые из них имели смысл! Росс обрадовался.

— Спроси его: можно ли незаметно войти в замок и посмотреть на рабов?

— Зачем?

Росс был уверен, что правильно понял эти символы.

— Скажи ему: среди них один из наших.

На этот раз Локет ответил не сразу. Он серьезно и внимательно посмотрел на Росса, потом на Карару, снова на Росса.

— Есть путь... известный только бесполезному.

Росс не обратил внимание на странное прилагательное, которое применил к себе Локет. Он продолжал расспрашивать.

— Может он показать нам этот путь?

Снова долгое молчание, потом Локет ответил. Росс обнаружил, что читает символы вслух.

— Если ты решишься, я проведу тебя.

Глава 7

ВЕДЬМИНО МЯСО

Росс знал, что, вероятно, безрассудно подвергает всех опасности. Но если Эш заключен где-то в замке у них над головой, тогда стоит рискнуть и довериться Локету. Но если Росс рискует своей головой, это вовсе не значит, что должна рисковать и Карара. С помощью

дельфинов, с запасами, пусть небольшими, она вполне может переждать здесь в безопасности.

— А чего дожидаться? — негромко спросила она, когда Росс высказал ей свои соображения.

Вопрос справедливый. Ворота исчезли, и теперь земляне привязаны к этому времени, как они согласились быть связанными с Гавайкой, когда стартовал их корабль. Нельзя уйти из прошлого, которое стало их настоящим.

— Фоанны, — продолжала она, — эти грабители, моряки — и все враждуют друг с другом. Если мы присоединимся к какой-нибудь стороне, их вражда станет и нашей враждой.

Тауа ткнулась носом в карниз рядом с девушкой, запищала, привлекая внимание. Карара оглянулась на Локета.

— Он хочет знать, доверяешь ли ты ему. — Девушка кивнула в сторону гавайкийца. — И он просит сказать тебе вот что: тени наделили его искалеченной ногой, поэтому для живущих в замке он не свой, он бесполезный. Росс, мне кажется, он считает, что мы обладаем такими же силами, как фоанны, что мы сверхъестественные существа. И так как мы его не убили, а накормили, он считает себя нашим должником.

— Ритуал хлеба и соли... возможно. — Конечно, глупо сравнивать обычаи чужаков с земными, но Росс думал об очень древнем прошлом своей планеты. Если ты ешь пищу человека, ты становишься его другом или по крайней мере не врагом. В воинственных обществах Земли существовали строгие табу и кодексы поведения; возможно, это справедливо и для Гавайки.

— Спроси его, каково правило еды и питья между друзьями и врагами, — сказал Росс Караре. Чем больше он узнает об обычаях этого общества, тем скорее сможет ими воспользоваться.

— Дать хлеб тому, кого победил в битве, означает сделать его своим человеком. Не рабом для тяжелого труда, а воином, который за тебя обнажает меч. Приняв твой хлеб, я принял и тебя как своего повелителя и кормильца. Между нами не может быть предательства, потому что человек не может предать своего повелителя. Я, Локет, теперь меч в твоих руках, я у тебя на службе. И для меня это вдвойне хорошо: я бесполезный человек, и у меня никогда еще не было повелителя. А с морской девой и ее свитой, которая слушает мои мысли, я не смогу обманывать.

— Он прав, — добавила Карара. — Его мозг открыт; он, даже если бы захотел, не смог бы скрыть своих мыслей от Тауа и Тино-рау.

— Хорошо, я принимаю это. — Росс взглянул на карниз. В дальнем конце лежали контейнеры. Для Карары безопасней уйти отсюда. Росс сказал ей об этом.

— Куда уйти? — спросила она. — Люди из замка по-прежнему на берегу. Не думаю, чтобы кто-нибудь знал об этой пещере.

Росс кивнул на Локета.

— Он ведь знал. Я не хочу, чтобы ты тут оказалась в западне. И не хочу потерять эти припасы. Содержимое этих контейнеров может спасти всех нас.

— Можно затопить их у стены, привязать к сетке груз. Тогда, если мы решим уходить, они будут готовы. Не беспокойся, это мое дело. — Она чуть насмешливо улыбнулась ему.

Росс подчинился, хотя почувствовал легкое раздражение. Но она права. Работа с дельфинами и морем — ее дело. И он вынужден был признать справедливость ее слов.

Несмотря на искаленную ногу, Локет проявил поразившую Росса прыткость. Когда ему развязали ноги,

он поманил землянина в нишу, из которой следил за Карарой. Потом углубился в нее и сразу исчез из виду.

Росс последовал за ним и обнаружил, что из ниши идет узкая щель вверх, словно вентиляционное отверстие. И эту щель неоднократно использовали для прохода. Было темно, но туземец ощупью нашел и показал Россу опору для рук и ступеньки. Затем он начал подниматься по этой грубой лестнице и сразу исчез во тьме.

Трудно было оценить время и расстояние в этой темной трубе. Росс считал ступеньки. Его тренировка как агента во времени заставляла делать это автоматически — запоминать путь, ведущий во вражескую территорию. Он не знал, с какой целью первоначально был сделан этот проход, но и в крепостях Земли были тайные ходы, которые использовались во время осады, а Росс постепенно начинал считать, что у чужаков очень много общего с людьми Земли.

Он насчитал двадцать ступенек, когда обостренные тренировкой чувства и инстинкт подсказали ему, что где-то поблизости отверстие. Тьма оставалась такой плотной, что казалась тканью, окутавшей его потное тело. Росс чуть не вскрикнул, когда почувствовал пальцы на своем запястье. Потом подтянулся и оказался в коридоре. Впереди серел свет.

Росс чихнул от поднявшейся пыли. Локет ухватил его за плечи и с поразительной силой поднял землянина.

Проход, в котором они оказались, представлял собой щель; потолок ее находился высоко над головами. Щель узкая, чуть шире плеч Росса. Он не мог определить, природное ли это образование или она вырублена в скале.

Локет уже был впереди, от прихрамывающей походки тело на фоне светлого пятна подпрыгивало вверх и вниз. И снова его проворство и выносливость порази-

ли землянина. Локет калека, но он хорошо приспособился к своему физическому недостатку.

Свет усилился, и Росс заметил в стене справа от себя прорези, не шире двух пальцев. Он всмотрелся в одну из них и увидел пустое пространство, внизу слышался шум волн. Должно быть, щель проходит в утесе, выходящем на море.

Нетерпеливый шелкающий шепот заставил его поторопиться и присоединиться к Локету. Перед ними начиналась лестница, очень узкая и крутая. Локет начал подниматься боком, его протянутая ладонь прижималась к камню, словно приклеивалась к нему. Впервые искалеченная нога стала явной помехой.

Росс снова начал считать — десять, пятнадцать ступенек. Они опять оказались во тьме. А потом из похожего на колодец отверстия выбрались в круглую комнату. Неожиданный яркий свет заставил землянина заслонить глаза. Локет вставил светящийся конус в отверстие в стене, и землянин понял, что яркость света относительна на фоне тьмы прохода; на самом деле освещение довольно слабое.

Гавайкиец всем телом налег на дальнюю стену. Надавил изо всех сил. Стена отодвинулась, медленно, неохотно — словно вес ее слишком велик для его тонких рук. А может, ее медленное движение объяснялось осторожностью Локета.

Перед ними снова узкий проход, и конус освещает его всего на несколько футов. Локет поманил Росса, и они вошли. Здесь в левой стене были прорублены многочисленные отверстия, через которые пробивался свет. Словно идешь за прорезанным в разных местах экраном. Росс заглянул в одно отверстие и ахнул.

Он находился над самым центром замка, и картина внизу привлекла его внимание. Ему приходилось видеть картины жизни феодального замка. Сходство есть, но

чем больше Росс смотрел, тем больше замечал различия между прошлым Земли и этим миром.

Прежде всего эти животные — животные ли? — впряженные в повозку. У них шесть конечностей, передвигаются они на четырех, а две держат прижатыми к шее. Упряжь состоит из паутины ремней, прикрепленных к плечам и телу. Гротескные головы покачиваются на длинных шеях, туловище покрыто роговыми пластинами. Росс поразился, заметив сходство между этими существами и морским драконом из будущего этого мира.

Но эти существа подчиняются людям. А вообще деятельность внизу... Россу пришлось подавить свой интерес и сосредоточиться на деле. Впрочем Локет не позволил ему смотреть слишком долго. Он снова потянул землянина за руку дальше по коридору за экраном в глубину крепости.

Снова узкий проход в стене. Полоска света, не естественный свет дня, но красноватый блеск из отверстия на уровне талии. Локет неуклюже опустил на здоровое колено и предложил Россу последовать его примеру.

Внизу находился зал, блестящий варварски яркими цветами. На стенах размещены пестрые ткани, кое-где на них что-то поблескивает, словно драгоценные камни. Через равные интервалы между тканями развешаны овальные предметы, приблизительно размером с человека, с рисунками и символами в металле и краске. Возможно, стилизованные изображения туземных животных и растений.

Все создавало впечатление кричащей яркости. И одежда собравшихся тоже этому соответствовала.

На помосте, на который вели две ступени, сидели три гавайкийца. Одежда плотно обтягивала верхнюю часть их тела, на талии разукрашенные перевязи, потом одежда длинными складками падала на пол, на

концах складок многочисленные кисточки. Головные уборы из переплетенных полосок, при каждом движении они сверкают. Глаза болят при взгляде на эти пестрые сверкающие одеяния.

Перед помостом два ряда стражников. Причина этого сбора Россу оставалась непонятна, он по-прежнему не понимал шелкающую речь.

Послышался гулкий звук, словно удар гонга. Трое на помосте выпрямились, посмотрели в дальний конец зала. Россу не нужен был жест Локета, чтобы понять, что внизу происходит нечто важное.

Внизу среди ярких красок показалось пятно более умеренного цвета. Землянин узнал серо-голубую одежду фоанн. На этот раз в такой одежде было трое, один шел слегка впереди, двое сзади. Они приближались скользящей походкой, как будто не шли, а плыли над каменным полом. Когда они остановились перед помостом, те, что сидели на нем, встали.

Росс видел, что поднимаются они неохотно. Им явно приходилось проявлять почтительность, хотя они этого не хотели. Первым заговорил стоявший в середине повелитель замка.

— Захур... — шепнул Локет на ухо Россу, указывая на говорящего.

Росс очень хотел спросить, что происходит. Он не сомневался, что эта встреча двух гавайкийских народов очень важна.

Повелитель замка смолк, последовало недолгое молчание. Землянин чувствовал, как нарастает напряжение. Возможно, это решающий момент, открытое провозглашение вражды между грабителями кораблей и другой, более древней расой. А может, с помощью этой паузы искусные фоанны пытаются вывести своих более непосредственных врагов из равновесия, как бо-

рец дзюдо использует атаку противника как часть собственной защиты.

Наконец фоанна ответил потоком певучих звуков. Росс чувствовал, как вздрогнул Локет, у него самого по спине поползли мурашки. Слова — если это слова, а не просто воздействующие на сознание звуки — врезались в него. Он хотел заткнуть уши, сунуть в них пальцы, чтобы не слышать, но не мог поднять рук.

Ему казалось, что люди на помосте покачиваются, словно это пение — веревка, накинутая на них. Понесся грохот: один из стражников упал на пол и лежал, зажав голову руками.

Крик с помоста. Пение достигло такой высокой ноты, что Россу показалось, у него разрываются барабанные перепонки. Внизу линия стражников дрогнула. Часть из них отошла в дальний конец зала, сторонясь фоанн. Локет негромко вскрикнул, вцепился в руку Росса.

Происходит нечто очень важное. Для Локета или для него самого? Эш! Это связано с Эшем? Росс прижался к отверстию, пытался разглядеть что-нибудь там, где исчезли стражники.

Ожидание сделало его вдвойне нетерпеливым. Один из стоящих на помосте опустился на скамью, обхватил голову руками, плечи его дрожали. Но тот, кого Локет назвал Захуром, по-прежнему прямо стоял перед фоаннами, и Росс видел, каких усилий ему это стоило.

Стражники возвращались, они вели с собой троих. Два гавайкийца, их смуглые тела легко распознаваемы. Но третий — Эш! Росс чуть не выкрикнул его имя вслух.

Землянин прихрамывал, колено у него было перевязано. На нем были только плавки, все оборудование, очевидно, отобрали. На левом виске кровоподтек, на плечах и спине следы хлыста.

Росс сжал кулаки. Никогда в жизни не нужно ему было оружие так, как сейчас. С огромным удовольстви-

ем он полил бы собравшихся внизу дождем из пулемета. Но у него ничего нет, кроме ножа на поясе, и он отрезан от Эша, словно они находятся в разных камерах одной и той же тюрьмы.

Осторожность, врожденная и приобретенная в тренировках, заставила его успокоиться. Сейчас он ничем не может помочь Эшу. Но теперь он знает, что Гордон жив и что он в руках чужаков. Теперь он может планировать дальнейшие действия. Снова послышалось пение фоанна, и трое пленников двинулись. Гавайкийцы подошли с обеих сторон к Эшу, поддержали его. Действовали они механически, словно ими управляла чужая воля. Эш разглядывал грабителей и фигуры в плащах. Росс видел, что, если гавайкийцы попали во власть фоанн, землянин сопротивляется этой власти. Но Эш не пытался избежать помощи, он, хромя, двинулся вдоль стены в сопровождении фоанн.

Росс решил, что пленников повелитель замка передал фоаннам. Это означает, что Эш переходит в другое место. Землянин сразу вскочил и двинулся назад, торопясь вернуться в пещеру и как можно скорее пойти вслед за Эшем.

— Ты нашел Гордона! — воскликнула, увидев его, Карара.

— Грабители захватили его. А теперь отдали фоаннам...

— Что они с ним сделают? — спросила девушка у Локета.

Как обычно, последовал непростой ответ, туземец прощелкал его в диск анализатора.

— Фоанны потребовали выживших в кораблекрушении в качестве дани. Ваш товарищ послужит ведьминым мясом.

— Ведьминым мясом? — не понимая, повторил Росс. Карара с ужасом перевела дыхание.

— Жертвоприношение! Росс, он, наверно, имеет в виду, что Гордона принесут в жертву.

Росс застыл, потом повернулся и схватил Локета за плечи. Теперь его особенно раздражала невозможность задать туземцу прямой вопрос.

— Куда они увели его? Куда? — яростно начал он, но потом овладел собой.

Карара полузакрыла глаза, откинула голову назад; она передавала вопрос дельфинам, которые должны были дальше передать его Локету. На экране анализатора вспыхнули символы.

— У фоанн есть своя крепость. В нее лучше пробраться с моря. Есть лодка... я покажу вам, это моя тайна.

— Скажи ему — да, и как можно скорее! — прервал Росс. Его охватило предчувствие, что время истекает. Ведьмино мясо... ведьмино мясо... эти слова стегали его, как хлыст.

Глава 8

ВОЛЬНЫЕ ПИРАТЫ

В сумерках трудно было разглядеть, где встречаются море и земля, море и небо. Окружающая дымка — не просто нормальные сумерки приближающейся ночи.

Росс балансировал в центре скифа, который покачивался на волнах внутри рифового барьера. Ему казалось, что суденышко с ними тремя и всеми их запасами слишком хрупко. Но Карара, гребущая на носу, и Локет — на корме, оставались спокойны, и Росс из гордости не хотел показывать свою тревогу. Он успокаивал себя тем, что ни один агент не может усвоить всего, а народ Карары покорил весь Тихий океан в легких каноэ, вряд ли более надежных, чем их судно.

Подавляя ощущение беспомощности и гнева, землянин занялся работой. Большую часть дня они провели в пещере, прежде чем Локет согласился выйти из укрытия и двинуться на юг. Росс, с помощью анализатора и Локета, овладевал местным языком.

Теперь он обладал небольшим словарем шелкающих слов и мог понимать Локета, лишь в сложных случаях приходилось обращаться к помощи дельфинов. К тому же он получил более подробные сведения о нынешней ситуации на Гавайке.

Достаточно, чтобы понять, что они участвуют в безумном предприятии. Крепость фоанн — явно запретная территория, и не только для народа Локета, но и для самих подданных фоанн, которые живут и работают за ее стенами. Росс решил, что эти туземцы — наследственные слуги и воины, родившиеся в этом статусе, а не набранные из всего населения. И они вооружены «волшебством» своих хозяев.

— Если фоанны так могущественны, почему ты идешь против них? — спросил Росс. Его беспокоило, что приходится во всем полагаться на туземца.

Гавайкиец взглянул на Карару. Подняв руку, он сделал пальцами знак.

— С морской девой и ее волшебством я не боюсь. — Он помолчал, потом добавил: — Всегда говорилось обо мне — и мне самому, — что я бесполезный, могу исполнять только женские дела. Никогда ткач слов не воспевает мои воинские подвиги в большом зале Захура. Я родной сын Захура, но не могу владеть мечом своего повелителя. А теперь вы предложили мне участие в поиске, о котором всегда будут помнить. И я докажу, что я мужчина, даже если и хромаю на ходу. Фоанны не могут сделать мне хуже, чем уже сделала Тьма. Следуя за вами, я смогу встать перед Захуром в его зале

и показать, что кровь нашего рода течет в моих венах, хоть я и хромаю!

Яростный огонь горел не только в словах Локета, но в его глазах, в лице, в жестком изгибе губ, и Росс поверил ему. Землянин больше не сомневался, что пария замка готов идти навстречу неведомым ужасам крепости фоанн, и не только чтобы помочь Россу, которому поклялся быть верным, но и чтобы завоевать себе место в воинственной культуре своего народа.

Отрезанный от нормальной жизни своих соплеменников, Локет рано полюбил море. В воде искалеченная нога не была ему препятствием, и он с гордостью сказал, что стал лучшим пловцом в замке. Впрочем, подданные его отца редко выходили в море, они его рассматривали только как способ заманить к себе подлинных морских пиратов.

Риф, на котором разбились корабли, служил чем-то вроде ловушки — вначале капризом природы, когда ветры и течения тащили сюда корабли. Но Росс удивился, когда Локет рассказал о дальнейшем усовершенствовании этой ловушки.

— И вот Захур вернулся с этой встречи и установил в скалах волшебство, которому его научили. Теперь множество кораблей притягивается к рифу, и Захур стал великим повелителем, и многие принесли ему клятву верности на мече.

— Что это за волшебство, — спросил Росс, — и где Захур раздобыл его?

— Оно устроено так... — Локет начертил в воздухе две вертикальные линии, — не изогнуто, как меч. Цвета воды под штормовым небом, и оба стержня высотой в человека. Их установили с большой осторожностью, сделал это человек Кликмаса.

— Человек Кликмаса?

— Кликмас — великий повелитель Иккио. Он кровный родич Захура, но Захур принес ему клятву верности на мече и отдал морскую добычу целого года в уплату за это волшебство.

— А где взял волшебство Кликмас? У фоанн?

Локет сделал выразительный жест отрицания.

— Нет, фоанны выступили против использования этого волшебства, из-за него отношения между древними и жителями берега еще ухудшились. Говорят, Кликмас увидел великое чудо в небе и пошел за ним в горную местность своей страны. Гора раскололась надвое, и из щели послышался голос, призывая владыку местности подойти. Когда Кликмас послушался, он услышал, что волшебство будет принадлежать ему. Потом гора снова закрылась, и он нашел на земле множество странных предметов. И они сделали его таким же сильным, как фоанны. Некоторые он раздал своим кровным родичам, и теперь они становятся сильными и хотят зажать в своем кулаке не только морских пиратов, но и самих фоанн. Так они считают.

— А ты нет? — спросила Карара.

— Не знаю, дева моря. Наступает время, когда им придется доказать, что их волшебство действительно сильно. Уже собрался флот пиратов, какого никогда раньше не было. И они как будто тоже обрели свое волшебство: их корабли больше не зависят от парусов и весел. Между нами война. Но ты должна это знать, морская дева.

— А кто, по-твоему, я? Кто такой Росс?

— Если на земле фоанны владеют древними знаниями, которые мы не понимаем, — ответил Локет, — возможно, такие же знания скрываются в море. Я считаю, что ты из тени, но не из Тьмы. И этот воин оттуда же, просто, может, у него другой оттенок, он претворяет в

действия твои желания. И поэтому если вы выступите против фоанн, это будет схватка равных.

Хорошо быть уверенным в этом, подумал Росс. Но он не разделял уверенности Локета.

— Тени... Тьма, — настаивала Карара. — А что это такое, Локет?

Странное выражение появилось на лице гавайкийца.

— Разве ты не знаешь этого, морская дева? Значит, ты действительно другой породы, чем люди земли. Тени — это силы, которые могут приходить на помощь людям, если пожелают, и изменять будущее. А Тьма... Тьма — это То, Что Кончает Все: людей, надежду, добро. Она безжалостна и ненавидит жизнь и все живое.

— Итак, у Захура есть новое волшебство. Это дар теней или Тьмы? — Росс вернулся к теме, которая звала у него беспокойство.

— Захур процветает. — Ответ неясный.

— Значит, Тьма не могла дать такое волшебство? — настаивал землянин.

Но прежде, чем гавайкиец смог ответить, Карара добавила свой вопрос:

— Ты все же считаешь, что это Тьма?

— Не знаю. Но только это волшебство сделало Захура частью Кликмаса, а сам Кликмас стал частью того, что говорило из горы. Нехорошо принимать дар, который крепко привязывает тебя к другому; нужно вначале узнать, насколько крепка будет эта связь.

— Ты мудро рассуждаешь, Локет, — сказала Карара.

Но тревога Росса все усиливалась. Чуждая власть, исходящая из глубины горы, переходящая от одного повелителя к другому. А с другой стороны, неожиданное волшебство у пиратов, придающее крылья их кораблям. Каким-то образом два этих факта согласуются. И на Земле тоже был неожиданный и необъяснимый прыжок вперед в технических знаниях; он-то и поро-

дил весь Проект службы во времени, частью которого стал сам Росс. И этот прыжок не был результатом нормальных научных изысканий; знания происходили с галактического корабля, потерпевшего крушение в далеком прошлом.

Неужели частицы этого звездного знания были сознательно распределены между враждующими общинами? Он расспрашивал Локета о космических исследователях. Но для гавайкийца эта концепция оказалась совершенно чуждой. Звезды для Локета — это окна и двери теней, и космическое путешествие он считал естественным для этих призраков, но никак не для подобных себе существ. Никаких намеков на то, что Гавайку открыто посещали галактические корабли. Впрочем, это не устраняет возможности таких посещений. Росс вспомнил, что планета крайне редко населена. Огромные внутренние пространства больших островов представляют собой совершенно дикую местность, и планета сейчас напоминает Землю Бронзового века, когда одинокие племена бродили по пустыням, степям и лесам, которые раньше никогда не видели человека.

Балансируя в центре суденышка, стараясь не думать, что только тонкая шкура морского существа, натянутая на планки, отделяет его от воды, Росс размышлял над этой проблемой. Может быть, галактические захватчики ради собственных целей начали вмешиваться здесь в дела, нарушая очень хрупкое равновесие своими инструментами и оружием. Зачем? Чтобы вызвать конфликт, в котором погибнет все туземное население? Чтобы они без особого риска получили планету в свое распоряжение? Такая хладнокровная жестокость вполне подходит лысым, какими их помнил Росс на Земле.

Он никак не мог забыть картину, увиденную в зонде: этот самый берег, замок в развалинах, высокие пилоны, устремившиеся в небо. Неужели сейчас начался про-

цесс, который приведет к Гавайке его времени, лишенной разумной жизни, превратившейся в сеть островов?

— Странный туман, — слова Карары заставили Росса вернуться к реальности.

Когда они выплыли из скрытого заливчика, в котором Локет держал свою лодку, туман был еле заметен, но сейчас он сгустился и накатывался на них валами.

— Фоанны! — резко ответил Локет; голос его говорил об опасности. — Их волшебство, так они прячут свою крепость! Опасность приближается!

— Может, причалим к берегу? — Россу не хотелось приписывать состояние погоды козням всемогущих фоанн. Слишком часто репутация шамана основывалась на случайных совпадениях. Но он не сомневался, что плыть в тумане опасно.

— Нас могут вести Тауа и Тино-рау, — напомнила Карара. — Брось им веревку, Росс. То, что над водой, их не смущает.

Росс осторожно двинулся, стараясь приспособиться к неустойчивой лодке. Веревка свернутая лежала на дне, он бросил ее за борт и почувствовал рывок, когда один из дельфинов подхватил ее.

Теперь их тащили на буксире, хотя оба гребца продолжали погружать весла в воду. Занавес, опустившийся на поверхность воды, не мешал подводным пловцам, и Росс почувствовал облегчение. Он повернулся к Локету:

— Мы близко?

Туман сгустился настолько, что туземца, хоть он был совсем рядом, трудно было разглядеть. Его шелкающий ответ казался искаженным, как будто туман изменил не только его внешние очертания, но и саму личность.

— Наверно. Скоро мы должны увидеть морские ворота.

— А сможем мы их увидеть?

— Морские ворота над поверхностью воды и под ней. Те, что повинуются деве моря и умеют передавать мысли, скажут нам, даже если мы сами не увидим.

Но до цели они не сумели добраться. Карара предупредила:

— Впереди корабли.

Росс знал, что ей об этом сказали дельфины. Он в свою очередь спросил:

— Что за корабли?

— Большие, гораздо больше этого.

Вмешался Локет:

— Пираты, три корабля!

Росс нахмурился. Здесь он беспомощен. Остальные двое могут общаться с дельфинами, а он слеп. И он негодовал из-за этой своей ограниченности. И потому излишне резко приказал:

— К берегу — немедленно!

На берегу, даже в тумане, он чувствовал свое превосходство в умении укрываться от любого врага. Но на воде он беспомощен и уязвим, а это состояние Росс не переносил.

— Нет, — так же резко возразил Локет. — Здесь негде высадиться на утесы.

— Мы между двумя кораблями, — сообщила Карара.

— Весла, — Росс перешел на шепот, — не пользуйтесь ими, держите над водой. Пусть нас тащат дельфины. В тумане, если не будем шуметь, нас могут не заметить.

— Верно! — согласилась Карара, Локет тоже одобрительно хмыкнул.

Теперь они продвигались вперед очень медленно. Дельфины очень сильны, они просто не решались двигаться быстрее. Росс напряженно размышлял. Может, если понадобится, они смогут уйти морем. Он понятия не имел, почему корабли пиратов под покровом тумана

приближаются к крепости фоанн. Но знание земной тактики заставляло его предположить, что фоанны это посещение предвидели и что этот визит не дружеский. Пираты, опытные мореходы, в обычных условиях сторонились бы тумана, значит, у них есть очень важная причина или способность предохраниться в тумане.

Может, оставить лодку и с помощью дельфинов довериться морю, попытаться так проникнуть через морские ворота? Использовать нападение пиратов как прикрытие для собственного проникновения в крепость? Росс решил, что у них есть некоторые преимущества, и приободрился.

Он шепотом сообщил о своем плане и начал готовить снаряжение. Лодка по-прежнему направлялась к невидимому берегу. Но теперь из-за туманных стен слышались звуки, которые говорили, как они близко к пиратам: скрип, шепот, шумы, которые Росс не мог определить, все это разносилось над водой.

Перед началом пути они научили Локета пользоваться жаберным ранцем и заставили потренироваться в пещере. У них был запасной ранец. Теперь все трое подготовились и могли уйти в море, прежде чем хлопнется ловушка.

— Сетка с запасами... — напомнил Росс Караре. Чуть позже что-то слегка ударило о левый борт скифа. Росс осторожно поднял сетку с контейнерами и опустил в воду, зная, что ее подхватит один из дельфинов.

Но к тому, что произошло дальше, он оказался совершенно не готов. Лодка под ними дернулась, сначала в одну сторону, потом в другую. Дельфины словно пытались сбросить их в море. Росс услышал оклик Карары, голос ее звучал испуганно.

— Тауа! Тино-рау! Они сошли с ума! Не слушаются!

Лодка зигзагом рванулась вперед. Локет схватился за Росса, пытаясь поддержать его и одновременно не давая лодке перевернуться.

— Фоанны!.. — В тот момент, как Локет выкрикнул это, Карара прыгнула за борт, случайно или намеренно — Росс не знал.

И тут лодка развернулась и ударилась о темный борт в тумане. Росс услышал наверху крики и понял, что они столкнулись с одним из кораблей. Он пытался сохранить равновесие, но упал на дно на Локета, они сцепились друг в друга и несколько драгоценных секунд не могли двигаться.

И тут сверху упала паутина лент, окутавшая их обоих. Ленты оказались липкими. Росс испустил сдавленный крик. Ленты окутали его, прижали ко дну.

Постепенно натягиваясь, ленты образовали сеть. Беспомощным пленником его потащили наверх. Ногами, еще свободными от лент, он ударился о борт корабля. Потом повис над палубой, полетел вниз и снова сильно ударился, не в силах понять ничего, кроме того, что его захватили в плен очень эффективным способом.

Рядом с ним упал Локет. Но Карары не было, и Росс почувствовал слабую надежду. Она вырвалась на свободу до того, как пираты бросили свою сеть. Он видел, как вокруг собираются люди. Туман искажал их очертания. Потом его покатали по палубе и бросили в люк. Росс, падая в глубину, на мгновение испытал ужас.

Сколько он был без сознания? Не очень долго, решил Росс, открывая глаза в темноте. Он слышал звуки корабля. Лежал неподвижно, стараясь прийти в себя. Потом попробовал согнуть руки. Ленты плотно прижимали их к бокам. Теперь ленты не казались скользкими, они высохли и застыли. И от их запаха Росс почувствовал тошноту. Но как ни старался, ослабить их не смог. Он лежал, тяжело дыша, зная, что легкого пути для бегства нет.

Глава 9

ИСПЫТАНИЕ БОЕМ

Непонятная речь, крики, звучащие на палубе, — все это сбивало Росса с толку. Может, на корабль пиратов напали? Росс пытался прислушиваться, отгоняя боль в голове и недоумение.

— Локет? — Он помнил, что гавайкийца бросили в тот же люк.

Единственный ответ — негромкий стон, какое-то бормотание в темноте. Росс начал двигаться в том направлении. Он не моряк, но чувствовал, что на корабле что-то изменилось. Раньше все сотрясала несильная вибрация, теперь она прекратилась. Выключили какую-то машину; какая-то часть мозга продолжала придерживаться привычных терминов. Корабль теперь покачивался на волнах, он не двигался вперед.

Росс уткнулся в чье-то тело.

— Локет?!

— Ахххх!... Огонь... огонь!.. — еле слышный ответ совершенно непонятен землянину. — Он у меня в голове... огонь...

Крен заставил Росса откатиться в другую часть трюма. Послышался громкий голос, по палубе затопали шаги.

— Огонь... аххх... — Голос Локета перешел в крик.

Росс застрял между двумя распорками и, несмотря на все усилия, не мог освободиться. Качка стала сильнее. Вспомнив севшие на риф корабли, Росс подумал, не ждет ли этот такая же судьба. Но та катастрофа произошла во время бури. А сейчас, если не считать тумана, ночь спокойная, море гладкое.

Но тряска последних минут, должно быть, обострила его сообразительность: а что, если у фоанн есть свой способ защиты от нападения с моря, и это его

результат? Дельфины... Что заставило Тино-рау и Тауа так странно вести себя? И если корабль пиратов сейчас неуправляем, самое подходящее время для бегства.

— Локет! — Росс осмелился позвать погромче. — Локет! — Он напрягался, пытаясь порвать высыхающие ленты, которые связывали его от плеч до бедер. Они не поддавались.

Снова шум на палубе. Корабль двинулся. Землянин услышал звуки, которые не смог определить, корабль перестал раскачиваться. Локет застонал.

Насколько мог судить Росс, они уходили в море.

— Локет! — Ему нужна информация, он должен ее получить! Не знать, что происходит, — это вызывало его крайнее раздражение. Если они теперь пленники на корабле, который уходит от острова... При этой мысли Росс снова начал бороться с лентами, пока не лег, истощенный и отдувающийся.

— Росссс? — Только гавайкиец мог произнести его имя со свистом.

— Я здесь. Локет? — Конечно, Локет.

— А я здесь. — Голос гавайкийца звучал слабо, как у тяжелобольного.

— Что с тобой случилось?

— Огонь... огонь в голове... пожирает... — Локет говорил с долгими паузами между словами.

Землянин удивился. Какой огонь? Видимо, Локет испытывал не только грубое обращение пиратов. Весь корабль испытал это. И дельфины... Но о каком огне говорит Локет?

— Я ничего не почувствовал, — сказал он скорее себе, чем гавайкийцу.

— У тебя не горит в голове? Так, что невозможно думать...

— Нет.

— Это волшебство фоанн. Огонь съедает человека, становишься ни на что не способен.

Карара! Росс вспомнил те несколько секунд, когда дельфины словно сошли с ума. Карара что-то крикнула о фоаннах. Значит, дельфины ощутили это, Карара тоже, и Локет. Что бы это ни было. Но почему Росс Мердок ничего не почувствовал?

Карара обладает каким-то особым, неопределимым чувством, которое дает ей возможность общаться с дельфинами. Дельфины, в свою очередь, могут читать мысли Локета. Но для Росса это общение закрыто.

Вначале он почувствовал ощущение стыда и утраты. То, что он не обладает такой способностью, унижало его. Как будто он калека, ему нужно использовать анализатор, чтобы понять других.

Но потом Росс коротко рассмеялся. Что ж, нечувствительность тоже может быть оборонительным оружием. Так и произошло у морских ворот. Он не потерял сознания, как другие. Если бы не случай, если бы пираты не захватили его перед этим, Росс мог бы сейчас быть хозяином корабля. Теперь он не смеялся; сардонически улыбнулся собственной мании величия. Нечего думать о том, что могло бы произойти; просто нужно запомнить этот факт, чтобы потом к нему вернуться.

Сверху послышался скрип: открыли люк. Стало светлее, по трапу спустился человек и остановился перед Россом, расставив ноги для равновесия, легко и привычно покачиваясь в такт кораблю.

Так Росс впервые лицом к лицу встретился с представителем третьей силы Гавайки — с пиратом.

Моряк высокий, у него мощные плечи, руки сильнее, чем у жителей суши. Как и у стражников, у него на спине и на груди защитные пластины, но только жемчужных оттенков. Голова обнажена, от шеи ко лбу

идет широкая чешуйчатая лента, поддерживающая гребень, какой бывает у некоторых земных рыб.

Стоя так, с кулаками, прижатыми к бедрам, пират представлял собой внушительную фигуру, и Росс почувствовал в нем привычку к власти. Должно быть, один из офицеров корабля.

Темные глаза с интересом разглядывали Росса. Свет с палубы пробивался из-за плеч пирата и хорошо освещал землянина, а Россу приходилось жмуриться. Но он старался ответить уверенным взглядом.

На Земле не раз ему спасала жизнь способность беспретпетно смотреть в глаза своим захватчикам. Может быть, здесь это не поможет, но это единственное оружие в его распоряжении.

— Ты... — нарушил молчание пират, — ты не фоанна... — Он помолчал, словно в ожидании ответа — отрицания или протеста. Росс ничего не сказал.

— Нет, ты не фоанна, и ты не из этого берегового сброда. — Снова пауза.

— Так что же попало в сеть Торгула? — Он громко выкрикнул команду: — Веревку сюда! Вытащим эту рыбу и его спутника...

Локета и Росса подняли на палубу и бросили в центре толпы моряков. Гавайкийца оставили лежать, но по приказу офицера Росса поставили на ноги. Теперь он мог хорошо разглядеть сморщенные и почерневшие ленты, которые тем не менее не поддавались никаким усилиям, когда он попытался пошевелить руками.

— Хо!.. — офицер улыбнулся. — Рыбе не нравится сеть! У тебя есть зубы, рыба. Используй их, разгрызи сеть.

Одобрительный ропот сопровождал эту насмешку. Росс пытался ответить достойно.

— Я вижу, ты не торопишься подойти поближе к моим зубам. — Он использовал самые оскорбительные слова из своего ограниченного гавайкийского словаря.

Наступила тишина, затем офицер резко хлопнул в ладоши.

— Хочешь попробовать свои зубы, рыба? — спросил он, и в голосе его звучала угроза.

Может, он напрашивается на неприятности, но Росс сделал следующий шаг вслепую. Часто в самых трудных ситуациях его выручал правильный выбор слов и поступков, верная догадка.

— На ком из вас? — Он оскалил зубы. На мгновение ему показалось, что пираты буквально имеют в виду самих себя.

— Вистур! Вистур! — послышалось несколько голосов.

Один из толпы сделал шаг вперед. Как и Торгул, он высок и хорошо сложен, с сильными мускулистыми руками. На предплечье шрам, еще один у челюсти. Он выглядит очень сильным борцом, закаленным и опасным.

— Хочешь доказать свои слова на Вистуре, рыба? — офицер задал вопрос формальным тоном, как будто это часть какой-то церемонии.

— Если он встретится со мною, как стоит, без оружия, — ответил Росс.

Теперь последовала другая реакция. Некоторые насмеялись, выкрикивали угрозы, но кое-кто смолк и пристально разглядывал его. И среди них Торгул.

Вистур рассмеялся.

— Хорошо сказано, рыба. Пусть так и будет.

Торгул, глядя на Росса, поднял руку ладонью вверх. В руке был небольшой предмет, который землянин не смог разглядеть. Новое оружие? Но офицер не касался им Росса, рукой провел несколько линий в воздухе. И сказал:

— У него нет незаконного волшебства.

Вистур кивнул.

— Он не фоанна. И мне не нужно опасаться жалкого колдовства берегового сброда. Я Вистур!

Снова раздались одобрительные крики. В его словах слышна была уверенность, больше, чем в любом хвастовстве.

— А я Росс Мердок! — Землянин ответил в таком же тоне. — Но разве рыба плавает с привязанными к бортам плавниками? Или Вистур боится освободить рыбу?

Насмешка вызвала ожидаемый результат. Ленты разрезали и отбросили. Росс принялся разминать мышцы. Ленты, хотя охватили плотно, кровообращение не стесняли, и он готов был к встрече с Вистуром. Землянин не сомневался, что пират — опытный борец, но у него нет подготовки агента во времени. Росс изучил все виды борьбы без оружия, известные на его родной планете. Руки и ноги его стали не менее смертоносным оружием, чем меч — или пистолет, если он будет достаточно близко к противнику и сможет ими воспользоваться.

Вистур снял свой оружейный пояс, снял шлем, под которым оказалась широкая лента. Должно быть, дополнительная прокладка под шлемом. Потом снял доспехи из пластин, буквально сдернул их, взяв за нижний край и стянув через плечи и голову, как кожу. И стоял перед землянином, одетый не больше, чем тот, в одних плавках.

Росс снял свой пояс и жаберный ранец. Он шагнул в круг, образованный моряками. Сверху, с одной из мачт, вниз устремился луч света. Он хорошо осветил борцов.

Приятели требовали от Вистура быстрой победы, они подбадривали его криками. Но пират обладал не только уверенностью, но и умом и осторожностью перед неизвестным. Он был явно тяжелее и сильнее Росса, но не торопился расправиться с ним.

Они кружили, Росс изучал каждое движение мышц пирата, каждую перемену в его позе. Он должен уловить мгновение, когда тот решится на нападение. Сам Росс решил сражаться исключительно в защите.

Наконец Вистур бросился вперед, когда моряки уже испытывали нетерпение. Им хотелось увидеть, какой урок получит чужеземец. Но Росс не думал, что именно это заставило Вистура напасть. Просто гавайкиец, по-видимому, решил, что нашел способ побыстрее покончить с противником.

Росс увернулся, так что сильный удар лишь слегка задел его. Напряженная рука землянина взметнулась в приеме дзюдо. Вистур крикнул и опустился на колени, а Росс развернулся и бросил пирата на палубу. Все было сделано мгновенно, но не сильно. Землянин не хотел убивать противника, даже не хотел лишать его способности двигаться более, чем на несколько минут. У жертвы останется несколько болезненных ушибов, а также, вероятно, почтительное уважение к новому способу борьбы. Росс мог легко этими же ударами убить пирата.

— Аххххх...

Землянин развернулся, прижавшись к мачте. Неужели он ошибся? Неужели теперь на него набросится весь экипаж? Он рассчитывал на кодекс чести, который существовал во всех примитивных земных племенах для таких схваток. Но он мог и ошибиться. Росс напряженно ждал. Пусть только кто-нибудь возьмется за оружие, это будет его конец.

Двое моряков помогли Вистуру встать. Пират дышал со свистом, руки его были неуверенно прижаты к груди. Большинство переводило взгляд с него на худого землянина, не в силах поверить своим глазам.

Торгул поднял с палубы пояс и ранец Росса. Обернул пояс вокруг руки, так что вверху оказались пустые

ножны. Один из членов экипажа сунул в них длинный нож нырлящика, который отобрали у Росса. Потом пират протянул Россу пояс и ранец. Землянин расслабился. Он выиграл эту игру; судя по их поведению, он вернул себе свободу.

— А мой оруженосец? — Застегивая пояс, он взглянул на Локета, который лежал, по-прежнему связанный.

— Он тебе поклялся в верности? — спросил Торгул.

— Да.

— Развяжите береговую крысу, — приказал пират. — А теперь — расскажи мне, незнакомец, что ты за человек. Может, ты все-таки фоанна? Если у тебя есть волшебство, оно нам незнакомо: Камень Путки не обнаружил его. Или ты из теней?

И пальцы его сложились в тот же знак, который сделал Локет перед Карарой. Росс дал подготовленное объяснение.

— Я из моря, капитан. А фоанны мне не друзья, потому что держат в своей крепости в плену моего родича.

Торгул осматривал его с ног до головы.

— Говоришь, из моря. Я пират с тех пор, как мог удержаться на палубе, по обычаям моего народа, но таких, как ты, не видел. Может быть, твой приход несет зло мне и моим людям, но по Закону Битвы ты заслужил свободу на корабле. Но клянусь тебе, незнакомец, если ты принесешь нам зло, Закон меня не удержит, и тебе придется помериться силами своего волшебства с Силой Путки. А это, как ты узнаешь, совсем другое дело.

— Готов дать любую клятву, какую захочешь, капитан, что у меня нет никаких злых намерений по отношению к тебе и твоим людям. Я хочу только одного: освободить своего брата, прежде чем его сделают ведьминым мясом.

— Да, это задача, достойная твоего волшебства, незнакомец. Мы сегодня ночью испытали силу морских ворот. И хоть мы шли под покровом Воли Путки, нас отбросило назад. Тот, кто хочет войти в ворота, должен обладать большими силами, чем у нас.

— Значит, у вас тоже счеты с фоаннами?

— Да, у нас есть счеты с фоаннами и их волшебством, — согласился Торгул. — Три корабля — с одного острова — исчезли, словно их никогда не было. А с ними погибли люди нашего флотского клана. Тьма широко раскинулась над морем, новая Тьма пришла в наши воды. Но сегодня мы ничего не можем сделать с этим. Нам повезло, что мы смогли уйти в море. А теперь, незнакомец, что нам для тебя сделать? Хочешь снова уйти в море? Ты ведь говоришь, что оно твой дом.

— Не здесь, — быстро возразил Росс. Он должен понять, где находится остров. Они уже далеко отошли от него. Карара и дельфины — что с ними случилось?

— Других пленников у вас нет? — решил спросить Росс.

— С тобой были и другие?

— Да. — Говорить, сколько именно, не нужно.

— Мы больше никого не видели. Ну, ладно, — капитан повернулся к морякам, — все за работу! К утру мы должны быть у Кин Эдда и потребовать созыва совета.

Он отошел, и Росс, решивший узнать как можно больше, вслед за ним прошел в каюту на корме. Здесь он снова увидел варварское великолепие резьбы и занавесей, богатство украшений и мебели. Все очень похоже на то, что он видел в замке грабителей кораблей. Росс остановился у входа, и Торгул оглянулся на него.

— У тебя твоя жизнь и жизнь твоего слуги, незнакомец. Больше ничего не проси у меня, если только ничем не можешь подкрепить просьбу.

— Я ничего не хочу, кроме возвращения туда, где вы меня взяли, капитан.

Торгул мрачно улыбнулся.

— Ты сам сказал, что ты из моря. Море широко, но это одно море. У тебя могут быть свои пути. Бери любой. Но я не стану снова рисковать своим кораблем у ворот фоанн.

— Куда же мы направляемся, капитан?

— К Кин Эдду. У тебя есть выбор, незнакомец: в море или с нами.

Решение пирата изменить не удастся, подумал Росс. И даже с жаберным ранцем он не сможет доплыть до берега. В море никаких указателей нет. Однако более тесное знакомство с Торгулом может оказаться полезным.

— Значит, Кин Эдд, капитан. — Он сделал следующий шаг, чтобы доказать свое равенство с этим пиратом, и сел за стол, как человек, имеющий на это право.

Глава 10

СМЕРТЬ В КИН ЭДДЕ

Снова близко рассвет, веки Росса отяжелели, желание спать грызло, как голод. Но беспокойство привело его на палубу, и он принялся расхаживать по ней, разглядывая корабль и экипаж.

Ему приходилось видеть корабли земных торговцев Бронзового века, маленькие суденышки, зависящие от весел, когда наступает штиль. Они плыли вдоль берегов, не решаясь углубиться в опасное море, и часто на ночь причаливали к суше. Были и другие корабли, больше и крепче. Они углублялись в неизвестное, шли к далеким землям за морским туманом, ими управляли люди, которым нужно было знать, что лежит за горизонтом.

Перед ним такой же корабль, прочный, хорошо ухоженный, он больше дракаров викингов, которые Росс видел в записях в собрании Проекта, но в целом похож на этот мореходный земной корабль. Нос изгибается мощным бушпритом, вырезанным в виде морского дракона, с каким Росс сражался на Гавайке в своем собственном времени. В глазах чудовища через равные промежутки загорается огонь. Землянин не понимал его назначения. Сигнал или просто средство уstrasшить возможного врага?

Есть и паруса, но теперь они свернуты. Корабль идет под действием какого-то двигателя. Загадка оставалась неразрешенной. Дракар викингов с мотором? Совершенно несовместимо.

Матросы все на одно лицо. На всех гибкие пластины, шлемы, украшенные гребнем. Впрочем, в украшениях и выборе оружия есть индивидуальные отклонения. Большинство вооружено загнутыми мечами, шире и тяжелее, чем те, что землянин видел на берегу. Но у нескольких бойцов топоры с серпообразным лезвием, концы их так сильно загибаются назад, что почти встречаются, образуя круг.

Через равные промежутки перед разрезами в борту стоят какие-то ящики. Такие же ящики, только поменьше, находятся на приподнятых передней и задней палубах. Их стволы, если переднюю часть можно назвать стволом, располагаются по обе стороны от головы дракона. Какие-то катапульты?

— Россс.. — Имя произнесено со свистом, как это делает Локет, но на этот раз к Россу присоединился не юноша из замка. — Хо... твоё боевое искусство — это сильное волшебство!

Вистур потирал грудь.

— У тебя сильное волшебство, парень. Но ведь ты служишь деве. Твой оруженосец рассказал нам, что ей повинуются даже большие рыбы.

— Некоторые рыбы, — поправил Росс.

— Вот такие? — Вистур показал на пенный след за кораблем.

Росс удивленно взглянул туда. Корабль Торгула двигался в центре линии, образованной тремя кораблями; каждый оставлял за собой изгибающийся след. Слева по борту между двумя волнами виднелся какой-то темный предмет. В слабом свете Росс смог только определить, что он идет за кораблем.

— Это рыба? — спросил Росс.

— Следи! — ответил Вистур.

Но, должно быть, у гавайкийца зрение острее, чем у землянина. Было ли там быстрое передвижение? Росс не был уверен.

— Что случилось? — спросил он у Вистура.

— Он выпрыгивает из воды, как салкар. Но это не салкар. Может, Росс, у тебя слуги, которые никогда не попадали в наши сети? Ты ведь сказал, что ты из моря.

— Дельфины! — Неужели Тино-рау или Таура преследуют корабли? Но Карара... Росс перегнулся через перила, напрягая зрение, пытался разглядеть черное пятно. Бесполезно, слишком большое расстояние. Он ударил кулаком по дереву, стараясь справиться со своим нетерпением. Ему хотелось ворваться в каюту Торгула, попросить капитана повернуть корабль навстречу преследователю.

— Твой? — спросил Вистур.

Росс уже овладел собой.

— Не знаю. Возможно.

Возможно, полезно было бы также уверить пиратов, что ему подчиняется целая морская армия. В таком случае в любых переговорах к нему бы прислушались внимательней. Но мысль о дельфинах, преследующих корабли, несла в себе и надежду, и тревогу: надежду на

союзников и тревогу о том, что произошло с Карарой. Может, она вслед за Эшем исчезла в крепости фоанн?

Светлее не становилось. Тумана, который окутал их накануне, не было, но небо и море странно сливались, ограничивая видимость. Вскоре Росс вообще не мог видеть преследователя. Даже Вистур признал, что потерял его из виду. Может, он отстал или по-прежнему упрямо режет волны за кораблем пиратов?

Росс позавтракал вместе с капитаном Торгулом — каким-то жестким блюдом с солоноватым мясным вкусом и похлебкой из растертых местных овощей. Ему приходилось пробовать пищу чужаков — в брошенном космическом корабле. Тогда это означало жизнь или смерть. И сейчас нечто подобное, потому что их запасы остались в сетке. И хотя Росс опасался дурных последствий, их не было. Раньше Торгул был не очень разговорчив, теперь он держался свободнее и сообщил, что они почти у цели — у своего порта Кин Эдд.

Землянин не знал, можно ли расспрашивать дальше, но решил, что чем больше информации, тем лучше. Торгул как будто согласился с утверждением Росса, что тот из отдаленного района моря, где совсем другие обычаи.

Проводя всю жизнь в море, пираты стали наблюдательными, легко приспосабливались к обстановке. У них создалась гибкая организация из флотских кланов. Каждый клан контролировал остров, служивший для него базой. Здесь в порту корабль ремонтировали и снабжали всем необходимым между плаваниями. Обычно острова эти лесисты, и пираты находили там достаточно древесины для своих кораблей. Колонии кланов выходили в море не на стройных быстрых кораблях, как тот, на котором плыл Росс, но в больших, с большей осадкой судах, на которых много места для жилья и товаров. Этот народ жил торговлей и грабе-

жом, лишь небольшую часть года моряки проводили на суше, они собирали урожай быстрорастущего зерна на своем базовом острове и готовили такие изделия, которые не могли отыскать на других, более густонаселенных островах.

Однако главным предметом торговли служило морское животное, чья гибкая хорошо обработанная шкура шла на пластины доспехов и на многие другие цели. Охоту доверяли только хорошо подготовленным и бесстрашным людям, но опасности ее Торгул не стал подробно объяснять. И груз таких шкур позволял содержать в течение года целый клан средних размеров.

Между кланами случались войны. Соперники пытались перехватить друг у друга охотничьи территории, выгодные пункты для набегов. Но, как узнал Росс, до недавнего времени такие стычки обычно происходили бескровно; с помощью искусного маневрирования одному клану удавалось поставить другой в невыгодную позицию, и тот предпочитал признать поражение, не вступая в бой.

Повелители замков на берегу всегда рассматривались пиратами как законная добыча, и никакой хитрости набег на них не требовали. Они совершались с хладнокровной решимостью, и пираты старались как можно сильнее ударить по своему давнему врагу. Однако за последний год несколько столь же безжалостных нападений было совершено на базовые острова пиратов. И так как все кланы отказались признать себя виновными в этих кровавых жестокостях, пираты не знали, что подумать: то ли нападали сухопутные грабители кораблей, внезапно изменившие характер своих действий и пустившиеся в море, чтобы нанести удар по своим врагам, то ли какой-то бродячий флот по непонятной причине выступил против своих.

— А ты как считаешь? — спросил Росс, когда Торгул закончил свой рассказ о новых опасностях, угрожающих его народу.

Торгул рукой с длинными — паучьими, на взгляд землянина, — пальцами задумчиво потер подбородок, прежде чем ответил:

— Трудно тому, кто давно имеет с ними дело, поверить, что береговые крысы способны отдаться на волю волн и приплыть к нам со своими мечами. Никто не станет забираться в логово салкара, чтобы пнуть его; конечно, если у него под головной лентой сохранились мозги. Что касается бродячего флота... что может заставить брата так ожесточиться против брата, чтобы убивать женщин и детей? Набеги за женами, да, это у нас в обычае среди молодых. И иногда в таких набегах происходили и убийства. Но никто никогда не убивал женщин и детей! В нашем народе женщин всегда было меньше, чем мужчин, желающих привести их в свою каюту. И ни у одного клана нет достаточного количества детей, они лишь надеются, что тени пошлют им больше.

— Тогда кто же?

Когда Торгул не ответил, Росс взглянул на него и увидел в глазах капитана опасный блеск. И это настолько его поразило, что он выпалил:

— Ты думаешь, я... мы?..

— Ты сам сказал, что ты из моря, незнакомец, и у тебя есть неизвестное нам волшебство. Отвечай мне правдиво: мог бы ты убить Вистура своими ударами, если бы пожелал?

Росс решил отвечать прямо.

— Да, мог, но не стал. Мой народ убивает так же неохотно, как и твой.

— Я знаю береговых крыс, знаю фоанн, да и свой народ тоже знаю... Но тебя я не знаю, незнакомец из моря. И повторю тебе то, что уже сказал один раз: ес-

ли ты заставишь меня пожалеть, что я исполнил Закон Битвы, я быстро исправлю эту ошибку!

— Капитан!

Оклик раздался от входа в каюту, из-за спины Росса. На левом борту у узкого носа собралась группа моряков. Странная дымка, висящая весь день, не давала возможности видеть далеко, но моряки показывали на какой-то предмет, качающийся на волнах.

Он оказался так близко, что даже Росс узнал в нем небольшую лодку, такую же, как та, в которой они с Карарой и Локетом плыли к морским воротам фоанн.

Торгул взял в руки большую изогнутую раковину, висящую на ремне на центральной мачте. Приложив узкий конец раковины к губам, он подул. Над волнами разнеслась странная гулкая нота, словно кашель морского чудовища. Но ответа с лодки не было, вообще никаких признаков, что там есть люди.

— Хау, хау, хау... — Сигнал Торгула подхватили на остальных двух кораблях.

— Ложись в дрейф! — приказал капитан. — Вакти, Зиммон, Йоана, за борт! Приведите лодку.

Трое моряков взобрались на борт, застыли на мгновение и одновременно нырнули в воду. Бросили веревку, один из них поймал ее конец. И они мощными гребками поплыли к лодке. Привязали веревку к суденышку, и его по приказу Торгула потащили к кораблю, а моряки плыли рядом с ним. Россу хотелось узнать, почему все вокруг так напряжены. Очевидно, появление скифа означало для них что-то дурное.

Росс заметил в лодке тело. По приказу Торгула спустили петлю, чтобы поднять пассажира лодки. Землянина оттолкнули от борта, а безжизненное тело отнесли в капитанскую каюту. Несколько моряков принялись осматривать саму лодку.

Наконец они подняли головы и взглянули на Росса. Их враждебность была так очевидна, что землянин напрягся, встречая их холодные взгляды.

Легкий звук сзади заставил Росса отскочить вправо, чтобы к нему не могли подобраться со спины. Неуклюжей хромой походкой подбежал Локет, цепляясь за поручень. В руке он держал обнаженный меч.

— Взять убийц! — крикнул кто-то из толпы.

Росс обнажил свой нож. Потрясенный внезапным изменением отношения экипажа, он настороженно осматривался. Локет оказался теперь рядом с ним.

— Лучше туда! — крикнул он. — В море, прежде чем они тебя изрежут!

— Убить! — кричали пираты. Они двинулись по палубе к Локету и Россу. Но тут кто-то прыгнул вперед. Вистур встал перед своими товарищами.

— Отойдите... — Кто-то из нападающих побежал вперед, попытался оттолкнуть высокого пирата вытянутой рукой.

Вистур подставил плечо, и нападавший отлетел. Упал, и еще двое споткнулись о него и тоже упали. Вистур наступил на вытянутую руку и оттолкнул ногой меч.

— Что происходит? — Все расслышали голос Торгула. Моряки остановились, еще двое упали под кулаками капитана. Потом Торгул взглянул на Росса, и в глазах его была холодная ненависть.

— Я тебе говорил, незнакомец, что, если ты станешь угрозой для меня, тебе придется встретиться со справедливостью Путки!

— Да, — ответил Росс. — А каким образом я стал опасен, капитан?

— Кин Эдд был захвачен теми, кто не принадлежит ни к грабителям кораблей, ни к пиратам и ни к фоаннам. Его захватили неизвестные из моря!

Росс мог только в смятении смотреть на него. И тут только он полностью осознал опасность. Он понятия не имел, кто эти морские разбойники, но ему стало ясно,

что он сам осудил себя. Сейчас, в нынешнем состоянии, эти люди не станут выслушивать его аргументы.

Толпа рычала, как голодный хищник. Росс теперь подумал, что совет Локета был уместен. Гораздо лучше оказаться в открытом море, чем перед этой толпой.

Но время выбора кончилось. Словно ниоткуда появилась кружевная серо-белая сеть и приклеила его к переборке. Росс пытался высвободиться. Повернув голову, он увидел, что Локет взобрался на поручень и хотел броситься на толпу, но хромяя нога помешала ему, и он упал за борт.

— Нет! — Снова приказ Торгула остановил толпу. — Он примет на себя Черное Проклятие, когда отправится навстречу Тьме, и только один человек может произнести это проклятие. Приведите его!

Беспомощного, сгибающегося под ударами Росса потащили и швырнули в каюту капитана. Он увидел фигуру в кресле Торгула среди покровов и подушек.

Женщина с лицом смерти, кожа туго обтягивает кости, но яростный внутренний огонь позволяет ей подавить страдания тела. Она суженными глазами посмотрела на землянина. Одну забинтованную руку она прижимала к груди, время от времени губы ее кривились, словно она не в силах была выдержать какую-то эмоцию или физическую боль.

— Тебе принадлежит право проклинать, леди Джазиа. Пусть он сам и весь его род несет всю тяжесть проклятия за причиненную нам всем боль.

Она поднесла здоровую руку ко рту, вытерла губы, как будто пыталась остановить их дрожь. Все это время взгляд ее не отрывался от Росса.

— Зачем вы привели ко мне этого человека? — Ее высокий голос звучал напряженно. — Он не из тех, кто принес Тьму в Кин Эдд.

— Что?.. — начал Торгул, потом заставил себя продолжать спокойнее. — Они были из моря? — Теперь

вопросы его звучали мягко. — Пришли с моря, и у них было оружие, от которого у нас нет защиты?

Она кивнула.

— Да, и они постарались, чтобы оставались только мертвые. Но я пошла в Храм Путки, потому что была моя очередь выполнять там обязанности, и Сила Путки набросила на меня тень. Поэтому я не умерла, но я видела... да, я видела!

— Не похожи на меня? — Росс осмелился спросить прямо.

— Нет, не похожи. Их было мало... всего вот столько... — Она растопырила пять пальцев. — И они были похожи друг на друга, как близнецы. На головах у них нет волос, а тело у них вот такого цвета... — И она показала на одно из покрывал, которым ее укрыли, — покрывало лавандово-синего цвета.

У Росса перехватило дыхание, и Торгул тут же это заметил.

— Не твоего племени, но ты их знаешь!

— Знаю, — согласился Росс. — Они мои враги!

«Лысые» с древнего космического корабля, абсолютно чуждая раса, с которой у него было уже столкновение на берегу безмянного моря в далеком прошлом его собственной планеты. Галактические пришельцы здесь — именно они втайне натравливают друг на друга туземцев!

Глава 11

ОРУЖИЕ ИЗ ГЛУВИН

Джазиа рассказывала свою историю с такими подробностями, с такими точными указаниями времени, что Росс почувствовал восхищение. Она стала свидетельницей гибели и уничтожения всего, что состав-

ляло ее жизнь, и тем не менее отметила и запомнила для использования в будущем все, что смогла увидеть.

Незнакомцы появились с моря на рассвете, они шли с полной уверенностью и без всякого страха. Стража окликнула их, они не ответили, но поднятые топоры их не коснулись. Отразили они и бомбардировку тяжелыми снарядами. Они оказались неуязвимы для любого оружия пиратов. Мужчины, делавшие самоубийственную попытку с мечами и топорами напасть на них, падали, прежде чем смогли приблизиться, под лучами трубок, которые несли незнакомцы.

Пираты никого не боятся, их невозможно покорить, но в конце концов они бежали от пятерых пришельцев, прятались в домах, пытались добраться до стоявших у берега кораблей, но встречали только смерть. Бойня была безжалостной и полной, в живых осталась только Джазиа в своем храме на холме. Весь остаток дня она скрывалась, видела, как чужаки убили нескольких беглецов, а ночью пробралась на берег, нашла лодку, стоявшую в бухточке вдалеке от главной гавани, и пустилась в море, надеясь встретить корабли и предупредить их.

— Они остались на острове? — спросил Росс. Это место в ее рассказе поразило его. Если целью нападения было вызвать вражду среди пиратов Гавайки, натравить один клан на другой, как он заключил из рассказа Торгула о предыдущих подобных нападениях, звездные люди должны исчезнуть, завершив свое дело, оставить мертвых требовать мести — но не с виновных. Им совсем не нужно, чтобы были раскрыты подлинные виновники убийств.

— Когда лодка уже плыла в море, в пиршественном зале все еще виднелись огни, но это не наши огни и не огни мертвых, — медленно ответила женщина. — Чего им бояться? Их невозможно убить!

— Если они еще там, мы можем это проверить, — мрачно ответил Торгул под одобрителный ропот офицеров.

— И погибнуть всем остальным? — холодно возразил Росс. — Я встречался с ними раньше; они могут заставить человека подчиняться им. Смотрите... — Он положил на стол левую руку. На загорелой коже ясно видны были рубцы. Он не знал лучшего способа показать опасность встречи со звездными людьми, чем продемонстрировать свои шрамы. — Я держал руку на огне, чтобы боль победила их приказ, они подчиняли себе мои мысли, хотели, чтобы я сам пришел к ним и стал легкой добычей.

Джазиа легко провела пальцем по его старым шрамам, глядя ему в глаза.

— Это правда, — медленно сказала она. — И меня от подчинения им удержала только боль в теле. Они стояли у зала, и я видела, как Прахад, Окун, Мосаджи сами шли к ним, словно в сетке, и были убиты. И что-то призывало и меня идти туда же, но я взмолилась Силе Путки, чтобы она спасла меня. И странным был ответ на мою мольбу: я упала и порезала руку о камень. И эта боль словно ножом разрежала сеть. И тогда я уползла в лес, и этот зов больше не слышался...

— Если ты столько о них знаешь, скажи, какое оружие на них действует, — попросил Вистур.

Росс покачал головой.

— Не знаю.

— Да, — произнесла Джазиа, — все, что живет, рано или поздно должно умереть. И мне кажется, что у них тоже есть конец, которого они страшатся. Может, мы сумеем найти его.

— Они пришли с моря... в корабле? — спросил Росс. Женщина покачала головой.

— Нет, корабля не было. Они вышли из волн, словно шли по какой-то подводной дороге.

— Подводная лодка!

— Что это? — спросил Торгул.

— Корабль, который движется под водой, а не по ней, он несет в себе воздух, которым дышит экипаж.

Глаза Торгула сузились. Один из капитанов, приглашенных на совет, недоверчиво фыркнул.

— Таких кораблей не бывает... — начал он, но жест Торгула заставил его умолкнуть.

— Мы не знаем таких кораблей, — сказал Торгул. — Но мы не знаем и оружия, которое видела Джазиа в действии. Как можно сражаться с подводными кораблями, Росс?

Землянин молчал в нерешительности. Ему казалось невозможным объяснить людям, понятия не имеющим о взрывчатке, классический способ использования глубинных бомб. Но он попытался.

— Мой народ умеет заключать в сосуд большую силу. Потом этот сосуд бросают рядом с лодкой...

— А как узнают, где этот корабль? — прервал его один из капитанов. — Или вы умеете видеть сквозь воду?

— Некоторым образом — не видеть, а слышать. Есть машины, которые показывают капитану надводного корабля, где лежит или движется подводная лодка, так что он может следовать за ней. И когда оказывается близко, бросает сосуд с силой, и она высвобождается — и разрушает подводный корабль.

— Но чтобы сделать такой сосуд и заключить в него силу, нужно обладать большими знаниями, — заметил Торгул. — У нас ими обладают, может быть, только фоанны. А ты? — спросил он.

— Нет, нужно много лет обучения и усилия многих людей, чтобы сделать такой сосуд или машину для подслушивания.

— К чему тогда думать о том, чего у нас нет? — решительно сказал Торгул. — А что есть?

Росс поднял голову. Он вслушивался не в то, что происходит в каюте, нет, звук доносился из иллюминатора над его головой. Вот, опять этот звук! Он вскочил на ноги.

— Что? — Рука Вистура легла на рукоять топора. Росс увидел, что пират пристально смотрит на него.

— К нам подошло подкрепление! — Землянин был уже на полпути к палубе.

Подбежав к поручню, он свистнул — резким призывным свистом, в котором практиковался несколько недель, с самого начала этого фантастического приключения.

Гладкое темное тело разорвало поверхность воды, Тино-рау дельфиньей улыбкой ответил на его призыв. Хотя способность Росса общаться с дельфинами намного уступала Караре, он уловил смысл сообщения и повернулся к толпившимся за ним пиратам.

— Теперь у нас есть способ больше узнать о врагах.

— Лодка, движется без весел и парусов! — крикнул один из моряков.

Росс яростно замахал руками, но в скифе никто не откликнулся. Однако он продолжал приближаться, явно стремясь к трем кораблям.

— Карара! — крикнул Росс.

И тут рядом в Тино-рау в воде показались две мокрые головы с закрытыми масками лицами — Карара и Локет.

— Бросить веревки! — приказал Росс, как будто он, а не Торгул командовал кораблем. И сам капитан был одним из исполнивших этот приказ.

Первым поднялся на борт Локет. Он держал наготове меч и переводил взгляд с Росса на Торгула. Землянин протянул к нему пустые руки и улыбнулся.

— Никаких неприятностей.

Локет снял маску.

— Морская дева сказала, что то же сообщили и эти, с плавниками. Но ведь перед этим они жаждали твоей крови. Какое волшебство тут подействовало?

— Никакое. Просто обнаружилась правда. — Росс протянул руку Караре, поднимавшейся по веревке, и втащил ее на палубу, где она стала выжимать волосы, с живым любопытством поглядывая вокруг.

— Карара, это капитан Торгул. — Росс представил капитана, который округлившимися глазами смотрел на девушку. — Карара плавает с этими морскими существами, и они ей повинуются. — Росс указал на Тино-рау. — А скиф ведет Тауа? — спросил он у полинезийки.

Она кивнула.

— Мы следуем за вами от самых ворот. Потом появился Локет и сказал, что... что... — Она помолчала и добавила: — Но, кажется, тебе не угрожает опасность. Что случилось?

— Многое. Слушай, это важно. Там на острове впереди беда. Там побывали лысые, они перебили весь род этих людей. Вероятно, они добрались туда на какой-то подводной лодке. Пошли одного из дельфинов посмотреть, что там происходит и там ли они еще...

Карара не задавала больше вопросов, она свистнула дельфину. Хлестнув хвостом, Тино-рау скрылся.

Так как они все равно не могли составить конкретного плана действий, капитаны пиратских кораблей согласились подождать доклада Тино-рау, а пока держаться вне пределов видимости из гавани.

— У этой веры в волшебство, — заметил Росс в разговоре с Карарой, — есть одно преимущество. Туземцы спокойно отнеслись к тому, что дельфины выполняют для нас разведку.

— Они всю жизнь провели на море и должны уважать его. Вероятно, они знают, что у океана есть множество тайн, и некоторые доступны только тем, кто

живет в воде. Но даже если мы обнаружим подводную лодку лысых, что смогут с ней сделать пираты?

— Не знаю — пока. — Росс не стал объяснять, почему считает, что они смогут нанести удар по превосходящим их чужакам. Просто он верил, что это возможно.

— А Эш?

Да, Эш.

— Не знаю. — Россу было больно признаться в этом.

— Но что на самом деле произошло у морских ворот? — спросил он у Карары. — Дельфины словно сошли с ума.

— Я думаю, на одно-два мгновения так и было. Ты ничего не почувствовал?

— Нет.

— Словно огонь вспыхнул в голове. Какое-то оборонительное устройство фоанн, я думаю.

Мозговая защита, к которой он оказался нечувствителен. А это означает, что он может преодолеть ворота, и только он один. Но сначала надо туда добраться. Предположим, только предположим, что Торгула удастся убедить, что теперь нападение на уничтоженный Кин Эдд бесполезно. Отвезет ли пиратский капитан его к крепости фоанн? Или попытаться вернуться в скифе с помощью дельфинов?

Росс сомневался, что сможет справиться сам. Прошедшие сутки его не оставляло возбуждение. Но теперь навалилась усталость, подавила натренированность и подбавленные к земной пище стимулянты, погрузила в туман неопределенности. Его предупреждали о такой реакции, но и это предупреждение он сознательно отодвинул в сторону. И последнее, что он помнил, — Карара, вглядывающаяся в туман.

Где-то слышались голоса, шел спор, но слов Росс не понимал. Он приходил в себя от тяжелого сна без сновидений, поднял отяжелевшие веки и снова уви-

дел Карару. Что-то укололо его в руку — или это тоже часть охватившей его нереальности.

— ...четыре — пять — шесть, — считала девушка, и Росс невольно присоединился к ней:

— ...семь — восемь — девять — десять!

При счете «десять» он полностью пришел в себя и понял, что она применила к нему процедуру, к которой их готовили: сделала бодрящий укол. Росс сел на узкой койке и увидел, что в каюте горит огонь, а в иллюминаторе темно. Торгул, Вистур, два капитана с остальных кораблей — все здесь. Джазиа тоже.

Росс опустил ноги с койки. Уже началась головная боль от укола, но она скоро пройдет. В каюте чувствовалось напряжение. Что-то ведь заставило Карару применить укол.

— Что случилось?

Карара укладывала медицинскую сумку в небольшой переносной ящик.

— Вернулся Тино-рау. В заливе есть подводная лодка. Она испускает энергетический луч, направленный на берег.

— Значит, они все еще там. — Росс без вопросов принял доклад дельфина. Ни один разведчик не допустит ошибки в таком деле. Энергетические волны, направленные на берег. Какая-то энергия для установок лысых? А если пираты сумеют перерезать этот источник энергии?

— Дева моря сказала нам, что корабль лежит на дне бухты. Если бы мы могли попасть на него... — начал Торгул.

— Да! — Вистур опустил кулак на край койки, на которой все еще сидел землянин. В глазах у Росса резко дернулось. — Захватить его, потом обрушиться на остальных!

На лицах всех пиратов было оживление. Такую игру эти гавайкийские моряки понимают: захватить вражеский корабль и направить его оружие против остальных кораблей врага. Но этот план не срабатывает. Росс испытывал глубокое уважение к техническим познаниям галактических пришельцев. Конечно, он, Карара, даже Локет могли бы добраться до подводной лодки. Но совершенно другое дело — пробраться внутрь.

Полинезийская девушка покачала головой.

— Эти лучи — Тино-рау говорит, что они смертельны. В заливе плавают мертвая рыба. Он получил предупреждение у самого входа. Без защиты нам до лодки не добраться.

— Можно с таким же успехом пожелать глубинную бомбу, — начал Росс и смолк.

— Ты что-то придумал?

— Защита... — Росс повторил ее слово. Дикая мысль. Возможно, никаких шансов на то, что получится. Он почти ничего не знает об источниках энергии захватчиков. Можно ли уничтожить этот луч, который защищает лодку и, возможно, приводит в действие оружие захватчиков на берегу? Стая из рыб, щит из морских организмов... дикая мысль, совершенно дикая, но вдруг сработает? Росс объяснил свою идею, обращаясь больше к Караре, чем к пиратам.

— Не знаю, — с сомнением ответила она. — Для этого потребуется много рыб, слишком много, чтобы их можно было гнать и направлять...

— Не рыб, — вмешался Торгул, — салкаров! Вы видели резьбу на носу корабля. Это салкар. Он больше сотни рыб! Если погнать салкаров... они могут даже сломать подводный корабль своим весом и гневом.

— И вы можете найти этих салкаров поблизости? — Росс загорелся. Этот дракон, который напал на него... у него огромное тело, гораздо больше всех других

морских организмов. А его свирепость он сам может подтвердить.

— Они размножаются на рифах. Мы в это время не охотимся. Салкары находят себе пару. И в это время они так легко приходят в гнев, что могут напасть даже на корабль. И убивать их сейчас невыгодно: шкура не годится. Но если их встревожить, они готовы для сражения.

— А как увести их от рифов к Кин Эдду?

— Это не очень трудно. Рифы находятся вот здесь. — Торгул начертил линии концом меча на столе. — А Кин Эдд вот здесь. В это время салкары испытывают сильный голод. Покажи им приманку, и они последуют за тобой; особенно за плывущей приманкой.

В плане было очень много пробелов. Маловероятно, чтобы он сработал. Но пираты ухватились за него с энтузиазмом, и так и было решено.

Примерно два часа спустя Росс плыл к Кин Эдду. На берегу, слева от него, виднелись огни. Это поселок пиратов. И снова землянин удивился, почему захватчики остались в нем. Может, они знают, что корабли ушли в рейд, и ждут их возвращения, чтобы уничтожить всех жителей острова.

Карара плыла справа от него, Тауа между ними, чувства дельфина направляли и предупреждали их. Самый быстрый из кораблей ушел, с его борта Локет переговаривался с Тино-рау в воде. Самец-дельфин должен был послужить приманкой в этой дикой рыболовной экспедиции.

— Дальше нельзя! — Соник Росса уловил сигнал предупреждения. Росс отвернул от входа в бухту.

— На риф. — Карара прощелкала указатель нового курса. Несколько мгновений спустя они выбрались из воды, хотя волны продолжали омыwać им ноги. Со скал, среди которых они скрылись, видно было темное

пятно берега. Но они находились далеко от бреши в рифе, через которую, если удастся их дикий план, во-рвутся салкары.

— Один шанс из миллиона! — заметил Росс, снимая маску.

— А разве весь проект агентов во времени не основан на таких шансах? — справедливо спросила Карара. Это дело как раз для Росса. Да, агенты во времени не раз действовали при таких шансах на удачу. Именно таковы были шансы, когда они пытались вернуться из своего путешествия на космическом корабле.

А что, если повторить такое нападение? Если салкары смогут преодолеть сопротивление лысых, почему бы не использовать их и против морских ворот фоанн? Может быть... Но всему свое время.

— Идут! — Карара пальцами впиалась Россу в плечо. Рука у нее сильная и жесткая. Он ничего не видел и не слышал. Должно быть, ее предупредили дельфины. Но план их действует: приближаются чудовища гавай-кийского моря.

Глава 12

ЛЫСЫЕ

— Оххх! — Карара схватилась за Росса, дыхание ее вырывалось толчками, выражая страх. Они не предвидели всего, к чему может привести их план, и, конечно, не ожидали подобного смятения в бухте.

Возможно, энергетический луч врага привел и так уже возбужденных салкаров в состояние крайней ярости. Но вода бухты вспенилась, животные нападали друг на друга с яростью, какой землянам не приходилось видеть.

На берегу засверкали огни: должно быть, внимание захватчиков привлек шум сражения морских рептилий. Где-то в высотах над берегом лагуны отборная группа пиратов пробиралась к противоположной стороне Кин Эдда. У них строгий приказ — до сигнала не нападать и не обнаруживать себя. И Росса больше всего волновал вопрос, смогут ли независимые морские воины исполнить этот приказ.

Тино-рау и Тауа находились в море с наружной стороны рифа, земляне — на самом рифе, а между ними и берегом толчея взбешенных салкаров. Росс вздрогнул. Сигнал соника, все время негромко звучавший из аппарата, внезапно прекратился. Энергетический луч с лодки перестал действовать! Время двигаться, но сейчас никакой пловец не выживет в этой лагуне.

— Вдоль рифа, — сказала Карара.

Росс знал, что обходной путь будет долог, но только он теперь возможен. Он всматривался в огни на берегу. Там двигались две-три фигуры. По-видимому, все внимание чужаков по-прежнему привлекала битва в лагуне.

— Оставайся здесь! — приказал он девушке. Надев маску, он ушел в воду, отплыл от рифа и повернул параллельно ему. Тино-рау плыл рядом, направляя Росса во вторую брешь в рифе и к берегу на некотором расстоянии от того места, где слышался шум сражения салкаров.

Землянин выбрался из воды, снял ласты и прикрепил их к поясу, опустил маску на грудь. Потом направился к тому месту берега, где видел чужаков. Теперь он вооружен лучше, чем когда противостоял пиратам со своим единственным ножом. Среди захваченного ими в путешествие во времени было и то единственное ручное оружие, которое отыскал на брошенном галактическом корабле чужаков. Но пользоваться им нуж-

но бережно: он не знает, можно ли его перезарядить, а тайна этого луча так и не раскрыта учеными Земли.

Росс пробрался к кустарнику, откуда открывался хороший вид на берег и чужаков. Он посчитал их: трое, все лысые, выше и худее людей, лишенные волос головы серо-белого цвета, мощный купол черепа нависает над лицом с заостренным подбородком. На всех облегающие сине-пурпурно-зеленые костюмы космических путешественников. Росс уже давно знает, что эти костюмы защищают своих владельцев, они же служат средством связи друг с другом. Когда-то его самого в таком костюме проследили через многие мили дикой местности.

Для него все трое чужаков выглядели совершенно одинаково, как будто сделаны по одному образцу. А их движения свидетельствовали о привычной натренированной точности. Все они стояли лицом к морю, нацелив свои трубки на полную салкаров лагуну. Никаких взрывов, но зеленые лучи ударялись в чешуйчатые тела, показывавшиеся из воды. И под ударами этих лучей плоть начинала гореть. Трое методично очищали лагуну. Но, как заметил Росс, лучи эти постепенно стали прерываться какими-то вспышками. Один из лысых перевернул свою трубку, ударил ее рукоятью по камню, как будто хотел привести ее в действие. Но оружие его отказало. Через несколько мгновений прекратилось действие оружия и у остальных. Слабые лучи упирались в песок, освещая сцену, они постепенно темнели, как гаснущие угли. Кончился заряд?

Кошмарная фигура выползла из воды, поползла по песку берега, вытянув тонкую шею, угрожающе опустив рогатую голову. Росс не знал, что салкары могут выходить из своей привычной среды, но этот дракон с диким взглядом явно собирался добраться до своих мучителей на берегу.

Одну-две секунды лысые продолжали смотреть на салкара, как будто не могли поверить, что их оружие отказало. Потом повернули и побежали к поселку, который так легко захватили. Салкар двигался за ними, но движения его становились все медленнее, пока наконец он не лег, приподняв голову, поворачивая ее из стороны в сторону, раскрыв пасть с огромными клыками.

И тут на берег выбрался второй салкар. У него сразу за шеей виднелась ужасная рана, но он продолжал ползти, шипя и свистя в боевом кличе. Он не напал на первого, прополз мимо него, стараясь добраться до лысых.

Салкары продолжали выползать на берег, появились еще два, третий, четвертый, все они были изранены. Как могли далеко, они взбирались на берег. И лежали, глядя в глубину острова, шеи их извивались, рогатые головы дергались, драконы оглушительно кричали. Росс не мог понять, что заставило их прервать эту битву между собой и попытаться добраться до чужаков. Может быть, им хватило ума связать с чужаками эти обжигающие лучи и ответить попыткой добраться до общего врага.

Но это желание не помогло им. Беспомощно лежа на песке, они пытались закопаться в него, их плавники дрожали в попытке продвинуть массивные тела дальше.

Росс обогнул салкаров и направился к поселку. Шея салкара дернулась, голова повернулась к нему. Он ощущал едкий запах рептилий и вонь сгоревшей плоти. Должно быть, ближайшее из чудовищ учуяло землянина и пыталось перерезать ему путь. Но на песке оно беспомощно, и человек продолжал упрямо двигаться вперед.

Трое лысых бежали в этом направлении. Однако Джазиа сообщила, что из моря вышли пятеро чужаков. Двух не хватает? Где они? Остались в поселке? Или вернулись в лодку. А сама подводная лодка — что слу-

чилось с нею? Ее энергетический луч прервался; Росс сам видел, как отказало оружие чужаков и погасли огни на берегу. Может, лодку повредило нападение салкаров? Впрочем, Россу не верилось, что звери могли причинить ей вред.

Землянин двигался вперед почти ощупью, держась, насколько возможно, в укрытии, зная только, что должен идти в глубь острова. Местность у него под ногами поднималась; он вспомнил чертеж острова, сделанный Торгулом и Джазией. Это, должно быть, часть небольшого хребта, за которым начинается поселок. На этом хребте расположен храм Путки, в котором пряталась Джазиа. Поселок пиратов на западе, поэтому Россу нужно свернуть налево и спускаться, чтобы добраться до прохода, через который прошли лысые. Росс двигался с легкостью тренированного разведчика.

Взошла луна Гавайки, втрое больше спутника Земли, и местность ярко осветилась, четко обрисовались тени. Свет странный для глаза землянина, он усилил ощущение ночного кошмара, а рев салкаров превратился в дьявольский хор.

Вокруг домов пиратов располагались небольшие поля. Теперь все они были покрыты уже пригодными к жатве растениями. Зерно, если, конечно, к этому продукту Гавайки можно применить земной термин, находилось в длинных стручках, свисавших с кустов высотой Россу по плечо. И на стручках острые шипы, рвущие кожу. Первая же попытка пробраться таким полем показала Россу, что это невозможно. Он остановился, чтобы осмотреть царапины и изучить местность.

Но если идти по дороге, могут увидеть из зданий. Конечно, на берегу оружие отказало лысым, но это вовсе не означает, что теперь чужаки безоружны.

Росс решил, что лучше повернуть на север и вернуться по руслу ручья. Он уже был на его берегу, когда легкий шум заставил его застыть с оружием наготове.

— Росссс...

— Локет!

— И Торгул, и Вистур.

Это отряд, подошедший с противоположной стороны острова. Пираты хорошо использовали свое знание местности. В ярком свете луны Росс их не видел, но их голоса прозвучали почти рядом.

— Они там, в большом зале. — Это Торгул. — Но света там больше нет.

— Что это? — Их внимание привлекло чье-то восклицание.

Свет внизу. Но не такой, какой Росс видел на берегу. Теплый желто-красный свет костра, языки пламени вздымаются все выше, кто-то лихорадочно подбрасывает дрова.

Возле костра движутся три фигуры. Росс начал думать, что на берегу действительно только трое чужаков. Он не видел оружия в их руках. Впрочем, это не означает, что они не вооружены. Но ручей проходит вблизи задней стены одного из зданий, и Росс считал, что у его берега вполне можно укрыться. Он сказал об этом Торгулу.

— А если их волшебство подействует, тебя повлечет к ним и ты будешь убит? — Капитан пиратов прямо перешел к главному.

— Придется рискнуть. Но вспомни... волшебство фоанн у морских ворот на меня не подействовало. Может, и это не подействует. Когда-то в прошлом я его победил.

— У тебя есть еще одна рука, чтобы положить ее в огонь? — Это Вистур. — Но никто не имеет права мешать человеку, решившему идти в бой.

— Ты прав, — резко ответил Росс. — И меня готовили к таким действиям.

Он скользнул к ручью. Теперь строения поселка оказались между ним и костром. Под прикрытием бе-

рега он добрался до длинной стены, встал и пошел вдоль нее. И увидел дикую сцену. Огромными языками вздымалось вверх пламя. Уже горела крыша одного из зданий поселка пиратов. Росс не мог догадаться, зачем чужаки разожгли такой пожар. Сигнал на большое расстояние?

Но он не сомневался, что сделано это с какой-то важной целью. Потому что трое чужаков с лихорадочной поспешностью продолжали подтаскивать топливо, они выносили из домов пиратов связки тканей и бросали их в огонь, тащили мебель — все, что могло гореть.

Но эта их поглощенность давала Россу некоторое преимущество. Чужаки совсем перестали следить за окружающей местностью, только время от времени один из них подбегал к тропе, ведущей в лагуну, и вслушивался, словно ожидал приближения салкаров.

— Они... они испуганы! — Росс не мог поверить своим глазам. Чужаки, которые в его воспоминаниях оставались практически неуязвимыми сверхсуществованиями, теперь вели себя, как смертельно перепуганные дикари! А когда враг выведен из себя, нужно надавить на него — и посильнее.

Росс нащупал кнопку на рукояти своего странного оружия. Тщательно прицелился и выстрелил. Синяя фигура на тропе упала, и какое-то время другие чужаки этого не замечали. Потом один из них повернулся и посмотрел на неподвижно лежащее тело, второй подбежал к упавшему. Росс позволил им добраться до жертвы, потом выстрелил во второй и в третий раз.

Все трое лежали неподвижно, но Росс не показывался. Он неторопливо досчитал до десяти. Потом пополз вперед, по-прежнему стараясь не выходить из укрытия, и добрался до тел.

На ощупь одетое в синюю ткань плечо казалось вялым: мышцы больше не управляли движением. Росс

перевернул чужаков, посмотрел в ярком свете костра в широко раскрытые глаза лысых. Удивление — землянину показалось, что именно это выражение застыло в пустых взглядах, — и еще гнев, холодный и смертоносный гнев.

— Убей!

Росс развернулся, стоя на одном колене, и увидел бегущего пирата. В огне костра глаза гавайкийца блестя фанатической ненавистью. Он держал наготове свой крючковатый меч. Землянин подставил плечо под колено пирата, тот упал. Росс прижал его к земле, пытаясь избежать ударов лезвия.

— Локет! Вистур! — крикнул он.

Из-за здания появилось еще множество пиратов, они побежали к неподвижным чужакам и двум борющимся. Росс узнал хромую походку Локета, который опирался при ходьбе на палку.

— Локет, сюда!

Гавайкиец преодолел последние несколько футов в прыжке, который приблизил его к Россу и пирату. «Держи его!» — приказал землянин и успел броситься между лысыми и остальными моряками. Пираты что-то гневно выкрикивали, и Росс, зная их характер, опался, что не сможет спасти пленных, которых пираты считали своей законной добычей. Нужно надеяться, что найдутся одна-две хладнокровные головы, которые удержат мстителей. Иначе ему придется обездвигить их своим оружием.

— Торгул! — закричал он.

Цепь бегущих разорвалась. Вперед вырвался огромный человек — это мог быть только Вистур. Другой, выкрикивающий приказы, — Торгул. Теперь все зависит от того, насколько сильна власть капитана над его людьми. Росс встал на ноги. Луч он поставил на минимальную мощность. Он не убьет, но вызовет у

жертв временный паралич; но сколько будет продолжаться такое состояние, Росс не знал. На земле испытания проводили на животных, и время колебалось от нескольких дней до недель.

Вистур плоской стороной своего боевого топора сбивал с ног бежавших впереди, своим мощным телом он создал непреодолимую преграду. И приказы Торгула, кажется, были услышаны, все больше и больше бегущих останавливалось; осталось только несколько самых горячих. Двоих из них Вистур уложил кулаками.

Капитан подошел к Россу.

— Значит, они живы? — Он наклонился, осматривая лысых, которых землянин перевернул на спину.

— Да, но двигаться не могут.

— Хорошо. — Торгул кивнул. — Согласно закону, они встретятся с Правосудием Путки. Я думаю, они пожалеют, что не стали жертвами гневных топоров.

— Они нам нужнее живыми, чем мертвыми, капитан. Разве ты не хочешь узнать, почему они начали войну с вами, сколько их... и многое другое? К тому же, — Росс кивком указал на огонь, охвативший уже второе здание, — зачем они развели этот костер? Как сигнал своим?

— Хорошо сказано. Да, нам нужно узнать все это. И Путка не будет сердиться, он подождет, пока мы получим ответы на свои вопросы, много ответов. — Он коснулся лысого концом своего морского сапога. — Сколько он будет оставаться таким? Твое волшебство кусается.

Росс улыбнулся.

— Это не мое волшебство, капитан. Это оружие я забрал с одного из их кораблей. А как долго они будут в таком состоянии, я не знаю.

— Хорошо, тогда нужно принять меры предосторожности.

По приказу Торгула чужаков завернули в липкие сети, такие же, какими поймали когда-то Росса и Локета. Морская водоросль мгновенно прилипала, она связывала пленника по рукам и ногам, и он становился совершенно беспомощен.

Убедившись в этом, Торгул приказал осмотреть разрушенный Кин Эдд.

— Как ты сказал, — заметил он Россу, — этот костер вполне может служить сигналом другим чужакам. Думаю, в этом деле нам благоприятствовал Путка, но благоразумный человек не может на это вечно рассчитывать. К тому же, — он осмотрелся, — мы отдали Путке и теням своих мертвых. Для нас здесь ничего не осталось, кроме ненависти и печали. За один день мы лишились своего клана и превратились в горстку бездомных людей.

— Вы присоединитесь к какому-нибудь другому клану? — Карара вместе с Джазией остановилась у подножия колонны, на которой странная голова устремляла задумчивый взгляд в сторону моря. Джазия руководила снятием этой головы.

Услышав вопрос полинезийки, капитан долго смотрел на ужасное опустошение в долине. По-прежнему слышался рев умирающих салкаров. Рептилии, поднявшиеся на берег, не уходили в море. Некоторые из них уже умерли, другие лежали, поворачивая головы. И весь поселок был охвачен огнем.

— Мы теперь дали клятву кровной мести, дева моря. А для таких клана нет. Есть только преследование и убийство. Может быть, с помощью Путки преследование будет недолгим, а убийство хорошим.

— Вот так... сюда... так... — Джазиа сделала шаг назад. Голову, смотревшую на море, опускали осторожно на широкой полосе золотистой материи, принесенной с корабля Торгула. Здоровой рукой женщина закрыла

голову, оставив только глаза. Большие глубоко вырезанные овалы, в глубине которых Росс увидел сверкание. Драгоценные камни? Но у него было странное чувство, что в этих глазницах не просто драгоценности, что голова действительно взглянула на него, оценила и отпустила.

— Мы уходим. — Джазиа махнула рукой, и Торгул отдал приказ своим людям. Они подняли головы и пошли вниз по склону.

Карара крикнула, и Росс оглянулся.

Столб, на котором стояла голова, вдруг начал рушиться и превратился в груды камней, которые покатались по склону. Росс мигнул. Возможно, простая иллюзия. Но он слишком устал и потому только слегка удивился. Потом присоединился к процессии возвращавшихся на корабль.

Глава 13

МОРСКИЕ ВОРОТА ФОАНН

Росс поднес к губам чашу из раковины, но едва пригубил огненный напиток. Это церемониальный жест, и ему нужна трезвая голова и быстрый язык в предстоящем обсуждении. Торгул, Афрукта, Онгал — трое капитанов пиратских кораблей; Джазиа, представляющая загадочную Силу Путки; Вистур и некоторые другие офицеры; Карара; он сам, с держащимся поблизости Локетом, — военный совет. Но против кого созванный?

Землянин далеко отошел от своей цели — найти Эша в крепости фоанн. И теперь сомневался в своей возможности достичь этой цели. Нападение на лысых сделало его слишком нужным пиратам, и вряд ли они теперь добровольно позволят ему заниматься своим поиском.

— Эти люди со звезд... — Росс опустил чашу и заговорил, стараясь выбрать наиболее подходящие слова из своего ограниченного гавайкийского словаря, — обладают оружием и силой, которые вам и не снились, против которых у вас нет никакой защиты. В Кин Эдде нам повезло. Салкары напали на их подводную лодку и прервали энергетический луч. Иначе мы бы с ними не справились, хотя нас было много, а их несколько. Теперь вы говорите о нападении на них на их собственной территории — в горах, где у них база. Это так же глупо, как плыть безоружным навстречу салкару.

— Так что же, нам сидеть и ждать, пока они нас проглотят? — вспыхнул Онгал. — Я говорю: лучше умереть с окровавленным мечом!

— Разве ты не хотел бы прихватить с собой хоть одного врага? — возразил Росс. — Они могут убить вас еще до того, как вы к ним подойдете.

— Но у тебя ведь есть оружие, — заговорил Афрутка.

— Я уже вам сказал: это оружие украдено у них. У меня оно только одно, и я не знаю, долго ли будет мне служить. Может, у них есть против него защита. Те, против кого мы сражались, лишились защиты: им отказал луч энергии. Но слепо напасть на их базу — это поступок сумасшедшего.

— Нам открыли дорогу салкары... — Это Торгул.

— Но разве мы можем привести стаю салкаров в горы? — разумно возразил Вистур.

Росс изучал капитанов. Землянин догадывался, что Торгул пытается составить план действий, и план этот должен быть хитроумным. С их первой встречи его уважение к капитану пиратов все возрастало. Корабли всегда возглавлялись самыми храбрыми людьми кланов. Но Росс понимал также, что капитан корабля должен обладать выдержкой, умом, уметь заглядывать в будущее.

Силам гавайкийцев нужен ключ, который раскроет перед ними базу лысых, как салкары открыли доступ в лагуну. И в помощь им есть лишь скудные сведения, полученные от пленных.

Странно, но отмычку к умам пленных предоставили дельфины. Точно так же как Тино-рау и Тауа образовали коммуникационный мостик между Россом и Локетом, они смогли прочесть и перевести мысли чужаков. Потому что лысые — среди своих — общались телепатически, голосом они отдавали приказы только низшим существам.

То, что их пленили эти самые «низшие существа», оказалось для них страшным шоком, а проникновение в мозг с помощью дельфинов поставило эти «сверхсущества» на край безумия. Для них оказалось невозможным признать в животных равных себе.

Но мысли и воспоминания звездных людей были прочитаны и доложены импровизированному совету. Пираты и земляне узнали план чужаков, согласно которому они собирались овладеть планетой. Даже дельфины не могли понять, зачем им она; может быть, им самим это не объяснили.

Их план поражал своей простотой и презрением к обитателям планеты, словно галактические силы совсем не опасались сопротивления. За одним исключением.

Пальцы Росса сильнее сжали чашу. Может, Торгул уже пришел к заключению, понял, что их ключ у фоанн. Если так, они могут одновременно добиться осуществления своих различных целей.

— Похоже, они опасаются фоанн, — заметил он, ожидая ответа Торгула. Но на невысказанный вопрос Росса ответила Джазиа.

— У фоанн есть могучее волшебство; они могут приказывать ветру и волне, людям и животным, если захотят. И правильно, что эти убийцы боятся фоанн!

— Но теперь они выступают против них, — указал Росс, по-прежнему глядя на Торгула.

Капитан в ответ слегка улыбнулся.

— Не прямо, как ты слышал. Их план заключается в том, чтобы натравить нас друг на друга, заставить вести множество войн и истратить свои силы без всякого риска для чужаков. Они дождутся дня, когда мы будем истощены, и тогда явятся и объявят, что им нужно. Поэтому сейчас они сеют вражду между грабителями кораблей и фоаннами, так как знают, что фоанн немного. И еще они нападают на наши острова, чтобы мы поверили, что это дело рук грабителей или фоанн. Таким образом... — он изобразил пальцами щипцы, — они надеются зажать фоанн между грабителями и пиратами. Потому что фоанн они считают самыми опасными для себя. Нас они используют, чтобы ослабить своих главных врагов. Умный план, но он составлен людьми, которые не любят сражаться собственными лезвиями.

— Они хуже береговых крыс, эти трусы! — выкрикнул Онгал.

Торгул снова улыбнулся.

— Они надеются, что мы так и подумаем, родич, и тем самым недооценим их. Согласно нашим обычаям, да, они трусы. Но думали ли мы о салкарах, когда использовали их для прорыва в лагуну? Нет, они всего лишь животные, наше орудие. И у чужаков такое же отношение к нам, только мы знаем об их намерениях. И не будем их послушным орудием. Если наш ответ — фоанны, тогда... — он смолк, глядя на чашу, как будто смог прочесть в глубине ее будущее.

— Если наш ответ — фоанны, что тогда? — настаивал Росс.

— Тогда мы должны не сражаться с фоаннами, а заключить с ними союз, предупредить их. И делать все, что можем, пока еще у нас есть время!

— Но как нам это сделать? — спросил Онгал. — Фоанны, которых ты хочешь предупредить, заключить с ними союз, наши враги. Разве несколько дней назад мы не пытались прорваться сквозь их морские ворота? Теперь мы не можем заключить с ними мир. И разве существа с плавниками не предупредили нас, что эти убийцы женщин уже в армии грабителей, осаждающих крепость фоанн? Эти сыновья Тьмы собираются дать им свое оружие. Неужели нужно бросить три корабля — все, что у нас осталось, — в эту безнадежную схватку? Такое решение может принять только безумец.

— Возможность есть — у меня, — вмешался Росс. — В крепости фоанн мой повелитель, которому принадлежит мой меч, я поклялся ему служить. Мы собирались освободить его, когда ваш корабль подобрал нас в волнах. Он лучше меня умеет обращаться с неизвестными людьми, и если фоанны действительно так умны, как вы утверждаете, они уже знают, что он не просто раб, которого они забрали у лорда Захура.

И вот он ее наконец высказал, свою надежду, что Эш сумел дать понять хозяевам крепости, какими знаниями и возможностями располагает. Он специально подготовлен для общения с чуждыми цивилизациями. И есть вероятность, что Гордон сумел уберечься от той участи, которая ожидала пленников фоанн. И если это так, то именно Эш поможет проникнуть в крепость фоанн.

— Вот что я знаю. Защита ворот, то средство, которое воспламеняет ваши головы и отбрасывает назад, на меня не действует. Я могу проникнуть внутрь, найти своего вождя и при этом договориться с фоаннами.

Пленники лысых недооценивали силы крепости фоанн. Когда корабли пиратов под покровом ночи приблизились к ней, огни и факелы и у осаждающих, и у осажденных отбрасывали яркий отсвет на небо. Толь-

ко на обращенной к морю стороне крепости никакого движения не было видно. Должно быть, защита ворот все еще действует.

Росс стоял на палубе, расставив ноги, чтобы справиться с качкой. Его предложение обсудили, с ним спорили, но наконец его поддержали Торгул и Джазиа, и теперь ему предстоит попытка осуществить его. Пираты и Локет рассказали ему все, что знали о морских воротах, но остальное зависело только от него одного. Карара, дельфины, гавайкийцы — все они чувствительны к барьеру.

В слабом свете показался Торгул.

— Мы близко, действие нашей энергии подходит к концу. Если пройдем еще дальше, нас понесет течением.

— Значит, пора. — Росс направился к веревочной лестнице, но тут его ждали. У поручня стояла Карара. Он сердито взглянул на нее.

— Ты не можешь идти со мной.

— Знаю. Но здесь мы еще в безопасности. Росс, только потому, что на тебя не действует защита, не думай, что это легко.

Его поразило, что она может считать его таким самоуверенным.

— Я знаю свое дело.

Росс миновал девушку, спустился по веревочной лестнице, задержался на уровне воды, надевая ласты, проверил, на месте ли пояс с грузом, наконец натянул на лицо маску. Рядом с ним послышался всплеск: это ушла под воду сетка с запасным поясом, ластами и маской. Он подхватил ее. Эти приспособления помогут Эшу бежать из крепости.

Огни на берегу ясно виднелись с моря. Направляясь к берегу, Росс слышал крики и другие звуки. Все это говорило о том, что как раз сейчас идет штурм крепости.

Росс, продвигаясь вперед без усилий, время от времени всплывал и осматривался. Он видел пелену, поднимающуюся с поверхности моря между двумя каменными столбами, которые обозначали морские ворота.

И тут раздался громовой треск, разорвавший воздух над маленьким заливом. Росс приблизился к одному из каменных столбов и остановился, держась за него рукой. Пелена, поднимающаяся с поверхности воды, становилась плотнее. Все новые клубы поднимались вверх, между морем и берегом быстро возникала стена из тумана.

Снова гром над головой. Невольно землянин нырнул. Потом повернулся лицом к небу, отыскивая признаки грозы. То, что повисло вверх, вызвало быстрое образование тумана. Но если туман серо-белого цвета, то с вершины крепости спускалась темнота. Росс не мог объяснить, чем отличается эта темнота от тьмы ночи, как он способен разглядеть ее, но он ее видел — или только чувствовал? Он потряс головой, заставляя себя отвести взгляд от этого устремленного к нему пальца тьмы. Но только это больше не палец. Это кулак, нацеленный на звезды, они быстро исчезают от его ударов. Кулак, вознесенный в небо, чтобы потом обрушиться на крепость, прижать ее к скалам и земле.

Туман клубился вокруг Росса, выплывал через ворота в море. Он отпустил столб и нырнул, проплыл через ворота. Теперь перед ним крепость фоанн.

Где-то впереди причал; так следовало из описания Торгула. Слуги фоанн изредка отплывают отсюда в быстроходных кораблях. Росс осторожно вынырнул и обнаружил, что на уровне воды ничего не видно. Здесь туман был густ и непроницаем, и Росс даже не мог определить направления. Он снова нырнул и поплыл дальше.

Эта неопределенность рождена туманом или она в его голове? Может, он тоже в конце концов реагирует на защиту ворот? Росс отогнал это сомнение, снова выныривая под влажным одеялом тумана. Он прошел через ворота там, значит, причал должен находиться... здесь!

И несколько мгновений спустя Росс убедился, что чувство направления ему не изменило. Плечи его коснулись какого-то препятствия. Руками он нащупал плиты причала. Он снова вынырнул и на этот раз услышал не гром, а пение фоанны.

Громкое пение, почти непосредственно у него над головой; но из-за тумана он не боялся, что его увидят. Певец, должно быть, находился на самом причале. А справа от себя Росс рассмотрел темное пятно. Должно быть, один из кораблей. Может быть, осажденные планируют вылазку?

И тут ночь разрезал ослепительный луч, намного выше головы Росса. Он упал на корабль и разрезал его с легкостью стали, пронзающей глину. Пение смолкло на середине ноты, послышались крики удивления и тревоги. Росс, прижимаясь к камням, уловил реакцию своего соника.

Должно быть, на дне за воротами лежит подводная лодка лысых. И луч должен был упасть на стены самой крепости, а не на корабль.

Фоанна снова запел, негромко и чисто. Послышались всплески: с причала в воду бросали что-то. Что именно, Росс не мог разглядеть. Тело землянина дернулось, маска заглушила возглас боли. Ноги и нижняя часть тела, опущенная в воду, ощутили такой сильный холод, что он обжигал. Страх заставил Росса забраться под устой причала. Он добрался до убежища и лег, с силой растирая уже заледеневшие ноги.

Чуть позже он пополз вдоль берега. Энергетический луч отыскивал новую цель. Росс видел, как луч разрезал

второй корабль. Если контрудар фоанн должен был отогнать противника, он не подействовал.

Сеть, в которой находилось запасное оборудование для Эша, тянула землянина вниз, но он не оставлял ее, ощупью двигаясь вперед. От волн внизу исходили ледяные испарения, тело от них дрожало. И Росс знал, что, пока длится действие этого средства, он не может вернуться в воду.

Свет... из-за холода вода начала флюоресцировать, поплыли какие-то белые полосы, они качались на волнах. Собирались под устоями причала, прилипали к камням. И с их появлением туман поредел, как будто эти полосы поглощали его. Землянин теперь видел, что добрался уже до конца причала. Он снова прицепил ласты к поясу, натянул на ноги обувь из шкуры салкара, которую дал ему Торгул.

Если не считать плавок, пояса и жаберного ранца, Росс был обнажен, и ему стало холодно. Но, повесив сетку через плечо, он лег на влажный песок и прислушался.

Шум нападения, который с берега доносился до кораблей пиратов, теперь стих. И грома больше не было слышно. Но зато пошел сильный дождь.

Посмотрев в сторону моря, Росс больше не увидел огненных лучей. Туман начал подниматься, и Росс разглядел разрезанные корабли, их носы все еще были прикреплены к причалу. Там не видно никакого движения. Неужели все бежали с причала?

Точка... тире... точка...

Росс не выронил сетку. Но присел под защитой столба. На мгновение застыл, выжидая.

Точка... тире... точка...

Это не сигналы, вызванные излучением врага. Настоящее кодированное сообщение, пойманное соником. И он знает этот код.

Не торопись, резко сказал он себе, сохраняя спокойствие. Только два человека в этом времени и месте знают этот код. И у одного нет никаких причин использовать его. Но — ловушка? Возможно. Несмотря на свой скептицизм, он испытывал некоторые опасения перед возможностями фоанн. Может быть, его выманивают, пользуясь призывом Эша.

Росс приготовился к действиям, спрятал сетку в углублении меж камней подальше от воды. Ручное оружие чужаков он оставил Караре, не доверяя его морю. Но у него есть нож и две руки, которые, с его подготовкой, могут быть смертоносным оружием.

Прижав диск соника к обнаженной коже — так он лучше чувствуется, — зажав в руке нож, Росс вышел на открытое место. Света маловато, но он уверен, что призыв прозвучал со стороны причала.

Там какое-то движение. А соник? Росс должен быть уверен, очень уверен. Звук явно сильнее, когда он поворачивается в этом направлении. Посмеет ли он двигаться открыто? Может, в темноте ему удалось бы освободить Эша, и они уплыли бы вместе.

Росс прощелкал кодированный ответ. Точка... точка... точка...

Ответ быстрый и повелительный.

— Где?

Никто, кроме Эша, не может так ответить! Росс больше не колебался.

— Будьте готовы к бегству.

— Нет. — Еще повелительней. — Здесь друзья...

Правильно ли он догадался? Эш установил дружеские отношения с фоаннами? Но Росс сохранял осторожность, которая так долго служила ему оружием и защитой. Есть вопрос, на который может ответить только Эш. Он из того прошлого, когда они вместе путешествовали во времени, выдавая себя за торговцев

Бронзового века из народа кубков. Росс начал передавать вопрос.

— Кого мы убили в Британии?

И напряженно ждал. Но ответ пришел не через посредство соника; в ночи послышался знакомый голос:

— Белого волка. — И сказано это по-английски.

— Эш! — Росс бросился вперед, навстречу едва различимой фигуре.

Глава 14

ФОАНЫ

— Росс! — Эш так крепко схватил его за плечи, словно собирался никогда не отпустить. — Значит, ты прошел через...

Росс понял. Гордон Эш боялся, что он один случайно прошел через ворота времени.

— И Карара вместе с дельфинами!

— Они здесь, сейчас? — В темной чаше залива крепости Эш был только тенью с голосом и руками.

— Нет, они на кораблях пиратов. Эш, вы знаете, что лысые на Гавайке? Они организовали все эти происшествия, нападения и беспорядки. И прямо сейчас у них в заливе подводная лодка. Они разрезали эти корабли. Пять дней назад они — впятером — уничтожили поселок пиратов!

— Гордоон! — В отличие от свистящих звуков других гавайкийцев этот голос звучал распевно. — Это правда твой оруженосец? — Появилась еще одна тень, и Росс увидел край плаща.

— Это мой друг. — В голосе Эша звучал тон поправки. — Росс, перед тобой хранитель ворот.

— И ты пришел с теми, кто собрался за пиршественным столом Тьмы, — продолжал фоанна. — Но на этот раз добыча мало понравится твоим пиратам...

— Нет. — Росс колебался. Как обращаются к фоанне? С Торгулом он чувствовал себя равным. Но здесь такой подход не годится; инстинкт говорил ему об этом. И он решил просто придерживаться правды. — Мы захватили троих убийц из лысых. От них мы узнали, что они собираются вначале уничтожить фоанн. Потому что считают вас, — он обращался непосредственно к фигуре в плаще, — главной угрозой себе. Мы услышали, что они заставили грабителей начать нападение, и потому...

— Так пираты пришли для этого? Не грабить? Тогда это что-то новое среди них. — Ответ фоанны был холоден, как морская вода в заливе.

— Добыча не прельщает тех, кто поклялся отомстить за смерть своих родичей, — ответил Росс.

— Да, и пираты верят в равновесие боли и смерти, — согласился фоанна. — А верят ли они в равновесие помощи? Над этим стоит подумать. Гордооон, похоже, мы не можем уйти в своих кораблях. Вернемся на совет.

Эш вел Росса в темноте. Хотя туман, ранее затягивавший залив, исчез, темнота оставалась, и Росс заметил, что даже огней стало меньше. А потом они оказались в тускло освещенном проходе.

Впереди двигались три фоанны, все в плащах, своей характерной скользящей походкой. Затем Эш и Росс, а замыкали с десятков стражников, в кольчугах. Проход превратился в рампу. Росс взглянул на Эша. На нем, как и на фоаннах, был серый плащ, но он не менял цвет, как одеяние этих загадочных обитателей Гавайки. Гордон распахнул плащ, показав пластины местных доспехов.

Росс хотел задать множество вопросов. Хотел знать — отчаянно хотел, — какое положение занимает Эш у фоанн. Что подняло Гордона с уровня простого пленника в замке Захура до близкого спутника самой могущественной расы этой планеты?

В конце рампы глухая стена, но перед ней резкий поворот направо в узкий коридор. Один из фоанн сделал жест стражникам, которые с привычной точностью свернули в этот коридор. А другие фоанны подняли свои жезлы.

И в глухой стене появилось отверстие. Перемена произошла настолько быстро, что Росс вообще не заметил никакого движения.

За этой дверью оказался совсем другой мир. Чувства Росса, обостренные в наблюдениях за окружающим, не давали ответа, почему зрение, обоняние, слух утверждают, что этот мир более чужд, чем замки грабителей или корабли пиратов. Несомненно, фоанны совсем другого происхождения, чем остальные народы Гавайки.

Плащи, которые раньше были одновременно серебристо-серыми и темно-синими, вдруг поблекли, стали тоньше, прозрачнее, и перед Россом появились хорошо очерченные сверкающие фигуры,

Эш снова схватил Росса за руку, и младший агент услышал шепот:

— Они хозяйки иллюзий. Не верь всему, что видишь.

Хозяйки? Это первое, что уловил Росс. Женщины. Иллюзии — да, он и так был уверен, что зрение временами подводит его. И теперь ему трудно было сказать, где кончается одежда и начинается стена, фигуры перед ним или просто тени.

Еще одна глухая стена, снова отверстие в ней, и из него ударила волна чуждости, словно сильный ветер. Но не решаясь переступить порог, несмотря на подбадривающую руку Эша, Росс в то же время чувствовал, что в этой чуждости нет той холодной враждебности, которая есть в лысах. Чужаки — да. Но не враждебные его роду.

— Ты прав, младший брат.

Произнесены ли эти слова — или он услышал мысль?

Росс оказался в удивительном месте. Под ногами темная синева — синева земного неба в сумерках, но видны и мигающие огоньки, не равные звездам, но выше их! Стены — есть ли здесь стены? Или меняющиеся, колеблющиеся голубые занавеси, по которым бегут серебристые линии, образуя символы и слова, и какая-то неведомая часть его мозга почти понимает их, но не до конца.

Постоянное движение, ничего неподвижного, но вот он в месте, где эти занавеси застыли, и он больше не идет по голубому небу, а по мягкой поверхности, и при каждом его шаге поднимается облако острого аромата. И тут он впервые увидел настоящих фоанн.

Куда исчезли их плащи? Сбросили ли они их на ходу, или вещество, из которых они образованы, уплыло само? И, глядя на эти три удивительных существа, Росс вдруг понял, что видит их так, как никогда не видят даже их слуги и стражники. Но все же видит ли он реальность или то, что должен увидеть, по их желанию?

— Ты видишь нас такими, каковы мы есть, младший брат! — Снова ответ, и Росс не знает, слова это или услышанная мысль.

По форме они гуманоиды, к тому же, несомненно, женщины. Теперь, без плащей, они в серебристых платьях без рукавов, перепоясанных на талии лентой с синими камнями. Только волосы и глаза свидетельствуют о чуждости. Волосы, падающие им на плечи, на руки, серебристые и движутся, словно живут самостоятельной жизнью. А вот глаза... Росс смотрел в эти золотые глаза и на мгновение забылся, пока не пришел в себя в панике и с трудом заставил себя отвести взгляд.

Смех? Нет, он не слышал смех. Но ощутил смесь веселости с интересом.

— Ты прав, Гордоон. Этот тоже твоего рода. Он не ведьмино мясо. — Росс уловил отвращение, какое-то

странное чувство, окрасившее эти слова, напоминание о застарелой боли.

— Это фоанны, — нарушил очарование голос Эша. — Леди Инлан, леди Инграм, леди Инвалда.

Фоанны — всего три женщины?

Та, которую Эш назвал Инлан, которая пленила взгляд Росса Мердока и удержала их, сделала легкий жест рукой цвета слоновой кости. И в этом жесте, как и в словах «ведьмино мясо», землянин ощутил ту же скорбь, которая была словно частью помещения, частью загадки.

— Да, фоанн теперь только три. И уже много лет нас только три, о человек из другого мира и времени. А скоро, если враги победят, будет уже не три — ни одной не будет!

— Но... — Росс все еще не пришел в себя. Он знал со слов Локета, что, по мнению грабителей, фоанн очень мало, что они представители древней умирающей расы. Но трудно было поверить, что от всего народа остались только три женщины.

И он получил ясный и четкий ответ на свое невысказанное удивление.

— Нас может быть только три; но у нас остается сила. И иногда эта сила, очищенная временем, становится еще больше. Но сейчас, кажется, время не на нашей стороне, а на стороне наших врагов. Итак, рассказывай, почему пираты теперь выступят вместе с фоаннами. Расскажи нам, младший брат!

И Росс рассказал о том, что видел, что узнали от пленников, захваченных в Кин Эдде, Тино-рау и Тауа. А когда он кончил, три фоанны стояли совершенно неподвижно, взявшись за руки. И хотя они находились от Росса на расстоянии вытянутой руки, у него появилось ощущение, что они очень далеко от этого времени и

мира. И так далеко они ушли, что Росс осмелился задать Эшу один из кипевших в нем вопросов.

— Кто они?

Гордон Эш покачал головой.

— Не знаю. Остатки очень древней расы, которая обладает силой и знаниями, отличными от того, во что мы верили столетиями. Мы слышали о ведьмах. Сейчас легенды о них развенчиваются. Но фоанны оживляют эти легенды. И говорю тебе: если они выпустят на свободу эти силы, — он помолчал, — будет такая война, какой этот мир, вообще никакой мир не знал.

— Это так. — Фоанны вернулись оттуда, куда удалялись. — Это правда, вернее, одна сторона правды. Пираты правы, когда говорят, что мы сохраняем равновесие в этом мире. Если бы нас было столько, сколько некогда, захватчики вообще ничего не могли бы сделать. Но нас только три, и к тому же — разве имеем мы право развязывать катастрофу, которая ударит не только по врагам, но может отозваться и на невинных? Довольно уже смертей. И мы не станем больше просить наших слуг защищать пустую скорлупу. Мы своими глазами посмотрим на этих захватчиков, проверим, что они могут. Жизнь постоянно меняется, и если слишком застыть, раса стареет и умирает. Может, и мы слишком застыли. Но пока не увидим, в чьих руках будущее, мы не примем никакого решения.

Против этого окончательного вердикта невозможно было возразить. На этих женщин не могут повлиять слова.

— Гордоон, нам многое нужно сделать. Возьми с собой своего младшего брата и присмотри за ним. Когда все будет готово, мы придем.

Только что Росс стоял на ковре из живого мха. И вот... он в обычной комнате, с четырьмя стенами,

с потолком, полом, в углах стоят светящиеся стержни. Он ахнул.

— Меня тоже в первый раз это ошеломило, — услышал он голос Эша. — Прими немного, успокойся.

В руке он держал чашу с прекрасной резьбой, розово-красную, в форме цветка. Росс дрожащими руками поднес ее к губам, отхлебнул добрую треть содержимого. Жидкость, одновременно острая и сладкая, охладила рот и горло, но согрела внутренности, и это тепло разливается по всему телу.

— Как они это делают?

Эш пожал плечами.

— Как делают сотни других вещей, которые я здесь видел? Нас телепортировали. Понятия не имею, как это делается. Просто часть «волшебства» фоанн, как могут сказать зрители. — Он сел на стул, вытянув перед собой длинные ноги. — Другие миры, другие обычаи — они могут совершенно сбить с толку. Насколько мне известно, их волшебство не может действовать, но оно действует. Ну, ладно. Ворота времени видел? Они действуют?

Росс поставил пустую чашку и сел рядом с Эшем. Как можно точнее и короче описал все случившееся с ним, Карарой и дельфинами после того, как их втянуло в ворота. Эш не задавал вопросов, но его выражение лица было знакомо агенту Россу: с таким выражением Эш всегда выслушивал и взвешивал отчеты. Когда младший агент кончил, Эш произнес только два слова:

— Возврата нет.

Так многое произошло за короткое время, что первоначальный шок Росса от утраты ворот времени сгладился, забылся из-за постоянной необходимости напрягать все ресурсы мозга, все свои умения и силы. И даже сейчас вывод Эша казался малозначительным по сравнению с предстоящей неизбежной борьбой.

— Эш... — Росс потер руки, стряхивая песчинки. — Помните пилоны и пустой берег за ними? Неужели лысые выиграют?

— Не знаю. Никто до сих пор не пытался изменить ход истории. Может, это вообще невозможно, даже если мы попытаемся. — Эш снова встал и принялся расхаживать взад и вперед.

— Что попытаетесь, Гордоон?

Росс повернулся, Эш остановился. Одна из фоанн стояла в комнате, волосы ее на плечах шевелились, словно ими играл легкий ветер.

— Попытаемся изменить будущее, — объяснил Эш, принимая эту материализацию со спокойствием человека, не раз бывшего уже свидетелем таких появлений.

— А, да, ваши путешествия во времени. И ты думаешь, что сейчас у нашего бедного мира появился шанс? Не знаю, Гордоон, можно ли вообще изменить будущее и мудро ли пытаться это сделать. Но также... мы должны увидеть врага, прежде чем выбирать тропу. Теперь нам пора идти. Младший брат, как ты собирался покинуть это место, сделав свое дело?

— Через морские ворота. У меня под причалом спрятано запасное снаряжение для подводного плавания.

— И корабли пиратов ждут тебя в море?

— Да.

— Тогда мы пойдем твоим путем, потому что наши корабли уничтожены.

— У меня только один запасной жаберный ранец... И там есть подводная лодка лысых.

— Да? Тогда испробуем другой путь, хотя он временно уменьшит нашу силу. — Она слегка наклонила голову, словно прислушиваясь. — Хорошо! Наши люди уже на пути к безопасности. И то, что найдут ворвавшиеся, мало им поможет. Тайны фоанн останутся тайнами. Хотя они постараются, о, как они будут ста-

раться разгадать их! Но есть знание, доступное только определенному типу ума, для остальных же оно всегда недостижимо. А теперь...

Она протянула руку, прижала ее ко лбу Росса.

— Думай о корабле пиратов, младший брат, постарайся мысленно увидеть его! Постарайся для меня увидеть все очень ясно.

И вот он видит корабль Торгула, видит в подробностях. Он и не знал, что помнит такие подробности. Палуба затемнена, только на мачте горит фонарь. Палуба...

Росс сдавленно вскрикнул. Он видит ее не мысленно, видит глазами! Невольно взмахнув рукой, он болезненно ударился о дерево. Он на корабле!

Сдавленное восклицание сзади, потом крик. Эш, Эш тоже здесь, а за ним три фигуры в плащах — фоанны. Они и правда прошли своим особым путем.

— Ты... Росс... — перед ним оказался Вистур, на лице его смесь изумления и страха. — Фоанны... — шепотом произнес он, и его шепот подхватили другие моряки, которые не торопились подходить ближе.

— Гордон! — Карара протиснулась между гавайкицами и побежала по палубе. Она ухватилась за Эша обеими руками, чтобы убедиться, что он на самом деле здесь перед ней. Потом повернулась к трем фоаннам.

На лице полинезийской девушки появилось странное выражение, вначале страх, потом удивление. Стоявшая в центре фоанна достала из-под плаща жезл с сверкающей ручкой. Карара выпустила руку Эша, сделала шаг вперед, потом другой. Теперь ручка жезла находилась прямо перед ней на уровне груди. Она подняла обе руки, накрыла ими ручку, не касаясь ее непосредственно. Искры, бившие из этого утолщения, как будто проходили через ее тело, но Карара не замечала этого. Она еще выше подняла руки, ладонями

вместе, словно несла в них что-то, потом развела их, утратив то, что держала.

Моряки ахнули: жест Карары был уверенным, словно она знала, что делает и почему. И Росс услышал, как перевел дыхание Эш, когда земная девушка повернулась, присоединяясь к фоаннам.

— Великие пришли с миром, — сказала она. — Они хотят, чтобы никакого вреда не было причинено кораблю и тем, кто плывет на нем.

— Чего хотят от нас великие? — Торгул приблизился, но не совсем.

— Поговорить с теми, кого вы называете своими пленниками.

— Пусть так и будет. — Капитан поклонился. — Пусть исполнится желание великих.

Глава 15

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВИТВЕ

Росс лежал, вслушиваясь в спокойное дыхание в каюте. Он только что проснулся, но, как всегда, мгновенно перешел от сна к бодрствованию. Однако не шевелился. Эш еще спал.

Эш. Он считал, что знает его, как один человек может знать другого. Эш, занявший в жизни одинокого Росса Мердока место семьи. Годы... четыре года как они партнеры.

Он повернул голову, хотя не мог разглядеть это худое тело, спокойное волевое лицо. Эш выглядит все так же, но... Росс ощущал глубокое чувство утраты, смешанное с гневом. Что они сделали с Гордоном, эти три женщины? Околдовали? Предания, которые земляне в течение столетий считали чистой фантазией,

пришли ему в голову. Неужели и на его родной планете были свои фоанны?

Росс нахмурился. Невозможно опровергнуть их волшебство, даже если назвать его научным словом... Допустим, гипнозом... телепортацией. Они добиваются результатов, и эти результаты впечатляют. Но он вспомнил предупреждение, несколько часов назад сделанное самими фоаннами. Их возможности ограничены: они напрягают умственную и физическую энергию, и она истощается. Таким образом, у них свои преграды.

Росс снова подумал об этих преградах. Карара сумела понять чужаков, обмениваться с ними мыслями даже лучше, чем Эш. Способность, которая позволяла ей общаться с дельфинами, помогла и с фоаннами. Эш и Карара могут войти в их круг, но Росс Мердок не может. И вместе с ощущением оторванности от Эша он испытал унижение, подчиненность, и чувство это было очень неприятным.

— Легко не будет.

Итак, Эш не спит.

— Что они могут сделать? — спросил в ответ Росс.

— Не знаю. Не думаю, что они могут телепортировать целую армию на базу лысых, как надеется Торгул. И ничего хорошего не даст этой армии встреча с оружием лысых, даже если они туда и попадут, — сказал Эш.

На мгновение Росс ощутил тепло и комфорт: это тон прежнего Эша. Эш изучает проблему, хочет выяснить все затруднения, как всегда делал раньше.

— Нет, открытое нападение не ответ. Нам нужно больше знать о противнике. Одно удивляет меня: почему лысые вдруг ускорили ход своих действий.

— А почему вы так считаете?

— Согласно рассказам, которые я слышал, прошло три или четыре года, как в местную цивилизацию начали проникать какие-то чуждые новации...

— Такие, как притягивающие устройства на рифе у замка Захура? — Росс вспомнил рассказ Локета.

— Это и кое-что другое. Двигатели на этих кораблях... Торгул сказал, что они распространяются среди пиратов от флота к флоту; и никто не знает, где все началось. Лысые начинали медленно, но сейчас они вдруг стали действовать гораздо быстрее. Например, все эти недавние нападения на острова. И это нападение на крепость фоанн, начавшееся буквально в одну ночь под каким-то несущественным предлогом. Почему такая перемена при медленном начале?

— Может, они решили, что теперь туземцев легко одолеть, что у них больше нет серьезных противников, — предположил Росс.

— Может быть. Уверенность в своих силах становится высокомерием, если не встречаешь достойного противника. А может, что-то заставляет их торопиться. Если бы мы знали, зачем им эти пилоны, мы могли бы догадаться о причине их действий.

— И вы попытаетесь изменить будущее?

— Это тоже звучит высокомерно. А можем мы это сделать, даже если захотим? На Земле мы на это никогда не решались. И риск может быть сильнее всех наших опасений. К тому же не нам делать выбор.

— Я одного не понимаю, — сказал Росс. — Почему фоанны ушли из своей крепости, оставили ее беззащитной перед врагами? А как же их стражники? Они их тоже оставили? — Он пытался найти хоть какой-то недостаток в чужаках.

— Большинство их людей уже ушли подземными ходами. Остальные начали уходить, когда затонули корабли, — ответил Эш. — А почему они оставили крепость, я не знаю. Решение принимали они.

Вот оно — опять между ними барьер. Но на этот раз Росс отказался смириться, он решил вернуть Эша в привычный мир теперь и здесь.

— Возможно, это приманка, самая хитроумная на планете! — Мысль высказана просто для того, чтобы привлечь внимание Эша. Но высказав ее, Росс понял, что, может быть, он прав. Прекрасная приманка для лысых.

— Разве вы не видите? — Росс сел, спустив ноги с койки, и оживленно продолжал: — Разве не видите... если лысые хотят больше узнать о фоаннах, а готов биться на что угодно, хотят, они обязательно придут в их крепость. Не захотят опираться на сообщения из вторых и третьих рук, сообщения таких дикарей, как грабители кораблей. У них там подводная лодка. Экипаж, наверно, прямо сейчас охотится за добычей!

— Ну, многого они не найдут, — голос Эша прозвучал насмешливо. — Замки фоанн лучше ключей их врагов. Ты ведь слышал, что сказала Инлан: тайны останутся тайнами.

— Но это приманка — приманка для западни! — настаивал Росс.

— Ты прав! — К радости младшего агента, Эша охватил энтузиазм. — И лысых можно заставить поверить, что нужное им легко получить, стоит только приложить еще немного усилий, применить необходимые инструменты...

— И западня не только для подчиненных! — тоже с энтузиазмом воскликнул Росс. — В операции будут участвовать все их главари! Как это все организовать? Есть ли у нас время?

— Ловушку должны расставить фоанны; наша же роль начнется, когда ловушка захлопнется. — Эш снова стал задумчив. — Но сейчас это наш единственный ход, у которого есть хоть какая-то надежда на успех. И подействует он, только если согласятся фоанны.

— И действовать нужно быстро, — заметил Росс.

— Да, понимаю. — Эш прошел к выходу из каюты, фигура его темным силуэтом мелькнула на более свет-

лом фоне. — Если Инвалда согласится... — Он вышел, и Росс за ним.

По просьбе самих фоанн им отвели помещение на носу, где с помощью запасного паруса сделали палатку. И пираты не приближались к ней. Эш коснулся клапана, послышался мелодичный голос:

— Ты нас ищешь, Гордоон?

— Важное дело.

— Да, важное, мы слышим твои мысли. Входите, братья!

Клапан поднялся, за ним клубился... туман?... свет?... полосы бледного цвета? Росс так никогда и не смог описать увиденное, но там были фоанны, он различал их по движению волос, по сливающимся цветам их одежды.

— Итак, младший брат, ты думаешь, что наш дом и сокровищница теперь западня для тех, кто считает нас своими врагами?

Почему-то Росс не удивился, что они узнали о его плане еще до того, как он сказал хотя бы слово, прежде чем Эш начал объяснения. Всеведение — только малая часть их способностей.

— Да.

— А почему ты так считаешь? Мы ручаемся, что береговых жителей не заманить в определенные части крепости, как морские ворота нельзя миновать, если мы того не хотим.

— Но я проплыл через морские ворота, и подводная лодка уже была там. — Росс испытал... удовольствие?.. Что ж, можно сказать и так. Все-таки в защите фоанн есть уязвимые места.

— Это верно. В тебе, младший брат, есть нечто — одновременно и недостаток, и преимущество. И правда, что подводный корабль вошел вслед за тобой. Может быть, в нем есть какая-то защита; может, люди со

звезд обладают каким-то щитом. Но того, что им нужно, они не достигнут, если мы сами не откроем перед ними двери. Ты считаешь, младший брат, что они попытаются сломать эти двери?

— Да. Они знают, что за ними можно что-то узнать, и попытаются пройти в них. Ни за что не оставят их в покое. — В этом Росс был совершенно уверен. Его встречи с лысыми не позволили ему вполне понять их. Но то, с какой тщательностью и безжалостностью они уничтожали станции времени красных, показывало, как они реагируют на то, что считают угрозой для себя.

От пленных, взятых в Кин Эдде, Росс знал, что лысые считают своим главным врагом на планете фоанн, хотя представители древней расы до сих пор им ничем не мешали. Отсюда следовало, что, захватив их крепость, лысые постараются проникнуть во все их тайны.

— Ловушка с хорошей наживкой...

Кто из фоанн это сказал? — подумал Росс. Непривычно видеть только клубы разноцветного тумана и слышать бестелесные голоса. Часть сценических декораций, решил он, для того, чтобы укрепить свой престиж перед другими расами. Ведь они всего три женщины, и им нужны такие подкрепления своей власти.

— Ну, младший брат, ты, кажется, начинаешь понимать нас! — Смех, мягкий, но, несомненно, смех.

Росс нахмурился. Он не чувствовал умственного контакта с фоаннами, как с дельфинами. Но не сомневался в том, что они читают его мысли. По крайней мере некоторые из них.

— Некоторые, — услышал он подтверждение из тумана. — Не все. Не так, как у твоего старшего брата или девушки: их разум встречается с нашим. А с тобой, младший брат, мысль здесь, мысль там, и только наша интуиция соединяет их в единое целое. Но теперь нам предстоит серьезная разработка плана. Ты, зная врага,

считаешь, что он будет искать то, что найти не сможет. Но ведь у врага есть оружие, о котором ты не знаешь, верно, младший брат? Хоть пираты и храбры, их мечи бессильны перед пламенем, а руки — перед убийцей, который поражает их на расстоянии. Что же остается, Гордоон? Чем мы можем воспользоваться?

— Но у вас тоже есть оружие, — ответил Эш.

— Да, есть, но оно уже давно использовалось только в одном отношении и настроено на другую расу. Разве наша защита удержала тебя, Гордоон, когда ты захотел доказать нам, что ты не тот, за кого мы тебя принимали? Разве помешала она твоему младшему брату пройти морские ворота? И мы не можем доверять этой защите: ведь у чужаков и разум чужой. Только проверка покажет, выстоит ли наша защита, но при этом мы можем изведать горький вкус поражения. Рисковать всем и, возможно, потерять все.

— Наверно, это правда, — согласился Эш.

— Ты имеешь в виду то, что вы видели в нашем будущем? Да, поставить все и рискнуть — не только самими собой, но и всей жизнью планеты — это серьезное решение, Гордоон. Но ловушка многообещающая. Подумаем об этом. Посоветуйся с пиратами, если они согласны принять участие в этой отчаянной попытке.

Торгул расхаживал по палубе, подальше от палатки фоанн, но сразу посмотрел на нее, когда Росс объяснил, что возможно успешное нападение.

— Эти убийцы женщин не боятся волшебства фоанн. Конечно, они придут посмотреть. И мы сможем захватить их предводителей.

— Ты ведь слышал, что сказали пленники. Да, они будут искать, и мы сможем их захватить...

— Но с чем? — спросил Торгул. — Я не Онгал, который считает, что лучше погибнуть в схватке, но при-

хватить с собой хоть одного врага. Какие у нас шансы против их силы?

— Спроси у них! — Росс кивнул в сторону палатки.

И тут же появились три фоанны в плащах, скользнули на середину корабля, где собрались Торгул, его офицеры, Росс и Эш.

— Мы об этом думали. — Голос фоанн звучал песней на рассветном ветру. — Мы хотели бы отступить, переждать беспокойства этой земли, потому что нас мало и то, что мы знаем и можем, нужно сохранить. Но стоит ли теперь хранить все это, если нам некому будет передать? И если ты видел правду, старший брат, — головы в капюшонах повернулись к Эшу, — ни у кого из нас нет будущего. Но наши возможности тоже ограничены. Пират, — теперь они обратились непосредственно к Торгулу, — мы не можем перенести твоих людей в крепость по своему желанию, нам нужна помощь, которая сейчас недоступна для нас. Нет, мы сами, физически, должны оказаться там... и тогда, может быть, удастся затянуть сеть...

— Провести корабль через ворота... — начал Торгул.

— Нет, не корабль, капитан. Несколько воинов в воде смогут пройти через ворота, корабль не сможет.

Вмешался Эш.

— Сколько у нас жаберных ранцев?

Росс торопливо подсчитал.

— Один спрятан у причала. Есть ранцы у меня, Карары, Локета... и еще два.

— Нам, чтобы пройти ворота, — это фоанны, — ваша помощь не нужна.

— Вы, — сказал Росс Эшу, — и я с ранцем Карары...

— Этот ранец для Карары!

Оба землянина оглянулись. Полинезийка стояла рядом с фоаннами, слегка улыбаясь.

— Это и мое дело, — убежденно заговорила она. — И дело Тино-рау и Тауа. Разве я не права, дочери Алии этой планеты?

— Да, дева моря. Существует различное оружие, и не все оно принадлежит только воинам. Не для всякого оружия нужна мужская сила. Да, это и твое дело, сестра.

Росс не мог спорить, приходилось согласиться с окончательным решением фоанн. И похоже, ход дела определяют эти три женщины, а не те, кто опытен в таких делах. А Эш согласен с их предводительством.

И вот странное общество пустилось в путь на расвете. Локет крепко держался за свой ранец, он настоял, что будет одним из пловцов, и фоанны с этим согласились. Поплыли Росс, Эш, Локет и Балеку, молодой офицер с корабля Онгала, считавшийся лучшим пловцом во флоте. А также Карара и дельфины. И три тени, спокойно плывшие в воде, невозмутимо, словно они находились в своей палатке. Впереди резвились дельфины. Тино-рау и Тауа весело играли вокруг фоанн. Когда все оказались в море, дельфины устремились к берегу.

Может быть, подводная лодка в гавани излучает такой же смертоносный луч, как в Кин Эдде? Но если это так, дельфины предупредят.

Росс плыл легко. Сзади Эш, слева Локет, чуть позади Балеку, а впереди Карара, напрасно пытавшаяся соперничать с дельфинами. И в стороне, слева, — фоанны. Очень странная группа вторжения, особенно если учесть, что ждало ее впереди.

Этим утром ни туман, ни буря не скрывали берег, на котором стояла крепость фоанн. В усиливающемся свете ясно были видны устои морских ворот. Росса охватило обычное возбуждение, которое он всегда испытывал перед началом решительных действий; но те-

перь он ощущал и легкое сомнение, когда вспоминал, что ведет их группу не Эш, а эти загадочные фоанны.

Никакого предупреждения, никаких неожиданностей. Они миновали столбы ворот. Росс прислушивался к своему соннику, но этот чувствительный прибор молчал. Ужасный холод, который он испытал в морской воде накануне, исчез, но кое-где плавали мертвые морские животные и водоросли, их трепали волны.

Они уже миновали ворота, когда Росс увидел, что Локет изменил позицию и устремился вперед. За ним двигался Балеку. Они поравнялись с Карарой, обогнали ее.

Росс взглянул на Эша, потом на фоанн, но не увидел никаких объяснений действий двух гавайкийцев. И тут послышался сигнал сонника. Сообщение Эша:

— Опасность... следуй за фоаннами... налево.

Карара уже сменила курс, направляясь туда. Впереди Росс по-прежнему видел Локета и Балеку, они приближались к причалу и к затопленным там кораблям. Эш проплыл мимо него, и Росс неохотно выполнил приказ.

От крутой стены берега отходил мыс, в нем зияло темное отверстие. Фоанны без колебаний направились к нему, Эш, Карара и Росс — за ними. Несколько мгновений спустя они выбрались из воды, перед ними полого вверх уходил камень. А за ними высывали из воды головы Тино-рау и Тауа, они «говорили». А Карара поторопилась им ответить.

— Локет... Балеку... — начал Росс и тут же уловил такой невыносимый гнев, что разум его похолодел. Он смотрел на фоанн, удивленный и чуть испуганный.

— Они не придут — сейчас. — В воздухе протянулся жезл с утолщенной рукоятью, указал на подъем. — Никто из их крови не придет, если мы не победим.

— Но что случилось? — спросил Эш.

— Ты был прав, очень прав, человек из времени! Не так-то легко справиться с этими захватчиками. Они об-

ратили против нас одну из наших собственных защит. Локет, Балеку и все остальные из их племени — они теперь слепое орудие в руках хозяев. Теперь они принадлежат врагу.

— И мы так быстро потерпели поражение? — спросила Карара.

Снова гневный удар, почти физически ощутимый.

— Поражение? Нет, мы еще даже не начали схватку! Ты был прав: это враг, с которым нужно сразиться, даже рискуя погибнуть! А теперь мы должны сделать то, что никто из нашей расы не делал множество поколений, — мы должны открыть три замка, распахнуть Великую Дверь и найти Хранителя Скрытого Знания!

Из конца жезла устремился яркий луч. Фоанны последовали за лучом, за ними трое землян... двинулись в неизвестность.

Глава 16

ВЕЛИКАЯ ДВЕРЬ ОТКРЫВАЕТСЯ

Не пустота прохода, которым явно не пользовались очень давно, подействовала Россу на нервы, заставила Карару схватить за руки двух мужчин, между которыми она шла; нет, потрясающее ощущение древности, мертвого тяжелого прошлого, земляне задыхались от него и дышали с трудом.

Выдохи Карары перешли во всхлипывания. Но она продолжала идти, не отставая от Росса и Эша. Росс сам почти не обращал внимания на окружение, но небольшая часть его мозга продолжала задавать вопросы, на которые не было ответов. Прежде всего: почему прошлое так обрушивается на них именно здесь? Он путешествовал во времени раньше, но никогда не ощущал бесчисленных мертвых и умирающих лет.

— Возвращаемся... — Хриплый шепот Эша; Россу показалось, что он понял.

— Ворота времени! — Он с готовностью ухватился за это объяснение. Ворота времени он может понять, но то, что фоанны ими пользуются...

— Не нашего типа, — ответил Эш.

Но его слова нарушили очарование, в котором Росс тонул, как в зыбучем песке. Он начал сопротивляться с решимостью, которой не могло подавить это странное место. Но несмотря на все усилия, Росс не мог отчетливо разглядеть, где находится. Вначале они шли по поднимающейся от моря рампе, но где они сейчас, куда идут, взявшись за руки, Росс не мог сказать. Он видел блеск фоанн; повернув голову, видел неясные очертания товарищей, но вокруг все было погружено во тьму.

— Ахххх! — всхлипывания Карары уступили место шепоту, почти стону. — Это путь богов, древних богов, богов, которые никогда не общались с людьми! Нельзя идти дорогой таких богов!

Ее страх перекинулся на Росса. Но Росс встретил эту эмоцию так же, как множество раз встречал в своей жизни страх. Конечно, он испытывает это давление, теперь уже не давление бесчисленных столетий прошлого, но описать не может.

— Не наши боги! — Росс вложил в эти слова упрямое сопротивление, как щит против собственной слабости. — Там, где нет веры, нет и силы! — Из какой полузабытой книги он это почерпнул? — Нет существа без веры! — повторил он.

К своему изумлению, он услышал смех Эша, хотя в этом звуке слышались истерические нотки.

— Нет веры, нет силы! — повторил старший агент. — Ты поймал нужную рыбу, Росс! Не наши боги живут здесь, Карара, и они не имеют на нас прав. Держись за это, девушка, крепче держись!

Вы, боги моря, неба, лесов,
 Гор и долин,
 Вы, собрания богов,
 Вы, старшие братья нынешних богов,
 Вы, боги, бывшие некогда,
 Вы, что шепчете. Вы, что смотрите из ночи,
 Вы, показывающие ваши блестящие глаза,
 Спускайтесь, просыпайтесь, шевелитесь,
 Идите по этой дороге, идите по этой дороге!

Карара запела, вначале негромко, потом все увереннее, пела на собственном мелодичном языке, переводила на английский, словно хотела заручиться поддержкой товарищей. В голосе ее зазвучало торжество, и Росс почувствовал, что он разделяет ее чувства. «Идите по этой дороге!» — подхватил он, как требование.

Сокрушающее ощущение бесчисленных лет оставалось, оно тянулось к ним, пыталось охватить их, овладеть ими. Но они чувствовали себя свободными. И теперь они могут видеть! Посветлело, рядом с ними обычные стены. Росс протянул руку и коснулся жесткой поверхности камня.

И снова на них обрушилось вкрадчивое давление из-за пространства и времени, когда стены отошли в сторону и они оказались в обширном пространстве, границ которого не видели. Здесь чувствовалось чье-то могучее присутствие, чья-то воля давила на людей.

— Спускайтесь, просыпайтесь, шевелитесь... — Мольба Карары снова перешла в шепот, голос ее звучал хрипло, как будто рот пересох, слова произносились сморщенным языком, исходили из сухого горла.

На поверхности появились светлые полосы, они образовали причудливые узоры, один внутри другого. Росс оторвал взгляд от этих рисунков. В них скрывалась опасность, он знал об этом без всякого предупреждения. Карара ногтями впилась ему в тело, и он приветствовал эту боль: она помогала ему помнить,

что он Росс Мердок, удерживала его от чего-то совершенно чуждого.

Рисунки и линии четко вырисовывались на поверхности. И три фоанны, раскачиваясь, словно на неощутимом ветру, маленькими танцующими шагами принялись продвигаться по этим линиям. Земляне оставались на месте, держась друг за друга, черпая друг в друге силы.

Назад, вперед — танец фоанн продолжался, снова плащи их исчезли, появились серебристо-яркие фигуры, они переходили от одного танцевального па к другому. Вначале по внешнему краю, потом внутрь, по спиральям и кругам. Никакого света, кроме алых ручейков на полу, серебристых тел фоанн, движущихся вперед и назад.

И вот неожиданно три танцовщицы остановились, прижались друг к другу на открытом пространстве между рисунками. И Росса поразило впечатление смятения, сомнения, почти отчаяния, донесшееся до землян. Фоанны двинулись назад, держась за руки, как и земляне, и теперь три женщины остановились перед тремя путешественниками во времени.

— Слишком мало... нас слишком мало... — сказала та, что стояла в середине трио. — Мы не можем открыть Великую Дверь.

— А сколько нужно? — Голос Карары больше не звучал испуганно и хрипло. Она, должно быть, перешла от страха к новому спокойствию.

Почему он тоже так думает, бегло удивился Росс. Может, потому, что сам испытывает то же самое?

Полинезийская девушка высвободила руки, сделала шаг навстречу фоаннам.

— Вместо трех может быть четыре...

— Или пять. — Эш подошел к ней. — Если мы подходим.

Гордон Эш сошел с ума? Или стал жертвой того, что заполняет это место? Но это голос Эша, спокойный, полный здравого смысла, каким и помнит его Росс. Младший агент облизнул губы: теперь у него пересохло в горле. Это не его игра, он не должен в ней участвовать. Однако он набрался сил и сказал:

— Шесть...

Ответ фоанн звучал предупреждением:

— Чтобы помочь нам, вы должны отбросить свою защиту, позволить своим личностям слиться с нами. И, сделав это, вы, возможно, никогда не станете прежними, вы изменитесь.

— Изменитесь...

Слово отозвалось откликом, может быть, не в том пространстве, где они стоят, но в голове Росса. Такому риску он раньше никогда не подвергался. Он часто рисковал в прошлом, но опирался при этом на свой ум и силы при решении проблемы. Здесь он должен открыться силам, с которыми не хотел бы встретиться, подвергнуться опасности, которой не существует там, где победа решается оружием и силой рук.

Да и вообще это не его борьба. Какое дело землянам до того, что десять тысяч лет назад произошло с гавайкийцами? Он глупец; они все глупцы, что позволили себе вмешаться. Лысые и их звездная империя — даже само существование этой империи — пока всего лишь предположение — исчезли задолго до того, как земляне вышли в космос.

— Если мы вам поможем, — спросил Эш, — сможете вы победить захватчиков?

Недолгое молчание, потом фоанны ответили:

— Мы не можем сказать. Знаем только, что в прошлом, за воротами, таится сила, которую мы можем вызвать крайним напряжением воли. Но знаем мы и то, что теперь нашу планету стремится покрыть Тьма,

а там, куда упала Тьма, люди перестают быть людьми, они превращаются в злые существа в человеческом облике и подчиняются, как создания, лишённые разума. Пока что Тьма невелика. Но она увеличивается, это в природе породивших ее. Они наткнулись на силу, известную нам, и исказили ее. Эта сила питается волей к власти. Воспользовавшись ею однажды, они уже не могут остановиться: легко начать, но результаты будут совсем не такими, на какие рассчитывали начинающие.

— Вы говорили, что вы и другие путники во времени опасаетесь изменить прошлое. Здесь были сделаны первые шаги, чтобы изменить будущее, и если мы не примем меры защиты, будущего у нас просто не станет.

— И это ваше единственное оружие? — снова спросил Эш.

— Единственное достаточно сильное, чтобы справиться с тем, что высвободилось теперь.

Линии на поверхности засветились ярче. И хоть Росс закрыл глаза, он все равно видел эти горящие рисунки.

— Мы не знаем как, — решил он высказать свое слабое возражение. — Мы не можем двигаться, как вы.

— Отдельно — нет, но вместе с нами — сможете.

Серебристые фигуры снова начали раскачиваться, туман, окутывавший их волосы, распространялся. Карара подняла руку, и тонкие пальцы одной из фоанн встретились со смуглыми пальцами земной девушки. И Эш сделал то же самое!

Россу показалось, что он закричал, но он не был в этом уверен. Он увидел, как голова Карары начала покачиваться в такт движениям фоанн, ее черные волосы извивались на плечах, как серебристые волосы этих загадочных женщин. Эш сознательно подражал движениям фоанн, и они увлекали его в свой танец по огненным линиям.

И в последнее мгновение Росс понял, что момент для отступления упущен, ему некуда отступать. Руки его взметнулись, словно не по его воле, он испытывал ужас перед дальнейшим. Но не мог оставить своих товарищей.

Прикосновение фоанны было прохладным, но ему показалось, что обычная плоть коснулась плоти, пальцы сжали пальцы. И тут он ахнул. Весь ужас исчез; он испытал необыкновенный прилив энергии и знал, что может направлять и использовать эту энергию, как оружие. Ноги нужно поставить так... и вот так... Может, эти указания без слов исходили от фоанны, через ее пальцы прямо ему в нервы, а по ним — в мозг? Он только твердо знал, каким должно быть следующее движение, а потом следующее, и еще, и его движения присоединялись к общему обязательному рисунку.

Четыре шага вперед, один назад, внутрь и наружу. Слышит ли Росс на самом деле негромкую музыку, похожую на речь фоанн, или это шум его крови? Внутри и наружу... Он не знал, что стало с другими; осознавал только собственную тропу, руку в своей руке, серебристую фигуру рядом с собой, к которой он теперь привязан крепче, чем сетью пиратов.

Огненные линии у него под ногами задымились, щупальца дыма поднимались и извивались, как волосы фоанн. Дым окутывал его тело. Теперь они двигались в дымном коконе, он становился все гуще и гуще, и теперь Росс не мог видеть даже сопровождавшую его фоанну, только чувствовал по-прежнему пожатие ее руки.

И какая-то маленькая частичка его сознания продолжала отчаянно цепляться за это последнее реальное ощущение, связь между реальным миром и тем местом, куда он уходит.

Как найти слова, чтобы описать это? Росс думал об этом той упрямой частью мозга, которая все еще при-

надлежала Россу Мердоку, земному агенту во времени. Ему казалось, что он больше не видит глазами, не слышит ушами, что у него проснулись другие чувства, которых не может быть у человека.

Пространство... не помещение... пещера — что-то реальное. Пространство, в котором что-то содержится.

Чистая энергия? Земной мозг пытался найти название для того, у чего не может быть названия. Может, именно эта искорка памяти и сознания дала ему мгновение «Видения». Трон? И на нем мерцающая фигура? На него посмотрели, оценили... и отложили в сторону.

Раздавались вопросы, которых он не слышал, и ответы, которых не понимал. И происходило ли это вообще?

Росс скорчился на холодном полу, совершенно опустошенный. Ничего не осталось от энергии и чувства здоровья и полноты ощущений, которое появилось у него в начале этого призрачного путешествия. Вокруг по-прежнему тускло горели рисунки. И когда он смотрел на них, у него начинала тупо болеть голова. Он почти начинал понимать, но был слишком истощен, чтобы сделать последнее необходимое усилие...

— Гордон?..

Руку его больше не сжимали; он один, один между двумя мерцающими рисунками. Одиночество обрушилось на него с силой физического удара. Он поднял голову, отчаянно пытался разглядеть товарищей.

— Гордон!

На его мольбу ответили:

— Росс?

Встав на четвереньки, Росс из последних сил пополз в том направлении, время от времени останавливаясь и закрывая глаза руками, всматриваясь в щели между пальцами в поисках Эша.

Вот и он, спокойно сидит, голова поднята, словно он к чему-то прислушивается. Щеки его впали; вид у него изможденный, как у человека, исчерпавшего до

предела все жизненные силы. Но на лице его мир. Росс подполз, положил руку на колено Эша, только чтобы убедиться, что это не иллюзия. Пальцы Эша легли на руку младшего агента, сжали их, как недавно сжимала фоанна.

— Мы это сделали, сделали вместе, — сказал Эш. — Но где... почему?..

Вопросы эти адресованы не ему, Росс знал это. Но в этот момент молодому человеку было все равно, где они и что сделали. Достаточно, что кончилось ужасное одиночество, что рядом с ним Эш.

По-прежнему держа Росса за руку, Эш повернул голову и позвал в светящееся пространство: «Карара?»

Она подошла к ним, не ползла, не шаталась из-за истощения, подошла прямо. По плечам ее по-прежнему извивались темные волосы — да темные ли они? Казалось, в них мелькают светлые огоньки, волосы Карары приобрели светлый оттенок, напоминающий серебро фоанн. И кажется ему, подумал Росс, или действительно кожа ее стала светлее?

Карара улыбнулась им сверху вниз и протянула обоим руки. И когда Росс коснулся ее руки, он снова испытал прилив энергии, как и в тот раз, когда следовал за фоанной туманным лабиринтом.

— Пошли! У нас много дел.

Он не может ошибиться: в ее голосе звучит напевность фоанн. Каким-то образом она пересекла некий барьер, стала бледным, несовершенным, но все же подобием трех чуждых женщин. Может, именно это они имели в виду, когда предупреждали, что те, кто последует за ними, могут измениться?

Росс беспокойно перевел взгляд с девушки на Эша. Нет, в Гордоне он не видит никаких внешних перемен. И в себе тоже их не чувствует.

— Идемте! — Отчасти вернулась прежняя порывистость Карары, девушка помогла им встать на ноги и

поташила за собой. Казалось, она знает, куда идти, и мужчины пошли за ней.

Снова вышли они из чуждого и странного в нормальный мир, вокруг каменные стены прохода, подъем становится таким крутым, что приходится держаться за неровности в стенах.

— Куда мы идем? — спросил Росс.

— Очищать, — загадочно ответила Карара. Она продолжала подниматься, почти не держась за стены. — Но торопитесь!

Они закончили подъем и оказались в другом коридоре, в него сквозь щели в стене пробивались ослепительные лучи солнца. Похоже на проход в стене замка Захура.

Росс через первую же щель выглянул наружу и увидел двор. Но если двор замка Захура был полон жизни, здесь все тихо. Тихо, но не пустынно. Внизу люди, с оружием, в шлемах. Он узнавал форму воинов из рода грабителей кораблей, видел серые фигуры слуг фоанн. Стояли они рядами, неподвижно, не разговаривали друг с другом, как будто приготовились к какой-то игре, в которой они безголосые, безвольные пешки.

И в этой их неподвижности было что-то пугающее. Неужели они мертвы, но продолжают стоять?

— Идемте! — Карара говорила шепотом, рукой она торопила мужчин.

— Что?.. — начал Росс.

Эш покачал головой. Эти неподвижные ряды внизу, готовые двинуться по команде... Они не живы — в том смысле, в каком земляне понимают жизнь.

Росс оставил свой наблюдательный пункт, готовый идти за Карарой. Но не мог забыть картину этих неподвижных рядов, эти полные безразличия, как маски, лица стоявших людей, делающие их даже более чуждыми, чем лица фоанн.

Глава 17

ТЕНИ ПРОТИВ ТЬМЫ

Коридор привел в узкую комнату, и стена впереди — не обычный камень крепости, а сплошная плита, похожая на стекло.

Здесь находились и фоанны, снова в плащах. Каждая держала концом наружу жезл. Они двигались медленно, но точными и уверенными движениями, словно занятые очень важной работой; концами своих жезлов они прощупывали все углубления в плите. Вниз, вверх, вокруг... и ноги их двигались в танцевальном ритме, а жезлы продолжали чертить линии.

— Пора!

Жезлы опустились концами в пол. Фоанны двигались на равном расстоянии друг от друга. Затем, как одна, они подняли жезлы вертикально и с громким звуком соединили их.

Голубые линии, которые они прослеживали на стене, потемнели, слились. Стеклоподобная плита дрогнула, раскололась, упала грудой осколков. И узкая комната превратилась в балкон над большим залом.

Внизу вдоль всего зала шла платформа, и на ней были смонтированы ряды овальных дисков. Диски были повернуты под разными углами, и каждый отражал свет, каждый устремлял отраженный луч на одну из машин, чьи металлические конструкции, оцетинившиеся антеннами, казались странно не к месту в этом зале.

Снова поднялись в воздух жезлы фоанн. На этот раз из их наконечников показались не обычные искры, а мощные лучи света, голубого света, который все темнел и становился почти физически осязуемым внизу.

Когда эти лучи соприкоснулись с овалами, те начали покрываться трещинами и раскололись. Осколки со звоном посыпались на платформу. В дальнем конце за-

ла, где стояли машины, началось движение. Стали ясно видны фигуры. Лысые! Росс выкрикнул предупреждение, увидев, как один из звездных людей поднял оружие и нацелился на балкон, где стояли фоанны.

Молния с треском устремилась к балкону. Копья света встретились с искрами тьмы, последовала вспышка, ослепившая Росса, звук, расколовший мир.

Землянин раскрыл глаза, но увидел не тьму, а ослепительный свет, вспышки, рвавшиеся над ним большими пологими арками. Ослепленный, оглушенный, он попытался вжаться в твердую поверхность, на которой лежал. Но невозможно было укрыться от этой бури света и грома. Пол под ним дрожал и раскачивался, как будто сам был готов расколоться на осколки.

Вся воля и способность двигаться исчезли. Росс мог только лежать и терпеть. Он не знал, что происходит, знал только, что рядом с ним сражаются враждебные силы, питаются за счет друг друга, стараются захватить господство.

Игра лучей света напоминала фехтование, с его выпадами и уклонениями. Росс закрыл рукой глаза, чтобы избавиться от этого невыносимого сверкания. Тело его корчилось в такт энергетическим схваткам. Он чувствовал себя избитым, отупевшим, как человек, много времени пролежавший под огромной тяжестью.

Как это кончилось? Одним ужасающим громовым звуком и схваткой сил? И когда кончилось... часы... дни назад? Время не имело ничего общего с этим. Росс лежал в тишине, которой так жаждало его тело. Потом ощутил прикосновение ветра к лицу, ветра с соленым запахом моря.

Он раскрыл глаза и увидел над собой облачное небо. Потрясенно приподнялся на локте. Сплошных стен больше не было, только груды обломков, как разбитые зубы в оскаленном черепе. Открытое небо, темные облака, дождь.

— Гордон? Карара? — Голос Росса прозвучал слабым шепотом. Росс облизал губы и попробовал снова: — Гордон!

Послышался ли ему в ответ стон? Росс прополз между двумя обрушившимися блоками. Лужа? Нет, это плащ одной из фоанн лежит на полу бывшей комнаты. Росс увидел и Эша. Землянин плечом поддерживает фоанну.

— Инвалда! — требовательно и напряженно позвал Эш. Фоанна шевельнулась, приподняла руку в летящем рукаве плаща.

Росс опустился на корточки.

— Росс... Эш? — Он повернул голову. Там стояла Карара, но вот она подошла, осторожно переступая через обломки, вытянув руки, глаза ее были широко раскрыты, но ничего не видят. Росс приподнялся и пошел ей навстречу, он обнаружил, что недавно прочный пол покачивается под ним; и ему тоже пришлось нащупывать путь руками. Руки его сомкнулись на плечах девушки, земляне искали поддержки друг в друге.

— Гордон?

— Он там. Как ты?

— Думаю, все в порядке. — Голос ее звучал слабо. — Фоанны... Инлан... Инвалда... — Держась за Росса, она попыталась оглядеться.

То, что раньше было сначала узкой комнатой, потом балконом, превратилось в узкий навес над полным хаоса пространством. Исчез зал с овальными дисками, погрузился в углубление в земле, оттуда бил пар, что-то булькало, словно под землей кипел огромный котел.

Карара вскрикнула, и Росс отдернул ее подальше от края пропасти. Теперь в голове у него прояснилось, и он решил попытаться найти выход из этого опасного места. Остальных двух фоанн не было видно. Может, их втянуло в ад, который они сами открыли своим применением энергии против вторжения лысых.

— Росс, смотри! — воскликнула Карара, указывая рукой. Под мрачными надвигающимися грозовыми тучами поднимался шар, как пузырь поднимается к поверхности воды, прежде чем лопнуть. Корабль — корабль лысых улетает из разрушенной крепости! Итак, враг выжил в этом испытании сил!

Шар маленький, разведчик, используемый для испытательных полетов в атмосфере, решил Росс. Вначале он поднимался вертикально, потом полетел в глубь суши, обгоняя надвигающуюся бурю, и через несколько мгновений исчез из вида. Отступает? Или направился за подкреплением?

— Лысые? — спросила Карара.

— Да.

Она рукой вытерла лицо, смешав грязь и сажу на щеках. Дождь пошел сильнее, и Росс увлек девушку в нишу, где укрылись Эш с фоанной. Женщина в плаще сидела, сжимая в руке жезл, теперь наполовину сгоревший.

Эш посмотрел на них так, словно впервые вспомнил о их существовании.

— Корабль лысых только что полетел в глубь суши, — сказал ему Росс. — Других фоанн мы не видели.

— Они ушли делать то, что должны, — ответила спутница Эша. — Итак, кое-кто из врагов бежал. Ну, что ж, может, они усвоили урок и не будут больше вмешиваться со своими механизмами. Ах, как много потеряно теперь такого, что больше никогда не вернется! Никогда...

Она подняла полурасплавленный жезл, поворачивая его перед собой, потом отбросила. Он упал в котел, в который превратился зал. На легко одетых землян обрушился поток холодного дождя.

Эш помог фоанне встать. Несколько мгновений она медленно поворачивалась, разглядывая руины. Потом заговорила:

— Сломанные стены не имеют ценности. Беритесь за руки, мои братья и сестра, нам пора уходить отсюда.

Карара взяла Росса за правую руку, Эш — за левую, оба они в свою очередь взялись за руки с Инвалдой. И тут же оказались во дворе, где под проливным дождем лежало множество тел. Среди них расхаживали две остальные фоанны, время от времени нагибались, осматривая лежавших. Примерно в одном из трех случаев они о чем-то говорили, потом проводили жезлом по некоторым частям лежащего тела. И тогда человек начинал шевелиться, стонать, снова проявлять признаки жизни.

— Росс!.. — Из-за полуобрушившейся стены полз гавайкиец, на котором не было привычного вооружения. Жаберный ранец, маску и ласты с него сняли. На лице у него была царапина, левую руку он прижимал к телу, поддерживая ее правой.

— Балеку!

Пират приподнялся и стоял, покачиваясь. Росс быстро подхватил его и не дал упасть.

— Где Локет? — спросил землянин.

— Убийцы женщин взяли его. — Пират проговорил это с трудом, пока Росс вел его туда, где фоанны собирали тех, кого им удалось оживить. — Они хотели узнать... — Балеку, явно, говорил с большим трудом... — откуда мы пришли... где взяли эти ранцы.

— Итак, они о нас знают или узнают, если Локет им расскажет. — Эш с помощью Росса закреплял сломанную руку пирата. — Сколько их было, Балеку?

Голова пирата медленно повернулась из стороны в сторону.

— Не знаю. Все это... было... как сон. Я плыл через морские ворота. И вдруг оказался в другом месте, где меня ждали эти со звезд. Они отобрали у нас ранцы и пояса и стали спрашивать у нас, откуда это. Локет словно находился в глубоком сне, и они оставили его

и стали расспрашивать меня. Потом послышался громкий шум, пол под нами задрожал, в воздухе засверкали молнии. Двое убийц женщин выбежали из комнаты, и все они были очень возбуждены. Взяли Локета и унесли его, вместе с ним ранцы и все остальные вещи. А меня оставили одного, но я не мог двигаться, как будто лежал в невидимой сети. Потом стало все больше и больше вспышек. В дверях появился один из убийц женщин. Он поднял руку, и ноги у меня освободились, но я мог только идти за ним. Мы прошли по залу и вышли во двор, где неподвижно стояли люди, хотя со стен на них начали падать камни и земля задрожала...

Голос Балеку зазвучал резче, пират заговорил быстрее.

— Тот, что вел меня за собой, вдруг закричал и прижал руки к голове. Побежал в одну сторону, потом в другую, сталкивался со стоящими, однажды наткнулся, словно слепой, на стену. А потом исчез, и я остался один. Камни продолжали падать, один ударил меня по плечу, и я упал на землю. И лежал, пока вы не пришли.

— Так мало... из многих так мало... — Рядом с ними стояла одна из фоанн, по плащу ее стекал дождь. — А что касается этих... — она взглянула на ряды тех, кого не удалось оживить, — для них все кончено. Они погибли так беспомощно, словно вышли на схватку с противником, вооруженным мечом, а у самих руки связаны! Здесь совершено великое зло.

Эш покачал головой.

— Да, зло, Инлан, но не вы его искали. И те, кто беспомощно погиб здесь, может быть, лишь малая доля тех, кто еще будет принесен в жертву. Вы забыли о бойне в Кин Эдде и других островах, где женщин и детей убивали ради цели, о которой мы даже еще не знаем?

— Леди, Великая... — Балеку пытался сесть, и Росс помогал ему. — Та, для которой я готовил брачную чашу, стала мясом для них в Кин Эдде, вместе со многими другими. И если к этим убийцам не приложить

лезвие меча, другие острова испытают ту же участь. Эта Тьма обладает силой, которая делает человека беспомощным и влечет его на смерть. Великая, у тебя есть сила: все знают, что ветер и волна повинуются тебе. Используй свое волшебство! Лучше пасть от известной силы, чем погибнуть от заклинаний, которыми связывают людей эти убийцы!

— Это оружие они больше никогда не смогут использовать, — ответила Инвалда со своего каменного блока. — И, может быть, это было самое опасное их оружие. Но в борьбе с ним мы и сами ослабли. И крепость этих людей не на берегу, а в глубине суши. И их предупредят те, кто бежал отсюда. Ветер и волна, да, в прошлом они не раз нам служили. Но теперь мы узнали, что наша сила не самая сильная! Только за это, — она жестом обвела развалины цитадели, — за это будет и расплата!

Может быть, фоанны и обладали властью над бурями, но нынешний потоп им не подчинялся. Ошеломленные и раненые уцелевшие обитатели крепости скрывались в подземных переходах.

Никаких сведений об армиях грабителей кораблей, осаждавших крепость, кроме тех, что оказались во дворе, не было. Но в ближайшие часы постепенно начали возвращаться те, кто поколениями служил фоаннам. И сами фоанны открыли морские ворота, чтобы корабли пиратов смогли причалить в небольшой гавани под разрушенными стенами.

Не очень серьезная сила, к тому же недостаточно оснащенная, чтобы выступать против лысых. В развалинах нашли тела пятерых звездных людей, но корабль улетел, и остальные будут предупреждены. И, по мнению Росса, преимущество все еще на стороне захватчиков.

Но гавайкийцы не хотели смириться с мыслью, что сила не на их стороне. Как только буря начала стихать, корабль Онгала направился на север, к островам других

кланов, с которыми пираты были в родстве. А Афрут-ка с таким же поручением отплыл на юг. Некоторых из грабителей разослали с предупреждением их лордам. Но вопрос о том, какую силу можно собрать такими средствами и насколько она будет эффективной, оставался открытым, и земляне беспокоились.

Карара вместе с фоаннами исчезла во внутренних переходах под крепостью. Эш и Росс остались с Торгулом и его офицерами, пытаясь внести в окружающий хаос хоть какой-то порядок.

— Мы должны точно знать, где их логово, — высказал основную мысль Торгул. — Вы считаете, в горах, и они оттуда могут летать в своих небесных кораблях. Что ж, — он расправил карту, — вот горы на этом острове, они идут в этом направлении. Любая армия, подходящая к ним, будет замечена с небесных кораблей. К тому же горы очень обширны. Где в них нам нужно их искать? Могут потребоваться десятки дней, чтобы их найти, а они будут знать, где мы, следить за нами сверху, готовиться к нашему приходу...

И снова Росс мысленно оценил способности капитана ухватить самое важное.

— У тебя есть решение, капитан? — спросил Эш.

— Вот здесь река, — задумчиво сказал Торгул. — Может, я думаю прежде всего о воде, потому что я моряк. Но река протекает в нужном направлении, и мы можем по ней приблизиться. — Он указал пальцем. — Но она протекает по территории Кликмаса, а он сейчас самый сильный из лордов грабителей, и его меч всегда был направлен против нас. Не думаю, чтобы мы могли уговорить его...

— Кликмас! — прервал Росс. Оба вопросительно посмотрели на него, и он повторил рассказ Локета о повелителе грабителей, который имеет дела с «силой с гор» и оттуда получил приспособления для притягивания кораблей.

— Вот как! — воскликнул Торгул. — И это злое дело Тьмы с гор! Нет, в таких обстоятельствах не думаю, чтобы мы могли уговорить Кликмаса поддержать наш поход. Ведь эти в горах помогли ему стать главным среди лордов. Наоборот, он скорее выступит против нас.

— Если не использовать корабли на реке, — Эш пальцем ударил по карте, — может, один или несколько небольших отрядов смогут пробраться вот здесь и пересечь реку в предгорьях.

Торгул мрачно разглядывал карту.

— Не думаю. Даже небольшие отряды будут замечены людьми Кликмаса. Тем более если будут направляться в глубь территории. Он не захочет делить свои тайны с другими.

— Но, допустим, отряд с фоанной.

Капитан пристально взглянул на Эша.

— Тогда он не посмеет. Да, я уверен, он не посмеет вмешаться. Не настолько высоко он поднялся, чтобы обнажить против них меч. Но согласятся ли фоанны?

— Если не фоанны, то люди в их одежде, — медленно сказал Эш.

— Другие в такой одежде, — повторил Торгул, нахмурившись. — Никто не согласится одеться фоанной: его за это уничтожит их сила. Если фоанны сами поведут нас, мы пойдем с радостью, зная, что их волшебство с нами.

— Вот еще что, — вмешался Росс. — Теперь у лысых ранцы, которые они отобрали у Локета и Балеку, у них и сам Локет. Они хотят больше узнать о нас. Мы надеялись, что цитадель привлечет их, послужит приманкой, так и получилось. Но наш план захватить их здесь провалился. Я уверен, что если лысые узнают о нашем приближении, они не станут сразу нападать на нас, понадеются захватить нас невредимыми. Они пойдут на такой риск.

Эш кивнул:

— Согласен. Мы и есть то неизвестное, о котором им необходимо все выяснить. И я уверен — будущее этой планеты и всех ее жителей теперь зависит от нашего выбора. Надеюсь, что мы сделаем правильный выбор.

Торгул скупо улыбнулся.

— Мы живем в опасное время: тени требуют наши мечи, чтобы выступить против Тьмы!

Глава 18

ИЗМЕНИТСЯ ЛИ БУДУЩЕЕ?

День был облачный, как и все остальные с того времени, как они начали незаметное проникновение в горную местность. Росс не мог согласиться с мыслью о том, что фоанны действительно могут распоряжаться ветром и волной, бурей и солнцем, как верили все гавайкийцы, но до сих пор погода им благоприятствовала. И теперь они достигли пункта, за которым начинается самое сердце вражеской территории. Относительно дальнейшего пути у Росса были собственные соображения. И он не собирался делиться ими ни с Эшем, ни с Карарой. Но той, что ждала его, ему придется все рассказать.

— Ты не изменил своего решения, младший брат?

Он не повернул головы, чтобы взглянуть на фигуру в плаще.

— Не изменил! — В этом Росс был тверд.

Землянин попятился из укрытия, из которого наблюдал за каньонообразной долиной, где находился корабль лысых. Потом встал на ноги и оказался лицом к лицу с Инлан. Его собственный плащ развеялся на ветру, обнажая пластинчатые доспехи пиратов под ним.

— Можешь сделать это для меня? — спросил он в свою очередь. В последние дни фоанны не раз говорили, что странная битва в крепости истощила их силы и

ограничила возможности «волшебства». Прошлым вечером они обнаружили впереди силовой барьер, и телепортировать через него весь отряд было невозможно.

— Да, но только для тебя одного. Потом на какое-то время мой жезл лишится силы. Но что ты сможешь сделать в их крепости? Ты станешь их легкой добычей.

— Там не может оставаться их слишком много. Корабль небольшой. Пятерых они потеряли в крепости, еще троих взяли в плен пираты. Не видно разведочного корабля, который, как мы знаем, у них есть. Значит, на нем улетело несколько человек. Я не встречусь с целой армией. А их оружие, вероятно, питается от установки на корабле. Тут можно нанести большой ущерб. И даже если корабль поднимется... — Он не знал, что в таком случае сможет сделать: дальше все зависело от импровизации, от решений, принятых в последний момент.

— Ты собираешься отправить корабль?

— Не знаю, возможно ли это? Нет, вероятно, я смогу только отвлечь их внимание, снять силовое поле, чтобы могли напасть остальные.

Росс знал, что должен сделать это. Он не может оставаться простым зрителем. Чтобы сохраниться как Росс Мердок, он должен быть актером.

Фоанна не стала с ним спорить. «Куда?..» Ее длинный рукав развевался, когда она указала на каньон. Все небо затянули тучи, но в каньоне светло... слишком светло, чтобы он мог незамеченным добраться до корабля. Идти туда означает верную гибель.

Но у Росса была другая, гораздо более многообещающая идея. Фоанны переместили их всех на палубу корабля пиратов, попросив мысленно представить ее себе. А внешне корабль лысых, стоящий перед ними, был точной копией того, в котором Росс совершил фантастическое путешествие по давно исчезнувшей звездной империи. А такой корабль он знает!

— Ты можешь перенести меня на корабль?

— Если ты его хорошо помнишь — да. Но откуда ты знаешь о таких кораблях?

— Я провел на одном таком много дней. Если они одинаковы, я его хорошо знаю.

— Но если они неодинаковы, попытка может погубить тебя.

Пришлось принять это предупреждение. Но внешне это все же точная копия. А еще он исследовал разбитый корабль на родной планете за тысячи лет до того, как возникла его собственная раса. И на обоих кораблях было помещение, абсолютно идентичное — если не считать размеров, и именно это помещение лучше всего подходит для его целей.

— Отправь меня — туда!

Закрыв глаза, Росс представил себе рубку управления. Сиденья, которые, в сущности, не сиденья, а подвешенные перед рядами кнопок и рычагов сетки; установки, за которыми он наблюдал, пока они не стали ему знакомы, как потолок каюты над койкой, где он спал. Воспоминания очень яркие. Он почувствовал прикосновение прохладных пальцев фоанны к своему лбу. Открыл глаза.

Нет ветра и сумрака, он стоит непосредственно за пилотским креслом лицом к экрану и рядам приборов, как стоял много раз в брошенном галактическом корабле. Получилось! Он в рубке управления космического корабля. И он жив — слышит слабое гудение в воздухе, видит игру огоньков на контрольном щите.

Росс натянул на голову капюшон плаща фоанны. Он приучил себя к этой одежде, но иногда она все же мешала, а не помогала. Медленно повернулся. В помещении лысых нет, но дверь, ведущая в колодец на нижние уровни, открыта, и из нее слышны негромкие звуки. Корабль не пуст.

Не первый раз с начала этого необычного приключения Росс пожалел об ограниченности своей инфор-

мации. Несомненно, кнопки перед ним управляют установками, которые очень помогли бы ему. Но какие именно кнопки, он не знает. Однажды в такой же каюте он привел в действие молчащие установки и тем самым привлек внимание лысых к разбитому кораблю, который исследовали русские. И лишь случайно месть лысых обрушилась только на станции красных, а не на его товарищей.

Теперь он не станет касаться кнопок, но вот эти приборы, с одной стороны, каким-то образом связаны с обстановкой внутри корабля, и они его искушали. Однако действовать вслепую — слишком рискованно. Пора предпринять необходимые предосторожности.

Из очень знакомого ящика рядом с креслом пилота Росс достал несколько маршрутных дисков, торопливо просмотрел их в поисках такого, на котором были бы знакомые символы. Нашел только один такой диск. Положив остальные назад в ящик, Росс нажал кнопку на контрольном щите.

И снова его догадка подтвердилась! Из узкой прорези выскользнул еще один диск. Росс извлек его и положил на его место тот, что отобрал. Теперь, если его выбор правилен, корабль, при условии, конечно, что экипаж не проведет проверки, после взлета направится не на базу, а на другую примитивную планету. И, может, недостаток топлива приведет к тому, что корабль навсегда останется там. Он не может вывести корабль из строя, но это лучший способ добиться того, чтобы враг не вернулся с подкреплениями.

Найденный диск Росс сунул в карман, чтобы уничтожить его при первой же возможности. Потом осторожно прошелся по каюте, заглянул в колодец и прислушался.

Стены испускали рассеянный свет. Сверху землянину видны были по меньшей мере четыре уровня. Нижние два отведены под продовольствие и другие запасы.

Потом помещение, где двигатели, над ним технические лаборатории, и непосредственно под рубкой управления — каюты экипажа.

Через стены корабля тело его ощущало вибрацию — это работают двигатели. Один из них приводит в действие силовое поле, окружившее корабль, а может, и оружие захватчиков.

Росс повернулся, широко взмахнув плащом фоанн. Есть прибор, который он хорошо знает. Да, доска ему знакома. Руки его устремились к ней, рычаг был передвинут в своей прорези, поставлен в крайнее положение. Росс прижался к стене. Тот, кто поднимется по колодцу, чтобы проверить, в чем причина отказа, будет смотреть в другую сторону. Росс чуть присел, далеко на плечи откинув капюшон, чтобы освободить руки. В его позе была кошачья грация, он напоминал дикую кошку, приготовившуюся броситься на добычу.

Внизу послышался какой-то возглас, стук ног на кольцах лестницы. Губы Росса раздвинулись в злобной улыбке. Он был уверен, что получится! Космонавты всегда очень чувствительны к нарушениям в подаче воздуха.

Белая голова, совершенно лишенная волос, худые плечи, слегка согнутые под лавандово-синим костюмом... Голова повернута таким образом, чтобы видеть нужный рычаг. Чужак испустил восклицание и...

Но ему так и не удалось завершить поворот и оглянуться. Росс прыгнул и ударил ребром ладони. Безвольная голова дернулась вперед. Руки Росса уже ухватили безвольное тело, землянин поднял чужака и бросил на стол контрольной рубки. И уже собрался связывать его, как обнаружил, что лысый мертв. Удар, который должен был оглушить чужака, оказался слишком силен. Чуть запыхавшись, Росс сунул тело в кресло пилота и закрепил ремнями. Одним меньше — сколько же осталось?

Но времени думать об этом у него не было, потому что прежде чем он смог добраться до колодца, снизу

послышался крик, резкий и требовательный. Землянин обыскал свою жертву, но лысый был безоружным.

Снова крик. Молчание — слишком полное. Как они могли так быстро догадаться? Может, сработала умственная связь лысых... они, возможно, уже знают, что их товарищ мертв.

Но не знают, как он умер. Росс готов был признать необычные способности лысых, но не мог себе представить, как они могли бы узнать, что произошло в рубке. Подозревают опасность, но не знают, какая она. И рано или поздно кто-нибудь из них снова поднимется, чтобы передвинуть рычаг. Кто кого переждет.

Росс присел на краю колодца, стараясь расслышать малейшие звуки и по ним догадаться, что происходит внизу. Показалось ли ему или действительно ритм вибрации изменился? Он прижал ладони к полу. Но у него нет уверенности. Какое-то изменение все же произошло.

Вряд ли они могут долго ждать, не изменяя регулировку поступления воздуха. Снова Россу мешает недостаток информации. Возможно, лысым нужно меньше кислорода, чем людям. И если это так, то в игре выживания Росс пострадает раньше всех. Но воздух не единственное, что он может перекрыть отсюда, хотя он и пришел ему в голову первым. Росс колебался. Обоюдоострое оружие может ранить обе стороны. Но он должен вынудить их действовать. Он передвинул еще один рычаг. Рубка управления и весь корабль погрузились во тьму.

На этот раз снизу не донеслось ни звука. Росс представил себе знакомые помещения корабля. Ниже двумя уровнями помещение для двигателей. Может ли он незаметно спуститься туда? Есть только один способ проверить — попытаться!

Он закутался в плащ фоанны и уже спустился на несколько колец, когда стены снова осветились. Запас-

ное освещение? Росс бросился в один из радиальных боковых коридоров. Овальные двери вдоль него были все закрыты. За ними ни звука. Но вибрация корабля усилилась.

Теперь землянин понял, что совершил глупость. Тут он в ловушке — гораздо более опасной, чем в рубке управления. Выход только один — вверх или вниз по лестнице, и враг, наверно, за лестницей наблюдает. И лысым нужно только пустить в ход огненный луч или парализатор, такой, какой они применили несколько дней назад к Эшу.

Росс двинулся по коридору. Сзади, со стороны лестницы, негромкий звук, легкий звук шагов. Кто-то поднимается. Может, его обнаружили телепатически, по излучаемым мыслям поняли, что на борту чужой? Но лысые побаиваются фоанн и захотят захватить одну из них живьем. Росс закутался в плащ, постарался полностью скрыть свою фигуру, как это делают подлинные хозяева плаща.

Но тот, кто с трудом поднимался по лестнице, оказался не лысым. Показались худые руки гавайкийца, худое лицо, изможденное, осунувшееся, совершенно лишенное всякого выражения — Локет! Под таким же ужасным заклятием, что и воины во дворе крепости. Может, чужаки используют гавайкийца в качестве щита и движутся за ним?

Локет повернул голову, его пустой взгляд устремился к Россу. В глубине его глаз что-то дрогнуло, появилась искра узнавания. Гавайкиец умоляюще протянул руку и опустил на колени.

— Великая! Великая! — Слова со свистом выходили из его рта. Тело расслабилось, он лег лицом вниз, ноги задержались, как будто он хотел убежать, но не мог.

— Фоанна! — Это слово, казалось, произнесли сами стены.

— Фоанна... Мудрая знает, что перед ней, когда одна идет во тьме. — Гавайкиец говорил с трудом, с каким-то странным акцентом, но слова его были понятны.

Росс стоял неподвижно. Может, они видят его глазами Локета? Или просто услышали его возглас? Они считают его фоанной. Что ж, он сыграет эту роль.

— Фоанна! — На этот раз резче, требовательней. — Ты в наших руках. Нам достаточно щелкнуть пальцами, и тебя не будет.

Росс вспомнил, что пела Карара в храме фоанн — не полинезийские слова, а английские, когда она переводила. Подражая голосом фоанне, Росс запел:

— Вы, сорок тысяч богов, Вы, боги моря, неба — и звезд, — импровизировал он. — Вы, старшие боги, Вы, боги, бывшие некогда, Вы, что шепчете, что смотрите из ночи, Вы, чьи глаза сверкают.

— Фоанна! — В призыве звучало нетерпение. — Твои трюки не сдвинут наши горы!

— Вы, боги гор, — ответил Росс, — боги долин и теней, но не Тьмы, — он ввел и верования этого мира. — Идите в этот мир меж звездами! — Уверенность его росла. Теперь нет необходимости оставаться закрытым в коридоре. Он должен использовать шанс: они не решатся сразу убить фоанну.

Росс направился к колодцу, медленно спустился по лестнице, продолжая кутаться в плащ. На следующем уровне у входа больше простора и три дверные панели. За одной из них те, кого он ищет. Его охватила странная уверенность, вера в себя, как будто плащ придал ему силы, приписываемые фоаннам.

Он нажал на дверь справа от себя, распахнул ее и вошел, словно имел на это право.

Перед ним трое лысых. На взгляд землянина, они совершенно одинаковы, но у того, что сидел в центре, на лице отражалось холодное высокомерие, безжалостная полуулыбка, и Росс пристально посмотрел на не-

го. Землянин тосковал по жезлу фоанны и способности пустить его в ход. Если бы он мог применить энергию жезла, он подавил бы сопротивление лысых. Но теперь на него нацелены две парализующие трубки.

— Ты пришла к нам, фоанна. Что ты можешь предложить? — спросил капитан, если действительно таков был его ранг.

— Предложить? — Росс впервые заговорил. — Фоанне незачем предлагать что-либо, убийца женщин и детей. Возможно, вы пришли со звезд, чтобы брать, но это не значит, что мы собираемся отдавать.

Он теперь ощущал попытку вмешательства в мозг, попытку подавить его волю — вероятно, самое хитрое их оружие. Однажды они почти подчинили его себе, но тогда на нем была их одежда, космический костюм, взятый с разбитого корабля. Теперь только упрямая независимость и стремление оставаться самим собой дают ему возможность сопротивляться невидимому влиянию.

— Мы предлагаем тебе жизнь, фоанна, свободу звезд. Ничтожества, живущие на этой планете, ничто для тебя, зачем тебе поднимать оружие в их защиту? Ты не из их расы.

— Вы тоже! — Руки Росса под плащом двинулись, расстегивая две скрытые пряжки. Приборы перед креслом капитана — вывести их из строя. И он рассчитывает на Инлан. Теперь пираты уже собрались у входа в каньон, ожидая, когда откажет силовое поле и они смогут пройти.

Росс напрягся, приготовившись к действиям.

— У нас кое-что есть для вас, люди со звезд, — он старался словами отвлечь их внимание, — вы еще не знаете силы фоанн... они умеют распоряжаться ветром и волной. Они могут в мгновение ока перемещаться в пространстве. И еще это — смотрите!

Старейший в мире трюк, возможно, на любой планете. Но именно из-за его древности, вероятно, лысые

о нем забыли. Потому что, когда Росс указал, все они одновременно повернули головы.

Он взлетел в воздух, плащ разлетелся, как крылья летучей мыши. И ударился о приборы управления. Росс пытался давлением тела одновременно прижать как можно больше кнопок и ручек. Он не мог знать, добьется ли этим своей цели. Но знал, что у него всего несколько секунд, и был намерен использовать их как можно лучше.

Один из лысых упал на пол, второй наносил ему слабые неэффективные удары. Но третий высвободился и извлек парализатор. Росс развернулся, увлекая за собой чужака, который в этот момент выстрелил. И хоть чужак обмяк и повис в хватке Росса, рука самого землянина отяжелела и повисла, грудь онемела и голова упала, словно на нее обрушился удар пиратского топора. Росс покачнулся и упал, левая рука его при этом продолжала ломать приборы. И вот он лежит на полу и видит рядом с собой искаженное лицо капитана, и парализатор нацелен ему в живот.

Каждый вдох доставлял мучительную боль. Красный туман заполнил мир. Боль... Росс пытался уйти от нее, но она не отпускала. И боль все усиливалась.

— От... пус... ти... — Он хотел выкрикнуть это. А может, и крикнул, но его продолжало придавливать к полу. Потом он заставил себя открыть глаза. Эш... Эш и одна из фоанн склонились к нему. Эш руками нажимает ему на грудь, отпускает, снова нажимает.

— Хорошо... — Он узнал голос Инвалды. Руки ее легко легли ему на лоб, и при этом прикосновении Росс снова овладел своим телом, почувствовал прилив энергии, как и тогда, в начале странного танца.

— Как?... — начал он и тут же поправился: — Где?... — Потому что он находился не в двигательном отделении корабля. Он лежит под открытым небом, ожившие лег-

кие заполняет сладкий, пропитанный дождевой влагой воздух; легкие теперь работают без помощи Эша.

— Все кончено, — сказал ему Эш. — Все конечно — пока.

Но только когда солнце несколько часов спустя осветило дно каньона и собрался совет, Росс узнал все подробности. Точно так же как он запланировал проникновение на космический корабль, свою попытку предприняли Эш, Карара и дельфины. Река, глубоко ушедшая в горы, дала возможность приблизиться дельфинам, и они проплыли под силовым полем, которое у поверхности воды кончалось.

— Лысые были настолько убеждены в своем преимуществе на этой примитивной планете, что, кроме силового поля, никакой охраны не выставили, — объяснил Эш. — Мы проплыли к кораблю. И тут, благодаря тебе, отключилось силовое поле.

— Так что я все-таки немного помог. — Росс сухо улыбнулся. Но он не жалел о своей попытке. То, что он предпринял это в одиночку и добился своего, уменьшало боль. Он смотрел на Эша и вспоминал, как было когда-то. Эш может быть — всегда будет — его другом, но старое партнерство в Проекте осталось позади, исчезло, словно ворота времени.

— А что вы будете делать с ними? — Росс кивнул в сторону пленных, троих с корабля, еще двоих с меньшего разведочного шара, который прилетел домой и попал в руки ожидающих врагов.

— Подождем, — ответила Инвалда, — пока соберутся пираты с кораблей. По нашим законам, они заслуживают смерти.

Пираты, присутствовавшие на совете, энергично кивнули, все, кроме Торгула и Джазии. Первой заговорила женщина с пиратского острова.

— На них лежит Проклятие Путки. Жить под этим проклятием хуже быстрой смерти. Послушайте, я счи-

таю, что лучше позволить им унести это проклятие к тем, кто их послал...

Теперь кивнули фоанны.

— Достаточно убийств, — сказала Инлан. — Нет, воины, мы говорим это не потому, что хотим спасти их от справедливого наказания. Но Джазиа сказала правду. Пусть улетают. Может, они сумеют убедить своих предводителей, что наш мир не похож на спелую квайу, которую легко сжать и съесть с семенами. Вы верите в свои обычаи, пираты, пусть же плоды одного из них вырастут среди звезд!

Росс подумал, стоит ли рассказать о подменном диске. Нет, он не верит, что проклятие пиратов подействует на предводителей звездных людей. Но если захватчики не вернутся на базу, их исчезновение может помешать новой экспедиции на Гавайку. А если дать время, подействует и проклятие...

Так и было решено.

— Мы победили? — спросил позже Росс у Эша.

— Ты хочешь спросить, изменили ли мы будущее? Кто может ответить? Они могут вернуться с подкреплениями. Эти пилоны по-прежнему могут стоять в будущем над пустым морем и землей. Вероятно, мы сами никогда не узнаем.

И это тоже правда. И для них судьба подменила диски, и теперь их настоящее — это Гавайка. Росс Мердок, Гордон Эш, Карара Трехерн, Тино-рау, Тауа — пятеро землян навсегда затерялись во времени, и будущее их туманно. Неужели этот мир станет пустым и лишенным жизни или превратится во что-то другое? Да — или нет? Они нашли ключ к загадкам времени, но не могут повернуть его, а ключа к закрывшимся за ними воротам у них нет. Они заключены во времени. Росс огляделся. Да, зато есть настоящее, но и оно может принести удовлетворение...

Содержание

ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ	5
БРОШЕННЫЙ КОРАБЛЬ	223
ПОСЛАНЦЫ НЕ СДАЮТСЯ!	405
КЛЮЧ ИЗ ГЛУБИН ВРЕМЕНИ	591

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон

ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ

Ответственный редактор *Е. Березина*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Г. Романова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *М. Козлова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша

арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 26.02.2014.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «NewtonCTT».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,32.
Тираж 3100 экз. Заказ № 5211.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-70517-7

9 785699 705177 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24А.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3А.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

УДК 62
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вся
НОРТОН

**ТОРГОВЦЫ
ВО
ВРЕМЕНИ**

ISBN 978-5-699-70517-7

9 785699 705177 >

ЭКСМО